

A photograph of a forest with tall, thin trees and dense green foliage. The ground is covered in grass and small white flowers. The lighting is bright, suggesting a sunny day.

А.Н.Сорокин

Мезолитоведение

Павья

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

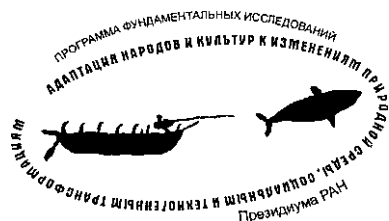
А.Н. СОРОКИН

Мезолитоведение Поочья

Москва 2008

Ответственный редактор:
профессор, доктор исторических наук Н.Б. Леонова

Официальные рецензенты:
доктор исторических наук С.В. Ошибкина
кандидат исторических наук В.В. Сидоров

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Проект 1.5: «Пионеры Европейской России на переломе эпох».

В монографии предпринята попытка выделения мезолитоведения в качестве самостоятельного раздела археологии. Проведено теоретическое осмысление достижений и неудач в изучении эпохи мезолита. Получили свою фундаментальную разработку методы и пути решения многих спорных вопросов современного мезолитоведения. Затронут ключевой вопрос о допустимости веры выводам исследователей без постижения важной этической проблемы — способов их добычи.

Много внимания уделено ревизии современной археологической источниковедческой базы и методов естественнонаучного датирования. На этой основе предлагается скорректированная и обновленная характеристика «бутовской», култинской и пургасовской мезолитических культур, памятники которых в бассейне Оки избраны в качестве исследовательского полигона. Рисунки иллюстрируют артефакты наиболее выразительных стоянок каждой из культур Поочья, известных ныне на его территории.

Для мезолитоведов, археологов-теоретиков, археологов-практиков и студентов исторических факультетов, краеведов и всех любителей отечественной археологии.

«Завоеывая царство исторической мысли, индустриальная система породила выдающихся стратегов и, победив, добыла немалые трофеи. Однако вдумчивый наблюдатель вправе усомниться в масштабах достигнутого, а сама победа может показаться заблуждением, родившимся из ложной аналогии».
А. Тойнби, 2006, с. 19

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1: История изучения мезолита Окского бассейна	10
Глава 2: Критика археологических источников	69
<i>Стратиграфия и некоторые особенности памятников зандровой зоны</i>	70
<i>Методика полевого исследования мезолитических стоянок зандровой зоны</i>	72
<i>Критика археологических источников</i>	74
«Болотные поселения»	83
Глава 3: Синкретизм археологических источников	102
Глава 4: Проблема финального палеолита	111
<i>Источниковедческая база</i>	111
<i>Проблема естественнонаучного датирования</i>	116
<i>Адаптационная модель и археологическая реконструкция</i>	128
Глава 5: Мезолит бассейна Оки	146
«Бутовская культура»	146
<i>Култинская культура</i>	163
<i>Пургасовская культура</i>	169
Глава 6: «Неолитизация» сквозь призму седиментации	176
Глава 7: Проблема культурогенеза	190
Заключение	196
Список литературы	203
Список сокращений	240
Архивные материалы	241
Альбом иллюстраций	265

ВВЕДЕНИЕ

Мезолиту в качестве эпохи не повезло. Если «эпохальность» палеолита и неолита ни у кого сомнения не вызывает, то уже в самом названии мезолита — «средний каменный век» — скрыта его переходность, половинчатость и известная зыбкость. Можно назвать значительное число исследователей, не признающих этого понятия, и даже научных школ, где этот термин до сих пор отсутствует. В этой связи особенно показателен тот факт, что нет его и в перечне тем I (XVII) Всероссийского археологического съезда, состоявшегося в 2006 г. в Новосибирске. Не значится он и в списке направлений II (XVIII) Всероссийского археологического съезда, планируемого на октябрь 2008 г. уже на территории Центральной России. Там, где изучение эпохи мезолита имеет давние традиции и до сих пор представлено солидным числом исследователей. Несмотря на это, полагаю, что недостаточная признанность какого-либо явления еще не означает его реального отсутствия или незначительности. Напротив, это обстоятельство пробуждает интерес к нему и желание осмыслить. Ибо, как кажется, интерес гаснет там, где все понятно.

Из трех эпох каменного века — палеолита, мезолита и неолита — лишь первая, пожалуй, вызывает наименьшие возражения и вопросы. Более того, присутствие «палеолитоведения» в качестве самостоятельного направления кажется чем-то давно решенным и очевидным. На этом фоне «неолитоведение» выглядит практически нереализованным, ибо даже терминологически оно пока не обозначено в отечественной литературе.

Вместе с тем понятие «палеолитоведение» возникло далеко не сразу, и появление этого термина имеет свою историю. Прежде всего, следует отметить, что если изучение памятни-

ков палеолита началось еще с XVIII в., а сам термин «палеолит» был введен Д. Леббоком в 1865 г., то рождение понятия «палеолитоведение» относится к закату XX в. (*Деревянко и др., 1994; Леонова Н., 1994*). Значит, не должна удивлять разведенность мезолита и мезолитоведения, неолита и неолитоведения. Всему, как говорят, свое время.

Выделение мезолитоведения в качестве самостоятельного исследовательского направления — явление состоявшееся (*Сорокин, 2006д*), вне зависимости от нежелания или сопротивления отдельных исследователей и представителей тех или иных научных школ. А свершившееся — это уже научный факт и с ним следует считаться как с объективной реальностью. Значит, мезолитоведение может быть отдельным феноменом со своими, присущими только ему свойствами, особенностями, спецификой и методами исследования. Означает ли это, что различия с палеолитоведением или неолитоведением будут радикальными. Совершенно нет, как не означает и того, что таких различий не будет совершенно. Убежден, что исследования в этом направлении позволят достичь ясности и в этом вопросе.

Разумеется, и палеолитоведение не может сводиться лишь к истории изучения памятников соответствующего времени или выдающимся открытиям, имевшим место в мире. И основу этого понятия составляют, прежде всего, сами источники, а не только способы их изучения или их геологический контекст (*Деревянко и др., 1994*). Геологический масштаб несопоставим с длительностью формирования культурных слоев и даже процессом тафономизации останков. Вот почему ныне модное понятие «гео-археологический объект» (*Медведев, Воробьева, 1989, 1993; Медве-*

дев и др., 1996; Генералов, 2000) — это скорее своеобразный уход от проблемы генезиса археологического источника, чем реальная попытка его решения. Тем более, он не учитывает специфику памятников конкретного археологического периода, называемого мезолит.

С учетом имеющегося опыта, означает ли, что в мезолитоведении уже все понятно, открыто и им не следует заниматься? Совсем нет. При всем том, что уже многое сделано, мезолитоведение — еще очень молодая наука. Вот почему в ней как ни в одной другой области каменного века столько нерешенного и дискуссионного. Это обязывает обсуждать ее проблемы с удвоенной энергией. Разумеется, автор далек от мысли не только все их решить, но даже поставить, ибо, как говорил еще Козьма Прутков «Никто не обнимет необъятного!» (*Прутков, 1983, с. 91*). Тем не менее, кому-то надо не только начинать, но продолжать, развивать и углублять. Ведь именно в этом смысл научного познания. И любая стартовая точка покоится на базисе предшествующих изысканий. Этот опыт надо знать и использовать, чтобы, отталкиваясь от него, не повторяться и не топтаться на месте.

Традиционно считается, что археологические источники для изучения эпохи мезолита менее выразительны, чем палеолитические или неолитические. Однако это далеко не так, хотя они, без сомнения, и обладают рядом черт, придающих им своеобразие. Это своеобразие проявлялось как в ходе их формирования, так в структуре и последующей «постпозиционной жизни». Не исключая, что и «выпадение» понятия мезолит из ряда нынешних периодизаций объясняется как раз этим. Однако категорически не могу согласиться с тем, что замалчивание снимает саму проблему. Она остается.

Основы современного мезолитоведения были заложены классиком британской школы Г. Кларком и отечественными исследователями М.В. Воеводским и А.А. Формозовым в 1930-1970-е гг. Однако в их работах уделялось преимущественное внимание проблемам теоретического обоснования мезолита как эпохи (*Clark, 1936; 1975; 1980; Воеводский, 1950;*

Формозов, 1959, 1977). В ходе реализации данной темы, помимо общей характеристики источниковедческой базы мезолита Оки, проведено рассмотрение источниковедческих основ мезолитоведения. Актуальность темы определяется, следовательно, малочисленностью или даже отсутствием монографических исследований по предлагаемой проблематике.

Несмотря на длительную историю исследования мезолитических стоянок бассейна Оки, единственное монографическое исследование, специально посвященное данной эпохе, написано автором и издано в 2006 г. Однако затрагивает оно всего лишь одну проблему — культурных различий. Вместе с тем остается еще множество других. Не имеют пока своего фундаментального теоретического обоснования, хотя и разрабатываются в последние годы, в том числе и при участии автора, проблемы своеобразия и генезиса мезолитических источников, определение их возможностей и интерпретационных ограничений, сходства и отличия от памятников других эпох каменного века и т. д. Убежден, однако, что основанием любой теории и способом ее проверки является все же конкретный археологический материал. Вот почему «почвой» (основой) данной работы служит, главным образом, источниковедческая база мезолита Поочья. Избрание в качестве полигона мезолитических стоянок бассейна р. Оки определяется рядом обстоятельств. Среди важнейших из них следует назвать сравнительную полноту исследования, многочисленность и разнообразие памятников, длительную, более чем 100-летнюю историю их изучения. Немаловажно и то, что географические и культурно-исторические особенности этого региона таковы, что могут служить своеобразной моделью процессов, протекавших в мезолите на всей огромной территории Европейских зандровых низменностей. Как в капле воды отражается все многообразие водной материи, так и в окских материалах проступают глобальные феномены, хотя это общее и переплетается с особенным, часто растворяется в нем, делается слабо различимым. Причем становится это понятным

далеко не сразу. Увидеть закономерности за единичными и своеобразными признаками — задача далеко не простая. Вместе с тем приложенные усилия не напрасны, ибо сама попытка их решения вне зависимости от конечного результата — это уже действие.

Разумеется, в качестве полигона может быть избран любой участок, и любой автор вправе выбирать то, что ему наиболее интересно. Сказанное абсолютно не означает, что исследование будет ограничено лишь рамками одного водного бассейна, даже такого обширного, как Поочье, ибо без всего того, что его окружает, невозможно понять ни самой специфики, ни колорита, ни элементов похожести. И все же, наблюдая малое, важнее всего за конкретными наблюдениями увидеть те механизмы и свойства, которые служат проявлением общих закономерностей. Их ясное понимание позволит впоследствии экстраполировать познанное на другие регионы, включить их в единую «цепь» причинно-следственных связей, соизмерить общее и особенное. Это и обеспечит в конечном итоге решение и частных, и общих проблем мезолитоведения. Попытку в этом направлении и представляет собой данная работа.

Археологический материал служит источником, на основании которого делаются как конкретные заключения о типе памятника, планиграфии, культурных и хронологических различиях артефактов, так и выводы об образе жизни населения, специфике его поведения и адаптационных механизмов в изменяющемся мире. В ряде случаев приходится, однако, сталкиваться с тем, что предлагаемые реконструкции оторваны от реалий. Полагаю, что вернуться к основам позволяет, прежде всего, критика источника. Источниковедческая критика свидетельствует, что немаловажную роль в судьбе археологических источников играют, как объективные — глобальные природные процессы, так и многочисленные субъективные факторы. Важнейшими среди последних являются способы полевого изучения источников, средства записи информации, условия хранения коллекций и документации.

Вопросы культурного разнообразия мезолитических стоянок Окского бассейна разрабатывались ранее. Эти сведения были систематизированы в недавно вышедшей монографии автора (*Сорокин, 2006г*). В процессе дальнейшей работы эта проблема получила свое дальнейшее развитие, а характеристика мезолитических культур региона была уточнена, частично пересмотрена, дополнена и детализирована. Кроме того, было уделено значительно большее внимание теоретическим аспектам глобальных проблем мезолитоведения.

Совокупность археологических и естественнонаучных данных и методик, имеющих в распоряжении, позволяет сделать предварительный вывод о проявлении общих закономерностей в механизме образования, сохранности и специфике позднеплейстоценовых и голоценовых памятников, а также подойти к определению факторов, влияющих на изменение их пространственной структуры, и устанавливать роль в этом почвенных процессов. Дальнейшая разработка методики различения культурных и природных факторов генезиса синкретических материалов, то есть различения феноменов аккультурации и натурации представляет первостепенный интерес.

По-прежнему актуальна разработка вопросов мезолитоведения Окского бассейна для ряда ключевых проблем, касающихся характера и особенностей культурных слоев мезолитических памятников, влияния природных процессов на их генезис и постпозиционную структуру. Не менее актуален анализ интерпретационных возможностей и естественных ограничений источников в зависимости от их сохранности, роли методик полевого исследования и состояния отчетной документации. Представляют интерес и конкретные вопросы мезолитоведения Поочья, особенно пограничных отрезков эпохи, прежде всего рубежа палеолита — мезолита и облика финальнопалеолитических памятников региона, а также рубежа мезолита — неолита и этапа «перехода» от одного к другому. Несмотря на то, что им посвящена уже достаточная литература, ясности по-прежнему нет. Все эти проблемы в той или

иной мере также предполагаются к рассмотрению. Разумеется, наивно полагать, что они будут освещены в равной мере или даже затронуты в одинаковой степени. Тем не менее, уверен, что последовательное изложение и части из них небесполезно.

Исток р. Оки находится на территории Орловской области, а ее устье — в Нижегородской области. Ока является самым крупным притоком главной русской реки Волги. Окский бассейн, иначе: Поочье — располагается на территории 14 субъектов Российской Федерации. Среди них Владимирская, Ивановская, Калужская, Московская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тульская и Ярославская области, Москва и Республика Мордовия (рис. 1, 2). Протяженность реки составляет свыше 1500 км, а общая площадь бассейна 245000 кв. км, что ненамного меньше территории всей Польши и превышает размеры Беларуси.

Изучение мезолитических стоянок в бассейне р. Оки начинается с конца XIX века. Всего к настоящему времени в Окском бассейне по уточненным данным зафиксировано 673 памятника (Сорокин, 2006г). Еще совсем недавно считалось, что их общее число составляет не более 500, причем это количество ассоциировалось со всем Волго-Окским бассейном. Это разительно контрастирует с тем, что реально удалось собрать автору в результате практической работы над источниковедением мезолита бассейна р. Оки.

Развитие представлений о мезолите Поочья прошло длительный путь, который начинается с момента накопления первых сведений, их последующей систематизации и выделения М.В. Воеводским особой свидерской стадии в эпипалеолите Восточной Европы. Дальнейшее расширение источниковедческой базы привело сначала к отказу от стадияльной концепции и включению известных памятников в единую волго-окскую мезолитическую культуру (М.В. Воеводский, А.А. Формозов), а позднее — к ее упразднению и выделению в Волго-Окском бассейне нескольких локальных

археологических культур (Л.В. Кольцов). До последнего времени в Окском бассейне насчитывалось не менее пяти культур эпохи мезолита (бутовская, иеневская, култинская, пургасовская и рессетинская). Две первых из них были выделены Л.В. Кольцовым (Кольцов, Крайнов, 1978, 1983; Кольцов, 1989), а оставшиеся три — рессетинская, пургасовская и култинская — автором (Сорокин, 1989, 1990, 2004, 2006г). Проблемам их характеристики, специфики и сравнительного анализа была посвящена монография, вышедшая в 2006 г. Ее рукопись была в основном завершена в 2003 г. — в год 125-летия со дня открытия первой мезолитической стоянки в бассейне р. Оки. Несмотря на данное обстоятельство, фактически это было первое монографическое издание по заявленной проблематике. Однако было бы неверно полагать, что в этой книге были решены и сняты все вопросы, связанные с мезолитоведением Окского бассейна и даже с каждой из конкретных культур. Данное исследование служит ее продолжением, где, в частности, подвергнуты ревизии ряд ранее высказанных автором положений. Прежде всего, это касается проблемы культурного межевания Окского мезолита и состояния его источниковедческой базы. Немаловажно и предлагаемое решение вопроса о памятниках финального палеолита региона. В результате ревизии пересмотрен возраст рессетинской и иеневской культур и предложено считать мезолитическими лишь три культуры — бутовскую, култинскую и пургасовскую.

Дискуссия 1950-1970-х гг. по теории «археологической культуры» показала необходимость дифференцированного подхода к этому понятию и пониманию своеобразия его содержания для каждой из археологических эпох. Она неизбежно отразилась и на нынешних представлениях. Естественно, что с учетом накопленного опыта проблема культурогенеза тоже нашла свое отражение в этой работе, ибо от того, с каких позиций подходить к ее решению, зависит сам конечный результат. Это вновь заставило обратиться к проверке гипотез

тезы «сложения» археологических культур (*Кольцов, 1979*). Несмотря на то, что с некоторых пор подобный механизм культурогенеза рассматривается как стандартный, есть серьезные сомнения в его объективности (*Сорокин, 2006а*).

Для определения основ мезолитоведения Окского бассейна требуется рассмотреть целый ряд вопросов. Среди них — история изучения эпохи мезолита в регионе, состояние источниковедческой базы, состояние финально-палеолитического феномена, проблема культурных различий и другие. Учитывая нынешнее состояние мезолитоведения, не следует рассматривать данное издание в качестве законченного произведения, а тем более учеб-

ника. Это всего лишь несколько очерков, собранных под одной обложкой и имеющих целью систематизировать, прежде всего, мои собственные представления о вопросе и привлечь внимание к назревшей проблеме. Это своего рода — введение в мезолитоведение. Если работа будет иметь резонанс, цель, которая стояла перед ее автором, может считаться достигнутой.

И полевые изыскания, и развитие взглядов на мезолитоведение Поочья имеют свою историю, без которой не было бы ни нынешней источниковедческой базы, ни современных теоретических представлений. Следовательно, оба этих вопроса и предстоит, прежде всего, рассмотреть.

ГЛАВА 1: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТА ОКСКОГО БАССЕЙНА

«Не позволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; ...хотел представить и характер Времени и характер Летописцев: ибо одно казалось мне ненужным без другого...»

Н. Карамзин, с. 19

История изучения мезолитических памятников бассейна р. Оки начинается с последней четверти XIX века. За этот длительный срок сменилось несколько поколений исследователей, а сам список насчитывает свыше 150 имен¹. Среди них (в алфавитном порядке): Аверин В.А., Аверина А.В., Автоненко Н.В., Акимов Н.Н., Акимов А.Е., Александров И.А., Александрова Н.В., Амирханов Х.А., Аникин И.С., Анучин Д.Н., Арциховский А.В., Астахов С.Н., Бадер О.Н., Бадер Н.О., Бакаев А.М., Балинский И.М., Барбашов Е.Р., Богачев А.Ф., Борисковский П.И., Брюсов А.Я., Бюзин В.С., Буланкин В.М., Векслер А.Г., Виноградов К.Я., Воеводский М.В., Воронин К.В., Воронков А.Н., Воронцов А.М., Выборнов А.А., Высоцкий А.Л., Вячин А.А., Гаврилов А.Н., Гак Е.И., Герасимов М.М., Глазов В.П., Говоров Н.В., Гоняный М.И., Городцов В.А., Граков Б.Н., Грехова Л.В., Гриценко В.П., Грудинкин Б.В., Днепровский К.А., Дресслер (Щелочкова) Н.Л., Дукельский В.Ю., Екимов Ю.Г., Ефименко П.П., Ефимов А.Е., Ёлкина И.И., Жилин М.Г., Жуков Б.С., Заидов О.Н., Зайцева И.Е., Зеленева Ю.А., Зеленцова О.В., Зимина (Шахматова) М.П., Зубарев Н.В., Зубков В.И., Иванов Д.А., Каверзнева Е.Д., Клянин Р.В., Кобозев Ю.А., Коваль В.Ю., Кожухов С.П., Колобов В.М., Кольцов Л.В., Комаров К.И., Комаров А.М., Коннов С.Б., Константинов Д.В., Королев А.И., Косинский В.В., Костылева Е.Л., Кравцов А.Е., Крайнов Д.А., Красницкий Л.Н.,

Краснов Ю.А., Кренке Н.А., Кудрявцев П.П., Кузнецова Т.М., Лагутин А.Б., Ластовский А.А., Левина Н.В., Леденев Р.И., Леонова Е.В., Леонтьев А.Е., Лозовский В.М., Луньков В.Ю., Мазуров А.Б., Мансуров А.А., Массалитина Г.А., Медведь А.Н., Милонов Н.П., Мирецкий А.В., Миронова В.Г., Миронос А.А., Михайлова Л.А., Молодцова Е.М., Мошенина Н.Н., Наумов А.Н., Наумова Т.В., Неклюдов А.Н., Никитин А.Л., Осипов Д.О., Очеретина С.В., Ошибкина С.В., Панин А.Н., Паничкина М.З., Панченко К.И., Патрик Г.К., Петраков И.И., Полякова Г.Ф., Попова Т.Б., Поскряков С.П., Преображенский Н.В., Прошкин О.Л., Розенфельдт Р.Л., Руднев Ф.Ф., Русаков П.Е., Сафонов Б.А., Сергин В.Я., Сидоров В.В., Смирнов А.М., Смирнов А.С., Сорокин А.Н., Ставицкий В.В., Станюкович А.К., Судаков В.В., Сыроватко А.С., Тавлицева Е.Ю., Тимошина Е.В., Тихонов Ю.Р., Торгов В.В., Травкин П.Н., Третьяков М.Ф., Третьяков П.Н., Трусов А.В., Уваров А.С., Ульянова Т.Н., Успенский С.А., Уткин А.В., Фоломеев Б.А., Фомин А.В., Формозов А.А., Фролов А.С., Фролов В.П., Фролов И.К., Фролов Н.В., Хижняков О.И., Цветкова Н.А., Цетлин Ю.Б., Челябинов В.П., Ченцов Ю.С., Чернай И.Л., Черников В.Ф., Черносвитов П.Ю., Чувиляева Ю.Н., Шакулова Л.Д., Шаталова Н.В., Шеков А.В., Шитов В.Н., Шполянский С.В., Щеглов И.Л., Энговатова А.В. и Юшко А.А.

Естественно, что этот список включает как профессионалов-археологов, так и естество-

¹ Сразу следует оговориться, что в эту цифру не включены те, кто писал о мезолите Поочья, но лично не принимал участие в полевых изысканиях на территории региона.

испытателей, любителей-археологов и краеведов. Значительно отличается и число открытых или обследованных каждым из них памятников, а также опубликованных ими заметок и статей, посвященных Окской проблематике. Более того, собственно специалистов по мезолиту в нем нет и двух десятков. Тем не менее, вряд ли правомерно определять на этой основе вклад каждого в мезолитоведение региона. Ибо все они служили и служат общему делу — накоплению и пополнению данных. И, в конечном счете, общей изученности территории и состоянию современной источниковедческой базы. И это главное.

Рассмотрим вкратце историографию мезолита Оки и историю вопроса. Первооткрывателями мезолитических памятников в бассейне р. Оки были А.И. Черепнин и П.П. Кудрявцев. Первый из них нашел в 1878 г. стоянку Борки на Борковском острове под Рязанью, второй — в том же году обнаружил стоянку Елин Бор под Муромом. В том же 1878 г. стоянка Борки была осмотрена известным русским почвоведом В.В. Докучаевым, и сведения о ней были сообщены им в Рязанскую ученую архивную комиссию. А собранный П.П. Кудрявцев подъемный материал был отослан в Москву и поступил в Антропологический музей МГУ. Годом позднее он экспонировался на Антропологической выставке, в каталоге которой был впервые описан Д.Н. Анучиным (*Антропологическая выставка, 1879, с. 21, 25*). Так эти материалы стали достоянием общественности.

1880-е годы

Уже в 1881 г. выходит в свет первая публикация находок Елина Бора. Сведения об этом памятнике, как и о стоянке Борки, содержатся в фундаментальной монографии графа А.С. Уварова «Археология России. Каменный период» (*Уваров, 1881, Т. I, с. 293-294*).

1890-е годы

В 1890 г. на Борковском острове коллекцию каменных орудий собрал В.А. Городцов (*Городцов, 1905, с. 579-587*), который открыл на ней

несколько различных пунктов и раскопал небольшие участки, давшие разновременный материал. В 1893-1895 гг. А.И. Черепнин проводил полевые исследования на одной из наиболее высоких Борковских дюн — Сакор-горе (*Черепнин, 1894*). В 1895 г. В.А. Городцов вторично обследовал Борковский остров и, в частности, Сакор-гору. Результаты этих исследований были им опубликованы (*Городцов, 1923, с. 330-332*). В те же 1890-е годы в ходе разведок он открыл и обследовал еще несколько мезолитических памятников на Оке в пределах Рязанской губернии, среди них Коростово, Дубровичи, Канищево (Логоинов Хутор) 4, Коломцы, Шумашь и Облачинская Дюна (Дегтяное). Тогда же В.А. Городцов обследовал стоянки Воронеж, Жабынь и Федяшево в Белевском уезде Тульской губернии.

В 1899 г. Н.И. Булычев открыл и раскопал стоянку Гремячее на Оке напротив устья р. Жиздры (*Булычев, 1899*). С этого момента в течение длительного времени облик Окского мезолита стал ассоциироваться с тремя памятниками — Борки, Елин Бор и Гремячее.

1900-е годы

В 1905 г. В.А. Городцовым в Трудах 2-го археологического съезда была опубликована большая статья, в которой были изложены сведения об изысканиях в пределах Тульской и Рязанской губерний 1895 г. (*Городцов, 1905*).

Далее по известным причинам последовал вынужденный 15-летний перерыв, связанный с Первой мировой войной, Октябрьской революцией и Гражданской войной.

1920-е годы

В 1920 г. П.П. Ефименко обследовал памятники по Рязанскому течению р. Оки, в частности стоянку Коростово 1 (*Ефименко, 1923*). В 1924 г. он предпринимает попытку обобщения имевшегося к тому времени материала по мезолиту Русской равнины, который, правда, называл раннеолитическим, и высказывает мысль об отличии окских памятников от стоянок южных и западных территорий страны (*Ефименко, 1924*). В 1925 г. В.А. Городцовым

были произведены первые раскопки стоянки у д. Лужки Серпуховского р-на Московской области (*Грехова и др., 1970*). В 1926 г. Б.Н. Граковым была открыта стоянка Мордовское 1 в Ивановской области (*Граков, 1927; АКР, 1994, с. 183*). В 1927 г. А.А. Мансуров обследовал стоянку Шумашь. В 1928 г. польским археологом Л. Савицким была опубликована коллекция Горшихи и отмечено ее сходство с Елиным Бором, материалы которого он также описал (*Sawicki, 1928*). В 1929 г. Б.С. Жуков открыл местонахождение Лягалин Бор, находившееся в пределах г. Мурома (*Жуков, 1928-1929, № 128*). В 1929-1930 гг. Н.В. Говоров произвел сборы в Канищево (Логинов Хутор) 4.

1930-е годы

В 1934-1935 гг. М.М. Герасимов, М.В. Воеводский, П.Н. Третьяков и О.Н. Бадер обследовали верховья Оки в пределах Орловской и Тульской областей, где планировалось построить сеть гидроэлектростанций. На территории Тульской области ими были открыты стоянки у Добропокровского монастыря, в устье р. Беленькой и обследована стоянка у с. Жабынь (*Герасимов и др., 1941*). В 1934 г. П.И. Борисковский осмотрел низовья долины р. Оки и произвел раскопки стоянки Елин Бор. В 1936 г. М.В. Воеводский обследовал стоянку Гремячее и опубликовал коллекции не только этих работ, но и Н.И. Булычова (*Воеводский, 1941*). По существу он был одним из первых археологов, кто стал профессионально заниматься изучением и разработкой мезолитической проблематики. В его работах 1930-х годов, посвященных мезолиту Восточной Европы, учитываются материалы бассейна Волги и Оки, которые он рассматривал в контексте «свидерской стадии эпилепалеолита» (*Воеводский, 1934, 1940*).

В 1937 г. П.И. Борисковским были опубликованы материалы стоянки у д. Коростово Рязанской области (*Борисковский, 1937*) и раскопок 1934 г. Елина Бора (Владимирская область), одновременно им был издан материал из сборов П.П. Кудрявцева (*Борисковский, 1937; Воеводский, Борисковский, 1937*). Начи-

ная с этого года и по 1947 г. включительно неоднократное обследование стоянок Борки и Шумашь проводил рязанский краевед В.И. Зубков. Часть этих материалов была впоследствии опубликована либо им самим (*Зубков, 1950*), либо другими исследователями (*Брюсов, 1952, 1962; Грехова и др., 1970*).

1940-е годы

Это один из наиболее тяжелых отрезков истории, как для населения страны в целом, так и для отечественных археологов. На него выпали суровые годы Великой Отечественной войны. Естественно это сказалось и на полевых изысканиях, и на аналитических исследованиях. Тем не менее, даже в это время работы по полевому изучению мезолитических памятников полностью не прерывались. Так, известно, что в Рязанской и Горьковской областях даже во время войны краеведами велись сборы подъемного материала.

В 1940 г. О.Н. Бадер обследовал стоянку у с. Канищево (Логинов Хутор) 4 в Рязанской области, а М.В. Воеводский опубликовал проблемную статью о развитии эпилепалеолита Восточной Европы. В 1941 г. вышла статья М.М. Герасимова, М.В. Воеводского и П.Н. Третьякова, в которой подводились итоги обследования верховьев долины р. Оки 1934-1936 гг. (*Герасимов и др., 1941*). Кроме того, в 1941 г. были изданы материалы сборов В.В. Докучаева со стоянки Борки (*Паничкина, 1941*), а М.В. Воеводским опубликованы материалы стоянок Гремячее 1 и 2 (*Воеводский, 1941*).

Сразу по окончании войны и вплоть до 1950 г. обследование берегов Клязьмы и Оки в пределах Балахнинской низины на территории Горьковской (Нижегородской) области проводил директор Дзержинского краеведческого музея Б.А. Сафонов (*Сафонов, 1946, № 44 и № 67; Сафонов, 1949, № 318; Сафонов, 1950, № 442*). В 1948 г. он обследовал также берега Оки в пределах Богородского р-на Нижегородской области и открыл стоянку Погорелка (*Сафонов, 1948, № 250, с. 250*). В 1946 г. в Шацком р-не Рязанской области Н.П. Милоновым была открыта стоянка Лесное Конобее-

во 1 (Милонов, 1947, 1949; АКР, 1994, с. 106). В 1947 г. вышла публикация материалов стоянки Елин Бор из раскопок П.И. Борисковского (Воеводский, Борисковский, 1947, с. 77-99).

1950-е годы

1950 г. ознаменовался целой серией статей по проблемам мезолита (Воеводский, Формозов, 1950, с. 42-54; Зубков, 1950, с. 141-150; Третьяков, 1950). Особо следует отметить работу М.В. Воеводского «Мезолитические культуры Восточной Европы», где ставится вопрос о культурных различиях в мезолите Восточной Европы и обосновывается существование особой волго-окской мезолитической культуры (Воеводский, 1950, с. 96-119). К глубокому сожалению, эта работа была опубликована уже посмертно.

В 1951 г. А.А. Формозов проводит разведки в Калужской области и обследует стоянки Турынинские Дворики и Гремячее, а Б.А. Сафонов в Богородском р-не Нижегородской области открывает стоянку Голосовское IV-2 (Формозов, 1951, № 536; Сафонов, 1951, № 626, с. 3).

В 1952 выходят в свет монографии А.Я. Брюсова, М.Е. Фосс, Г.Д. Чайлда и Г. Кларка (Брюсов, 1952; Фосс, 1952; Чайлд, 1952; Clark, 1952). Их содержание показывают наметившиеся различия в подходах отечественных и западных исследователей к проблемам первобытных формаций и сущности мезолита и неолита в качестве исторических эпох. Следует отметить, что в трудах Г.Д. Чайлда и Г. Кларка найдено четкое выражение экономической составляющей этих понятий.

Материалы мезолита Волго-Окского междуречья неоднократно рассматривал в своих работах 1950-х гг. А.А. Формозов (Воеводский, Формозов, 1950; Формозов, 1954, 1957, 1959). В них он разрабатывал периодизацию и хронологию мезолитических памятников Волго-Окского бассейна, проблему племенной организации мезолитического населения, этнических и культурных различий в мезолите Восточной Европы. Более детально, чем М.В. Воеводским,

им была разработана и характеристика волго-окской мезолитической культуры.

В 1955 г. были опубликованы материалы из сборов на стоянке Турынинские Дворики под Калугой (Успенский, 1955). В 1956 г. вышла в свет работа, посвященная памятным местам Московской области, в которой содержались сведения о нескольких памятниках с мезолитическими материалами — Колтово 1 (Каширский р-н), Сосновка 1 (Ростиславльское городище) (Озерский р-н), Лужки и Скнига (Устье Скниги, Леоново) (Серпуховской р-н) (Бурых и др., 1956). А также вышла в свет монография Н.Н. Гуриной, посвященная Оленеостровскому могильнику (Гурина, 1956). Следует еще отметить и статью А.А. Формозова, в которой обосновывалась перспективность работы с подъемным материалом, и определялись его источниковедческие ограничения (Формозов, 1956). Окские материалы упоминались и в монографии М. Гимбутас (Gimbutas, 1956), где бассейн Оки был отнесен к ареалу свидерской культуры.

В 1957 г. Ю.А. Краснов открыл стоянку Устье на Москве-реке под Звенигородом (Краснов, 1957, № 1432). Годом позднее С.Н. Астахов провел разведку по Калужской области и обследовал стоянки Гремячее 1 и 2, а также отрезок левого берега р. Оки между Серпуховом и Каширой в Московской области, где на поселении Прилуки раскопал тройное безынвентарное погребение (Астахов, 1958, № 1844 и № 2033). В 1959 и 1961 гг. Л.В. Кольцов произвел раскопки и сборы подъемного материала на стоянке Елин Бор под Муромом (Кольцов, 1959, № 2000; Кольцов, 1961, № 2325). Позднее они были опубликованы им (Кольцов, 1966), правда, уже в «улучшенном виде» (Сорокин, 2001).

С 1959 и по конец 1960-х гг. на территории Горьковской (Нижегородской) области активно работал В.Ф. Черников. Им было открыто значительное число мезолитических стоянок, среди них: Горицы 2, Новошино, Навашино-Теша, Румасово 1, Угольново 1 в Навашином р-не (Черников, 1961, № 2233); Наумовка 1 и Старая Пустынь в Арзамасском р-не (Черни-

ков, 1961, № 2233); Лакша 1 в Богородском р-не (Черников, 1959, № 1990); Венец (Кусторка) 3, Старое Щербинино 1, 1А и 2 в Павловском р-не (Черников, 1960, № 2219); Шатки 1, 2 в Шатковском р-не (Черников, 1962, № 2520). С большинством из этих памятников в 1978 г. он познакомил Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина.

1960-е годы

В 1960 г. выходит в свет сводка Н.А. Береговой, в которой содержались сведения о палеолитических и мезолитических местонахождениях, найденным на всей территории СССР до середины 1950-х годов включительно (Береговая, 1964, с. 5). В ней, как ни странно, содержатся данные всего о трех мезолитических памятниках бассейна Оки — Гремячее, Елин Бор и Борки. Отсутствие сведений о большинстве открытых к тому времени пунктов объясняется, по-видимому, тем, что информация о них содержалась лишь в отчетах или небольших заметках, а также малочисленностью самих коллекций.

В 1961 г. М.П. Зимина и в 1964 г. Л.В. Кольцов обследовали стоянку у с. Мордовское в Южском р-не Ивановской области (Кольцов, 1970), открытую Б.Н. Граковым в 1926 г. Позднее, уже в 1970-х гг. этот памятник раскапывала Е.М. Молодцова. В 1961 г. вышла в свет статья Д.А. Крайнова и А.Я. Брюсова, посвященная проблемам северного мезолита (Крайнов, Брюсов, 1961). В ней, на основе анализа данных по Скнятино, Елиному Бору, Коприно и Золоторучью 1, ими рассматривался вопрос о возможной культурной неоднородности стоянок. В 1962 г. была опубликована статья А.Я. Брюсова с броским названием «Мезолитическая неурядица», посвященная некоторым общим проблемам мезолитоведения. В ней развивались отдельные положения его совместной с Д.А. Крайновым статьи, и справедливо указывалось на главные недостатки в изучении памятников этого времени — отсутствие точной стратиграфии отложений, доминирование материалов сборов с поверхности и типологический принцип их отбора из общей массы находок (Брюсов, 1962, с. 26). Точно была

подмечена им и односторонность подхода к выделению стоянок эпохи мезолита по принципу пластинчатости инвентаря.

А.Я. Брюсов обратил внимание на то, что в инвентаре раскопанных шведским исследователем А. Альтином стратифицированных болотных стоянок Швеции многочисленны изделия на отщепях и имеются макролиты, тогда как геометрические микролиты в них, напротив, отсутствовали (Брюсов, 1962, с. 27, 28). Основываясь на данных по известным к тому времени культурам Европы, в число которых им были включены, правда, наряду с мезолитическими и финальнопалеолитическими, А.Я. Брюсов верно отметил их культурное многообразие и наличие не только пластинчатых, но и отщеповых индустрий. А также высказал предположение, что и на «европейской территории СССР бесполезно искать какую-либо одну (курсив А.Я. Брюсова) мезолитическую культуру» (Брюсов, 1962, с. 30). Заслуживает упоминания и его призыв «обратить внимание на севернорусскую мезолитическую культуру (или культуры?), ...своевременность расширения и более тщательного ее исследования» (Брюсов, 1962, с. 30), так и оставшийся практически не услышанным.

В 1962 г. были опубликованы также две заметки с описанием коллекций подъемного материала, в первой из них — стоянки Устье под Звенигородом (Краснов, 1962), во второй — Воскресенской Горы (Воскресенский Бугор) на р. Цне в Моршанском р-не Тамбовской области (Попова, 1962). В том же году Л.В. Грехова провела обследование стоянки Жабынь под Белевом (Грехова, 1962, № 2548).

Из работ, вышедших в 1963 г., следует упомянуть статью П.Н. Третьякова с публикацией мезолитических местонахождений Костромского и Ярославского Поволжья, в которой он касается и некоторых общих вопросов Волго-Окского мезолита (Третьяков, 1963). В частности особого внимания заслуживает его вывод об отсутствии связи между микролитическим каменным инвентарем и сетчатой керамикой, то есть отказ от идеи переживания пластинчатой индустрии вплоть до эпохи раннего желез-

ного века (*Третьяков, 1963, с. 14, 15*). Из работ, опубликованных в 1964 г., следует упомянуть статью Д.А. Крайнова, в которой обсуждаются некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья (*Крайнов, 1964*), и статью польского исследователя Р. Шильда, в которой рассматривалось соотношение свидерских и волго-окских (Борки, Скнятино, Елин Бор) материалов. В ней он отметил их разную хронологию и высказал предположение о роли сибирского населения в происхождении населения Центральной России (*Schild, 1964*).

С 1965 г. по инициативе Б.А. Рыбакова начали издавать «Археологические открытия», ставшие по существу единственным оперативным информационно-справочным изданием в археологическом мире. В нем нашли свое отражение и исследования по мезолиту Поочья.

В 1965 г. Л.В. Кольцов предпринял попытку обобщения мезолитических материалов Волго-Окского междуречья (*Кольцов, 1965а, б*). Вслед за М.В. Воеводским и А.А. Формозовым он включал их в состав единой волго-окской культуры. Поскольку это было первое диссертационное исследование по волго-окскому мезолиту, вызывает определенный интерес состояние источниковедческой базы, которой он оперировал. Всего к бассейну Оки им было отнесено 10 пунктов, среди них: Борки, Гремячее 1, 2, Дубровичи, Елин Бор, Мордовское 1, 2, Устье, Ужалье и Шумашь. Сравнение этого списка с тем, который приводится в коллективной статье Л.В. Греховой, Г.Ф. Поляковой, В.М. Раушенбах и И.К. Цветковой (*Грехова и др., 1970*), показывает, что эта выборка далеко не полная. Подобное сопоставление уместно в связи с тем, что за промежуток времени, разделяющий обе этих работы, новых памятников в бассейне Оки открыто не было. Легко заметить, фактически им оказалось пропущено более половины из них, в том числе такие известные, как Бехово, Воронеж, Доброе (Добропоровское), Устье Беленькой, Дракино, Жабынь, Кулешово, Лужки, Солодча (Коломцы), Старый Киструс и Федяшево, не говоря уже о менее известных.

Число орудий в каждой из коллекций, к которым обращается Л.В. Кольцов, составляет достаточно скромные цифры: Гремячее 1 — 17, Гремячее 2 — 2, Борки — 286, Елин Бор — 203, Дубровичи — 11, Ужалье — 10, Шумашь — 11, Мордовское 1 — 24, Мордовское 2 — данных нет, Устье — 8, то есть всего 574. Обращает, однако, внимание даже не их малочисленность, сколько недостоверность этих данных. Например, в конце 1990-х гг. сам Л.В. Кольцов приводит для Елина Бора, хотя новых исследований памятника с тех пор не производилось, уже другую цифру — 351 (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 45*). На самом деле и она неверна, так как только в его сборах 1959 и 1961 гг., если судить по коллекции, хранящейся в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника, орудий насчитывается не менее 1313. При этом часть орудий так и не была им передана на музейное хранение. Хочется обратить внимание на то, что эта цифра намного больше той, которая получится, если сложить вместе коллекции тех 40 памятников, которыми в 1965 г. оперировал Л.В. Кольцов. Таким образом, ни о какой его профессиональной компетентности, как и достоверности выводов, к которым он пришел, говорить не приходится.

Интересно, что уже в ранних работах Л.В. Кольцова появляются особенности авторского стиля, которые позднее, как не раз предстоит убедиться, станут его своеобразной визитной карточкой. Вот несколько цитат из автореферата его кандидатской диссертации: «Стоянки мезолитического возраста... приурочены к первым надпойменным террасам Волги, Оки и рек их бассейнов или располагаются на дюнах, являющихся останцами этих террас» (*Кольцов, 1965, с. 5*); «...пристальное изучение всех фактов позволяет нам сказать, что на первых этапах развития мезолитической культуры в Волго-Окском междуречье в инвентаре памятников отсутствуют макролитические технические элементы, которые появляются только на третьем этапе нашей периодизации» (*Кольцов, 1965, с. 15*); «...кроме различий существует и сходство мезолита Волго-Окского междуречья с памятниками

бассейна Десны, Белоруссии и Польши. Возможно, такое сходство объясняется происхождением этих культур от одного предка» (*Кольцов, 1965, с. 16*); «...местное палеолитическое население послужило тем субстратом, на основе которого возникла мезолитическая культура Волго-Окского междуречья» (*Кольцов, 1965, с. 16*); «...в происхождении мезолита в нашем районе участвовали и пришлые компоненты населения бассейна Десны» (*Кольцов, 1965, с. 16*); «Племена собирались на межплеменные сборища для загонных охот или межплеменных праздников. Одним из пунктов таких сборищ нам представляются Скнятинские стоянки в окрестностях Калязина» (*Кольцов, 1965, с. 18*). Подобные «открытия» будут сопровождать всю его деятельность. Соображение, что многие пишут аналогично, не убеждает. Исследователь, претендующий на лидерство, не может позволить себе некомпетентность и безграмотность.

В 1966 г. серпуховским краеведом А.Н. Воронковым были открыты стоянки Дракино 2, 4-8 и произведены сборы материала на стоянках Лужки и Скнига (Устье Скниги, Леоново) (*Воронков, 1966, № 3231, 3232*). Тогда же появилась первая публикация находок Берендеева болота (*Никитин, Хотинский, 1966*) и вышел выпуск 126 «Материалов и исследований по археологии СССР» под названием «У истоков древних культур», который впервые был целиком посвящен исследованиям памятников эпохи мезолита. Его выход знаменовал своеобразную «победу термина мезолит над термином эпипалеолит». Содержалась в нем и публикация материалов работ Л.В. Кольцова 1959 и 1961 гг. на стоянке Елин Бор (*Кольцов, 1966, с. 178-184*). Здесь впервые был опубликован фальсифицированный им материал так называемого нижнего слоя. Впрочем, сведения о так называемом среднем слое этого памятника тоже достоверностью не отличались.

С 1967 по 1994 гг. Б.А. Фоломеевым проводились регулярные разведки по Рязанской области, начало которым было положено посещением памятников, открытых или обследо-

ванных В.А. Городцовым, среди которых были Канищево (Логинов Хутор) 4, Борки, Шумашь, Дубровичи и др. (*АКР, 1993, с. 59; Фоломеев, 1975, № 5872*). Благодаря его усилиям в 1970-1980-е годы все эти памятники были паспортизированы и описаны, одновременно им было открыто свыше 20 новых мезолитических пунктов.

В 1967 г. Г.Ф. Полякова обследовала стоянки Белевского течения Оки, среди которых были Сестринский Хрящ, Воронеж и Жабынь (*Полякова, 1967, № 4345*). С 1968 г. в Подмосковье начал свою деятельность В.В. Сидоров (*Сидоров, 1968; Сидоров, 1969, № 3723; 1975, № 5709*). До середины 1970-х гг. он открыл и исследовал свыше 30 стоянок на Тростенском озере (Городище, Никольское 1, 2, 4, Дальний Остров, Тростенское городище, Тростенское ЗС, Тростенское ЗЮ, Тростенское 7, Тростенское 10, Озерна 2, Брикет 1-6 и др.) в Рузском р-не Московской области. Тогда же им были открыты или обследованы мезолитические стоянки и в других районах Подмосковья. Среди них: Беливское озеро 1 (Беливо 23), Дрезна (Язвицкая Гора) 1, Заволенье (Усть-Вольная), Слободище (Пирютино), Редькино, Митинская, Сосенки (Святое озеро 6), а также стоянки на озерах Долгом и Нерском, относящихся к бассейну Верхней Волги.

В 1968 г. в Подольском р-не Московской области А.А. Юшко обследовала селище и стоянку Дубровицы (*Юшко, 1968, № 3707*), в Серпуховском р-не Ю.С. Ченцов — Никольское 1 (*Ченцов, 1968, № 3805*). В Рязанской области Б.А. Фоломеев обследовал Коростово 1 (*Фоломеев, 1968, № 3639*). Среди работ, вышедших в 1968 г. и имеющих значительное влияние на отечественных исследователей финального палеолита и мезолита, следует отметить фундаментальную монографию немецкого археолога В. Тауте, посвященную культурам с черешковыми наконечниками стрел (*Taute, 1968*). В ней высказывается гипотеза о том, что «предшественника наконечника типа Свидры следует искать в позднем палеолите Восточной Европы» и что «развитие традиций группы Свидры видно в неолите ямочной керамики».

Несмотря на то, что обе этих идеи были подхвачены Л.В. Кольцовым, ни одна из них так и не подтвердилась.

В 1969 г. С.В. Ошибкиной была проведена разведка по Оке в пределах Балахнинской низины, и среди прочих раскопана стоянка Гавриловка Д (12) (*Ошибкина, 1969, № 3981*), давшая и мезолитические материалы. А.С. Фроловым и автором в 1969 г. были произведены сборы подъемного материала в Русаново 1 (Клепиковский р-н Рязанской области). В Вязниковском р-не Владимирской области В.Я. Сергин открыл стоянку Липовская Усадьба (*Сергин, 1969, № 4016*). В Южском р-не Ивановской области Е.М. Молодцова открыла стоянки Алексеевское (Холуй) 1, 2 и 4, которые раскапывала в 1969-1974 гг. (*Молодцова, 1969, № 4007; Молодцова, 1970, № 4554; Крайнов, 1973, № 5033; Молодцова, 1970, 1973*).

В монографии А.Х. Халикова (1969), посвященной каменному веку Среднего Поволжья, проводится сравнение названных материалов с волго-окскими коллекциями, в частности Елиным Бором и Гремячим. По мнению А.Х. Халикова, наибольшее сходство с ними наблюдается у Яндашевской стоянки. Однако, как он полагал, в целом мезолит Среднего Поволжья имеет зауральские и сибирские истоки.

И, наконец, в одной из своих первых обобщающих работ о мезолите Восточной Европы С.К. Козловский объединил ряд памятников этой территории, включая и Волго-Окские, в единую кундскую культуру (*Kozłowski S., 1969*).

1970-е годы

С начала 1970-х гг. наблюдается значительная активизация полевых исследований. Это обстоятельство было, прежде всего, связано с общесоюзной программой по паспортизации памятников археологии. Активные полевые исследования на территории Поочья велись как археологами старшего поколения — О.Н. Бадером, Д.А. Крайновым, В.Ф. Черниковым, так и В.П. Глазовым, В.Я. Сергиным, В.В. Сидоровым, Е.М. Молодцовой, Б.А. Фоломеевым и другими, ставшими к тому времени, маститыми археологами. Подросла и молодая

смена, оперившаяся к середине 1970-х гг. Увеличилось и число археологов, занимающихся непосредственно исследованием памятников эпохи мезолита в регионе. Это тоже не могло не сказаться на общем состоянии его изученности. Так, в 1975-1977 гг. по инициативе О.Н. Бадера активно изучались памятники Великих Мещерских озер. Всего было образовано три разведочных отряда Окской экспедиции ИА АН СССР под руководством А.В. Трусова, А.С. Фролова и автора (*Фролов и др., 1975*). В результате совместных усилий в пределах озерной системы было выявлено более 20 мезолитических стоянок, наиболее известные среди них: Шагара 4, Беяково 3, 4, Дунино, Кузино, Островки, Лебединое, Ненашкино 2, Подлипки, Русаново 1, 2, Петрушино, Микулино, Тюръвищи, 171 км, Шильцева Заводь 1 и Совка 3. На некоторых памятниках были проведены раскопки. Тогда же активизировались работы по паспортизации памятников Рязанской области, тоже давшие неплохие результаты. Их проводила Окско-Мещерская экспедиция ГИМ под руководством Б.А. Фоломеева. По существу это означало настоящий прорыв в истории изучения мезолитических памятников в пределах Среднего течения р. Оки.

Если для А.В. Трусова это было скорее эпизодом в биографии, а приоритетом стало изучение палеолита, то для А.С. Фролова и автора эти разведки определили всю дальнейшую научную биографию. Помимо мещерских стоянок А.С. Фролов активно обследовал, начиная с конца 1960-х гг., окрестности г. Тарусы, где им было выявлено свыше полутора десятков первоклассных памятников, среди которых были Ладыжино 1-3, Таруса 1, 2. А с середины 1970 гг., получив открытый лист, он начал их стационарное изучение. Принимал он активное участие и в сборах на известных стоянках Дракино и Бехово.

Автором, начиная с 1975 г., были открыты и обследованы стоянки в Московской, Владимирской, Рязанской и Калужской областях. Среди них: Святое озеро 4, Коренец 4, Лужки 13, Исихра 1, 2, Петрушино 1, 2, Микулино, Тюръвищи 1, Задне-Пилево 1-11, Исток 1-3, Борисово 1, 2, Шильцева Заводь 1, 5, Кирицы 1, 2,

Митькино озеро 1 и т. д. Некоторые из них, как Петрушино, Микулино, Борисово 1, Исток 1, Задне-Пилево 1, 2, 4 и 8, Шильцева Заводь 5, Пургасово 3, Шагара 4, Брагино, Барашево 1, 2, Красное 1 «Вася», Красное 3, Красное 8 «Пенешки», Рессета 2 и 3, были раскопаны на значительной площади.

В 1977 г. первые самостоятельные полевые исследования в пределах Мещерской низменности были проведены М.Г. Жилиным (1978) и А.Е. Кравцовым (1978). Первый из них в составе Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР наиболее активно работал на территории Верхнего Поволжья (Тверская и Ярославская области). По сравнению с этим его роль в обследовании Поочья, особенно Московской и Владимирской областей, была скорее эпизодической. Тем не менее, в Нижегородской области им было дополнительно обследовано, открыто и раскопано значительное число первоклассных стоянок, среди них: Велетьминское 9, Безводное 10, Утрех 3 и 5, Боровское 3, 18, Старая Пустынь и др. Напротив, полевые изыскания А.Е. Кравцова вплоть до середины 1990-х гг. были связаны с Мещерской низменностью. До 1992 г. здесь им было открыто свыше 50 памятников в Егорьевском, Раменском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области. Среди них в Шатурском р-не раскопаны стоянка Алешино (Жабки)² 3 на площади 269 кв. м, в Воскресенском р-не — Исаково (Чашка) 1-3. На стоянке Исаково 1 (Чашка 1), А.Е. Кравцовым и Г.А. Николаевым исследовано 36 кв. м. В Егорьевском р-не: Колионово (Черная) 1-3; Куплиям 1, 2 (2А); Лелечи 2. На стоянке Черная 1 А.Е. Кравцовым вскрыто 207 кв. м. В Орехово-Зуевском р-не исследованы: Беливо 1 (4Г — северная); Беливо 2 (4Г — южная); Беливо 3 (6Б), Беливо 2 (1Б), 3 (1В), 4 (1Г), 5 (1Д), 6 (1Е), 7 (2), 9 (4А), 10 (4Б), 11 (4В), 12 (5Б), 13 (6, 6А), 14 (6В), 16 (8), 19 (12); Беливо 22 (Беливское оз. 1); Беливо 23 (Беливское оз. 1); Беливо 24 (Беливское оз. 2); Беливо 25 (Беливское оз. 3); Бели-

во 26 (Беливское оз. 4); Заволенье (Усть-Вольная); Загрязская 1; Слободище 1, 5 (3); Соболево 1, 2 (3); Тереньково 1 (4), 2 (4Б), 3 (7), 4 (5Б), 5 (5А), 7 (Тереньковское кладбище 1), 4 (6); Хотеичи 1 (2). Ряд памятников А.Е. Кравцовым был раскопан, среди них: Беливо 5 (1Д) (исследовано 8 кв. м), Беливо 7 (2) (123 кв. м), Беливо 9 (4А) (215 кв. м), Беливо 10 (4Б) (95 кв. м), Беливо 13 (6, 6А) (10 кв. м), Беливо 16 (8) (6 кв. м), Беливо 19 (12) (6 кв. м), Беливо 26 (Беливское оз. 4) (9 кв. м), Тереньково 1 (4) (20 кв. м), Тереньково 4 (6) (48 кв. м), Беливо 1 (4Г — северная) (332 кв. м), Беливо 2 (4Г — южная) (767 кв. м), Беливо 3 (6Б) (раскопана полностью) (Кравцов, 1978, № 6948; 1979, № 7578; 1980, № 7832; 1981, № 8508; 1982, № 9360; 1983, № 9581; 1984, № 10893; 1985, № 10597; 1986, № 11382; 1987, № 11878; 1988, № 12529; 1989, № 14300). На стоянках Заволенье (Усть-Вольная) А.Е. Кравцовым и В.В. Сидоровым исследовано 108 кв. м; Беливо 14 (6В) и Беливо 9 (4А) А.Е. Кравцовым и Е.В. Леоновой раскопано 338 кв. м (Кравцов, 1980, 1981, 1983, 1984, 1985, 1986, 1988а, 1988б; Кравцов и др., 1979; Кравцов, Лозовский, 1989; Кравцов и др., 1994). Часть из этих памятников по праву составляют основу источниковедческой базы мезолита Поочья.

Из полевых изысканий 1970-х гг. следует отдельно упомянуть и разведку 1978 г. Л.В. Кольцова по Нижегородской области, в которой участвовали В.Ф. Черников и М.Г. Жилин. Точнее, В.Ф. Черников показал московским археологам памятники, открытые им в 1950-1970-е годы. Были осмотрены стоянки Новошино, Старая Пустынь, Большая Поляна, Ефаново (Ефановская) 3. Кроме того, в ходе разведки были найдены стоянки около д. Угольново и Спас-Седчено (Кольцов, 1978, № 8301). Уже в 1980-е гг. М.Г. Жилин раскопал часть из этих памятников, а также обнаружил и исследовал ряд других, среди них наиболее известны: Велетьминское 9, Безводное 10, Утрех 3, 5 и Боровское 3, 18.

² Двойное обозначение памятники получили в томах серии «Археологическая карта России», где было решено именовать их по ближайшим населенным пунктам, тогда как ранее названия давались первооткрывателями чаще произвольно.

МЕЗОЛИТОВЕДЕНИЕ ПООЧЬЯ

Полевые изыскания этого и последующего десятилетий, в силу их многочисленности, далее будут излагаться в табличном виде.

Возросло и число печатных работ, прежде всего, это касается публикаций материа-

лов полевых исследований. При дальнейшем изложении печатные работы будут систематизироваться отдельными блоками: статьи, тематические издания (сборники) и монографии.

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1970	Владимирская	В.Я. Сергин	Угор (Ерши) 1-3	разведки	Сергин, 1970, № 4206
	Ивановская	Е.М. Молодцова	Бревёнка 1, 5, Поповка,	разведки	Молодцова, 1971, с. 44
			Алексеевское 1, Мордовское 4	раскопки	
	Московская	О.Н. Бадер	Дракино	раскопки	Бадер, 1971, с. 34
		В.В. Сидоров	Мышецкая	раскопки	Сидоров, 1971, с. 56
	Орловская	А.Н. Сорокин	Спас 1-5	разведки	
Рязанская	Б.А. Фоломеев	Городской парк 1	раскопки	Фоломеев, 1970, с. 61; АКР, 1993, с. 104; Фоломеев, 1970, № 4369	
Тульская	О.Н. Бадер	Бёхово, Городня (Устье Осетра)	раскопки	Бадер, 1971, с. 34	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1971	Ивановская	Е.М. Молодцова	Посна 1-3;	разведки	Молодцова, 1972, с. 57, 58
			Мордовское 2, 4, 6, 7	раскопки	
	Московская	В.В. Сидоров	Мышецкая, Тростенская Северная	раскопки	Сидоров, 1972, с. 67, 68
			Зарайск	разведки	
Тульская	В.В. Сидоров	Бёхово	раскопки	Сидоров, 1972, с. 68	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1972	Ивановская	Е.М. Молодцова	Мордовское 4, 6, Завьялка	раскопки	Молодцова, 1974, с. 65- 67
	Московская	В.В. Сидоров, И.М. Балинский	Дальний остров, Никольская 2	раскопки	Сидоров, Балинский, 1973, с. 89, 90
			Куба	разведки	
Ярославская	Д.А. Крайнов	Ивановское 3	раскопки	Крайнов, 1973, с. 68, 69	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1973	Владимирская	В.П. Глазов	Райки 1-6, Лаврово 1-4	разведки	Глазов, 1974, с. 45-46
	Ивановская	Е.М. Молодцова	Мордовское 4, 6, Алексеевское 1, Завьялка	раскопки	Молодцова, 1974, с. 65-67
	Московская	В.В. Сидоров, И.М. Балинский	Тростенское городище	раскопки	Сидоров, Балинский, 1974, с. 77, 78
	Ярославская	Д.А. Крайнов	Ивановское 3	раскопки	Крайнов, 1974, с. 59, 60
Ивановское 7			разведки		

А.Н. СОРОКИН

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1974	Ярославская	Д.А. Крайнов	Ивановское 3, 7	раскопки	Крайнов, 1975, с. 64, 65

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1975	Рязанская	Н.Л. Дресслер	Высокие Поляны (Верхнеполянское, Бор, Поляны Верхние) 1 и 6	разведки	Дресслер, 1975, № 5683 Фролов и др., 1976, с. 94, 95
		А.Н. Сорокин	Петрушино, Микулино	разведки	
		А.В. Трусов	Подлипки 1, Шагара 4		
		А.С. Фролов	Русаново 1, Лебединое 1, Дунино 1, Беляково 3, Островки 1,		
Ярославская	Д.А. Крайнов	Ивановское 7	раскопки	Крайнов, 1976, с. 68, 69	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1976	Владимирская	А.Н. Сорокин	Исихра 1, 2	разведка	Сорокин, 1977, с. 73
			Петрушино	раскопки	
	Калужская	А.С. Фролов	Ладыжино 1-3, Таруса 1	разведки	Фролов, 1977, с. 77
	Московская	В.В. Сидоров	Брикет 1-3	разведки	Сидоров, 1977, с. 71
Рязанская	А.Н. Сорокин	Шильцева Заводь 1-5, Митькино 1, Красное, Подгорье	разведки	Фоломеев и др., 1977, с. 76, 77	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1977	Владимирская	В.П. Глазов	Заборочье 1, 2, Ново (Великоозерское) 1, Якушиха 1-5, в Гороховецком р-не — Бобылки 1-3	разведки	Глазов, 1977, № 9671 Сорокин, 1977, № 6791; Сорокин, 1978, с. 85; 1981а, б; 1990
		А.Н. Сорокин	Петрушино, Микулино	раскопки	
		Л.А. Михайлова	Спораный Бугор	раскопки	
	Калужская	А.С. Фролов	Ладыжино 3	раскопки	Фролов, 1977, № 7219
	Московская	М.Г. Жилин	Дрезна (Язвицкая Гора) 4, Красная Дубрава (Демидово) 3, Павловский Посад 1, Большие Дворы, Демидово 1, 2, Ковригино, Курово 1, 2, Саурово 2-4 и 7	разведки	Жилин, 1977, № 6618; Жилин, 1978, с. 61
			Саурово 4 и 8	раскопки	
	Рязанская	В.Н. Шитов, Ю.А. Зеленева	Петрушкин бугор	разведки	Зеленева, Шитов, 1978, с. 61
А.В. Трусов		Совка 3	раскопки	Трусов, 1977, № 6565; Фоломеев и др., 1978, с. 92	

МЕЗОЛИТОВЕДЕНИЕ ПООЧЬЯ

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1978	Московская	А.Е. Кравцов, И.А. Александров, К.А. Днепровский	Жабки 1, 3, Черная 1	разведки	Кравцов и др., 1979, с. 64, 65
	Нижегородская	В.Ф. Черников, Л.В. Кольцов, М.Г. Жилин	Новошино, Старая Пустынь, Большая Поляна, Ефаново (Ефановская) 3, Угольново, Спас-Седчено	разведки	Кольцов, 1978, № 8301

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1979	Владимирская	Л.А. Михайлова	Ново (Великоозерское) 1	раскопки	Михайлова, 1979, № 7943; Михайлова, 1980
		В.П. Глазов	Домашнево 2, 3, Гаренечино, Желтухино, Напутново (Петхар) 1-5, Покров, Елховицы 2, Жохово 1-5, 9, Лисий Бор	разведки	Глазов, 1979, № 7835; АКР, 1995, с. 212; Глазов, 1980, с. 49, 50
	Калужская	А.С. Фролов	Ладыжино 3	раскопки	Фролов, 1980
	Московская	А.Е. Кравцов	Жабки 3	раскопки	Кравцов, 1980, с. 57, 58
	Нижегородская	М.Г. Жилин	Велетьминское 9	раскопки	Крайнов и др., 1980
	Тамбовская	А.Н. Панин	Бугрино	раскопки	Панин, 1980, с. 68
	Ярославская	Л.В. Кольцов	Берендеево 3	раскопки	Крайнов и др., 1980

СТАТЬИ

В 1970 г. Л.В. Грехова опубликовала статью, в которой предприняла попытку описания и систематизации мезолитических материалов Окского бассейна (Грехова, 1970). Ею был учтен практически весь материал, известный в то время по окским памятникам. В том же году ею совместно с Г.Ф. Поляковой, В.М. Раушенбах и И.К. Цветковой была составлена карта мезолитических стоянок бассейна Оки, наиболее полно отражавшая характер его исследованности на то время (Грехова и др., 1970). Упомянуты некоторые Окские стоянки и в обзоре Н.О. Бадера, посвященном мезолиту Европейской части СССР (Бадер Н., 1970), но эта сводка дает менее подробную информацию, чем одновременно вышедшая статья археологов ГИМа. Тогда же Л.В. Кольцовым были опубли-

кованы материалы сборов на стоянке Мордовское 1 в Южском р-не Ивановской области (Кольцов, 1970). В 1975 г. вышла в свет публикация материалов Дальнего Острова (Сидоров, Жилин, 1975). В 1976 г. была опубликована статья Л.В. Кольцова о культурных различиях в раннем мезолите Волго-Окского междуречья (Кольцов, 1976), где были предложены бутовская и елиноборская культуры. А также вышла публикация материалов эпохи камня и раннего металла из Примокшанья В.Н. Шитова (1976).

Известный прирост материалов, главным образом за счет верхневолжских, позволил Л.В. Кольцову в начале 1970-х гг. выделить в мезолите Волго-Окского бассейна несколько локальных групп (Кольцов, 1973). Впрочем, эта попытка, основывающаяся исключительно на

локализации известных ему памятников, не имела под собой ни реального содержания, так как отражала не столько неполноту изучения конкретной территории, сколько неосведомленность ее автора, ни какого-либо реального продолжения. Значительно ближе к объяснению локальных особенностей археологических материалов подошел В.В. Сидоров в статье, опубликованной всего двумя годами позднее. Правда, она касалась эпохи неолита, но сам подход основывался на геоморфологической характеристике региона, топографии памятников и хронологическо-типологических особенностях материалов разных групп (*Сидоров, 1975*) и отражал, по сути, общую закономерность в расположении первобытных стоянок и особенностях их инвентаря, поэтому, без сомнения, был более продуктивен. Заслуживает внимание и другой его вывод сформулированный в той же статье: о сезонности всех неолитических стоянок региона и присутствии на одной озерной системе лишь единственного, капитального поселения (*Сидоров, 1975, с. 96*). Интересно и замечание о том, что ареал каждой группы (общины) ограничивался, по-видимому, «одним днем пути» (*Сидоров, 1975, с. 99*). Это позволило В.В. Сидорову не только корректно обосновать наличие порядка 20 локальных групп в западной части Волго-Окского междуречья в «льяловское время», но и объяснить присутствие между ними незаселенного пространства. Наконец, совершенно рационально его утверждение, что «нельзя отрывать историю людей от среды, определяющей их хозяйственную деятельность» (*Сидоров, 1975, с. 102*). К сожалению, этот призыв так и остался «гласом, вопиющего в пустыне» и только в 1990-е годы стала очевидной его правота.

В отношении мезолита более перспективным оказалось культурно-типологическое деление материалов. Еще в работах М.В. Воеводского 1940-х гг. и А.А. Формозова 1950-1960 гг. было обосновано выделение и определено своеобразие волго-окской мезолитической культуры. Ее характеристике были посвящены и работы 1960-х гг. Л.В. Кольцова. Известный прирост материалов, особенно с территории Верхнего Поволжья, между

1965-1975 гг. выявил ряд отличий между ними, что и привело к необходимости их объяснения. Наиболее простым в тех условиях оказался путь выделения новых культур. В самом деле, раскопки мезолитических торфяниковых стоянок в Центральной России тогда еще не производились, могильники этого времени известны не были, да и стратифицированные памятники, по большому счету, не были изучены. Отсутствовали и серии дат, полученные независимыми способами. А вот известные отличия в материалах, тем не менее, прослеживались, поэтому идея культурных различий лежала по существу «на поверхности» и ее необходимо было лишь озвучить. Так, в 1976 г. Л.В. Кольцов выделяет сначала елиноборскую и бутовскую культуры (*Кольцов, 1976*), а годом позднее — еще одну — иеневскую. Как оказалось позднее, в первую из них были объединены не просто малочисленные, а фальсифицированные материалы (*Сорокин, 2001*). Во второй тоже преобладали сортированные и смешанные коллекции. Тем не менее, дело было сделано: бутовская и иеневская культуры надолго стали «визитной карточкой» Волго-Окского мезолита. В результате с середины 1970-х гг. мезолит Волго-Окского междуречья перестали рассматривать как единое целое. С этого времени практически исчезает в литературе и упоминание волго-окской мезолитической культуры. В последующие годы идея культурного многообразия мезолита региона была принята практически всеми исследователями.

Весьма важна для археологии статья «О критике источников в археологии» (*Формозова, 1977*), полемичность которой оправдана заботой о чистоте науки и служит предостережением от поспешных выводов, произвольной интерпретации данных и попыток фальсификации материала. Злободневность этого труда очевидна до сих пор (*Сорокин, 2001*). Прекращение с середины 1990-х гг. массового притока материалов настоятельно требует спокойной оценки того, что накоплено за все предшествующие годы, взвешивания реального содержания всего накопленного. Все это необходимо для того, чтобы понять, что из этого остатка является полноценным археологическим

источником, пригодным для аналитических построений. Как никогда актуально звучит утверждение А.А. Формозова, что «количество добытых фактов для многих территорий уже очень велико, и настоятельно необходимым стал отбор наиболее ценных из них и отсева плохо документированных сомнительных материалов» (Формозов, 1977, с. 13). Настало время говорить о «культуре» самого источника, «культуре» в смысле его качества, достоверности и надежности (Сорокин, 1990). Конечно, многое в спешке накопительства 1970-х — начала 1990-х гг. безвозвратно утеряно, но что-то еще можно спасти, с чем-то еще можно разобраться. И, как совершенно справедливо отмечал А.А. Формозов (1977, с. 13), «критика источников для нас — археологов — сегодня первостепенная задача». Вот почему археологические коллекции из «источника культур» сами должны превратиться в предмет скрупулезного критического анализа, чтобы, отсеяв недостоверное и некачественное, создать полноценную основу источниковедения археологии. По существу эта статья стала переломной в представлении многих отечественных исследователей, включая и автора этих строк, в их отношении к археологическим источникам. И в этом ее непреходящее значение.

В 1978 г. были опубликованы материалы раскопок Ладыжино 3 (Фролов, Жилин, 1978).

А из зарубежных изданий того же года особо следует упомянуть статью В. Вуда и Д. Джонсона, посвященную обзору природного воздействия на памятники археологии, имеющую непреходящее значение для изучения всех голоценовых памятников (Wood, Johnson, 1978), и представляющую, без сомнения, эпохальное явление в мировой археологии.

Среди печатных работ 1979 г. можно отметить публикацию материалов стоянки Старая Пустынь 1 (Кольцов и др., 1979), тезисы Д.А. Крайнова и Л.В. Кольцова, посвященные проблемам первобытной археологии Волго-Окского междуречья, в которых была впервые изложена схема культурных различий в мезолите региона (Крайнов, Кольцов, 1979). А также статью Л.В. Кольцова с идеей генезиса раннемезолитических культур Северной Европы (Кольцов, 1979). В ней была впервые сформулирована идея «сложения мезолитических культур» путем суммирования их комплексов. Подкупающая своей простотой, эта гипотеза надолго определила содержание культурологических изысканий отечественных мезолитоведов в 1980-е — 1990-е годы, в том числе и автора этих строк. По прошествии времени, однако, четко виден механистический подход к проблеме и как далека в своем примитивизме была она от реального объяснения генезиса археологических культур.

СБОРНИКИ

Следует упомянуть, вышедший в 1973 г. в Варшаве сборник «The Mesolithic in Europe», в котором были собраны материалы 1-го Международного совещания по мезолиту Европы, в

том числе и статьи советских археологов. Этим была заложена традиция публикации материалов тематических конференций, специально посвященных изучению Европейского мезолита.

МОНОГРАФИИ

Из фундаментальных трудов, вышедших в 1970-е годы, следует, прежде всего, назвать монографию Р.К. Римантене по палеолиту и мезолиту Литвы, в которой, помимо добротной публикации материалов, нашло яркое выражение дипломатичное решение терминологической проблемы, как называть переходный период между палеолитом и неолитом — эпипа-

леолит или мезолит? А также получила развитие гипотеза о роли свидерского населения в судьбе мезолитического населения Восточной Европы (Римантене, 1971). Данные по Волго-Окским стоянкам широко использовал в своих монографиях С.К. Козловский (Kozłowski S., 1972, 1973; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975). Правда, здесь он относит стоянки междуречья

уже к верхневолжской или волго-окской мезолитической культуре (*Kozłowski S., 1972, p. 68, 69*).

В 1975 г. вышла в свет совместная монография С.К. Козловского и Я.К. Козловского, а также книги Р. Шильда и Г. Кларка (*Kozłowski S., 1973, 1975; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Schild, 1975; Clark, 1975*). Что касается восточно-европейских материалов, то С.К. Козловский относил памятники Волго-Окского междуречья, как уже упоминалось, к верхневолжской мезолитической культуре. Одновременно он поддерживает идею Р. Шильда об участии сибирского населения в генезисе населения данной культуры. Идея сибирских корней ряда восточно-европейских культур активно дискутировалась еще и в 1980-е годы, однако постепенно затухла, так как не нашла весомого подтверждения в полевых материалах. Более того, будучи оторвана от теоретической базы, она оказалась по существу «кабинетной» и мертворожденной.

В 1976 г. была опубликована монография Г.Н. Матюшина по мезолиту Южного Урала, в которой подчеркивалось их своеобразие по сравнению с волго-окскими стоянками (*Матюшин, 1976*). Стало очевидным, что в археологическом отношении это, по существу, «другой мир».

Неоценимое значение для мезолитоведения имеет вышедшая в 1977 г. монография А.А. Формозова по проблемам этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР (*Формозов, 1977а*). Пожалуй, ни один отечественный археолог второй половины XX в. не внес столь же существенного вклада в археологию каменного века, как А.А. Формозов. Этот исследователь не просто анализировал результаты конкретных полевых изысканий и синтезировал их, но усвоил и развил теоретические разработки предшественников в области всего каменного века. Энциклопедический характер его монографий по проблемам этнокультурной истории (*Формозов, 1959, 1977*) определяет их непреходящую ценность для истории науки в целом и отечественного мезолитоведения, в частности. По существу вплоть до начала 1990-х годов эти

книги оставались единственными аналитическими обзорами, написанными отечественными исследователями, в которых были собраны сведения о памятниках всей Европейской территории страны и дана развернутая характеристика всего каменного века.

Следует упомянуть и вышедшую все в том же 1977 г. компиляцию Л.В. Кольцова по финальному палеолиту и мезолиту Южной и Восточной Прибалтики (*Кольцов, 1977*), в которой, помимо прочего, пересказывалась идея Л. Савицкого, С. Козловского и М.В. Воеводского о постсвидерских культурах Восточной Европы. Отсутствие практических познаний по материалам названного региона привело в результате к тому, что все предположенные им многочисленные периодизации и сюжеты не нашли реального подтверждения и оказались по существу не востребованными. Да и могло ли быть иначе, если все они сродни приводимым ниже цитатам? Итак: «...часть яниславицкого населения продвигалась с территории Литвы и Белоруссии в северо-восточном направлении, где вошла в состав раннеолитических культур» (*Кольцов, 1977, с. 192*); «...территории, занимаемые носителями коморницкой и эписвидерской культур, нигде не контактируют» (*Кольцов, 1977, с. 167*); «...позднемадленское население рассматриваемого региона было родственным этим группам федермессер, хотя и отличалось некоторыми формами кремневого инвентаря» (*Кольцов, 1977, с. 201*); «Все стоянки свидерской культуры маленькие, как правило, с небольшим числом находок. Это позволило сделать заключение о том, что население этой культуры охотилось на северного оленя» (*Кольцов, 1977, с. 92*); «...отщеп с частичной краевой ретушью, напоминающий зачаточную трапецию» (*Кольцов, 1977, с. 154*); «...аренбургская и свидерская культуры, видимо, являются остатками охотников на северного оленя» (*Кольцов, 1977, с. 204*). Подобное цитирование можно продолжать до бесконечности, но и этого, полагаю, достаточно.

В монографии, посвященной мезолиту и неолиту Карелии, Г.А. Панкрушев прямо свя-

зывает появление на ее территории стоянок с кремневым инвентарем с «приходом туда части волго-окского населения» (Панкрушев, 1978). Он пишет: «Уже с момента своего появления на территории Карелии пришельцы завязывали тесные контакты с аборигенами и заимствовали их навыки в технике производства орудий из местных пород камня... Поселения пришельцев были в это время небольшими островками в море аборигенов, и это одна из основных причин их тесных контактов с местным населением» (Панкрушев, 1978, с. 64); «Стоянка Олений Остров содержит в своем инвентаре изделия аборигенов... и поделки пришельцев. Это свидетельствует о смешанном составе ее обитателей...» (Панкрушев, 1978, с. 65). Нет особой нужды комментировать и эти красочные строки. Хотя часть изложенного в них вызывает серьезные возражения не только стилистикой, в связи с рассматриваемой темой достаточно указать на гипотетическую роль в этих событиях волго-окского населения.

Всеми этими событиями и печатными трудами ознаменовались 1970-е годы.

1980-е годы

Это десятилетие было наиболее насыщенным как в отношении полевых исследований, так и выхода в свет публикаций. Знаменуется оно и монографическими исследованиями, хотя в этом отношении существенного увеличения общего числа не произошло.

В 1980-е годы продолжал полевые исследования Д.А. Крайнов. Активно работали В.П. Глазов, И.К. Фролов, А.С. Смирнов, В.В. Сидоров, А.Н. Гаврилов, Б.А. Фоломеев, Е.Л. Костылева. Раскопки мезолитических памятников на территории Поочья успешно вели А.Е. Кравцов, М.Г. Жилин, А.Н. Сорокин, А.В. Уткин, А.С. Фролов, Е.Д. Каверзнева и другие. Из молодых исследователей, заявивших о себе в это время, можно назвать Б.В. Грудинкина, М.Р. Зотько, В.М. Лозовского, Е.В. Леонову, Т.М. Кузнецову и А.В. Энговатову. Теперь табличный список полевых изысканий 1980-х годов.

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1980	Владимирская	В.П. Глазов	Давыдово 1, 2	разведка	Глазов, 1980, № 8065; АКР, 1995, с. 133
	Калужская	И.К. Фролов	Брагино	разведка	Фролов И., 1980, № 8788
	Московская	А.Е. Кравцов	Жабки 3	раскопки	Кравцов, 1981
			Черная 1, Панюшенка	разведки	
	Орловская	А.С. Смирнов	Буравленка	разведка	Смирнов, Сорокин, 1981.
А.Н. Сорокин		Спас 1-5	разведка		
Тульская	А.С. Смирнов	Добропокровское, Жабынь, Устье Беленькой,	разведка		

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1981	Владимирская	А.Н. Сорокин	Петрушино	раскопки	Сорокин, 1983
	Ивановская	Д.А. Крайнов	Малая Ламна 3	раскопки	Уткин, 1990
	Калужская	И.К. Фролов	Красное 1-3, Рессета 1, 2	разведки	Фролов И., 1982
	Московская	Р.Л. Розенфельдт	Грызлово, Хатунь	разведки	Розенфельдт, 1982
		А.К. Станюкович, В.Ю. Дукельский	Заозерье 1, 2	разведки	Станюкович, Дукельский, 1983
А.Е. Кравцов		Купляям 1, 2, Жабки 3	раскопки	Кравцов, 1981, № 8508; Кравцов, 1983, с. 63	

А.Н. СОРОКИН

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1981	Нижегородская	М.Г. Жилин	Велетьминское 9, Угольново 1	раскопки	Жилин, 1981, № 8543; Жилин, 1983, с. 57
		А.А. Миронос	Шиморское 1, Колодливо2, Досчатое 1	разведки	Миронос, 1983, с. 71
	Рязанская	А.Н. Гаврилов	Александро- Нетрош 1, 2, Прибрежный 4	разведки	Гаврилов, 1981, № 8888
	Тульская	Г.К. Патрик	Карташево	разведки	Патрик, 1981, № 8862
	Ярославская	Д.А. Крайнов	Ивановское 3	раскопки	Крайнов, 1983, с. 64

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки	
1982	Калужская	А.С. Смирнов	Красное 10	раскопки	Смирнов, Сорокин, 1982, № 9168; АКР, 1992; Сорокин, 1984, с. 86, 87	
			Красное 1-3, Рессета 1-3, Красное 8 «Пенешки»	разведки		
		А.Н. Сорокин	Красное 1 «Вася», Красное 8 «Пенешки»	раскопки		
			Красной 3	разведки		
	Московская	А.Е. Кравцов	Колионово (Черная) 1, 3, Жабки 3	раскопки	Кравцов, 1982, № 9360	
			А.С. Фролов	Заозерье 1, 2	раскопки	Фролов, 1983
			Р.И. Леденев	Сущево 1, 2, Николо-Перевоз 2- 4	разведки	Леденев, 1984, с. 64
	Нижегородская	М.Г. Жилин, А.А. Миронос	Пустынь (Старая Пустынь) 1, Велетьминское 9	раскопки	Жилин, 1982, № 9175; Жилин, Миронос, 1984, с. 54, 55	
			Силикатный 3, 4	разведки		
		В.Н. Мартьянов	Красная речка (Пятница) 5, Личадаево 1	разведки	Мартьянов, 1982, № 10048	
	Орловская	И.К. Фролов, Л.Н. Красницкий	Кремль	разведки	Фролов И., 1984, с. 96, 97	
	Рязанская	А.Н. Сорокин	Борисово 1, Задне-Пилево 1-9, Шильцева Заводь 5	раскопки	Сорокин, 1990; Сорокин, 1982, № 9480	
		А.Н. Гаврилов	Куземкино 4	разведки	Гаврилов, 1982, № 10656	
Ярославская	Ю.Б. Цетлин	Ивановское 7	раскопки	Крайнов и др., 1982		

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1983	Владимирская	А.Н. Сорокин	Петрушино 1, 2	раскопки	Сорокин, 1983, № 9480; Сорокин, 1985, с. 84, 85
	Ивановская	Д.А. Крайнов, А.В. Уткин	Малая Ламна 3	раскопки	Костылева, 1983; Уткин, 1990; Крайнов, 1983, № 9784; Крайнов, 1985, с. 62, 63

МЕЗОЛИТОВЕДЕНИЕ ПООЧЬЯ

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1983	Калужская	А.С. Смирнов	Красное 10	раскопки	Смирнов, 1983, № 8658
		А.Н. Сорокин	Рессета 2, 3	раскопки	Сорокин, 1983, № 9479
	Московская	А.Е. Кравцов	Калионово (Черная) 1, Жабки 3	раскопки	Кравцов, 1983, № 9581; Кравцов, 1985, с. 61, 62
		А.С. Фролов	Заозерье 1, 2	разведки	Фролов, 1983, № 9609
	Нижегородская	М.Г. Жилин, Л.Д. Шакулова, Ю.Р. Тихонов	Велетьминское 9	раскопки	Жилин, 1983, № 9889; Жилин и др., 1985, с. 55, 56
	Рязанская	Б.А. Фоломеев	Пургасово 3	разведки	Фоломеев, 1983, № 9663
		А.Н. Сорокин	Заводская Слобода 1, 3, Задне-Пилево 10, 11, Исток 1-3, Медвежье 1-3	разведки	Сорокин, 1983, № 9480; Сорокин, 1985, с. 84, 85
			Борисово 1, Исток 1	раскопки	
		А.Н. Гаврилов	Санское 2	разведки	Гаврилов, 1983, № 9716
	Ярославская	Д.А. Крайнов	Ивановское 7	раскопки	Крайнов и др., 1984

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1984	Ивановская	Е.Л. Костылева	Шадрино 4	раскопки	Костылева, 1986, с. 54
	Калужская	Б.В. Грудинкин	Калуга, Воронино	разведки	Грудинкин, 1984, № 9473, 1985, № 10939
		А.С. Фролов	Красное 8 «Пенешки»	раскопки	
		А.С. Смирнов	Красное 10	раскопки	Смирнов, 1984, № 10366
	Московская	А.Е. Кравцов	Колионово (Черная) 1, Колионово (Усть-Черная) 3	раскопки	Кравцов, 1985, с. 54, 55
			Беливо 2 (1Б), 3 (1В), 4 (1Г), Беливо 5 (1Д), 6 (1Е), 7, 9 (4А), 10 (4Б), 11 (4В), 13 (6, 6А), Беливо 22 (Беливское озеро 1), Беливо 23 (Беливское озеро 2), Заволенье (Усть-Вольная), Загрязская 1, Тереньково 1 (4), 4 (5Б), 5 (5А), 7 (Тереньковское кладбище 1), 4 (6)	разведки	Кравцов, 1985
		А.С. Фролов	Заозерье 1, 2	раскопки	Фролов, 1984, № 10424; Фролов, 1986, с. 79
		А.Н. Неклюдов	Льялово 3, 5, 6, Менделеево 1, 2	разведки	Неклюдов, 1984, № 10443

А.Н. СОРОКИН

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1984	Нижегородская	М.Г. Жилин	Новошино	раскопки	Жилин, 1984, № 10532
	Рязанская	А.Н. Сорокин	Задне-Пилево 2, 8, Исток 1, Шильцева Заводь 5	раскопки	Сорокин, 1984, № 11965; Сорокин, 1990
		И.Л. Чернай	Высокие Поляны 1, 6	разведки	Чернай, 1984, № 10106
	Ярославская	Д.А. Крайнов, А.В. Уткин	Ивановское 3	раскопки	Крайнов и др., 1984

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1985	Ивановская	П.Н. Травкин	Горки	разведки	Травкин, 1985, № 11057
	Калужская	Б.В. Грудинкин	Калуга, Воронино	раскопки	Грудинкин, 1985, № 10939
			Никольское 1, Семеновка, Воронино	разведки	Грудинкин, 1985, № 10939; АКР, 1992, с. 95; Болдин и др., 1999
		А.С. Фролов	Таруса 1, 2	раскопки	Фролов, 1985, № 10761;
			Сутормино 1-3	разведки	Фролов, Прошкин, 1989; АКР, 1992, с. 105
	А.С. Смирнов	Красное 10	раскопки	Смирнов, 1985, № 11003	
	Московская	Н.А. Кренке	Истра 2 (Трусовское), Дубровицы	раскопки	Кренке, 1985, № 11073
		А.Е. Кравцов	Беливо 4А, 4Б	раскопки	Кравцов, 1985, № 10597;
			Беливо 8-10	разведки	Кравцов, 1987, с. 72, 73
	А.Н. Неклюдов	Льялово 3	раскопки	Неклюдов, 1985, № 11243	
	Нижегородская	М.Г. Жилин	Саконы 1 (Саконская)	разведки	Жилин, 1985, № 11185
	Рязанская	А.Н. Сорокин	Пургасово 3	раскопки	Сорокин, 1985, № 11155
			Пургасово 4-6, Набоково	разведки	
		И.Л. Чернай	Высокие Поляны (Сухарев Лесок) 6	разведки	Чернай, 1985, № 10411
В.В. Судаков		Вышетравино 1 и 2	разведки	Судаков, 1985, № 10436	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1986	Калужская	Б.В. Грудинкин	Калуга, Кременское	разведки	АКР, 1992; Болдин и др., 1999
		А.С. Фролов	Поляки 1, 2, Вязищи, Кременское 1-4, Турынинские Дворики	разведки	Фролов, 1986, № 11820
			Таруса 1, 2	раскопки	
	Московская	А.Е. Кравцов	Беливо 4Б, 4Г, Тереньково 1, 2	раскопки	Кравцов, 1986, № 11382
		А.Н. Неклюдов	Льялово 3	раскопки	Неклюдов, 1986, № 11244, 11914, Неклюдов, 1988
	Нижегородская	М.Г. Жилин	Красная речка (Медвежье Логово),	разведки	Жилин, 1986, № 11859

МЕЗОЛИТОВЕДЕНИЕ ПООЧЬЯ

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1986			Наумовка 1, Пустынь (Старая Пустынь) 1, Ясная Поляна 3 (4), Утрех, Чистое		
	Рязанская	В.П. Челябинов	Барашево 1	разведки	Челяпов, 1986, № 11310
		А.Н. Сорокин	Ибердус 2, 3, Берестянки, Лесное Конобеево 1-21, Вышетравино 1-6, Задне-Пилево 1-6, Енкаево, Исток 1	разведки	Сорокин, 1986, № 14552
		М.Ф. Третьяков	Городок 1	разведки	Третьяков, 1988
		Е.Д. Каверзнева	Одоевские Фермы (Пищерга) 9	разведки	Каверзнева, 1986, № 11949; АКР, 1993, с. 187
Ярославская	Д.А. Крайнов, А.В. Уткин	Ивановское 3, 7	раскопки	Крайнов и др., 1988	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1987	Владимирская	М.Г. Жилин	Елин Бор	разведка	Нет данных
	Нижегородская	М.Г. Жилин	Боровское 3, 18	раскопки	Жилин, 1987, № 12522
	Калужская	Б.В. Грудинкин	Калуга	раскопки	Грудинкин, 1987, № 12227
			Пучково 1, Каменка, Оптина Пустынь 1, 2	разведки	Грудинкин, 1987, № 12227
	Московская	А.Е. Кравцов	Исаково (Чашка) 1, Колионово 2 (Черная 3), Беливо 9 (4А), Беливо 16 (8), Беливо 19 (12), Соболево 1, 2, Тереньково 3 (7), Хотеичи 1 (2), Беливо 2 (4Г — южная), Беливо 3 (6Б)	разведки	Кравцов, 1987, № 11878
		М.И. Гоняный	Ознобишино 5.	разведки	Гоняный, 1988
	Рязанская	А.Н. Сорокин	Барашево 1, Поповка, Сысои-Дно 1 и 2, Вышетравино 1-8, Заря Свободы 1, 2, Барашево 2, Калиновец, Кирицы 1 и 2	разведки	Сорокин, 1988
			Исток 1	раскопки	Кравцов, Сорокин, 1991
		Е.Д. Каверзнева, А.Н. Сорокин	Шагара 4	раскопки	Сорокин, 1987, № 14058; Каверзнева, Сорокин, 1987, № 13902

А.Н. СОРОКИН

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1987		И.Л. Чернай	Лубянка (Рождественская)	разведки	Чернай, 1987, № 11925
	Тульская	Б.А. Фоломеев	Слободка (Городище), Беломестное	разведки	Фоломеев, 1987, № 12004
		Р.В. Клянин	Упа 4	разведки	Клянин, 1987, № 12104
		О.Н. Заидов	Тетьяковка 1, 3	разведки	Заидов, 1987, № 12084
	Ярославская	Д.А. Крайнов, А.В. Уткин	Ивановское 7	раскопки	Крайнов и др., 1988

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1988	Ивановская	Д.А. Крайнов	Сахтыш 9	раскопки	Крайнов и др., 1990; АКР, 1995, с. 168; Крайнов, 1988, № 14379; Крайнов, 1989, № 13981
	Калужская	О.Л. Прошкин	Маламахово 1-3	разведки	Болдин и др., 1999; АКР, 2006
		Б.В. Грудинкин	Вороново, Ильинское	разведки	Грудинкин, 1988, № 12236; Болдин и др., 1999
	Московская	А.Е. Кравцов	Исаково (Чашка)1-3, Беливо 10 (4Б), Беливо 1 (4Г — северная), Беливо 3 (6Б)	раскопки	Кравцов, 1988, № 12529
		Г.А. Николаев	Беливо 11 (4В)	раскопки	Николаев, 1988, № 13964
		К.В. Воронин	Дракино 1-8 и Лужки 1	разведки	Воронин, 1988, № 14035
	Нижегородская	М.Г. Жилин	Наумовка 1, Спас-Седчено 2	раскопки	Жилин, 1988, № 12551
			Поздняково 8, 9, Груздево 1-3	разведки	
	Рязанская	Б.А. Фоломеев	Березовый Рог (Папушево) 3, Лакаш (Гришинский Исток) 1 и 2, Орехово	разведки	Фоломеев, 1988, № 12557
	Тульская	О.Н. Заидов	Тетьяковка (Кикина Протока) 3	раскопки	Заидов, 1988, № 13398

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1989	Ивановская	Д.А. Крайнов	Сахтыш 9	раскопки	Крайнов, 1989, № 13981
		К.И. Комаров	Мордовское 4, 6 и 7	разведки	Комаров, 1989, № 14122
	Московская	В.В. Сидоров	Колтово 1 и 2 (Мутенка), Лужки 1, 2, 3 (Б), 4, 5 (Г), 6 (Д) и 7	раскопки	Сидоров, 1989, № 15433
		А.Е. Кравцов	Беливо 14 (6В), Беливо 3 (6Б)	раскопки	Кравцов, 1989, № 14300
		А.Е. Кравцов, Е.В. Леонова	Дальний Остров		Кравцов, Леонова, 1992

МЕЗОЛИТОВЕДЕНИЕ ПООЧЬЯ

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1989		Е.В. Леонова	Беливо 1 (4Г — северная), Беливо 2 (4Г — южная)	раскопки	Леонова, 1989, № 14425
		Т.М. Кузнецова	Митино 5	раскопки	Кузнецова, 1989, № 15474
	Нижегородская	М.Г. Жилин	Зименки 4, Волосово 12, Малое Окулово (Малоокуловская) 11, 1, 14, 16, 17, Покров 4-8, Венец 4, 6, 9, Венец (Кусторка) 3	разведки	Жилин, 1989, № 13462
	Рязанская	А.Н. Сорокин	Барашево 1, Лебяжий Бор 4, Пургасово 8 и 9, Полушкино 1, 3, 4, 5, Шабеево 1-5, Коростово 2-5, Уродово (Панино) 3-5	разведки	Сорокин, 1989, № 13786
			Шильцева Заводь 5, Вышетравино 1	раскопки	Сорокин, 1989, № 13786
		В.М. Буланкин	Лесное Конобеево 2-21, Сявель (Шаморга) 20	разведки	Буланкин, 1989, № 14325
	Тульская	О.Н. Заидов	Тетяковка (Кикина Протока) 3, Тетяковка (Кобяково) 1	раскопки	Заидов, 1988, № 13398; Заидов, 1989, № 14774
	Ярославская	К.И. Комаров	Купанское (Дом охотника)	разведки	Комаров, 1989, № 14122

Как отмечалось, в 1980-е годы активно публиковались материалы полевых изысканий, их дополняли аналитические статьи. Если первые чаще выходили из-под пера молодых исследователей, то вторые — уже ранее заявивших о себе авторов. Проблемы методики полевых исследований нашли развитие в работах

А.Н. Сорокина (1987д; 1989а), культурных различий и вопросов хронологии — в статьях М.Г. Жилина (1982, 1985, 1986, 1987а, б), А.Е. Кравцова (1987б; 1988а, в, г) и автора (Сорокин, 1981а, б; 1986а, б; 1987а, б, г, е; 1989б-д). Активно публиковался Л.В. Кольцов (1984, 1985, 1989).

СТАТЬИ

В 1981 г. были опубликованы материалы раскопок Микулино, Петрушино (Сорокин, 1981а, б) и стоянки Ладыжино 3 (Жилин, Фролов, 1981). В 1982 г. — стоянки Берендеево 2а (Жилин, Крайнов, 1982). В совместной статье Д.А. Крайнова и Л.В. Кольцова, вышедшей в 1983 г. и посвященной 25-летию Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР (Крайнов, Кольцов, 1983), была дана более развернутая характеристика основных археологических культур Волго-Окского бассейна, чем та, которая

была изложена четырьмя годами ранее в их совместных тезисах 1979 г.

В 1984 г. вышли статьи Л.В. Кольцова о мезолитических поселениях Верхнего Поволжья (Кольцов, 1984); Д.А. Крайнова и Н.А. Хотинского — об Ивановских стоянках (Крайнов, Хотинский, 1984); А.С. Фролова — о палинологической датировке стоянки Ладыжино 3 (Фролов, 1984) и, наконец, автора — о мезолитических памятниках Великих Мещерских озер (Сорокин, 1984). В 1985 г. появилась ста-

тя А.С. Фролова о памятниках иеневской культуры в бассейне Оки (Фролов, 1985).

Особо следует отметить статью Л.В. Кольцова 1985 г. «О сезонном функционировании мезолитических стоянок»³, где впервые в отечественной литературе по материалам Волго-Окского междуречья была высказана гипотеза о сезонных отличиях в орудийном наборе стоянок иеневской культуры и возможной их функциональной специализации (Кольцов, 1985). В качестве примера им были избраны четыре стоянки — Иенево 2, Староконстантиновская 4, Дмитровское 1 и Черная Грязь 1. Здесь им была заимствована и озвучена идея Г. Кларка, высказанная 12 годами ранее (Clark, 1973)⁴, при этом Л.В. Кольцов походя, чтобы отметить даже саму возможность идеи заимствования, сообщает, что «...проблема сезонного функционирования отдельных мезолитических стоянок... в западноевропейской и американской литературе разрабатывалась, но ...ни один из зарубежных специалистов, занимавшихся этими вопросами, не сформулировал четко своих методических приемов» (Кольцов, 1985, с. 25). Это было по существу ложью, рассчитанной на непосвященного читателя. Г. Кларк не только предложил такую методику в указанной статье, но и прямо призвал к изучению качественных источников, к которым в отличие от «дюнных» стоянок, используемых Л.В. Кольцовым, относил памятники с органическими остатками. Недаром саму проблему сезонности он рассматривал на примере «костеносной» стоянки Стар Карр (Clark, 1936, 1954, 1973).

В то же время Л.В. Кольцов «свою методику» апробирует «на примере мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья, залегающих на песке и раскопанных — по его утверждению — на большой площади» (Кольцов, 1985, с. 25). Согласно приведенным данным,

она составляет⁵ от 200 — до 460 м². Нет нужды говорить об относительности любых цифр, в том числе и названных. Но и признание этих раскопов «значительными» не дает никакого реального основания для их соотнесения с масштабом самих памятников, как и не раскрывает того, что вскрытая площадь собой конкретно представляет. Между тем, опыт учит, что разные участки одного и того же памятника различаются между собой в функциональном отношении весьма существенно (Binford, 1978, 1982, 1983)⁶.

Теперь несколько слов о конкретных памятниках, привлекаемых Л.В. Кольцовым для обоснования гипотезы. Материал Староконстантиновской 4 и Дмитровской 1 смешан, здесь помимо иеневских имеются еще и выразительные бутовские изделия. Нет уверенности и в чистоте Иенево 2, где помимо трапеций, есть два «постсвидерских» наконечника, которые Л.В. Кольцов в статье «условно называет колющими» (Кольцов, 1985, с. 27), причем об одном из них вообще умудряется забыть (Кольцов, 1985, с. 27). Следовательно, использование материалов трех этих памятников для заявленной темы моделирования сезонности в иеневской культуре попросту некорректно. А ведь любая реконструкция, прежде всего, требует конкретных и надежных сведений, а также учета всей совокупности обстоятельств. Однако, если отсутствует само понятие качества источника, стоит ли удивляться тому, что Л.В. Кольцовым не учтено соответствие современного ландшафта и топографии места палеоландшафту и позиции стоянок в древности. А ведь известно, что они далеко не всегда такие же, как и несколько тысячелетий назад, но и этот вопрос, как несущественный, не возникал перед Л.В. Кольцовым. Осталась невостребованной и информация о том, что «островок, на кото-

³ Кольцов Л.В. О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья) // СА. № 3. 1985. С. 25-36.

⁴ Clark G.D. Seasonality and the Interpretation of lithic Assemblages // Estudios dedicados at Professor L. Pericot. Barselona. 1973.

⁵ Величина раскопа в Дмитровской 1 в одном случае «свыше 250 кв. м» (Кольцов, 1985, с. 26), в другом — уже «свыше 260 кв. м» (Кольцов, 1985, с. 31).

⁶ Дополнительно см.: Binford, 1989; Voaz, 1998.

ром располагалось поселение (! — А.С.) Иенево 2, заливался водой» (Кольцов, 1985, с. 28), что, по сути, равнозначно признанию, что в ходе полевых исследований совершенно не установлено, а что же от стоянки в результате этого реально осталось?

Да и может ли вообще идти речь о таких банальностях и частностях — по Л.В. Кольцову, — как достоверность или качество источника, если к орудиям для обработки дерева он, помимо топоров, тесел и долот, относит мотыги и кайла (Кольцов, 1985, с. 25)? А топорами, оказывается, «обтесывают не только столбики, но и ...древки наконечников стрел» (Кольцов, 1985, с. 27). В Дмитровской 1, правда, где тоже было найдено кайло из опоки, оно — по словам Л.В. Кольцова — все же «использовалось для рыхления земли и выкапывания ям» (Кольцов, 1985, с. 33). И в это действительно можно было бы поверить, если бы он тут же не утверждал, что «стоянка функционировала в зимнее время года» (Кольцов, 1985, с. 33). Судя по такому заявлению, зима самое подходящее для этого время года. Прямо противоречит интерпретации стоянки Дмитровской 1 как зимней и единичность в его жилище находок⁷, о которой вскользь упоминает Л.В. Кольцов, но сам не осознает этого факта (Кольцов, 1985, с. 32).

Л.В. Кольцов также полагает, что «отсутствие в инвентаре Иенево 2 тесел свидетельствует «в пользу поздней осени, так как зимой лодки не нужны, следовательно, не нужны и орудия для их изготовления» (Кольцов, 1985, с. 29). При этом он упускает из виду такую мелочь, как возможность передвижения по воде не только в лодках, но и на плотках, для изготовления которых тесла совершенно не нужны. Не известно ему и того, что рубящие орудия чаще всего концентрируются в пределах прибрежной полосы или вообще в воде, а отнюдь не на суходоле, где был раскоп в Иенево 2. Поэтому их отсутствие в раскопе Л.В. Кольцова ни о чем не говорит, точнее, указывает на конкретный факт и не годится для экстраполяции на весь памятник. Но для того, чтобы это знать,

книжных сведений по дюнным стоянкам явно недостаточно.

Сложно сказать, на кого рассчитаны эти и подобные его откровения. Как и нет нужды следить за своеобразием стиля и логики Л.В. Кольцова. Тем не менее, они достойны, по крайней мере, минимального воспроизводства. Ограничусь только двумя из данной статьи. Первая: «Охотничье вооружение этой стоянки (Дмитровской 1) содержит как наконечники колющие, так и трапеции, служившие в качестве наконечников с поперечным лезвием. Количественно преобладают первые над вторыми (соответственно 7 и 2 экз.), что говорит о преобладании охоты на млекопитающих над охотой на птиц. Видимо, охота велась на всех животных, которые попадались охотникам, без особой специализации... Охотничий инвентарь говорит об охоте на любых животных, что, скорее всего, могло быть зимой» (Кольцов, 1985, с. 33). Не буду акцентировать внимания на весомости двух и семи наконечников при установлении соотношения, на что же охотились чаще? И без этого понятно, что девять наконечников вообще не говорят об интенсивности охоты, а тем более ее специализации. Сразу приведу вторую цитату, теперь уже о стоянке Черная Грязь 1. «Охотничий инвентарь стоянки представлен разнообразными наконечниками стрел. Это, прежде всего, три асимметричных... колющих наконечника стрел на отщепах. Кроме того, найдены наконечник стрелы с поперечным лезвием и грубая симметричная трапеция, тоже, вероятно, служившая наконечником с поперечным лезвием» (Кольцов, 1985, с. 34). Не стану и здесь обращать особого внимания на то, какое «многообразие» могут отражать пять наконечников. Отмечу лишь тот потрясающий вывод, который Л.В. Кольцов из всего этого делает: «Такой характер оружия предполагает недифференцированную охоту на разных животных, что было вполне возможным летом» (Кольцов, 1985, с. 34). И после этого кто-то может говорить, что разница в пять и девять наконечников для выводов несущественна.

⁷ Binford, 1978, 1983, 1989; Boaz, 1998.

Подводя итоги вышесказанному, воспользуюсь словами С.А. Васильева, произнесенными, правда, по поводу использования этнографических сюжетов для воссоздания истории первобытного общества, но удивительно точно совпадающей с той оценкой, которую заслуживает данная статья Л.В. Кольцова. Говоря о сути предлагаемых методик, он называет подобные усилия и высказывания «дилетантской попыткой интерпретации археологических материалов в рамках налагаемых на них искусственных схем» (Васильев, 1995). И добавить к этому нечего.

Из статей 1986 г. можно отметить работы автора о рессетинской и бутовской культурах (Сорокин, 1986 а, б), а из публикаций, вышедших в 1987 г., следует отметить заметки М.Г. Жилина и А.С. Фролова о датировке и культурной принадлежности стоянки Турынинские Дворики (Жилин, Фролов, 1987); А.С. Фролова об инвентаре стоянки Заозерье 1 на Москве-реке (Фролов, 1987); А.Н. Сорокина и А.С. Фролова о стоянке Красное 8 «Пенешки» (Сорокин, Фролов, 1987); статью Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина о материалах стоянки Угольново 1 (Кольцов, Жилин, 1987) и А.Е. Кравцова — о хронологии мезолитических и раннеолитических памятников Мещерской низменности (Кравцов, 1987). А также серию статей автора о культурных различиях в мезолите бассейна р. Оки, рессетинской и бутовской культурах и методике исследования мезолитических стоянок с неокрашенным культурным слоем (Сорокин, 1987а-г). В них на основе новейших исследований были выделены рессетинская и култинская культуры, упорядочена характеристика бутовской культуры, а также предложена полевая методика пространственной фиксации материалов.

Следует упомянуть и заметку М.Г. Жилина, в которой он выделяет в Волго-Окском бассейне функционально-специализированные памятники типа Красново 1. Собственно, ничего нового в этом, за единственным исключением, не было. Исключением служит то, что они были выделены именно по волго-окским материалам, специфика которых до этого времени рассматривалась в локальном, хронологиче-

ском или культурном аспектах. Прямого отношения к рассматриваемой теме эта дефиниция могла бы не иметь, если бы не два обстоятельства: 1) часть этих памятников была локализована в Окском бассейне, 2) одновременная попытка М.Г. Жилина атрибутировать их еще и в качестве «охотничьих лагерей бутовской культуры». Мало того, что в количественном отношении объединенные в этот тип коллекции не были статистически представительными, что само по себе делало его выделение преждевременным, их увязка с бутовскими коллекциями реально ни на чем не основывалась.

Если быть точным, функционально-специализированные памятники типа Красново 1 были выделены М.Г. Жилиным в Волго-Окском бассейне двумя годами ранее, еще в 1985 г. Причем он их считал охотничьими лагерями (Жилин, 1985). Здесь он взял за основу идею Л.В. Кольцова, озвученную в тот же год (Кольцов, 1985). Типологические разработки М.Г. Жилина в отличие от его учителя подкреплялись, при этом, трасологическим анализом инвентаря (Жилин, 1985, 1987), выполненного им же. Использование трасологии было, без сомнения, положительным, однако этот метод требовал значительных усилий, и далеко не всегда, как оказалось позднее, М.Г. Жилиным соблюдалась «чистота эксперимента». Во всяком случае, часть анализированных материалов так и осталась не вымытой. Отсутствие фаунистических остатков тоже делало его выводы зыбкими и ненадежными. Всего первоначально к этому типу было отнесено около 15 пунктов, два из которых — Красново 1 и Велетьминское 9 — считались «полностью раскопанными» (Жилин, 1987, с. 17). С этим спорить, пожалуй, не приходится. А вот отнесение памятников типа Красново 1 к некоей «позднебутовской» культуре (Жилин, 1987, с. 18) было произведено совершенно безосновательно, ибо такой культуры выделено никем не было. Однако если не цепляться к терминам (к сожалению, для М.Г. Жилина, как, впрочем, и для его учителя Л.В. Кольцова подобная «терминологическая вольность» — явление рядовое), и «бутовская атрибуция» этих археологических объектов тоже ничуть не лучше.

Впрочем, дальнейшее развитие этой идеи вообще свелось к бессмыслице, ибо по-другому нельзя расценить отнесение ими к функционально-специализированным памятникам типа Красново 1 базовой стоянки Култино 1 (Кольцов, Жилин, 1999). Инвентарь этого памятника мало того, что включает немногим менее 39000 каменных предметов, но и представлен всем типологическим спектром изделий базовой стоянки. Хотя, без сомнения, и обладает весьма специфическим, причем совсем не бутовским охотничьим вооружением. Таким образом, плодотворная идея функциональной специализации памятников по существу оказалась принесена в жертву косной схеме археологических культур, постулированной Л.В. Кольцовым (Жилин, 1986, 1987; Кольцов, Жилин, 1999).

Забегая несколько вперед, следует отметить, что в 1990-е — начале 2000-х годов М.Г. Жилиным было раскопано около двух десятков «торфяниковых» стоянок. Разительный прирост источников из органических материалов привел в результате к тому, что идея функциональной специализации тихо отошла на задний план и ее место заняла разработка хозяйственной и адаптационной стратегии первобытного населения (Жилин, 1994, 1996, 1998, 2001, 2002, 2004 а, б; 2006; Жилин и др., 1998). Тем не менее, сама смена парадигмы вряд ли оправдывает такое негативное отношение к материалу и ее нужно пересматривать

именно с учетом новой источниковедческой базы. Точно такой же непродуктивной оказалась еще одна идея М.Г. Жилина — гипотеза культурогенеза, основанная на экзогамии (Жилин, 2000б), но об этом ниже.

Из публикаций, вышедших в 1988 г. и касающихся памятников бассейна Оки, следует отметить две статьи А.Е. Кравцова о памятниках позднего мезолита и эпохи бронзы в Подмошковой Мещере и материалов Беливо 4Г (Кравцов, 1988а, б); публикацию коллекции нижнего слоя стоянки Исток 1 (Сорокин, 1988); а также совместную статью А.Н. Сорокина и А.С. Фролова (Сорокин, Фролов, 1988)⁸ о чертах сходства и различия песочноровской и иеневской культур, где был сделан вывод об их тождестве. В 1989 г. вышли в свет заметка А.Е. Кравцова о некоторых спорных вопросах иеневской мезолитической культуры (Кравцов, 1989) и его совместная публикация с В.М. Лозовским о стоянке Черная 1 в Мещере (Кравцов, Лозовский, 1988). А.С. Фролов и О.Л. Прошкин опубликовали материалы к Своду памятников археологии Калужской области (Фролов, Прошкин, 1988). Схема культурного членения мезолита Окского бассейна нашла свое развитие в статье А.С. Смирнова и А.Н. Сорокина об итогах полевых исследований Деснинской экспедиции 1984-1985 гг. (Смирнов, Сорокина, 1988), а также в статьях автора о рессетинской культуре и проблеме происхождения бутовской культуры (Сорокин, 1988 а, б).

СБОРНИКИ

Из сборников, имеющих непосредственное отношение к изучаемой теме, в это десятилетие были изданы три. В них были собраны материалы международных конференций и симпозиумов. Прежде всего, следует упомянуть два сборника материалов Международных симпозиума по мезолиту Европы: 2-го, проводившегося в Потсдаме в апреле 1978 г. (*Mesolithikum in Europa*, 1981), и 3-го, проводившегося в 1985 г. в Эдинбурге (*The Mesolithic*

in Europe, 1989). Оба сборника давали полноценное представление об исследованиях в этой области и тех новых направлениях в изучении эпохи, которые получили развитие в 1980-е годы.

Третий сборник под редакцией М. Звелебила был посвящен проблеме перехода мезолитических обществ к неолиту и производящему хозяйству (*Hunters in transition*, 1986). В нем получила дальнейшее развитие идея неолити-

⁸ На украинском языке.

ческой революции, и были рассмотрены конкретные примеры трансформации присваиваю-

щей экономики в производящую на различных региональных материалах.

МОНОГРАФИИ

В 1980 г. вышла монография Г. Кларка, посвященная экономическому базису эпохи мезолита (*Clark, 1980*). Здесь не только нашла свое воплощение и развитие идея Г. Чайлда о решающей роли в становлении цивилизации земледелия, но и на обширном материале и фоне было показано, что мезолит служит материальной основой неолитической революции. К сожалению, эта основополагающая работа осталась по существу неизвестной отечественным исследователям. Во всяком случае, она никак не была отражена в томе «Мезолит СССР» серии «Археология СССР», редактором которого был Л.В. Кольцов. Хотя справедливости ради следует сказать, что была упомянута там в написанном им введении, но лишь в связи с появлением самого термина «мезолит» (*Мезолит СССР, 1989, с. 5*). По существу, концепция «неолитической революции» так и не получила должного признания в исследованиях, посвященных изучению территории страны.

В 1982 г. вышла в свет монография В.Н. Станко о стоянке Мирное в Северном Причерноморье (*Станко, 1982*), в которой значительное внимание было уделено планиграфии находок и реконструкции на этой основе образа жизни мезолитических охотников-собираателей. В ней на базе объектов, вскрытых на указанном памятнике, и распределения находок на площади его раскопа, предлагалась реконструкция модели хозяйственно-культурного типа всей степной зоны. Позднее эта реконструкция была подвергнута критике и признана недостоверной (*Сорокин, 2000, 2002*).

В монографии С.В. Ошибкиной 1983 г. высказывалась мысль, что сходство, которое прослеживается в материалах стоянок бассейна р. Сухоны и волго-окских, вызвано их сложением на общей свидерской основе (*Ошибкина, 1983*).

Заслуживает упоминания и сводка палеолитических и мезолитических местонахожде-

ний СССР, вышедшая в 1984 г., авторство которой принадлежит Н.А. Береговой, (*Береговая, 1984*). Как известно, с конца 1960-х гг. наиболее активно в Поочье исследовались территории Горьковской (Нижегородской), Рязанской и Московской областей. Эта же тенденция сохранилась и в 1970-1980-е годы, с той оговоркой, что к ним прибавилась еще и Калужская область. Если оценивать в целом результаты полевых изысканий этого времени, можно утверждать, что общее число открытых памятников на исходе 1970-х по всему бассейну Оки вплотную приблизилось к сотне. Тем не менее, прирост мезолитических материалов оказался практически не отраженным и в упомянутой второй сводке Н.А. Береговой, вышедшей почти через четверть века после первой. Хотя там и было написано, что в ней «приведены данные по состоянию на конец 1970 гг.» (*Береговая, 1984, с. 4*). В ремарке от редактора, предваряющей издание, сказано, правда: «Настоящая книга не является вторым, переработанным изданием книги Н.А. Береговой, вышедшей в 1960 г. В ней характеризуются только памятники, открытые и исследованные после выпуска названной книги» (*Береговая, 1984, с. 3*). Вероятно, поэтому в ней и сохранилось упоминание лишь о единственной стоянке — Елином Боре, исследование которого производилось в 1959 и 1961 гг., хотя это никак не оправдывает отсутствия в ней других эпипалеолитических стоянок, ставших широко известными к тому времени.

В том же году увидела свет первая монография украинского исследователя Л.Л. Зализняка о мезолите Юго-Восточного Полесья (*Зализняк, 1984*). Из других работ украинских археологов следует также упомянуть коллективную монографию В.И. Неприной, Л.Л. Зализняка и А.А. Кротовой о памятниках каменного века Левобережной Украины (*Неприна и др., 1986*), где упоминаются и волго-окские материалы. А, кроме того, содержится вывод о сходстве

материалов песочноровской и иеневской культур.

В монографии А.А. Выборнова и В.П. Третьякова о неолите Сурско-Мокшанского междуречья, вышедшей в 1988 г., содержатся краткие сведения и о мезолитических находках в этом слабо изученном регионе (*Выборнов, Третьяков, 1988*).

Следует также упомянуть еще одну монографию Л.Л. Зализняка, вышедшую на исходе 1990-х гг. Она посвящена свидерским охотникам на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита (*Зализняк, 1989*). В ней была дана исчерпывающая публикация материалов свидерской культуры территории Украины, добытых к тому времени, и предложена модель хозяйственно-культурного типа населения эпохи финального палеолита.

Среди коллективных трудов, увидевших свет в 1980-х годах и непосредственно касающихся всего изучаемого региона первостепенное значение имел выход в свет тома Археологии СССР, посвященного мезолиту СССР (под редакцией Л.В. Кольцова). Это издание, по существу, подводило логический итог изучения мезолитических памятников практически на территории всей страны. Была там и написанная Л.В. Кольцовым глава по мезолиту Волго-Окского междуречья (*Мезолит СССР, 1989*). В ней была дана развернутая характеристика схемы культурного развития мезолита региона, предложена первая периодизация иеневской культуры, сформулированы положения о бутовской и иеневской культурах, рассмотрен вопрос о взаимоотношениях древнего населения (*Кольцов, 1989*). Положительным был сам факт публикации ряда материалов, накопленных в 1960-1980-е гг. и впервые увидевших здесь свет. К сожалению, в ряде случаев полет

фантазии был столь высок и стремителен, что автор утрачивал всякое представление об археологических реалиях и переходил в область домыслов, как это было в отношении конкисты и реконкисты иеневского и бутовского населения или идеи функциональной охотничьей специализации стоянки Култино 1. Приводились здесь и заведомо фальсифицированные сведения о многих памятниках — Елином Боре, Соболево 5, Золоторучье 1, Алтыново, Старокопанинской 4 и др. Все это резко снизило достоинство, безусловно, востребованного издания.

1990-е годы

Десятилетие совпало с периодом общего экономического кризиса в стране и развалом СССР. Прежде всего, это сказалось на свертывании полевых изысканий, резкое падение которых приходится как раз на него. Значительный отток из гуманитарной сферы привел и к уменьшению количества публикаций. Тем не менее, и в этих экстремальных условиях продолжались раскопки и разведки, а также аналитические исследования.

Среди исследователей, продолжавших изучение мезолита региона, следует, прежде всего, назвать М.Г. Жилина и А.Е. Кравцова. Вели активные полевые исследования А.В. Трусов, Е.В. Леонова, Б.В. Грудинкин и автор. Продолжали полевые изыскания, в том числе и на памятниках интересующего нас времени, Д.А. Крайнов, Б.А. Фоломеев, А.В. Уткин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, А.А. Ластовский, В.В. Сидоров, А.В. Энговатова, Т.В. Наумова, М.И. Гоняный, В.Ю. Коваль и А.Н. Неклюдов. Ниже приводится «табличная летопись» полевых изысканий этого десятилетия.

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1990	Московская	А.В. Трусов	Карманово 1, 2, Куково 1-3, Колтово 3 (10), Пятница,	разведки	Трусов, 1990, № 15908
			Куково 1-3, Умрышенка 1, 3	раскопки	

А.Н. СОРОКИН

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1990		Е.В. Леонова	Беливо 14 (6В), Беливо 21 (Радомка 1)	раскопки	Леонова, 1990, № 15710
		М.И. Гоняный	Дубровицы	разведки	Гоняный, 1991
	Нижегородская	М.Г. Жилин, Н.В. Левина	Медвежье 3	разведки	Жилин, Левина, 1990, № 15472
		С.И. Алексеев	Красный Бор 5 (XI)	разведки	Алексеев, 1990, № 15562
	Рязанская	Б.А. Фоломеев	Лакаш (Гришинский Исток) 6	разведки	АКР, 1996, с. 168; Фоломеев, 1991, № 16450
	Тульская	В.П. Гриценко	Упа 4	разведки	Гриценко, 1990, № 15612
Ярославская	Д.А. Крайнов, А.В. Уткин	Ивановское 3	раскопки	Крайнов и др., 1991	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1991	Московская	В.Ю Коваль	Сосновка (Ростиславльское) 1-4	раскопки	Коваль, 1991, № 16084
		Е.В. Леонова	Беливо 9 (4А), 14 (6В)	раскопки	Леонова, 1991, № 15979
		М.И. Гоняный	Дубровицы	раскопки	Гоняный, 1991, № 19539
	Нижегородская	А.В. Фомин	Пустынь (Старая Пустынь) 3	разведки	Фомин, 1991, № 16428
		М.Г. Жилин	Мунькино 4, Старое Щербинино 1, 2-4, 7, Шульгино 1, 4	разведки, раскопки	Жилин, 1991, № 15959
	Рязанская	А.Н. Сорокин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, А.А. Ластовский	Полушкино 2	раскопки	Сорокин, 1991, № 16086
		А.М. Королев, А.А. Ластовский	Полушкино 4		
А.Н. Сорокин		Заречье 1			

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1992	Владимирская	М.Г. Жилин	Вески 1, Еловка 2, Годуново 1, 2, Пречистино, Чернецкое 1, 5	разведки	Жилин, 1992, № 17287; АКР, 1995, с. 67, 68
		А.Е. Леонтьев	Глебовка (М. Моцкое), Пенза (Большое Моцкое)	разведки	Леонтьев, 1992, № 17535; АКР, 1995
	Ивановская	М.Г. Жилин	Окулово	разведки	Жилин, 1992, № 17287
	Калужская	А.Е. Кравцов	Ладыжино 3	раскопки	Кравцов, 1993
	Московская	В.В. Сидоров	Умрышенка 3	раскопки	Сидоров, 1992, № 17772
		В.В. Сидоров, А.В. Энговатова	Пирютино 1 (6), 2 (5) и 4	разведки	Сидоров, Энговатова, 1992, № 17767
		В.Ю. Коваль	Смедово 2 (1), 4 (3), Сосновка	раскопки	Коваль, 1993
	Рязанская	Б.А. Фоломеев	Долговский, Тимерево	разведки	Фоломеев, 1992, № 17798
			Городец	раскопки	

МЕЗОЛИТОВЕДЕНИЕ ПООЧЬЯ

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1992		И.Н. Верестова	Пенькозавод	разведки	Верестова, 1992, № 17122
	Тульская	Ю.Г. Екимов	Упа 4	раскопки	Екимов, 1992, № 17159
		О.Н. Заидов	Беломестное	раскопки	Заидов, 1992, № 17289
		А.В. Шеков	Осаново	разведки	Шеков, 1992, № 17447
			Слободка (Городище) 2	раскопки	Шеков, 1992, № 17447
		А.Н. Наумов	Мокрая Корь	раскопки	Наумов, 1992, № 17643
	Б.В. Грудинкин	Доброе (Добропокровское) 2, Чекалин 1-3	разведки	Грудинкин, 1992, № 17649	
Ярославская	М.Г. Жилин	Ивановское 7	раскопки	Жилин, 1993	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1993	Калужская	Б.В. Грудинкин	Нагорное	разведки, раскопки	Грудинкин, 1994
	Московская	Н.В. Зубарев	Колтово 1 (2)	раскопки	Зубарев, 1993, № 18543
		В.В. Сидоров	Колтово 2 (7, Мутенка), Лужки Е (7), Умышенка 3	раскопки	Сидоров, 1993, № 17981-17982
		В.Ю. Коваль	Сосновка (Ростиславльское) 1	раскопки	Коваль, 1993, № 17732
		А.Е. Кравцов	Слободище 1, 5	разведки	Кравцов, 1993, № 17779
		А.Н. Сорокин	Лужки Б (3), 12	Разведки, раскопки	Сорокин, 1993, № 18492
	Нижегородская	А.В. Фомин	Липовка 2	разведки	Фомин, 1994
		А.Е. Акимов	Зименки 4	раскопки	Акимов, 1993, № 18122
		М.Г. Жилин	Груздево 1-3	разведки	Жилин, 1993, № 18524
	Рязанская	Н.В. Шаталова	Морозовы-Борки 2	разведки	Шаталова, 1993, № 17761
		А.Н. Сорокин	Котелино 2	разведки	Сорокин, 1993, № 18492
	Тульская	А.В. Шеков	Мишенское	разведки	Шеков, 1993, № 17748

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1994	Владимирская	А.Е. Кравцов,	Еловка 2	раскопки	Кравцов, 1995, с. 111
	Калужская	Б.В. Грудинкин	Нагорное	разведки	Грудинкин, 1995, с. 88
	Москва	А.Г. Векслер	Мякинино 2	раскопки	Векслер и др., 1995
	Московская	В.Ю. Коваль	Аргуново 2 (Ковылино 1)	раскопки	Коваль, 1994, № 20459
		М.И. Гоняный	Подольск (Подол) 1	раскопки	Гоняный, 1994, № 18404
		А.Н. Неклюдов	Льялово 3	раскопки	Неклюдов, 1994, № 18218; Неклюдов, 1995, 126, 127
		Е.В. Леонова	Беливо 4А	раскопки	Леонова, 1995, с. 116
Е.Ю. Тавлинцева	Заозерье 1, 2	раскопки	Тавлинцева, 1995, с. 141		

А.Н. СОРОКИН

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
	Пензенская	В.С. Бузин, В.В. Ставицкий, Д.В. Константинов	Имерка 7	раскопки	Бузин и др., 1995, с. 71
	Рязанская	А.Н. Сорокин	Шагары 4	раскопки	Сорокин, 1994, № 18970
		В.М. Буланкин	Сявель (Шаморга 20)	разведки	Буланкин, 1994, № 14325
	Тульская	А.В. Шеков	Воронец	раскопки	Шеков, 1994, № 18666
		Т.В. Наумова	Жабынь, Тула (Упа 4)	раскопки	Наумова, 1994, № 18594; Наумова, 1995, с. 125, 126
		Б.В. Грудинкин	Болото	разведки	Грудинкин, 1995, с. 88
	Ярославская	М.Г. Жилин	Ивановское 7	раскопки	Жилин, 1995, 100, 101

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1995	Ивановская	М.Г. Жилин, А.Е. Кравцов	Сахтыш 9	раскопки	Жилин, Кравцов, 1997
	Калужская	Г.А. Массалитина	Местонахождения в Пригородной зоне Калуги	разведки	Массалитина, 1996
		О.Л. Прошкин	Маламахово 1-3	разведки	Прошкин, 1996, с. 174
		Б.В. Грудинкин	«Чертово городище», Троицкое 1, 2	разведки	Грудинкин, 1996, с. 122
	Москва	А.Г. Векслер	Мякинино 2		Векслер и др., 1996
	Московская	В.В. Сидоров	Колтово 1 (2) и 2 (7, Мутенка), Умышенка 4-10	разведки	Сидоров, 1996, с. 130, 131
		В.Ю. Коваль	Сосновка	раскопки	Коваль, 1996
		М.И. Гоняный	Подольск (Подол) 1	раскопки	Гоняный и др., 1996
		С.В. Шполянский	Ознобишино 5	раскопки	Шполянский, 1996
		А.Н. Сорокин	Карьково (Старый Спас) 3, Новый Быт	разведки	Сорокин, 1996
		Е.Ю. Тавлинцева	Заозерье 1, 2	раскопки	Тавлинцева, 1996, с. 188
	Тульская	Т.В. Наумова, А.М. Воронцов	Жабынь 1	раскопки	Наумова, Воронцов, 1996, с. 166, 167
	Ярославская	М.Г. Жилин	Ивановское 7	раскопки	Жилин, 1996, с. 137, 138

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1996	Ивановская	М.Г. Жилин, А.Е. Кравцов	Сахтыш 9	раскопки	Жилин, Кравцов, 1997, с. 115-117
	Калужская	А.Е. Ефимов	Пригородная зона Калуги 1-9, Галкино	разведки	Ефимов, 1997, с. 112
		О.Л. Прошкин	Макаровка	разведки	Прошкин, 1997, с. 160, 161
	Московская	Х.А. Амирханов, И.Е. Зайцева	Белый Колодец	разведки	Амирханов, 1997, с. 75, 76; Зайцева, 1997, 118, 119
		М.И. Гоняный	Подольск (Подол) 1	раскопки	Гоняный, 1997, с. 95-97
		А.Н. Неклюдов	Льялово 3	раскопки	Неклюдов, 1997, с. 152, 153.

МЕЗОЛИТОВЕДЕНИЕ ПООЧЬЯ

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1996	Тульская	Т.В. Наумова	Жабынь, Мишенское	раскопки	Наумова, 1997, с. 151, 152
		О.Н. Заидов	Слобода (Городище), Плоское	раскопки	Заидов, 1996, № 20522 и № 17447
	Ярославская	М.Г. Жилин, А.Е. Кравцов	Ивановское 7	раскопки	Жилин, Кравцов, 1997, с. 115-117

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1997	Калужская	Г.А. Массалитина	Козельск	раскопки	Массалитина, 1998
	Москва	А.Г. Векслер	Театральная площадь	раскопки	Векслер, 1998
	Московская	А.К. Станюкович, П.Ю. Черносвитов	Рыбушкино, Саввинская Слобода	раскопки	Станюкович, Черносвитов, 1998
			Ростиславль	раскопки	Коваль, 1998
		С.В. Шполянский	Ознобишино 5	раскопки	Шполянский, 1998
	Ярославская	М.Г. Жилин	Ивановское 7	раскопки	Жилин, 1998

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1998	Калужская	Г.А. Массалитина	Жары	разведка	Массалитина, 1999
	Москва	А.Г. Векслер	Мякинино 2	раскопки	Векслер и др., 1999
	Московская	Е.В. Леонова	Белый Колодец	раскопки	Леонова, 1999
			Берхино 2, Городищенское городище	раскопки	Сыроватко, 1999
		А.К. Станюкович, И.И. Ёлкина	Рыбушкино и Саввинская Слобода	раскопки	Станюкович, Ёлкина, 1999
			Ростиславль	раскопки	Коваль, 1999
	Нижегородская	С.В. Очеретина	Сосновый Бор 1-4	разведки	Очеретина, 1998, № 21473
	Тульская	Ю.Г. Екимов	Сорокино городище	раскопки	Екимов, 1999

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
1999	Ивановская	М.Г. Жилин	Сахтыш 2А, 13, 14	раскопки	Жилин, 2000
	Калужская	О.Л. Прошкин	Никольское 2, Ждамирово	разведки	Прошкин, 2000
		А.Е. Кравцов	Ладыжино 3 и 3А	раскопки	Кравцов, 2000

Как отмечалось, в 1990-е годы в связи общим экономическим упадком страны и оттоком археологических кадров значительно снизилась как полевая активность, так и публикационная деятельность. Пик кризиса выпал на середину десятилетия. В его начале еще продолжали сказываться известные инерционные процессы. К счастью, кризис сравнительно быстро удалось преодолеть, и некоторая активизация сопутствовала заключительным годам отрезка. К началу нового

века стал уже реально ощутимым новый подъем, хотя уровня 1970-1980-х гг. общие объемы изысканий так и не достигли. Все сказанное нашло прямое отражение в тех данных, которые удалось собрать. Они представлены выше. Те же тенденции заметны и по печатной продукции. Традиционно в 1990-е годы наиболее многочисленны были заметки и статьи с публикациями полевых материалов. Но выходили и аналитические работы.

СТАТЬИ

В 1990 г. М.Г. Жилиным были опубликованы материалы мезолитических памятников Нижегородского Поволжья (*Жилин, 1990*); Д.А. Крайновым, В.М. Лозовским и Е.Л. Костылевой — стоянки Сахтыш 9 (*Крайнов и др., 1990а*), А.В. Уткиным — Малой Ламна 3 в бассейне р. Лух (*Уткин, 1990*). Кроме того, вышла статья Д.А. Крайнова, Г.И. Зайцевой и А.В. Уткина по стратиграфии и абсолютной хронологии стоянки Ивановское 3 (*Крайнов и др., 1990б*). Среди публикаций 1991 г. была статья Л.В. Кольцова о мезолитических материалах стоянок Борки и Шумашь 2, хранящихся в фондах Рязанского областного музея (*Кольцов, 1991*). Она представляла собой крайне запоздавшее издание изделий, собранных в разные годы на двух этих стоянках. Учитывая, что обе коллекции подверглись сортировке и в них имеются разнокультурные материалы, их атрибуция Л.В. Кольцовым в качестве бутовских представляется совершенно необоснованной. М.Г. Жилиным опубликованы материалы стоянки Новошино в низовьях Оки (*Жилин, 1991*), а в совместной статье Л.В. Кольцова, М.Г. Жилина и В.Ф. Черникова — Старой Пустыни (*Кольцов и др., 1991*). В статье А.Е. Кравцова о хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур (*Кравцов, 1991*) было высказано обоснованное сомнение в достоверности ряда имеющихся для их памятников датировок и приведены новые даты, корректирующие хронологию обеих культур. Эти же положения развиты им в совместной работе с А.Н. Сорокиным «Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита» (*Кравцов, Сорокин, 1991*). В разделах, написанных автором, на основе источниковедческой критики пересматриваются характеристики и хронология бутовской и иеневской культур, предложенные ранее Л.В. Кольцовым, обосновывается новая периодизация иеневской культуры и показывается источниковедческая ненадежность гипотезы о сложении раннеолитической верхневолжской культуры на основе бутовской индустрии. Среди публикаций 1992 г. статья А.Е. Кравцова и Е.В. Леоновой о новых исследованиях стоян-

ки Дальний Остров в Подмоскowie (*Кравцов, Леонова, 1992*), где показана смешанность материалов этого памятника. Автором опубликован список мезолитических памятников Рязанской области (*Сорокин, 1992*).

В работе В.Ф. Копытина о памятниках финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья проведено их сравнение с материалами Волго-Окских стоянок (*Копытин, 1992*). А в автореферате диссертации В.П. Ксензова на соискание ученой степени доктора исторических наук рассматриваются мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья и их положение в контексте мезолита Восточной Европы (*Ксензов, 1993*).

Брошюра М.Г. Жилина о костяном вооружении древнейшего населения Верхнего Поволжья, вышедшая в 1993 г., служит попыткой ввода в оборот данных новейших полевых исследований материалов торфяниковых стоянок. В ней предложена громоздкая типологическая схема костяного и рогового вооружения (*Жилин, 1993*), которой он будет пользоваться и в дальнейшем. Из публикаций 1994 г., касающихся мезолитических материалов бассейна р. Оки, можно отметить статьи А.Е. Кравцова, В.М. Лозовского и Е.А. Спиридоновой (*Кравцов и др., 1994а*) с материалами к обоснованию возраста стоянки Черная 1; А.Е. Кравцова и В.Ю. Лунькова о новой мезолитической стоянке Панюшенка в западной части Мещерской низменности (*Кравцов, Луньков, 1994*). Среди публикаций 1995 г. — опыт А.Е. Кравцова и М.Г. Жилина функционально-планиграфического анализа изделий мезолитической стоянки Беливо 4Г (*Кравцов, Жилин, 1995*); статья М.Г. Жилина о памятниках западной части России в финальном палеолите — раннем мезолите (*Жилин, 1995*) и публикация А.Н. Сорокина материалов стоянки Шабаетово 5 (*Сорокин, 1995*).

В 1996 г. были опубликованы тезисы доклада А.Е. Кравцова на Отчетной сессии ГИМ об итогах полевых археологических исследований музея в 1991-1995 гг., названные «К хронологии иеневской мезолитической культу-

ры», где излагались естественнонаучные данные и уточнялся ее возраст (*Кравцов, 1996*).

Активно работали белорусские археологи. Наиболее близкие тематически статьи были написаны В.Ф. Копытиным и В.П. Ксензовым. Первая касалась финальнопалеолитических и мезолитических стоянок Посожья (*Копытин, 1996*), вторая — мезолита Белорусского Подвинья (*Ксензов, 1996*). А годом позднее вышла еще одна статья В.П. Ксензова, уже по финальному палеолиту и мезолиту Поднепровья территории Белоруссии (*Ксензов, 1997*). В них в качестве аналогий широко используются Волго-Окские коллекции. Публикации названных материалов расширяют сравнительную базу и изучаемого региона.

В 1998 г. вышли две статьи автора, первая — «О связях населения бассейна р. Оки в раннем мезолите». В ней, пока еще в традиционном ключе рассматривались вопросы взаимодействия древнего населения (*Сорокин, 1998*). И вторая — о материалах стоянки Брагино и ее палинологической датировке, в которой подвергся ревизии возраст иеневской культуры. Следует упомянуть и автореферат кандидатской диссертации Е.В. Леоновой, в котором предпринимается попытка планиграфического анализа некоторых «дюнных» мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья (*Леонова Е., 1998*). Специальный интерес вызывает, опубликованная в том же году, статья М.Г. Жилина, посвященная технологии и производству костяного вооружения с территории Верхнего Поволжья (*Zhilin, 1998*), содержание которой позднее целиком вошло в его монографию (*Жилин, 2001*), а также брошюра «Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота» (1998). В ней были собраны заметки, посвященные предварительным результатам полевых исследований названного торфяника. Были в нее включены и результаты естественнонаучных изысканий. Здесь, прежде всего, интересны материалы, посвященные стоянке Ивановское 7. Впрочем, информация об этом памятнике интересна лишь тем, с какой легко-

стью нижний слой этого памятника был отнесен М.Г. Жилиным к бутовской культуре (*Некоторые итоги..., 1998*), хотя единственный, присутствующий там наконечник никак не бутовский, а рессетинский.

В 1999 г. В.В. Ставицким опубликованы материалы стоянок Зарека в Мордовии и Клюквенное в Пензенской области (*Ставицкий, 1999*); А.В. Трусовым — статья о новом памятнике иеневской культуры Куково 1 на р. Осетр в Зарайском районе Московской области (*Трусов, 1999*). А.Е. Кравцов издал в Трудах ГИМ некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х — 1990-х гг.) (*Кравцов, 1999, с. 79-108*).

В 1999 г. вышла в свет пухлая публикация М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, озаглавленная «Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры)» (*Кольцов, Жилин, 1999*). Вопреки названию, в ней оказались благодатно перемешаны коллекции не менее трех Волго-Окских культур. Но главный ее недостаток заключается в том, что здесь ими была провозглашена методика «улучшения источника» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 5, 57*). Причем, в отличие от традиционного для них подхода, эта методика была не просто декларирована, но и пунктуально претворена в жизнь. Здесь впервые в таком массовом количестве ими были опубликованы фальсифицированные сведения о памятниках региона. Предпринималась там и безуспешная попытка систематизации полевых материалов. Отрицательное мнение о содержании этой публикации уже высказано мной ранее (*Сорокин, 2001*) и вряд ли целесообразно в историографической главе повторяться. Тем не менее, чтобы избежать упрека в тенденциозности и предвзятости возьму все же на себя смелость привести из нее несколько крылатых фраз, красноречиво свидетельствующих о содержательной стороне этого плода совместных усилий. Итак: «...наряду⁹ с хорошей способностью к адаптации к новым природным условиям... в культурах постсвидерского круга проявляется диа-

⁹ Курсив во всех цитатах мой — А.С.

лектическая противоположность последней» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 6); «Один из авторов данной книги... датировал стоянку Бутово началом бореального времени... Появившиеся в последнее время радиокарбоновая и пыльцевая даты подтвердили... эту датировку, определив время даты существования стоянки концом пребореала» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 54); «... трапеции были заимствованы бутовским населением еще на ранних этапах его развития» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 71); «М.Г. Жилин изучал технику..., что дало ему возможность говорить о прогрессировании в течение развития культуры технологии расщепления вторичной обработки кремня...» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 9); «Население бутовской культуры внесло свой вклад в развитие этноса свидерской традиции. С его помощью указанный этнос заселил такие территории, как Волго-Окское междуречье, Валдайская

возвышенность, часть Карелии...» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 91); «Определены кости следующих животных: лось (445), бобр (225)..., мыши (5), птицы (1243), рыбы (518, не считая чешуи)» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 88); «... это были разной степени сомкнутости таежные сосново-березовые леса в сочетании с болотами» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 84); «Радиокарбоновый анализ... дает сразу краткую временную характеристику. Однако в нем часто бывают отклонения от истинного возраста...» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 54). На этом можно, пожалуй, остановиться. Любой заинтересованный читатель сможет самостоятельно найти там еще бездну откровений, и, право, они заслуживают того, чтобы их знать. Остается только диву даваться пронизательности и глубине мысли М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, однако, отдавая им должное, долг обязывает уделить внимание и другим изданиям.

СБОРНИКИ

В 1994 г. увидел свет 1 выпуск «Тверского археологического сборника». Всю организационную и финансовую сторону этого периодического издания взял на себя И.Н. Черных. Ежегодное проведение семинаров и публикация их материалов — его безусловная заслуга. В этом сборнике были размещены несколько статей, касающихся мезолитической проблематики. Наиболее близкое отношение к нашей теме имеют статьи Л.В. Кольцова, М.Р. Зотько, А.Е. Кравцова, Е.В. Леоновой, С.Ю. Льва, В.В. Сидорова и М.Г. Жилина.

В статье Л.В. Кольцова «О первоначальном заселении Тверского Поволжья» были рассмотрены малочисленные материалы финально-палеолитического времени (Кольцов, 1994, с. 7-10). В ней он также признал, что «допускал ранее ошибку, считая иеневскую культуру позднемезолитической» (Кольцов, 1994, с. 8).

Проблеме характеристики иеневской культуры было посвящено не менее трех работ сборника. Это совместная статья А.Е. Кравцова, Е.В. Леоновой и С.Ю. Льва о месте иеневской культуры в мезолите Волго-Окского междуречья (Кравцов и др., 1994б); историогра-

фический обзор М.Р. Зотько, посвященный исследованиям иеневской и песочноровской культур (1994, с. 14-25), где он поддержал идею их единства. И, наконец, статья Е.В. Леоновой, посвященная планиграфическому анализу некоторых стоянок иеневской культуры с тонким культурным слоем (Леонова Е., 1994, с. 30-35).

Интересная гипотеза о «тысячелетиях культурной преемственности» была кратко сформулирована в статье В.В. Сидорова, посвященная мезолиту бассейна Съежи (Сидоров, 1994, с. 11-13). Позднее эта же гипотеза будет изложена им детальнее. К сожалению, в обоих случаях дальше декларации дело не пошло (Сидоров, 1996, с. 75-92).

И, наконец, в заметке М.Г. Жилина содержится краткая информация о раскопках стоянок на Озерецком торфянике в Конаковском районе Тверской области (Жилин, 1994, с. 47-52). Позднее эти материалы будут отнесены к бутовской культуре и включены в его монографию (Жилин, 2006).

В 1996 г. вышел очередной 2 выпуск «Тверского археологического сборника». Среди ра-

бот, наиболее близких к рассматриваемой теме,— весьма содержательная статья А.Е. Кравцова и Е.А. Спиридоновой о возрасте и природном окружении стоянок иеневской культуры (Кравцов, Спиридонова, 1996, с. 99-107); две заметки Л.В. Кольцова (1996, с. 5-8; с. 71-74); одна из трех статей М.Г. Жилина (1996, с. 118-126) о результатах раскопок стоянки Озерки 5 в 1990-1994; статья В.В. Сидорова о мезолите бассейна р. Съежи (Сидоров, 1996, с. 75-93), которая была упомянута выше; а также статья автора о связях населения бутовской и иеневской культур, устаревшая к моменту выхода (Сорокин, 1996, 93-98). В работе М.Р. Зотько, посвященной публикации материалов стоянки Озеренки 4 и проблеме культурного единства иеневской и песочноровской культур (Зотько, 1996, с. 108-118), он поддержал идею, высказанную ранее А.Н. Сорокиным, А.С. Фроловым и Л.Л. Зализняком.

Первая заметка Л.В. Кольцова озаглавлена «Некоторые аспекты изучения археологических культур» (Кольцов, 1998, с. 5-9). Она будет почти дословно переиздана в 211 выпуске КСИА в 2001 г., поэтому ниже и будет рассмотрена подробнее. Во второй заметке Л.В. Кольцова о «мезолитических культурах Волго-Окского междуречья в контексте Восточной Европы» (Кольцов, 1996, с. 71-74) сообщается о том, что «на настоящий момент в Волго-Окском междуречье... в общей сложности обнаружено около 500 мезолитических памятников» (Кольцов, 1996, с. 71). Эта цифра неверна, ибо столько, как явствует из сборников «Археологической карты России», их было найдено к этому времени только в одном бассейне Оки. Кроме того, в ней говорилось о том, что «...группа свидерского населения, обогатившись по пути контактами с сохранившимися аренбургскими группами, совершила миграцию в Верхнее Поволжье, где столкнулась с еще существовавшими остатками палеолита типа Алтыново. Именно в результате этих процессов сложилась бутовская культура... В ходе своего развития эта культура контактировала с иеневской, ...а также испытала влияние кундской культуры, что выразилось в формиро-

вании микролитической группы бутовской культуры...» (Кольцов, 1996, с. 71).

Нет необходимости спрашивать, как Л.В. Кольцов представляет себе «остатки палеолита» или как свидерская группа «обогащалась по пути контактами» с кем бы то ни было, или как культуры могли контактировать?! Бессмысленно и дискутировать с его утверждением, что «...все эти культуры и культурные группы складывались, развивались и заканчивали свою историю не в «культурном вакууме», а в контексте других мезолитических культур...» (Кольцов, 1996, с. 72). Эти и другие витиеватые выражения показывают, что за штудиями полностью утрачен не только реальный материал, но и здравый смысл, а «теория» совсем оторвалась от практики и исторической действительности.

Заслуживает внимания и совместная работа Е.А. Спиридоновой и А.С. Алешинской об особенностях формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита (Спиридонова, Алешинская, 1996, с. 65-70), в которой предлагается дробная шкала палинозон с шагом протяженностью в 100 лет. Этот сюжет будет затронут ниже в главе, посвященной проблеме финального палеолита, поэтому, чтобы не повторяться, здесь рассматриваться не будет.

А в 1998 г. был выпущен 3 выпуск Тверского археологического сборника. Из опубликованных в нем работ наибольший интерес вызывают четыре — это статья В.В. Сидорова о проблемах трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы, выделяющаяся на общем фоне оригинальностью подхода ее автора (Сидоров, 1998); статья А.Е. Кравцова «К вопросу о генезисе иеневской культуры» (Кравцов, 1998), в которой ставится под сомнение участие в генезисе иеневской индустрии культуры федермессер, и две заметки Л.В. Кольцова. Первая из них посвящена формам, способам и средствам адаптации в мезолите Северной Европы (Кольцов, 1998, с. 21-25), вторая — вопросам контактов древнего населения (Кольцов, 1998, с. 75-79). Поскольку подход к проблемам в них один и тот же, материал сходен и предлагаемые реше-

ния стандартны, остановлюсь лишь на второй из них, озаглавленной «О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы».

Прежде всего, разумеется, в ней была предложена классификация «основных форм взаимодействия между разными культурами» (Кольцов, 1998, с. 75). Пожалуй, нет нужды напоминать, что контактируют друг с другом люди, а не археологические культуры, но даже если оставить в стороне все подобные лингвистические тонкости, можно с полным основанием утверждать, что ряд ее положений достиг высокого эмоционального напряжения. Например, там можно прочесть буквально следующее: «Это кундское воздействие было настолько сильным, что, можно сказать, сформировало в значительной степени категорию вкладышей бутовской культуры» (Кольцов, 1998, с. 76); «Эти факты свидетельствуют об одностороннем влиянии на бутовскую со стороны кундской культуры на ранних этапах их развития» (Кольцов, 1998, с. 76); «На 16 стоянках нижнерейнской культуры найдены формы, характерные для культуры де лейен-вартена: это остря с затупленным краем и основанием (3 случая), типа Маглемозе (14 случаев), ромбовидные (1). Обратного воздействия не наблюдается, поэтому, пожалуй, здесь тоже можно говорить о влиянии культуры де лейен-вартена на нижнерейнскую» (Кольцов, 1998, с. 76); «После распада культуры маглемозе оставшееся на ее бывшей территории население культуры конгемозе вытесняет все остальные постмаглемозские группы. В результате этого они вынуждены мигрировать в направлении южного спектра...» (Кольцов, 1998, с. 76); «...население культуры дурфензе, очевидно, ассимилирует остатки аренсбургского» (Кольцов, 1998, с. 76); «...взаимодействие этих культур следует расценить как взаимовлияние. Оно, вероятно, не было сильным» (Кольцов, 1998, с. 77); «...неманская культура повлияла на яниславицкую путем вытеснения последней со своей территории» (Кольцов, 1998, с. 77); «Осуществляемое пришельцами влияние было столь сильным, что привело к распаду британского маглемозе...» (Кольцов, 1998, с. 77);

«Позднемезолитическая культура боберг... как бы вклинилась в треугольник из синхронных ей постмаглемозских культур...» (Кольцов, 1998, с. 77); «Одним из примеров генетических взаимоотношений... является возникновение сухонской культуры, население которой отсегментировалось от продолжающей существовать бутовской и мигрировало на север» (Кольцов, 1998, с. 78). Завершая выдержки, прежде всего, хочу повторить слова Л.С. Клейна «В археологии нет такой теоретической проблемы, которую нельзя изложить простым, живым и понятным языком с минимумом специальной терминологии» (Клейн, 2003/2004, с. 485). Тем не менее, отдавая должное стилю, замечу: во всех этих примерах непонятно лишь одно: почему, исходя из этих единичных и непроверенных данных, не предположить, что имело место элементарное механическое смешение материалов разных групп населения, обитавшего в разное время на одной и той же территории? А никак не метисация самого этого населения. И вряд ли следует спрашивать Л.В. Кольцова, как взаимодействовали все эти «остатки», а люди могли «отсегментироваться от каких бы то ни было культур», а сами «сегменты» куда-то мигрировать или «вклиниваться в треугольник из синхронных постмаглемозских культур»? И дело, разумеется, не в стилистических шероховатостях всех этих фраз, а в их полной бессмыслице и бездоказательности, из-за чего все они не имеют ни малейшего отношения к реальной истории населения эпохи мезолита. Словом, в теоретическом отношении эта статья свидетельствует об абсолютной несостоятельности ее автора и ничего, кроме путаницы, не вносит. Однако помнить о ней следует, прежде всего, чтобы не допускать аналогичных ошибок.

Из изданий, посвященных Окским древностям, следует упомянуть книгу «Археология Калужской области», написанную группой калужских археологов (Болдин и др., 1999). В ней систематизированы сведения по верхнеокским памятникам и имеется обширная информация о мезолитических стоянках обла-

Интерес к вопросам методики полевых изысканий вызывает сборник материалов к Международной конференции «Каменный век Европейских равнин», проводившейся летом 1997 г. на Заболотском торфянике. В нем были собраны предварительные сведения о новейших раскопках торфяниковых стоянок бассейна р. Дубны (*Древности Залесского края...*, 1997). По существу это было первое отечественное издание, тематически единое и посвященное результатам изысканий на торфяниках, и первая в нашей стране конференция, целиком посвященная «болотной» проблематике. Конференция, показавшая наличие в России первоклассных археологических памятников с органическими материалами. Немаловажно было и желание организаторов сделать предметом изучения, прежде всего, объекты из органических материалов и саму структуру поселений. Как оказалось, от заявки до материализации идеи лежит весьма непростой путь.

С точки зрения полевой методики представляет несомненный интерес и руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений (*Сычева и др.*, 1998), которое явилось плодом совместных усилий археологов и почвоведов. Без сомнения, оно служит развитию современных представлений о культурных слоях, и оказалось весьма своевременным.

Теперь о тематических сборниках, в которых рассматриваются проблемы разных регионов Европы. В 1997 г. под редакцией Э.А. Савельевой вышел коллективный труд по археологии

Республики Коми (*Археология... Коми, 1997*), в котором содержится обширный раздел по мезолиту региона, написанный А.В. Волокитиным. Тогда же появился сборник статей по археологии Белоруссии (*Археологія Беларусі, 1997*). Эти работы дают значительный сравнительный материал для аналитических исследований.

И, наконец, в 1999 г. с большим запозданием вышел в свет сборник международной конференции «Культуры с черешковыми наконечниками стрел в Европе», проходившей в 1993 г. в Польше (*Tanged points cultures, 1999*). В нем среди прочих была опубликована статья автора о «соседях населения бутовской культуры», где была приведена характеристика основных мезолитических культур региона (*Sorokin, 1999, p. 311-317*). Кроме того, в нем помещена совместная статья М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова с изложением концепции культурной стратификации мезолита Волго-Окского междуречья (*Koltsov, Zhilin, 1999, p. 295-310*) и статья С. Сульгостовской о взаимоотношениях населения свидерской и кундской культур. В ней со всей определенностью был поставлен под сомнение тезис об их генетической связи (*Sulgostovska, 1999, p. 85-92*).

Аналогичное мнение высказано и в статье автора «К проблеме влияния волго-окского мезолита на возникновение кундской культуры Прибалтики», опубликованной в Материалах Европейской ассоциации доисториков и протоисториков во Франции (*Actes du 5-e colloque international UISPP... 1999, p. 425-428*).

МОНОГРАФИИ

В 1990 г. опубликована монография автора о бутовской мезолитической культуре, где на основе критики археологических источников и определения достоверности и качества материала была предложена иная, чем в работах Л.В. Кольцова, характеристика этой культуры (*Сорокин, 1990*). Эта работа ознаменовала собой по существу новый подход к работе с археологическими материалами, основанный на источниковедческой критике.

Здесь нашла свое дальнейшее развитие и конкретное воплощение идея А.А. Формозова о необходимости критики археологических источников, изложенная в его статье (*Формозов, 1977*).

В монографии Л.Л. Зализняка о населении Полесья в мезолите (*Зализняк, 1991*) получила дальнейшее развитие постсвидерская гипотеза и идея культурной близости песочноровского и иеневского населения.

В 1993 г. Т.М. Гусенцовой опубликована монография по мезолиту и неолиту Камско-Вятского междуречья, где обосновывается связь этого региона с Приуральем и, напротив, отличие от Волго-Окского бассейна (Гусенцова, 1993). Следует упомянуть и монографию В.И. Вихляева и В.В. Ставицкого о балахнинских поселениях на Средней Мокше (Шаверки 2 и Шаверки 5), в материалах которых присутствуют изделия эпохи мезолита этого слабо изученного района Поочья (Вихляев, Ставицкий, 1995). А среди изданий по смежным регионам следует отметить монографию В.В. Никитина по каменному веку Марийского края (Никитин, 1996).

Среди исследований по мезолиту Восточной Европы, вышедших в 1997 г., следует, прежде всего, отметить монографии С.В. Ошибкиной о торфяниковой стоянке Веретье 1 (Ошибкина, 1997) и Т. Галински по мезолиту Европы (Galinski, 1997). В книге С.В. Ошибкиной были систематизированы и впервые в полном объеме изданы материалы опорного памятника культуры веретье, обладающего, помимо каменного, уникальным костяным и роговым инвентарем, а также давшим феноменальные деревянные изделия.

Особо следует отметить монографию канадского исследователя Брайана Гордона, длительное время жившего среди индейцев Канады, «Загадка мезолита Северо-Восточной Европы: следование за оленьими стадами или полуоседлая охота?», которая написана по материалам Европейского Северо-Востока (Gordon, 1997). В ней применительно к конкретному региону разработана модель ХКТ охотников на северного оленя и содержится целый ряд интересных данных, которые можно использовать и при других реконструкциях. Ценна эта работа и сведениями этно-археологического характера, показывающими широкую вариабельность материальной культуры в зависимости от сезонности и функциональной специализации памятников.

Следует обратить внимание и на монографию Л.П. Хлобыстина, посвященную древней

истории весьма далекого региона — Таймырского Заполярья и вопросам формирования культур Северной Евразии. Однако и там, как выяснилось, имеются аналогии Окским материалам, точнее, памятникам пургасовской культуры (Хлобыстин, 1998).

Особое значение для проблем палеолито- и мезолитоведения имеет монография Л.Л. Залізняка «Финальный палеолит западной части Восточной Европы» (Залізняк, 1999)¹⁰. Она является фундаментальной сводкой данных по финальному палеолиту территории, не просто сопредельной с Волго-Окским бассейном, но и связанной, по-видимому, с ним общей этнокультурной историей. Причем эта общность прослеживается, еще начиная с конца плейстоцена (Залізняк, 1999). Вместе с тем, некоторые теоретические позиции, которых придерживается ее автор, например о «восточных» индустриях и генезисе поствидерских культур, хоть и решаются в традиционном ключе, лишь постулированы, в силу чего далеко не бесспорны.

2000-е годы

В связи со стабилизацией экономической ситуации в стране наметился общий подъем, охвативший и гуманитарную сферу. Отрадно отметить, что в период кризиса сохранились и полноценные кадры, и постепенно нормализовалось финансирование полевых археологических исследований. Нет необходимости здесь решать, какие источники финансирования в эти годы преобладали — хоздоговорные, бюджетные или грантовские — и давали наибольшую отдачу. Все это может служить предметом детальных изысканий, но находится за пределами данной работы. Важнее то, что наметился рост и полевых изысканий, и публикаций, и аналитических исследований. Прежде всего, следует остановиться на результатах полевых исследований. Как следствие кризиса 1990-х гг., районы работ были традиционными, да и раскапывались чаще уже известные стоянки. Среди полевых исследователей, прово-

¹⁰ На украинском языке.

дивших полевые изыскания в пределах Окского бассейна в первой половине 2000-х годов, следует назвать Б.В. Грудинкина, М.Г. Жилина, А.Е. Кравцова, Е.В. Леонову, А.В. Гонозова, А.В. Трусова, В.В. Сидорова, В.П. Челяпова, А.А. Выборнова, А.И. Королева и В.В. Ставицкого.

Для части археологов-профессионалов, как В.Ю. Ковалю, О.Л. Прошкина, А.Б. Мазурова, В.Ю. Лунькова, А.С. Сыроватко, А.В. Энговатовой, О.В. Зеленцовой, Е.Л. Костылёвой, А.В. Уткина и многих других, кто является специалистом по другим эпохам, поиск и исследование мезолитических памятников не были предметом целенаправленных научных изысканий. Тем не менее, и их усилиями создавалась и по-

полнялась база мезолитоведения Поочья. Некоторые исследователи, как автор данной монографии, вели раскопки мезолитических стоянок, но вне Окского бассейна, и их участие в разработке соответствующей проблематики больше сводилось к разработке теоретических и методологических проблем мезолитоведения.

Новых имен среди исследователей, заявивших о себе в печати, кроме В.А. Аверина, пожалуй, не прибавилось. Перспективные молодые кадры хоть и появились (С.Б. Коннов, Н.А. Цветкова, Ю.Н. Чувиляева), но они пока не заявили о себе в достаточной мере. Сначала по традиции приведу список полевых мероприятий.

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
2000	Ивановская	М.Г. Жилин	Сахтыш 14	раскопки	Жилин, 2001
	Калужская	Б.В. Грудинкин	Турьнинские Дворики, Желыбино, Некрасово, Пучково, Шопино, Шатрищи, Никольское	разведки	Грудинкин, 2001
		О.Л. Прошкин	Каменка	разведки	Прошкин, 2001
		А.Е. Кравцов	Ладыжино 3 и 3А	раскопки	Кравцов, 2001
	Московская	Е.В. Леонова	Белый Колодец	раскопки	Леонова, 2001
		В.В. Мингалев	Малое	разведки	Мингалев, 2001
		В.Ю. Луньков	Хотеичи 4	разведки	Луньков, 2001
Нижегородская	А.В. Гонозов	Старое Щербинино 15	раскопки	Гонозов, 2002	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
2001	Ивановская	М.Г. Жилин	Сахтыш 14	раскопки	Жилин, Аверин, 2002
	Калужская	А.Е. Кравцов, С.Б. Коннов	Ладыжино 3 и 3А	раскопки	Кравцов, Коннов, 2002
		Б.В. Грудинкин	Троицкое	разведки	Грудинкин, 2002
	Московская	Е.В. Леонова	Белый Колодец	раскопки	Леонова, 2002
		А.В. Трусов, В.В. Сидоров	Колтово 7	раскопки	Сидоров, 2002
		А.Б. Мазуров	Старо-Голутвин монастырь	раскопки	Мазуров, Высоцкий, 2002
		А.К. Станюкович	Саввинский Скит	раскопки	Станюкович и др., 2003
Нижегородская	А.В. Гонозов	Новое Щербинино, Старое Щербинино 15	раскопки	Гонозов, 2002	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
2002	Калужская	Б.В. Грудинкин	Анненки 1-4, Тинино, Шопино	разведки	Грудинкин, 2003
		Б.В. Грудинкин	Троицкое 3	раскопки	Грудинкин, 2003

А.Н. СОРОКИН

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
2002		О.Л. Прошкин	Сосенский 1, 2	разведки	Прошкин, 2003
		А.Е. Кравцов, С.Б. Коннов, А.В. Трусов	Ладыжино 3 и 3А	раскопки	Кравцов и др., 2003
	Московская	Е.В. Леонова	Белый Колодец	раскопки	Леонова, 2003
		А.С. Сыроватко	Щурово		Сыроватко, 2003
		А.В. Энговатова, В.Ю. Коваль	Мякинино 2	раскопки	Энговатова и др., 2003
		А.К. Станюкович	Саввинский Скит	раскопки	Станюкович и др., 2003
		В.Ю. Коваль, А.В. Трусов	Ростиславль	раскопки	Коваль и др., 2003
	Рязанская	В.П. Челяпов, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий	Городок 1	раскопки	Челяпов и др., 2003

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
2003	Ивановская	М.Г. Жилин, В.А. Аверин	Сахтыш 14	раскопки	Жилин, Аверин, 2004
	Калужская	Б.В. Грудинкин	Анненки 1-4, Корекозево, Новые Прыски	разведки	Грудинкин, 2004
			Троицкое 3	раскопки	
		А.Е. Кравцов, Н.В. Фролов	Ладыжино 3 и 3А	раскопки	Кравцов, Фролов, 2004
	Московская	Е.И. Гак	Хатунь	разведки	Гак, 2004
		В.Ю.Коваль, А.В. Трусов	Ростиславль	раскопки	Коваль и др., 2004
		Е.В. Леонова	Белый Колодец 1	раскопки	Леонова, 2004
			Новоселки 2, Карманово 12	разведки	
		А.В. Мирецкий, Ю.А. Кобозев	Егорье	разведки	Мирецкий, Кобозев, 2004
	А.С. Сыроватко	Щурово	раскопки	Сыроватко, 2004	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
2004	Ивановская	М.Г. Жилин, В.А. Аверин	Сахтыш 14	раскопки	Жилин, Аверин, 2005
	Калужская	О.Л. Прошкин	Ольхово	разведки	Прошкин, 2005
		Б.В. Грудинкин	Букреево, Оптина Пустынь 2, Жабынь, Кализна, Береговая	разведки	Грудинкин, 2005
	Московская	В.Ю. Коваль, А.В. Трусов	Ростиславль	раскопки	Коваль, Трусов и др., 2005
		Е.В. Леонова	Карманово 12а	раскопки	Леонова, 2005
			Карманово 15	разведки	
		А.С. Сыроватко	Щурово	раскопки	Сыроватко, 2005
	А.В. Энговатова, В.Ю. Коваль, К.И. Панченко, А.М. Смирнов, О.И. Хижняков	Мякинино 2	раскопки	Энговатова, Коваль и др., 2005	

МЕЗОЛИТОВЕДЕНИЕ ПООЧЬЯ

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
2004	Рязанская	В.М. Буланкин, А.А. Вячин, Д.А. Иванов, В.П. Челябинов	Тугушево	разведки	Буланкин, Вячин и др., 2005

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
2005	Ивановская	М.Г. Жилин, В.А. Аверин, А.В. Аверина, Н.А. Цветкова	Сахтыш 14	раскопки	Жилин, Аверин и др., 2006
		В.А. Аверин	Ореховое 1, Некрасово	разведки	
	Калужская	Б.В. Грудинкин	Некрасово, Авчурино, Никольское, Дешовки	разведки	Грудинкин, 2006
		К.Е. Агеева, А.Е. Кравцов	Ладыжино 3 и 3А	раскопки	Агеева, Кравцов, 2006
	Аксиньино 1, 2, Лопатино 1, 2, Лысяя Гора 1,2		разведки		
	Московская	В.Ю. Коваль, А.В. Трусов, А.Б. Лагутин, А.Н. Медведь, П.Е. Русаков, Е.В. Тимошина	Ростиславль	раскопки	Коваль, Трусов и др., 2006
Ю.Н. Чувиляева		Алферьево		Чувиляева, 2006	

Год	Область	Исследователь	Памятник	Способ	Ссылки
2006	Владимирская	О.В. Зеленцова, А.И. Королев, А.А. Ластовский	Дмитриевская Слобода II	раскопки	Зеленцова и др., 2007
	Ивановская	В.А. Аверин	Сахтыш 14	раскопки	Жилин, Аверин, 2007
		Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин	«У чугунного моста»	разведки	Костылёва, Уткин, 2007
	Калужская	О.Л. Прошкин	Орехово	разведки	Прошкин, 2007
		Б.В. Грудинкин	Анненки 4, Квань, Пучково, Желыбино, Пески	разведки	Грудинкин, 2007
	Московская	А.С. Сыроватко	Щурово	раскопки	Сыроватко, 2007
		А.С. Сыроватко, Т.Н. Ульянова, Ю.Н. Чувиляева	Коломна (ул. Болотникова)	раскопки	Сыроватко и др., 2007
			Тульская	Б.В. Грудинкин	Шатрищи, Береговое, Хрящ, Монастырский

Теперь остановимся на основных печатных работах, вышедших в 2000-е годы и посвященных рассматриваемой теме.

СТАТЬИ

Полезные сведения о мезолитических памятниках региона с начала нового тысячелетия можно почерпнуть как из периодических изданий, например, серии «Археологическая карта России: Очерки археологии регионов» (2001), так и отдельных статей, связанных с региональной тематикой (Фролов, 2001а, б; Комаров, 2001; Аверин, Жилин, 2001, с. 8-16; Сорокин, 2001б, с. 84-90; Массалитина и др., 2001).

Из региональных работ, следует, прежде всего, назвать коллективный труд группы самарских археологов «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», где рассматриваются проблемы каменного века указанного региона (Выборнов и др., 2000), а также заметку А.В. Волокитина и В.Н. Карманова, посвященную современным концепциям в изучении мезолита и неолита Северного Приуралья (Волокитин, Карманов, 2000, с. 67-69).

В качестве программной может быть расценена коллективная статья иркутских археологов, по существу обосновывающая отмену эпохи мезолита для «территории Востока советской Евразии» (Медведев и др., 2000, с. 76). Проследив на обширном материале развитие во времени самого понятия, они заключают: «...то явление, какому присвоено имя «мезолит», можно принять как геoarхеологическую систему физически достоверных данных о состоянии геологических отложений 20-10 тысячелетий от наших дней и вмещенных в них артефактов, в интерпретации которых принимают участие геологическое, палеонтологическое, палеоклиматическое, археологическое, этнологическое, социологическое, промыслово-хозяйственное и экономическое направления современного знания... Сколько бы не пытались археологи объединить все многообразие под термином «мезолит», «эпипалеолит», «протонеолит», «культуры позднеледниковые» и т. д. это будет попросту «авторской постатейной фигурацией» (Медведев и др., 2000, с. 79). Впрочем, окончание статьи прозвучало более мажорно: «Какой термин

будет избран соответствующим для того, чтобы обозначить конкретный итог плюралистических изысканий в этой синтетической области знания, не имеет принципиального значения. Но «мезолит», видимо, неистребим... и в вузовских учебниках XXI века, наверное, еще долго формы и существо событий в человеческом обществе конца плейстоцена — начала голоцена будут именовать «мезолитическими» (Медведев и др., 2000, с. 80).

Сходную позицию высказала представительница той же школы Н.Е. Бердникова, написавшая в 2003 г.: «...развитие финальноплейстоценовых и раннеголоценовых культур Прибайкалья невозможно объяснить в рамках имеющейся мезолитической концепции... концепция «сибирского мезолита» многих исследователей позднего палеолита Сибири не нашла широкого признания... Размыв качественного содержания и мезолита как такового, и выделенных мезолитических культур, сопровождается и изменением возраста комплексов, ранее относимых к мезолиту. Это, прежде всего, относится к основному мезолитическому объекту Усть-Белой, нижние горизонты (XVI-XIV) которой олицетворяли ранний этап мезолита и бадайской культуры, датированный рубежом плейстоцена-голоцена. Новые данные позволяют уверенно датировать их второй половиной сартана и отнести к заключительной стадии (поздней поре) верхнего палеолита... Что же касается культурного разделения позднеледниковых комплексов Прибайкалья на отдельные культуры, бадайскую и верхоленскую, то этот вопрос в настоящее время остается открытым... понятия «бадайская» и «верхоленская» культуры — явления, скорее всего, историографического плана» (Бердникова, 2003, с. 44, 45). Судя по всему, решение коллизии она тоже видит, прежде всего, в использовании принципов геoarхеологии.

Вернемся, однако, к вопросам Европейского мезолитоведения. Если первые номера «Российской археологии» 2000-х гг. обошли по существу стороной мезолитическую проблематику, то уже первый возрожденный но-

мер КСИА (*выпуск 211*) был отмечен попыткой Л.В. Кольцова теоретического разбора некоторых общих проблем мезолитоведения (*Кольцов, 2001, с. 17-22*). К глубокому сожалению, помимо его стандартных выражений типа: «Исследование процесса сложения культур вызвало у меня желание изучить ряд процессов, сопровождающих его и развитие культур» (*Кольцов, 2001, с. 18*); «Очень интересна проблема дивергенции культур... ею пока еще никто не занимался» (*Кольцов, 2001, с. 20*); «Очень сложна проблема взаимоотношения соседних синхронных культур по данным археологии. Она тоже не разрабатывалась специально отечественными специалистами» (*Кольцов, 2001, с. 19*); «...проблема мезолитической типологии — одна из важнейших. К сожалению, здесь нам похвастаться нечем...» (*Кольцов, 2001, с. 17*) и других, произнесенных походя, на антитезе тому, что якобы предлагается самим Л.В. Кольцовым, сказано так ничего и не было. Ведь нельзя же считать решением тех или иных вопросов или развитием проблемы само перечисление исследовательских тем.

Объективность требует сказать еще вот о чем. Не только в данной статье, являющейся фактически копией заметки 1996 г., но и ни в какой-либо другой его работе ничего рационального ни по одному из названных вопросов предложено не было. Если в чем и есть несомненная заслуга Л.В. Кольцова, то в открытиях совсем другого рода. Но для этого опять придется прибегнуть к цитированию, ибо лучше него самого все равно не скажешь. Разумеется, поскольку всего многообразия его мыслей, да простит мне читатель, никому не дано постичь, приведу несколько отдельных, произвольно взятых, сюжетов. Итак: «Самой мелкой единицей при исследовании является памятник (поселение или могильник). Не стану на нем останавливаться... В данной статье речь пойдет в основном о более крупной единице — группе родственных поселений и могильников, т.е. археологической культуре...» (*Кольцов, 2001, с. 17*); «Напомню, что позднемезолитическая стоянка Лампеджай в Литве была датирована по находкам скорлупы водяного ореха чилим, который жил в Прибалтике только в атланти-

ческом периоде» (*Кольцов, 2001, с. 18*); «Важен вопрос о формировании (сложении) мезолитических культур... Сейчас прослежены три варианта этого процесса: 1) на базе двух (или более) предшествующих культур... 2) слияние двух культур в одну... 3) отсегментирование от какой-то культуры части ее населения...» (*Кольцов, 2001, с. 18*); «Родственные культуры объединяются в культурные общности» (*Кольцов, 2001, с. 20*); «Эффективность лука давала возможность не только удовлетворения сиюминутных потребностей, но и создания... избыточного продукта и стратегии его сохранения» (*Кольцов, 2001, с. 20*) и т. д., и т. п. Все приведенное выше свидетельствует, что равных Л.В. Кольцову нет. Очевидно также, что менторский тон в оглашении прописных истин требуют не столько постоянной практики, сколько элементарных познаний.

Из работ, касающихся общеметодологических проблем, вышедших в 2001 г., можно упомянуть статью автора по проблемам источниковедения мезолита Восточной Европы. В ней приводится развернутое изложение феномена натурации и его негативного воздействия на состояние мезолитических источников, а также рассмотрена роль натурации в генезисе «синкретических памятников» и неверных исторических реконструкциях (*Сорокин, 2001в, с. 4-30*).

Отдельного упоминания заслуживает изданная в «Российской археологии» рецензия автора (*Сорокин, 2001а, с. 154-162*) на совместную публикацию М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова так называемых материалов «бутовской» культуры, о которой уже упоминалось в предыдущем параграфе. Публикацию, отличающуюся исключительной тенденциозностью, недобросовестностью и прямым призывом к «улучшению качества источников» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 5, 57, 62*), то есть фальсификации археологических материалов. В этой связи актуальность усилий за чистоту нравов очевидна.

Среди публикаций 2002 г. тезисы В.А. Аверина «О выделении мезолитического комплекса из материалов курганного могильника Боровое на реке Которосль» (*Аверин, 2002, с. 3, 4*); совместная статья М.Г. Жилина, А.Е. Кравцова

и Е.В. Леоновой о мезолитической стоянке Беливо 6В в Мещере (*Жилин и др., 2002б, с. 88-108*), а также В.В. Сидорова, в которой представлены материалы стоянки Умышенка 3 (*Сидоров, 2002*). В ней впервые в печатном виде изложена его оригинальная гипотеза происхождения иеневской культуры. Он полагает, что иеневское население «пришло в Приледниковье «на берега пустынных волн» приледниковых озер с востока, скорее всего с Алтая... это и были предки финских народов. Их следы — цепочка родственных культур протянулась от Камы до Дании» (*Сидоров, 2002, с. 24*). И далее он утверждает: «Я считаю людей иеневской культуры современниками костенковской и рессетинской, от которых они позднее и научились делать вкладышевые орудия, и предками людей бутовской культуры» (*Сидоров, 2002, с. 25*). К сожалению, никаких фактических данных ни для одного из этих заключений нет.

Волго-Окской проблематикой занимались и другие исследователи. Например, очень интересную точку зрения на происхождение все той же иеневской культуры высказал в 2002 г. Х.А. Амирханов в работе, посвященной восточно-граветтским технологическим элементам в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья (*Амирханов, 2002, с. 83-88*). В ней высказана идея о технологической связи иеневской и зарайской индустрий. Анализ материалов Зарайской стоянки, Трегубово, Колтово 7 и Умышенки 3 дал ему «основание считать восточно-граветтскую традицию подосновой иеневской индустрии» (*Амирханов, 2002, с. 83-86*). Эта же тема была развита им более обстоятельно двумя годами позднее (*Амирханов, 2004, с. 5-18*) в сборнике, посвященном «Проблемам каменного века Русской равнины». Данная гипотеза интересна, прежде всего, тем, что высказана признанным исследователем верхнего палеолита и являет собой своеобразный «взгляд со стороны», тогда как все прочие предложения исходили от специалистов в области мезолита. Она, безусловно, заслуживает дальнейшей разработки с учетом всего накопленного за последние годы материала. Однако сразу было понятно, что идея не представляется бесспорной. Во-первых, пото-

му, что материалы Трегубово и Колтово 7 в своей орудийной части недостаточно выразительны, а во-вторых, потому что связь индустрий, выводимая по единственному технологическому приему, даже специфическому, не безупречна. Например, такой своеобразный технологический прием, как микрорезцовая техника, существовал и в памятниках «восточного граветта» (*Pavlov., 1997*), и в палеолите Леванта (*Clark, 1982*), и в мезолитических культурах маглемозе и яниславица (*Kozłowski J., Kozłowski S., 1975*), то есть в индустриях, не имеющих между собой генетически ничего общего. Разумеется, метрические параметры пластин, предлагаемые для различения индустрий Х.А. Амирхановым, могут быть объективным критерием для их разделения на «крупнопластинчатые» и «среднепластинчатые». Но достаточно ли этого для объединения разных культур внутри этих технокомплексов воедино — это еще вопрос. Тем более, что кроме общего впечатления от параметров заготовок никаких реальных метрических подсчетов за этим не стоит. Практика же показывает, что визуально различимые признаки далеко не всегда согласуются со статистическими данными (*Каменецкий, 1977, 1978*).

Следует упомянуть и две статьи М.Г. Жилина, вышедшие в 2002 г., о костяной индустрии бутовской мезолитической культуры (*Жилин, 2002а, с. 5-25*), а также охоте и рыболовстве в мезолите Волго-Окского междуречья, написанных по материалам болотных стоянок (*Жилин, 2002а, с. 112-122*). К сожалению, обе они повторяют те же недостатки, на которых остановилось ниже (см. стр. 60-62) в связи с его монографией о костяной индустрии (*Жилин, 2001*). Аналогичное мнение выражено и в рецензии В.В. Сидорова на ту же монографию (*Сидоров, 2002, с. 162-164*).

Из работ 2003 г. интересна статья В.М. Лозовского в сборнике «Неолит и энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы» о «переходе от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье» (*Лозовский, 2003, с. 219-240*). К сожалению, своим содержанием и подходом она сильно напоминает известное положение о «возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране» и красно-

речиво показывает беспомощность ее автора в теоретических вопросах.

В 2003 г. издана содержательная статья А.В. Тетенькина, в «Известиях Иркутской лаборатории древнейших технологий», посвященная реконструкции научного дискурса Иркутской школы от «хозяйственного уклада» до «геоархеологии», которая дает полноценное представление о данном методе исследований, его сильных и слабых сторонах (Тетенькин, 2003, с. 8-25).

Статья М.Г. Жилина содержит краткую информацию о полевых исследованиях Верхневолжской экспедиции на торфяниках в 1992-2002 гг. (Жилин, 2003в, с. 30-38). Здесь, прежде всего, полезны сведения о раскопках стоянок Ивановское 7, Сахтыш 14 и Становое 4. В работах автора 2003 г. внимание, прежде всего, уделяется общетеоретическим проблемам мезолитоведения, куда относятся вопросы источниковедения¹¹ и генезиса археологических культур¹².

Из статей, вышедших в 2004 г., следует упомянуть «Фактологическую основу археологических исследований (на примере верхневолжской раннеолитической культуры)», написанную А.С. Смирновым, в которой показана несостоятельность ее источниковедческой базы (Смирнов, 2004, с. 96-114), а также серию статей автора, в которых излагаются теорети-

ческие проблемы мезолитоведения, касающиеся как самой источниковедческой базы¹³, так вопросов культурогенеза¹⁴ и характеристики мезолитических культур региона¹⁵.

Среди публикаций 2005 г. статья М.Г. Жилина о некоторых итогах раскопок многослойного торфяникового поселения Становое 4 (Жилин, 2005, с. 21-36). Ее содержание будет подробнее рассмотрено ниже. А из аналитических статей того же года следует, прежде всего, отметить очень содержательную статью Оле Грёна¹⁶, посвященную этнографической модели образа жизни эвенков. Эта модель служит прототипом реконструкции хозяйственно-культурных типов финальнопалеолитических охотников гамбургской культуры, на которой специально остановлюсь в одной из последующих глав (Gron, 2005, p. 1-30). И статью М.Г. Жилина, о мезолитических материалах Верхнего Поволжья, где он рассматривает пути колонизации северо-запада Восточной Европы (Zhilin, 2005, p. 163-180). К сожалению, та картина, которая здесь в очередной раз нарисована, хоть и представляет материалы последних лет, в теоретическом, да и практическом отношении, отражает уровень представлений и методики 1960-х — начала 1980 гг.

Среди работ того же года можно упомянуть и две статьи автора, в которых развиваются теоретические вопросы мезолитоведения¹⁷. А из

¹¹ Метаморфозы источниковедения мезолита Европы // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань. 2003. С. 21-33.

¹² Природные процессы и их роль в «контактах» древнего населения // Контактные зоны Евразии на рубеже веков. Самара. 2003. С. 53-57; О культурогенезе в мезолите Восточной Европы // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции 6-10 октября 2003 г. Пермь. 2003. С. 60-62.

¹³ Смещение традиций или традиция смешения? (Часть 1) // РА. № 1. 2004. С. 111-119; Смещение традиций или традиция смешения? (Часть 2) // РА. № 2. 2004. С. 71-78.

¹⁴ Диалог о генезисе культуры кунда // РА. № 3. 2004. С. 79-88; Актуальный диалог о генезисе культуры кунда // Исторические исследования: сборник научных трудов. Вып. 5. Самара. Изд-во «НТЦ». 2004. С. 129-143.

¹⁵ Мезолит Оки // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова). М. 2004. С. 164-186; Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир, 2004. С. 69-91; Окская экспедиция в 1989-2002 гг. // 30 лет Отделу охранных раскопок. Сборник отдела охранных раскопок. Том 2. М. 2004. С. 81-85.

¹⁶ В русской транскрипции встречается и другое написание — Грюн.

¹⁷ Еще раз о культурогенезе в мезолите Восточной Европы // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиан», 2005. С.42-43; Диалог о генезисе кундской культуры // ТАС. Тверь. 2005. Вып. 6. С. 97-115.

публикаций по сопредельным регионам — две статьи И.В. Федюнина о новых финальнопалеолитических и мезолитических памятниках Лесостепного Подонья и Волжско-Донского междуречья (*Федюнин, 2005а, б*).

Из статей, вышедших в 2006 г., следует отметить публикацию материалов финальнопалеолитической стоянки Ростиславль (*Trusov, 2006, p. 149-159*) и вышедшую в том же сборнике теоретико-методологическую статью автора, посвященную проблеме памятников эпохи финального палеолита на территории Центра Русской равнины (*Sorokin, p. 120-135*). Можно упомянуть и заметку В.В. Сидорова о материалах стоянки Колтово 7 (*Сидоров, 2006, с. 107-114*).

Без сомнения заслуживает упоминания и статья Л.В. Кольцова «О проявлениях культуры лингби в Верхнем Поволжье» (*Кольцов, 2006, с. 141-152*), показывающая беспомощность ее автора в вопросах теории археологии и методики аналитических исследований. Если в чем он, без сомнения, и преуспел, так в количестве чужих работ, переписанных под собственным именем. И славно было бы, если все ограничивалось только этим. Однако ему, как никому другому, удалось осуществить существенно больше. Ибо до него ни одному не удавалось довести теорию мезолитоведения до полного абсурда. Вот почему в историографическом отношении его деятельность и печатная продукция имеют непреходящее и, без сомнения, выдающееся значение.

В 2006 г. в «Российской археологии» вышла статья А.Н. Сорокина «К проблеме финального

палеолита Центральной России»¹⁸, где излагается развернутая критика методов естественнонаучного датирования. Их ревизия позволяет со всей очевидностью относить к эпохе финального палеолита не только стоянки культур лингби и аренсбург, но рессетинской и иеневской. Принципиальное отличие этой работы заключается в системности подхода и формулировании вывода на основе синтеза археологических и экологических данных, а также прагматической оценке методов естественнонаучного датирования. Первая попытка в этом направлении была предпринята автором еще в 2003 г. на совещании по проблемам финального палеолита, проходившем в Познани (Польша), однако доклад этот так до сих пор и не опубликован. Позднее та же идея была озвучена уже в 2006 г. сначала на 2-м Северном археологическом конгрессе в Ханты-Мансийске и несколько позднее — Вильнюсском (Литва) совещании по финальному палеолиту, в материалах которых она впервые и увидела свет (*Сорокин, 2006; Sorokin, 2006*). Эта же идея была озвучена в том же году и в монографии автора, специально посвященной общим проблемам мезолитоведения (*Сорокин, 2006д*). Предложенный во всех этих работах теоретико-методический подход к решению проблемы памятников финального палеолита на территории Центральной России и «материализация» базы финала плейстоцена позволяют четче определиться и с основами источниковедения эпохи мезолита.

СБОРНИКИ

2000-й год ознаменовался выходом в свет 4-го тома «Тверского археологического сборника», в котором опубликованы статьи М.Г. Жилина, Л.В. Кольцова, А.Е. Кравцова, Е.В. Леоновой, а также статья автора «Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы». В ней, на основе анализа естественнонаучных, прежде всего, почвенных данных, была предложена новая трактовка генезиса мезолити-

ческих источников. В совместной статье Н.Е. Зарецкой, Л.Д. Сулержицкого и М.Г. Жилина содержались результаты радиоуглеродного датирования стоянки Ивановское 7 (*Зарецкая и др., 2000, с. 137-142*). Е.В. Леонова рассмотрела некоторые результаты планиграфического анализа Волго-Окских мезолитических стоянок на песке (*Леонова Е., 2000, с. 49-51*). В обеих статьях Л.В. Кольцова была

¹⁸ РА. 2006. № 2. С. 91-98; РА. 2006. № 4. С. 87-94.

предпринята попытка решения вопросов «вариантов развития культурных общностей мезолита» и финала «существования мезолитических культур Северной Европы» (Кольцов, 2000а, с. 52-55; 2000б, с. 58-60). Если во второй из них он рисует воистину душераздирающую картину «форм конца существования мезолитических культур Северной Европы»¹⁹ (Кольцов, 2000, с. 58-60), совершенно забыв, что абстрактное понятие «археологическая культура» не человек и «форм конца существования» иметь попросту не может, и этого достаточно, чтобы охарактеризовать ее суть. То на первой из них следует остановиться чуть подробнее. Разумеется, как пишет их автор, «в археологической литературе все эти проблемы в данном аспекте до сих пор не исследовались» (Кольцов, 2000а, с. 52). Как же они решаются Л.В. Кольцовым? Вот несколько цитат: «...сокращение суши по берегам морей и, следовательно, сокращение охотничьих территорий... вызвало перенаселение у мезолитических коллективов, обитавших по берегам моря, приведшее к полному исчезновению одних и распаду других. Одним из таких распавшихся коллективов (культур) была культура маглемозе. В результате сегментации из нее выделилось несколько групп, образовавших новые культурные единицы» (Кольцов, 2000а, с. 52); «Четвертой культурной единицей, появившейся после распада маглемозе и полной сегментации ее населения, была культура, которую в Польше называли хойнице-пеньковской, а в Германии — группой Юнсдорф. Она захватывала бассейны Вислы и Одера, образовалась в результате миграции части постмаглемозского населения на юго-восток» (Кольцов, 2000а, с. 54); «Пятой культурой, носители которой отсегментировались от маглемозе, была яниславицкая, которую мы считаем генетически связанной с маглемозе. Ее население после сегментации мигрировало сначала в восточном, а затем в юго-восточном направлении, причем довольно далеко от первоначального пункта расселения: до бассейна Северского

Донца» (Кольцов, 2000а, с. 54); «Нужно подвести итог развитию культурной общности дуфензе-маглемозе. ... Население ее во 2-й пол. VIII тыс. до н. э. после сегментации начинает мигрировать в восточном направлении, захватывая обширную территорию Центрально-Европейской равнины и достигая Восточной Европы. ... Однако уже во 2-й пол. VII тыс. население этой общности начинает испытывать двойное давление: с одной стороны, это пресс изменяющихся природных условий, а с другой — нажим других культурных общностей (с юга и севера). Эти процессы приводят к активной сегментации, до этого не столь заметной, которая, в свою очередь, вызывает распад одних культур и полное исчезновение других. ... Таким образом, тенденции развития данной культурной общности можно охарактеризовать следующим образом: возникновение в одном центре, затем, после сегментации, расселение сначала в одном, потом в двух направлениях, затем активная сегментация с интенсивными передвижениями и сильное взаимодействие на окраинах ареала с соседними культурными общностями с образованием синкретических культур» (Кольцов, 2000а, с. 56). Нет необходимости продолжать цитирование, но напомнить, что все это тоже относится не к абстрактным гносеологическим понятиям, которые функционируют сами по себе, а к первобытному населению, безусловно, требуется. В «Словаре иностранных слов»²⁰ дается единственное определение столь любимого Л.В. Кольцовым термина «сегментация» — это «разделение тела или отдельных органов некоторых животных на ряд участков — сегментов (см. также метамерия)» (Словарь..., 1989, с. 455). Приведу и небольшое дополнение из него же: «...метамерия отчетливо выражена у кольчатых червей» (Словарь..., 1989, с. 313). Остается только сожалеть, что все это Л.В. Кольцову неизвестно. Вместе с тем, его заслуги в данной области столь безусловны и несомненны, что открытый им феномен заслуживает наименования «волапюк Кольцова».

¹⁹ Стиль автора в цитате сохранен полностью — А.С.

²⁰ Словарь иностранных слов. М.: Русский язык. 1989. Издание 18-е, стереотипное.

Таким образом, если за два года после выхода его статьи «О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы» (*Кольцов, 1998, с. 75-79*) в представлениях Л.В. Кольцова что и изменилось, то явно не в лучшую сторону. Следовательно, в теоретическом отношении обе статьи совершенно беспомощны и ясно показывают, куда может «отлететь мысль», оторвавшаяся от реалий.

Особого внимания заслуживает точка зрения М.Г. Жилина, изложенная в его статье «О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите» (*Жилин, 2000 б, с. 72-79*). В ней оказалась доведенной до бессмыслицы «контактная» гипотеза генезиса археологических культур, предложенная в свое время Л.В. Кольцовым (*1979*). И надо отдать должное М.Г. Жилину, превзошедшему здесь своего учителя и столь мастерски сумевшему показать, без малейшего подозрения об этом, ее несостоятельность. Критике этой гипотезы посвящена серия статей автора, к которым, в целях экономии места, и отсылаю заинтересованных читателей (*Сорокин, 2002, 2004, 2005, 2006*).

Хочется отметить и статью М.Н. Желтовой о некоторых технико-морфологических особенностях свидерской индустрии (*Желтова, 2000, с. 15-21*), в которой отрицается наличие связи между свидерской культурой и так называемыми «постсвидерскими» индустриями. Эта мысль созвучна тем идеям, которые неоднократно высказывались автором (*Сорокин, 1990; Кравцов, Сорокин, 1991, Sorokin, 1999; Сорокин, 2002, 2004, 2006*) и другими исследователями (*Sulgostowska, 1999; Сульгостовска, 2000; Филатова, 1991, 2002, 2004*).

В 2001 г. с известным запозданием были опубликованы материалы конференции «Каменный век Европейских равнин»²¹, проходившей в 1997 г. на Заболотском торфянике. Большая часть этого сборника посвящена изучению болотных памятников Верхнего Повол-

жья, но представлены и статьи, непосредственно касающиеся Окской проблематики. Среди них: совместная публикация А.Е. Кравцова и Е.В. Леоновой, посвященная изучению структуры памятников и вопросов периодизации иеневской культуры (*Кравцов, Леонова, 2001*); статья В.В. Сидорова о прибрежных участках неолитических поселений (*Сидоров, 2001, с. 224-226*) и, наконец, работа С. Сульгостовской, в которой представлена поселенческая модель финального палеолита, основанная на материалах кремневых мастерских и стоянок свидерской культуры (*Сульгостовска, 2001, с. 90-98*). Все эти работы интересны своими нестандартными подходами к традиционным темам и отражают разнообразие мнений, которые все явственнее ощущаются в литературе.

Среди изданий 2002 г. следует отметить 5-й очередной выпуск Тверского археологического сборника. Здесь много работ, заслуживающих внимания. Прежде всего, это три работы, посвященные многослойной торфяниковой стоянке Становое 4 в Ивановской области, раскапывавшейся Верхневолжской экспедицией ИА РАН под руководством М.Г. Жилина несколько полевых сезонов. Среди них: заметки В.А. Аверина о малочисленных материалах «иеневского слоя» торфяникового поселения Становое 4 (*Аверин, 2002, с. 123-126*) и М.Г. Жилина о стратиграфии и планиграфии того же памятника (*Жилин, 2002в, с. 107-116*); и, наконец, коллективная статья трех авторов — Н.Е. Зарецкой, О.Н. Успенской и М.Г. Жилина — о возрасте и генетических типах отложений двух разрезов Станового 4. Из нее становится понятной несогласованность ее авторов по вопросу формирования его культурных слоев (*Зарецкая и др., 2002, с. 117-122*). Ниже, в главе, посвященной критике источников, все эти работы будут рассмотрены особо.

В том же сборнике помещены: статья автора о мезолите низовьев р. Мокши (*Сорокин, 2002 б, с. 71-82*); совместная работа А.Е. Крав-

²¹ Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 1-5 июля 1997. Сергиев-Посад. 2001.

цова и С.Б. Коннова о предварительных результатах исследований 1999 и 2000 гг. стоянки Ладыжино 3 в Калужской области (*Кравцов, Коннов, 2002, с. 127-136*) и статья А.Е. Кравцова «О подходах к изучению мезолитических стоянок с нечеткой стратиграфией (по материалам памятников иеневской культуры)» (*Кравцов, 2002, с. 60-69*). А также две заметки Л.В. Кольцова о формировании мезолитических культур Северной Европы (*Кольцов, 2002, с. 46-53*) и некоторых тенденциях их развития (*Кольцов, 2002, с. 54-59*). Обе эти статьи красноречиво свидетельствуют о механистическом подходе ее автора к проблеме генезиса археологических культур. Хотя в лексическом отношении они не уступают его ранним работам, полагаю, сказано по аналогичным поводам уже было достаточно и не имеет смысла повторяться.

В 2002 г. вышла из печати часть 2 «Археологической карты России», посвященная материалам Тульской области (2002). Самый пристальный интерес вызывает сборник материалов 4-го Европейского мезолитического совещания, проходившего в Швеции, и опубликованный в 2003 г. «Mesolithic on the Move»²². Он содержит как результаты региональных исследований, так и развитие теории мезолитоведения, методики полевых и аналитических работ. Однако в издании, по существу, не представлены, за исключением двух статей М.Г. Жилина, работы наших соотечественников. Одна из них посвящена анализу связей населения лесной зоны Восточной Европы (*Zhilin, 2003, p. 688-693*), другая, совместная, служит предварительной публикацией материалов стоянок Становое 4 и Сахтыш 14 (*Zhilin, Matiskainen, 2003, p. 694-702*).

Несомненного внимания заслуживает вышедший в 2004 г. сборник «Проблемы каменного века Русской равнины»²³. Здесь отношение к рассматриваемой теме имеют статьи Х.А. Амирханова, М.Г. Жилина, А.Е. Кравцова, Е.В. Леоновой, В.В. Сидорова, А.В. Трусова и

автора. В первой из них изложена гипотеза происхождения иеневской культуры в «рамках зарайской традиции». В данной работе Х.А. Амирханова детализированы положения, кратко сформулированные двумя годами ранее (*Амирханов, 2002*). Безусловно, ее сильной стороной служит попытка применения для весьма деликатной темы генезиса волго-окских каменных индустрий технологического анализа. Заметка А.В. Трусова посвящена публикации материалов специализированной стоянки Трегубово 2. Работа В.В. Сидорова интересна, прежде всего, тем, что рассматривает элементы структуры поселений, в частности, их прибрежные участки. В достаточно содержательной статье Е.В. Леоновой предпринята попытка переноса на Волго-Окскую «почву» идей Р. Ньюэла о мезолитических жилищах, озвученных им еще в 1978 г. на 2-м Европейском мезолитическом совещании и опубликованной тремя годами позднее (*Newell, 1981*). К сожалению, даже не особо вдаваясь в дебри теории, она настолько увлеклась самим процессом планиграфических штудий, что, разложив на отдельные элементы чертежи жилища 2 в Петрушино (*Леонова, 2004*), не разглядела за этими составляющими очевидного — котлована крупной полуземлянки (5 x 8 м) глубиной свыше полуметра. Фактически, здесь ею была нарушена процедура исследования, тогда как сама задача имеет элементарное решение, но для этого требуется не анализ, а синтез.

Статья А.Е. Кравцова интересна попыткой развития взглядов на критику источников, где им высказано немало замечаний, в частности и в мой адрес (*Кравцов, 2004, с. 43, 44*). С некоторыми из них можно, безусловно, согласиться. Наивно, однако, полагать, что озвученные им соображения были чем-то новым для меня, однако не все удается вовремя опубликовать. Не лишним было бы и ему признать не менее очевидное: свой полевой опыт полевой методики трехмерной фиксации и камерального

²² Mesolithic on the Move / Larsson L., Kindgren H., Knutssom K., Leffler D., Akerlund A. (eds.). Oxbow books. Oxford. 2003.

²³ Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. редактор — Х.А. Амирханов. М.: Научный мир. 2004.

пространственного анализа он получил в полевых и камеральных условиях под руководством все того же А.Н. Сорокина. Об этой незначительной и, тем не менее, существенной детали не следует забывать, также как и о том, что сведения об отсутствии в нижнем слое Алтыново 1 ножей типа федермессер он добыл не сам (Кравцов, 1998), а из информации, полученной из того же источника.

По статьям М.Г. Жилина и автора, размещенным в этом сборнике и посвященным по существу одной и той же теме, четко прослеживается разный, более того, диаметрально противоположный подход к археологическим источникам, возможностям их постижения и интерпретации (Жилин, 2004, с. 92-139; Сорокин, с. 2004, 69-91).

И, наконец, в 2006 г. был издан очередной, 6-й том «Тверского археологического сборника», ряд статей в котором имеет непосредственное отношение к Окской проблематике. В нем были опубликованы предварительные результаты раскопок многослойного мезолитического поселения Сахтыш 14 (по раскопкам 1999-2001 гг.) (Жилин, 2006, с. 197-202); заметка В.А. Аверина о мезолитических рубящих орудиях из камня, кости и рога из Станового 4

(Аверин, 2006, с. 209-213); аналитическая статья М.Г. Жилина о природной среде и хозяйстве населения бутовской культуры в финале плейстоцена (по материалам нижнего слоя Станового 4) (Жилин, 2006, с. 116-125), а также статья автора о происхождении кундской культуры (Сорокин, 2006, с. 97-115). Здесь была дана наиболее развернутая критика контактной гипотезы и взглядов М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова по вопросу генезиса археологических культур.

Среди работ по прилегающим регионам интерес вызывает статьи В.В. Никитина о мезолите левобережья Средней Волги (Никитин, 2006, с. 224-232) и И.В. Федюнина о современном состоянии проблемы изучения позднемезолитических памятников Среднего Дона (Федюнин, 2006, с. 241-247).

Несомненное значение для археологии в целом и мезолитоведения в частности имеют и материалы научной конференции «Культурные слои археологических памятников», проведенной в 2006 г. Отделом теории и методики ИА РАН²⁴. Конференция, показавшей, как далеко шагнула полевая методика и теория «культурного слоя». Теперь о монографических работах 2000-х годов.

МОНОГРАФИИ

Непосредственное отношение к изучаемой проблематике имеет монография М.Г. Жилина «Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы» (Жилин, 2001а), которая посвящена не только костяным, но и роговым изделиям эпохи мезолита, а также затрагивает ряд важных и общих проблем мезолитоведения. Эмоциональный, но отрицательный отзыв об этой работе опубликован В.В. Сидоровым (2002). Соглашаясь с основными положениями его рецензии, хочу добавить следующее. Не вызывает сомнения, что в монографии М.Г. Жилина впервые предпринята попытка систематизации значительной категории археологических находок из органических матери-

алов, предложена их классификация, рассмотрена технология изготовления и функциональное назначение изделий. Пытается М.Г. Жилин оценить и культурные различия материала. Тем не менее, эта работа вызывает больше вопросов, чем в ней дано ответов. Не вдаваясь в частности и мелкие погрешности, надо отметить следующее. В отечественную науку впервые вводился в таком объеме фактически новый вид археологических источников. Требовалось оценить его специфику в этом качестве. Такого вопроса у М.Г. Жилина, к сожалению, даже не возникло, а ведь кость и рог совсем не то же, что представляет с собой «нетленный камень», с которым чаще всего приходится иметь дело

²⁴ «Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. Материалы научной конференции» / Отв. редакторы — С.А. Сычева, А.А. Узянов. М.: ИГ РАН, ИА РАН, НИА-Природа. 2006.

при изучении эпохи мезолита. И дело не только в разном характере сохранности этих материалов, но, прежде всего, в их разных технологических и функциональных характеристиках. Не вызывает сомнения, что в ряде случаев общность формы и стоящего за этим «сходства» костяного и рогового инвентаря запрограммирована особенностью самого сырья и технологией его обработки, а не традициями населения. Но эта тема, к сожалению, тоже осталась вне данной работы.

Не ставит М.Г. Жилин и вопроса о соотношении ареалов каменной и костяной индустрий. Точнее, при культурной атрибуции органических материалов он исходит из существующих региональных схем культур, выделенных ранее по каменному инвентарю. А это неверно. Хорошо известно, что практически все волго-окские мезолитические культуры в орудийном наборе нечетки (*Сорокин, 1990; Кравцов, Сорокин, 1991*), причем одна и та же коллекция одними и теми же авторами может относиться то к одной, то к другой культуре. Не останавливаясь на мелких и смешанных комплексах, укажу лишь на огромную коллекцию стоянки Култино 1, состоящую из 38699 каменных изделий. Сначала она была отнесена пятью исследователями мезолита, включая М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, по единственному топору с перехватом к иеневской культуре, а чуть позднее, ими же, — «к функционально-специализированным памятникам (охотничьим лагерям) бутовской культуры» (*Кольцов, 1978, с. 64, 65; Кольцов, Жилин, 1999, с. 18*). Тут уж, как говорится, комментарии излишни.

Что же касается соотношения ареалов костяной и каменной индустрий между собой, то здесь, чтобы убедиться в их несовпадении, можно взглянуть на карты, приведенные хотя бы в монографии В. Тауте (*Taute, 1968*). Не вызывает сомнения, что анализ этого несоответствия может привести к важным теоретическим и практическим выводам.

Механическое объединение разнородных материалов одного региона по каменному инвентарю в бутовскую, иеневскую или кундскую культуры автоматически приводит к тому, что и изделия из органических материалов, припи-

сываемые этим культурам, точно так же смешиваются и становятся безликими. Прежде чем судить о сходстве или различиях костяных и роговых изделий, надо четко разобраться, какие памятники относятся к бутовской или ресетинской культурам, а какие нет (*Сорокин, 1990*)? Относится ли стоянка Пулли к кундской культуре или вместе с другими пребореальными стоянками Прибалтики она не имеет к ней отношения (*Sorokin, 1999; Ostrauskas, 2001*)? Совершенно очевидно, если четко выделять культуруопределяющие типы, тогда вместе с отсортированными аморфными и смешанными коллекциями отпадет и кажущаяся общность территорий, а заодно и этническая близость жившего в них населения.

Нет нужды останавливаться здесь на таких для данной темы частностях, как типология и классификация изделий из органических материалов, которые предлагает М.Г. Жилин, достаточно сказать, что им выделено 310 (! — А.С.) их типов и вариантов. Поражает даже не само это количество, а то, что, если оставить в стороне примерно 6000 подвесок из резцов лося и бобра, найденных в Оленеостровском могильнике (*Гурина, 1956*), на каждый из выделяемых вариантов приходится не более полутора предметов, что не прибавляет ей достоверности. В данном случае важнее то, как М.Г. Жилиным решаются вопросы взаимодействия древнего населения. Анализ показывает, что здесь он неукоснительно следует за Л.В. Кольцовым и исходит из постулата взаимного сочетания находок разных культур в одном месте или слое. Он полагает, например, что Оленеостровский могильник «отражает процесс смешения пришлого населения с кремневым инвентарем... и местного населения с кварцево-сланцевым инвентарем» (*Жилин, 2001, с. 7*). Небезынтересно и другое его крылатое утверждение: «Сопоставление технологии обработки кости и рога в культурах лесной зоны Восточной Европы показывает значительную близость культур кунда, веретье и бутовской. На позднем этапе отмечается определенная близость к ним Оленеостровского могильника» (*Жилин, 2001*). Напротив, совершенно очевидно другое: совместное нахождение

ние изделий разных культур чаще всего служит результатом их механического смешения, а никак не продуктом метисации населения, их производившего (Сорокин, 2000, 2002).

Если взвесить основу каждого из выводов М.Г. Жилина о сходстве, то станет понятным, что за ними стоит, как правило, один-два предмета, причем чаще всего эти изделия происходят из смешанных или сортированных коллекций, которые не обладают источниковедческой надежностью. Вот почему основной его вывод о том, что «прослеженная общность костяной индустрии говорит о несомненной принадлежности названных культур (кунда, веретье, бутовская и Оленеостровский могильник — А.С.) к единой культурной общности, которую можно назвать кундско-бутовской» (Жилин, 2001) представляется совершенно необоснованным.

В качестве фоновых работ рассматриваемой темы, изданных в 2001 г., интересны монографии М.Ш. Галимовой «Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы», где приведено обстоятельное описание коллекций названного времени и дана исчерпывающая характеристика усть-камской культуры (Галимова, 2001); польского археолога Т. Галински о мезолите Европы (Galinski, 2001) и украинского исследователя А.Ф. Горелика о классических финальнопалеолитических памятниках Рогаликско-Передельского района территории Юго-Восточной Украины (Горелик, 2001).

Из работ, вышедших в 2002 г., следует упомянуть коллективную публикацию материалов стоянки Ивановское VII (Жилин и др., 2002) и монографию автора по мезолиту Жиздринского полесья. В последней работе также освещена проблема источниковедения мезолита Восточной Европы (Сорокин, 2002а). Здесь были не только систематизированы данные по названному региону, но и предложена оригинальная концепция проблемы генезиса археологических источников, дана развернутая критика широко распространенной «контактной» гипотезы и со всей очевидностью была пока-

зана ошибочность традиционных представлений о механизмах культурогенеза в мезолите (Сорокин, 2002а). В качестве решения названной проблемы была обоснована эволюционная модель образования археологических культур.

В свою очередь упомянутая выше, сильно запоздалая, публикация по Ивановской VII²⁵ интересна тем, что нижний слой этого памятника атрибутирован М.Г. Жилиным даже не по охотничьему вооружению, а по двойной, массивной развертке. Это могло бы стать своеобразным открытием, если бы не то обстоятельство, что подобных изделий, вопреки утверждению М.Г. Жилина, в бутовской культуре вообще нет. Кроме того, единственный наконецник из этого слоя — рессетинский, поэтому никаких оснований для отнесения нижнего слоя к бутовской культуре не существует. Судя по всему, подмена понадобилась для того, чтобы не признавать очевидное: предшествование рессетинской культуры бутовской.

Если оценивать в общем взгляды М.Г. Жилина, как по вопросам культурных различий в мезолите Волго-Окского бассейна, так и по проблемам культурогенеза (Жилин, 1987, 1999, 2004; Koltsov, Zhilin, 1999), то он неизменно придерживается тех схем и гипотез, которые были предложены еще в 1970-1980-е годы Л.В. Кольцовым (Крайнов, Кольцов, 1979, 1983; Кольцов, 1977, 1989). Заимствовал он и всю его терминологию, включая такие выражения, как «позднебутовская культура», «восточный аренсбург», «восточное постлингби», «восточный вариант культуры федермессер» и т. д. Причем последнее из них он тоже применяет для обозначения комплексов с обушковыми ножами (Zhilin, 1998; Жилин, 1999, 2002, 2004). Совершенно очевидно, что введение и использование этих дефиниций показывает непонимание генезиса и сути археологических культур эпохи финального палеолита. Ибо культуры этого времени, как, впрочем, и любой другой эпохи, являются материальным выражением не некой археологической

²⁵ Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука. 2002а. 245 с.

абстракции, а отражением конкретного образа жизни малочисленного и подвижного «приледникового» населения. Населения, которое канадский исследователь Брайан Гордон образно называет «преследователями оленьих стад» (*Gordon, 1997*). И, следовательно, это не какой-то вариант чего-то или некая новая популяция, а все то же самое население культуры федермессер, причем кочевья носителей «индустрии обушковых ножей» в эпоху позднего ледникового охватывали и Западную, и Восточную Европу.

Более того, различия в наборах и метрических признаках территориально удаленных памятников одной и той же культуры закономерны. И объясняются они, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что в принципе не может быть двух абсолютно схожих коллекций, во-вторых, тем, что метрические значения каменных изделий вызваны, как совершенно справедливо показал Брайан Гордон, удаленностью от потребителя источников каменного сырья или, напротив, их доступностью (*Gordon, 1997*). Вот почему изделия, оставленные на весенне-летних тундровых стоянках охотниками на северных оленей Канады, где сырье в изобилии, гораздо крупнее изделий осенне-зимних стоянок тех же охотничьих групп в лесной зоне, где сырьевая база скудна, а само сырье трудно извлекать. Напротив, у охотников на северных оленей территории Республики Коми мерные признаки в географическом отношении распределяются с точностью до наоборот: в тундре, где почти нет каменного сырья, изделия мелкие, а в лесной зоне, где располагается Тиманский Кряж, они существенно крупнее. Кстати, это же обстоятельство, а не некие культурные характеристики, объясняет и весомые различия в мерных признаках, которые наблюдаются в валдайских стоянках «подольской» культуры при их сопоставлении с изделиями культуры бромме — лингби (*Синицына, 2000*), что ставит закономерный вопрос о целесообразности ее выделения.

Единственным «отклонением» от схемы Л.В. Кольцова служит предположение М.Г. Жилина о существовании так называемого кунд-

ско-бутовского единства (*Жилин, 1999, 2001*). В основе этой гипотезы лежит анализ костяного и рогового инвентаря памятников двух названных культур. В этой связи следует заметить, что если изначально нет четкой культурной атрибуции коллекций по каменному инвентарю и их признаки аморфны, а это относится как к материалам бутовской, так и кундской культур, то их разделение по костяному и роговому набору невозможно в принципе. Данное обстоятельство со всей очевидностью и продемонстрировано М.Г. Жилиным.

Полагаю, что органические материалы — это своеобразный вид археологических источников, специфику и «культурное» содержание которых еще предстоит выяснить. При этом совершенно не обязательно, что ареалы, локализуемые по каменному инвентарю, будут совпадать с теми, которые очерчиваются по костяному или роговому набору (*Taute, 1968; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Galinski, 2001*). В самом деле, даже отнесясь от того обстоятельства, что изделия из органических материалов сохраняются далеко не везде, отчего их ареалы не служат «проекцией на карту» каменных индустрий, их распределение в пространстве во многом зависит не только от культурных традиций населения, но и функциональной специализации памятников.

Среди книг, изданных в 2004 г., публикация материалов мезолитических стоянок низовьев р. Мокши, принадлежащая автору (*Сорокин, 2003/2004, с. 359-443*), монография Л.С. Клейн «Введение в теоретическую археологию» (*Клейн, 2004*), посвященная общетеоретическим проблемам науки. И небольшая монография М.Г. Жилина «Природная среда и хозяйство мезолитического населения Центра и Северо-Запада лесной зоны Восточной Европы» (*Жилин, 2004б*). В ней излагаются материалы его изысканий на «болотных» стоянках и выводы о специфике хозяйственной деятельности их обитателей. Чтобы оценить их качество, лучше всего предоставить слово самому автору. Для этого уместно привести несколько, наугад взятых отсюда, цитат. Итак: «В Волго-Окском междуречье в бореальное время существовала практика высылки специализирован-

ных охотничьих групп для промысла крупного зверя²⁶» (*Жилин, 2004, с. 43*); «...население иеневской культуры, судя по фрагментам кальцинированных костей из раскопа 2 Усть-Тудовки 1, занималось охотой на крупных животных, которых определить по мелким обломкам не представляется возможным» (*Жилин, 2004, с. 24*); «...некоторые финальнопалеолитические культуры, распространенные главным образом в дриасе, заходят в начало голоцена» (*Жилин, 2004, с. 24*); «...наконечники стрел можно разделить на несколько групп по поведению при попадании...» (*Жилин, 2004, с. 39*). Но поистине классическим может стать еще одно его выражение из этой книги: «...плотность мясной дичи в конце позднего дриаса была в Волго-Окском междуречье во много раз выше плотности раннемезолитического населения» (*Жилин, 2004, с. 25*). Оно показалось самому М.Г. Жилину настолько удачным и значимым, что он в тексте обыгрывает его трижды!

Из работ, вышедших в 2005 г., следует, прежде всего, упомянуть монографию Л.Л. Зализняка по финальному палеолиту и мезолиту континентальной Украины (*Зализняк, 2005*), в которой изложены новейшие данные по названной территории и, среди прочих, излагается авторская концепция культурогенеза Волго-Окского бассейна. В ней содержится не раз уже высказывавшаяся им точка зрения на процесс сложения постсвидерских культур и проблему культурогенеза, восходящая к представлениям Л.В. Кольцова конца 1970-х годов. В сущности, если она в чем-то и отличается от того, о чем по тому же поводу пишут все последние годы М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов, то лишь частностями, поэтому вряд ли целесообразно повторяться.

А в небольшой коллективной монографии Санкт-петербургских археологов С.В. Васильева, З.А. Абрамовой, Г.В. Григорьевой, С.Н. Лисицына и Г.В. Сеницыной рассматриваются вопросы палеоэкологии позднего палеолита Се-

верной Евразии и структура поселений этого времени (*Васильев и др., 2005*).

2006 г. был, несомненно, продуктивен для первобытной археологии. Он характеризуется целой серией монографий в области мезолитоведения. Здесь монографии М.Г. Жилина, В.П. Ксензова, С.В. Ошибкиной, И.В. Федюнина и, наконец, две книги автора (*Сорокин, 2006 г, д*). Ряд работ был посвящен результатам исследования смежных регионов. В монографии С.В. Ошибкиной (*2006*) освещены результаты исследования мезолитических поселений и могильников, расположенных на территории Восточного Прионежья. В ней были впервые детально описаны и систематизированы все ныне известные памятники культуры веретье, включая стоянки и могильники. А иллюстративная часть содержит самую полную на настоящее время сводку изделий этой культуры. В книге И.В. Федюнина были систематизированы результаты изучения мезолитических памятников Среднего Дона (*Федюнин, 2006*).

В монографии безвременно ушедшего белорусского исследователя В.П. Ксензова «Мезолит Северной и Центральной Беларуси» были отражены материалы, подводющие итоги его изысканий в данной области. Они представляют несомненный научный интерес, так как являются самой полной сводкой по памятникам этой территории (*Ксензов, 2006*).

Что касается Волго-Окского бассейна, то и его материалы получили освещение в работах 2006 г. Вышла публикация М.Г. Жилина²⁷, посвященная материалам мезолитических торфяниковых памятников, исследованных на Озерецком торфянике в Тверской области. Здесь в очередной раз была изложена устаревшая концепция мезолита Волго-Окского бассейна (*Жилин, 2006*). Наиболее выразительный материал был получен им на многослойной стоянке Озерки 5. Здесь было раскопано 200 кв. м и собрана коллекция, включающая 23687 изделий из камня (*Жилин, 2006, с. 28*) и 1001 предмет из кости и рога (*Жилин, 2006,*

²⁶ Идея «стратегии высылки охотничьих экспедиций» заимствована у Л.В. Кольцова (2001, с. 19, 21).

²⁷ Жилин М.Г. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М. 2006.

с. 36). Одних только каменных наконечников стрел там было собрано 172 (*Жилин, 2006, с. 30, 52*), причем по тексту непонятно — относится ли это ко всему памятнику или только к его нижнему (мезолитическому) слою. Присутствие такого огромного количества наконечников не может быть случайностью, ибо такого количества не найти на всех прочих вместе взятых выразительных стоянках бутовской культуры. Однако М.Г. Жилин никак не объясняет этого факта. Как известно, нетрадиционное соотношение охотничьего вооружения и бытовых орудий характерно только для одного типа памятников — могильников. Возможно, и здесь имело место то же самое, причем не обязательно, чтобы присутствовали сами костяки, ибо при воздушном способе захоронения остаются лишь вещи. Нельзя исключить и наличия здесь кенотафов. К сожалению, раскопки этого памятника метровыми и двухметровыми траншеями не дают возможности разобраться с его стратиграфией, установить реальное количество слоев, имевшихся на нем, да и само число стоянок. Поэтому в источниковедческом отношении, учитывая, что торфяник в настоящее время затоплен, эта коллекция совершенно бесперспективна, ибо превращена по существу в груды подъемного материала.

В 2006 г. автором была опубликована первая за всю историю археологического изучения Окского мезолита монография, посвященная проблемам культурных различий (*Сорокин, 2006г*). В ней оказались собраны материалы за 125-летнюю историю изучения мезолитических стоянок в бассейне р. Оки. Она подводит ее практический итог и содержит каталог, в котором собраны сведения о 664 мезолитических памятниках. До этого, считалось что всего их около 500, причем это количество, как отмечалось, чаще ассоциировалось со всем Волго-Окским бассейном. Это разительно контрастирует с тем, что реально удалось собрать. И, наконец, теоретическим проблемам мезолитоведения была посвящена еще одна работа автора, тоже вышедшая в 2006 г. (*Сорокин, 2006д*). Следующим закономерным шагом в развитии представлений о мезолите Поочья служит настоящая работа.

Закljučая этот очерк необходимо сказать следующее. Не вызывает сомнения, что вектор развития с конца 1990-х гг. испытывал общий подъем. Это проявлялось по всему спектру изысканий: и в практических исследованиях, и в совершенствовании полевой методики, и в увеличении числа публикаций, и, наконец, в развитии теории мезолитоведения. Обо всем этом много говорилось выше.

В 1990-е и 2000-е годы достойное место в методике полевых исследований заняли трехмерная фиксация и пространственный анализ (*Леонова Н., 1987, 1990, 1994, 2005; Леонова и др., 2006; Сорокин, 1989, 2002, 2006; Медведев, 1994*). По существу еще в 1980-е годы в методике раскопок мезолитических стоянок и трехмерной фиксации материалов не без участия автора был совершен прорыв. И в настоящее время их необходимость признана большинством, причем не только исследователями мезолита (*Бессуднов, 1999; Кравцов, 2004; Леонова Е., 1998, 2000; Федюнин, 2006; Жульников, 2005; Сурков, 2007*). Более того, эта методика включена в ныне действующую полевую инструкцию (*Положение.., 2007*).

В 1990-е годы Иркутской школой археологии под руководством Г.И. Медведева были сформулированы принципы геоархеологии. Сама идея возникла на волне изучения стратифицированных верхнепалеолитических памятников и критики концепции мезолита еще в конце 1980-х гг. Очень быстро она завоевала главенствующие позиции, сначала среди представителей иркутской школы, а затем — и в среде исследователей, работающих в азиатской части страны. Интересно, что самым активным ее разработчиком стал никто иной, как Г.И. Медведев, создавший, по существу, в 1970-е — 1980-е годы концепцию Прибайкальского мезолита (*Мезолит Верхнего Приангарья, 1971, 1981; Медведев, 1981*). Как об этом позднее писал один из иркутских археологов — А.В. Тетенькин, «Развитие взглядов лидера иркутской школы Г.И. Медведева в 90-е годы пришло к полной «диалектической» противоположности взглядам начала 60-х гг. Перед нами логически заверченный до «свое-

го противоположного» дискурс мысли» (*Тетькин, 2003, с. 14*).

Однако, безусловно плодотворные идеи геоархеологии, четко сформулированные представителями иркутской школы Г.И. Медведевым, М.П. Аксеновым, Г.А. Воробьевой, Н.Е. Бердниковой, А.Г. Генераловым и другими еще в 1990-е годы, не нашли пока должного признания и развития в исследованиях на территории Европейской России. Сколько можно судить, в этом по существу проявилась разница источниковедческой базы разных регионов: многослойным стратифицированным динамичным горным памятникам Забайкалья практически нечего противопоставить в спрессованных равнинных стоянках Русской равнины. За единственным исключением — торфяные слои и шлейфы «болотных» стоянок тоже относятся к разряду объектов быстрой аккумуляции и часто стратифицированы. Потенциально они не уступают по своим возможностям известным геоархеологическим объектам Восточной Сибири. Дело за малым — качеством их полевого изучения.

Тем не менее, и на восточно-европейской сцене были существенные прорывы в теории мезолитоведения. Феномен натурации, открытый мной в конце 1990-х годов, предложенная тогда же новая трактовка понятия «археологическая культура», эволюционная гипотеза культурогенеза и другие идеи, изложенные в этих работах, не всеми оказались восприняты. Некоторые, как Л.В. Кольцов или М.Г. Жилин, сочли за лучшее их попросту замалчивать, от кого-то прозвучала вялая критика. Так, например, А.Е. Кравцов увидел противоречие и нестыковку там (*Кравцов, 2002, с. 67, 68; 2004, с. 43, 44*), где была элементарная контаминация. Тем не менее, не будет преувеличением сказать, что проблемы источниковедения оказались востребованными как на уровне методики, так и теоретических изысканий.

Наряду с явными прорывами и несомненными удачами в разработке теории и методики («мегаархеология» Л.С. Клейна, «геоархеоло-

гия» Г.И. Медведева и М.П. Аксенова), были и явно дилетантские гипотезы и предложения («экзогамия территории» М.Г. Жилина, «метаморфозы структурирования» А.Е. Кравцова). Но больше всех преуспел, без сомнения, Л.В. Кольцов, «сегментация представлений» которого приняла такие формы, что не требует диагностики.

Такова, вкратце, история изучения мезолитических стоянок бассейна р. Оки и развитие взглядов на мезолитоведение. Чтобы представить источниковедческую базу исследования, о состоянии которой говорилось в этой главе, целесообразно привести распределение мезолитических памятников Окского бассейна, известных на настоящее время, по субъектам Российской Федерации. Таблица 1 отражает общую степень изученности полигона. Данные в ней распределяются по возрастанию, разумеется, с той оговоркой, что территория далеко не всех субъектов целиком относится к бассейну Оки. Это, прежде всего, касается Смоленской, Пензенской и Ярославской областей. Но и минимальные значения для Москвы и Пензенской области имеют реальное практическое объяснение в отсутствии их целенаправленного изучения в аспекте рассматриваемой темы.

Общая цифра памятников, зафиксированных в бассейне р. Оки, на 2006 год довольно внушительна — 673 пункта²⁸. Она существенно превышает те, которые стандартно упоминаются в специальной литературе (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 5; Жилин, 2004, с. 92*). Вместе с тем следует отметить, что она достаточно условна, ибо возраст части из них достоверно не установлен и нуждается в корректировке.

Анализ первичных сведений показывает, что на общем числе мезолитических стоянок сказались ряд обстоятельств, связанных как с административной и геоморфологической приуроченностью объектов археологического наследия, так и с сугубо источниковедческими обстоятельствами — наличием и количеством исследователей — мезолитоведов. Немало-

²⁸ Эта цифра включает памятники, традиционно рассматриваемые в качестве мезолитических, в том числе стоянки рессетинской и иеневской культур, возраст которых в настоящее время автором пересмотрен в сторону удревнения (см. главу 5).

**Процентное распределение мезолитических памятников в бассейне р. Оки
по субъектам Российской Федерации**

Административное деление	Число памятников	В процентах
Смоленская область	00	0,00
Пензенская область	01	0,15
Тамбовская область	02	0,30
Москва	02	0,30
Орловская область	05	0,74
Республика Мордовия	09	1,34
Ярославская область	10	1,49
Ивановская область	19	2,82
Тульская область	24	3,57
Владимирская область	63	9,36
Нижегородская область	83	12,33
Калужская область	124	18,42
Рязанская область	144	21,40
Московская область	187	27,78
Итого по списку	673	100%

важное значение имеет и техногенный фактор; последнее относится, прежде всего, к такому мегаполису, как Москва, и областным центрам — Калуге, Рязани, Владимиру, Туле и другим, где значительное число памятников было уничтожено до момента археологического обследования территории.

Наименьшее количество зафиксировано на участках, которые относятся к периферии Окского бассейна, например, Смоленская, Пензенская, Ивановская, Тамбовская и Ярославская области или Республика Мордовия. Малочисленность стоянок в Орловской области объясняется ее геоморфологией, значительным высотным положением, приуроченностью к платформенному поднятию и недостаточной развитостью в силу этого гидрографической сети. Немаловажно и малое число исследователей каменного века, работавших там. То же, кроме последнего пункта, можно сказать и о Тульской области, располагающейся на Среднерусской возвышенности.

Анализ порайонного распределения данных показывает, что максимальное число памятников приурочено не столько собственно к руслу р. Оки, сколько к ледниковым формам рельефа. Главная зависимость, которая бросается в глаза и которую можно достоверно вывести из ситуативной приуроченности мезолитических стоянок,— это их несомненное

«тяготение» к зандровым низменностям. Основным из них в пределах региона, без сомнения, является Мещера. Максимальные имеющиеся цифры как раз и приходятся на Московскую и Рязанскую области. Вместе с тем Балахнинская низина уступает Мещере, как своими размерами, так и общим числом стоянок. Кроме того, Нижегородская область, где она располагается, в значительно большей степени относится к Волжскому бассейну, чем к Поочью. Относительно скромное положение Владимирской области вызвано в значительной мере тем обстоятельством, что здесь первостепенное значение всегда уделялось славяно-русским древностям. На этом фоне явно выделяется Калужская область, где кроме незначительного по размерам Жиздринского полевья отсутствуют другие крупные зандры, но усилия многочисленных краеведов и археологов-профессионалов дали весьма неплохие результаты.

Вместе с тем, несмотря на значительное количество мезолитических памятников, открытых в бассейне р. Оки, большинство из этих пунктов известно лишь по разведочным данным, а многие из тех, которые исследованы стационарно, дали не только мезолитические артефакты, но в них содержатся примеси материалов более поздних эпох. Часть коллекций оказалась сортированной. Все это определяет

их разную источниковедческую ценность и значимость, в том числе и при решении вопроса культурной атрибуции. В ходе дальнейшего изложения, учитывая эти обстоятельства, для решения культурологических проблем будут привлекаться не все имеющиеся данные, а лишь материалы представительных и сравнительно надежных источников. Естественно, что в количественном отношении, как будет видно ниже, эти коллекции составляют лишь небольшую долю всего имеющегося массива источниковедческого материала. Тем не менее, другого пути для создания объективной исторической картины, по-видимому, нет.

Как мы видим, история обследования территории не была монотонной, она имела свои взлеты и падения. Едва поднимающаяся кривая от XIX в. и вплоть до конца 1950-х годов, стала активнее взмывать в 1960-е годы и совсем «резко набирать в гору» в 1970-1980-е годы, чтобы смениться «обвалом» в середине 1990-х. Заключительный момент 1990-х и начало 2000-х годов характеризуется тенденцией нового подъема, но прогнозировать его дальнейший стабильный рост, зависящий, прежде всего, от развития общей экономической ситуации в стране, пока преждевременно. Понятно лишь одно — недавнее кризисное состояние рецессии и стагнации сменилось фазой известного оживления. А вот разрешится ли оно радикальным подъемом — судить пока рано. Очевидно одно: нынешнее положение не будет длиться бесконечно.

Развитие представлений о мезолите региона тоже имело свои особенности. От стадийной концепции, возникшей и доминирующей в предвоенное время, до зарождения теории археологических культур в начале 1950-х годов, и вплоть до ее господства, начиная с середины-конца 1970-х годов. Это было то время, когда все развитие и разнообразие объяснялось преимущественно, а чаще — исключительно, хронологическими и, реже, локальными особенностями материалов. Существенны и появившиеся с конца 1970-х гг. попытки объяснения имеющихся различий развитием геоморфологической ситуации, состоянием хозяйственно-культурных типов, появлением

непосредственно связанных с ними экономико-поведенческих моделей и апробацией идеи функциональной специализации археологических объектов. К сожалению, все эти направления в отечественной археологии по-прежнему находятся в начальной стадии разработки и осмысления. И в этом мы заметно отстаем от западных исследователей. Зато немаловажно появление с середины-конца 1980-х гг. «нетрадиционных» источников, куда, прежде всего, относятся «болотные» стоянки с органическими остатками и погребальные комплексы. Их полноценное исследование в пределах полигона весьма перспективно, сулит весомые выгоды, но тоже по существу лишь начинается.

Нашел развитие и строгий источниковедческий подход, основанный на критике археологических источников, сторонником которого является автор. А также глубокое понимание того, что традиционные источники чаще всего смешаны и вообще не дают весомых оснований для фундаментальных аналитических изысканий. Словом, хорошо понятно, что гипотезу археологических культур уже в ближайшее время ждет серьезная проверка и испытание «на прочность».

Такова вкратце история исследования мезолитических памятников Окского бассейна и развития взглядов на проблематику этой эпохи. Не вызывает сомнения, что для решения общих вопросов мезолитоведения Поочья, прежде всего актуально решение вопроса о природе самих источников. Однако прежде чем перейти к рассмотрению основ мезолитоведения Поочья хочу, завершая этот затянувшийся и, тем не менее, неоправданно краткий очерк археологических открытий и развития представлений об эпохе мезолита, привести слова нашего выдающегося соотечественника Б.Ф. Поршнева: «В науке нет такого запретного... участка, где висела бы надпись: «Посторонним вход запрещен». Ученому все дозволено — все перепроверить, все испробовать, все продумать... Запрещено ему только одно: быть неосведомленным о том, что сделано до него в том или ином вопросе, за который он взялся» (Поршнев, 1974, с. 20).

ГЛАВА 2: КРИТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

«Чем взыскательнее и строже Критика, тем непопулярнее Историку, для выгод его дарования, обманывать добросовестных Читателей, мыслить и говорить за героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах...»

Н. Карамзин, с. 18

И в практической, и в теоретической археологии все начинается с конкретного памятника. Тому, что понимать под этим термином, посвящена обширная литература, но разбор ее содержания не входит в задачу конкретной работы, так как слишком далеко увел бы нас от проблем мезолитоведения. Несмотря на известную разногласию, не вызывает, пожалуй, сомнения тот факт, что полевое изучение памятника предшествует всему: и публикации материалов, и аналитическим изысканиям, и методологическим исследованиям, и, наконец, теоретическим разработкам. Ибо потенциальный источник, как «вещь в себе», существует объективно, но вне научного знания. А вот после полевого изучения памятник становится источником археологических знаний. Я.А. Шер в одной из своих работ так сказал по этому поводу: «Памятники, вещи, следы деятельности древних людей — это не источники информации, а предметы наблюдений и исследований, из результатов которых могут формироваться научные факты» (Шер, 2004, с. 118). И добавил: «Источником археологической научной информации являются наблюдения и рассуждения исследователя, зафиксированные в комплекте документации, составленной в ходе раскопок или иного исследования. Называть древние памятники или предметы источниками, в которых заключена информация, можно только в метафорическом смысле» (Шер, 2004, с. 118).

Не вызывает сомнения и то обстоятельство, что качество добытых сведений напрямую связано с квалификацией полевого исследователя и той методикой, с помощью которой добыта информация. Но даже «методически безукоризненно проведенные раскопки могут в ряде случаев приводить к плачевным результатам, вплоть до полного непонимания раскопанного (и тем самым уничтоженного) памятника» (Колпаков, Назаренко, 2004, с. 100). Немаловажно и качество записи первичной информации, прежде всего в виде полевой документации. Ограничусь единственной цитатой: «Одним из основных требований научного метода является опора на эмпирические факты и доказуемость утверждений... Таким образом, научность археологии и возможность достижения истинного знания о человеческом прошлом определяются качеством археологического отчета» (Колпаков, Назаренко, 2004, с. 101). Известно, что «применение самых совершенных методов раскопок не обеспечивает само по себе их качественность и приемлемое понимание памятника» (Колпаков, Назаренко, 2004, с. 100). Тем не менее, поскольку методика полевого изучения играет ключевую роль в судьбе археологических источников, целесообразно, прежде чем рассматривать вопросы их критики, обратиться к основам полевой методики, используемой при раскопках мезолитических стоянок.

СТРАТИГРАФИЯ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ ЗАНДРОВОЙ ЗОНЫ

«Нельзя научиться производить археологические раскопки по инструкциям и методическим пособиям: этому можно научиться только в процессе самих раскопок».

Колпаков, Назаренко, 2004, с. 104

Глобальные климатические изменения, которые отмечаются в позднее ледниковье и на рубеже плейстоцена-голоцена, привели, в том числе, и к изменению характера осадконакопления. Уже в позднем плейстоцене, около 15-14 тыс. лет назад, прекращается лессообразование (*Величко и др. 1997*), и главным формообразующим элементом рельефа становятся пески. На смену сухим малоснежным зимам приходят все более мягкие с обильными снегопадами (*Короткопериодичные... изменения, 1994; Палеогеография Европы..., 1982; Развитие ландшафтов..., 1993; Величко и др., 1999; Динамика ландшафтных компонентов..., 2002*). Активизация процессов почвообразования и становление лесной зоны были неизбежным следствием прогрессирующего потепления. Существенным образом изменяется животный и растительный мир. На смену «мамонтовой основательности» приходят сначала быстрые северные олени, а затем и медлительная лесная фауна.

Непосредственной предпосылкой всех этих радикальных событий были явления общепланетарного масштаба. Результатом глобальных климатических изменений было сокращение и последующее исчезновение Скандинавского ледника, освобождение значительной части территории Восточной Европы из ледяного плена и окончание Великого Валдайского оледенения. Радикальное изменение гидрографии, последовавшее в процессе и результате дегляциации, привело к исчезновению громадных приледниковых пресноводных морей (озер), осушению их лож, формированию и обсыханию уступов первых террас, возникновению нынешней гидрографии и, в конечном итоге, обнажению громадных зандровых рав-

нин — полесских низменностей. Без преувеличения, наступает «эра полесий» и все ошутимей и неизбежней становится «тленность бытия». Наиболее существенно эти процессы отразились на самих зандрах. С одной стороны, волею судеб они стали наиболее привлекательной экологической нишей, с другой — их геоморфологические особенности имели в археологическом отношении крайне отрицательные последствия. Резкое снижение темпов седиментации и характера отложений разительно сказались как непосредственно на культурных слоях, так и на сохранности консервируемых в них материальных остатков. Это полностью изменяется существо археологического источника. А, в конечном счете,— определяет и обосновывает право на существование особого раздела археологии каменного века — мезолитоведения.

Главной особенностью полесий, помимо избыточной обвоженности территории, является господство рыхлых песчаных отложений. Присутствие песчаных форм рельефа определило как топографию и приоритеты в выборе мест обитания древним населением, так, в конечном итоге, и состояние культурных слоев и материальных остатков, которые достаются археологам для непосредственного наблюдения.

Топография всех полесских мезолитических стоянок сходная. Они занимают краевые участки речных террас в местах озеровидных пойменных расширений, а также останцы обтекания, как правило, первых террас. Важной особенностью полесских памятников служит тот факт, что их стратиграфия определяется не столько археологическими признаками, сколько литологией вмещающих песчаных отложений. Антропогенная окраска слоя, как прави-

ло, отсутствует. Профили таких памятников в пределах Средней полосы, по преимуществу, соответствует естественному профилю почв дерново-подзолистого типа. Изредка на памятниках встречаются отдельные ямы или пятна, но исчезает полноценная искусственная окраска всего культурного слоя, которая так характерна для базовых палеолитических стоянок. Фактически, заполнитель слоя (песок) имеет лишь почвенную окраску, а артефакты в нем распределяются в виде взвеси. Для характеристики подобного состояния культурных слоев и находок применяется термин «горизонт залегания находок». Таким образом, основной особенностью «горизонтов залегания находок» служит рассредоточенность артефактов по вертикали, которая происходит, как правило, по естественным причинам.

Даже на торфяниках, как правило, нет собственной окраски культурных слоев, причем присутствие органических остатков лишь разнообразит вещевой набор, но никак не «археологическое воплощение» самих культурородержащих отложений. Специфика большинства верхнепалеолитических и мезолитических стоянок привела к появлению термина «геоархеологический объект (ГАО)» (Медведев, Воробьева, 1989, 1993) и появлению целого нового направления в методике их изучения (Медведев и др., 1996). Рассматривая возникновение гипотезы ГАО в качестве такой своеобразной и положительной реакции, тем не менее, следует заметить безусловную доминанту в ней геологической составляющей, причем часто в ущерб археологическим принципам (Тетькин, 2003). Что вряд ли оправдано.

Приуроченность к зандровой зоне повлияла на условия формирования и характер сохранности культурных остатков, определила малую насыщенность ими слоя. В идеальном виде в момент своего отложения культурный слой мезолитической стоянки представлял собой тонкую линзу хозяйственно-бытовых остатков, залегающую преимущественно поверхностно. В плане эта «линза» состояла из различных обособленных скоплений, а в сечении конфигурация повторяла контур древней

дневной поверхности. Естественно, что при этом в культурный слой включались и элементы поселенческой структуры, создававшиеся в процессе жизнедеятельности и осадконакопления. Те немногочисленные артефакты, которые попадали ниже «уровня обитания» (древней дневной поверхности), например, в результате перекопов, затапывания, «естественного погребения» (тафономизации) под воздействием почвенных процессов и т. д., сути дела не меняют и представляют собой, фактически, отклонение от максимума распределения, которым являлась дневная поверхность поселения. На этой поверхности вместе с каменными предметами известный промежуток времени сохранялись и органические остатки, которые обычно исчезают к моменту раскопок. После оставления места жительства человеком, накопление остатков прекращалось, и начиналась естественная история культурного слоя. Суть этого процесса заключается в том, что культурный слой поселения начал испытывать массу изменений, вызванных различными естественными (природными) процессами (почвенными, климатическими, биохимическими и т. д. и т. п.). На его «конечном облике» сказывались различные факторы, среди них: скорость формирования самого слоя; состав заполнителя, величина первоначального содержания гумуса и других органических остатков, состав и характер почвенного воздействия, а также объем и длительность процессов, способствующих разрушению и видоизменению почвы и слоя. Сюда же следует добавить обвоженность, наличие свободного кислорода, солевой состав и ожелезненность отложений, скорость биологических и физико-химических почвенных процессов, воздействующих на слой, а также численность заключенных в нем артефактов (Wood, Johnson, 1978).

Приуроченность стоянок к зандровой зоне, залегание культурных слоев в рыхлых песчаных отложениях неблагоприятно сказались на условиях формирования и характере сохранности культурных остатков. Формирование культурных слоев памятников в условиях полей привело к тому, что наиболее информатив-

ным, а часто и единственно доступным для исследования, является каменный инвентарь. Все это с особой остротой ставит задачу выра-

ботки таких методических приемов раскопок, которые позволяют получить максимум возможной информации о памятнике.

МЕТОДИКА ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ЗАНДРОВОЙ ЗОНЫ

Исследователи, работающие в зандровой зоне, применяют как традиционную методику раскопок по условным горизонтам (*Кольцов, 1983б*), так и специальные, призванные повысить уровень информационной значимости культурных остатков, например, вертикальную зачистку (*Зализняк, 1984, с. 19-22*). Существенным недостатком первой из них является нарушение микростратиграфии, что фактически приводит к приравниванию добываемого путем раскопок материала к подъемному. Вторая методика, делающая основной упор на стратиграфию, смазывает возможности планиграфического распределения. Исходя из специфики работ в условиях зандров, и на основе изучения опыта отечественных и зарубежных исследователей, начиная с 1982 г., автором разработана и успешно апробирована применительно к мезолитическим стоянкам методика пространственной фиксации материалов. Все изделия при этом стали фиксироваться по трем координатам — двум в плане и с замером глубины залегания от общего для памятника нуля. При этом все чертежи выполнялись в масштабе 1 : 10, что исключало погрешности при пересчете и выносе находок на профили. Существенным элементом данной методики фиксации было составление «профильных разверток»¹, необходимых для выяснения пространственного распределения материала (*Сорокин, 1987*). Фактически, основной целью методики является установление структуры культурного слоя, без чего немислима научная критика источника. При разработке пространственной методики автор исходил из двух предположений: 1) материал любого памятника может быть смешанным; 2) «чистоту» памятника надо доказать его критикой. Суть методики состоит в фиксации всех находок с помощью нивелира по трем координатам,

т. е. с определением глубины залегания каждой из находок. Впоследствии все они выносятся на систему продольных и поперечных профилей, количество которых и «шаг» между которыми определяется количеством находок и конкретными исследовательскими задачами. Таким образом, целью полевых и камеральных работ становится не выявление отдельных элементов, комплексов и т. д., а анализ структуры культурного слоя во всей взаимосвязи составляющих его элементов. Подход к культурному слою (горизонту залегания находок) с точки зрения структуры является наиболее перспективным направлением в изучении археологических памятников (*Аникович, 1987*). В отличие от широко распространенных приемов фиксации по условным горизонтам любой мощности, данная методика позволяет избежать существенного недостатка — произвольной группировки материала исследователем, которая приводит к прямому искажению реальной картины и уменьшению информативности исследуемых памятников. Применение данной методики позволяет: а) сочетать вертикальное и горизонтальное распределение находок; б) установить структуру культурного слоя в его естественном простираии; в) выявить контур древней дневной поверхности стоянки; г) уточнить места концентрации находок на площади памятников; д) наметить контуры ям, не имеющих собственной окраски; е) определить наличие разных горизонтов распределения материала; ж) локализовать границы поздних перекопов и т. д. Эта методика не только расширяет в целом возможности источниковедческой базы, но и создает основание вести внутреннюю критику такого сложного источника, каким являются стоянки зандровой зоны с неокрашенным культурным слоем. С ее помощью можно объективно раз-

¹ В настоящее время эта процедура успешнее решается с помощью компьютерного моделирования.

делить материал на разновременные комплексы. Все это позволяет видеть в ней надежный инструмент при исследовании мезолитических поселений.

Опыт исследования зандровых памятников показал, что полевые методики, применяемые в 70-80 гг. XX века для их исследования, не отвечают главному — сохранению информации о структуре слоев и пространственном распределении в них материалов. Очень часто раскопки не только не являются «моделью исследованного объекта» с сохранением в ней всей закодированной в памятнике информации, но в силу ряда причин при раскопках теряется, а часто искажается даже то небольшое из того наиболее ценного, что в нем содержалось, а именно — пространственная структура. Фиксируя, например, изделия по условным горизонтам, исследователь группирует их произвольно, подчиняя их некоему условному интервалу. Уничтожение или игнорирование пространственного положения предметов в конечном итоге объективно превращает добываемое в груды подъемного материала. Условными горизонтами (пластами) материалу навязывается искусственная группировка и, в конечном счете, — представление конкретного исследователя о распределении материала, но никак не законсервированные некогда в памятнике закономерности (Леонова Н., 1987, 1994; Сорокин, 1989; Медведев, 1994). Главная же задача раскопок заключается не только в сборе коллекций, не в том, чтобы под видом раскопок разрушать памятники, а в том, чтобы фиксировать и устанавливать присущие им закономерности. Следовательно, для создания полноценного источника необходимым минимумом должно быть требование не двумерной, а трехмерной фиксации. Пространственная структура памятников выявляется исключительно путем точной фиксации всех его объектов и артефактов по трем координатам с последующим графическим моделированием их распределения.

Важные методические разработки по теории культурного слоя, механизмах его образо-

вания и причинах разрушения, а также принципах полевого исследования палеолитических памятников, можно найти в докладах Всесоюзного симпозиума 1984 г. по методике полевых исследований. Это, прежде всего, работы З.А. Абрамовой, М.В. Александровой, М.В. Аниковича, М.Д. Гвоздовер, Л.В. Греховой, Г.П. Григорьева, Н.Б. Леоновой, Е.В. Минькова, А.А. Сеницына, Л.М. Тарасова и других исследователей. К сожалению, краткая информация об этих докладах появилась только в 1987 г. (Аникович, 1987), а опубликованы они были вообще лишь в 1990 г.² Поэтому многие проблемы, поднятые в них, автору пришлось разрабатывать самостоятельно, независимо от названных авторов и параллельно с названными исследователями. Специфика моей работы заключалась в том, что я исследовал мезолитические стоянки, на которых отсутствовали четко выраженные горизонты погребенной почвы, следы мерзлотных деформаций, а культурные слои залежали в песчаных отложениях, активно подвергавшимся переработке почвенными процессами и протекавшими часто в более позднее время, чем существовал сам памятник. Причем характер дистурбаций здесь был иной, чем на палеолитических стоянках, что требовало иных подходов при их изучении. Эта методика для мезолита Центральной России разрабатывалась впервые и, важно отметить, что она дала положительные результаты. Вышедший в том же 1990 г. сборник с публикацией материалов Всесоюзного совещания в ЛОИА, посвященный методике исследований мезолитических и неолитических стоянок³, показывает, что в то же самое время раскопки памятников названных эпох велись еще по условным горизонтам. Ни о какой пространственной фиксации материала и дистурбации слоев речи не шло, а для «расчленения разновременных материалов и для установления их относительной хронологии применялись подсчеты в камеральных условиях» (Гаврилова, 1990, с. 127). Надо ли говорить в этой связи, что это не методика исследования культурного слоя многослойного памятника, а, в

² КСИА. Вып. 202. М.: Наука. 1990.

³ Полевая археология мезолита-неолита. Л. 1990.

лучшем случае, способ разделения того, что, как керамику, смешать уже невозможно. Каменный же инвентарь при этом, даже полученный путем раскопок, превращался в не расчленимую грудку подъемного материала.

Конечно, было бы ошибкой полагать, что трехмерное распределение всегда позволяет выделить в структуре памятника отдельные горизонты или четкие, обособленные комплек-

сы, ведь памятник часто достается исследователю уже сильно переработанным и смешанным. Однако только эта методика дает реальную возможность установить сам факт смешанности или, напротив, чистоты материалов и осознать надежность коллекций в качестве источника. Во всяком случае, ее преимущества по сравнению с традиционными полевыми методиками очевидны.

КРИТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

«Попав в печать, любое, в том числе и самое нелепое, построение получает какое-то признание, а нередко без всякой проверки принимается за доказанное и долгое время давит на психику исследователей...Что же можно противопоставить отмеченной безусловно опасной для науки тенденции? Только одно — критику. Профессиональную критику источников, отделяющую доброкачественные материалы от недоброкачественных».

Формозов, 1977, с. 11, 12

Степень объективности любого исторического источника доказывается его критикой. Под критикой источника в археологии подразумевается: 1) определение реальных возможностей источника в способности отражать ископаемую историческую действительность; 2) доказательство надежности извлекаемых сведений и 3) выяснение, в какой проверке другими источниками они нуждаются (Авдусин, 1972, с. 25). Основной целью критики источника является доказательство степени надежности используемых для выводов материалов (Формозов, 1977). Источниковедческий анализ, следовательно, позволяет произвести оценку достоверности материалов и отобрать из них наиболее надежные и перспективные для исследовательских целей.

Анализ литературы показывает, что критика источников до сих пор не стала нормой археологических исследований, хотя ее необходимость, пожалуй, не отрицается в настоящее время никем. Достаточно сказать, что даже в монографии Л.С. Клейна по проблемам археологических источников в главе, специально

посвященной их критике (Клейн, 1978, с. 9-15), разбирается не собственно критика источников, а история развития взглядов на проблему критики нарративных источников. Между тем, нарративные источники в археологии — вещь крайне редкая, чтобы не сказать уникальная, а к археологии каменного века они вообще не имеют ни малейшего отношения. Проблема критики неписьменных археологических источников в этой главе практически не освещается.

Наиболее острую и полемичную статью по данному вопросу написал А.А. Формозов (1977). На конкретных примерах он показал не только необходимость критики источников по археологии каменного века, но и убедительно ответил на вопрос, к чему приводит некритическое отношение к ним. К глубокому сожалению, высказанные в ней фундаментальные положения и выводы так и не стали руководством к действию для большей части отечественных исследователей, хотя известный резонанс эта статья, безусловно, имела. Так, в монографии Л.Л. Зализняка по мезолиту

Юго-Восточного полесья один из параграфов назван «Анализ и критика источников, вопросы методики полевых исследований в условиях зандровой полосы» (*Зализняк, 1984, с. 19-22*). В нем разбираются особенности культурных слоев песчаных памятников, отмечается их плохая сохранность, обосновывается возможность использования подъемного материала для культурно-хронологических построений, а также совершенно справедливо подчеркивается разная научная значимость коллекций в зависимости от характера их происхождения (раскопки или сборы). Впрочем, все эти проблемы обсуждались в литературе и ранее (*Рудинский, 1931; Формозов, 1956; Виноградов, 1968*), а Л.Л. Зализняк лишь показал справедливость использования этих положений и при анализе мезолитических коллекций Юго-Восточного полесья. Нельзя согласиться и с утверждением Л.Л. Зализняка о том, что «фактом, позволяющим... проверить чистоту комплекса является его повторяемость. Чем больше мы имеем на определенной территории сходных комплексов, собранных на поверхности, тем менее вероятно, что они — результат простого смешения» (*Зализняк, 1984, с. 21*). Практика говорит как раз обратное. Если на одной и той же территории в разное время жило разное население и совпадали традиционные места их поселений, а это бывает достаточно часто, то при разрушении культурных слоев этих памятников археологически стандартной будет как раз ситуация повторяемости «комплексов». Причем их количество будет лимитироваться лишь величиной разрушений памятников и количеством произведенных на них сборов. Точно такая же повторяемость механически смешанных «комплексов» будет и при раскопках многослойных памятников в результате использования некачественной полевой методики, например, при раскопках на косой штык, по условным и/или литологическим горизонтам. Все эти полевые методики раскопок приводят к уничтожению пространственного распределения материала, его смешению и, следовательно, к продуцированию повторяющихся «комплексов».

Критике источников была посвящена одна из глав в кандидатской диссертации Е.В. Леоновой «Планиграфический анализ «дюнных» мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья» (*Леонова Е., 1998*). В ней были подчеркнуты источниковедческие недостатки ряда известных Волго-Окских мезолитических памятников, таких как Бутово 1, Старокопониновская 4, Дмитровское 1 и др. Это исследование подтверждает продуктивность критического метода и необходимость его использования для получения достоверных выводов.

В этом кратком ряду монография автора «Бутовская мезолитическая культура» (*Сорокин, 1990*) была фактически первой в историографии мезолита, где содержалась отдельная глава, посвященная критике всех имевшихся к моменту написания источников по названной культуре. И в которой вся аналитическая часть и выводы были основаны на критической оценке источников, их достоверности, представительности и надежности. В ней также был рассмотрен вопрос о специфике полесских стоянок в качестве археологических источников. Опыт полевой работы в полесьях свидетельствует, что главными особенностями зандровых стоянок являются:

- отсутствие четко выраженного культурного слоя,
- сравнительно легкая разрушаемость вмещающих находки рыхлых отложений,
- способность находок к перемещению под воздействием естественных почвенных процессов и, наконец,
- возможность смешения разновременных предметов.

Приуроченность полесских стоянок к рыхлым песчаным отложениям неблагоприятно сказалась как на условиях формирования их культурных слоев, так и степени сохранности остатков. В результате почти единственно доступным для анализа оказывается каменный инвентарь. Более того, мезолитические стоянки, как правило, приурочены к голоценовым почвам (*Бердникова, Воробьева, 2001; Воробьева, Бердникова, 2001, 2003*). Почвы представляют собой динамичную среду, подверженную

разного рода процессам, воздействиям и изменениям. Насчитывается не менее девяти основных видов педотурбаций (Wood, Johnson, 1978). Значит ли это, что структура памятника полностью уничтожается почвенными процессами? Нет, не значит. Но понять изменения в первоначальном распределении материала, которое необходимо для объективной реконструкции, можно лишь при одном условии, если зафиксирован конечный результат этих метаморфоз и определено, какие процессы и в какой мере влияли на разрушение культурного слоя и перемещение в нем объектов и артефактов. Методика трехмерной пространственной фиксации позволяет выявить наличие и оценить степень этих негативных последствий. Кроме того, особенно в случаях использования малых выборок, требуется обязательная проверка статистическими методами с использованием критериев сходства. Эта процедура позволяет избежать вероятности омоложения или удревнения возраста памятников за счет случайно попавших в слой изделий. Опыт показывает, что культурологические вопросы могут быть разрешены только на достоверных, прошедших источниковедческую критику, статистически представительных и надежных коллекциях, то есть отвечающих двум непременным критериям — «достаточности» и «надежности». Под «достаточностью» и «надежностью» я понимаю термины, обозначающие те коллекции, которые не подвергались сортировке в процессе сборов или раскопок, обладающие известной «чистотой» и давшие не менее 100 морфологически выраженных орудий в комплексе (Сорокин, 1990). Установление количественного параметра вызвано тем, что случайность выборки возрастает с уменьшением числа анализируемых предметов и что для сравнения малых выборок обязательно использование статистических критериев (Федоров-Давыдов, 1977).

В начале-середине 1980-х гг. при изучении коллекций бутовской культуры мною были получены выводы, имеющие общеметодологическое значение. Перекрестное сравнение всех доступных к тому времени материалов, отнесенных различными исследователями к бу-

товской культуре, показало, что в них нет ни одного общего типа орудий, присутствующих на всех без исключения памятниках названной культуры (Сорокин, 1986, 1990). Среди коллекций, отнесенных к бутовской культуре, не оказалось ни одного общего типа изделий, даже таких массовых, как концевые скребки или резцы на сломе заготовки. Источниковедческий анализ показал, что объединение памятников в бутовскую культуру (Кольцов, 1976, 1989; Крайнов, Кольцов, 1983) было проведено лишь по степени пластинчатости комплексов, которая, кстати, чрезвычайно варьирует, а отнюдь не по типологической близости инвентаря памятников, и на основе преимущественно мелких или сортированных коллекций. В ходе работы были установлены разные источниковедческие возможности коллекций в зависимости от их характера, т.е. смешанные ли они, сортированные, малочисленные или специализированные. Было установлено, что крайне негативную роль в «размытости» признаков играют сортированные коллекции и материалы сборов. Первые из них — чрезвычайно субъективны и отражают лишь представления конкретного исследователя о типологически вычленимом «комплексе». Вторые — содержат примеси, в том числе и инокультурные, что не позволяет объективно ограничить признаки, характерные только для одной конкретной культуры. Поэтому их типологическое разделение — точно такая же субъективная выборка, как и любая другая сортировка. Было также определено, что атрибуция коллекции в значительной мере зависит от величины выборки. Особенно это касается малочисленных собраний. Например, в результате утраты наконечника с боковой выемкой в сборах со стоянки Золотилово 1 на р. Западной Двине она из рессетинской (Сорокин, 1986) превратилась в бутовскую (Фролов, 1991). Фактически, эта операция не является корректной, но она отражает реальность: культурная атрибуция малой выборки подвержена случайности гораздо сильнее, чем статистически представительной коллекции.

Можно обратить внимание и на зависимость культурной атрибуции коллекции от об-

щих представлений о мезолите региона. В этой связи уместно вспомнить стоянку Гремячее 1, которая, когда вставал вопрос о ее культурной принадлежности, сначала была отнесена к волго-окской мезолитической культуре (Воеводский, 1952; Формозов, 1955, 1959; Кольцов, 1965), а затем к раннему этапу бутовской культуры (Кольцов 1977, 1989). Фактически же она принадлежит к аренсбургской культуре, то есть относится еще к финальному палеолиту. На первоначальных определениях культурной принадлежности этого памятника и его мезолитическом возрасте сказались не столько малая величина коллекции или невыразительность ее охотничьего вооружения, сколько общая слабая источниковедческая изученность мезолита Волго-Окского бассейна в 1930-1970 гг.

Сыграла свою негативную роль в судьбе этого памятника и неправильная интерпретация технологического выкола на брюшке одного из наконечников в качестве плоской ретуши, поэтому и возникла его атрибуция в качестве свидерского (постсвидерского) наконечника. Между тем это именно выкол, технический брак, который часто возникает при использовании каменного отбойника или жесткого посредника. Достаточно, однако, взглянуть на коллекцию, чтобы понять, что никакой плоской свидерской или постсвидерской ретуши ни на одном из наконечников стоянки Гремячее 1 вообще нет, и все они находят аналогии исключительно в аренсбургских комплексах (Tautе, 1968). Сейчас на фоне других лингбийских и аренсбургских стоянок, имеющих в Волго-Окском бассейне или поблизости от него (Ростиславль, Подол 3, Теплый Ручей 2, Троицкое 3, Баранова Гора, Вышегора, Аносово 1, 4, Красноселье Е, Красносельск 5, 6 и др.), совершенно очевидно, что в охотничьем вооружении стоянки Гремячее 1 есть только аренсбургские наконечники. Поэтому ее культурная принадлежность как аренсбургской устанавливается однозначно и со всей очевидностью.

Важные наблюдения сделаны и при исследовании специализированных памятников. Поскольку сырьевая база полесий, как прави-

ло, достаточно скудна, в ней отсутствует такой тип памятников, как стоянки-мастерские. В силу известных причин в полесьях почти не представлены и достоверные мезолитические могильники. Как правило, археологи имеют дело лишь с так называемыми «местами забоя животных» (kill-sites) или охотничьими лагерями, но и они весьма редки. Функциональная специфика охотничьих лагерей определяет малочисленность находимых в них изделий и своеобразие их типологического состава. Главной спецификой охотничьих лагерей служит малочисленность морфологически выраженных орудий, высокий процент среди орудий традиционных для конкретной культуры предметов охотничьего вооружения на фоне отсутствия или малого числа обрабатываемых орудий труда, таких как скребки, сверла, рубящие орудия и т. д. (Clark, 1972; Price, 1973, 1981; Фрайсон, 1986; Ларичева, 1986). Например, в бутовской культуре Задне-Пилево 2 является типичным охотничьим лагерем (Сорокин, 1990). В то же время, памятники типа Красново 1, не имеющие бутовского набора охотничьего вооружения и обладающие полным составом обрабатываемых орудий, являются кратковременными стоянками и никак не могут претендовать на роль специализированных охотничьих лагерей этой культуры (Жилин, 1987; Кольцов, 1989, с. 68-84).

Поскольку в археологии важное значение имеет сравнительный анализ, необходимо учитывать не только особенности разрушения слоя, но и собственно распределения материалов на памятниках. Например, установлено, что процентное распределение артефактов в кладах, пятнах, микроскоплениях, ямах, погребениях и других «одномоментных» комплексах всегда отличается от процентного распределения на стоянках или поселениях в целом (Гвоздовец, Леонова, 1977). Чем это объяснить? Очевидно тем, что общее распределение на любом памятнике является результатом неоднократных действий, операций, хозяйственно-бытовых процессов, событий, функций, временной протяженности и последовательности событий и т. д., то есть дает их «сумму» и некое усреднение. В отличие от этого «замкнутые»

комплексы, как правило, образуются разово. Они одномоментны и характеризуют ту или иную конкретную операцию, действие, состояние и т. д., то есть их особенность, неповторимость, своеобразие. Внешнее проявление данного факта и отражается на их разном процентном соотношении. При анализе материалов Мещерской низменности (Сорокин, 1990), как и Жиздринского полесья (Сорокин, 2002), видно, что даже в пределах одного памятника, в тех случаях, когда можно бывает выделить отдельные хозяйственно-бытовые комплексы, разница в процентных соотношениях между ними присутствует всегда. Опыт исследования торфяниковых стоянок свидетельствует, что особенно существенные различия наблюдаются при сравнении изделий из органических материалов, которые весьма «чувствительны» к сезонно-функциональным доминантам. Не будет натяжкой сказать, что процентное содержание изделий для памятника в целом — это некоторое усредненное значение наблюдаемых различий. Так как любой мезолитический памятник — это совокупность, сложившаяся, как правило, в результате неоднократных действий и в течение некоторого промежутка времени, а вероятность буквальной повторяемости этих же действий на другом памятнике невелика, то и процентные соотношения в разных комплексах отличаются друг от друга. Вместе с тем, поскольку на каждой стоянке характер и состав произведенных действий сходен, то и разброс в процентных соотношениях изделий в одновременных однокультурных комплексах не бывает очень велик. Все это, однако, обязывает сравнивать друг с другом материалы не вообще, а с учетом их характера: стоянку со стоянкой, мастерскую с мастерской, могильник с могильником, «kill-sites» с «kill-sites» и т. д. Корректно сравнение материалов только одного порядка, любой иной путь сравнения обречен на некорректность.

Поиск причин отсутствия типологического сходства между собой так называемых бутовских коллекций с особой остротой определил необходимость оценки надежности имеющих-

ся материалов. Качественному анализу подвергся весь имеющийся массив данных. Сопоставление комплексов друг с другом, их взаимная перепроверка и доказательство «чистоты», отсеивание смешанных, сортированных и очень мелких собраний позволило не просто ограничить число надежных в источниковедческом отношении памятников, но и уловить то общее, что помимо пластинчатости объединяет бутовскую индустрию. Было установлено, что из 94 коллекций, отнесенных разными авторами к бутовской культуре, не более 19 могут использоваться для культурологических целей (Сорокин, 1990).

Выводы, полученные при анализе бутовских материалов, были проверены и на примере памятников иеневской культуры. Эта проверка подтвердила обоснованность ранее сделанного заключения о роли характера и объема коллекции в ее культурной атрибуции и причинах «размытости» признаков (Сорокин, 1991). Во влиянии характера и величины выборки на выводы пришлось убедиться и при анализе верхневолжских коллекций (Сорокин, 1991, 1993). Таким образом, использование критериев «достоверности» и «надежности» может служить тем конкретным методическим приемом исследования, при котором достигается качественная оценка археологических материалов и определяются их возможности для исторических построений.

Следовательно, вне зависимости от того, считаем ли мы действительно археологические источники историческими или нет, мы обязаны подходить к ним критически для того, чтобы оценить их реальные возможности в реконструкции прошлого, определить их надежность и достоверность в отражении этого прошлого. Использование «всё и вся» без критической оценки, как справедливо писал А.А. Формозов (1977), приводит лишь к продуцированию археологических небылиц вроде днепро-деснинской (Ксензов, 1997), елиноборской (Кольцов, 1977), свидерско-гренской (Левенко, 1966), или позднебутовской (Кольцов, 1989; Кольцов, Жилин, 1999) культур, бутовско-иеневской конкисты и реконкисты

(Крайнов, Кольцов, 1983; Кольцов, 1989) или кундско-бутовской общности (Жилин, 1999, 2001).

Источниковедческие возможности материалов могут быть охарактеризованы следующим образом:

1) сортированные коллекции из-за их субъективности обладают низкой информационной значимостью и не могут привлекаться для культурологических целей;

2) смешанные коллекции могут привлекаться лишь как фоновые, а не основные, они нуждаются в строгой проверке. Их нельзя привлекать для обоснования гипотез и выводов;

3) далеко не все стоянки можно рассматривать с точки зрения культурной принадлежности. Культурная принадлежность памятника может не определяться из-за состояния и/или объема коллекции;

4) мелкие комплексы с четкой культурной атрибуцией не могут привлекаться из-за случайности их состава для решения культурологических проблем. Их информационные возможности специфичны и ограничены. Как правило, «бедные» памятники отражают специфику хозяйственной деятельности населения, поэтому эти комплексы могут быть использованы для характеристики хозяйственно-культурных типов (ХКТ);

5) наивысшей информационной значимостью обладают «чистые» представительные коллекции (с числом морфологически выраженных орудий ≥ 100). Именно они являются основой для решения культурологических проблем.

Для разработки характеристики конкретной археологической культуры на начальном этапе надо привлекать весь доступный материал. Однако в процессе его критики из всей совокупности должны быть вычленены лишь достоверные и надежные комплексы, и только они могут быть использованы для культурологических построений. Надежность источника — это требование современного этапа развития науки.

Иную позицию занимают М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов. Их кредо, впервые четко сформулированное ими в совместной публикации 1999 г., заключается «во введении в науку *любых*⁴ новых материалов» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 5). Более того, ими разработана и успешно применяется своеобразная «технология улучшения источника» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 57), когда коллекции перед публикацией даже не просматриваются и им приписываются произвольные данные. С этим категорически нельзя согласиться. Каждая публикация ценна, прежде всего, не количеством, а качеством и достоверностью изложенных в ней сведений, поэтому эпитет «любые» по отношению к археологическим источникам абсолютно неуместен. Как и попытки фальсификации первичных данных (Сорокин, 2001).

Позднее М.Г. Жилин развивает представление об археологических источниках в понятии «опорных памятников». С конца 1980-х гг. он раскапывает по преимуществу торфяниковые стоянки. Им добыто значительное количество изделий из кости и рога. Фактически, среди отечественных исследователей им одним из первых предложена довольно развитая система их классификации. Однако новизна этих двух принципиально новых массовых видов археологических источников по достоинству им не оценена. Более того, подобной попытки даже не предпринималось. Своеобразно рассматривает М.Г. Жилин и проблему надежности (критики) археологических источников. Так в одной из своих монографий он излагает понятие «опорных памятников» следующим образом: «Для того, чтобы уверенно атрибутировать случайные находки и разделять смешанные коллекции, необходимо, прежде всего, детально проанализировать материалы опорных памятников. Именно они и являются источниковедческой базой настоящей работы, а прочие находки могут быть привлечены после выработки единых морфолого-технологических критериев для их культурно-хронологической атрибуции.

⁴ Курсив здесь и далее мой — А.С.

Под опорными памятниками понимаются поселения и могильники, удовлетворяющие следующим условиям:

1. Памятник должен быть квалифицированно раскопан, вещевые комплексы должны быть надежно выделены и связаны с определенными слоями или объектами;

2. Костяные и роговые изделия и/или вмещающие их слои и объекты должны быть надежно датированы методами естественных наук;

3. Должна быть ясна культурная принадлежность памятника или слоя;

4. Материалы этих памятников должны быть достаточно подробно опубликованы, или доступны для исследования» (*Жилин, 2001, с. 23*).

Разумеется, подобная точка зрения имеет право на существование, однако хорошо заметны ее слабые стороны и недостаточность провозглашаемых принципов для реальной атрибуции материалов в качестве опорных. Прежде всего, следует сказать, что отсутствует сам памятник, как таковой. А есть лишь рассуждения, что он «должен быть квалифицированно раскопан», а «артефакты надежно датированы» и т. д.

Во-вторых, цель работы (исследования) не сводится к необходимости «разделения смешанных коллекций» или «атрибуции подъемного материала». Это частные задачи. Более того, ставить перед кем бы то ни было подобную исследовательскую цель — это занимать пустой тратой времени, ибо подъемный материал совершенно бесперспективен с историко-археологической точки зрения, особенно в нынешнее время. Опорные же памятники (комплексы) необходимы для обоснования историко-археологической надежности теории, объективности археологических реконструкций и, в своей массе, достоверности выводов, к которым каждый из нас подспудно стремится.

В-третьих, неправомерно отделение основной массы традиционных памятников — без органических остатков — от «болотных поселений», доля которых в общем массиве данных весьма скромна, чтобы не сказать ничтожна.

В-четвертых, нет никаких количественных ограничений объемов комплексов. То есть надежными признаются любые в количественном отношении материалы, лишь бы они были датированы естественнонаучными методами или «культурно атрибутированы». А это неверно. Ибо величина коллекции прямо сказывается и на ее «культурных характеристиках» и, следовательно, на качестве тех выводов, которые можно сделать на ее основе.

В-пятых, совершенно упускается из виду, что даты, полученные естественнонаучными методами, могут быть ошибочными или не соответствовать реальному возрасту изделий, а отражать лишь возраст конкретных образцов. Кроме того, любые из этих дат внешние по отношению к самому археологическому материалу. И их отсутствие никак не сказывается на таком важнейшем сугубо археологическом способе определения возраста, как типологический метод. Да, они могут уточнять возраст вещей, но ставить от этого в зависимость наличие самих вещей неразумно.

Это же относится и к непосредственной атрибуции. Если все можно было бы изначально определить однозначно и четко, то нельзя было бы выделить ни одной новой археологической культуры в принципе. Ибо для этого просто не было бы методологических оснований. Логичен упор на качество раскопок, однако не названа методика, которая удовлетворяет понятию «надежная» в интерпретации М.Г. Жилина. Выборочная фиксация, которую он применяет до сих пор, этому критерию не отвечает. Ничего взамен он не предлагает. И своего отношения к пространственному распределению — наиболее качественному способу полевой фиксации на настоящее время — тоже определенно не высказывает. Не возражая против необходимости надежности выделения вещевых комплексов, о чем мне приходилось говорить еще в 1980-1990-е годы (*Сорокин, 1986, 1987, 1990; Кравцов, Сорокин, 1991*), замечу, что автор этого тезиса в практической работе своей рекомендации не следует и рассматривает коллекции в совокупности. Разумеется, столь же неубедительно и утверж-

дение М.Г. Жилина при взгляде на памятник в качестве опорного, что его материалы должны быть опубликованы. Ту же ошибку допускает и А.Е. Кравцов (2004). Наличие публикаций вводит конкретные материалы в оборот, дает о них предварительную информацию, но никак не отражает качество их самих. Напротив, чаще создает ложное о них впечатление.

Таким образом, критерии, предлагаемые М.Г. Жилиным, не делают «памятник опорным», напротив лишь смазывают суть понятия. В этой связи представляет интерес, как провозглашаемые принципы применяются в его практической работе, точнее, посмотреть как «работают» на практике его постулаты. Однако об этом чуть ниже.

Сейчас же еще несколько слов о том, что М.Г. Жилин понимает под «опорными памятниками». Для этого обратимся к его статье, вышедшей тремя годами позже упомянутой монографии. Он пишет: «Большинство мезолитических и финальнопалеолитических памятников рассматриваемого региона расположено на минеральных грунтах, на которых не сохраняются органические материалы (кроме древесного угля и кальцинированной кости), большая их часть не имеет надежной стратиграфии и естественнонаучных датировок. Тем не менее, часть этих памятников может быть признана опорными, если они удовлетворяют следующим условиям:

- 1) раскопаны полностью или на значительной площади;
- 2) имеют четкую планиграфически выраженную структуру;
- 3) дают представительный инвентарь, позволяющий установить культурную принадлежность и хозяйственную направленность;
- 4) имеют естественнонаучные датировки;
- 5) достаточно полно опубликованы» (Жилин, 2004, с. 92).

Если опустить, что теперь предметом рассмотрения служат традиционные виды археологических источников, и сравнить эти признаки с ранее приведенными для «болотных стоянок», видны некоторые различия. В частности уточнено, что памятники «должны быть полностью раскопаны или на значительной

площади». Первых насчитываются единицы и реально никакой особой роли они не играют. Но даже если памятник раскопан полностью, а собран малочисленный материал, это не говорит о его полноценности. В этой связи достаточно вспомнить Красново 1, раскопанную, по видимому, целиком, но ничтожное количество орудий в которой не позволяет говорить о них, как о полноценной коллекции. А «значительность площади» — это вообще столь условная единица, что в расчет ее серьезно принимать не приходится. Столь же неубедительно и утверждение М.Г. Жилина о «хозяйственной направленности инвентаря», ибо методика подобной интерпретации весьма субъективна и для большинства коллекций попросту отсутствует.

Следует возразить и по поводу «планиграфической структуры», ибо то, что фиксируется в плане — результат конкретной полевой методики, тафономизации артефактов и постдепозитного воздействия на культурные слои, а не свойство первоначального распределения (Медведев и др., 1998, 2004; Бердникова и др., 2002, 2004; Воробьева, Бердникова, 1999; Леонова, 2005). Кроме того, структура может быть исключительно пространственной, и сводить ее к планиграфии ошибочно. Остальные позиции рассмотрены выше. Таким образом, и эта статья ничего принципиально нового, по сути, не добавляет, и вряд ли имеет смысл руководствоваться ею в практической работе.

Идея критики источников по эпохе мезолита была воспринята и А.Е. Кравцовым, однако в отличие от М.Г. Жилина самостоятельно он исследует исключительно «дюнные» памятники. Им сделан ряд интересных наблюдений об их характере, свойствах культурных слоев, механизмах их формирования и трансформации, а также методике трехмерной фиксации, заимствованной у автора. Однако отсутствие школы не позволяет реализации полевых наблюдений в стройную концепцию (Кравцов, 2004), а в ряде случаев его высказывания просто ошибочны. Так, заблуждением служит его утверждение, что планиграфический анализ позволяет синхронизировать различные скопления и является «доказательством хронологи-

ческого единства культурных остатков» (*Кравцов, 2004, с. 35*). Ибо анализировать приходится то, что зафиксировано археологически, и претерпело «воздействие времени», а никак не первоначальную структуру. Да и о каких структурах применительно к стандартным мезолитическим памятникам вообще можно говорить, когда скорость седиментации непоставима со временем обитания, заселение было эпизодическим, а вещи выбывали из обихода, попросту терялись или выбрасывались. И лишь в исключительных случаях погребались (закапывались в землю) осознанно. Причем, их археологизация (тафономизация) — не одномоментный акт, а процесс длительного и часто разрушительного воздействия природных сил (*Воробьева, Медведев, 1984; Медведев, Несмеянов, 1988; Воробьева и др., 1999; Воробьева, Бердникова, 2001; Бердникова, Воробьева, 2001; Клейн, 2004; Бердникова и др., 2005*). Вот почему планиграфическая фиксация распределения — это всего лишь начальное звено в интерпретационной цепочке, а никак не ее конечный результат. Это основа для реконструкции древней структуры, но никак не сама эта древняя структура. Главная задача исследования как раз и состоит в том, чтобы вычленивать одновременные объекты. Но это совершенно не означает, что археологически зафиксированные в одном горизонте и даже слое артефакты и объекты единовременны. Чаще они оказываются таковыми в результате их тафономизации и постдепозиционных изменений или как итог полевой фиксации, а никак не состояние (отражение) реаль-

ной древней структуры. Не более достоверно и упование на метод связей в синхронизации разных скоплений (*Кравцов, 2004, с. 41*). Ибо единичные, как правило, «складанки» чаще отражают результаты природных метаморфоз, происходящих с артефактами, чем реальные объекты древности (*Wood, Johnson, 1978; Бердникова и др., 2004; Клейн, 2004*).

В источниковедческом отношении наиболее полноценные материалы дают торфяниковые памятники. Особенно, если их рассматривать на фоне традиционных «дюнных». Тем не менее, первые и существенно сложнее вторых. Их исследование и интерпретация требует высочайшей, профессиональной подготовки, и доступны далеко не каждому. В этой связи интересно обратиться, одному из таких, по мнению М.Г. Жилина (*2001, 2004*), опорных объектов археологического наследия — стоянке Становое 4. Его многочисленные публикации и статьи (*Жилин, 2001, 2002, 2004, Аверин, Жилин, 2000; Zhilin, 2001, 2003*) позволяют объективной материализации такой процедуры.

По формальным признакам этот пункт располагается на правобережном притоке р. Волги. Тем не менее, его дислокация в пределах Ивановской области, в самой «сердцевине» Окского бассейна делает такое допущение вполне уместным. Ибо в отличие от научного работника, разрабатывающего конкретную тему, для первобытного населения вряд ли имело столь решающее значение принадлежность к конкретной речной системе и нюансы географической локализации.

«БОЛОТНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ»⁵

«Торфяники хранят в себе множество ценнейших для археолога остатков древности».

Брюсов, 1963. с. 8

«...сплошь и рядом получается так, что разные археологи, изучая одни и те же памятники и соблюдая одни и те же требования, получают разную информацию и приходят к разным выводам».

Шер, 2004, с. 117

Фундаментальное значение археологических источников, содержащих органические остатки, в настоящее время, пожалуй, уже ни у кого сомнения не вызывает. Непреходящее значение «болотных поселений» определяется, однако, не только тем, что они поставляют экстраординарные категории археологических источников — костяные, роговые и деревянные артефакты, — но и всей совокупностью данных, которые важны для множества естественнонаучных дисциплин, а также прекрасной, в ряде случаев, стратиграфией отложений. Благодаря этому возможно не только постижение всего многообразия древней утвари, предметов культа, культурной специфики, соотношения материалов и особенностей адаптации, но и установление объективной последовательности событий и их распределение во времени. Сказанное, в свою очередь, позволяет «вдохнуть новое содержание» и в массу традиционных археологических источников, слои которых залегают в минеральных грунтах и лишены не только органических остатков, но, как правило, и стратиграфии.

Между тем такой взгляд на «болотные поселения» выработался далеко не сразу. Сенсационные открытия на Уральских торфяниках — Шигирском и Горбуновском, — пробудившие живейший интерес отечественных исследователей, не привели, тем не менее, к «болотной лихорадке». Успешные раскопки в предвоенное время на торфяниках, которые проводили А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс, а в 1950-1970-е го-

ды — Н.Н. Диков, В.М. Раушенбах, Д.А. Крайнов, Г.М. Буров, А.М. Микляев и другие, тоже дали выразительные и достаточно многочисленные материалы. Однако результаты и этих исследований в своей значительной части так и не дошли до широкой читательской аудитории.

Значительный прорыв в 1970-1980-е годы связан с раскопками С.В. Ошибкиной поселений и могильников культуры веретье в Прионежье, результаты которых были опубликованы монографически (*Ошибкина, 1983, 1997, 2006*). В Волго-Окском междуречье существенных успехов в исследовании торфяников, начиная с конца 1980-х гг., добился М.Г. Жилин. Он не только исследовал раскопками свыше 20 памятников, но, без преувеличения, сделал массовыми их результаты, опубликовав значительное число статей и монографию (*Жилин, 1998, 1999, 2001, 2002а, 2002б, 2002в, 2004, 2005; Аверин, Жилин, 2001; Жилин и др., 1998; Зарецкая и др., 2002; Zhilin, 1998, 2003, 2005; Zhilin, Matiskainen, 2003*). Эту «массовость» следует считать его безусловной заслугой. Между тем хорошо известно, что массовые раскопки А.С. Уварова муромских могильников привели не только к великолепной выставке, но и практическому обесцениванию всех полученных «с наскоку» древностей. Не привели к радикальным выводам и многочисленные новостроечные экспедиции. Горы добытого ими материала так и пылятся, в лучшем случае, в запасниках, а большей частью попросту утрачены.

⁵ Идея этого сюжета принадлежит В.В. Сидорову, текст написан совместно.

Как известно, «торф накапливается в болотах... в условиях повышенной влажности и затрудненного доступа воздуха» (*Геологический словарь, 1978, т. 2, с. 320*). Еще Г.И. Танфильев в конце XIX в. писал, что «в местах, где течение реки сколько-нибудь быстрое и где она отлагает минеральную муть, трудно, конечно, ожидать присутствие торфа, образующегося только в водах стоячих. ...Заболачиваются, прежде всего, мелководные прибрежные участки водоемов, отчего постепенно затрудняется выход к «живой» воде» (*Танфильев, 1953, с. 31*). Вот почему в местах обитания населения процессы заболачивания требуют специального обустройства побережья, его «инженерного» обеспечения в виде гатей, помостов, площадок, подсыпок (*Сох, 1993*) и т. д. Практика показывает, что благоприятные условия, пригодные для жизни человека на болотах и торфяниках, возникают не так уж часто. Следует особо подчеркнуть, что обычно артефакты попадали в торф в моменты, не связанные с его непосредственным формированием. Они могли попасть в торфяные слои с вышележащей сухоходной площадки уже после момента обитания, вследствие ее разрушения или из-за подтопления. Могли быть втоптаны в торфяную почву в процессе функционирования поселения, возникшего на осушенном торфянике. Наконец, торф мог сформироваться из органических аллювиальных наносов, включавших переотложенные артефакты. И лишь в редчайших случаях оба этих процесса — обитания и торфообразования — совпадали по времени.

Судя по всему, среди всего вышеперечисленного наименее вероятно одновременное формирование культурных и торфяных слоев, ибо, если не было экстраординарных обстоятельств, человек всегда выбирал сухие участки местности рядом с открытой водой и не использовал неудобья. Обвоженные и оторфованные места, примыкавшие к периферии поселений, отделяли сухоходы от открытой воды и служили естественной помехой в экосистеме. Будучи естественным препятствием, заболачивающиеся и торфяные участки, как отмечалось, требовали расчистки или иного обу-

ройства, то есть археологически неизбежно должны содержать свидетельства специально приспособленного увлажнения места под среду обитания. Это, прежде всего, должно было выразиться в наличии различных песчаных или песчано-берестяных подсыпок в виде специальных линз-подкладок под костры, присутствию различных сооружений — настилов, помостов или гатей, позволяющих передвигаться в пределах топких или обвоженных отрезков берега, а также специально оборудованных оснований под лагами жилищ. Наконец, должен присутствовать ококсованный торф под кострищными пятнами.

Присутствие человека меняет условия процесса торфообразования. Любые признаки человеческого воздействия на оторфованную почву должны быть выявлены и зафиксированы при полевом исследовании. В любом случае, при совпадении по времени двух выше-названных процессов непременно должны присутствовать признаки человеческой деятельности не только в виде тех или иных артефактов, часто многочисленных, но и осязаемых продуктов строительно-хозяйственной (бытовой) деятельности, а также следов ландшафтного воздействия. Только в этом случае можно корректно время обитания на памятнике соотносить с процессами торфообразования. Практика же чаще показывает картину совсем иную. Стандартной находкой вне жилых площадок в торфяных отложениях служат всевозможные колья, которые исследователи единодушно интерпретируют в качестве рыболовных заколов, но никак не в виде элементов строительных конструкций. Кстати, это традиционное истолкование далеко не бесспорно, ведь колья чаще тянутся вдоль берега, тогда как заколы должны устанавливаться поперек реки. Таким образом, реалистичнее представляется их использование для оборудования побережья в виде мостков или причалов.

Достаточно обыденны в торфяной толще и различные вещи. Тем не менее, даже их многочисленность не свидетельствует, что это жилые площадки, ибо в этих слоях отсутствуют, как правило, сооружения, конструкции и самые обычные кострища. Поэтому считать по-

добные места концентрации материалов жилой зоной — глубокое заблуждение. К сожалению, подобная интерпретация довольно стандартна до сих пор (*Лозовский, 2001; Алешинская и др., 2001, Жилин, 2001*). Между тем, скопление артефактов и мусора среди кольев, в прибрежье, отлично иллюстрирует картину их накопления в виде свалки, а не собственно жилого пространства, и не предполагает их объяснения как суши.

Редким исключением из общего ряда были стоянки Маслово Болото 4 (*Сидоров, 1981*) и Воймежная 1 (*Древние охотники и рыболовы., 1997*), где торфяные слои сформировались до появления человека и продолжали нарастать одновременно с культурным слоем, консервируя следы функционирующих поселений. Это стало возможным только в условиях трансгрессий, вызванных заболачиванием озер. Насколько можно судить, очень похожие условия формирования слоя были и на стоянке Сарнате (*Ванкина, 1970*). Не исключено, что подобные же условия существовали на торфянике Озерки под Тверью (*Жилин, 1999, 2001*).

Несмотря на устойчивость выражения «болотные поселения», как правило, мы имеем дело не с собственно торфяниковыми стоянками, а с их прибрежными шлейфами. Таковы «торфяниковая стоянка» Заречье 3, береговые участки Владычинской Береговой и Черной Горы. Многочисленные стоянки озерного каскада р. Дубны тоже крайне редко сохраняют слои жилых площадок поселений (*Сидоров, 1996, 1997*). В основном они были разрушены трансгрессией и только в редких случаях оказались погребены под торфом и озерной глиной. Среди них — льяловские слои Замостья 5, сформировавшиеся поверх аллювиальных шлейфов мезолитических и раннеолитических стоянок. Условия формирования слоев этого памятника и обстоятельства попадания в них археологического материала подробно описаны (*Сидоров, Сорокин, 1997; Sidorov, Sorokin, 2000*) и нет необходимости повторяться.

Стоянка Замостье 2, также расположенная на Заболотском торфянике, синхронна и близка в культурном отношении стоянке Замостье 5.

Однако оба этих памятника приурочены к разным берегам одного и того же русла Пра-Дубны. Это определило различия в условиях формирования и разрушения их слоев. Поэтому нет сомнения, что истолкование мезолитических слоев стоянки Замостье 2, как сформировавшихся в условиях жилой площадки на осушенном берегу озера (*Алешинская и др., 2001*), выполнено без учета литологии отложений. Наши наблюдения показывают, что артефакты и органика заключены здесь в толщу растительного детрита, который стандартно формируется в приустьевых косах, а не на суходолах. Таким образом, интерпретация этого участка в качестве жилой площадки основана исключительно на обилии находок. Следовательно, она никак не соответствует реалиям. Судя по полевым наблюдениям и результатам почвенного зондирования, жилая площадка Замостья 2 располагается к западу от линии раскопов, вытянутых вдоль современного искусственного русла р. Дубны. И, в силу этого, осталась практически не исследованной.

Достаточно обычны на торфяниках и промоины, от чего поздние находки, например керамика, в ряде случаев встречаются и в мезолитических слоях. Иллюстрации этого дает все то же Замостье 2, где в нижнем мезолитическом слое эпизодически можно встретить не только верхневолжские, но даже льяловские черепки. Анализ распределения артефактов со всей очевидностью показывает, что залегание находок на одной глубине тоже далеко не всегда означает их единовременность, виной тому служат все те же многочисленные промоины, далеко не всегда четко визуальнo прослеживаемые. Как правило, промоины бывают ориентированы перпендикулярно берегу. Их заложение связано с периодами низкого стояния воды, а заполнение, напротив, происходит при ее подъеме. Это обязывает тщательно фиксировать любые изменения структуры слоя, что на практике случается исключительно редко.

В ходе работ на Заболотском торфянике были получены достоверные данные по распределению материалов на суходольных и прибрежных участках стоянок, резко контра-

тирующие между собой. В раскопе 1 Минино 2, располагающемся на суходоле, хорошо сохраняются могильные и хозяйственные ямы, зато археологическая стратиграфия «смазана» почвенными процессами и органика фрагментарна. В раскопе 2, занимающем прибрежный склон Пра-Дубны, выразительные ямы отсутствуют, однако имеются разновременные и разнокультурные слои, в которых прекрасно сохраняется фауна и изделия из органических материалов, а также представлены антропологические остатки со следами преднамеренного раскалывания (*Среда обитания человека...*, 2002). Во всех слоях раскопа 2 отмечена сортировка костных остатков («мясной комплекс»).

Наблюдения над отложениями стоянки-могильника Замостье 5, где имеется не менее девяти культурных горизонтов и представлены водные и суходольные отложения, позволяют утверждать, что состав артефактов в них также резко отличен. Так, водные отложения дают остатки, связанные по преимуществу с рыбной ловлей, а в суходольных слоях, напротив, доминируют орудия охоты и хозяйственно-бытовые предметы.

Анализ распределения костяных, роговых, деревянных и каменных изделий стоянок-могильников Замостье 5 и Минино 2 позволяет уверенно говорить об их разном соотношении на суходольных и прибрежных участках и в шлейфах. Если на суходольных участках древесина практически не сохраняется, то в шлейфах, напротив, она может резко доминировать над всеми другими находками. Причем это относится как к артефактам, так и в еще большей мере — к необработанной древесине. Соотношение костяных и каменных изделий на суходоле зависит от характера конкретного участка памятника. В водной среде тоже присутствует своеобразная «функциональная специализация». Если исключить орудия неясного назначения, и те, которые четко, как рыболовные крючки или блесны, связаны с рыболовством, то в нижних слоях водного генезиса наиболее часты находки каменных грузил и рубящие орудия. Причем это характерно для всех нижних слоев Замостья 5, вне зависимос-

ти от культурной принадлежности залегающего в них инвентаря. А вот скребки и наконечники стрел там, как правило, единичны, если вообще есть.

Установлено, что отложение в шлейфах разнородных материалов происходит по-разному. Течение сортирует материал по удельному весу и форме. Дальше всего, если исключить древесину, от суходола уносит птичьи косточки и мелкие кости млекопитающих, а также кремневые чешуйки. Ближе к берегу оседают костяные орудия, мелкие отщепы и окатанная керамика. Практически не перемещаются крупные каменные изделия и значительные фрагменты керамики. Благодаря этой «естественной сортировке» уже по составу находок в русловом аллювии можно определять расстояние, отделяющее их суходола. Все это обязательно следует учитывать как при оперировании процентными соотношениями изделий, так и при определении характера конкретного участка памятника.

Не все просто и с образцами для естественного датирования, особенно если для этого используются не артефакты, а необработанная органика. Даже угли, происходящие из кострищных пятен, и сами они могут быть следами пожаров, возникших на памятнике или в его окрестностях, причем не обязательно в момент его функционирования. Нельзя исключать при этом и эффекта углефикации древесины, когда обугливание происходит естественным путем, то есть возраст образца в принципе не сопоставим с датой слоя.

Следует также помнить, что большая часть древесины на памятниках естественного происхождения, и ее залегание в том или ином слое совсем не обязательно связано с деятельностью человека. Это может быть топляк или погребенная древесина, тогда их возраст не будет сопрягаться с археологическим материалом. Следует исключить и плавник, принадлежность которого к слою далеко не однозначна. А лес, выросший на площади памятника, тоже совсем не обязательно синхронен ему. Это, прежде всего, относится к корневой системе, которая, как известно, не висит в воздухе, а заключена в грунте, причем укореняется там

совсем не обязательно в то время, когда бытовала стоянка.

Не менее опасно и использование ряда изделий. Так, стандартной и наиболее массовой находкой из древесины являются различные кольца. Часто они располагаются вертикально или с небольшим наклоном, и проходят несколько разных слоев. Эта особенность объясняет одну из причин возможного омоложения образцов, в тех случаях, когда фрагменты колец берутся для радиоуглеродного датирования. Верхняя часть кола, как правило, подвергается более существенному кислородному воздействию и, следовательно, уничтожается быстрее, чем нижняя. Поэтому реальное стратиграфическое положение его сохранившейся верхней части далеко не всегда соответствует тому горизонту, откуда кол был забит. Заостренная нижняя часть сгнивает быстрее, чем средняя часть, поэтому не всегда вертикально, наклонно и даже горизонтально ориентированные в слое фрагменты древесины распознаются в качестве колец. И эти образцы, следовательно, могут значительно омолодить или, напротив, удреветь слой. Наконец, не стоит уповать и на горизонтально расположенные кольца, ибо любые длинные предметы могут подвергаться мерзлотному воздействию (вытягиванию или выталкиванию) и их археологически зафиксированное положение вовсе не обязательно соответствует реальному «прижизненному» уровню. Не менее опасно использование щепы, которая тоже в силу плавучести может оказаться в конкретном слое случайно.

Представляется очевидным использовать радиоуглеродные даты, полученные по образцам из конструкций, но и они нуждаются в строгой проверке. Например, четыре образца, взятые из деревянного помоста Замостья 5, определяют его возраст в 6500 и 7500 л. н. Одновременно восемь дат по древесине из отложений, вмещающих помост, близки 7500 л. н. Это достоверно позволяет считать две первых даты, хотя они и происходят из конструкции, омоложенными.

Аналогичные метаморфозы случаются и с палинологическими образцами. Две колонки,

взятые по одной и той же южной стенке раскопа 2 Монино 2 на расстоянии 3 м друг от друга, при одинаковой внешне стратиграфии отложений, дали абсолютно непохожие спектры (*Среда обитания человека.*, 2002).

Следовательно, понимание характера торфяного, культурного слоя требует специального исследования и комплексной палеогеографической реконструкции, приложенной не только к памятнику как элементу ландшафта, но и непосредственно к любому его полигону. Характеристика стратиграфии в целом — малосодержательна. Учитывая многообразие природных процессов, воздействующих на слои и артефакты, нужно определять условия формирования слоев в пределах каждого участка. Отложения жилых площадок летних и зимних стоянок, свита напластований береговых склонов и прибрежных зон, как и подводные шлейфы культурных слоев, могут различаться друг от друга, и очень значительно. Это же относится и к признакам углубленных и наземных жилищ, ям и других сооружений, встречающихся на первобытных памятниках.

Необходимо отметить одно немаловажное обстоятельство, которое обычно не учитывается. Само по себе наличие или обилие артефактов на какой-либо даже компактной площади не является достаточным основанием для интерпретации данного участка в качестве жилой площадки. Требуется, прежде всего, уяснить генезис и литологию отложений, где встречаются эти скопления, их генетическую принадлежность, а также определить условия попадания и накопления в них материала. Так, повышенная концентрация возникает, как правило, не столько на суходолах, сколько на участках обогащения — в склоновых прогибах, прибрежных омухах и русловых желобах, то есть там, куда смывался и где в силу обстоятельств сосредотачивался перемещенный материал. Природа таких участков концентрации в ряде случаев поддается определению. Это вызвано различиями в литологии отложений и тем, что происходит сортировка изделий по удельному весу, размерам, форме и их ориентировке. Немаловажно и то, что сохранность артефактов на участках переотложения порой

гораздо лучше, чем на жилых площадках. Да это и понятно, ибо в отличие от них в прибрежной зоне или воде артефакты меньше подвергались непосредственному воздействию человека, следовательно, им не грозила особая фрагментация. Кроме того, возможность постоянных «сезонных захоронений» артефактов, быстрое накопление и слоистость отложений, как вмещающих, так и перекрывающих культуросодержащие пласты, постоянство среды и некоторые другие факторы позволяют формироваться таким особым участкам памятников, которые наиболее выразительны и «богаты» в источниковедческом отношении. В то же время они не являются суходолами, то есть собственно местами обитания, а служат лишь местами концентрации (сосредоточения) перемещенного материала.

Немаловажно и почвенное воздействие на общее состояние культурных слоев. Полевые наблюдения, полученные при раскопках торфяниковых стоянок, показывают, что суходолы, как правило, стратиграфически «смазаны», а находки в них смешаны. Шлейфы же, напротив, дают прекрасную стратиграфию разновременных слоев и находок. Это их «выдающееся» положение часто оказывается роковым в реальном восприятии и последующей археологической интерпретации. Эффект «запаздывания стратиграфии» на суходолах обусловлен как воздействием человека, так и в значительной мере почвенными процессами. Напротив, «сезонная» седиментация в водной среде создает излишнюю слоистость и требует в ряде случаев генерализации. Но в любом случае для корректной реконструкции необходимо, прежде всего, установление генезиса отложений.

В пределах торфяной и сапропелевой толщ находки залегают во взвеси, проваливаясь на разную глубину в зависимости от удельного веса, формы, габаритов и первоначального положения. При этом конкретные глубины залегания материала оказываются в ряде случаев малоинформативными для выделения слоев.

В лучшем случае тут фиксируются «горизонты уплотнения», на которые проецируются находки. Они и выделяются чаще всего как поверхности концентрации в толще аллювиального шлейфа, но это никак не традиционные культурные слои. Впрочем, это не отменяет саму необходимость пространственной фиксации артефактов и отложений, ибо только так могут быть получены достоверные и проверяемые сведения.

Все это позволяет утверждать, что озерно-болотные памятники эффективны и выразительны с точки зрения добываемого материала, но чрезвычайно сложны для понимания и интерпретации. Причем даже очевидные полевые наблюдения требуют всесторонней проверки на достоверность.

После этого затянувшегося, но необходимо-го предисловия обратимся к одной из интереснейших, многослойных стоянок — Становое 4, ставшей широко известной, благодаря обилию публикаций, в которых отражаются результаты ее раскопок (*Аверин, Жилин, 2001; Жилин, 2002, 2004, 2005, Zhilin, 1999, 2003, 2005; Зарецкая и др., 2002*).

Стоянка Становое 4 располагается в Комсомольском р-не Ивановской области, около истока р. Лахость из Подозерского торфяника. Речка Лахость — правобережный приток р. Волги, который впадает в нее на территории Ярославля (*Жилин, 2002, 2005*). Памятник был открыт М.Г. Жилиным в 1992 г. и раскопан им в 1993–2002 гг. на площади около 600 кв. м (*Жилин, 1998; 2001; 2002a; 2002б; 2002в; Аверин, Жилин, 2001; Алешинская, 2001; Зарецкая и др., 2002; Zhilin, 1998; Zhilin, Matiskainen, 2003*). Всего было заложено четыре раскопа. Небольшой раскоп 1 приурочен к гребню мыса (суходолу), остальные — к его восточному и южному береговым склонам⁶ (*Жилин, 2002, 2004, 2005*). Раскопы 2 и 3 дали основную массу материала. Раскоп 4 целиком попал в водные отложения, и изделия там были единичны.

В раскопе 1 (16 кв. м), который пришелся на суходол, присутствует два культурных слоя, в

⁶ Эта интерпретация М.Г. Жилина неверна и раскопы 2 и 3 локализируются в русловой, подводной части, прилегающей к суходолу и жилой площадке памятника.

раскопе 2 (139 кв. м) их найдено четыре⁷ и в раскопе 3 (307 кв. м) — четыре. О числе слоев в раскопе 4 (97 кв. м) и составе находок данных нет (Жилин, 2005).

На памятнике не только присутствуют несколько стратиграфических слоев, но и для всех них получено 50 радиоуглеродных дат. Это позволяет высказать предположение, что он может претендовать на звание опорного, по крайней мере, для периодизации мезолита. В качестве такового Становое 4 и рассматривается автором раскопок — М.Г. Жилиным (Жилин, 2002, 2004, 2005; Аверин, Жилин, 2001; Zhilin, 1999, 2003). Постараемся определить, насколько это предположение соответствует действительности?

Подробное описание стратиграфии раскопов (Жилин, 2002, 2005) освобождает нас от необходимости ее повторения. Слои схожего литологического состава получили одинаковую нумерацию во всех раскопах, единообразно и обозначение культурных комплексов. Это удобно для восприятия авторской концепции. К сожалению, определяющими при этом становятся не фактура и генезис слоев, а их археологическое истолкование.

По представлениям М.Г. Жилина во всех случаях, кроме раскопа 4, им исследованы жилые площадки сменявших друг друга стоянок, которые возникали в период регрессий на обсыхавшем окончании мыса, и исчезали в период трансгрессий. Известную динамику «жизни» различных стоянок могло бы дать сопоставление их планов или хотя бы данные шурфов и кернов, если последние были. Но они в статьях, как, впрочем, и в полевых отчетах, отсутствуют. Поэтому оперировать приходится лишь схематическим планом с местоположением раскопов (Жилин, 2002, с. 107), схемой итоговой реконструкции (Жилин, 2002, с. 114; 2005, с. 34) и полагаться, прежде всего, на опыт работы в аналогичных условиях и общеметодологические представления.

М.Г. Жилин полагает, что им исследовано поселение, приуроченное к «мысу озерной

террасы», который ограничен омывающей его протокой (Жилин, 2002, 2005). Для решения этого вопроса не хватает характеристики самого Подозерского палеозера в верховьях р. Лахости, к которому приурочен памятник, его режима в разные стадии развития, выраженности береговой линии, конусов выноса в устьях притоков и т. д. Здесь было бы полезно проработать специальную палеогеографическую литературу, а при отсутствии непосредственных данных применить аналоговый метод. Имеющейся схемы явно недостаточно для того, чтобы получить полноценное представление как о самом палеозере, так и расположенном на нем памятнике. В качестве примера можно использовать данные по Ивановскому, Берендеевскому (Хотинский, 1977) или Заболотскому торфяникам (Сидоров, 1996). Тогда становится понятным, что Подозерский торфяник — всего лишь малая часть в каскаде озер, объединяемых руслом сброса ледниковых вод из Молого-Шекснинского и Костромского озер (Квасов, 1975). Еще в бытность обширным зандровым озером по его периметру формировались береговые валы, а после распада — цепочка озер и сопутствующие ей озерные створы. Один из таких створов и разделяет два палеозера на плане-реконструкции М.Г. Жилина. Весьма характерный изгиб западного склона берегового вала хорошо читается на нем и располагается против прогиба поверхности на противоположном берегу. Он показывает, что эта широтно-ориентированная ложбина была долиной притока, который своими наносами отодвигал русло Пра-Лахости к востоку. Обращение к сугубо археологическим сведениям о топографии и стандартном местоположении озерных стоянок показывает, что створ и излучина на песчаной гриве правого берега реки как раз и служат таким самым удобным и выигрышным местом для поселения в пределах конкретного микрорегиона.

Анализ статей М.Г. Жилина со всей очевидностью показывает иное. За жилые площадки стоянок им принимаются места нахождения

⁷ М.Г. Жилин упоминает пять слоев, но в одном из них — IIIa — находки отсутствовали (Жилин, 2002, 2005), то есть его выделение недостоверно.

массового археологического материала, хотя массовость в отношении слоев IIIa и IV им сильно преувеличена (Жилин, 2002, 2005). Даже если оставить в стороне данные О.Н. Успенской (Зарецкая и др., 2002) и исходить сугубо из археологических наблюдений, такой подход не может не вызвать удивления. Ибо ни в одном из раскопов не обнаружено никаких деталей — зольников, очагов, ям или других сооружений, характерных для жилых площадок. Нет даже обычных развалов сосудов в неолитических слоях, что само по себе очень странно, если признать достоверной интерпретацию М.Г. Жилина. Если в раскопе 1 виной тому его небольшая площадь, то в раскопах 2-4 — отсутствие суходольных отложений.

Наиболее интересен материал раскопа 3. В культурном отношении его самый нижний слой (IV) отнесен М.Г. Жилиным к раннему этапу бутовской культуры, поверх него залегает слой IIIa с иеневскими находками, еще выше слой III с изделиями среднего (по М.Г. Жилину) этапа бутовской культуры. И, наконец, в самом верху лежит делювий, включающий мезолитические, верхневолжские и льяловские изделия, а также сетчатую керамику (Жилин, 2002, 2005).

Как известно, стратиграфия поддается расшифровке только в сочетании с палеогеографической реконструкцией. Уместен вопрос: насколько палеогеография оказалась прочитана М.Г. Жилиным? Изложенные в его статьях сведения (Жилин, 2002, 2004, 2005) позволяют усомниться в этом. В них имеется достаточно материала для отрицательного ответа на поставленный вопрос и иного, чем им предложено, истолкования характера отложений. А, значит, другого понимания палеогеографической ситуации и основанной на ней реконструкции заселения микрорегиона. Хотя, к сожалению, ряд необходимых данных здесь отсутствует. Забегая вперед, следует сказать, что наши выводы подкрепляются данными О.Н. Успенской, приведенными в ее совместной с Н.Е. Зарецкой и М.Г. Жилиным статье (Зарецкая и др., 2002).

«Поднятие глинистой морены у устья протоки... — по мнению М.Г. Жилина — создавало

подпор, в силу чего течение в протоке было очень медленным» (Жилин, 2002, с. 113). В действительности все было с точностью до наоборот. Ибо подпор в виде поднятия морены создает не тихую заводь, а узкий рукав — пережат, который неизбежно отличается довольно сильным течением. Таким образом здесь вопреки М.Г. Жилину фактически присутствует не медленное течение и мыс озерного берега, а абсолютно типичная картина створа озера, запираемого моренной грядой. В этой связи следует подчеркнуть, что озерные створы — это стандартное место для размещения стоянок (Сидоров, 1991). Сказанное определяется их топографической выигрышностью. Вне сомнения, такие участки наиболее близко расположены к воде, они хорошо дренированы и раньше обсыхают. Наконец, они наиболее приспособлены для рыболовства и непосредственного выхода к озеру, то есть оптимальны для жизни. В качестве такого «выигрышного», «истокового», «створового» и следует рассматривать данный топографический полигон. Следовательно, перед нами не «мыс озерной террасы», как утверждает М.Г. Жилин, «глядя из раскопа», а типичный каскад в виде двух озер, разделенных створом. Озера дренируются руслом, соединяющей их реки (протоки), и именно на створе, на обоих его удобных берегах, в узловой, выигрышной во всех отношениях точке ландшафта периодически могли возникать стоянки первобытного населения. Ибо люди в то время еще не были «вырваны из природы» и умело пользовались всеми ее преимуществами. Такая реконструкция места определяет не только водный режим всей системы, седиментацию осадков, но и, в конечном итоге, особенности периодически возникавших здесь стоянок, процессов обживания этого места и обитания, характер слоев памятника, а, значит, и всю археологическую картину.

Продолжение моренной гряды на планах М.Г. Жилина (2002, с. 114; 2005, с. 114) видно на левом берегу р. Лахости и обведено горизонталью высотой 3 м. Судя по всему, изначально сильное течение протоки на пережатке обнажало моренное дно, удаляло поступающие сюда рыхлые наносы, вынося их в нижнее

озеро. В конечном итоге данное обстоятельство способствовало обмелению последнего. Одновременно в заводях, могло происходить образование локальных шлейфов, слоистость которых возникала естественным путем, главным образом, за счет весенних паводков. Как известно, шлейфы не откладываются поперек текущей воды, их вектор ориентирован вдоль русла. Следовательно, их дислокация с севера на юг определяется меридиональным местоположением палеоозерного каскада и топографией места. Если оба водоема локализованы М.Г. Жилиным верно, то шлейфы могли формироваться лишь к югу от суходолов, в заливах мысовидных уступов моренного створа, с их тыльной стороны. В тех случаях, когда сюда с места поселения спорадически попадали артефакты, скорость формирования шлейфов определяла возможность их стратиграфического «разведения» по разным прослоям.

К сожалению, в публикациях остро не хватает высотной привязки раскопов друг к другу — это затрудняет понимание древнего рельефа и характера залегания слоев. Если бы были связаны высоты разных раскопов, это в значительной мере прояснило бы всю картину. Однако и по опубликованным планам (Жилин, 2002, с. 107, 114, 118) видно, что перепады высот здесь достаточно велики для равнинных участков. Современная поверхность раскопов 1 и 2 различается друг от друга не менее чем на 1 м, а перепады материка (древней поверхности) в пределах раскопов составляют более 1,5 м на расстоянии около 30 м. Это для берегов равнинных озер, тем более озерных террас, очень много.

Учитывая абрис древней протоки, имеющиеся высотные отметки местности и толщину донных отложений, можно утверждать, что первый суходол может располагаться только к западу (частично вскрыт в раскопе 1), северу и северо-западу от раскопа 2, а второй — на мысу левого берега Пра-Ляхости (частично вскрыт в раскопе 4). То есть там, где масштабные раскопки не производились.

Известно, что базисом эрозии любой протоки является уровень нижележащего озера (Квасов, 1975). Заращение нижнего озера не-

избежно ведет к подъему воды не только в нем, но и к замедлению течения в самой протоке, к берегам которой могут быть приурочены памятники. Это и ведет к изменению режима седиментации наносов, отраженному в смене их составляющих, что фактически и зафиксировано М.Г. Жилиным, но не было понято им. В этой связи следует отметить, что именно как сугубо водные отложения (сапропели и органический ил) их и интерпретирует О.Н. Успенская на основе комплексного биоморфного анализа (Зарецкая и др., 2002, с. 118).

Говоря об интерпретации данных, следует отметить, что значительные колебания уровня озера не могут определяться климатическим фактором, как это объясняется, например, А.С. Алешинской, Ю.А. Лаврушиным и Е.А. Спиридоновой (Алешинская и др., 2001; Спиридонова, Алешинская, 1999, 2002), и мнение которых разделяет М.Г. Жилин. Еще Д.Д. Квасовым было со всей очевидностью доказано, что в зоне избыточного увлажнения, а рассматриваемый торфяник, безусловно, относится к ним, уровни озер зависят не от количества атмосферных осадков, а от высоты порога стока (Квасов, 1975). Даже незначительный подъем уровня озера автоматически вызывает многократное увеличение проходящего по руслу объема воды, что в равнинных условиях бывает только во время весенних паводков, которые продолжаются всего несколько дней и не приводят к формированию террас. Нет основания связывать с этими паводками и стоянки на р. Ляхости. Вместе с тем, многослойность памятника лишний раз подчеркивает закономерность его геоморфологической позиции и выигрышное топографическое положение места.

Принципиально отметить следующее обстоятельство. Любое, даже незначительное, увеличение количества проходящей по дренающему руслу воды, приводит к расчистке русла от скопившихся в нем наносов, быстрому врезанию дна, а вслед за тем — неминуемому падению уровня озера. Таким образом, увеличение количества осадков практически сразу же вызывает падение уровня озер, их регрессию. И наоборот — их уменьшение ведет к не-

избежному зарастанию русел, а следовательно, к заболачиванию котловины и озерной трансгрессии. При этом речь идет только о колебаниях уровня озер в пределах 0,3 м. Представить трансгрессию высотой в 1 м на равнинном озере, как это следует из реконструкции М.Г. Жилина, невозможно. Ибо она требует увеличения объема воды в озере в сотни раз, чего на практике даже во время весенних паводков на протяжении всего голоцена в Восточной Европе никогда не наблюдалось.

Слои, которые М.Г. Жилин принимает как торфяные, О.Н. Успенская совершенно обоснованно определяет в качестве сапропелей (*Зарецкая и др., 2002*). Но если торф формируется в зонах избыточного увлажнения (на мелководьях) и в прибрежных частях водоемов при недостатке кислорода, то сапропель — это чисто водное образование. И никакие стоянки в нем, следовательно, возникать не могли. А вот шлейфы в слабопроточной водной среде рядом с суходолами вполне могли формироваться.

Судя по датам, наиболее древний нижний слой 8 раскопа 3 «укладывается» в промежутке 10060 и 9940 л. н., причем он оказался отложен на размытой моренной поверхности. Кстати, доказательств этому тоже не приводится, и это может быть обычный речной аллювий. Никаких признаков того, что археологический материал появился здесь в связи с регрессией озера, также нет. Напротив, сколько можно судить по представленным данным, характер вмещающих отложений — чисто водный, русловой, ведь это сапропель. Если это так, а это, безусловно, так, предположение о регрессии строится исключительно на наличии здесь археологического материала, а никак не на морфологии отложений, что вряд ли верно. При этом слой мощностью 15 см М.Г. Жилин разделяет на три горизонта, разрыв в датировках которых составляет 100-200 лет, и культурная принадлежность которых разная. Следует заметить, что слой сапропеля в момент попадания в него культурных остатков, если эти события одновременны, плотным быть не может. Разделение артефактов по прослойкам можно связывать, таким об-

разом, с характером их оседания в сапропеле. Обычно они проецируются на уплотненные горизонты размыва, которые и создают его слоистость. Следовательно, эти стратиграфические горизонты связаны не со временем бытования (на местах раскопов) стоянок и озерной регрессией (или паводковыми сбросами), а, напротив, с трансгрессиями. Когда в условиях высокой воды в протоке возникают периоды «затишья» и происходит спокойное осадконакопление с образованием прибрежных шлейфов. Разумеется, в «шлейфовой ситуации» возможна не только прямая, но и обратная стратиграфия, когда более поздние изделия на локальных участках размыва оказываются ниже более ранних. При этом важно то, что «правильный» порядок радиоуглеродных дат по древесине в ряде случаев может сохраняться, так как отражает не моменты переотложения конкретного археологического материала на локальных участках, а естественную историю водоема. Ибо древесина далеко не всегда связана с человеком и накапливается в нем в силу объективных обстоятельств. Такие периодические размывы и врезки русла хорошо объяснимы весенними половодьями, хотя в условиях заболачивания паводки на озерах далеко не всегда бывают катастрофичными.

Есть и иное объяснение наблюдаемой картины. Существуют достоверные данные, когда расслоение единого горизонта залегания артефактов по мерным признакам и формирование разных прослоев («уровней обитания») зафиксированы в естественных и экспериментальных условиях (*Wood, Johnson, 1978; Rankama, 2005*). Этими же исследованиями подтверждена и прямо противоположная картина, когда разновозрастные материалы оказываются спроецированными в единый горизонт или слой. Разумеется, к реальным уровням обитания эта картина никакого отношения не имеет, а отражает лишь ложную ассоциацию. Тем не менее, она может быть реально увидена и зафиксирована опытным полевым исследователем.

Таким образом, знание естественных процессов формирования культурных слоев (*Wood, Johnson, 1978; Rankama, 2005; Культур-*

ные слои...», 2006; Грачева и др., 2006) позволяет со всей определенностью утверждать, что разные горизонты (уровни) залегания изделий «бутовской» и иеневской культур в едином литологическом слое Станового 4, если они действительно имели место, как и признаки «бутовско-иеневского взаимодействия» в Дмитровской 1, Беливо 4 А, Брагино, Журавце 1, Иенево 2, Крапивце, Староконстантиновской III и IV, а также других стоянках имеют весьма прозаическое объяснение — почвенную деструкцию. Богатый археологический полевой опыт, лишенный беспристрастного естественнонаучного взгляда «со стороны», как показывает практика, весьма обманчив и приводит к неверным выводам. Недаром Марк Блок в «Апологии истории» написал: «...непосредственное наблюдение — почти всегда иллюзия, и как только кругозор наблюдателя чуть-чуть расширяется, он это понимает» (Блок, 1986, с. 31).

Вернемся, однако, к Становому 4. В отношении литологического слоя 8, в котором культурные слои IIIa и IV залегают отдельными линзами (Жилин, 2002, с. 113; 2005, с. 31), необходимо отметить и следующее. Поскольку пространственная фиксация самих линз и находок, заключенных в них не производились, структура напластований М.Г. Жилиным не зафиксирована и реальное соотношение так называемых бутовских и иеневских артефактов, залегающих там, не установлена. Таким образом, изобретенная М.Г. Жилиным совместно с Л.В. Кольцовым методика «улучшения источников» (Кольцов, Жилин, 1999) не сработала и в этот раз.

Можно также заметить, что достоверных данных для культурной интерпретации материалов нижних слоев вообще недостаточно. Так, бутовская принадлежность нижнего слоя 8, из которого происходит всего около 100 каменных изделий (Жилин, 2004), базируется на единственном так называемом постсвидерском наконечнике, а «иеневский слой» представлен всего 23 предметами (Аверин, 2003).

Как известно, наконечники летают. Если изъять из нижнего слоя Станового 4 единственный имеющийся там экземпляр, никакой

культурной специфики этот материал иметь не будет. Это же со всей очевидностью подтверждает и остальная каменная индустрия, в которой отсутствуют типичные бутовские изделия — микролиты с затупленным краем и их производные, а есть лишь пластинки без обработки, которые никакой культурной спецификой, разумеется, не отличаются. Следовательно, его бутовская атрибуция недоверенна.

Насколько опрометчиво атрибутировать слой по одному предмету показывает Ивановское 7, где нижний слой был отнесен М.Г. Жилиным к бутовской культуре даже не по наконечнику, а по единственной двойной, массивной развертке (Жилин и др., 2002, с. 23). Это более чем странно, ибо если они и встречаются, то никак не в бутовских стоянках, а в памятниках иеневской культуры, например, в коллекциях Тростенского озера.

Иеневская принадлежность скудного кремневого инвентаря слоя IIIa (Аверин, Жилин, 2001; Аверин, 2002) тоже требует проверки. Да, там имеется три предмета охотничьего вооружения, традиционно рассматриваемые как иеневские, тем не менее, для иеневских комплексов совершенно не характерны скребки на коротких отщепках и осколках, а также мелкие аморфные нуклеусы, которые присутствуют в литологическом слое 8. Не известны нам в ней и пазовые, костяные наконечники. А имеющиеся тут экземпляры ничем не отличаются от обычных бутовских (по М.Г. Жилину) изделий (Жилин, 2001). В Волго-Окском междуречье, судя по микролитам, вкладышевое вооружение характерно для рессетинской, бутовской, пургасовской и култинской культур, а вот иеневская каменная техника вкладышей не предусматривает. Поэтому присутствие костяных пазовых оправ в «иеневском» слое более чем странно. Следовательно, костяная индустрия этого слоя расцениваться в качестве иеневской не может.

Можно предположить, что эти малочисленные материалы, включая культуруопределяющие формы, могли оказаться внизу именно в результате переотложения, а не в соответствии с зафиксированной стратиграфией. На болотных поселениях обратная стратиграфия в пре-

делах локальных участков памятников — явление рядовое. При этом могли перемещаться как иеневские, так и иные вещи. Таким образом, для точной культурной атрибуции материалов обоих нижних слоев требуется новое накопление материалов и приведение доказательств надежности стратиграфии.

Надо отметить и еще одно немаловажное обстоятельство. Когда М.Г. Жилин помещает в поздний дриас материал с поздним по облику наконечником, то этим он снимает, фактически, вопрос о происхождении бутовской культуры от свидерской в результате миграции населения последней с территории Повисленья и Полесья на восток, в Волго-Окское междуречье. Ибо эти культуры становятся практически синхронными, и никакого места, в этом случае, для трансформации свидерской индустрии в бутовскую, как вслед за Л.В. Кольцовым еще недавно полагал М.Г. Жилин (*Кольцов, 1977; Кольцов, Жилин, 1999*), просто не остается (*Сорокин, 2002, 2004*). Интересно, что теперь к такому же выводу стал склоняться и сам М.Г. Жилин, предположивший, что индустрия IV слоя Станового 4 генетически восходит к индустрии нижнего, финально-палеолитического слоя Золоторучья 1 (*Жилин, 2004, с. 111; 2005*). Анализ исходных данных показывает, что это предположение, как и свидерская гипотеза генезиса бутовской культуры остается ничем не подкрепленным предположением (*Сорокин, 1989, 1990, 2002, 2006*).

Вернемся, однако, к памятнику. Трактовку в качестве площадки поселения исключает присутствие в раскопах 2 и 3 многочисленных кольев заколов и верши. Гораздо логичнее предположить их нахождение в водной среде, особенно, первых. Отметим и удобство места для сооружения заколов в случае признания, предлагаемой здесь, топографии памятника. Что касается верши, то не очень понятны необходимость и возможность продольного расщепления ивовых прутьев для ее плетения. Отсутствие фото позволяет предположить, что это не верша, а обычная «псевдоверша», которые в изобилии встречаются на торфяниковых стоянках. Ошибочная интерпретация параллельно лежащих лучин в качестве верш хоро-

шо иллюстрируется статьей В.М. Лозовского (*1997*). Напротив, полевые данные со всей очевидностью показывают, что скопления параллельно ориентированных друг другу лучин образуются естественным путем. Разнообразные лучины служат самой массовой находкой в торфяных слоях. Их количество даже превышает число кольев. В ряде случаев они образуют целые пласты, отдельные пластинки в которых лежат параллельно друг другу. Имеются случаи переслаивания целых пластов и отдельных лучин, причем часто в разных направлениях. В археологической литературе эти скопления интерпретируются в качестве рыболовных верш. Практика показала ошибочность такой стандартной реконструкции. Как удалось установить в ходе работ на Заболотском торфянике, некоторые породы древесины расслаиваются по годичным кольцам и под давлением грунта дробятся на фрагменты. Они стандартны и производят впечатление полученных искусственно. Тем не менее, находки в Замостье 5 деревянных предметов с размочаленной и расслоившейся на «лучины» одной частью и целой цилиндрической другой со всей очевидностью свидетельствуют в пользу их естественного продуцирования. Таким образом, «самовоспроизводство» лучин оказалось процессом вполне естественным, а не искусственным. Если же согласиться с тем, что М.Г. Жилиным действительно зафиксирована верша, ее местоположение косвенно свидетельствует о «водном характере» того культурного слоя, где она найдена. Об этом же говорят и многочисленные колья, интерпретируемые в качестве заколов. Как известно, заклы на суше не строят. Впрочем, и вершами рыбу тоже ловят в воде, и сохраниться в ней у верши шансов больше, чем на суходоле.

Не больше доказательств регрессии озера и «низовой» приуроченности стоянки приведено и для слоя III, материалы которого М.Г. Жилин относит к среднему этапу бутовской культуры. Этот слой характеризуется им как черный разложившийся торф, погребенная почва (*Жилин, 2002, с. 108, 109*). Этому, однако, противоречит обилие в нем кольев и присутствие песчаных прослоек, которые служат четким

показателем его руслового формирования. Нет здесь и никаких конструкций и даже кострищ. Следовательно, все это говорит об ином, чем полагает М.Г. Жилин, генезисе самого слоя и другом расположении суходола памятника.

Структура верхневолжского слоя, как и всех нижележащих, мезолитических, тоже типично шлейфовая. Даже на крупных черепках здесь отсутствует «нагар», а среди находок имеются орудия рыболовства и рыбы кости. Все это подчеркивает «подводный» характер отложений, в которых они заключены. Поскольку материал в зависимости от его характера, веса и мерных признаков тонул в детритовой взвеси на разную глубину, то не удивителен разброс полученных для него дат в 400 лет, которые относятся, судя по всему, не к археологическому материалу, а к вмещающему их слою. Можно предположить, что он отлагался сравнительно длительное время, и начал формироваться существенно раньше, чем полагает М.Г. Жилин. При этом в нем могла консервироваться древесина из более древних перемытых отложений, а не только строго синхронная времени его формирования. Единственный, достоверный образец здесь получен, вероятно, только по горизонтально лежащей доске (7030 ± 100 л. н.), которая из-за своих габаритов вряд ли могла глубоко провалиться во взвесь, и сама, фактически, является артефактом. Эта дата для верхневолжской культуры достаточно ранняя, но отнюдь не неожиданная.

Характер залегания прочего материала на песчаной прослойке — показатель того, что он проваливался во взвесь до более плотного слоя — горизонта размыва, который обычно слагается песками. Совершенно такой же, судя по всему, и характер попадания скудного льяловского материала в слой, определяемый М.Г. Жилиным как торф, а О.Н. Успенской — как сапрпель (*Зарецкая и др., 2002*). Точка зрения О.Н. Успенской, основывающейся на аналитических данных комплексного биоморфного анализа, представляется более убедительной, хотя она и осталась не развернутой в статье. Отсюда со всей очевидностью проистекает и интерпретируемый нами характер участка памятника.

В этой связи интересно сравнить данные по стратиграфии раскопа 2, приводимые в двух статьях М.Г. Жилина. Первая из них была, по-видимому, написана до того, как О.Н. Успенской было сделано заключение о составе слоев, хотя она и оказалась опубликованной одновременно с этими данными (*Жилин, 2002; Зарецкая и др., 2002*). Вторая статья вышла тремя годами позднее (*Жилин, 2005*). Их сравнение показывает, казалось бы, практическую идентичность описания стратиграфии, однако запись культуросодержащих слоев во второй статье немного расширена. И в этом суть. Да, здесь сохраняется их определение в качестве торфов, но к этому термину добавлено «или сапрпель» (*Жилин, 2005, с. 24*). Со всей очевидностью можно утверждать, что интерпретация культуросодержащих слоев как торфов допускает двойственность толкования и подразумевает, в том числе, возможность их «нешлейфовой», сухопутной интерпретации. Признание того, что это сапрпели или илы, не оставляет такой возможности, поэтому М.Г. Жилин смазывает суть, когда пишет между терминами «торф» и «сапрпель» союз «или». Такой незамысловатой уловкой он обходит данные О.Н. Успенской и остается фактически на прежней точке зрения. То есть продолжает настаивать, что отложения, исследованные им, суходольные. На самом деле, права, безусловно, О.Н. Успенская, когда, исходя из данных комплексного биоморфного анализа, интерпретирует эти отложения в качестве сапрпелей и илов. А, значит, перед нами водные отложения и шлейфы слоев, а не сами культурные слои и суходолы памятников.

Таким образом, все изложенное выше позволяет со всей очевидностью утверждать, что в раскопах 2 и 3 М.Г. Жилиным были вскрыты не суходольные, а водные отложения, прослой подводной части шлейфов. Поэтому предполагать здесь наличие площадок стоянок бутовской, иеневской, верхневолжской или льяловской культур достоверных оснований нет. Суходолы должны быть выше по склону, к северу и северо-западу от раскопов М.Г. Жилина. Действительно, судя по имеющимся данным, раскоп 1 — это часть типично суходольного

участка. В силу этого в нем, в отличие от раскопов 2 и 3, и не происходило столь быстрого накопления отложений, когда напластования могли быть разделены на четкие горизонты, о чем красноречиво свидетельствует его стратиграфия. Это же подтверждают и действия М.Г. Жилина, который отказался от его расширения и ограничился всего 16 кв. м площади. К сожалению, большая часть раскопа 1 оказалась перемыта в позднее время. Материал этого переотложения, судя по всему, был спроецирован на площадь раскопа 3 в слой 4а (*Жилин, 2002, 2005*). На площади раскопа 2 следов перемиыва нет. Следовательно, артефакты переносились потоком, который мог быть связан с прогибом, отмеченным на плане севернее стоянки, но остался вне поля зрения М.Г. Жилина.

Итак, схема развития геоморфологической ситуации, исходя из приводимых в статьях М.Г. Жилина сведений, была иной. Равновесны два предположения.

Первая ситуация. Первоначально на створе озера⁷ возникает, по-видимому, стоянка, культурная атрибуция которой на имеющихся материалах решена быть не может. Ее бутовская атрибуция из-за малочисленности и невыразительности комплекса, а также позднего облика единственного «постсвидерского» конечника вызывает серьезное сомнение, как и его четкое стратиграфическое положение. А еще и в том, что они летают. Поэтому «упавшая с неба стрела» может достаточно глубоко проникнуть в грунт, особенно обводненный, и оказаться в слое случайно. Нельзя исключить и того, что предмет может происходить из незафиксированной в ходе раскопок промоины. Весь же остальной материал никакой культурной спецификой вообще не обладает. Более того, здесь, как отмечалось, отсутствуют и микролиты с затупленным краем, которые типичны для бутовского охотничьего вооружения. В этой связи следует отметить, что методика раскопок памятников траншеями двухметровой ширины, которую часто применяет М.Г. Жилин, совершенно недопустима. Ибо она

нацелена исключительно на добывание материала и вскрытие значительных площадей, а никак не на изучение структуры культурного слоя. В узкой канаве, в которую превращается раскоп, невозможно в принципе проследить ни промоин, ни перекопов, ни сооружений, исключая очень маленькие из них. И то, как правило, случайно. И промоины, и перекопы, и сооружения, и следы строительной и иной деятельности можно увидеть и понять только в одном случае, если разово вскрывается площадь не менее 3 м шириной. Учитывая особенность торфяниковых памятников, оптимальная для работы площадь составляет 3-5 м шириной и не более 10 м длиной. Такие размеры хороши не только для визуального наблюдения хода раскопок, фиксации артефактов и сооружений, но и для вскрытия до материка отложений в случае, если их мощность не превышает 1 м. Таким образом, если ставить задачу получения полноценного источника, недопустимо портить его узкими траншеями. В этом случае и соотношение разнокультурных изделий удастся установить объективно. Нужно принимать в расчет и то обстоятельство, что местоположение конкретных предметов в слоях сапропелей и их стратиграфическая приуроченность определяются чаще мерными и весовыми характеристиками артефактов, а также характером деструкции слоев, чем культурно-функциональными мотивами.

Следует подчеркнуть: эта стоянка была приурочена к створу озерной котловины или, иначе, горловине озерного каскада, запираемой моренной грядой, то есть фактически — берегу (или обоим берегам) протока. Ее жилая площадка располагалась севернее раскопа 2, на суходоле, и осталась в процессе раскопок неисследованной. Единичные артефакты попадали на моренное дно протока (на «пляж») в результате делювиальных и почвенных процессов или сезонных смывов. Наконец, они могли попадать туда и в результате жизнедеятельности «на воде», но эти единичные изделия никак не служат свидетельством того, что

⁸ Нельзя исключать, что памятники возникают по обоим берегам створа, но левобережный уступ остался почти не исследованным, и данные по нему практически отсутствуют (*Жилин, 2002, 2005*).

«стоянка возникла на пляже в результате озерной регрессии» (Жилин, 2002, 2005). Косвенно суходольная интерпретация нижних слоев исключается и общим числом каменных изделий — 23 и 100, найденных в них (Аверин, Жилин, 1997; Жилин, 2004). Нижнее озеро в это время было спущено, и протока имела вид порога.

Где-то около времени появления стоянки иеневской культуры нижнее озеро начинает заболачиваться. Это приводит к замедлению течения воды в протоке и началу формирования мелкоструктурных наносов литологического слоя 8. Для этого события достаточно было минимального подъема воды, который мог произойти, например, в результате сооружения бобровой плотины. Подобные плотины традиционно возникают в слабопроточных водоемах там, где обитают бобры, причем и место для этого абсолютно стандартное.

Затем в результате скопившегося объема воды происходит, вероятно, прорыв этой плотины, неизбежно сопровождающийся врезом русла протоки и падением уровня нижнего озера. Естественная история водоемов шла своим ходом. Далее, сколько можно судить по имеющимся данным, чередуются детритовые наносы косы в устье протоки, возникающие при небольшом снижении уровня нижнего озера, и прослой глины (ила?) — при его подъеме. Сюда откладываются мезолитические материалы, относимые к бутовской культуре (культурный слой III). Но в любом случае отложения, в которых эти изделия были заключены, не являются суходольными.

Пески, которыми характеризуются неолитические слои, появляются в периоды падения уровня нижнего озера и при возникновении промоин, как в русле, так, вероятно, и на береговом склоне. Характер простирающихся песчаных наносов оказался не зафиксирован и не описан М.Г. Жилиным. Между тем, он мог бы показать, возникали ли они в русле речки или на припльске озерного берега при его трансгрессии, или концентрировались в береговых промоинах. В результате, при постепенном заболачивании нижнего озера уровень его сравнивался с верхним. Вызванное этим значи-

тельное обводнение обоих водоемов привело к резкой активизации береговой эрозии, размыву и переотложению материала раскопа 1 на площадь раскопа 3. Это событие следует, вероятно, датировать не столько по радиокарбону, сколько по самому археологическому материалу, причем наиболее позднему. Ибо, как правило, перемещаются, прежде всего, не собственно древние наносы, а вещи. И те, которые самые поздние из них, наиболее близки ко времени события. При этом «свежая» древесина, попавшая в слой переотложения, вовсе не синхронна культурным остаткам. Судя по всему, это произошло не ранее конца II тыс. до н. э. В это время поселение с сетчатой керамикой тянулось уже по гребню гряды, причем значительно далее, чем отмечено М.Г. Жилиным.

Не очень удачно оказался расположен и раскоп 3. Русловые отложения, зафиксированные в нем, тоже оказались практически переотложены. Значительно интереснее были бы участки максимально приближенные к жилой площадке, но расположенные западнее раскопа 2. Как показывает практика, береговой шлейф не бывает широким, причем его четко стратифицированная полоса, как правило, имеет всего 3-5 м в ширину. Этот шлейф и следовало бы локализовать для пополнения коллекции.

Наименее удачно оказался расположен раскоп 4. В нем минимум находок и практическое отсутствие информационной значимости. Материал, собранный там, малочислен и археологически бесперспективен. А водный характер его отложений даже у М.Г. Жилина сомнения не вызывает.

Теперь вторая ситуация. Первоначально, еще в плейстоцене, на озерном створе возникает стоянка, инвентарь которой оставлен населением иеневской культуры. Поверх нее формируются слои, включающие бутовские изделия. В результате делювиальных процессов происходит локальное разрушение слоев и перемещение части артефактов в русло протока, где они оседают как на его каменистое дно, ниже которого они, естественно, смещены быть не могли, так и в перекрывающий его сап-

ропель. При этом возможно формирование обратной стратиграфии. Возраст изделий и возраст отложений, в которых они оказались запечатанными, совсем не обязательно в этом случае одинаковы. Сапропелевые отложения могут быть как синхронными, так и значительно моложе, что, по-видимому, и имело место. Во всяком случае, это допускает плейстоценовый возраст для артефактов обоих нижних слоев. Вместе с тем нельзя исключить и еще одного варианта, когда возраст отложений будет более древним, чем находки, которые в них оказались перемещены.

Консервация изделий в русловых отложениях сопряжена с трансгрессией озера. Попадание артефактов вниз, на гравийное дно, возможно и в результате периодически возникавших промоин. Такие локальные размывы рыхлых отложений проследить чрезвычайно сложно, и при полевом исследовании Станового 4 они не отмечены. Это и неудивительно, если вспомнить, как раскапывался памятник. Тем не менее, малочисленность каменных изделий в обоих нижних слоях делает такую ситуацию в конкретном случае вполне вероятной. Последующее развитие ситуации 2 совпадает с тем, что описано выше. Что имело место в действительности, может быть установлено лишь в ходе нового полевого изучения памятника.

Осталась неизвестно, что происходило на склоне моренной гряды, обращенном к большому озеру, на северном склоне створа, по обоим его берегам. Здесь равновероятны несколько вариантов:

- 1) берега подмывались волнами, и археологический материал оказался спроецирован на озерное дно верхнего водоема;
- 2) культурные отложения были законсервированы наносами впадающего здесь притока;
- 3) остатки не были перемещены и оказались перекрыты торфяными отложениями, сформировавшимися в позднее время.

Какой из этих вариантов оказался реализованным на практике, остается только предполагать, и установить его без новых раскопок невозможно.

Из геоморфологии и почвоведения хорошо известен еще один абсолютно стандартный способ проецирования археологических материалов на гравийное дно. Он связан с объективными почвенными процессами, которым подвержены все археологические памятники. Об этом свидетельствует как наш совместный опыт работы с почвоведом Института географии РАН (*Грачева и др., 2006*) на памятниках Заболотского торфяника, так и наблюдения западных исследователей. Специальное изучение постседиментационных процессов на стоянках зандровых низменностей Западной Европы, предпринятое комплексными экспедициями в конце 1980-х — начале 1990-х годов, со всей очевидностью показало, что артефакты финально-палеолитического и мезолитического времени, заключенные в аллювиальные отложения, проецируются в их основание. А в тех случаях, когда речной аллювий покоится на русловом галечнике и/или моренной гальке, весь археологический материал оседает на этих «пляжах». Таким образом, картина, наблюдаемая в Становом 4, отражает не обитание «на гравийном пляже» при выходе древней речушки Лохости из небольшого озера, как это утверждает М.Г. Жилин (*2002, с. 113, 115; 2005, 33*), а исключительно стандартный результат постседиментационной трансформации. Полигоны вертикального распределения материалов, приводимые в статье П. Вермеерша (*Vermeersch, 1999, p. 162, 163*), достоверно показывают, что в тех случаях, когда в галечниках имелись «окна», изделия проецировались туда, значительно ниже их твердых каменных поверхностей. И являли собой в результате своеобразные «котлы» или «полости», в которых происходила аккумуляция артефактов. Разумеется, чисто внешне эти «полости» аккумуляции походят на искусственные ямы, тогда как в реальности это продукт исключительно почвенной деструкции. Расслоение на фракции по мерным признакам и перемещение артефактов под воздействием почвенной деструкции с созданием разных горизонтов концентрации материалов со всей определенностью подтвердили изыска-

ния финской исследовательницы Т. Ранкамы (*Rankama, 1995*). И если в раскопах М.Г. Жилина этого прослежено не было, то исключительно по весьма прозаической причине: он как традиционный полевой археолог воспринимал галечниковый слой за «материк» и не прокапывал его. В чем легко убедиться, вскрыв один из его «галечниковых участков».

Нет никакой необходимости связывать появление стоянок с регрессивными фазами развития озер и еще по одной немаловажной причине. В эти моменты берега озер мало пригодны для обитания: они топкие. «Падающие» озера открывают плоские поверхности пляжей, которые дренированы минимально и в силу своей высокой увлажненности слабо пригодны для жилья. Обвоженность места объясняется тем обстоятельством, что грунтовые воды выходят выше, из-под прежнего берегового уступа. В эти эпизоды места для стоянок надо искать не на озерах, не на их плохо обсыхающих берегах, а на берегах дренирующих озер рек, или на прирусловых валах впадающих в них речек, то есть вне конкретно изученного полигона.

Напротив, в моменты трансгрессий берега озер как раз и становятся пригодными для освоения, поскольку в это время «живая» вода подходит к твердому берегу, формируя береговой эрозионный уступ и поверхность размыва, чего на данном памятнике в ходе раскопок не было зафиксировано ни разу. Причина этого в том, что вся пачка отложений раскопов 2 и 3 имеет не береговой, а подводный характер. Разница в слоях определяется различиями в их водном режиме. Памятники, судя по всему, существовали в летние периоды. Опыт показывает, что на зимних поселениях берег не осваивается столь интенсивно, как это имело место, когда бытовала стоянка среднего этапа (по М.Г. Жилину) бутовской культуры.

Археологический материал периодически возникавших на протяжении раннего и среднего голоцена на створе стоянок попадал в прибрежные подводные отложения протоки. Сами памятники располагались поблизости, но на более высоких участках, оставшихся, если исключить 16 кв. м раскопа 1, не исследован-

ными. Перемещенные продукты жизнедеятельности «функционировавших рядом стоянок» и предметы, связанные с рыбной ловлей и другими водными занятиями населения, концентрировались неподалеку, в водной среде, где оказались законсервированными сапропелями, и впоследствии собраны. Артефакты были раскопаны, но метаморфозы, происшедшие с ними, не были «расшифрованы» их полевым исследователем.

В случае быстрого нарастания торфа или делювиальных процессов материал может аккумулироваться в прибрежье послойно. Его разделению способствуют отложения береговых и прирусловых валов. Сложнее обстоит дело с подводной свитой — шлейфами культурных слоев. На минеральном дне изделия проецируются в одном прослое, и шлейфа не образуется. Если берег топкий или около подножия берега имеется глубоководный участок, здесь очень велики шансы аккумуляции наносов и формирования шлейфов. Наиболее вероятны такие условия в руслах тихих речек и стариц.

На прибрежных участках и тем более в шлейфах нет жилищ, крайне редки хозяйственные ямы и присутствуют весьма примитивные столбовые конструкции. Вместе с тем, их исследование, при учете условий аккумуляции слоев, дает идеальные стратиграфические колонки и исключительно яркие находки из органических материалов. Здесь практически неиссякаемый источник для всевозможных естественнонаучных исследований. Без преувеличения — это естественный архив документов природы и человеческой деятельности (*Сидоров, 1999*). Но включать прибрежную зону и мелководье в состав жилой площадки поселения и истолковать богатство находок как свидетельство их высокой производственной значимости или обжитости — заблуждение. Это совершенно особая часть поселения — зона аккумуляции. Без сомнения, отложения подводных шлейфов — ценнейший источник для реконструкции среды обитания человека, его бытового уклада, но всегда необходимо учитывать и специфику накопления таких слоев. Только в этом случае реконструкция

может быть достоверной. Пассаж, предложенный М.Г. Жилиным, говорит об обратном.

Наивной представляется и его попытка связывать промысловые стоянки непосредственно с местом добычи рыбы. Место поселения определялось, прежде всего, наличием подходящих условий для жилья, среди которых первостепенное значение имеют освещенность, хорошая дренированность и подходы к воде. Последние два обстоятельства на берегах озер встречаются не так часто. Все это свидетельствует в пользу реконструкции участка в качестве озерного створа и вскрытых слоев памятника — в виде шлейфов, а не суходолов.

Подозерский торфяник, как отмечалось, — всего лишь небольшая часть в каскаде озер, объединяемых руслом сброса ледниковых вод из Молого-Шекснинского и Костромского палеозер. Еще в бытность обширным зандровым озером по его периметру формировались береговые валы. Один из таких валов читается на плане-реконструкции М.Г. Жилина. Весьма характерный изгиб его западного склона располагается против широтно-ориентированного прогиба поверхности на противоположном берегу, который служил долиной притока, отодвигавшего своими наносами русло Пра-Лахости к востоку. Излучина на песчаной гриве в таком случае — довольно удобное место для поселения. Река, унаследовавшая желоб между береговым валом и выположенным берегом, подходила вплотную к гриве, что, по-видимому, способствовало выносу отсюда материалов и приводило к образованию шлейфов, зафиксированных в раскопах 2 и 3. Вероятно и существование стоянок на мысу, где располагался раскоп 1, но отсюда не происходило выноса материала в русло, разве что в момент максимальной активности речки-притока. Заполнение сапропелем русловых желобов неизбежно вызывало подъем уровня нижнего озера. Неолитические стоянки могли быть по обоим берегам створа, но наиболее удобное место располагается при устье речки. Этот мыс мог быть занят и в позднейшее время.

Нет сомнения, что стоянки возникали на озерном створе во время трансгрессий. Материал в водную среду мог попадать как одно-

временно со временем обитания, так и после, в результате разрушения культурных слоев. Реальная стратиграфия нижних слоев (прямая или обратная) в ходе полевых исследований достоверно не установлена. Время возникновения наиболее древней стоянки тоже не определено. Залегание материалов в дриасовых отложениях совсем не обязательно соответствует их возрасту. Он может быть как древнее, так и моложе. Консервация материалов в донных отложениях плейстоценового возраста могла происходить и в голоцене. В тех случаях, когда плейстоценовые отложения не были уничтожены полностью, их возраст, определенный по органике, может не иметь никакого отношения к археологическим материалам, спроецированным сюда, ибо связь погребенной древесины с археологическими изделиями еще надо уметь доказать. Надо, без сомнения, знать и о дистурбации слоев и проецировании археологических остатков на моренное дно, иначе можно природное явление принять за археологический «факт». И в очередной раз ошибиться.

«Бутовская» культурная принадлежность нижнего слоя (IV) является явной натяжкой. Как отмечалось, она недостоверна из-за малочисленности инвентаря и отсутствия культуроопределяющих форм. Его связь с нижним слоем Золоторучья 1 из-за малочисленности и невыразительности достоверно не устанавливается.

Культурные слои IIIa с иеневскими изделиями и IV с так называемыми «ранними бутовскими» залегают в одной и той же толще литологического слоя 8 (*Жилин, 2002, 2005*). Поскольку во время раскопок производилась лишь выборочная фиксация находок, структура напластований М.Г. Жилиным не зафиксирована и реальное соотношение бутовских и иеневских артефактов им не установлено. Линза с иеневскими находками, мощность которой составляет всего 1-3 см (*Жилин, 2002, с. 113; 2005, с. 31*), достоверно датирована быть тоже не может, поэтому приводимые для нее даты относятся к верхам литологического слоя 8 и отражают возраст перекрывающих отложений, а никак не самих находок. И даже,

по-видимому, не время их переотложения. Вместе с тем, и то обстоятельство, что иеневские материалы подстилают достоверные бутовские изделия, тоже особого значения для соотношения этих культур не имеет в силу неясности попадания первых в конкретную стратиграфическую позицию. Поскольку материалы, отнесенные М.Г. Жилиным к «среднему этапу бутовской культуры», также происходят из водных отложений, а не с суходолов, поэтому локализация всех стоянок неверна.

Итак, реконструкция палеогеографической ситуации стоянки Становое 4, предложенная М.Г. Жилиным, противоречит очевидным фактам. Она содержит фактические ошибки и вызывает ряд существенных замечаний, поэтому не может быть признана достоверной. Неверна и локализация суходолов. Таким образом, реальная история освоения Подозерского палеоозера и обитания в его акватории не установлены. И без продолжения работ на памятнике нельзя прояснить не только его четкую геоморфологическую позицию, но и получить новые полноценные материалы, необходимые для культурной атрибуции всех слоев. Все это не позволяет считать Становое 4 опорным памятником. Более того, можно со всей очевидностью утверждать, что признаки, предлагаемые М.Г. Жилиным в качестве опорных, таковыми не являются и не используются даже самим их автором в практической работе.

Подводя краткие итоги сказанному, следует отметить, что все вышеизложенное позволяет говорить о том, что стратифицированные памятники значительно более сложны для своего восприятия, чем принято традиционно считать. При этом наличие «чистых» памятников и даже слоев является отнюдь не рядовым явлением. Смешанности материалов нельзя исключить ни для одной из зандровых стоянок (Сорокин, 2000а, б; 2002а). Хотя, безусловно, и преувеличивать их не стоит. Не стоит забывать и

того, что стратиграфия, наблюдаемая в момент раскопок, является не первозданной, а отражает заключительный этап длительного воздействия на культурные слои природных процессов, существенно, особенно на торфяниках, трансформирующих всю картину, часто до неузнаваемости искажающих ее и создающих новый визуальный и физический облик напластований.

Критерии разделения механически смешанных комплексов в силу объективных причин в ряде случаев попросту отсутствуют. Массовые материалы, по большей части, встречаются в любой из мезолитических культур и, следовательно, не имеют своего культурно-специфического облика. А единичные орудия, придающие культурное своеобразие комплексам, могут оказаться в них и случайно. В первую очередь это относится к охотничьему вооружению. Очевидно, помочь разобраться в заимствовании тех или иных форм можно в том случае, если на классической форме одной из культур встречен технологический прием другой культуры. Тогда мы будем иметь «чистое свидетельство» контакта разнотипного населения. Однако источниковедческий анализ показал, что находки-маркеры либо вообще отсутствуют в синкретических памятниках, либо единичны и их «синкретизм» объясним иными, чем аккультурация, причинами (Сорокин, 2002). Во всяком случае, так называемых метисных изделий намного меньше, чем коллекций с би- или поликультурными признаками. И, следовательно, стандартная единичность вещей-маркеров свидетельствует против их «метисности» (Сорокин, 2000, 2002). Сложная природа этого феномена заставляет еще раз обратиться к необходимости его рассмотрения, то есть вновь остановиться на объективных факторах формирования синкретических археологических источников.

ГЛАВА 3: СИНКРЕТИЗМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

«Существовавшая на восточной окраине дуфензейско-маглемозской общности коморницкая культура при взаимодействии с соседней постсвидерской тоже дает новую синкретическую культуру — таценки-кудлаевскую, включающую признаки обеих названных общностей».

Кольцов, 2000, с. 54

«Вторжение тарденуазского населения на Британские острова... привело к полному распаду культуры британского маглемозе и формированию на основе его и новых пришельцев синкретической культуры шиппи хилл, содержащей элементы и британского маглемозе, и тарденуаза»¹.

Кольцов, 2000, с. 58

Голоценовые почвы, к которым приурочены мезолитические стоянки, представляют собой динамичную среду, подверженную разного рода трансформациям. Объективная археологическая реконструкция возможна лишь при условии, что зафиксирован конечный результат метаморфоз и определено, какие процессы и в какой мере влияли на разрушение культурного слоя и перемещение в нем объектов и артефактов (*Wood, Johnson, 1978*). Современная практика показала, что методика пространственной фиксации и графического моделирования дает возможность выявить наличие и оценить степень этих негативных последствий (*Сорокин, 2000, 2002*).

При изучении мезолитических памятников мы постоянно сталкиваемся с би- или поликультурными комплексами, то есть такими, в которых имеются признаки двух или нескольких разных культур. Обычно их наличие служит основанием для утверждения о взаимодействии разных групп древнего населения. Полевая практика, однако, показывает, что в условиях зандров постоянно существуют предпосылки для механического смешения материалов и метисация осуществляется естествен-

ным путем — без вмешательства человека. Анализ археологических источников и литературы свидетельствует, что роль природных факторов в генезисе синкретических памятников ранее серьезно недооценивалась.

Культурное многообразие, которое наблюдается на территории полесий, могло быть вызвано разной «культурной принадлежностью» заселявшего их населения, одновременностью памятников, наличием контактных зон и, наконец, механической смешанностью материалов. Разработка этой проблематики и экстраполяция полученных данных на восточноевропейские материалы в ходе работы над темой позволили выйти на общеметодологические проблемы источниковедения мезолита.

Под источниковедением в археологии следует понимать теорию и методику изучения и использования археологических источников. А под источниковедением мезолита — специфику в качестве источников памятников названного времени. Поскольку большинство мезолитических стоянок Восточной Европы располагается на территориях зандровых низменностей и связано с песчаными отложения-

¹ Авторский стиль сохранен полностью — А.С.

ми, необходимо установить, как проявляется приуроченность к зандровым ландшафтам в формировании и в характере источника, который мы исследуем.

Изучение полесий Восточной Европы показывает, что для них абсолютно стандартна ситуация поликультурности. Во всех сравнительно полно изученных регионах присутствуют не только «чистые» памятники разных культур, но и всегда имеются памятники с метисными признаками. Повторяемость полиморфных «комплексов» создает эффект их «объективной реальности». Однако в ряде случаев синкретические материалы, даже при условии их повторяемости, возникают не в результате взаимодействия древнего населения, а образуются как итог метаморфоз источника и парадокс источниковедения (Сорокин, 2000, 2002).

В тех случаях, когда факт смешанности не очевиден, наличие метисных памятников обычно интерпретируется как свидетельство связей населения, а регионы, где они присутствуют, называют «контактными зонами». Термин «контактная зона» заимствован из этнографии, где он обозначает географическое пространство, в пределах которого происходит взаимодействие разных этносов (Андрианов, Чебоксаров, 1975). Специфика понятия «контактная зона» в археологии состоит в том, что она не дана археологу непосредственно, а реконструируется в результате определенных исследовательских процедур. Впрочем, и для этнографов вопросы этнокультурных контактов, характер возникающих при этом связей и следы их материализации представляют одну из самых сложных областей исследования, которая требует фронтального сопоставления всех данных (Чистов, 1993). Что же тогда говорить об археологии, где объектом исследования являются не сами народы и даже не процессы их взаимодействия, а всего лишь их специфические следы.

На территории Восточной Европы нет зандровых низменностей, в которых бы не было признаков «контактных зон», кроме локальных и слабо обследованных участков. Поэтому логично предположить, что имело место не массовое взаимодействие разнокультурного и, по

свидетельству социальной психологии (Поршнев, 1979), враждебного населения, а нечто другое, более реальное, но менее уловимое, как при традиционном подходе, когда любой случай сочетаемости разнокультурных находок воспринимается в виде контакта популяций. Конечно, нелепо вообще отвергать контакты населения в древности, но были ли они столь часты, чтобы число синкретических памятников приближалось или даже превышало число пунктов, где таких признаков нет? И достаточно ли для констатации взаимодействия сочетания разных находок на памятнике? Ответ очевиден.

Методологически важно то, что контактировать может только одновременно живущее население, а люди, отделенные друг от друга во времени, не могут непосредственно взаимодействовать друг с другом. Тем не менее, археологически довольно обычна ситуация, когда на одном памятнике в пределах одного слоя присутствуют заведомо разновременные материалы. Это позволяет предположить, что метисация может возникать и по не зависящим от человека причинам. Таким образом, синкретические материалы могут образовываться в результате культурных и «внекультурных» процессов. Разницу в природе наблюдаемых археологических явлений при формальном сходстве их результатов следует подчеркнуть особо: и при участии людей, и при «игре природных сил» результат в обоих случаях будет одним — при раскопках будет получена синкретическая коллекция. Следует заметить, что без сознательного ограничения разделение археологически наблюдаемых признаков на природные и историко-культурные невозможно. Поэтому в качестве такого ограничения были предложены гибридные (метисные) находки и технологии, которые являются своеобразными «маркерами контактов» разных этносов. Их отсутствие в поликультурных комплексах может расцениваться как указание на естественную природу наблюдаемого явления (механическое смешение материалов), а присутствие — со всей очевидностью указывает на генетическую связь (Сорокин, 2000а, б; 2002а).

Нет сомнения, что контакты населения начинались не с мгновенного появления метисных предметов и технологий, а с обмена отдельными готовыми изделиями. Тем не менее, если на памятнике имеется только сочетание разнокультурных, некомплектных находок и нет «находок-маркеров», вряд ли оправданно считать это бесспорным свидетельством культурного взаимодействия в силу высокой вероятности механического происхождения таких материалов. При нынешней изученности мезолита Восточной Европы, отсутствии серий независимых дат, позволяющих строго синхронизировать отдельные памятники, нельзя отличить, когда имел место обмен вещами, а когда случайное смешение находок, оставленных подвижным мезолитическим населением, посетившим одно и то же место. При этом ссылка на этнографические данные о самой возможности контактов разных этносов неуместна, так как мы не знаем ни конкретной численности древнего населения, проживавшего на любой территории, ни их одинакового возраста, то есть была ли вообще возможность для взаимодействия конкретных популяций. По мере общественного развития численность населения возрастала, и возможность возникновения контактов повышалась, но это не значит, что она была и реализовалась в древности постоянно. И это не означает, что любой синкретический памятник и даже их серия механически не смешаны. Традиционно, однако, само присутствие стоянок с би- или поликультурными признаками интерпретируется как свидетельство контакта (*Кольцов, 1998; Кравцов, 2004*). Уместно, однако, спросить, а на чем основывается такой вывод? Сказать, что только на интуиции конкретного исследователя, было бы справедливо лишь отчасти. Ведь археолог при раскопках действительно наблюдает и фиксирует эти «комплексы». В тех случаях, когда синкретические материалы повторяются, создается подобие аксиомы. Тем не менее, это либо ошибка, возникшая вследствие неверной интерпретации наблюдений, либо сознательное искажение фактов. Данный источниковедческий аспект всегда нужно иметь в виду, чтобы не абсолютизировать наблюдаемое, а четко

понимать, с каким источником в каждом конкретном случае мы имеем дело, и каким метаморфозам он мог подвергнуться прежде, чем стал достоянием археолога-исследователя и археолога-читателя.

Отсутствие четких критериев для различения результатов процессов аккультурации и механического смешения обязывают воздерживаться от констатации обмена или контакта по тем материалам, в которых нет «находок-маркеров». В результате обмена, то есть эпизодических связей, сложения новой материальной культуры не будет. Более того, новая культура — это не столько итог постоянного взаимодействия разных популяций, сколько процесс их слияния и рождения нового качества. Таким образом, ответ на вопрос, могут ли быть массовыми контакты древнего населения при отсутствии «вещей-маркеров», напрашивается сам собой. Не могут. Присутствие на зандровых низменностях множества синкретических памятников заставляет предположить, что здесь протекали иные, но вполне объективные процессы, результатом которых было естественное образование поликультурных материалов. Очевидно, что в качестве такого глобального и объективного явления могут рассматриваться природные процессы. Их негативное воздействие и может быть тем механизмом, который вызывает трансформацию археологических памятников, приводит к образованию синкретических источников. Поскольку почвенные процессы — это природные явления, которые происходят в голоцене при известных условиях повсеместно, можно предположить, что их воздействие не просто закономерно и проявляется повсюду, но именно они служат главной причиной метаморфоз, происходящих с памятниками. Почва — это динамичная, открытая система, в которой действует множество процессов, перемещающих из одного места в другое не только почвенные материалы, но и артефакты, включая объекты. В ходе формирования почв действуют две противоположные тенденции: горизонтизация, или, иначе, дифференциация на профили, и гомогенизация, когда образование горизонтов затрудняется и их содержимое перемешивает-

ся. Процессы гомогенизации имеют общее название «педотурбация», являющееся синонимом термина «перемешивание почвы» (*Роде, Смирнов, 1972; Wood, Johnson, 1978*).

Судя по естественнонаучным данным, всеобщий характер почвообразования и педотурбации является тем конкретным и основным, правда, далеко не единственным механизмом, который обладает способностью метаморфозы — превращения слоя из той субстанции, как он сформировался, в то состояние, в котором он достается археологу для непосредственного изучения. Культурные слои под воздействием почвенных процессов существенно видоизменяются, а культурные остатки в них могут погружаться в почву и концентрироваться в глубинных слоях или, напротив, выталкиваться на поверхность, могут переориентироваться и перемещаться в разных направлениях, наконец, дифференцироваться по размерам и расслаиваться на фракции. Результатом этого могут быть ложные ассоциации артефактов с сопутствующими искажениями в интерпретации. Поэтому точная оценка педотурбации отложений на каждой стоянке абсолютно необходима для правильной археологической реконструкции (*Wood, Johnson, 1978*).

Совместные исследования почвоведов и археологов показывают, что с почвенными процессами связано объективное действие «механизма поликультурности». Для понимания причины его «запуска» крайне важно следующее обстоятельство. Любой полевой исследователь постоянно сталкивается с фактом, которому до сих пор не придавалось должного значения. Этот факт заключается в том, что и во время разведок, и при раскопках находки начинают встречаться уже на современной дневной поверхности. Совершенно очевидно, что это не обман зрения, а закономерная и абсолютно стандартная ситуация. Присутствие находок на дневной поверхности и есть главный признак дистурбации слоя. Но из этого наблюдения неминуемо следует крайне важный вывод: в древности ситуация была абсолютно такой же. И в древности часть артефактов тоже находилась на поверхности. Причина этого заключается не в том, что накопление пе-

рекрывающих отложений вообще не происходило или что оно шло слишком медленно, а в том, что в голоцене постоянно действуют процессы почвообразования и педотурбации. Поскольку их действие наиболее активно проявляется в поверхностном слое, это обеспечивает «вынос» части изделий вверх, на дневную поверхность. Из-за почвенных процессов при обычной скорости накопления перекрывающих отложений в каждый конкретный момент человек, приходя на место, которое до него уже было кем-то однажды занято, селился непосредственно на поверхности (культурном слое) предшествующего времени. Постоянство почвенных процессов и стандартное отсутствие из-за этого перекрывающих отложений являются главными причинами непосредственного «контакта» разновременных вещей и образования метисных «комплексов». Если для обозначения культурного взаимодействия в науке употребляется термин «аккультурация», то для обозначения природного генезиса «поликультурности» автором был предложен термин «натурация» (от латинских слов *nature* — природа и *ratio* — мысль, замысел), или иначе — *природный «замысел»* (*Сорокин, 2000а, б; 2002а*). Натурация — это объективный природный закон образования «поликультурных археологических источников». Из-за случайного планиграфического совпадения или наложения одно- и разновременных, одно- и разнокультурных находок под воздействием природных процессов запускался «механизм поликультурности» и происходило формирование археологических источников особого рода. Планиграфическое совпадение неминуемо возникало в наиболее удобных для жизни местах конкретного водоема, поэтому постоянно реализовывалась ситуация дублирования поликультурных материалов. Действие природных факторов носит объективный характер, поэтому мы и сталкиваемся постоянно с фактами естественного «генезиса поликультурных комплексов» или феноменом натурации. Хотя, разумеется, далеко не всегда можем осознать естественность этого феномена.

При неоднократном использовании одних и тех же мест одним и тем же населением ниве-

лируются хронологические различия в комплексах, и происходит планиграфическое «смазывание» разновременных и разнофункциональных скоплений. В действие как бы включается механизм «культурной нивелировки». При посещении одних и тех же мест населением разных культурных традиций из-за натурации нивелируются культурные, хронологические и функциональные различия между ними. Это приводит к «возникновению» синкретических коллекций. В таких случаях мы наблюдаем действие механизма «естественной поликультурности». И «культурная нивелировка», и «естественная поликультурность» — главные причины информационного шума, «размытости» признаков и культурного многообразия. Подтверждением этому служат наблюдения, полученные при раскопках торфяниковых стоянок. Их суходолы, как правило, стратиграфически «смазаны», а находки в них смешаны, шлейфы, напротив, часто дают прекрасную стратиграфию разновременных слоев и находок.

В пределах полесий не так много участков, удобных для заселения, причем всегда есть те, которые доступны в течение длительного времени. Именно здесь сосредоточены наиболее выразительные так называемые многослойные памятники. Археологи, раскапывая повторяющиеся «комплексы» одного периода с синкретическими признаками, могут воспринимать наблюдаемое как реально установленные факты, и лишь вопрос времени, когда их количественные наблюдения приведут к «качественному» выводу о «закономерности поликультурных комплексов». Таким способом возникает источниковедческий эффект «генезиса» метисных археологических культур.

Крайне негативную роль в появлении синкретизма играет и полевая методика. При раскопках на косой штык или по условным и литологическим горизонтам происходит разрушение пространственной структуры распределения находок. В результате этого памятник из стратифицированного искусственно превращается в нестратифицированный, а коллекция — в «метисную». Недаром чаще всего четкие «поликультурные» признаки дает подъем-

ный материал, то есть тогда, когда археолог изначально имеет дело с механически образованной коллекцией, оторванной от контекста. Для приведения в действие «механизма естественной поликультурности» необходимо:

- 1) планиграфическое совпадение двух или большего числа памятников разных культур;
- 2) «включение» культурных слоев в почвенные профили;
- 3) присутствие в качестве заполнителя рыхлых отложений;
- 4) действие процессов педотурбации, развеивания, аллювиальных, делювиальных и др.

Опыт показывает, что обязательным является лишь первое условие, а остальные могут присутствовать либо все, либо выборочно. Результат также может быть полным или частичным.

Проверка гипотезы «естественного генезиса поликультурности» осуществлена на примере Литвы, памятники которой опубликованы в классической монографии Р.К. Римантене (1971). Названный регион не входит в главный пояс полесий Восточной Европы, но в геоморфологическом отношении это абсолютно та же зандровая низменность, поэтому использование территории Понеманья в качестве контрольного полигона, с учетом других причин, вполне оправданно. В палеолите региона Р.К. Римантене выделяет стоянки аренбургской и свидерской культур, в раннем мезолите — маглемозской культуры и в конце мезолита — памятники синкретической неманской культуры. Анализ данных (Сорокин, 2002а) привел к следующим выводам.

1) Отсутствие «находок-маркеров» позволяет рассматривать появление синкретических материалов не как результат взаимодействия древнего населения, а как итог механического смешения.

2) «Метисация» материалов наблюдается, когда помимо сравнительно большой площади скоплений присутствует приуроченность стоянок к «удобным» формам рельефа.

3) Утверждение Р.К. Римантене о взаимосвязи аренбургского, свидерского и маглемозского населения не подтверждается наблюдениями.

4) Так называемое взаимодействие мезолитических яниславицких и финально-палеолитических элементов — итог источниковедческой ненадежности коллекций неманской культуры.

5) Вывод Р.К. Римантене о том, что «Литва и западная часть Белоруссии составляли единую контактную зону» преждевременен.

Означает ли сказанное полное отрицание контактов древнего населения Литвы? Конечно, нет, но основанием для выводов о контактах должен быть строгий источниковедческий анализ, серия дат и массовое присутствие «метисных» изделий. Только в этом случае культурная схема любого региона превратится из гадания и правила «сложения культур» (*Кольцов, 1979*) в доказанную на фактах этнокультурную картину.

Феномен натурации сказывается наиболее существенно на памятниках полесий, но натурация характерна не только для зандровых низменностей, она носит всеобщий характер. В качестве примера действия натурации в других геоморфологических районах можно привести широко известную мезолитическую стоянку Мирное, которая расположена на Причерноморской низменности. Анализ состояния культурных слоев памятника и их трансформации под воздействием фаунотурбации, выполненный автором (*Сорокин, 2000а, б, 2002*), а также особенности распределения артефактов со всей очевидностью приводят к выводу, что реконструкцию В.Н. Станко экономического и социального устройства в мезолите степей Северного Причерноморья нельзя признать достоверной. Факты позволяют считать, что в Мирном, из-за активности землеройных животных, произошло механическое смешение разных слоев и находок, детально зафиксированное и описанное, но так и не понятое автором полевых работ. Следовательно, Мирное можно интерпретировать как остатки нескольких разновременных сезонных стоянок разных групп кукрекского и гребениковского населения, которые непосредственно никогда не взаимодействовали между собой. Коллекция с бикультурными признаками образовалась в результате натурации. Подтверждением дан-

ного вывода служит и ремарка самого В.Н. Станко о том, что «тип поселения в Мирном не имеет близких аналогий среди памятников гребениковской и кукрекской культур» (*Станко, 1982, с. 80*). Вероятно, малочисленность населения обеих культур и подвижный образ жизни позволили создать «эффект наложения разнокультурных стоянок» только в одном, исследованном к 1982 г., месте — стоянке Мирное. Ибо Мирное, в отличие от других северо-причерноморских стоянок, занимает наиболее выгодное географическое положение в устье р. Дракули.

Аналогичные выводы получены и при изучении одной из актуальных для Волго-Окского бассейна проблем бутовско-иеневского взаимодействия. В результате источниковедческой критики было установлено, что данных для вывода об образовании бутовско-иеневских памятников «смешанной традиции» в результате аккультурации недостаточно (*Сорокин, 2000а, б; 2002а*). Предметное изучение вопроса позволило не просто рассмотреть отдельные факты, которые традиционно интерпретировались как свидетельство контактов бутовского и иеневского населения, но и оценить их. Со всей очевидностью можно утверждать, что в настоящее время нет данных, свидетельствующих о враждебных отношениях между населением бутовской и иеневской культур, как и вообще об их взаимодействии. При этом заключение об их контактах сделано на недостоверных источниках. Напротив, их генезис в результате натурации представляется достаточно очевидным (*Сорокин, 2000а, б; 2002а*).

В этой связи не могу оставить без внимания замечание А.Е. Кравцова, который полагает, что фактов, говорящих о бутовско-иеневском взаимодействии, «вряд ли достаточно для обоснования научной гипотезы» (*Кравцов, 1999, с. 105*). Действительно, если, как А.Е. Кравцов, говорить лишь об «единичных иеневских наконечниках с плоской вентральной ретушью» или «единственной трапеции в Микулино» (*Кравцов, 1999, с. 105*), то таких данных недостаточно. Однако если рассмотреть всю изложенную выше совокупность сведений и определить закономерности в формировании ме-

золитических источников (Сорокин, 2000а, б; 2002а), то говорить о том, что такого взаимодействия не было, можно вполне обоснованно. Надо лишь абстрагироваться от отдельных, частных наблюдений, увидеть в них не просто набор случайностей, а те закономерности, которые привели к их образованию, и признать объективность феномена натурации. Тогда все и встанет на свои места.

Не вызывает сомнения, что характер отложений, в которых залегают слои большинства мезолитических стоянок Восточной Европы, непосредственным образом сказывается на состоянии изучаемого археологами источника. Естественное возникновение поликультурных комплексов — это объективная сторона источника по мезолиту Восточной Европы. Культурное многообразие, которое наблюдается на примере полесских стоянок, чаще всего бывает мнимым, сугубо источниковедческим, а никак не культурно-историческим. Главный парадокс источниковедения состоит в том, что археологические источники образуются не только и даже не столько при жизни человека, сколько тогда, когда культурный слой памятника уже сформировался. Момент «прижизненного формирования источника», безусловно, важен, так как он определяет тип памятника. Однако это лишь начальное звено в цепочке метаморфоз, происходящих с источником. Главным движущим механизмом метаморфоз, воздействующим на «потенциальный источник», являются почвенные процессы. Прежде чем какой-либо памятник, его слои и заключенные в них артефакты станут предметом изучения археолога, место, на котором располагается этот потенциальный источник, испытывает воздействие природной среды. Трансформация выражается в видоизменении заполнителя культурного слоя и пространственном перемещении материальных остатков, содержащихся в нем.

Для голоценовых памятников главным движущим механизмом метаморфоз, воздействующих на «потенциальный источник», являются процессы почвообразования, идущие в двух диаметрально противоположных направле-

ниях: 1) горизонтизации, когда материалы почвы дифференцируются на профили, имеющие горизонты, и 2) гомогенизации, когда образование горизонтов затрудняется, и их содержимое может перемешиваться или нарушаться (Wood, Johnson, 1978). Их совокупность приводит не только к видоизменению самого слоя (заполнителя), но и к изменению структуры его объектов. Если процессы дифференциации ведут к видоизменению собственной окраски культурного слоя, то процессы гомогенизации (почвенной дистурбации) — это основной механизм, приводящий в действие и генерирующий новое природное состояние памятника (Wood, Johnson, 1978). Под их воздействием археологический слой приобретает почвенную окраску, не имеющую ничего общего с археологической стратиграфией. А находки — из «поверхностной линзы» перераспределяются внутри заполнителя и «повисают» в нем. Как правило, древняя дневная поверхность или «поверхность жизни» соответствует максимуму распределения находок. Находки, которые археолог фиксирует выше и ниже этого максимума, за редчайшим исключением являются «взвесью», возникшей в результате педотурбации. Хорошо известно также, что на любом голоценовом памятнике, даже на самом древнем из них, часть находок вынесена на современную дневную поверхность. Это и есть прямое следствие воздействия почвенной турбации на слой и артефакты. Это же обстоятельство является главным, благодаря которому происходит «естественный генезис поликультурных комплексов». Натурация — это природный механизм генерирования поликультурных комплексов. Это она служит причиной «культурного многообразия» повсеместно наблюдаемого в Европейских полесьях. Полевая практика показывает, что для образования «поликультурного комплекса» в результате натурации требуется лишь повторное заселение конкретного места. В силу того, что повторное заселение одних и тех же удобных мест в полесьях — явление вполне рядовое, мы и сталкиваемся постоянно с механически образованными «поликультурными» материалами. Отсю-

да неизбежна и их массовая фиксация. Вместе с тем это и есть главный шаг в создании неадекватной исторической картины.

Другой, не менее важный, механизм образования «поликультурных комплексов» — это методика полевых исследований. И сборы подъемного материала, и «научные» раскопки по штыкам, условным или литологическим горизонтам — это формирование такого источника, которого нет в природе. Разрушение пространственной структуры памятника, происходящее при использовании всех вышеназванных полевых методов, — главный субъективный фактор в создании искаженного источника. Менее существенно на его метаморфозы влияют условия хранения материалов, но и о них не следует забывать.

Еще один стандартный способ создания многочисленных археологических мифов — неразборчивость в выборе коллекций для анализа. Любая попытка глобального охвата материалов без оценки их достоверности и надежности — это самый простой способ создания очередного историко-культурного мифа. Этнокультурная история, написанная на основе достоверных источников, всегда будет отличаться от интуитивных историй каменного века. Да, без интуиции науки не бывает, но точно также ее не бывает на одной интуиции без фактов. Фактов достоверных, а не мнимых.

Для установления природы поликультурности (аккультурации или натурации) должны использоваться оценка геоморфологической приуроченности памятников, генезис, состав и механизм разрушения его слоев, изменения в пространственной структуре памятника, пространственное распределение материалов, ремонт артефактов и неременная источниковедческая критика. Только всесторонний учет специфики памятников и доказательство их источниковедческой надежности могут служить основой этнокультурных построений в археологии.

Источниковедческая критика позволяет отказаться от идеи образования культур в результате «сложения» их признаков (Кольцов, 1979). А также говорить об источниковедческой несостоятельности днепро-деснинской

культуры Белоруссии, неманской культуры Литвы, «елиноборской» и «бутовской» культур Волго-Окского междуречья и бесчисленных «реконструкций древней истории», вроде «кундско-бутовской общности», «кукрекско-гребениковского симбиоза» или генезиса неолита с ямочно-гребенчатой керамикой Украины на основе индустрии типа Студенок. Факты показывают необходимость критического отношения к источнику. Только она дает возможность по-новому взглянуть на старые привычные материалы и проблемы, с ними связанные. Во всяком случае, значительно видоизменить всю, уже ставшую привычной, картину.

«Взвешивание» признаков контактных зон показывает недостаточность аргументации в пользу процессов аккультурации в мезолите Восточной Европы. Вопрос о признании полей Восточной Европы «контактными зонами», верный в плане теоретической постановки, не находит практического подтверждения в археологических материалах. Это со всей очевидностью приводит к необходимости разработки археологических признаков понятий контактных зон, аккультурации и метисации. А также дополнительного изучения феномена натурации.

Для выводов о культурном взаимодействии свидерского и аренбургского, свидерского и яниславицкого, свидерского и маглемозского, кукрекского и гребениковского, бутовского и иеневского населения строгих оснований нет. А есть лишь метаморфозы и специфика самого источника (Сорокин, 2002а).

Напротив, М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов все-таки полагают, что «...лезвие шлифованного тесла в Сельце 3 говорит о влиянии бутовской культуры на иеневскую» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 66), а картина взаимоотношений в мезолите, которую они рисуют, — это эпическое полотно с батальными элементами. Цитирую: «Бутовская культура... существовала в раннем голоцене, захватывая вторую половину пребореального, весь бореальный и начало атлантического периода...» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 84); «На поздних ступенях развития бутовская культура захватывает нижнее течение

Оки...» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 91*); «Исследуемая культура входит в круг постсвидерских мезолитических культур, который захватывает значительную часть северной половины Европы» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 77*); «Бутовская культура существовала в окружении сосуществующих с ней мезолитических культур» (с. 76); «...следует признать мощные контакты на этой ступени кундской и бутовской культур...» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 91*); «Постсвидерское население в Верхнем Поволжье и Поочье столкнулось с потомками насельников Усть-Тудовки — иеневской культурой» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 90*); «... с усть-камской культурой у «бутовцев» не было никаких контактов» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 78*) и т. д. Чем же объясняется подобный промискуитет или его отсутствие? Ответ М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова несколько туманен: «В этой миграции... участвовало население не только бутовской культуры, но и родственной ей валдайской культуры и, возможно, других культур или механизм возникновения подобных памятников был более сложным, чем просто миграция» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 77*). Увы, они действительно не видят, что генезис синкретизма чаще всего состоит в элементарном механическом смешении разнокультурных материалов, причем Л.В. Кольцов, сам того не подозревая, однажды уже описал этот «механизм». Ибо выявленная им «закономерность сложения мезолитических культур Северной Европы» (*Кольцов, 1979*) и есть процедура образования механически смешанных материалов, а никак не археологических культур.

Метисация разнокультурных материалов происходит сама по себе в результате действия объективных почвенных процессов. Разрушение культурных слоев мезолитических стоянок под воздействием педотурбации происходит объективно, и свидетельством тому служит отсутствие находок-маркеров и наличие подъемного материала, который присутствует на дневной поверхности почти любого памятника. В случаях повторного заселения любого места неизбежно «запускается механизм» есте-

ственного смешения материала. Как это ни печально, но натурация — явление объективное. И незнание этого феномена приводит к открытиям, подобных сделанному М.Г. Жилиным: «Этот могильник отражает процесс смешения пришлого населения с кремневым инвентарем... и местного населения с кварцево-сланцевым инвентарем» (*Жилин, 1999, с. 7*).

В этой связи уместно отметить, что разработки автора с успехом применены А.М. Жульниковым (2005) при исследовании им памятников эпохи раннего металла на территории Карелии. Этот регион не относится к главному поясу полесий Восточной Европы, более того, он контрастен ему по своим геоморфологическим и палеогеографическим условиям. Однако и здесь верная методологическая посылка, учет морфологии отложений, анализ систем формирования и разрушения культурных слоев позволили объективно разделить археологические комплексы на разные хронологические и культурные группы, а также доказать несостоятельность выделения М.Г. Косменко «позднебеломорской» культуры эпохи раннего металла (*Косменко, 1987*).

Да, смешанность материалов — это объективная реальность. Однако иных источников в Европейской части страны нам почти не дано и работать надо с тем, что есть. Вместо паники от осознания этого вывода (*Кравцов, 2004*) должна быть реальная оценка природы источника, с которым мы имеем дело. Это позволит конкретнее и объективнее решать любые вопросы мезолитоведения.

Для «материализации основ» источниковедения мезолита Оки актуально, прежде всего, решение вопроса об облике финальнопалеолитических памятников региона. Ибо четкость «нижней границы» явления позволяет точнее определиться и с составляющими «культурного контекста» Окского мезолита. В этой связи рассмотрим проблему финально-палеолитического пласта. В дальнейшем изложении будем исходить из традиционных границ этого отрезка в 10000-13500 лет назад (*Taute, 1968; Хотинский, 1977; Зализняк, 1999*).

ГЛАВА 4: ПРОБЛЕМА ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА

«...полноценный практический выход без хорошей теории не прогнозируем».

Клейн, 2004

Не будет преувеличением сказать, что эпоха финального палеолита на территории Поочья, как и всей Европейской России, относится к числу наименее изученных. Между тем, это обстоятельство определяется, по-видимому, не столько отсутствием самих финально-палеолитических памятников, сколько стойко бытующим мнением об их ином, как правило, более молодом возрасте. Нельзя сказать и того, чтобы изыскания в данной области вообще не предпринимались. Можно назвать значительное число публикаций, в том числе и недавних,

где называются те или иные стоянки, в материалах которых присутствуют изделия этого времени (Кольцов, 1989, 2002; Кравцов, Коннов, 2002; Крайнов, Кольцов, 1979, 1983; Лисицын, 2002; Ланцев, Мирецкий, 1996; Сидоров, 1996, 2002; Трусов, 2004; Жилин, 2004; Zhilin, 1995; Koltsov, Zhilin, 1999). Тем не менее, как показывает их анализ, дальше самих упоминаний дело, чаще всего, не идет. Об этом же красноречиво свидетельствует и отсутствие монографических исследований. Попробуем рассмотреть эту тему подробнее. Сначала о состоянии источников.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА

«...стоянок нет там, где их не ищут».

Городцов, 1923

История изучения финального палеолита Поочья начинается по существу с открытия в 1899 г. Н.И. Булычевым в Калужской губернии на правом берегу р. Оки напротив устья р. Жиздры стоянки Гремячее. По иронии судьбы вплоть до недавнего времени она считалась мезолитической. На сравнительно «молодой» возраст указывала и геоморфологическая позиция, и весь облик памятника. Поверхностное залегание немногочисленных каменных изделий на боровой террасе, отсутствие выраженного культурного слоя, каких-либо ям и пятен, а также фаунистических остатков резко контрастировали с тем, что было известно о палеолитических стоянках. Да и аналогии в свидерской культуре, возникшие, правда, позднее, как будто говорили об эпипалеолитическом возрасте коллекции (Воеводский, 1934, 1940, 1950). Много изменилось с того времени, но до сих пор понятие финальный палеолит По-

очья, да и в целом Волго-Окского бассейна с трудом пробивает себе дорогу. Красноречивым подтверждением этих слов служит отсутствие монографий, посвященных изучению данной проблемы.

По тем немногочисленным публикациям, где упоминаются отдельные памятники этого времени (Кольцов, 1989, 2002; Кравцов, Коннов, 2002; Крайнов, Кольцов, 1979, 1983; Сидоров, 1996, 2002; Трусов, 2004; Koltsov, Zhilin, 1999; Trusov, 2006), составить какое-либо полноценное представление о качественной стороне комплексов, как правило, не удается. Как было показано в серии недавних работ автора (Сорокин, 2006а, б, в; Sorokin, 2006), причина этого достаточно банальна. И заключается она в том, что с некоторых пор отечественные археологи стали чересчур полагаться на естественнонаучные методы датирования, поэтому омоложенные даты тех или иных памятников

как бы довлеют над самим материалом, заставляют датировать его более поздним временем, чем он реально существовал. Негативную роль в установлении истинного возраста комплексов играет ряд обстоятельств, среди которых, прежде всего, следует назвать: смешанность большинства материалов; малочисленность и невыразительность основной части имеющихся «чистых» комплексов; поверхностное залегание большинства находок этого времени; отсутствие выраженных культурных слоев; единичность или недостоверность естественнонаучных датировок и, наконец, отсутствие фаунистических остатков.

Если верхнепалеолитические материалы залегают, как правило, относительно глубоко (*Палеолит СССР... 1984*), и их возраст, даже при отсутствии радиоуглеродных, геологических или палинологических данных, «оттеняется» присутствием «мамонтовой фауны», то для финальнопалеолитических материалов, напротив, характерно совсем иное. Это и поверхностное залегание артефактов, и практическое отсутствие окраски «горизонтов залегания находок», и невыразительность фаунистических остатков, и нехватка образцов для датирования. В результате отечественные археологи, даже видя явное сходство в датированных западных материалах, их восточно-европейские аналоги относят к мезолиту, а никак не к эпохе

ледниковья. Или называют их то «восточным постлингби», то «восточным аренсбургом», то «восточным федермессером» и т. д. (*Кольцов, 1977; 1989, 2002; Zhilin, 1995; Koltsov, Zhilin, 1999; Залізняк, 1999; Жилин, 2004*), что говорит о полном непонимании природы археологических культур названного времени. Для подтверждения того, что существующие представления о культурах финального палеолита и мезолита базируются на неверной теоретической базе достаточно привести названия некоторых из археологических культур, например: усть-камская, средневычегодская, посожская, обонежская и т. д., которые показывают полное непонимание их природы и сущности. Ибо ареал археологической культуры эпохи каменного века определяется никак не устьем или отрезком какой-либо реки, где велись полевые изыскания и были зафиксированы те или иные, пусть и выразительные, памятники. А обусловлен он, прежде всего, природными условиями, экологией и поведением основных промысловых животных, на которые охотились люди, и экономикой (хозяйственно-культурным типом) конкретных первобытных коллективов.

Прежде всего, остановимся на состоянии источниковедческой базы финального палеолита Поочья, краткие сведения о которых приведены в таблице 3.

Таблица 3

Финально-палеолитические памятники Поочья

	Памятники	Рисунки в литературе	Основные ссылки
01	Брикет 7	-	Сидоров, 1976, № 6780
02	Вышетравино 1 (1-7)	-	Сорокин, 1987, № 14058; 1989, № 13768; Амирханов, 2004
03	Гремячее 1	+	Воеводский, 1941; Кольцов, 1965
04	Елин Бор (н. с.)	+	Кольцов, 1966, 1989; Кольцов, Жилин, 1999; Сорокин, 2001
05	Заозерье 1	+	Фролов, 1987
06	Исток 1 (н. с.)	+	Сорокин, 1988
07	Колтово 7		Сидоров, 2002, 2004; Амирханов, 2004
08	Ладыжино 3 (шурф 1)	+	Кравцов, Коннов, 2002; Трусов, 2004
09	Нерское озеро 1	-	Трусов, 1980, № 7677
10	Нерское озеро 2	-	Трусов, 1980, № 7677
11	Ростиславль	+	Трусов, 2004; Trusov, 2006
12	Рыбаки (Альба) 2	-	Трусов, 1980, № 7677

Таблица 3 (окончание)

	Памятники	Рисунки в литературе	Основные ссылки
13	Рыбаки (Альба) 4		Трусов, 1977, № 6565
14	Таруса 1	-	Фролов, 1976, № 6503; Сорокин, 1989
15	Трегубово 2	+	Трусов, 2004
16	Тростенское 7	-	Сидоров, 1969, № 4003
17	Тростенское 10	-	Сидоров, 1969, № 4003
18	Умрышенка 3	+	Трусов, 1990, № 15908; Энговатова, 1991, № 15975, 1998, № 22321; Сидоров, Энговатова, 1992, № 17772; Сидоров, 1993, № 17981; Сидоров, 2002; Амирханов, 2002, 2004
19	Шильцева Заводь 5	+	Кравцов, Сорокин, 1991

Этот список красноречиво показывает, что в бассейне р. Оки к вышеназванной эпохе относится не так много памятников. Если конкретнее, то среди них присутствуют (в алфавитном порядке): Брикет 7, Вышетравино 1-7, Гремячее 1, Елин Бор (н.с.), Заозерье 1, Исток 1 (н. с.), Колтово 7, Ладыжино 3, Нерское озеро 1, 2, Рыбаки (Альба) 2, 4, Таруса 1, Трегубово 2, Тростенское 7 и 10, Умрышенка 3 и Шильцева Заводь 5. К сожалению, полноценные коллекции среди них почти отсутствуют. Исключением служат некоторые скопления Умрышенки 3 (Сидоров, 2002, 2004; Сорокин, 2006), материалы Ростиславля (Трусов, 2004; Trusov, 2006), Тростенской 7, 10 (Сидоров, 1969, № 4003) и Шильцевой Заводи 5 (Сорокин, 1987; Кравцов, Сорокин, 1991). Но Тростенское 7 и 10 — это исключительно подъемный материал, к сожалению, ныне утраченный. Умрышенка 3 и Ростиславль сильно повреждены, а в Шильцевой Заводи 5 стратиграфия «смазана» и разделение материала по слоям целиком не произведено (Сорокин, 2002). Возможна и их частичная смешанность с бутовскими материалами. При этом Ростиславль отнесен к культуре Лингби (Trusov, 2006), а все прочие памятники принадлежат к иеневской культуре, которая Л.В. Кольцовым относится к позднему мезолиту (Кольцов, 1989).

Заозерье 1 — это, главным образом, подъемный материал, отнесенный к памятникам типа Тимоновка 1 (Фролов, 1987). Там же присутствовали и иеневские материалы, причем четкого деления на отдельные скопления не на-

блюдалось. Собранный материал сортировался по разным комплексам, исходя их цветности сырья и степени его патинизации. Естественнонаучные даты у памятника отсутствуют. Даже если сама процедура «культурного межвания» произведена А.С. Фроловым верно, фактического подтверждения этому, как и дат, получить уже невозможно, ибо в настоящее время памятник уничтожен.

Материал Елина Бора попросту фальсифицирован Л.В. Кольцовым. Из 18 орудий, приписываемых им так называемому нижнему слою этой стоянки (Кольцов, 1966, 1989), ни одно, судя по описи, не происходит из него, а за наконечник выдано случайное изделие, происходящее из подъемного материала (Сорокин, 2001). Колонка, якобы взятая М.Г. Жилиным на этом памятнике и датирующая так называемый «нижний слой» молодым дриасом (Кольцов, Жилин, 1999), на самом деле происходит неизвестно откуда, так как данные о шурфе в отчете М.Г. Жилина отсутствуют, что также свидетельствует об ее фальсификации.

Комплексы стоянок Гремячее 1 (Воеводский, 1941) и нижнего слоя Исток 1 (Сорокин, 1988) малочисленны. Первая представляет собой охотничий лагерь аренбургской культуры, охотничье вооружение второй коллекции, за исключением единственного наконечника, сильно фрагментировано, что не позволяет уверенно говорить об ее иеневской или аренбургской атрибуции. Естественнонаучных дат у обоих памятников нет.

Умрышенка 3 отнесена В.В. Сидоровым к иеневской культуре (Сидоров, 2004). К ней же отнесены и коллекции Брикета 7, Тростенской 7 и 10. Естественнонаучных дат ни у одной из этих стоянок нет.

Коллекции Нерского озера 1 и 2 содержат небольшое количество материалов рессетинской культуры, но имеют и инокультурные примеси. Возраст достоверно не установлен.

Стоянки Вышетравино 1-3, Колтово 7 и Трегубово 2 относятся еще к поздней поре верхнего палеолита. Состав всех этих коллекций недостаточен для полноценной характеристики, хотя «зарайская традиция» здесь, несомненно, ощущается (Амирханов, 2004).

Геологический возраст Тарусы 1 определен концом плейстоцена, его инвентарь отнесен к рессетинской культуре, однако он малочислен и частично уже утрачен, поэтому для полноценного сравнительного анализа он тоже непригоден.

Для Умрышенки 3, Колтово 7 (Сидоров, 2002, 2006; Амирханов, 2002, 2004), Ростиславля (Трусов, 2004), Трегубово 2 (Трусов, 2004), Нерского озера 1, 2, Брикета 7, Тростенской 7 и 10 естественнонаучных дат нет и их получение вообще вряд ли возможно. Вместе с тем, залегание материалов большинства из них в покровных суглинках и предполагает их плейстоценовый возраст.

Среди оставшихся памятников можно назвать Шильцеву Заводь 5, возраст которой по палинологии определен в достаточно широком диапазоне (Dr 3 — Во 1) и Ладыжино 3 (шурф 1). Выразительный лингбийский комплекс, полученный там (Кравцов, Коннов, 2002; Трусов, 2007), оставлен на месте забоя животного. К сожалению, он тоже остался не датированным.

Не лучше обстоит дело и с прилегающими территориями Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской, Курской, Липецкой и Воронежской областей (Синицына, 1998; Васильев и др., 2004; Федюнин, 2005, 2006; Бессуднов, 1991, 1997), хотя отдельные памятники, расположенные здесь, достаточно выразительны. Это касается, прежде всего, Аносово 1 (Гурина, 1972; Лисицын, 2002; Залізняк, 1999), Вышего-

ры (Синицына, 1996, 2003; Залізняк, 1999), Подола 3 (Синицына, 1996, 2000, 2003; Синицына, Кильдюшевский, 1996; Васильев и др., 2005; Залізняк, 1999), Суконцево 8, 9 (Сорокин, 1985, № 11156; Сорокин, 1989), Теплового Ручья 2 (Мирецкий, 1987, № 12262; Кольцов, 1994; Мирецкий, 2007), Троицкого 3 (Ланцев, Мирецкий, 1996; Залізняк, 1999) и Усть-Тудовки 1 (Жилин, Кравцов, 1991; Залізняк, 1999; Жилин, 2004).

Стоянки Теплый Ручей 2, Троицкое 3 (Кольцов, 1994; Ланцев, Мирецкий, 1996), Аносово 1 и 4 (Лисицын, 2002) не датированы. Л.Л. Зализняком высказано предположение об их принадлежности к «восточному аренсбургу» или красносельской культуре (Залізняк, 1999). В то же время Г.В. Синицына относит эти стоянки к выделенной ею подольской культуре (Синицына, 2000; Васильев и др., 2005). Эпонимная стоянка Подол 3 датирована по пыльце поздним ледниковьем (скопление 1 — молодым дриасом (Dr 3), скопление 2 — аллередом; Синицына, 1996, 2000; Синицына, Кильдюшевский, 1996). Примерно к этому же времени относится и Баранова Гора. Все эти памятники, по мнению Г.В. Синицыной и Л.Л. Зализняка, принадлежат к лингбийской традиции (Синицына, 1996; Залізняк, 1999).

Усть-Тудовка 1 по пыльце отнесена к молодому дриасу (Жилин, Кравцов, 1991), в культурном отношении — это один из ранних иеневских памятников (Сорокин, 1991). Есть, однако, и другие точки зрения (Залізняк, 1999; Жилин, Кравцов, 1991; Синицына, 2002).

Если оценивать нынешнее состояние источниковедческой базы, прежде всего, понятна ее узость и недостаточная представительность большинства имеющихся коллекций на фоне единичности естественнонаучных дат. Это реальность изученности эпохи финального палеолита на территории рассматриваемого региона. Столь же неопределенна часто и культурная принадлежность стоянок. В тех случаях, когда материал все же достаточен для атрибуции, выделяются стоянки культур Лингби (подольская культура — по Г.В. Синицыной), аренсбургской, иеневской и рессетинской. Возможно, было и население культуры Федермессер, но этот вопрос далек от своего разре-

шения. Есть и некоторое число своеобразных памятников, о культурной принадлежности которых из-за малочисленности или смешанности коллекций судить рано. Следует отметить и то, что признание присутствия памятников двух первых культур на территории Центральной России состоялось по существу лишь в последние годы (*Синицына, 1998, 2002; Залізняк, 1999, 2005; Сорокин, 2002; Васильев и др., 2005*). А плейстоценовый возраст двух последних вообще до сих пор вызывает оживленные споры (*Кольцов, Жилин, 1999; Жилин, 2004; Залізняк, 1999, 2005; Ксензов, 2006; Ostrauskas, 2006*).

Со всей очевидностью анализ позволяет констатировать лишь то, что в пределах рассматриваемой территории не было единства материалов. В финальном палеолите здесь существовало население разных археологических культур. Постараемся определить точнее, что же все-таки можно отнести к эпохе финального палеолита в бассейне Оки.

Прежде всего, следует сказать о следующем. Во время максимума Валдайского оледенения Поочье, как и практически вся Центральная Россия, не было покрыто ледником. А после 15000 лет назад регион перестал быть и «ближним приледниковьем» (*Динамика ландшафтных компонентов., 2002; Квасов, 1975; Палеогеография., 1982*). Следовательно, эта территория значительно раньше была доступна для заселения, чем, скажем, Балтийский регион. Разумеется, при том условии, что перерыв в ее заселении все же был. А обоснованные сомнения в этом отношении тоже имеются (*Восточный граветт, 1998*).

Освоение региона после максимума Валдая могло осуществляться потомками обитателей этих мест, живших здесь до максимума оледенения и переживших его, то есть населением костенковско-стрелецкой культуры или так называемым восточно-граветтским населением (timoновско-пушкаревское и хотылевско-гагаринское). Вместе с тем, не вызывает сомнения и тот факт, что с отступлением ледника и изменением ареала Приледниковья, аналогичная возможность возникала и у тех

групп, которые ранее не обитали на этой территории, в высоких северных широтах, а жили несколько южнее. Однако с расширением привычного для них «мира» получили возможность заселить и эту вновь образовавшуюся нишу. Последовательно освобождавшиеся от ледника пространства Восточной Европы были в прямом смысле бескрайними, особенно если рассматривать их в сравнении с вероятным количеством потенциальных насельников, которые могли реально включиться в этот процесс.

В литературе бытует мнение о «восточно-граветтском эпизоде» (*Восточный граветт, 1998*). Лишь Х.А. Амирханов не просто говорит о «длинной хронологии» восточно-граветтской традиции, и ее существовании в позднее ледниковье, но и продляет эту цепочку, по-видимому, вплоть до начала голоцена (*Амирханов, 1998, 2002, 2004*). Он полагает, что зарайская индустрия находит свое дальнейшее развитие в материалах позднеплейстоценовых стоянок Трегубово 2 и Колтово 7, которые в свою очередь нашли продолжение в материалах раннего этапа иеневской культуры (Умрышенка 3) (*Амирханов, 2004*). Если с первым тезисом, по-видимому, можно согласиться, то предположение о связи зарайской традиции и иенево явно не находит подтверждения в имеющихся материалах и противоречит тому, что высказано ведущими исследователями финального палеолита и мезолита (*Кольцов, 1996; Залізняк, 1999, 2005; Ксензов, 2006; Жилин, 2004*).

Л.В. Кольцов еще в 1970-1980-е гг. писал об участии «палеолита Десны в сложении волго-окского мезолита» (*Кольцов, 1977; Крайнов, Кольцов, 1979, 1983; Кольцов, 1989*) и склонен считать, что «проявления культуры лингби» тоже имеются в Волго-Окском бассейне (*Кольцов, 1996, 2006*).

В.В. Сидоров уже с конца 1980-х гг. неоднократно, правда чаще в устной форме, высказывал идею о финальноплейстоценовом возрасте некоторых иеневских материалов, однако в отличие от Х.А. Амирханова считает, что иеневское население было потомком выходцев с Алтая (*Сидоров, 2002*).

М.Г. Жилин говорит о присутствии в финальном палеолите региона не менее четырех традиций — эпиграветтской, постлингбийской, золоторучьинской и свидерской (Жилин, 2004). Проблему верхнепалеолитического наследия в финальнопалеолитическое время затрагивает в своих работах С.Н. Лисицын (2002).

Идею финально-палеолитического возраста памятников Валдайского поозерья активно отстаивает и развивает Г.В. Сеницына (Сеницына, 1994, 1996, 1997; 2000; Сеницына, Кильдюшевский, 1996; Васильев и др., 2005). Ею исследованы стоянки Подол 3, Баранова Гора и некоторые другие, возраст которых определен палинологическим методом концом эпохи ледниковья. На основе этих материалов ею выде-

лена подольская культура, наследующая лингбийские традиции.

Автором высказана идея о развитии хотылевско-гагаринской традиции населением рессетинской культуры (Сорокин, 1987, 1989, 2002, 2004, 2006; Sorokin, 1999). Эта же проблема рассматривалась и другими исследователями (Залізняк, 1999, 2005; Ксензов, 2006).

При всем многообразии мнений их все объединяет устойчивая тенденция поиска культурных связей в среде населения разных эпох. Хорошо также понятно, что дискуссионность вопроса определяется не только скудостью имеющейся источниковедческой базы, но и отсутствием в большинстве случаев естественнонаучных дат, а также неразвитостью теории. Остановимся на этом подробнее.

ПРОБЛЕМА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ДАТИРОВАНИЯ

«...иллюзорные представления о всеохватной мощи любых из методов столь же нелепы и вредны, как и огульное их отвержение».

Вагнер, 2006, с. 501

Геологическое датирование в Восточной Европе в настоящее время мало используется для объектов рассматриваемого периода. Оно дает широкий хронологический интервал и в силу своей общей неконкретности почти не используется при датировании памятников археологии сравнительно недавнего времени. Кроме того, здесь в лучшем случае может быть определен возраст вмещающих отложений, а никак не самих объектов, что в археологическом отношении часто бывает значительно важнее. Немногочисленные положительные примеры, как по Окскому бассейну, так и ближайшим окрестностям (Бутиков и др., 1999; Горелик, 2001; Бессуднов, 1996; Федюнин, 2006), картины не меняют. Даже наиболее приемлемые из них (Бутиков и др., 1999; Галимова, 1999; Горелик, 2001) страдают с археологической точки зрения известной неопределенностью и размытостью, не позволяя определять возраст памятников археологии с

точностью и до тысячелетия. Сказанное, без сомнения, непосредственно отражается на историко-культурных построениях.

Высокая точность радиоуглеродного метода делает его наиболее приемлемым в независимом датировании материалов. Однако, несмотря на более чем 100-летнюю историю изучения, ни для одной из Окских стоянок в настоящее время таких дат нет. В этой связи представляет интерес определить, не скрывается ли за этим, кроме финансовой, еще какая-либо объективная причина. Ибо и для верхнепалеолитических, и для мезолитических образцов средства все же находятся. Забегая несколько вперед, следует отметить: особенность финальнопалеолитических памятников такова, что далеко не всегда может быть получено достаточное количество навески образцов. Но с чем это может быть связано? В этом отношении геоморфология дает однозначный ответ: метаморфозы вызваны теми глобальны-

ми климатическими изменениями, которые происходили на рубеже плейстоцена и голоцена, и затронули как биоценозы, так человека и места его обитания. Вероятно, их-то и следует считать главным источником всех археологических бед. Постараемся определиться с этим подробнее.

В силу разных причин в настоящее время для датирования финальноплейстоценовых и раннеголоценовых памятников сравнительно широкое распространение получил палинологический метод (Сычева и др., 2004; Культурные слои, 2006; Спиридонова, Алешинская, 1998, 1999). Хорошо известно, однако, что ряд имеющихся определений противоречат друг другу и определяют разные рамки бытования одних и тех же в типологическом отношении материалов. Особенно не повезло в этом стоянкам иеневской культуры, разброс определений для которой колеблется от молодого дриаса до суббореала включительно (Кольцов, 1989; Кравцов, Спиридонова, 1998). Но на вопросах палинологии мы остановимся чуть ниже.

Высокая точность радиоуглеродного метода делает его наиболее актуальным в независимом датировании памятников археологии позднего времени. Нет сомнения, что ^{14}C точнее и надежнее палинологии и геологии. Вместе с тем, по-прежнему очень мало дат для памятников заключительного отрезка плейстоцена не только с территории Центральной России, но и вообще по Восточной Европе. Главная причина состоит в том, что в силу неких причин довольно стандартна ситуация, когда сами образцы для радиоуглеродного датирования брать неоткуда. В самом деле, основная масса финальнопалеолитических материалов залегает в таких условиях, где не просто отсутствуют привычные признаки культурных слоев, но нет и углей, или они присутствуют в виде отдельных редких вкраплений. Сбор этих разрозненных частиц — занятие не только трудоемкое, но и мало перспективное, так как в результате поправка оказывается шире нормы распределения или дата бывает сильно омоложена. Этому есть свое объяснение, ибо невозможно не только установить точное происхождение такого

«сборного» образца, но и доказать, что он относится к узкому периоду функционирования памятника.

Судя по всему, отсутствие кострищ и сооружений на памятниках финального палеолита связано, в первую очередь, с глобальными природными катаклизмами, изменением характера седиментации и формирования культурных слоев. Общее изменение климатических условий в конце ледникового времени считается установленным научным фактом (*Палеогеография Европы, 1982; Развитие ландшафтов, 1993; Величко и др., 1999; Динамика ландшафтных компонентов., 2002*). И раз так, постараемся разобраться точнее, как это сказалось на памятниках названного времени.

Изменение климатических условий и прекращение в позднее ледниковье лессообразования привело, судя по всему, и к замедлению скорости седиментации (*Палеогеография Европы., 1982; Динамика ландшафтных компонентов., 2002; Грибченко, Куренкова, 2006*). Лесс — значительно более легкая и «летучая» фракция, чем другие осадочные породы, такие как пески, супеси, суглинки или глины. Поэтому в условиях максимума ледниковья он мог переноситься ветром на значительные расстояния, и значительно быстрее покрывать поверхности тундр и перигляциальных степей — экологической ниши мамонтов, погребая под собой и стоянки палеолитического человека. Изменение климата и характера осадочных пород неизбежно должно было привести и к падению скорости седиментации.

Немаловажен и еще один глобальный процесс. Судя по всему, все более активное потепление приводило к формированию в зимний период значительного снежного покрова. Его бурное таяние весной вызывало смыв поверхностных, рыхлых отложений, пылицы, углей, органики и мелких артефактов. Причем совсем не обязательно, чтобы такие сбросы были ежегодными. Однако это имело неизбежные негативные последствия для первобытной археологии: культурные слои при этих катаклизмах не успевали сформироваться. Таким образом, теплые снежные зимы вызвали, по-видимому, не только гибель мамонтов и других

представителей «мамонтового фаунистического комплекса» (*Верещагин, 1976*), но и трансформацию археологических остатков, а в конечном итоге,— определили состояние самого археологического источника. Это обстоятельство, судя по всему, отразилось и на возможностях радиоуглеродного датирования археологических объектов финально-палеолитического времени.

Нет нужды говорить о том, что имеется значительное число мест, где осадконакопления вообще не происходило, и плейстоценовые, как и раннеголоценовые находки лежат практически на поверхности. Фактически, они спроецированы на одну плоскость. Но и там, где седиментация все же шла, совершенно не обязательно, что возникала значительная толща напластований, или эти слои имеют естественную структуру.

Немаловажно еще одно. Если исходить из того факта, что осадконакопление в условиях равнинных ландшафтов идет в целом весьма медленно, а в какие-то отрезки вообще не происходит (*Палеогеография Европы.., 1982; Динамика ландшафтных компонентов.., 2002; Грибченко, Куренкова, 2006*), из-за чего на дневной поверхности в течение столетий, если не тысячелетий, скапливаются и покоятся разновременные материалы, то и малочисленные образцы для радиоуглеродного датирования неизбежно должны проявлять тенденцию к «сосуществованию». Во-первых, сама возможность приходиться в разное время на одну и ту же дневную поверхность предполагает, что на ней могут скапливаться разновременные изделия и органика, часть которой впоследствии может использоваться для датирования. Вероятно, это может отражать тот самый широко известный эффект «разброса датировок для одного слоя». Во-вторых, на одних и тех же пространствах, все более зарастающих в голоцене лесом, периодически могли возникать локальные лесные пожары, разновременные угли от которых оказывались на одной и той же дневной поверхности, которая периодически становилась местом обитания человека. В-третьих, совершенно не изучен в этом отношении эффект углефикации древесины, которому

может подвергаться отнюдь не «археологическая органика», а та растительность, которая произрастала на памятнике позднее. Но если она служит в качестве образцов для датирования, то даты никакого отношения к возрасту слоя, разумеется, иметь не будут. В-четвертых, не играет особой роли и кривизна самой поверхности обитания, перепад высот на которой обычно составлял несколько сантиметров, ибо на склонах и косогорах человек, как правило, не жил. Да и саму поверхность перед заселением по нивелиру никто не выравнивал. Более того, трава в ходе вторичного заселения неизбежно вытаптывалась, а поверхность претерпевала известные разрушения и трансформации. Учитывая до сих пор господствующую методику раскопок по условным горизонтам, из которых минимальный составляет 5 см, получаем усреднение, сопоставимое с «точностью» палинологических образцов (*Сорокин, 2006*). Это, в первую очередь, касается тех из них, уголь для которых собирается «по простирацию», что на практике для финальнопалеолитических стоянок имеет место наиболее часто. Не лучше, однако, дело обстоит и в тех случаях, когда берется заполнение самих кострищ. Ибо высотные отметки слившихся планиграфически разновременных кострищ также мало различаются между собой, как и позиция каменных материалов. «Спроецированная на дневную поверхность история» — плоская и единовременная. Фактически, у нас нет инструментов для «разведения во времени разновременных кострищ», ибо то, что мы раскапываем и в литературе называем «структурой», таковой не является. Археологическое «единство составляющих», иначе структура,— это, вопреки мнению А.Е. Кравцова (*2002, 2004*), плод воображения полевого исследователя, но никак не «жесткая кристаллическая решетка элементов», образующих фиксируемое единство (*Wood, Johnson, 1978*). Поэтому и «плавают» датировки слоев, жилищ, ям и других сооружений. Медленная седиментация неизбежно провоцирует все эти результаты.

Таким образом, без надежной стратиграфии доказать принадлежность конкретных образцов к слою практически невозможно. А это

означает, что они датируют в лучшем случае лишь свой собственный возраст. Нужно учитывать и тот факт, что угли на дневной поверхности долго не хранятся. Они или разрушаются и исчезают, или перемещаются в почвенный слой. Если сформировались перекрывающие отложения, и в них оказались угли, скорее всего, они были вымыты в слой или оказались в нем в результате педотурбации. Из-за этого датировки могут быть существенно омоложены и не соответствовать реальному возрасту находок, находящихся в том же горизонте или слое. Более того, в случае погружения в грунт эти перемещенные угли будут неизбежно омолаживать и подстилающие отложения. И это тоже надо воспринимать как объективную реальность. Надежной может быть лишь хронология, которая построена на серии анализов, сделанных по образцам из разных слоев хорошо стратифицированных памятников при условии однозначной привязки этих образцов к конкретным документированным местам. И лучше, если эти образцы будут браться из конструкций, находки которых возможны на торфяниковых памятниках, где, кстати, и стратиграфия присутствует чаще и значительно выразительней, чем на дюнных или террасовых стоянках. Впрочем, и с торфяниковыми объектами, как показывает опыт, тоже далеко не все просто. Например, разброс радиоуглеродных дат для помоста, зафиксированного в слое 7 стоянки Замостье 5 на Заболотском торфянике, составил 1000 лет.

Довольно часто забывается и о возможности вторичного использования одних и тех же мест для сооружения кострищ. Практика показывает, что грунт вокруг кострищ более вытоптан и плотен, а в пределах кострища из-за прокаленности заполнения сильнее уплотнен, поэтому такие места хуже зарастают и, напротив, быстрее и лучше просыхают. Это обстоятельство может быть немаловажным при сырой погоде и «провоцировать» их вторичное использование. Кроме того, огонь повсеместно использовался в качестве «очищающего» средства, и эта его особая роль также гарантирует неоднократное использование одних и тех же кострищных пятен. Хотя, безусловно,

имеются этнографические свидетельства и противоположного свойства, когда ранее заселенное место воспринимается как оскверненное и на него накладывается табу (*Бернд Р., Берндт К., 1981*). Вместе с тем, в случае наложения разновременных кострищ друг на друга однородность их заполнения исключает возможность их «археологического разведения во времени», но реально провоцирует эффект разброса датировок.

Небезынтересно и то обстоятельство, что тогда, когда количество дат ограничивается одной-тремя, всегда можно логически объяснить несуразность той даты, которая «отскакивает» и не укладывается в существующие представления о памятнике. Практика, однако, со всей очевидностью показала, что в том случае, когда число дат возрастает до десятка, они неизбежно распадаются надвое или натрое. Так было и с Сунгирем, и с Авдеево, и даже с Зарайской стоянкой. Более того, даты, полученные по разным ребрам одного и того же индивидуума из Сунгирия «разлетелись» на несколько тысячелетий, что превышает стандартную погрешность самого метода. Причем, несмотря на всю тщательность раскопок и чистоту обработки образцов, в ряде случаев бывает очень сложно объяснить, почему кучность дат падает, разброс возрастает, а каменный инвентарь на протяжении нескольких тысяч лет остается одним и тем же (*Gvozdover, 1999; Амирханов, 2000*).

Действительно, период повальной веры в непогрешимость радиоуглеродных датировок миновал, и теперь неизбежно встают проблемы другого рода. И среди них часто возникает недоуменный вопрос: а что мы все же датируем? Время функционирования конкретного поселения, природную событийность или вообще конкретные образцы, не имеющие никакого отношения к эпизодам обитания?

Не меньше вопросов возникает и тогда, когда мы обращаемся к палинологическим определениям возраста. Прежде всего, встает все тот же вопрос: а что мы определяем — возраст отложений, из которых взяты те или иные образцы, вещи, заключенные в соответствующих слоях, или все же нечто иное, например, уро-

вень вымывания пыльцы в пограничные горизонты? Разумеется, в последующих рассуждениях речь будет касаться не флористических или технических особенностей палинологического метода, с которыми автор знаком лишь понаслышке, а исключительно об археологических проблемах, возникающих в связи с его использованием.

Полевой археологический опыт показывает, что находки на финальнопалеолитических и мезолитических стоянках начинают встречаться уже на современной дневной поверхности. При этом мощность культурного слоя большинства мезолитических и, вообще, голоценовых памятников составляет всего 20-25 см. Во всяком случае, она, как правило, не достигает и 50 см. А уж те памятники, слои которых составляют в толщину¹ 1 и более метров, насчитываются буквально единицами. Можно также заметить, что значительная мощность отложений сопряжена, как правило, с участками шлейфов или дюнных гряд, то есть, такими элементами рельефа, формирование которых, по сути своей, катастрофично. А стоянки в своей массе обладают как раз тонкими, плохо выраженными слоями.

Более того, все «поздние» памятники отличаются от более древних, верхнепалеолитических, прежде всего тем, что они чаще всего вообще не перекрываются никакими отложениями и залегают практически на современной дневной поверхности. Тогда как верхнепалеолитические слои бывают перекрыты мощным плащом отложений. Например, культурные слои стоянок Авдеево (*Gvozdover, 1999*), Елисеевичи (*Величко и др., 1997*), Тимоновка 1 и 2 (*Величко и др., 1977*) покоятся на глубине около 1 м, Супонево и Костенок 1 (в. с.) — на глубине около 2 м. Слои стоянок Гарчи, Сунгирь, Межиричи, Юдиново и некоторых других перекрыты трехметровым слоем лесса, а Хотылево 2, Пушкарей 1, Кирилловской и Погона — 4-5 метровой толщиной (*Квартер, 2005; Грибченко, Куренкова, 2006*) и т. д.

Как известно, протяженность голоцена определяется, примерно, в 10000 лет (*Хотин-*

ский, 1977; Голоцен., 1978; Палеогеография Европы., 1982; Развитие ландшафтов., 1993; Динамика ландшафтных компонентов., 2002). Разумеется, эта точка зрения не единственная (*Нейштадт, 1957*), но здесь мы будем исходить из общепринятого в настоящее время (*Хотинский, 1977; Динамика ландшафтных компонентов., 2002*). Если считать скорость седиментации постоянной, то легко, зная мощность слоя, подсчитать, какая толща отложений нарастает за условную единицу времени. Ограничимся лишь вышеприведенными цифрами. В первом случае, когда толщина культурного слоя равняется 25 см, в 1 см отложений будет «заключен» отрезок в 400 лет. Следует особо подчеркнуть, что этот интервал наиболее массовый, поэтому в отношении седиментации он может рассматриваться как монотонный и эталонный. Во втором, когда мощность составляет около 50 см, 1 см отложений будет формироваться не менее чем за 200 лет. Абстрагируясь от «экстремальности» третьей цифры и рассматривая ее тоже в виде некой постоянной величины, получим, что 1 см формируется за 100 лет.

Поскольку усредненный образец для палинологического анализа имеет мощность 5 см (*Сычева и др., 2002; Культурные слои., 2007*), значит, его пачка в первом случае включает 2000 лет, во втором — 1000 лет и в третьем — 500 лет. Важно также отметить, что и в тех случаях, когда образцы берутся «по простирающую», а подобная методика все шире используется в последние годы (*Леонова Н., 1999; Леонова Н. и др., 2006; Культурные слои., 2007*), толщина «взятия» на практике составляет не менее 2 см. Оставим в стороне вопрос, насколько подобная методика вообще корректна? Воспользуемся лишь количественными данными. В итоге для каждого из стандартных интервалов осадконакопления это приводит к цифрам в 800, 400 и 200 лет. Эти несложные расчеты показывают своеобразную фактическую точность палинологического метода. Следовательно, со всей очевидностью можно утверждать, что «шаг в 200-300 лет для изме-

¹ На практике, правда, чаще встречаются памятники, перекрытые отложениями соответствующей мощности.

рения климатических колебаний», предложенный для возраста палинологических образцов Е.А. Спиридоновой (*Спиридонова, Алешинская, 1996, с. 65*), существенно превышает допустимый расчетный предел точности самого метода, рассчитанный по монотонным и эталонным данным. Тем более нельзя согласиться с цифрами в 100-150 лет (*Спиридонова, Алешинская, 1996, с. 67*).

Вышеприведенный расчет со всей очевидностью подтверждается и данными по верхнепалеолитическим памятникам. Пересчет сведений по памятникам Русской равнины, прилегающих к полигону исследования, показывает, что скорость отложения 1 см лесса на Сунгире равняется приблизительно столетию (*Сулержицкий, 2004; Грибченко, Куренкова, 2006*), стоянке Хотылево 2 составляет порядка 85 лет (*Величко и др., 1999, с. 26*), в Пушкарях 1 — около 200 лет (*Величко и др., 1999, с. 28*), в Елисеевичах — примерно 115 лет (*Величко и др., 1999, с. 29*), Тимоновке 1 — порядка 100 лет (*Величко и др., 1999, с. 32*). И, наконец, в Зарайске они соответствуют примерно 90-120 годам (*Величко и др., 1999, с. 45*). А лесс, как мы помним, это летучая фракция, гораздо более легкая, чем песок и даже супесь. И скорость его накопления существенно выше, чем глины или песка.

Аналогичные сведения для некоторых других верхнепалеолитических памятников можно почерпнуть и из другой литературы, как естественнонаучной, так и археологической (*Громов, 1948; Квартер..., 2005; Грибченко, Куренкова, 2006; Палеолит СССР, 1984*). Они не противоречат приведенным цифрам и отражают, следовательно, общую тенденцию и скорость седиментации. В то же время, как мы помним, 1 см песчаных отложений стандартно формируется за 500 лет.

Таким образом, основываясь на этих данных можно предположить, что расчетное падение скорости осадконакопления на рубеже плейстоцена — голоцена составило достаточно ощутимую разницу. Замедление темпов

произошло, примерно, в пять раз. Разумеется, эта величина должна быть проверена на более значительном массиве, но на характере самого вывода это вряд ли скажется. Замедление скорости осадконакопления — явление реально существующее, и оно не могло остаться незамеченным в судьбе археологических источников. Что мы со всей очевидностью и констатируем, изучая объекты заключительной поры каменного века. Причем поверхностное залегание артефактов — яркое тому подтверждение.

Нелишне отметить и тот факт, что, по утверждению Ю.Н. Грибченко², «профили археологических памятников совершенно не похожи на профили кернов, взятых вне стоянок, но в непосредственной близости от них и в одинаковых геоморфологических условиях», да и мощность у них разная (*Грибченко, Куренкова, 2006*). Это наблюдение имеет очень важное значение, так как отражает некое весьма специфическое свойство, которым обладает археологический культурный слой. Ниже будет показано, что эта особенность состоит в том, что он служит своеобразной помехой или «ловушкой» как для пыльцы и фауны, так, вероятно, и для изменения скорости гумификации отложений (*Березуцкий, Разуваев, 2004*).

Несоответствие спектров естественных профилей и археологических отмечает и Е.А. Спиридонова, когда она пишет: «...формирование спорово-пыльцевых спектров на археологических памятниках и в естественных разрезах имеет существенные различия. Спорово-пыльцевые комплексы естественных разрезов отражают в значительной степени зональный тип растительности, характерный в целом для крупных регионов (географических зон). При формировании спорово-пыльцевых спектров на стоянках большое влияние оказывает не только зональная, но и локальная растительность, связанная главным образом с деятельностью человека (*Спиридонова, Алешинская, 2004, с. 33*). Интересно и то, что с возрастом количества палинологических

² Доклад Ю.Н. Грибченко на заседании Отдела каменного века Института археологии РАН, прочитанный в ноябре 2004 г.

колонок на одном и том же памятнике, они не только перестают корректно коррелироваться между собой, но и прямо противоречат друг другу (*Balabina et all., 2003; Грачева и др., 2006*).

Факты о скорости осадконакопления, изложенные выше, лишней раз приводят к выводу о том, что находки разных времен и народов, посетивших в разное время одно и то же место, могли откладываться на одной и той же дневной поверхности. В результате их археологическое сосуществование в одном горизонте или слое осуществляется по факту общего местоположения, а никак не времени или взаимных связей людей (*Сорокин, 2002*).

На самом деле, осадконакопление шло, по-видимому, еще медленнее, чем приведенные цифры. Ибо то, что археологически заключено даже в метровую толщу, на практике отражает лишь разброс изделий по вертикали из-за многочисленных видов педотурбации от нормы их распределения (стандартного «плотного» максимума), соответствующего древней дневной поверхности (*Wood, Johnson, 1987*). И является по существу таким же допущением, как и любая другая статистическая величина, например, величина полураспада ^{14}C , циклы флуктуации солнечной активности и т. д., и т. п. (*Вагнер, 2006*). Но проверить истинность этих расчетов ни один человек на практике, по-видимому, не в состоянии.

Следует обратить внимание и еще на одно немаловажное обстоятельство. Констатирован, но детально не изучен для исследуемого региона и эффект Билингенской катастрофы. А ведь всеобщее потепление, таяние Скандинавского ледника и, наконец, соединение Балтийского моря с океаном в результате прорыва в 8213 г. до н. э. не просто привели к падению Балтики на 30 м, но и к общему значительному подъему уровня всего Мирового океана (*Квасов, 1975; Зализняк, 1991; Динамика ландшафтных компонентов..., 2002*). Произошли изостатические изменения ландшафта, радикально изменилась гидрография речной сети, поменялось направление стока многих рек. Наконец, не исключено, что в результате подвижки платформенных плит усилилась вулка-

ническая и сейсмическая активность. Эти катаклизмы сказались, безусловно, не только на территориях Прибалтики или Скандинавского полуострова, но и имели глубокие последствия для всей Северной Евразии. Не исключено, что все это в совокупности, наряду с изменением характера седиментации, могло иметь катастрофические последствия для всех поверхностных объектов, которыми в значительной мере оставались стоянки человека этого периода. Судя по всему, эта природная совокупность и стала той объективной причиной, которая непосредственно сказалась на финально-палеолитических памятниках, вызвала те необратимые изменения в их структуре, которые фиксируются археологически. Хотя специальных исследований, нацеленных на археологические объекты по-прежнему недостаточно (*Воробьева и др., 1999; Бердникова и др., 2005*), но есть все основания полагать, что изменения эти носили объективный характер, были радикальны и неизбежно в силу этого сказались на качестве источника и всех его составляющих.

С наступлением голоцена, становлением современной зональности и общим усилением процессов почвообразования картина изменяется. Создаются условия для формирования выраженных культурных слоев и лучшей сохранности заключенных в них объектов и материалов. Да и более оседлый быт, и большее количество органики, оставляемой на местах обитания, способствовали тому же. Недаром в ряде случаев мезолитические стоянки действительно значительно выразительнее финально-палеолитических.

Представляется очевидным, что «максимум плотности распределения находок» на первобытных памятниках в массе своей соответствует дневной поверхности времени обитания, а взвесь — «облако распределения находок» — чаще связана не столько с жизнедеятельностью людей, сколько последующим перемещением артефактов за счет природных факторов. И это постпозиционное воздействие в ряде случаев более глобально, чтобы не сказать фатально, в том реальном распределении материала, которое фиксируется полевым исследователем. Нет сомнения, что реальная толщина

слоя артефактов, скапливавшихся на древней дневной поверхности, была существенно меньше той, которая фиксируется археологически.

Не лишним будет отметить и то обстоятельство, что предметы, обладающие значительными габаритами (крупные кости, каменные желваки, нуклеусы, рубящие орудия и т. д.), в силу своего объема больше «выступают из слоя». Следовательно, эти массивные предметы при стандартной седиментации могут быть «современниками» тех изделий, которые оставлены значительно позже. Хотя данное обстоятельство требует, безусловно, экспериментальной проверки, ибо хорошо известен эффект возникновения «курганообразных» насыпей вокруг пней деревьев. Что-то аналогичное могло происходить и с габаритными изделиями. И это тоже требует экспериментальной проверки и осмысления.

Нелишне вспомнить, говоря о скорости седиментации, и такие известные полевые факты, как присутствие котлованов жилищ, которые в некоторых регионах России (Карелия, Среднее Поволжье, Приуралье, Сибирь и т. д.) до сих пор просматриваются на поверхности. Хотя все они были сооружены еще в мезолите или неолите (*Панкрушев, 1978; Никитин, 1996, 1999; Палеолит СССР, 1984; Мезолит СССР, 1989; Археология: неолит..., 1996*). Таким образом, время, заключенное в археологические слои, и рельеф связаны между собой, но изменяются по-разному, каждый по своим законам. И понять эти закономерности необходимо, если мы хотим осознать объективные законы археологического бытия.

В этой связи заслуживает внимание и еще один эффект, с которым знаком каждый полевой исследователь и, тем не менее, остающийся без должного осмысления. Он состоит в следующем. Когда в разведке, выбирая место на ночлег, после тяжелого пешего маршрута археолог ставит на землю рюкзак, и рядом с ним неожиданно находит отщеп или черепок, он неизменно радуется своей находке. Ведь обнаружен еще один памятник. И каждый, кто испытывал это чувство, хорошо понимает это. Разумеется, я утрирую ситуацию, тем не менее,

это необходимо, чтобы взглянуть на привычные вещи и процессы «со стороны». Так вот, если на то же событие взглянуть «со стороны», то можно заметить нечто ранее ускользавшее из поля зрения. Две вещи из абсолютно разных эпох — рюкзак и отщеп,— разделенные между собой тысячелетиями, оказались в одном измерении: «современниками». Как это ни странно звучит, но в тех случаях, когда мы находим на поверхности древние артефакты, это означает, что событийность нарушена. Да, это парадоксально, и, тем не менее, это факт. Нет ни одного полевого исследователя, ходившего в разведку, который хоть однажды не попадал бы в аналогичную ситуацию. Однако за этой банальностью стоит, тем не менее, гораздо большее. Не только то, что по вине неведомых сил (на самом деле все хорошо известно — это почвенные, то есть природные процессы) часть артефактов оказывается перемещенной на современную дневную поверхность, но и в корне нарушена вся событийность. Значит, волею природы могут происходить такие метаморфозы, когда вещи начинают «жить сами по себе». То есть они могут быть совмещены в пространстве-времени, и быть доступны исследователю разом (одновременно), вне зависимости от срока их производства и бытования. И этот феномен следует принимать как данность, некую объективную реальность, причем верную не только для современности, но и любого другого исторического отрезка. Даже такого, в котором не было археологов, умеющих не просто находить, но и пытающихся разобраться, почему это происходит?

Но если в случае с рюкзаком и отщепом механистичность природы явления очевидна, то будет ли столь очевиден тот же эпизод через 500 или 1000 лет, когда сам рюкзак истлеет, и некое его «археологическое» содержимое окажется рядом с тем же отщепом? Будет ли событийность всегда столь очевидна, если мы имеем дело с двумя разными отщепами или черепками? И всегда ли, не покривив душой, мы можем отличить («развести во времени») археологические предметы, возраст которых нам неизвестен или известен лишь приблизи-

тельно?! Археологическая практика показывает: не всегда. Значит, «не все так просто под Луной» и совместное нахождение, как и залегание, предметов в момент обнаружения археологом еще совершенно не означает одновременности их реального бытования. Хорошо известно сколько синкретических культур было выделено и с течением времени была доказана их несостоятельность (Сорокин, 2002; Жульников, 2006). Видимо, пора учиться на своих и чужих ошибках. Таким образом, наши полевые наблюдения в ряде случаев могут быть очередным обманом, иллюзией, миражом, а никак не объективным фактом, подтверждающим взаимосвязь обнаруженных вещей или объектов. Сугубо в археологическом плане это должно означать лишь одно: взаимовстречаемость вещей надо не констатировать, исходя из личного полевого опыта, а всякий раз доказывать. Выяснять, устанавливать и доказывать закономерность их совместного залегания не только на поверхности, но и в слое даже хорошо стратифицированного памятника. Никакое полевое наблюдение нельзя принимать как данность, напротив, к нему всегда следует подойти с вопросом: а с чем в конкретном случае мы имеем дело, с механическим смешением или реально бытовавшим комплексом?

С подъемным материалом, без сомнения, хорошо знаком каждый полевой исследователь. Но от его обыденности до осознания неслучайности его залегания на дневной поверхности памятника, как и от падающего яблока до закона Ньютона, — «дистанция огромного размера». Тем не менее, и подъемный материал — это производное всеобщей закономерности. Ее отражением служат три феномена: 1) неизбежность трансформации культурного слоя любого памятника и пространственного перемещения артефактов; 2) объективность механического смешения материалов и объектов; 3) закономерность «спрессованности» ряда событий и артефактов во времени.

Как показывает опыт, эта «компрессионность» — явление рядовое и закономерное, а отнюдь не экстраординарное или исключительное. «Феномен подъемного материала» есть проявление глобальных природных,

прежде всего почвенных, процессов и отражение низкой стандартной скорости седиментации. Круг по существу замкнулся: отсутствие перекрывающих отложений для изучаемых первобытных памятников зандровой зоны не случайность, а закономерность. И без учета сказанного никакая археологическая реконструкция не может быть достоверной и объективной.

Вернемся, однако, к вопросам палинологии. Археологический материал, а здесь нужно, без сомнения, учитывать не только нетленные каменные остатки, но и не сохраняющуюся к моменту раскопок органику — это для пыльцы своеобразный «пограничный горизонт», особая «ловушка», где она осаждается и концентрируется. Органические материалы в этом процессе тоже необходимо учитывать, ибо на момент «прижизненного формирования источника» именно они составляли основную массу остатков (отходов производства и жизнедеятельности), скапливавшихся на поверхности и становившихся основой культурного слоя, его заполнителем. Более того, гниение органики всегда создает удобную питательную среду не только для разнообразных живых организмов, но и для пыльцы, что, в конечном счете, способствует ее сохранению, накоплению и, вероятно, консервации.

Любой археологический памятник — место экстремальной концентрации материалов, ибо здесь помимо природных компонентов, которые естественным путем откладываются повсеместно, за сравнительно короткий срок накапливаются еще и те, которые были непосредственно принесены сюда человеком, обеспечивали его жизнедеятельность и трансформировали естественные процессы осадконакопления и «организации пространства» (ландшафта). Заселение любого места и, как итог, появление культурного слоя — археологического маркера обитания человека — неизбежно приводит к тому, что этот искусственно создаваемый объект становится эпицентром природного притяжения, зоологической, химической и иной активности, а также участком (местом) концентрации остатков, в том числе и палинологических. Таким образом,

культурный слой со всем его содержимым реально является объективной помехой для проникновения пыльцы вглубь отложений. Причем это относится как к той пыльце, которая откладывалась синхронно с археологическим материалом, так и значительно более поздней. По-видимому, разная структура, плотность и «заполненность» естественных напластований, и тех, которые возникли непосредственно в результате человеческой деятельности, как раз и объясняют эффект «несоответствия профилей», подмеченный Ю.Н. Грибченко и Е.А. Спиридоновой (*Спиридонова, Алешинская, 1998; Грибченко, Куренкова, 2006*).

Экстремальная «тонкость» культурных слоев голоценовых и финально-палеолитических памятников, их разная насыщенность неизбежно приводили к тому, что вmyаемая в них пыльца распределялась неравномерно, не по всей толще. А осаждалась на разных уровнях имеющихся в них пограничных горизонтов. Естественно, до палинолога доходят лишь абсолютно ничтожные количества «зерен» из числа, некогда попавших в слой. При этом сравнительно молодая пыльца, проникающая в породу, неизбежно численно преобладает. Безусловно, ее распределение по вертикали неравномерно, но часть неминуемо перераспределяется с поверхности вниз и откладывается (осаждается) на имеющихся в породе пограничных горизонтах и находках. При этом одновременно значительное количество пыльцы исчезает, и чем больше проходит времени, тем меньше ее в слое остается. Поскольку пыльца выпадает ежегодно и с возрастом остающееся количество пропорционально уменьшается, легко представить ситуацию, когда в ходе этого процесса происходит последовательное замещение древней пыльцы пыльцой молодой, то есть возникает эффект «омоложения спектра». Такие факты очевидны, когда реликтовую пыльцу отделяет от поздней значительный хронологический интервал. Но могут ли палинологи установить эффект омоложения для последовательно расположенных климатических периодов, когда изменения накапливаются перманентно и монотонно, а слои земли «не растут»? Судя по всему, нет, ибо сам

способ отбора образцов через известные промежуточные необходим им для того, чтобы отсечь подобный эффект и «проявить» накапливающиеся изменения. А, значит, сказанное лишним раз подтверждает то обстоятельство, что на минеральных грунтах объективно можно уловить лишь глобальные, значительно разнесенные во времени, климатические колебания и маркирующие их спектры растительности, не рассчитывая при этом на дробность и «узость» палинозон.

Выпадение пыльцы происходит ежегодно и, по сути своей, это процесс если не перманентный, то длительного действия. Ежегодно она разносится воздушными массами, выпадает и остается на поверхности земли, вmyается и проникает в почвенный слой, перераспределяется в нем по вертикали и горизонтали, уничтожается и лишь в отдельных случаях прорастает, давая жизнь потомству. Та пыльца, которая осаждается в породе и оказывается в грунте позднее, неизбежно дополняет или даже замещает пыльцу, попавшую туда раньше. С течением времени происходит изменение климата и растительного покрова. Если поздняя пыльца оказывается на том же уровне, что и более древняя, а это на «открытых памятниках» неизбежно, происходит неизбежное омоложение спектра. Если седиментация идет монотонно, то и накопление пыльцы в идеале должно быть таким же последовательным. Но в том-то и дело, что оба этих процесса, хоть и взаимосвязаны, но разные по своей сути. Ибо накопление минеральных грунтов происходит вне зависимости от характера растительности и чрезвычайно медленно, причем толщина культурных слоев достаточно красноречиво отражает этот факт. А пыльца — явление сезонное, хотя и отлагается ежегодно в астрономических количествах. Но сохраняется из нее не та, которая остается на поверхности или прорастает, а та, которая попадает в породу и «омертвляется» в ней. И уровни, на которых она откладывается, разные и определяются характером и структурой последней.

Эти «сгустки плотности» или «уровни концентрации» как своеобразные ловушки служат пограничными горизонтами в течение дли-

тельного времени. И их реальный состав будет определяться как количеством сохранившейся более древней, так составом и разнообразностью молодой пыльцы. Важно и то, что «горизонты концентрации» отличаются по своим высотным отметкам, то есть одновременная пыльца в силу множества причин может откладываться на разных уровнях. В качестве горизонтов концентрации могут служить не только естественные образования, но и, что особенно важно, артефакты. А «пустыми» по свидетельству палинологов чаще оказываются образцы, подстилающие находки. Со всей очевидностью следует отметить, что отсутствие пыльцы в ряде образцов отражает не только возможный перерыв в накоплении отложений, но и подтверждает предположение о реальности разных горизонтов ее накопления и необходимости учета этого феномена. Чего на практике не бывает. Тогда возникает вопрос: что же в таком случае датируется? Не говоря уже о воздействии педотурбации, особенно зоотурбации, когда даже обычные черви за несколько лет полностью перемешивают почвенный слой, наиболее приспособленный для сохранения пыльцы, и способны перемещать не только грунт, но и артефакты (*Докучаев, 1949; Wood, Johnson, 1978; Александровский, 2003; Стриганова, 2005; Бобровский, 2005*).

Таким образом, «нормальные» палинологические спектры возможны или вне мест проживания человека или в условиях быстрого осадконакопления, как это имеет место в пойменных и аллювиальных отложениях или торфяниках. Не исключено это и в горных условиях. Периодическое затопление поймы и стабильное приращение мощности торфяных отложений на Русской равнине создают вполне реальную возможность консервации пыльцы в четких стратиграфических условиях. А в конечном итоге — получение естественной колонки отложений, чего, по-видимому, в принципе не может быть на террасах и водоразделах. Хотя и здесь все существенно сложнее, чем того бы хотелось (*Грачева и др., 2006*). Ибо даже в шлейфах, скорость формирования которых максимальна для равнинных условий, практически сезонна, никогда нельзя быть уве-

ренным, не смыло ли в результате очередного паводка предшествующие напластования, и не сыграла ли с нами теперь уже «четкая» стратиграфия очередную злую шутку?!

Все сказанное неизбежно приводит к нескольким важным выводам:

1. Природные процессы, кардинально изменившиеся в конце позднего ледникового, создали совершенно новую ситуацию, в корне повлиявшую на весь облик памятников археологии. Они носили объективный характер и со всей неизбежностью привели к изменению их структуры и степени сохранности всех материальных остатков, как изучаемых методами археологии, так и естественнонаучными дисциплинами. Этому же способствовали и радикальные хозяйственные изменения и образа жизни населения финального палеолита и мезолита.

2. Достоверно установлено изменение характера седиментации и резкое замедление темпа седиментационных процессов в позднем плейстоцене. Окончательной границей этого служит рубеж плейстоцена — голоцена.

3. Археологический слой формируется в основном после времени реального обитания на памятнике, и структура памятника определяется не столько «прижизненной» ситуацией, сколько его постпозиционной историей.

4. Малочисленность естественнонаучных данных для определения возраста финально-палеолитических памятников связана, прежде всего, со скоростью формирования культурных слоев и условиями их сохранности.

5. Образцы, взятые из одного слоя или объекта, могут в ряде случаев не иметь отношения ко времени их бытования и попали туда в результате педотурбации или иных нарушений слоя.

6. В пределах одного и того же кострищного пятна могут быть разновременные объекты, поэтому в тех редких случаях, когда они имеются на памятниках, разница в датировках может объясняться не столько недостоверностью образцов, сколько их принадлежностью к разным «горизонтам» одного и того же «спрессованного» археологического объекта.

7. При стандартной скорости седиментации погребение артефактов происходит далеко не сразу, а в течение длительного времени, поэтому и пыльца, которая наслаивается поверх археологического материала, заведомо омолаживает эти отложения. Это же относится и к радиоуглеродным образцам.

8. Уровни концентрации пыльцы определяются характером отложений, составом почвенных процессов и промывным режимом, а также составом и объемом артефактов, заключенных в слое.

9. Пыльца откладывается каждый сезон и то, что попадает в грунт, оказывается, по преимуществу, в почвенном слое, который наиболее подвержен разного рода турбациям, что неизбежно, помимо других причин, должно приводить к ее смешению. Таким образом «чистота» палинологических и радиоуглеродных образцов, как и всего археологического материала скорее случайна, чем закономерна. И связана она, как правило, с катастрофическим осадконакоплением, а не с монотонным отложением слоев.

10. Соотношение палинологических спектров и радиоуглеродных образцов с культурными слоями памятников археологии в каждом случае должно быть предметом отдельного изучения.

11. Наличие «молодых» дат, полученных естественнонаучными методами, для слоя, включающего древние формы, не следует считать бесспорным основанием омоложения последних. Возраст может быть установлен лишь комплексно.

12. Вещества и объекты, используемые для радиоуглеродного датирования и служащие естественными компонентами культурного слоя, подвержены всем метаморфозам, которые испытывает и сам слой. Их пространственное и стратиграфическое совмещение не обязательно соответствует одновременности бытования и должно быть предметом специального изучения.

13. Радиоуглеродный анализ не обладает абсолютной непогрешимостью. Но наименее корректен для минеральных грунтов все же палинологический метод.

14. Возраст палинологических и радиоуглеродных образцов не обязательно соответствует возрасту культурного слоя и находок, в нем заключенных, поэтому их синхронность требует обязательного доказательства.

15. Медленная седиментация неизбежно поддерживает стандартную ситуацию, когда дневная поверхность длительное время одна и та же, и на ней долгий срок могут сохраняться «в открытом виде» разновременные изделия различных эпох. Самой природой стандартно поддерживается ситуация «контактов вещей», а не людей, их изготавливающих. Наиболее ярким археологическим воплощением этого феномена служит подъемный материал, в котором, как правило, представлены изделия всех времен и народов, обитавших на конкретной территории. Классическим выражением этого служит и феномен натурации (*Сорокин, 2000, 2002*).

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, следует со всей определенностью сказать: критическое отношение к источнику, в том числе и естественнонаучным данным, не только необходимо, но и обязательно. Доказательство соотнесения конкретных образцов со слоем и археологическими находками должно быть атрибутом любого археологического исследования.

А теперь конкретный археологический вывод из всего сказанного. В связи со всем вышеизложенным есть все основания полагать, что маловыразительность облика финальнопалеолитических и мезолитических памятников и поверхностное залегание материалов, отсутствие или малочисленность палинологических определений и радиоуглеродных дат, а тем более их «молодой» возраст, не могут служить решающим аргументом при определении хронологической позиции конкретных коллекций. Если западноевропейские аналоги имеют плейстоценовый возраст, то и восточноевропейские материалы должны быть того же времени. Идеи не могут существовать сами по себе, без конкретного носителя — человека неопределенно долго. Знания в каменном веке передается от человека к человеку, то есть в одни и те же, по существу синхронные, эпизо-

ды обитания. Они не могут оставаться на любой территории сами по себе и быть генераторами культурных процессов. А если это и происходит, то в результате феномена натурации и стандартной профессиональной особенности археологов-практиков воспринимать как данность полевые наблюдения, совершенно не вдаваясь в то, почему и как это произошло?!

В процессе решения проблемы финального палеолита обращает на себя внимание и еще одно немаловажное обстоятельство. Если количество мезолитических памятников только в Волго-Окском бассейне насчитывает свыше тысячи, то финальнопалеолитических числится менее четырех десятков. Причем большинство из них естественнонаучных дат вообще не имеет. Конечно, увеличение населения по мере исторического развития и, следовательно, воз-

растание числа памятников — это объективный фактор, но может ли быть нормальной подобная диспропорция? Тем более что длительность финального палеолита несколько превышает протяженность по времени мезолит. Или дело все-таки в чем-то ином? И виноваты не вещи, а те методы, которыми мы их пытаемся датировать? И даже не столько сами методы, сколько наша вера в их непогрешимость?! Как известно, правильное решение практического вопроса чаще всего начинается с применения верной теории. Исходя из сказанного, ниже предлагается один из вероятных вариантов решения проблемы финального палеолита в регионе. Особенностью этой эпохи служит, как известно, доминирующая роль такого специализированного животного, как северный олень (*Clark, 1936, 1975, 1980; Tautе, 1968*).

АДАПТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

«...симбиоз человека и оленя возник еще в эпоху Великого оледенения».

А. Никитин, 1986

«Культурная пестрота», которая прослеживается в финальном палеолите Центральной России даже по имеющимся не очень выразительным и малочисленным материалам, хорошо объяснима из экологии заключительной фазы плейстоцена. Исчезновение мамонтовой фауны и наступление «века северного оленя» (*Clark, 1975, 1980*) неизбежно должно было привести к тому, что часть обитавшего здесь населения должна была перейти к специализированной охоте и постоянно вести кочевой образ жизни. Как абсолютно справедливо написал Е.Е. Сыроечковский — отечественный эколог и крупнейший знаток этологии северного оленя, «Освоение суровых территорий Севера было теснейшим образом связано с охотой на диких северных оленей, стада которых давали человеку пищу, одежду, постель и кров. Образно говоря, бок о бок с северным

оленьем продвигался человек на Север вслед за отступающими ледниками, заселял холодные степи, тундроподобные ландшафты и редколесья, еще населенные мамонтами и носорогами» (*Сыроечковский, 1986, с. 157*). Недаром канадский этнолог и археолог Б. Гордон называет этих людей «преследователями оленьих стад» (*Gordon, 1998; Гордон, 2006*).

Сезонно-подвижный образ жизни, характерный для населения эпохи финального палеолита и мезолита, определялся экологией основных объектов охоты. Маршруты кочевий животных были стабильными, и влиять на их изменения могли лишь глобальные климатические изменения. Поэтому люди, охотившиеся на северного оленя и знающие его повадки, приходили из года в год на одни и те же места, например, у переправ через водные преграды, где успех охоты был гарантирован. Это и созда-

ет археологическую иллюзию значительных площадей памятников и массовости коллекций, чего реально не было. Однако размеры территории были таковы, что могли вместить существенно больше людей, чем тут зафиксировано археологически. Не было на Русской равнине и непреодолимых географических рубежей, которые бы препятствовали расселению. Нет и конкретных дат, позволяющих «развести» во времени популяции, осваивающие это пространство или мигрировавшие через него. Отсутствуют и реальные инструменты, с помощью которых можно проследить сохранение традиций на их начальном и конечном этапах. Цепочка связей прослеживается, как правило, лишь для похожих друг на друга комплексов, то есть пока индустрия узнаваема. А если технология и вещи существенно изменились, начальный и заключительный отрезки узнать практически невозможно.

Маршруты передвижений человеческих коллективов определялись как маршрутами кочевий животных, так и традицией, ибо опыт подсказывал, где и как можно сократить маршрут, чтобы не отстать в пути от быстроногого животного. В этом отношении радикальная экологическая перестройка рубежа плейстоцена-голоцена не могла не вызвать активизации процессов адаптации, смены кочевий и «смещения ареалов миграций». Поскольку природные изменения шли в сторону потепления климата, то к ним, вероятно, приспосабливаться было легче, чем к «холодовому» стрессу. Нет сомнения в том, что адаптивная способность к пребыванию в рассматриваемом регионе была выработана у человека не в голоцене, а еще в ледниковое время, когда положительные колебания климата были менее длительны и резче сменялись фазами похолоданий, и, в силу чего, были более чувствительны. Поэтому радикальные изменения финала плейстоцена неизбежно должны были ускорить адаптивные механизмы и реакцию.

Протяженность финального палеолита составляет, примерно, 3200 лет — от 13500 до 10300 л.н. (*Палеогеография Европы...*, 1982; *Динамика ландшафтных компонентов...*, 2002). Мезолит укладывается в отрезок

10300–7200 л.н., или 3100 лет (*Хотинский, 1977; Мезолит СССР...*, 1989), то есть оба этих периода приблизительно равны по длительности. А по своему экологическому «содержанию»? Первый из них, более суровый, с полным правом называется поздним ледниковьем, второй, более теплый, ранним голоценом. Если для первого радикальность изменений касалась «мамонтового фаунистического комплекса» и почти не было зональной изменчивости флоры, то во втором случае происходила еще и радикальная перестройка растительного покрова. Европейское население, выросшее в суровых ледниковых условиях, было, несомненно, хорошо адаптировано к ним. Глобальное потепление возвращало его в забытое «первобытное состояние», однако и оно было таким, к которому вид исторически уже был готов. Ибо род человеческий, как известно, происходит из Африки (*Алексеев, 1984*).

Когда говорят о кочевьях групп первобытного населения, надо учитывать одно немаловажное обстоятельство: физические возможности человека для передвижения меньше возможностей северного оленя, поэтому и амплитуда кочевий человека не представляла собой копию первых. Экологическая емкость ландшафта могла обеспечить и «непересекаемость» ареалов кочевий разных групп населения. Этнографические данные со всей очевидностью показывают, что эта емкость существенно превышает потребности людей, живущих в районах Крайнего Севера, хотя, безусловно, не исключает экстремальных ситуаций и исчезновения каких-либо популяций (*Симченко, 1976; Дзенискевич, 1987*).

Смещение ландшафтных зон, расширение ойкумены неизбежно приводили и к изменению ареалов кочевий. Общее направление этого перемещения было не столько в сторону тающего Скандинавского ледника, сколько на Север. Новым было не просто освобождение от ледникового покрова значительных участков суши, но и складывание иной ландшафтной широтной зональности. Появилась ранее неизвестная лесная зона, относительно быстро занявшая огромные пространства всей Северной Евразии (*Хотинский, 1977; Динамика*

ландшафтных компонентов., 2002). Те территории, которые раньше покрывал ледниковый щит, а также все огромное Приледниковье, то есть зона его непосредственного воздействия, совершенно преобразились. За этот счет резко расширилась сама потенциальная база, доступная и пригодная для заселения. Этим тут же воспользовались как животные, так и люди. Радикальные экологические изменения создали основу значительного количественного прироста всей биомассы, включая человека. Тем не менее, для человека это одновременно означало и необходимость коренной перестройки абсолютно всего: и привычного уклада, и способов адаптации, и культурных навыков. Разумеется, самым простым способом адаптации в меняющемся мире был уход с обжитых и привычных территорий, как животных, так и людей. Причем первым в отличие от человека вообще ничего другого не оставалось. Учитывая, что и тундра, и тундро-степь никуда не исчезли, а лишь «поменяли свое местожительство», сместились к Северу, значительное число видов тоже по существу лишь переместилось в пространстве. Таким образом, процесс «исхода на Север» с полным основанием можно рассматривать как сохранение экологической ниши. Здесь важно и то, что сдвиг ландшафтных зон привел к изменению ареалов кочевий животных северных широт и адаптированного к ним человека, но не изменил ни сути, ни по существу протяженности этих сезонных миграций. Было изменено лишь «место действия».

«Именно здесь, на Севере Европы, глазам исследователей предстала та сезонная цикличность жизни людей, зависящих от природы и связанных с ней неразрывными узами, в которых главенствующую роль играл своего рода симбиоз человека и животного. Настолько тесный, взаимообусловленный, что было трудно определить, кто же кого приручил: человек оленя или олень человека? ...Не люди направляли ход своих оленей: ими самими двигал сезонный календарь, воплощенный в олене» (Никитин А., 1986, с. 275). Это было сказано о саамах — «оленном» народе, но вывод справедлив и для других древних популяций.

Так, судя по всему, и поступило лингбийско-аренбургское население, ушедшее вслед за северным оленем из Западной и Восточной Европы в Скандинавию (Clark, 1975; Залізняк, 1999, 2005).

Однако становление лесной зоны со всей очевидностью должно было привести не только к флористическим изменениям или радикальным фаунистическим трансформациям, но и отразиться на самом человеке. Новая экологическая ниша не могла, разумеется, долго пустовать. Она должна была неизбежно заполниться, стать средой обитания для тех групп, которые либо не захотели никуда уходить с привычного места и пытались освоиться в новых условиях, либо выдвинулись сюда из тех мест, где древесная растительность была более привычной. И еще вопрос, был ли этот полигон вообще когда-либо пустым? В любом случае, однако, для тех, кто остался или сместился сюда, это был путь радикальной перестройки и адаптации.

Форм адаптации, как и типов инвентаря, сознательно не выбирали, тем более, вопреки выражению Л.В. Кольцова, «не отбрасывали» (Кольцов, 2002, с. 46). Они складывались путем естественного отбора, то есть проб, ошибок и выработки опыта с его последующим наследованием. А унаследованный опыт это и есть форма экологической адаптации вида. Результат этого процесса мы и фиксируем археологически, различая культуры по их разному орудийному и технологическому набору — федермессер, гамбург, лингби, аренбург, сви-дер, рессета и т. д. Следует ли при этом удивляться тому, что для всех них характерны одни и те же категории каменного инвентаря? Ведь этот набор определялся тем минимумом, который был необходим для выполнения стандартных производственно-бытовых операций эпохи каменного века, обработки одних и тех же видов сырья и продуктов питания, которые были нужны для поддержания жизнедеятельности в определенной экологической нише Приледниковья. Да, форма части из них, особенно охотничьего вооружения, была разной. Но должны же хоть в чем-то проявляться попытки разных групп древних людей выжить

отнодь не в тепличных условиях Приледникова и должны же хоть в чем-то проявляться традиции конкретных групп населения, обитавших здесь?!

Заселение новых территорий, освобождавшихся от ледника, не было авантюрой, случайным актом, а было процессом их хозяйственного освоения, являлось своего рода «заполнением пространства», «вживанием населения в территорию». Этот процесс осуществлялся людьми, хорошо адаптированными к условиям северных широт, и совершался он перманентно. Расширение географической емкости ландшафта происходило в ходе освобождения от влияния ледникового покрова приледниковых земель, и было объективным процессом общепланетарного масштаба. Человек был чрезвычайно слаб, чтобы влиять на ход климатических изменений. И если он хотел выжить, то был обязан приспособливаться к любым изменениям среды. Это не значит, что адаптация была осознанной. Но те, кто выжили, на видовом уровне уловили и выработали нужные качества. «Факты, сошедшиеся воедино, убеждают, что момент, когда люди вслед за оленями повернули на север, для этой части нашей планеты был переломным. Теперь они могли рассчитывать только на себя. Право на существование они должны были доказывать не в вооруженных столкновениях с соседями — это произойдет много позже,— не включившись в систему международного обмена идеями и товарами. А в постоянном изучении природы, в поисках своего места в только еще складывающейся ее системе на освобожденной от ледника земле. Пользоваться природой, не нарушая экосистему,— таков был единственный шанс выжить у этих людей...» (Никитин А., 1986, с. 281).

Справедливо и то, что «заполнение ландшафта» осуществлялось не сразу, а через известный промежуток времени, лишь тогда и в той мере, когда и поскольку для этого созревали необходимые предпосылки. На сезонные передвижения людей этого времени, следовательно, нужно смотреть в контексте образа жизни первобытного населения и соответствующего ХКТ, например, для эпохи финального

плейстоцена — охотников тундровой и зарождавшейся лесной зон. Миграции при этом следует рассматривать не как однонаправленное движение к Северу, а как возвратно-ступательные, челночные передвижения, подчиненные объективному годовому природному циклу и экологии главных промысловых видов. В конкретном случае — северного оленя. Здесь уместно привести еще одну цитату: «Именно постоянство неведомо когда сложившегося стереотипа, столь явного у рыбы, морского зверя, перелетных птиц, оленей и всех тех животных, кто с удивительной регулярностью и точностью совершает то близкие, то далекие путешествия, возвращаясь в одно и то же время в одни и те же места, и поражает больше всего на Севере, где глазам наблюдателя особенно наглядно предстает в действии сложный и слаженный механизм природы. В нем не могло быть сбоев, пропусков, нарушения ритма. Каждая часть сложившейся системы биосферы оказывалась залогом существования другой. А все они вместе находились в определенном экологическом равновесии: отел оленей, цветение тундры, вывод птенцов, нерест мигрирующих рыб, созревание плодов и ягод... Наблюдая воочию это ежегодное действие, можно было прийти к мысли, что единственным видом, от которого ничто не зависело, но который сам зависел от всех и ко всем приспособивался, был человек. Человек мог существовать здесь на Севере не иначе, как подчиняясь законам природы, постигая их не для того, чтобы ломать, а чтобы не противоречить им; он следовал ее ритмам, и не только в прошлом, но и сейчас, когда оказался вооружен современными знаниями и техникой» (Никитин А., 1986, с. 272).

Система хозяйства, при которой в орбиту хозяйственной деятельности были вовлечены удаленные на значительное расстояние друг от друга участки территории Европы и были жизненно необходимы длительные сезонные миграции, могла сложиться и существовать лишь при охоте на северного оленя. Для конкретной рассматриваемой территории — это конец плейстоцена, время финального палеолита. Ибо северный олень — это единственное жи-

вотное Северной Европы, для которого длительные сезонные кочевья являются нормой, стереотипом поведения (*Сыроечковский, 1986; Сейбутис, 1974, 1980; Крупные хищники., 1978; Палеогеография Европы., 1982; Развитие ландшафтов., 1993; Динамика ландшафтных компонентов., 2002*). И если есть люди, которые способны на него охотиться, археологически может возникнуть «общность территорий», значительно удаленных друг от друга. Ибо охотники на северного оленя неизбежно будут совершать кочевья на значительные расстояния вслед за бесчисленными стадами северного оленя (*Дзенискевич, 1987; Симченко, 1976; Сыроечковский, 1986*) и неминуемо, следовательно, оставлять материальные признаки своего присутствия там. Анализ экосистем охотников на северного оленя позволяет с полным правом утверждать, что нет локальных археологических культур, а есть лакуны наших знаний о них. Территория конкретной археологической культуры не может локализовать устьем Камы, средним течением Вычегды, Верхним Поднепровьем или площадью одного речного бассейна, как бы велик он ни был, ибо такова экология человека как биологического вида. Вместе с тем, она не может быть и бесконечно большой, скажем, охватывать территорию всей Европы или Азии. Поэтому устанавливать «территориальные рамки» археологической культуры следует не только по сходству каменного инвентаря, но и с помощью моделирования изменений окружающей среды, растительного и животного мира, образа жизни и физических возможностей самого человека.

Насколько можно судить, в основе «территориального единства археологической культуры» лежит сезонно-подвижный образ жизни первобытного населения, поэтому для финального палеолита — эпохи северного оленя — минимальный диаметр ареала должен составлять приблизительно 1000 км. Можно задаться вопросом, насколько физически реальны подобные перемещения? Произведем несложный расчет. Если принять стандартный день пути пешехода за 30 км, то расстояние в 1000 км он преодолеет, приблизительно, за

33 дня. По времени, учитывая скорость пешего хода в 5 км/час, отрезок в «день пути» преодолевается всего за шесть часов. Таким образом, еще 18 часов в сутки остается для сна, отдыха и трудовой деятельности. В таком случае для передвижения на расстояние в 1500 км, а это протяженность среднего сезонного маршрута кочевий северного оленя, требуется 50 суток. Эти данные не только хорошо вписываются в амплитуду ежегодных миграций северного оленя, но и перемещений этнографических охотников на него (*Дзенискевич, 1987; Сыроечковский, 1986; Симченко, 1976*). Безусловно, конкретная практика не обязательно совпадала с нормой передвижения, и определялась совокупностью обстоятельств, которые могли ускорять или, напротив, замедлять скорость в каждом отдельном случае. Важнее то, что расчет показывает физическую возможность человека для таких перемещений. В археологическом отношении эти вычисления объективно позволяют уточнить ареал археологических культур конца плейстоцена, когда Европа оставалась приледниковьем и экологической нишей названного животного. Справедливо и то, что уменьшение скорости передвижения даже вдвое тоже, по сути, ничего не изменяет.

Совокупность названных обстоятельств определила не только амплитуду сезонных миграций населения и их возвратно-поступательный характер, но и археологические маркеры — разбросанные по всей приледниковой Европе артефакты, по которым реконструируются ареалы археологических культур (*Сорокин, 2002, 2004*). Сокращение ледника с общим вектором в сторону Скандинавии неизбежно должно было сопровождаться как смещением кочевий северных оленей, так и постепенным превращением освобождавшихся территорий в ойкумену. А следовательно, изменением маршрутов, но никак не амплитуды передвижения «преследователей оленьих стад» (*Гордон, 2006*). На Великих Европейских зандровых равнинах не было непреодолимых географических границ, поэтому не могло быть естественных границ и у мест обитания древнего населения. Если что-то и сдерживало его, так это сырьевые ресурсы и репродуктивность.

Ареалы разных групп очерчивались не столько географией, сколько самой численностью населения. Деление Европы на Восточную и Западную произошло позднее, уже в голоцене, но отнюдь не раннем. Это и показывает присутствие сходных материалов на Великих Европейских зандровых равнинах от Британии до Урала. Тем не менее, для детализации культурных процессов эпохи финального палеолита имеющихся данных явно недостаточно и это задача отдаленной перспективы. Пока эта картина вырисовывается лишь в самых общих чертах. Так можно выделить, по меньшей мере, две традиции — восточно-граветтскую, которая от Хотылево 2 — Гагарино связывает финальноплейстоценовую рессетинскую культуру с голоценовыми пуллийской и бутовской (Sorokin, 1999; Сорокин, 2002, 2004). И лингбийскую традицию, которая объединяет аренсбургскую, иеневскую, песочноровскую, гренскую и усть-камскую культуры, а также культуры Фосна и Комса (Зализняк, 1999, 2005; Сорокин, 2002). Нет сомнения, что сходство, которое наблюдается в инвентаре этих последних, как и в случае с восточно-граветтской традицией, могло возникнуть только в определенной экологической нише приледниковой Европы на территориях, не занятых ледником, то есть на тех участках суши, которые в финальном плейстоцене служили ареалом северного оленя. А территория Центральной России, как известно, в отличие от Балтийского региона ледником покрыта не была. По мере освобождения от ледникового покрова Прибалтики и Северной Европы в зону кочевий этого населения попадает территория Литвы, Латвии и Скандинавское побережье. В Скандинавии это население известно по материалам культур Фосна и Комса. Часть памятников усть-камской культуры (Сюкеевский Взвоз, Тетюшская 3) имеют геологические даты, «укладывающиеся» в конец плейстоцена (Бутаков и др., 1999; Галимова, 1999). Молодым дриасом датированы иеневские стоянки Усть-Тудовка 1 и, вероятно, Шильцева Заводь 5. Тогда как один из наиболее поздних аренсбургских памятников — Тоскер А, который ничем не отличается по своему набору от иеневско-гренско-песоч-

норовских коллекций, датируется по радиоуглероду уже началом пребореального времени (Tautе, 1968; Kozlovski J., Kozlovski S., 1975). И этот возраст, следовательно, хорошо увязывается с процессом дегляциации, новой экологической нишей северного оленя и судьбой лингбийско-аренсбургского населения.

Исходя из того, что было сказано ранее о палинологическом и радиоуглеродном датировании, а также состоянии слоев финальноплейстоценовых и раннеголоценовых стоянок, голоценовые даты рессетинской и иеневской культур следует признать ошибочными, а их появление объяснять феноменом естественного омоложения палинологических спектров и радиоуглеродных образцов. Таким образом, на основании типологии, палеогеографической и хозяйственно-культурной реконструкции рессетинская и иеневская культуры должны быть удревнены и признаны, наряду с усть-камской, гренской и песочноровской, финальнопалеолитическими. Скорее всего, население лингбийской традиции оставляет пределы Центральной России, Украины и Белоруссии до начала пребореального времени, где в это время начинают господствовать лесные формации, и уходит вслед за северным оленем на Скандинавский полуостров. Их дальнейшая судьба связана с населением культур Фосна и Комса (Clark, 1975). В то же время восточно-граветтское население продолжает осваивать центральные области и северо-восток Европы — Вологодскую и Архангельскую области и территорию Республики Коми (Археология... Коми, 1997).

Следует указать и на неверность стандартного представления об огромных массах людей, их стычках между собой и вытеснении каких-либо популяций, которым приходилось «огибать враждебные территории» в ходе вынужденных миграций на Север, кого-то выдавливать или ассимилировать (Кольцов, 1977, 2000, 2002; Зализняк, 1991; Зализняк, 1999, 2005). Судя по всему, из-за бескрайности Европейских просторов одна популяция не теснила другую и даже вряд ли с ней встречалась, а перемещалась «параллельным курсом» и оказывалась на свободной, никем не занятой

территории. Уж слишком не сопоставимы между собой по масштабу безбрежные пространства Европы, освобождавшиеся по мере таяния ледника, и число потенциальных обитателей, включившихся в процесс их освоения. Не было и постоянной нужды в заимствованиях, ибо у каждой группы был свой родовой опыт, свои жесткие традиции, как выживать в этой среде, и свои средства избавления от чуждого, инородного влияния. Все, кто занимал экологическую нишу Приледниковья, обязаны были быть хорошо адаптированы к суровым северным условиям. Это было непереносимое условие их выживания.

Ясное осознание поведенческой модели со всей очевидностью показывает, что такие термины, как «восточный вариант культуры федермессер», «восточный федермессер» или «восточный аренсбург» (*Кольцов, 1977; Zhilin, 1995, Koltsov, Zhilin, 1999, Залізняк, 1999, 2005; Жилин, 2004*) ошибочны. Они не учитывают экологии ледниковой эпохи и этологии промысловых животных, поэтому неизбежно искажают и суть понятия археологической культуры. Если исходить из понимания этого термина, как «гносеологической категории пространственно-временной связи ископаемых объектов», а за ареалом археологических культур каменного века видеть «размах пространственных колебаний популяций в пределах кормовых территорий» (*Сорокин, 2002, 2004*), то памятники с остриями типа федермессер — это и есть культура федермессер. А стоянки с лингбийскими наконечниками — это и есть памятники культуры Лингби, где бы они ни встречались. А все рассуждения про «восточные» варианты и индустрии не имеют реального содержания, ибо совершенно не учитывают экономическую основу общества эпохи финального палеолита, экологию основного промыслового животного этого времени — северного оленя — и образ жизни первобытного населения.

Сказанное отнюдь не означает полную нивелировку коллекций всех памятников в пределах каждой из культур. Различия остаются, но разница в мерных признаках и особенности в стилистике обработки изделий на разных

стоянках одной и той же культуры, разделенных многими сотнями километров друг от друга, не являются доказательством их разной культурной принадлежности. Более того, наблюдаемые различия объяснимы. Как это показал для североамериканских материалов канадский археолог и этнолог Брайен Гордон, долгое время живший среди индейцев-охотников на карибу, все эти показатели связаны по преимуществу с разной сезонностью памятников и их неодинаковой удаленностью от источников сырья. Зафиксированные им различия между инвентарем «летних» и «зимних» стоянок столь существенны, что если не знать того факта, что все они оставлены одной и той же группой, а сравнивать между собой только каменный инвентарь, его можно было бы отнести к разным археологическим культурам (*Gordon, 1997*). Сюда же, к негативным факторам «культуроразличия», можно добавить, по-видимому, временные показатели и индивидуальные особенности производителей. Но главными, все же, являются два первых признака. Вот почему нет необходимости выделять отдельную подольскую (*Синицына, 1996, 2000; Васильев и др., 2005*) или красносельскую культуры (*Залізняк, 1999, 2005*) и связывать их происхождение с Бромме-Лингби. Ибо это и есть одно и то же «лингбийское» население, которое кочевало вслед за северным оленем по бескрайним просторам приледниковой зоны Европы в экологической нише финального плейстоцена. Иначе говоря, различия в инвентаре «восточных» и «западных» памятников — это всего лишь неверная интерпретация наблюдаемого, которая зиждется на прямолинейном объяснении данных без учета удаленности от источников сырья, общего характера биологических ресурсов (экологической емкости ландшафта), сезонности памятников и навыков разных производителей. А отнюдь не реконструкция, базисом которой служат все эти особенности и сложная взаимозависимость «человек — природная среда».

В этой связи хочу в очередной раз обратить внимание на ошибочность традиционного графического обозначения миграций древнего населения в виде стрелок. Ибо речь должна

идти не столько о переселениях каких-либо популяций в каком-либо одном направлении, сколько о сезонных возвратно-поступательных миграциях населения, то есть передвижении (перемещении) и обратном возвращении населения в исходную точку. Следовательно, верны не однонаправленные стрелки, а «челночные колебания». А общая поступательность перемещений, их вектор, обеспечивались экологией приледниковой зоны: постепенным расширением пространства и, следовательно, ойкумены за счет прогрессирующего уменьшения ледникового покрова.

Если реконструкция хозяйственно-культурного типа для этого времени верна, условия хозяйства охотников на северного оленя могли существовать и реализовываться лишь в виде «челночных» возвратно-поступательных миграций. И никак иначе. Вот почему однонаправленное графическое изображение передвижений первобытного населения формирует неточную и однобокую картину миграций в каменном веке. По сути: идет вразрез с историзмом. Ибо эти миграции не были ни массовыми, ни, тем более, потоками. Напротив, они были малочисленными и сезонными, а главное,— возвратно-поступательными, то есть шли в обоих направлениях, подчиняясь биологическим законам поведения основных объектов охоты. Конечно, переселение людей на новые земли происходило и в финальном палеолите, и в мезолите. Но не эти единичные переселения определяли суть миграций этих эпох, ибо для них было больше присуще не переселение людей на новые территории, а поэтапное освоение новых земель и расширение ойкумены путем сезонных, возвратно-поступательных миграций. При этом глобальные, положительные изменения природной среды в конце плейстоцена — начале голоцена неизбежно вели к расширению территории и создавали благоприятные возможности для ее освоения. Это не значит, что такие возможности постоянно реализовывались, а означает только одно, что возникала сама возможность их реализации.

Изображения миграций охотников на северного оленя в виде однонаправленных век-

торов неверны. Они противоречат всем имеющимся фактическим данным и подчинены, по просту, либо идее проиллюстрировать сходство инвентаря тех или иных территорий в момент их «колонизации», либо, что еще хуже,— современным геополитическим соображениям. Это абсолютно недопустимо, если мы хотим оставаться в рамках исторической науки. На самом деле, колонизации, как таковой не было. Население не переселялось на новое место и не заселяло его постоянно, навсегда покидая прежние территории обитания. Оно кочевало. Освоение новых территории по мере их дегляциации осуществлялось исключительно в виде «челночных», сезонных кочевий. Иногда можно встретить их обозначение как «маятниковых» (*Сырочковский, 1986, с. 167*). Отсюда и векторы этих «маятниковых» перемещений шли не в одном, а в обоих направлениях. Разумеется, эволюция палеосреды приводила и к изменениям кочевий северного оленя, поэтому они неизбежно были еще и возвратно-поступательными, то есть не просто в двух направлениях, но и с дрейфом, со смещением. Кроме того, экстремальные ситуации в ряде случаев заставляли северного оленя менять традиционные маршруты кочевий и передвигаться «веерообразно» или совершать значительно более сложные передвижения (*Сырочковский, 1982, 1986; Симченко, 1976; Gordon, 1998*). Все это с неизбежностью вовлекало в орбиту все новые территории, но было бы глубоким заблуждением весь этот «археологический ареал», где мы находим те или иные сходные артефакты, считать одновременно заселенным, как и площадью (единой территорией) одной археологической культуры. Такая территория — это очередная кабинетная иллюзия.

Экология северного оленя со всей очевидностью определяет, что все однонаправленные миграции первобытного населения — это очередной миф и глубокое заблуждение. Здесь верно лишь то, что территория лингбийского или аренсбургского населения не замыкается Северо-Германской низменностью, а существенно шире и включает как территорию Западной, так и Восточной Европы. По суще-

ству, это единое и неделимое пространство, для которого имеющиеся в наличии материалы не позволяют достоверно определить ни их начало, ни их финал.

Крайние точки ареала, фиксируемого памятниками археологии,— это и есть размах пространственных перемещений населения в пределах кормовых территорий. Малочисленность первобытных коллективов, живущих на краю ойкумены, и особенность хозяйственного цикла охотников на северного оленя определяли и образ их жизни. Из этого следует: когда северный олень был в теплое время года в тундре, в местах отела, это были северные, приледниковые территории, и все население было, вероятно, именно там. А в холодное время вслед за северным оленем население откочевывало южнее, в том числе и на возвышенности Центральной России, где проще было перезимовать и оленям, и людям.

И только эволюция климата и палеосреды, резко изменившие картину мира, на которые впоследствии наслоились особенности новейшей политической истории, возведшие межгосударственные границы, привели к тому, что археологическая мозаика никак не хочет складываться в четкую и логически связную картину. Причем, сама эта картина все так и остается абстракцией в виде отдельных «территориально обособленных мазков» — локальных культур, плохо связанных друг с другом, изученность которых зависит от количества исследователей и их финансовых возможностей.

Интересные наблюдения о передвижении охотников на северного оленя имеются у С.Н. Лисицына (*Васильев и др., 2005*). На основе западноевропейских археологических данных он утверждает, что миграции этих популяций имели не широтный, а меридиональный характер. В основе его рассуждений лежат наблюдения за распределением памятников культуры федермессер. Не оспаривая конкретных археологических данных, следует заметить, что это высказывание не только не учитывает всю их совокупность, но и противоречит многочисленным имеющимся этнографическим наблюдениям. Так, Г.И. Дзенискевич,

Ю.Б. Симченко и Е.Е. Сыроечковский приводят достоверные сведения, что передвижения северного оленя были значительно сложнее и сочетали широтные и меридиональные векторы движения. Более того, эти маршруты всегда покрывали определенную площадь, хотя конкретные места, так или иначе помеченные на ней (зафиксированные этнографическими наблюдениями), лишь весьма отдаленно напоминали это. Аналогичными были и маршруты этнографических охотников на оленей. Таким образом, С.Н. Лисицын по существу производит подмену понятий и реальной этнографической модели он противопоставляет археологическую, основанную лишь на местоположении конкретных стоянок, никак не вписанных в систему. Даже не задаваясь вопросом, а все ли они зафиксированы или дошли до исследователей? И в этом его ошибка. Система же, которая реконструирована этнографически, предполагает определенную и достаточно обширную территорию и включение в ареал не только «западных», но и «восточных» памятников. Точно так же, как весенне-летних тундровых стоянок в северной части ареала и осенне-зимних, расположенных в лесной зоне, в южной части зоны обитания. И здесь нельзя не согласиться с утверждением, что «теоретические подходы легко становятся бесполезными, если они не основаны на детальной и обширной информации междисциплинарного характера» (*Gron, 2005, p. 23*).

Как со всей очевидностью показано Оле Грёном на основе этнографических данных по эвенкам, их передвижения и места остановок были подчинены не только сезонной ритмике, но и совершенно определенному ритуально-магическому ритуалу (*Gron, 2005*). Основываясь на собственных наблюдениях за охотниками-эвенками на территории современной Якутии, он утверждает: кочевья оленей в пределах полигона исследования имели меридиональное направление, а места обитания — широтный. И никакого противоречия в этом, как было совершенно достоверно установлено, нет. Все остановки эвенков на крупной водной артерии — реке Оленке, наиболее полноценно

изученные в процессе полевых изысканий, были рассредоточены вдоль ее высокого берега в местах массовых переправ животных через эту естественную преграду. Места охот, ловли, забоя и разделки животных располагались на северной оконечности тайги и были приурочены к широтному течению этой реки, причем маркировали места весенних маршрутов миграций северного оленя в тундру. Путь животных пролегал с юга на север, из тайги в тундру, в меридиональном направлении, тогда как все места забоя имели южную экспозицию и широтное простираие, определяемое руслом реки. Благодаря этому, и несмотря на общую высокую залесенность местности, с высокого, крутого речного берега хорошо просматривался низкий противоположный берег, с которого спускались и заходили в воду олени. Эти места маркировались бытовыми отходами, которые неизбежно скапливались там. И их можно было найти даже без провожатых. Но важнее другое: точно также вдоль русла реки были расположены и места, связанные с ритуально-магическими действиями. Причем, как с обрядами поклонения священным оленям, так и погребальными действиями почитания предков и захоронения соплеменников. Причем и первые, и вторые чаще относились к «воздушным» объектам, от чего по прошествии какого-то времени, когда кости истлевали, эти священные места трудно было идентифицировать на местности. Порой единственное, что их выдавало, был тот малочисленный сопровождающий инвентарь, который скапливался здесь и оставался на этих священных местах как особый мемориальный знак. В то же время в приполярной тундре, в местах отела оленей, достоверных стоянок охотников-эвенков в силу сложности их поиска наблюдателями зафиксировано не было. А в таежной зоне их зимние места обитания так мало походили на то, что давали места забоя, зафиксированные вдоль Оленка, что исключительно конкретные полевые наблюдения давали уверенность, что это места обитания одних и тех же популяций. Таким образом, места забоя и культово-погребальные объекты эвенков, сосредоточенные вдоль русла Оленка, были всего лишь видимой

частью «айсберга». И без знания его «невидимой» части невозможно установить всю систему жизнеобеспечения этого народа. По существу — материальную культуру.

Как было со всей очевидностью показано Оле Грёном, все это целиком походит на археологические карты памятников, которые удается составить для памятников финальнопалеолитических культур, в частности известной гамбургской культуры (*Gron, 2005*), осмыслению «географии» которой и посвящена его статья. Более того, этнографическая модель хорошо объясняет саму систему их распределения. Судя по всему, те же закономерности должны быть и для культуры федермессер, как и прочих финально-палеолитических культур, разумеется, с поправкой на географические особенности их ареалов.

В этой связи уместно вновь совершить небольшой экскурс и остановиться на популярном термине «восточный», которым пользуются многие исследователи, не особо вдаваясь, по-видимому, в его суть. Между тем, этот сюжет позволяет конкретизировать фундаментальное для археологии понятие сходства и подойти к решению вопросов наследования и передачи навыков в первобытной среде. Следовательно, имеет непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме финального палеолита.

Анализ литературы показывает, что эпитет «восточный» стойко бытует для обозначения восточно-европейских индустрий эпохи каменного века. Характерно, что он «привязан» не только к финально-палеолитическим культурам аренсбург, лингби или федермессер (*Кольцов, 1977, 1996; Кольцов, Жилин, 1999; Zhilin, 1999*). Его можно найти и в связке с верхнепалеолитическими культурами — граветтом, ориньяком или селетом (*Восточный граветт, 1998; Аникович, 1998; Сапожников, 2005*), и даже со среднепалеолитическим микком (*Колесник, 1998*). Эта широта использования свидетельствует о вполне закономерном явлении.

Судя по всему, применительно к финально-палеолитическим материалам первым в отечественной литературе эпитет «восточный» стал

применять Л.В. Кольцов (1977). Глава 3 его компиляции по финальному палеолиту и мезолиту Южной и Восточной Прибалтики о памятниках позднего мадлена снабжена подзаголовком «восточный вариант культур федермессер» (Кольцов, 1977, с. 16). Здесь следует обратить внимание не столько на само прилагательное, сколько на множественное число, присвоенное культуре федермессер, что является явной ошибкой. Однако напрасно искать в тексте какое-либо пояснение эпитета «восточный», обоснование выделения нового варианта, а, тем более, нескольких культур федермессер. В качестве основной территории «групп» федермессер (Кольцов, 1977, с. 16) он перечисляет Северо-Запад ФРГ, Голландию и Северную Бельгию. Кроме того «находки, близкие группам федермессер, известны с территории ГДР и Южной ФРГ» (Кольцов, 1977, с. 16) и в междуречье Одера и Вислы (Польша). Эти последние он и объединяет в «восточный вариант культур федермессер» (Кольцов, 1977, с. 39), присоединяя к ним «ряд стоянок на территории СССР, например, типа Журавка». Заметив при этом, что «польские мадленские стоянки имеют только самые общие черты сходства с поселениями групп федермессер с территории ФРГ» (Кольцов, 1977, с. 39). Таким образом, судя по всему эпитет «восточный» они получили вследствие того, что находятся вне исконного ареала и за их опосредованную типологическую близость. Хотя, разумеется, никакого типологического сравнения при этом реально проведено не было.

Интересно, что в той же компиляции и коморницкая культура обозначена как «восточный вариант культуры дуфензе» (Кольцов, 1977, с. 136). Ареал дуфензе — по Л.В. Кольцову — охватывает пространства от «Южной Англии до Одера», а варианта — локализован территорией современной Польши. Он полагает, что «обе этих культуры (? — А.С.) представляют собой единое целое» (Кольцов, 1977, с. 159). Однако, несмотря на это высказывание и фактически единую территорию, делает абсолютно алогичный вывод: «Следовательно, можно считать коморницкую культуру восточ-

ным вариантом культурной области дуфензе» (Кольцов, 1977, с. 159). Понять по тексту, чем «вариант» отличается от культуры дуфензе невозможно, так как эти сведения попросту отсутствуют. Фактически, в обоих случаях речь идет о вольном обращении с археологической таксономией и элементарном непонимании Л.В. Кольцовым дефиниций, которыми он оперирует. Такой подход в корне противоречит всей западной литературе. Где, если исключить эпизод с «восточным граветтом» Д. Гаррод (цитирую по Амирханову, 1998, с. 16 и Булочниковой, 1998, с. 67), никакая «географическая ориентация» индустрий всерьез не обсуждается. В этой связи достаточно вспомнить капитальные труды по эпохе финального палеолита А. Руста (Rust, 1937), В. Тауте (Taute, 1968) или Г. Швабедиссена (Schwabedissen, 1954). Нет его и у крупнейших польских исследователей Р. Шильда (Shild, 1975), Я. Козловского и С. Козловского (Kozłowski J., Kozłowski S., 1975). Даже Р.К. Римантене в своем капитальном труде по финальному палеолиту, эпипалеолиту и мезолиту Литвы, говоря о мадленских стоянках региона, не использует географического принципа и не противопоставляет их специально западным материалам. Напротив она со всей определенностью говорит о мадленских памятниках на территории Литвы (Римантене, 1971). Зато термин «восточный» весьма широко используется в восточно-европейской литературе, более того, с 1990-х годов он стал практически обиходным (Кольцов, 1996, 2000, 2002, 2004; Кольцов, Жилин, 1999; Koltsov, Zhilin, 1995, 1999, 2005; Залізняк, 1995, 1999, 2002, 2005; Аникович, 1998; Восточный граветт, 1998; Колесник, 1998; Жилин, 2004; Сапожников, 2005). Например, М.Г. Жилин широко оперирует такими заимствованными у Л.В. Кольцова терминами, как «восточный вариант культуры федермессер», «восточный федермессер», «восточный пост-лингби» или «восточный аренсбург» и пр. Однако и в его статьях напрасно искать их содержательного объяснения (Жилин, 1996, 2004; Кольцов, Жилин, 1999; Zhilin, 1995, 2005; Koltsov, Zhilin, 1999). Зато не оставляет ощущение, что за тер-

минологией скрыто не только незнание материала, но и неумение системного подхода к решению проблемы.

Не остались незамеченными идеи Л.В. Кольцова и крупнейшим украинским исследователем Л.Л. Зализняком (*Залізняк, 1995, 2002, 2005*). С некоторых пор он тоже широко использует такие термины, как «Восточное Лингби», «Восточный Аренсбург», «восточно-лингбийские комплексы» и др. (*Залізняк, 1994, с. 232; 1998, с. 137; 1995, с. 215; 2005, с. 178-212; Zaliznyak, 1995, p. 18*). Так, обращаясь к аренсбургским материалам, он, например, пишет: «Отмечались существенные различия восточно-европейского Аренсбурга по сравнению с классическим Аренсбургом Западной Балтии. Последний — базируется на технике мягкого, а не твердого отбойника, выделяется большей ролью двуплощадочных, а не одноплощадочных нуклеусов, большей пластинчатостью и микролитичностью, ему свойственны настоящие микролиты — острия типа Зоновен. Наконечники стрел классических аренсбургских памятников Северной Германии и Дании более мелкие, геометризованные, более совершенные. Ударный бугорок чаще всего размещен на острие, а не в черешковой части, как на остриях Восточного Аренсбурга. Поэтому последние, приближаясь по размерам к собственным аренсбургским, формой напоминают не так аренсбургские, как лингбийские наконечники. Вообще, так называемый Восточный Аренсбург северо-запада Восточной Европы значительно более грубый по сравнению с классическим и существенно от него отличается» (*Залізняк, 1999, с. 216*). Далее Л.Л. Зализняк говорит: «Не желая вносить терминологическую путаницу и вместе с тем учитывая отмеченную существенную разницу между классическим и восточноевропейским Аренсбургом, ...следует использовать для обозначения этого культурного явления не Восточный Аренсбург, или Протоаренсбург, а другое обозначение — красносельская культура. Это отдельное своеобразное культурное образование получило свое название по наиболее выразительным комплексам Красноселья на Верхней Припяти и Красносельск б на Немане»

(*Залізняк, 1999, с. 216-217*). И продолжает: «...определяющим изделием красносельских комплексов является небольшой черешковый наконечник, который, в целом, напоминает грубый аренсбургский. Вместе с тем, красносельские стоянки лишь с такими наконечниками — большая редкость» (*Залізняк, 1999, с. 217-218*). Таким образом, если исключить мерные признаки и учесть тот факт, что на «Востоке» тоже использовался мягкий отбойник, всё различие «восточного аренсбурга» от аренсбурга «настоящего» будет заключаться исключительно «в небольшом черешковом наконечнике». Наконечнике, который, по словам самого Л.Л. Зализняка, представляет собой «большую редкость» (*Залізняк, 1999, с. 217-218*). Нужны ли здесь комментарии?

Другой украинский исследователь И.В. Сапожников, рассматривая материалы степной зоны Украины, пишет, что «для позднего палеолита этой территории присущи ориньякоидный, граветтоидный и селетоидный технокомплексы» (*Сапожников, 2005, с. 6*). А для заключительной поры верхнего палеолита региона (16,5 - 10,3 тыс. лет ВР) «характерно присутствие индустрий граветтоидного технокомплекса в эпиграветтском и финальноэпиграветтском проявлениях» (*Сапожников, 2005, с. 21*). И добавляет: «современный уровень знаний позволяет проследить на юге Восточной Европы вполне логичное существование генетической культурной последовательности (ориньяк — граветт — эпиориньяк — эпиграветт — финальный эпиграветт в разных вариантах), что допускает в принципе проживание в этом регионе на протяжении большей части позднего палеолита родственного населения близкого происхождения» (*Сапожников, 2005, с. 22, 23*). Если согласиться с этим, невольно возникает вопрос, что же было основой оседлого — по существу — образа жизни населения, обитавшего в степной зоне в верхнем и финальном палеолите? И не противоречит ли этому данные, приводимые самим исследователем, прямо свидетельствующие о сезонности памятников региона (*Сапожников, 2004, 2005*)? Полагаю, что для вывода об оседлости верхне- и финально-палеолитического насе-

ления степной зоны имеющихся данных недостаточно. Да и сведения по североамериканским индейцам — охотникам на бизонов, к которым он обращается, никак не свидетельствуют об этом (Миньков, 1991, 1993; Леонова и др., 2006). Противоречит это утверждение и тому, что им было написано о степной природно-хозяйственной области в монографии, посвященной публикации материалов Большой Аккаржи (Сапожников, 2004), где недвусмысленно говорится о сезонной подвижности населения степной зоны.

Пытаясь оценить развитие во времени многочисленных технокомплексов, И.В. Сапожников пишет, что «на протяжении многих лет ...появление в регионе более или менее выразительных культурных явлений объяснялось миграциями населения» (Сапожников, 2005, с. 22). Однако «...здесь реально зафиксированы... лишь миграция свидерского населения на территорию Крымского полуострова» да «переселение в Днепровское Надпорожье небольшой группы людей из Северо-Восточной Румынии» (Сапожников, 2005, с. 20). Причем, «последнюю из них — как он полагает — пока еще трудно назвать настоящей массовой миграцией» (Сапожников, 2005, с. 22). Не совсем ясно, что скрыто за выражением «более или менее выразительные культурные явления» и почему массовые миграции являются «настоящими», а иные таковыми не являются? Он считает, что «в противном случае значительная часть древнейшей истории юга Восточной Европы может превратиться «в сложную и мозаичную картину» бесконечной цепи миграций, которая не поддается научному осмыслению» (Сапожников, 2005, с. 22). С этим нельзя согласиться. Более того, уверен, что миграционная гипотеза непротиворечиво увязывает воедино присутствие граветтских, оринькских и селетских технокомплексов вне их исходной территории, наблюдения о сезонности памятников, приводимые И.В. Сапожниковым, и типологический состав археологического материала, которым он оперирует. Однако лишь в том случае, если под миграциями понимать не некие немотивированные и массовые переселения из одного места в другое,

а сезонные возвратно-поступательные кочевья первобытного населения, ареал которых определяется маршрутами сезонных кочевий основных промысловых видов. Причем эти миграции далеко не обязательно ограничиваются конкретным, изучаемым полигоном. Это и позволяет сохранять длительное время традицию населения в пределах одной и той же экологической ниши, под которой нужно понимать не конкретный исследуемый участок, а всю степную зону. Более того, хорошо объясняет существование общностей на территориях, значительно превосходящих по площади изучаемый исследователем полигон и упомянутую зону.

Возникновение в степной зоне Украины «ориньякоидных и эпиориньякоидных технокомплексов, граветтоидного эпиориньяка и ориньякоидного эпиграветта», как и «селетоидной линии развития», то есть, говоря иначе, сходства «западных» и «восточных» технологий, если уж использовать для этого географические дефиниции, можно объяснить исключительно миграциями ориньякского, граветтского или селетского населения. И другого способа возникновения и поддержания внутреннего единства попросту не существует. В противном случае придется допустить их независимое происхождение и существование от носителей, иначе говоря, технологий без людей.

Совершенно очевидно: технокомплексы и технологии не существуют сами по себе. В каменном веке не было иных способов передачи информации и технологий, кроме как от человека к человеку, путем наследования и передачи навыков или взаимодействия. Поэтому, установив где-то присутствие селета, ориньяка или граветта, мы обязаны допустить миграцию их носителей в конкретное изучаемое место, где эти технологии зафиксированы археологически. И мотивацией таких передвижений служит экология и «провоцируемая» ею та самая сезонная подвижность, о которой говорит И.В. Сапожников. Передача идей и технологий иным способом в это время попросту невозможна. И наследовать что-то (посториньяк, постселет, постграветт, эпиориньяк, эписелет,

эпиграветт и т. д., и т. п.) можно либо генетически, либо передачей навыков в единой среде, либо путем взаимодействия. В противном случае это не будет ни «пост», ни «эпи». А сходство есть, и оно недвусмысленно обозначено терминологически, значит, следует признать и миграции носителей этих традиций, хотя бы в качестве «первотолчка». Этим и удобна теория археологических культур, ибо на уровне терминологии она лишена конкретной «технологической привязки», хотя и может фиксировать ее на уровне генезиса. В первобытную эпоху сходство при всем примитивизме и малой вариабельности каменной индустрии не возникает само по себе, из ничего, и даже не материализуется из воздуха. Оно может «прийти» лишь с конкретными людьми — творцами конкретных технологий. И никак иначе.

И «вечный» вопрос, чем объясняется присутствие в Крыму свидерских комплексов, остался нерешенным И.В. Сапожниковым. Хотя он и говорит, что «единственной миграцией, зафиксированной методами археологии... можно признать только появление свидерского населения в Крыму» (Сапожников, 2005, с. 23), на самом деле, эта гипотеза лишь частично объясняет реалии. Ибо в свидерских крымских комплексах (Бибиков и др., 1994) на абсолютно законных основаниях нет костных останков северного оленя. Ибо он мигрировал не на юг, а в диаметрально противоположном направлении, то есть отсутствует главный мотив подобной миграции. Впрочем, что бы ни послужило конкретной причиной, ее следует рассматривать не как спонтанное, немотивированное переселение, а как сезонные кочевья свидерского населения в процессе адаптации к новым объектам охоты. И только так. В противном случае не будет ни этих памятников, ни продолжения традиций данной индустрии вне исконной территории.

Со всей очевидностью берусь утверждать, что археологическая культура — это не средство, изобретенное для удобства археологов «оперирования археологическим материалом, найденным при раскопках» (Кольцов, 1996), а инструмент познания прошлой действительно-

сти. Это гносеологическая категория пространственно-временной связи ископаемых объектов (Сорокин, 2002). Следовательно, понятие конкретно-историческое. Им закодированы, прежде всего, экономическая составляющая и хозяйственно-культурный тип древнего населения, находящие свое выражение в тех материальных остатках, которые изучаются методом археологии. Сходство индустрий и артефактов — объективное проявление традиций популяций в их постоянном процессе адаптации к изменяющимся экологическим условиям.

На мой взгляд, миграционная гипотеза позволяет непротиворечиво увязать воедино присутствие граветтских, ориньякских, как лингбийско-аренсбургских и других технокомплексов вне их исходной территории. Она дает основание логически объяснить и сохранение традиций, и возникновение новаций, и их передачу. Более того, она отменно поддается научному осмыслению. Однако лишь в том случае, если под миграциями понимать не некие немотивированные «массовые» переселения из одного места в другое (Кольцов, 1977, 1994, 2000, 2005; Залізняк, 1999, 2005; Жилин, 1998; Сапожников, 2005). А сезонные возвратно-поступательные кочевья первобытного населения, ареал которых определяется маршрутами сезонных кочевий основных промысловых видов. Причем эти миграции никогда не ограничиваются конкретным, изучаемым полигоном. Территория археологической культуры шире ареала полевых исследований любого из археологов, а, в ряде случаев, не только речных бассейнов, но и современных государственных границ. Ибо закономерности, лежащие в основе первобытных обществ иные, чем у современных государств и интересов политиков. Миграции и сезонно-подвижный образ жизни позволяют сохранять длительное время традицию населения в пределах одной и той же экологической ниши. Более того, хорошо объясняют существование общностей на территориях, значительно превосходящих по площади, изучаемый каждым конкретным полевым исследователем полигон. Не побоюсь сказать: «Движение было смыслом их жизни!».

Оно же определяло, в конечном счете, и «ареалы традиций», фиксируемых археологически.

Территория археологической культуры в каменном веке, как уже отмечалось,— это абстракция, гносеологическая категория, как и само понятие «археологическая культура» (*Захарук, 1976*), а не ареал с жесткими контролируемыми границами. Ее нужно воспринимать как географическое пространство, среду обитания, нишу, в пределах которой популяция жила по сезонному циклу. Население Восточной Европы в палеолите и мезолите было столь малочисленно, что весьма правдоподобной представляется ситуация, когда некая группа обитала на летней стоянке, зимнего стойбища не было, и наоборот. Из-за того, что ареал популяций мамонтов был одним, бизонов — другим, а северных оленей — третьим и разными были их «пищевые» характеристики, территория хозяйственного освоения, которую должны были эксплуатировать разные группы первобытного населения, ориентированного на каждый из этого вида животных, если такая специализация была, тоже радикально отличались. Следовательно, та картина, которая фиксируется археологически,— это результат суммирования и наложения друг на друга изменявшихся во времени маршрутов кочевого населения. Фактически это «временная последовательность разных форм пространственной организации производственного коллектива».

По существу это спроецированная на единую «общеевропейскую карту» история, спрессованная последовательность разновременных, реальных событий, происходивших с людьми в течение всего времени существования конкретных популяций, пока мы в состоянии проследить их признаки по конкретным материальным остаткам. А никак не отражение одновременной и сплошной заселенности территории, одновременно бытовавших групп населения и параллельно существовавших разных типов памятников. Базовых и временных стоянок, охотничьих и рыбацких лагерей, мест забоя и разделки животных, мастерских и т. д., и т. п. Причем археологическая картина — это результат наложения друг на друга изменяв-

шихся во времени маршрутов кочевого населения.

Границы археологических культур финального палеолита и мезолита, следовательно, совпадают с ареалом годичных, хозяйственных циклов. Фактически это размах пространственных колебаний популяции в пределах кормовой территории, который в целом никак не мог контролироваться и обороняться. Этого просто некому было делать. Из-за малочисленности групп охотников-собирателей контролю подчинялся лишь «кусочек» видимого пространства и не более того, ни о каком глобальном контроле над территорией речи не может быть в принципе. По этой же причине ареал одной популяции, скорее всего, не мог перекрываться ареалом другой группы. Так практически никогда не пересекаются маршруты ежегодных сезонных миграций крупных стадных животных (*Хайдн, 1968*). Кроме того, население этого времени было чрезвычайно мало по сравнению с теми необъятными пространствами, которые им приходилось осваивать. И в случаях археологического совпадения ареалов разных культур речь скорее должна идти о последовательности событий, разновременности обитания, то есть планиграфическом совпадении разведенных во времени событий. Разумеется, если население какой-либо культуры существовало длительное время, и за этот период происходило изменение климата, ландшафтных зон или другие глобальные природные подвижки, то первоначальный ареал не будет совпадать с финальным. Но это абсолютно не значит, что в каждом конкретном случае речь должна идти о «суммировании территорий», что вся она была заселена единовременно. Хотя, разумеется, проследить такой дрейф — задача исключительно сложная.

Таким образом, если мы хотим оставаться в рамках историзма, если мы стремимся к постижению общих закономерностей, значит, обязаны основываться в своих реконструкциях не на эмпириях и слепой вере в «лично наблюдаемое», а на комплексном изучении всего доступного. И перекрестной проверке имеющихся сведений. Основываясь на эколого-этнолого-археологических данных, мы обязаны при-

знать: не было особых «восточно-лингбийских» или «восточно-аренсбургских» комплексов, как и «восточного федермессера», а были финально-палеолитические культуры федермессер, лингби, аренсбург и др., территория которых локализовались в приледниковой зоне Европы. И это были единые культуры. Поэтому эпитет «восточный», как и термины «красносельская» или «подольская» культуры, сыгравшие свою историографическую роль, должны быть упразднены. Аналогично, по-видимому, следует поступить с иеневской, песчноровской, гренской и усть-камской культурами. Время локальных археологических культур прошло, наука не стоит на месте и от устаревших понятий следует отказываться.

Если признать, что в конце плейстоцена на территории изучаемого региона водился северный олень, то образ жизни «преследователей оленьих стад» мог материализоваться исключительно в виде маятниковых (челночных) сезонных миграций и никак иначе. Это означает, что по существу вся огромная территория Приледниковья была заселена как бы одновременно. В этой связи до появления серии дат и проведения глобального перекрестного анализа материалов, по-видимому, некорректно говорить о предшествовании одних памятников по отношению к другим и решать, какие территории осваивались раньше других. Все Приледниковье было гиперзоной с одинаковыми экологическими характеристиками (*Динамика ландшафтных компонентов...*, 2002) и единым хозяйственно-культурным типом (*Залізняк*, 1999, 2005). Из понятий «лучше и раньше изученных», которые традиционно применяются к западноевропейским финально-палеолитическим материалам, еще совершенно не вытекает, что они «древнее» восточно-европейских аналогов. Ибо они не синонимичны, и «расставить события во времени» мы сможем только тогда, когда и с территории Восточной Европы будет получено достаточное количество дат. Сказанное, разумеется, не означало, что и в культурном отношении это было нечто единое и неделимое. Однако количество археологических культур в Европе было все же весьма невели-

ко (*Taute, 1968; Kozlovski J., Kozlovski S., 1975*), значит, сказанное вселяет оптимизм в перспективу такого исследования.

Ареалы кочевий охотников определялись совокупностью обстоятельств: и культурными традициями, и маршрутами конкретных оленьих популяций, и, наконец, географией и ландшафтом местности. Разумеется, если пространство от Северо-Германской низменности и вплоть до Верхневолжской низины было освоено лингбийским населением, то одна группа сделать это, скорее всего, не могла. И мы уже только поэтому обязаны допустить, что их было несколько, по крайней мере, две-три. Точнее можно будет сказать тогда, когда все известные памятники культуры будут нанесены на один полигон и сопоставлены с ареалами сезонных кочевий северного оленя. Однако корректность сравнения будет целиком зависеть от пунктуальности, с которой будет проведена эта процедура, от качества геоморфологической и палеоэкологической реконструкций, а также точности датировок, которые позволят корректно соотнести во времени означенные события. Немаловажно проследить и дрейф кочевий во времени, от чего также будет зависеть конкретность и достоверность выводов, а также полноценность реконструкций. Судя по всему, все это в совокупности и послужит объяснением известной разницы, которая наблюдается в инвентаре имеющихся памятников. Однако и без этого ясно, что при ручном производстве даже у одного мастера не может быть двух одинаковых наконечников, поэтому стилистическая и мерная разница неизбежна. Аналогичные поправки следует вносить и при технологическом анализе. И все наши попытки увидеть за этим хронологические или, тем более, культурные различия, по-видимому, не очень состоятельны. А, значит, они должны приниматься в расчет при процедурах культуроразличения и культуровыделения исключительно с поправкой.

Если исходить из природных условий конца ледниковья в Европе, то следует признать очевидным факт распространения на ее территории северного оленя. Если допустить, что в

эпоху финального палеолита приледниковая зона Восточной Европы была заселена, а это со всей очевидностью подтверждают имеющиеся данные, то северный олень неизбежно должен был стать одним из главных промысловых видов, что, безусловно, вело и к стандартному кочевому образу жизни этого населения. Причем, судя по всему, условия были таковы, что другого населения в этой зоне быть попросту не могло. «Лесные» популяции могли возникнуть лишь в процессе становления лесной зоны. Но сезонные миграции северного оленя «челночные», то есть направлены в двух направлениях: весной — на север, в зону тундры, к местам отела, осенью — на юг, в лесную зону, где меньше снега и есть реальная защита от холодных северных ветров. Об этой «челочности» свидетельствует вся специальная литература, как этнографическая, так биологическая и экологическая. Значит, образ жизни населения финального палеолита был обязан подчиняться этому ритму.

Если взглянуть на любую современную карту, где приводятся данные плотности населения для территории нашей страны, легко заметить, что 4/5 этого ареала до сих пор имеют менее 1 человека на 1 кв. км. При этом особенно низка эта плотность в Циркумполярной зоне. Была ли иной ситуация в Европе в условиях финального плейстоцена, когда здесь были схожие природные условия? Со всей очевидностью можно утверждать, что нет. Нет необходимости развернутого обзора специальной литературы, чтобы подтвердить это. Достаточно обратиться лишь к данным, изложенным в

монографиях Ю.Б. Симченко (1976) и Е.Е. Сыроечковского (1982, 1986). По оценке, сделанной с учетом экологических условий питания диких северных оленей, на территории СССР в пределах всего ареала обитания в тундре, тайге и горных областях была равной 5-7 млн. голов. При этом все население континентальных тундр от Скандинавии до Чукотки — охотников на северного оленя в эпоху неолита не превышало 10-11 тыс. человек (Сыроечковский, 1986, с. 162; Симченко, 1976). Известно, что площадь всей Циркумполярной зоны Евразии составляет около 10 млн. кв. км. В конце плейстоцена аналогичный ареал Приледниковой Европы не мог превышать 1 млн. кв. км, что выводит нас на максимальную цифру ее обитателей при самых благоприятных обстоятельствах в 1-1,1 тыс. человек. То есть плотность населения этого времени равнялась, приблизительно, 1 человеку на 1000 кв. км. Следовательно, потенциальный вектор передвижения в любом направлении превышал величину стандартного дня пути пешехода. Основываясь на этих объективных данных, совершенно очевидным становится факт исключительности взаимодействия первобытных обитателей Европейских задровых равнин и возможности их реальных контактов. Таковы факты и с ними следует считаться, если стремиться к объективности палеорекоконструкций. Разумеется, изложенная здесь модель не претендует на детальность и, тем более, завершенность, однако она соответствует реалиям, точнее следует имеющимся фактам и может служить основой для последующих изысканий.

ВЫВОДЫ

Подводя краткие итоги всему сказанному, следует повторить, что источники по финальному палеолиту Центральной России, упоминаемые в литературе, в большинстве своем скудны и невыразительны. Проблема, однако, заключается не столько в этом, сколько в ошибочном определении их возраста и неверном теоретическом подходе к ее решению.

Проведена ревизия естественнонаучных методов датирования, позволившая создать

основу для теоретического обоснования финально-палеолитического возраста ряда коллекций, имеющих в бассейне, но традиционно датированных мезолитом.

Геологическое датирование мало применяется для определения возраста объектов рассматриваемого времени и в лучшем случае позволяет судить о глобальных событиях, то есть отнесении отложений к плейстоцену или голоцену. Ревизия естественнонаучных датировок

показывает, что для минеральных грунтов методы палинологического и радиоуглеродного датирования требуют серьезной корректировки. Прекращение в позднем плейстоцене лесообразования привело к замедлению седиментации, что отрицательно сказалось на скорости формирования культурных слоев и сохранности образцов, служащих для радиоуглеродного датирования. Еще менее надежной оказалась палинология, которая, как правило, отражает не время обитания на памятнике, а время формирования перекрывающих отложений, что неизбежно приводит и к омоложению заключенных в них артефактов. Кроме того, палинологическая методика отбора образцов не учитывает стандартного переотложения артефактов и пыльцы под воздействием педотурбаций.

Со всей очевидностью установлено, что метаморфозы, которые наблюдаются с финально-палеолитическими памятниками, были вызваны теми глобальными климатическими изменениями, которые происходили на рубеже плейстоцена и голоцена, и затронули не только биоценозы и человека, но и места его обитания. Это нашло яркое выражение в специфике археологических источников названного времени.

На территории Западной и Восточной Европы известно не менее пяти финально-палеолитических культур — это гамбург, федермессер, лингби, аренсбург и свидер. Сравнение их материалов с теми, которые представлены на территории Центральной России, показало, что из всего этого перечня фактически представлено лишь две — лингби и аренсбург. Ни гамбург, ни свидер, ни федермессер, элементы охотничьего вооружения которых, как полагают, присутствуют в материалах ряда культур, достоверно здесь не выделяются. Одновременно предпринята попытка теоретического обоснования плейстоценового возраста иеневской и рессетинской культур.

Палеогеографическая реконструкция, типологический анализ и некоторые естественнонаучные данные позволяют удревнить воз-

раст иеневской и рессетинской культур и считать их финально-палеолитическими. В этом случае резко возрастает общее количество памятников и становится предметным их облик. Таким образом, на вопрос о присутствии стоянок этого времени в пределах Центральной России можно не просто ответить утвердительно, но и конкретизировать его содержание не менее чем двумя культурными традициями — граветтской и лингбийской, в которые входят обе упомянутые выше культуры. Рессетинская культура наследует традиции граветта, а иеневская — лингбийские традиции. Это дает основание говорить о решении заявленной проблемы. Сказанное не просто позволяет снять с повестки сам вопрос об облике материалов данной эпохи в пределах изучаемого региона, но и дает методическое основание для дальнейшей, детальной разработки проблемы.

Таким образом, и рассмотренный выше частный вопрос о «восточных» индустриях и культурах, наряду с анализом поведенческих моделей, со всей очевидностью помогают познанию фундаментальных понятий археологии. И от того, какие ответы предлагать и какие модели использовать, зависит не только качество предлагаемой реконструкции, но и ее объективность.

Теоретическое решение проблемы памятников финально-палеолитического возраста на территории региона, предложенное выше, удревнение возраста рессетинской и иеневской культур и перемещение их «вниз по хронологической шкале» позволяют исключить названные культуры из дальнейшего анализа проблем мезолитоведения. Таким образом, источниковедческая база мезолита Центральной России включает не пять, как это предполагалось вплоть до самого последнего времени (Сорокин, 2004, 2006г), а всего три культуры — «бутовскую»³, пургасовскую и култинскую. Данных для иного истолкования их «эпохальной» принадлежности и возраста в настоящее время нет. Поэтому в дальнейшем целесообразно ограничиться изложением сведений лишь о трех этих культурах.

³ Причина, по которой термин взят в кавычки, будет объяснена ниже (см. главу 5).

ГЛАВА 5: МЕЗОЛИТ БАССЕЙНА ОКИ

«...культура может выглядеть лишь так, как позволяют источники».

Клейн, 1978

Теоретическое решение вопроса о памятниках эпохи финального палеолита на территории Центральной России, изложенное выше, и отнесение двух из пяти культур региона — рессетинской и иеневской к

плейстоцену позволяют точнее определиться и с теми культурами, которые по-прежнему характеризуют мезолит Поочья — «бутовской», култинской и пургасовской. Ниже будет дана характеристика каждой из них.

«БУТОВСКАЯ КУЛЬТУРА»

«Our mission is to make dreams come true»

Бутовская культура была выделена в 1976 г. Л.В. Кольцовым и отнесена к кругу памятников свидерской традиции (Кольцов, 1976; Крайнов, Кольцов, 1983; Кольцов, 1989). Ее характеристике посвящена и последняя их совместная с М.Г. Жилиным объемная публикация (Кольцов, Жилин, 1999). Бутовская проблематика затронута и в ряде работ автора (Сорокин, 1989б, в; 1990, 2002, 2004; Кравцов, Сорокин, 1991). Прежде чем обратиться к характеристике этой культуры, необходимо вернуться к истокам и вкратце коснуться важного историко-культурного момента, связанного с ее «открытием». Я осознанно закавычиваю слово открытие. Причины будут понятны ниже. Итак, в 1976 г. Л.В. Кольцовым одновременно были выделены не одна, а целых две «культуры» — елиноборская и бутовская. Причина заключения термина «культуры» в кавычки тоже станет понятной из нижеследующего. Как было достоверно установлено позднее, первая из них не только была «высосана из пальца», но из

трех отнесенных к ней коллекций две были попросту фальсифицированы Л.В. Кольцовым — это так называемые нижние слои стоянок Елин Бор и Золоторучье 3 (Сорокин, 2001). Не отличалась массовостью и третья коллекция — Коприно, хотя на этом памятнике было вскрыто 280 кв. м, и собрано — по данным Л.В. Кольцова — в общей сложности 3098 каменных предметов (Кольцов, 1963, с. 7). Но происходят они из восьми раскопов и восьми шурфов. Общее число орудий приближается к 77¹, но собраны они тоже в двух разных слоях (Кольцов, 1963, с. 13-14)². Причем, так называемый наконецник из нижнего слоя определен Л.В. Кольцовым (Кольцов, 1963, с. 14, 15, рис. 2: 32) неверно — это обломок ножа. Внушают сомнения и прочие его определения, например: заготовки двух массивных резцов (Кольцов, 1963, с. 14, 15, рис. 2: 36, 37) им определены как отщепы, тогда как это сработанные нуклеусы. А приводимое им соотношение скребков и резцов (Кольцов, 1963, с. 13), как и 2,5 % орудий

¹ Точная цифра по тексту не устанавливается.

² Кольцов Л.В. Стоянка Коприно на Верхней Волге // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М. 1963. С. 7-17.

«в комплексе» противоречат вообще всему тому, что известно о Волго-Окском мезолите. Если же сюда прибавить, что и второй наконецник «елиноборской культуры» из ее эпонимного «памятника» тоже не наконецник, а случайный предмет из ребристого отщепы с несистематической краевой ретушью, то можно только диву даваться, как с таким багажом Л.В. Кольцов брался решать проблему культурных различий в раннем мезолите.

Характерно, что даже сам первооткрыватель, говоря о состоянии трех этих коллекций, вынужден был отметить: «Существенное различие выражается и в крайней бедности стоянок восточной группы³, несмотря на то, что они раскопаны на значительной площади (Елин Бор — около 400 кв. м, Золоторучье 3 — около 300 кв. м, Коприно — свыше 250⁴ кв. м)» (Кольцов, 1976, с. 25, 26). Но Л.В. Кольцов, как хорошо видно из текста, слукавил и здесь: все так называемые бутовские коллекции тоже не отличались своей массовостью. В Гремячем было собрано около 100 предметов и 17 орудий (Воеводский, 1941; Кольцов, 1965), в Настасьино — 170 каменных изделий и 39 орудий (Кольцов, 1965). По поводу этого памятника позднее им уже вместе с М.Г. Жилиным тоже будет вскользь замечено: «Бедный и маловыразительный комплекс находок относится все же к бутовской культуре» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 11). Позволю себе, однако, не согласиться с этим. Там вообще нет форм, по которым можно атрибутировать коллекцию.

А вот о так называемой стоянке Бутово стоит поговорить отдельно. По сведениям Л.В. Кольцова — это самая «массовая коллекция» на фоне пяти других (Кольцов, 1976). В ней, если суммировать имеющиеся в публикациях цифры, насчитывается целых 2517 кремневых изделий, в том числе 227 орудий. Казалось бы, внушительные величины, особенно на общем фоне. Но не будем торопиться и при-

стальнее взглянем в эти цифры. И тогда выяснится, что уже в то время Л.В. Кольцов с успехом применял методику «улучшения источника», правда, пока не афишируя этого. Оказывается, в Бутово было не менее двух дюн, на которых Л.В. Кольцов вел сборы, и расположены они на расстоянии в 300 м друг от друга. Следовательно, они никак не могут считаться одним памятником. Аналогичные попытки предпринимались им и на других дюнах в окрестностях Бутово, но материал там был незначителен и сведений о нем нет (Кольцов, 1964, 1969). В пункте Бутово 3 (или — по словам Л.В. Кольцова — «на третьей от Волги дюне») в 1956 и 1959 гг. им было собрано 602 каменных предмета, из них 65 предметов, имеющих признаки вторичной обработки (Кольцов, 1964, с. 81, 82). Помимо морфологически выраженных орудий в это число, разумеется, попали отщепы с ретушью, пластинки со следами сработанности, резцовые сколы и многочисленные невыразительные обломки орудий, по которым форма и типы изделий не восстанавливаются (Кольцов, 1964, с. 81-85)⁵.

На дюне № 1, этот пункт был в свое время условно назван Бутово 1 (Сорокин, 1990), в 1966⁶ и 1967⁷ гг. Л.В. Кольцовым было заложено в общей сложности десять раскопов. Это со всей определенностью видно на плане памятника из полевого отчета (Кольцов, 1967, № 35676, рис. 214). Правда, из публикаций можно почерпнуть сведения лишь о четырех первых из них. Информация о других раскопах в статьях отсутствует, там лишь глухо упоминается, что «и в 1967 г. продолжались разведочные работы с целью выявления новых скопленных кремневого материала. Один из таких раскопов площадью 16 кв. м, поставленный на восточном краю первой дюны, дал небольшой, но выразительный комплекс находок» (Кольцов, 1971, с. 91). Сколько всего находок было, судить невозможно, а вот величину самой до-

³ Их Л.В. Кольцов и объединил в «елиноборскую культуру» — А.С.

⁴ На самом деле, если верить его статье 1963 г., не менее 280 кв. м (Кольцов, 1963, с. 7).

⁵ Кольцов Л.В. Бутовская мезолитическая стоянка // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 81-85.

⁶ Кольцов Л.В. Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г. // КСИА. 1969. Вып. 117. С. 61-67.

⁷ Кольцов Л.В. Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.) // КСИА. 1971. Вып. 126. С. 87-93.

полнительной площади легко вычислить. Поскольку всего было вскрыто 668 кв. м, а величина первых четырех раскопов тоже известна, то разница составляет 84 кв. м (*Кольцов, 1971, с. 91*). Немало, особенно если сравнить с размерами раскопов 2 и 3.

Расстояния между раскопами 1-4 составляли, по данным Л.В. Кольцова, от 70 до 190 м (*Кольцов, 1969, с. 61-67; 1971, с. 87-93*). Все, что сейчас известно о мезолитических стоянках Волго-Окского междуречья, никак не позволяет рассматривать материалы этих удаленных друг от друга раскопов одним памятником. Но в то время на подобную мелочь внимания можно было, по-видимому, не обращать. Раскопы 2 и 3 вскрывались только в 1966 г., а раскопы 1 и 4 исследовались в течение двух полевых сезонов, в 1966 и 1967 гг. (*Кольцов, 1971, с. 87*). Вот числовые показатели, которые их характеризуют. В раскопе 1 за два сезона было вскрыто 180 кв. м и собрано 820 предметов, включая 63 орудия (*Кольцов, 1969, с. 64; 1971, с. 91*). В раскопе 2 в 1966 г. удалось вскрыть 68 кв. м и собрать 418 изделий, включая 10 орудий (*Кольцов, 1969, с. 64*). В раскопе 3 в том же 1966 г. было раскопано 108 кв. м и обнаружено 49 предметов, включая три орудия, и, наконец, в раскопе 4 за два года было вскрыто 228 кв. м и найдено 756 предметов⁸, из которых 108 орудий (*Кольцов, 1969, с. 64; 1971, с. 91*). Чтобы просчитать все объемы, добытые в четырех раскопах Бутово 1 Л.В. Кольцовым, сведем имеющиеся данные в таблицу.

Таким образом, только на площади четырех раскопов Бутово 1 было в совокупности найдено 1915 каменных изделий, среди которых 162 предмета со вторичной обработкой. Это со всей очевидностью позволяет установить плотность распределения находок на памятнике, равное поистине астрономическому количеству — 3,2 предмета на 1 кв. м. Такое дисперсное распределение не позволяет разделить восхищения Л.В. Кольцова по поводу имевшихся в Бутово 1 «значительных скопленных материала» (*Кольцов, 1969, 1971*), и ясно указывает на тот факт, что их объединение в единый комплекс лишено каких бы то ни было оснований. Но все дело даже не в плотности и, разумеется, не в качестве самих раскопок, а в том, что удаленность раскопов друг от друга и современное представление о размерах мезолитических стоянок не позволяют считать все вскрытые площади принадлежащими к одному памятнику. Сколько этих стоянок в реальности было — это отдельный вопрос, возможно, не имеющий прямого отношения к теме. Важно то, что Л.В. Кольцовым сознательно объединены эти разрозненные материалы.

Интересно и то, что в предметах со вторичной обработкой Л.В. Кольцовым учтены, разумеется, и отщепы с ретушью, и пластинки со следами сработанности, и резцовые сколы и все невыразительные обломки орудий, поэтому он и выходит на общую цифру 108, тогда как реальные, морфологически выраженные формы в «самом массовом» раскопе 4 составляют,

	Площадь в м ²	Всего изделий	Предметов со вторичной обработкой
Раскоп 1	180	820	63
Раскоп 2	68	418	10
Раскоп 3	108	49	3
Раскоп 4	228	628 ⁸	86
Итого	584	1915	162

увы, чуть более ее половины. Неудивительно поэтому, что при подсчете показателя сходства

пяти разных коллекций из Бутово 1 и 3 их сходство с другими Волго-Окскими коллекция-

⁸ В публикации 1999 г. приведена совсем иная цифра изделий из раскопа 4 1966-1967 гг.— 1225 (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 14*), что свидетельствует о фальсификации этих материалов теперь уже обоими исследователями.

ми, отнесенными разными авторами к бутовским, оказалось минимальным даже среди фоновых показателей. Фактически вышло так, что сравнивать по сути дела было нечего (Сорокин, 1990). В результате, разговор должен идти не об одной стоянке Бутово, а о пяти разных пунктах (четыре раскопа в Бутово 1 и Бутово 3), орудийный состав которых вообще недостаточен ни для какой полноценной культурной атрибуции (Сорокин, 1990). Все сказанное равносильно отсутствию такого понятия, как «стоянка Бутово». Не добавили реального материала⁹, как впрочем, и ясности о числе имевшихся там стоянок, и раскопки Бутовских дюн в 1987 г. М.Г. Жилиным (Кольцов, Жилин, 1999, с. 11-16). Хотя сам факт, что стоянок там было несколько, М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым в тексте признается, о чем говорит фраза «Раскопы, заложенные на первом всхолмлении, охватили, по-видимому, несколько поселений» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 12, 13-16). Тогда возникает законный вопрос, а может ли культура называться бутовской, если нет эпонимной коллекции? Точнее, то, что имеется, это разрозненные малочисленные изделия, культурная атрибуция которых вообще невозможна. Фактически все это, сознательно сваленный в одну кучу (Кольцов, 1964, 1969, 1971; Кольцов, Жилин, 1999), подъемный материал, ибо по-другому результат подобных раскопок расценен быть не может. Сама методика раскопок по условным горизонтам, с помощью которой он добывался, не дает другого выхода.

Процедура механического объединения материалов абсолютно несостоятельна. Никакого единого, реально существовавшего комплекса она не отражает. Никакая целостность разрозненного материала, собранного на огромной площади, достоверно обоснована быть не может. Единство подъемного материала можно постулировать, но доказать этого нельзя. Вот почему процедуру его механиче-

ского объединения иначе, как очередное «улучшение источника», расценить нельзя. Соображение, что такой комплекс мог быть, не аргумент, ибо оно беспочвенно. Недаром М.Г. Жилин и Л.В. Кольцовым, по-видимому, прогнозируя возможность сомнения, попытались убедить читателей (Кольцов, Жилин, 1999, с. 12, 13), что раскоп 1987 г. соединяет площади раскопов 1 и 4 1966/1967 гг. и вплотную прирезан к ним. Причем «находки в той части раскопа 1987 г., которая примыкала к раскопу 4 60-х годов, продолжали серию находок последнего, сколько-нибудь заметного перерыва между ними не было» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 12). Между тем достаточно взглянуть на чертежи, чтобы убедиться в обратном (Кольцов, 1966, № 3385; Кольцов, 1967, № 3567¹⁰; Жилин, 1987, № 12522, рис. 71, 72). Единственная, призрачная концентрация находок, которая намечается по документации М.Г. Жилина, отстоит от раскопа 4 более, чем на 12 м (Жилин, 1987, № 12522, рис. 70). Кстати, и детально описанные ими в публикации ямы «хозяйственного комплекса» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 13), которые они удивительно точно назвали «мусорными» (! — А.С.), были практически лишены находок. И какое они отношение вообще имеют к мезолиту, никто, включая соавторов, не ведает. Следовательно, это не более чем «информационный шум», никак не подтверждающий утверждений М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова. И все их усилия оказались впустую.

Без сомнения, всем доводам и словам, написанным соавторами, можно было бы поверить, но при одном непременном условии — наличии в отчете М.Г. Жилина (1987, № 12522) полноценной полевой документации, подтверждающей то, о чем говорится в тексте публикации. Например, было бы абсолютно естественно дать в альбоме полевого отчета видовые рабочие фотографии, как самого процесса

⁹ В прирезке 1987 г. М.Г. Жилина к раскопу 4 в скоплении 1 было обнаружено всего 43 «изделия с четкой — по терминологии соавторов — вторичной обработкой», а в скоплении 2 — и того меньше — всего 14 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 15, с. 16).

¹⁰ Учетной карточки к отчету Л.В. Кольцова о раскопках Бутовской стоянки в 1967 г. в каталоге Архива ИА РАН нет.

раскопок, так и тех нарушений на площади раскопа, которые неизбежно бы сопрягались с засыпанными раскопами № 1 и № 4 1966/1967 гг. Л.В. Кольцова. Единственное такое фото мигом бы развеяло любые сомнения и показало их беспочвенность. Ведь, судя по чертежам (*Жилин, 1987, № 12522, рис. 44, 45, 67, 68, 72*), примыкание новой площади, сделанной в 1987 г., к раскопам № 1 и № 4 было значительное, а, значит, эти перекопы неизбежно проявились бы и на фотографиях. Увы, на весь альбом имеются всего две видовых фотографии (*Жилин, 1987, № 12522, рис. 46, 47*) и единственное фото профиля бровки, вывальной из середины раскопа. Разумеется, никаких перекопов на них не значится. Все это означает лишь одно: факты примыкания раскопа 1978 г. М.Г. Жилина к раскопам № 1 и № 4 1966/1967 гг. Л.В. Кольцова не подтверждены документально ни разу. Если было реальное наложение площадей разных лет (1966/1967 гг. и раскопа 1987 г.) и не стояла задача что-то улучшить, это неизбежно отразилось бы и в имеющейся отчетной полевой фотографической документации. Однако фотографий со следами перекопов в альбоме нет (*Жилин, 1987, № 12522*) и соединение раскопов 1 и 4 ничем, если не считать чертежей, не документировано.

На этом фоне уже совершенной мелочью выглядит нестыковка чертежей и профилей вскрытой (? — А.С.) площади между собой. Например, если попытаться их сопоставить, то выяснится, что ни одна из площадей вообще не замкнута профилями по периметру, причем сам набор профилей произволен. На рис. 53 (*Жилин, 1987, № 12522*) профиль квадратов 264-270 примыкает к раскопу 1 1967 г., тогда как должен примыкать к раскопу 4 того же года. На рис. 52 профиль 142а-122 заканчивается на метр дальше квадрата 142а, тогда как на сетке раскопа таких квадратов, как 142а и 142б, вообще нет (*Жилин, 1987, № 12522, рис. 45*) и т. д. Впрочем, такая нестыковка — вещь рядовая, вполне естественная и хорошо знакомая любому полевому исследователю. Для того и существует при камеральной обработке практика заниматься их «сгонкой».

Минимизация погрешностей — дело нудное, но необходимое и через нее проходили все без исключения. Такая работа с чертежами раскопок 1987 г. тоже была, без сомнения, проведена. И не о ней идет речь, и даже не о том, что выполнена она не совсем корректно, а о том, как интерпретировать то, что в результате получилось. М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов полагают, что «Находки раскопа 1987 г. практически сливались с находками раскопа 4 1966-1967 гг. и составляли с ними, очевидно, единый комплекс» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 12*). Позволю себе с этим не согласиться. По всем имеющимся в отчете М.Г. Жилина планам (*Жилин, 1987, № 12522, рис. 55, 67-72*) четко видно, что никакой особой концентрации находок там вообще не существует. А то, что имеется, — это отдельные, слабо насыщенные артефактами участки, взаимосвязь которых друг с другом практически отсутствует. И ее можно исключительно домыслить. Более того, присутствующие почти посередине раскопа 1987 г. темные пятна, обозначенные в альбоме, как «сооружения скопления 1», вообще никак не сопрягаются с археологическим материалом (*Жилин, 1987, № 12522, рис. 55*). Возможно, именно они и были названы в тексте публикации «мусорными» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 13*), но об этом тоже приходится только гадать. Зато фотографии темных пятен, воспринятых в качестве погребенной почвы (*Жилин, 1987, № 12522, рис. 56-58*) и помещенных среди документации по Бутово, если верить их подписям, отношения к нему вообще не имеют. Ибо на всех трех из них значится, что это стоянка Тихоново. Впрочем, ознакомление с документацией по этой стоянке в том же отчете (*Жилин, 1987, № 12522, с. 24, 25; рис. 75-80*), показывает, что и к Тихоново они не имеют никакого отношения.

Есть и другие, уже совсем неприглядные факты. Как это доказать? Довольно несложно. Для этого нужно провести перекрестное сравнение первичных данных. Прежде всего, сопоставить полевую отчетную документацию Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина. Сопоставление двух глазомерных планов памятника из отчетов Л.В. Кольцова 1967 г. (*Кольцов, 1967,*

№ 3567, рис. 214) и М.Г. Жилина (*Жилин, 1987, № 12522, рис. 44*), выполненных в одном масштабе, показывает их несовпадение. Дело не столько в высотной разнице горизонталей, их числе или контурах и даже не в небольших, не очень существенных разворотах, вскрытых на памятнике площадей, а совсем в ином. Суть заключается в несовпадении мест раскопов № 1 и № 4 на двух этих планах. Причем этот факт подтверждается документально. Сопоставление чертежей путем их наложения друг на друга показывает, что в отчете М.Г. Жилина воспроизведена копия плана Л.В. Кольцова, но с определенной коррекцией. Так 14-метровая горизонталь более позднего отчета является копией метровой¹¹ горизонтали раннего отчета. Абсолютно точно совпадают также места наиболее удаленных друг от друга двух крайних раскопов № 1 1966/1967 гг. и № 2 1967 г. (*Кольцов, 1967, № 3567, рис. 214*). А вот с раскопом № 3 1967 г. и № 4 1966/1967 гг. вышла непонятная трансформация. Нет, форму и ориентацию свою они сохранили такую же, как и на старом плане, а вот дислокацию в пространстве резко поменяли. Оба они сместились к ССВ на кратное расстояние в 40 м и приблизились к раскопу 1. Хорошо известна относительность любых цифр. В отношении космоса и световой год не расстояние, а в отношении атома и микрон — космическая величина. Вот и для раскопа № 3 такое «путешествие» по сути ничего не меняет: материал там ничтожен и в источниковедческом отношении сам по себе никакого внимания не заслуживает. Зато передислокация раскопа № 4 на 40 м к ССВ сильно изменяет всю ситуацию на первой Бутовской дюне. Ибо «сближение» в пространстве раскопов № 1 и № 4 позволяет радикально изменить все представление о памятнике. Появляются «основания» говорить о «единстве материала», «планиграфии стоянки», «бытовых объектах памятника», «реконструкции хозяйственной деятельности»

и всем том, о чем красочно поведано в тексте публикации (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 11-13, 57, 62-67, 71-79, 84-91*). И многие в такую мифологию после выхода публикации, вероятно, поверили. Элементарная проверка показала, что напрасно.

Нет особой нужды гадать, какова была реальная, вскрытая М.Г. Жилиным в 1987 г. площадь. Можно ограничиться всего одной цифрой — протяженностью его раскопа по длинной оси. По схеме из полевого отчета хорошо видно, что его длина составляет 30 м, причем и с севера, и с юга эта траншея якобы примыкает к раскопам 1 и 4 Л.В. Кольцова (*Жилин, 1987, № 12522, рис. 45*). Берусь вновь утверждать, что это неприкрытая ложь. Мои слова легко проверить. Для этого надо всего лишь обратиться к самому Л.В. Кольцову, точнее, его статье о раскопках стоянки Бутово 1 в 1967 г. (*Кольцов, 1971*). В силу обстоятельств она была издана в то время, когда практическая задача «улучшения данного источника» и, разумеется, документации еще не была актуальной. Итак, цитирую: «...раскоп 4 площадью 80 кв. м — (расположен — А.С.) в 70 м к югу¹² от раскопа 1» (*Кольцов, 1971, с. 87*). Эта цифра — 70 м — в точности соответствует и плану из полевого отчета Л.В. Кольцова 1967 г. (*Кольцов, 1967, № 3567, рис. 214*). Он, к счастью, тоже пока не «улучшен» и мои слова легко проверить. Дать точную привязку раскопов 1 и 4 1966/1967 гг. было явной неосмотрительностью, но подлог М.Г. Жилина (сделанный, разумеется, не без помощи его соавтора) благодаря этому устанавливается с документальной точностью. Все сказанное дает основание утверждать, что в 1987 г. М.Г. Жилин никак не мог соединить друг с другом 30-метровой траншеей раскопы 1 и 4 1966/1967 Л.В. Кольцова, ибо находились они на расстоянии более чем в два раза превышающем длину его траншеи четырехметровой ширины¹³.

¹¹ Высота этой горизонтали реконструирована условно, так как на плане Л.В. Кольцова допущена ошибка: две горизонтали — нулевая и метровая — на нем сливаются (*Кольцов, 1967, № 3567, рис. 214*).

¹² Направление указано неверно, точное направление — к ЮЮЗ.

¹³ Такие габариты реконструируются по полевым фотографиям (*Жилин, 1987, № 12522, рис. 46, 47*).

Следовательно, анализ первичной полевой документации (*Кольцов, 1966, № 3385; Кольцов, 1967, № 3567; Жилин, 1987, № 12522*) и перекрестное сравнение данных со всей очевидностью свидетельствует, что М.Г. Жилиным в 1987 г. не были соединены между собой раскопы № 1 и № 4 1966–1967 гг. Л.В. Кольцова. Судя по всему, им с Л.В. Кольцовым в 1987 г. никакие старые раскопы вообще найдены не были, и присутствие на памятнике второго действующего лица оказалось излишним, хотя, возможно, придало силы для последующего «улучшения» объекта. Таким образом, совершенно очевиден факт, что никаких оснований для объединения находок Бутовских дюн воедино нет. Подобная процедура является, по существу, насилием над материалом. Зато есть твердая уверенность, что единства с именем «Бутовская стоянка» не существует вообще. Это очередной миф. Тогда встает законный вопрос, почему игру воображения нужно принимать на веру, как установленный археологический факт, если полноценная документация отсутствует, а случаи подлогов, напротив, устанавливаются доподлинно?

Нет сомнения, что суммарное рассмотрение другими исследователями разрозненных материалов Бутовских дюн означает вольное или невольное признание действий М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова по «улучшению источников», и придание им законности, что недопустимо. Учитывая, что само число стоянок на территории Бутовских дюн полевыми исследователями не установлено, никакой достоверной документации не существует, и четко осознавая вымышленность единства коллекции «Бутовской стоянки», вижу следующее решение ситуации. Признать название культуры по стоянке Бутово несостоятельным.

Это означает одно. Если такая культура существует, то вопрос заключается в том, как ее называть, ибо эпонимный памятник отсутствует? Не вызывает сомнения и то обстоятельство, что сравнивать с шестью разными пунктами двух Бутовских дюн никакие другие полноцен-

ные комплексы, как и называть их бутовскими, нельзя. Это, повторюсь, означало бы скрытое признание законности действий Л.В. Кольцова и М.Г. Жилина по «улучшению источника». В связи с этим, до той поры, пока не предложено иное название явления, обозначаемого привычным термином «бутовская культура», считаю обязательным брать это словосочетание в кавычки или сопровождать его словами «так называемая»¹⁴.

Уверен: культура не может называться по вымышленному материалу, по памятнику, который в реальности не существует, а полевая документация фальсифицирована. Да, на Бутовских дюнах, возможно, где-то еще остался слой и археологический материал, но этот потенциальный источник не имеет к материалам, добытым Л.В. Кольцовым и М.Г. Жилиным, никакого отношения. То, что было ими собрано, в источниковедческом отношении не стоит ничего. Возможно это запоздалое прозрение, но оно необходимо. Развитие мезолитоведения требует безусловного знания основ источниковедения, поэтому возвращение к истокам никогда нелишне. Более того, оно необходимо, чтобы не строить иллюзий и не ошибаться в достоверности предлагаемых выводов, схем, периодизаций и гипотез, вышедших из-под пера конкретных исследователей. Сказанное со всей очевидностью определяет необходимость критики археологических источников, причем как самих памятников, так и той документации, которая накапливается в процессе их изучения (*Авдусин, 1972; Формозов, 1977; Клейн, 1978*).

Таким образом, источниковедческая база «бутовской культуры», как, впрочем, и «елиноборской» в 1970-е годы практически отсутствовала. Никакого основания для их выделения у Л.В. Кольцова не было. Однако вопреки всякой логике словосочетание «бутовская культура» было не только произнесено, но и довольно быстро получило официальное признание. Как же прав был в этом отношении А.А. Формозов, слова которого вынесены эпиг-

¹⁴ Этого принципа я буду придерживаться во всем последующем тексте и тех своих печатных работах, которые будут написаны и опубликованы после выхода в свет этой книги, исключая, разумеется, тексты цитат.

рафом параграфа о критике археологических источников (*Формозов, 1977, с. 11, 12*). Проверить основания гипотезы было некому, ибо кроме него Волго-Окским мезолитом в те годы из маститых исследователей уже никто не занимался, а неоперившейся молодежи подобное не могло прийти в голову. Это позднее станет известно, как Л.В. Кольцов работал с материалом и выделял «культуры». Что главным методом его работы было «улучшение» данных и переписывание чужих идей под собственной фамилией. Но в то время его расчет оказался верным и сработал безукоризненно. «Бутовский механизм» был запущен и многим, включая автора этих строк, пришлось разрабатывать эту проблематику. Л.В. Кольцов ошибся только в одном: подлог все равно вскрылся. Он вскрылся уже в 1976 г., когда мне в студенческие годы пришлось просматривать материалы Елина Бора. Это произошло фактически одновременно с выходом статьи Л.В. Кольцова. Но заявить об этом удалось, к сожалению, намного позднее.

Не буду акцентировать внимание на том, зачем все это ему было нужно? Ответ на это, увы, весьма прозаичен. А вот кратко рассмотреть методику, которую Л.В. Кольцов использовал для того, чтобы придать значимость «несуществующему», безусловно, заслуживает внимания. Для этого опять придется обратиться все к той же его статье 1976 г.

Итак, попытаемся определить, что же позволило Л.В. Кольцову сделать на «ровном месте» целых два открытия? Ибо иначе изобретение «бутовской» и «елиноборской» культур не назовешь. И здесь надо отдать должное его способностям. Гегелевский вопрос, как «ничто» превратить в «нечто», им был решен с поистине гениальной простотой. Он попросту утаил истинные цифры изделий, которые были в каждой из шести коллекций, зато блестяще использовал прием «процентных соотношений». Разумеется, мне и в голову не приходит упрекнуть Л.В. Кольцова в знании статистических методов. Ибо, даже производя арифметическое действие сложения при моделировании генезиса археологических культур, он пользовался «далеко — по его собственному

признанию — не математической формулой» (*Кольцов, 1979, с. 24*), однако лукавый прием «процентных соотношений» из школьной арифметики он усвоил воистину блестяще. Ну, кого удивит, если в раскопе найдено, например, 10 орудий, как и то обстоятельство, что среди них четыре резца, три скребка, один наконечник, сверло да скобель? А вот если не произносить цифру 10, а сказать: среди орудий 40% резцов, 30% скребков, а наконечники составляют целых 10%, то дело принимает совсем другой оборот. Чувствуете разницу? Недаром мудрость гласит: «Есть маленькая ложь, есть большая ложь, а есть — статистика». Разумеется, ни в 1976 г., ни позднее Л.В. Кольцов статистики не знал, но всегда с успехом пользовался ее незнанием и тех, кто его окружает. Мудрость говорит: все гениальное просто. Важно лишь вовремя сообразить, что и как сказать, а что утаить. Если кто-то полагает, что я выдумываю, пусть обратится к первоисточнику. Конкретных цифр, кроме указания на два наконечника в «елиноборской культуре» там не найти, зато на странице 22, например, написано: «Существует различие в использовании заготовок для орудий. Если в Бутово и Гремячем больше 70% орудий изготовлены на ножевидных пластинах (72,1% и 75,6% соответственно), а в бедной коллекции Золоторучья 3 даже около 80%, то в Коприно только 61,5% орудий сделано на ножевидных пластинах, в Настасьине 53%, в нижнем слое Елина Бора ножевидные пластины использовались совсем редко: только 10 вещей со вторичной обработкой оформлено на ножевидных пластинах» (*Кольцов, 1976, с. 22*). Это кто же при таких огромных процентах вспомнит, что так называемому нижнему слою Елина Бора Л.В. Кольцов приписал целых 18 орудий (*Кольцов, 1966*)? В Гремячем им было определено 17 орудий (*Кольцов, 1965*), а в Настасьино значится целых 39 (*Кольцов, 1965*). Как нет нужды и акцентировать внимание на том, что 75,6% от 17 орудий в Гремячем, как и 10% в Елином Бору от 18 предметов никак не выйдут на целые цифры. Но таких мелочей с кем, впрочем, не бывает. Дело-то ведь не в точности подсчетов, а в принципе: проценты-то

почти настоящие! Ну, зачем вдаваться, что означают слова «конкиста», «реконкиста» или «сегментация»? Куда как важнее вовремя вставить их в текст или разговор, и удивленный читатель или слушатель ничего не сможет возразить.

Меньше всего мне хотелось, чтобы кто-либо счел все написанное здесь попыткой ворошить прошлое. Ни раньше, ни теперь такая мысль мне не приходила. Однако как делались «открытия» и чего они стоят, знать во имя развития мезолитоведения необходимо.

Теперь еще об одном нелицеприятном, но важном обстоятельстве. В очередной раз приходится говорить о том, что разница в представлениях о «бутовской культуре», которая сложилась у меня с М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым, заключается не в частной проблеме характеристики одной из восточно-европейских мезолитических культур. А в самом подходе к источнику и методу работы с ним. Я считаю, что весь материал должен подвергаться источниковедческой критике, а для решения культурологических вопросов следует использовать лишь статистически представительные, достоверные и надежные коллекции (Сорокин, 1990; Кравцов, Сорокин, 1991; Сорокин, 2000а). Кредо М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, впервые открыто сформулированное в их совместной публикации 1999 г. (Кольцов, Жилин, 1999, с. 5, 57), как уже отмечалось, заключается «в улучшении источника». Отсюда абсолютно неизбежна фальсификация данных, в чем, к глубокому сожалению, неоднократно приходилось убеждаться (Сорокин, 2000а, 2001).

Объективный подход к археологическому материалу должен основываться не на фальсификациях, а на скрупулезном изучении источника и его критической оценке. Атрибутами являются также четкая фиксация количественных и качественных характеристик источника, знания об условиях формирования и бытования культурного слоя (слоев) любого памятника, методики его полевого исследования, осознание свойств коллекции, определение представительности, «чистоты» и надежности данных. Помимо этого, должна присутствовать обязательная проверяемость

всех сведений, которые используются при разработке характеристики археологических культур. Только при таком подходе в любой из них можно выделить «ядро культуuroобразующих признаков». Если же придерживаться подхода М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, то все выводы авторов должны приниматься на веру. Хорошо, однако, известно, что вера и наука — понятия несовместимые. Слепая вера в авторитеты при поиске истины — это то худшее, что может быть. Кроме того, при слепом следовании их постулатам культуры становятся «рыхлыми» и необъятными, а главное — недовольными. Примером чему служит и характеристика «бутовской культуры», предложенная этими авторами (Кольцов, Жилин, 1999).

Исходя из принципа критики источника, наиболее выразительными памятниками так называемой бутовской культуры в Волго-Окском бассейне являются стоянки Суконцево 7, Петрушино (рис. 6-27), Задне-Пилево 1 и 2, Заборовье 2, Черная 1, Борисово, Красное 3, Исток 1 (верхний слой) и Соболево 5 (Сорокин, 1990). Картографирование надежных в источниковедческом отношении коллекций показывает, что все известные к настоящему времени «бутовские» стоянки располагаются в ландшафтной зоне Восточной Европы. При этом классические ее памятники по-прежнему локализируются в пределах Волго-Окского бассейна. В 1990-е годы появились достоверные сведения, подтверждающие, что территория «бутовской культуры» шире конкретного речного бассейна. В частности «бутовские» материалы, к тому же из импортного кремневого сырья, получены в Посожье на стоянках Криничная (Липницкая, 1979; Кудряшов, Липницкая, 1993) и Дедня (Копытин, 1995; Колосов, 2007а, б). Совершенно «бутовскими» выглядят коллекции парчевской культуры, распространенной на территории Республики Коми (Археология... Коми, 1997; Волокитин, 2006). Появились такие же комплексы и на территории Финляндии, причем не только Южной, но и на самом Севере, в Лапландии. Прежде всего, это видно по материалам стоянок Ристола и Суяла (Takala, 2004; Kankaanraa, Rankama, 2005, р. 109–161; Rankama, Kankaanraa, 2004; 2005,

р. 113–121; 2007, р. 44–65). Тем не менее, это ни в малой степени не отменяет сказанного выше о местоположении классических «бутовских» памятников. Напротив, со всей очевидностью лишь подтверждает тезис, что «нет локальных культур, а есть лакуны наших знаний о них» (Сорокин, 2002).

Судя по палеогеографическим сведениям (Хотинский, 1977; Величко и др., 1978; Короткопериодические и резкие ландшафтно-климатические изменения., 1994; Динамика ландшафтных компонентов., 2002) развитие культуры проходило на фоне крупных экологических изменений растительного и животного мира, когда осуществлялась смена лесотундрового пребореального комплекса таежным бореальным. Зандры с их обилием водных и биологических ресурсов в раннеголоценовое время становятся наиболее оптимальным для жизни и привлекательным для заселения местом, поэтому начинают активно осваиваться. Население «бутовской культуры» предпочитало занимать речные и озерные террасы или омываемые водой песчаные острова. Приуроченность стоянок к рыхлым песчаным отложениям неблагоприятно сказалась на условиях формирования культурных слоев и степени сохранности остатков. В результате в большинстве коллекций почти единственно доступным для анализа оказался каменный инвентарь. Все это с особой остротой определило необходимость оценки надежности имеющихся материалов. При разработке характеристики «бутовской культуры» (Сорокин, 1986а; 1987а, 2; 1990) качественному анализу подвергся весь имеющийся массив данных. Сопоставление комплексов друг с другом, их взаимная перепроверка и доказательство «чистоты», отсеивание смешанных, сортированных и очень мелких собраний позволило не просто ограничить число надежных в источниковедческом отношении памятников, но и уловить то общее, что помимо пластинчатости объединяет «бутовскую» индустрию. Было установлено, что из 94 коллекций, отнесенных разными авторами к «бутовской культуре», не более 19 могут использоваться для культурологических целей (Сорокин, 1990). Этот вывод,

впервые сделанный еще в 1986 г., остается справедливым до настоящего времени, так как за последние годы качественного увеличения источниковедческой базы не происходило. А если раскопки на «бутовских» стоянках и велись, то чаще с помощью «традиционной методики выборочной фиксации», и сами материалы до сих пор полноценно не опубликованы (Жилин, 1996а, 2004; Lozovski, 1996). Это же в полной мере относится и к совместной публикации М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, которая, судя по ее названию, должна быть специально посвящена «бутовской» проблематике (Кольцов, Жилин, 1999), однако в ней оказались собраны разнородные материалы.

Проведенный автором источниковедческий анализ (Сорокин, 1990) дает основание утверждать, что эталонные памятники «бутовской культуры» обладают единством в первичной и вторичной обработке, а также в типологии инвентаря. Техника первичной обработки основывается на утилизации нуклеусов параллельного снятия, предназначенных для получения пластин. Во вторичной обработке использовались: 1) крутая затупливающая ретушь, 2) резцовая техника, 3) приостряющая и уплощающая ретушь, 4) двусторонняя оббивка и 5) шлифовка. Эпизодически встречаются двустороннее краевое ретуширование и псевдомикрорезцовая техника. Стандартный типологический набор «бутовской культуры» (рис. 3) включает: скребки концевые, двойные, подокруглые, боковые; резцы на сломе заготовки; ножи с приостряющей краевой ретушью; вкладыши из фрагментированных пластин; косые острия; сверла с невыделенными рабочими концами; скобели с мелкими дугообразными узкими и широкими выемками; наконечники стрел иволистной и черешковой формы; микролиты с затупленным ретушью краем; изделия с поперечно срезанным ретушью концом и комбинированные орудия (резцы-скребки, резцы-ножи, скребки-ножи). Эти типы являются массовыми. Ретушные и двугранные резцы, симметричные острия, плечиковые сверла, трапеции, рубящие орудия, скроби и предметы со шлифовкой встречаются на большинстве стоянок, но число их

ограниченно. Прочие типы орудий, которые могут встречаться на тех или иных памятниках этой культуры, как правило, единичны и не влияют по существу на облик культуры (Сорокин, 1990). Названный выше набор является поселенческим. Следует, однако, подчеркнуть, что «бутовская культура» не обладает ни одним специфическим, присущим только ей типом орудий. Взятый сам по себе каждый из 25 перечисленных типов может присутствовать и в других мезолитических культурах Восточной Европы, и только в совокупности они создают устойчивый, повторяющийся набор, определяющий ее облик. Причем этот состав характерен не только для Волго-Окского бассейна, но и тех, пока немногочисленных, стоянок, которые обнаружены в Белоруссии, Финляндии и на Вычегде. Разумеется, эта характеристика, впервые предложенная еще в 1986 г., то есть более 20 лет тому назад, требует ревизии и уточнения, а, может быть, и пересмотра на нынешней источниковедческой базе. Тем не менее, пока этого не сделано, она остается в силе.

Двухчленная периодизация этой культуры, предложенная мной в конце 1980-х годов, уже в силу «своего возраста» может не отвечать нынешнему состоянию дел. Это не означает, что она в корне неверна, хотя такое тоже возможно, но это необходимо доказать. Разумеется, в силу объективных причин она неизбежно отражала и отражает состояние дел своего времени. А значит, физически не может учитывать тех новых сведений, которые накопились после ее создания. Периодизация Л.В. Кольцова 1989 г. (*Мезолит СССР.*, 1989), как и его совместная с М.Г. Жилиным 1999 г. (*Кольцов, Жилин, 1999*), были четырехчленными, они не учитывали реального состояния дел даже на момент их рождения, поэтому обе представляют исключительно историографический интерес. Новых с тех пор предложено не было. Дело, разумеется, не в количестве этапов, которые выделяются, а в том, были ли такие этапы, и происходило ли само развитие

индустрии? Или как в случае с «зарайской традицией», где верхний слой эпонимной стоянки от нижнего отделяет по датам порядка 5,5-7 тыс. лет, а развития индустрии во времени не происходит, и все три слоя характеризуются одним и тем же набором инвентаря (*Амирханов, 2000, с. 50, 221*).

Чтобы не быть голословным, приведу несколько выдержек из параграфа «Периодизация бутовской культуры» совместной публикации М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова 1999 г. Отмечу, кстати, что помещен он после характеристики инвентаря, уже описанного по этапам. Прежде всего, обращает на себя внимание присутствие в его тексте смеси таких понятий, как «ранняя и поздняя бутовская культуры» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 63*); «...особенно на поздних и финальных этапах» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 63*); «...стоянок средних и поздних этапов» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 63-65*); «Стоянки Озерки 5 и Окаемово 4 относятся к последнему этапу бутовской культуры» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 67, 68*) и др. Однако никаких данных для такого обилия «бутовских культур», как, впрочем, и этапов нет.

Кроме необъяснимой тяги Л.В. Кольцова к четырехчленности, эта периодизация подтверждает поверхностное знание материалов обоими авторами. Мало того, что она строится на единичных, малозначительных признаках, но даже они в ряде случаев приведены неверно. Так, первый этап представлен единственным памятником — Тихоново, и значит, это не этап. «К следующему этапу отнесены памятники типа *Бутова*¹⁵ ... несколько более ранние... и... несколько более поздние» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 72*), на которых «среди наконечников начинают преобладать постсвидерские формы» и «в ряде комплексов есть наконечники, аналогичные пуллийским» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 72*). Оба этих утверждения неверны, ибо свидерских наконечников в «бутовской культуре» нет ни в одном из известных памятников, а так называемые пуллийские — это всего три наконечника из двух стоянок —

¹⁵ Здесь и далее полностью сохранена авторская стилистика — А.С.

Бутово и Прислона, причем «чистота» обеих коллекций никем не доказана. Более того, во втором случае это не просто подъемный, но еще и сортированный материал (*Жилин и др., 1996*), поэтому его достоверность ничуть не выше, чем у «Бутовской стоянки».

На «следующем этапе... нет прямоугольников, пластин с затупленным краем и концом; исчезают свидерская и пуллийская технологические традиции» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 72*). Эти утверждения также неверны, потому что прямоугольники единичны, не образуют серий и уже в силу этого не могут являться весомым «репером», а микролиты с затупленным краем и концом имеются в Борисово 1, то есть, никуда не исчезают. «Постсвидерские» наколенники сохраняются и на так называемом четвертом этапе, а о «пуллийской традиции», как отмечалось, всерьез говорить не приходится. И, наконец, утверждение «на последнем этапе... отсутствуют геометрические микролиты» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 72*) лишено смысла, так как прямоугольник есть в сборах П.П. Кудрявцева из Елина Бора. Причем эту коллекцию они используют в публикации и, следовательно, должны знать. Лучше всего о собственной периодизации сказали они сами: «Периодизация, построенная археологами,— в известном смысле искусственное сооружение, которое может не отражать действительного хода исторического процесса» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 71*). И добавить тут, пожалуй, нечего.

Согласно данным конца 1980-х годов классические памятники «бутовской культуры», судя по 20 радиоуглеродным датам стоянок Суконцево 7, Черная 1, Малая Ламна 3 и Новошино, существовали, приблизительно, в диапазоне от 8500 до 9500 лет назад, то есть в пребореальное и бореальное время (*Сорокин, 1987, 1990*). При этом, стоянки с трапециями (Исток 1, Борисово, Красное 3, Микулино, Новошино и Малая Ламна 3) образуют узкий хронологический пласт, ограниченный, по-видимому, началом VII тыс. до н. э. Следует сказать, что приращение материалов в 1990-2000-е годы не привело к автоматическому увеличению в комплексах числа трапеций.

Возможно, их присутствие в комплексах не годится в качестве «периодизационной составляющей», тем не менее, до проведения полноценного сравнения всех имеющихся на настоящее время материалов отказываться от нее нецелесообразно. Ибо просто отказаться и не предложить ничего взамен нерационально.

В последние годы, главным образом по памятникам, раскопанным М.Г. Жилиным, получены радиоуглеродные даты и палинологические определения, удлиняющие эту хронологию. И, разумеется, прежняя хронология требует корректировки. Однако до выхода в свет подробной публикации материалов этих памятников говорить об их достоверности преждевременно. Анализ совместной публикации М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова (*Кольцов, Жилин, 1999*) свидетельствует, что многие приводимые в ней данные недостоверны, и ими вообще нельзя пользоваться. Зато не вызывает сомнения то, что она красноречиво отражает поверхностное знание ими предмета изложения, изобилует фальсифицированными данными, перенасыщена различными догмами и не вносит принципиально нового содержания в характеристику так называемой бутовской культуры. Напротив, создает излишнюю путаницу.

К глубокому сожалению, не лучше обстоит дело и с теми сведениями, которые вышли из-под «пера» одного М.Г. Жилина в конце 1990-х — начале 2000-х годов (*Жилин, 1995, 1998, 2000, 2002, 2004, 2006; Zhilin, 1995, 2005*). Сам факт возможности «удлинения» «бутовской» хронологии очевиден, однако насколько и в какую сторону — это еще предстоит выяснить. Нельзя исключать, что она «растянется» на весь мезолит, от пребореала до начала атлантикума включительно. Сказанное не означает, однако, что мною признается правота «длинной» хронологии, предложенной М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым. Их хронология не имеет отношения к «бутовской культуре», ибо, повторяю, в это понятие ими объединены стоянки разных культур. Точно также использовались и естественнонаучные датировки. Но спокойно откажусь от «краткой», если она будет построена на надежно

установленных фактах. Вот почему я по-прежнему выступаю за «чистоту» эксперимента и уверен, что использовать все даты совершенно бесперспективно. Здесь нужна их прагматическая оценка. Точно так же, как нельзя делать ставку на малочисленные материалы, подобные находкам нижних слоев Станового 4, Ивановской 7, Озерков 5 и других стоянок. Эти коллекции бесперспективны с точки зрения типологического анализа. Да, дат теперь накоплено довольно много и дело не столько в их количестве, сколько в достоверности и качестве. Отсюда первостепенной задачей будет определиться с тем, а что, собственно, датировано? Слои, вещи, то и другое вместе или ни одно, ни другое, ни третье, а определен исключительно возраст самих образцов, имеющих к археологии только то отношение, что взяты они на археологических стоянках и не более того?

Во всяком случае не вызывает сомнения, что только критика и сортировка естественно-научных данных позволит уяснить начало и окончание «бутовского феномена». Точно так же, как необходимо проведение новой качественной оценки археологических источников и исключение из разряда «бутовских» недостоверных коллекций, в их числе, прежде всего, изделий нижних слоев стоянок Ивановское 7, Становое 4, материалов Озерков 5, Култино 3, Елина Бора и многих, многих других. Основа для ревизии есть, она создана в 1980-1990-е годы автором, и с учетом известной корректировки эта методика может быть успешно применена и на современном этапе.

Формирование культуры, по мнению Л.В. Кольцова, происходит на базе свидерской культуры (Кольцов, 1989). Если такой факт и имел место, то складывание «бутовской культуры» из-за отсутствия здесь свидерских памятников происходило никак не на территории Волго-Окского бассейна. На территории Полесья, где свидерские памятники многочисленны, аналогов «бутовской культуре» нет. В Прибалтике известно сходство с «бутовскими» проявляет кундская культура, но это сходство опосредованное. К югу в Подесенье име-

ются памятники типа Смячки XIV, но «бутовских» комплексов или их аналогов нет, в Подолье тоже нет ни свидерской, ни «бутовской культур». К северу и востоку от Волго-Окского междуречья картина та же. Но тогда не ясно, где же находится та территория, на которой формировалась «бутовская культура», и кем были предки ее населения?

Решая аналогичную проблему для территории Европейского Северо-Востока и рассматривая соотношение свидерской индустрии с «постсвидерскими» комплексами, А.В. Волокитин пишет в своей монографии следующее. «Очень важным источником для решения этой проблемы является стоянка Марьино 4 (Косорукова 1995). Это небольшой памятник, с выраженными свидерскими чертами (свидерские, нуклеусы, свидерские наконечники стрел). Его наличие дает основание Н.В. Косоруковой, как и М.Г. Жилину, для объяснения сложения последующей индустрии Лотовой Горы (как впрочем, и пуллийской и, как традиционно полагалась, бутовской) при участии свидерского компонента (населения). При всем моем уважении мнения коллег, я все-таки разделяю иную точку зрения, согласно которой нет свидерских элементов в бутовских и пуллийских индустриях, как нет связи между свидерскими наконечниками и так называемыми постсвидерскими (Желтова 1994; Сорокин, 2002). Постсвидерские, свидероидные наконечники изготовлены совершенно на других пластинах, снятых, как правило, с конусовидных нуклеусов, их оформление в связи с этим имеет совершенно другой характер. И, вероятнее всего, это было не заимствование формы наконечника из другой технологической традиции. Если бы это было так, то нужно было бы считать свидероидными черешковые наконечники стрел Северо-Востока Азии (Слободин 1999, рис. 73-75, 89). Скорее всего, Марьино 4 или часть материала этой стоянки являются свидетельством достаточно редкого явления — глубокого проникновения так далеко на восток носителей свидерской индустрии. Но рассматривать их в качестве основы развития целого ряда культур на столь значительной по-

размеру территории не имеет никакого смысла» (*Волокитин, 2007, с. 47, 48*). И с этим утверждением невозможно не согласиться.

Возвращаясь к генезису «бутовской индустрии» следует сказать, что все становится на свои места, если исходить из факта, что наибольшее сходство так называемой бутовской культуры прослеживается не со свидерской, а с рессетинской культурой. Совершенно очевидно, что большинство признаков, составляющих классический «бутовский» ансамбль, уже содержится в материальной культуре аборигенного населения Волго-Окского междуречья — рессетинской культуре, которая датирована финалом плейстоцена и от которой новая культура и унаследовала основную массу своих признаков. (*Сорокин, 1987а, г; 1989б, в; 1994, 2004, 2006г; Sorokin, 1999*). Эта гипотеза отнюдь не отвергает и не исключает роли сезонных миграций в жизни первобытного населения. Но связь рессетинской и «бутовской» индустрий настолько очевидна, что не требует привлечения миграционных процессов для объяснения их родства.

В результате сопоставления кремневых комплексов «бутовской культуры» со свидерскими (*Сорокин, 1989б, в; 1990*) становится очевидным, что свидерские элементы в генезисе «бутовской культуры» практически отсутствуют. Единственный признак, который их может связывать, — это плоская ретушь на так называемых постсвидерских наконечниках, появление которых чаще всего и объясняют их заимствованием из свидерской культуры. Но корректного доказательства происхождения «постсвидерских» наконечников от свидерских так до сих пор и не предложено, хотя сама идея была высказана еще в 1930-е годы и с тех пор неоднократно дискутировалась.

Традиционная для археологической литературы модель образования археологических культур, служащая основой представлений приверженцев «свидерских корней», известна как «контактная». Она имеет много слабых мест. Механизм ее реализации, предложенный Л.В. Кольцовым (*Кольцов, 1979*), сводится к «сложению» разных элементов в прямом значении термина. При таком примитивном, меха-

нистическом понимании генезиса археологических культур эта «материализация» идеи есть не что иное, как процедура образования подъемного материала, а никак не археологических культур (*Сорокин, 2000а, б; 2001а; 2002а; 2006г*). И всерьез восприниматься не может. Это не означает, что образование нового явления (археологической культуры) невозможно в результате метисации населения и некоего симбиоза разных технологических традиций, но, еще раз подчеркну, не в том виде, как это описано в упомянутой статье или статье М.Г. Жилина (*2000*).

Для корректного доказательства «контактной» гипотезы в генезисе кундской, «бутовской» и других «постсвидерских» культур не хватает, по крайней мере, одного немаловажного обстоятельства: доказательства производного характера так называемых постсвидерских наконечников с плоской ретушью на брюшке от наконечников свидерской культуры. Тем не менее, это вариант возможный, но не обязательный уже хотя бы потому, что плоская ретушь на наконечниках не является достоянием исключительно свидерской культуры, а имеет весьма широкое, как территориальное, так и хронологическое распространение.

Не вызывает сомнения, что возникновение новых признаков и, как результат, — сложение новой археологической культуры — может происходить и без заимствования извне, в результате внутренней эволюции. Эта модель, известная как «эволюционная» или «трансформационная», вполне подходит для объяснения генезиса как «бутовской», так кундской и всех других так называемых постсвидерских индустрий (*Сорокин, 1989б-д; Sorokin, 1999*). Более того, даже наличие плоской ретуши легко выводимо из «рессетинского круга», ибо плоская ретушь встречается не только на ряде наконечников с боковой выемкой в рессетинских памятниках, но и в Хотылево 2 и Гагарино, которые являются предшественниками и «бутовской», и кундской индустрий. Таким образом, в рамках «эволюционной» гипотезы и этот прием находит вполне логичное объяснение.

Орудийный набор любого первобытного коллектива, а значит, и археологической куль-

туры, складывался не в результате того, что кто-то когда-то где-то у кого-то заимствовал те или иные понравившиеся вещи и начинал их использовать. Он складывался в процессе усвоения, наследования и развития вековых традиций и опыта конкретных обществ каждым последующим поколением потомков у своих собственных родителей и через них опосредованно — у всех предков (Сорокин, 2002, 2004, 2006в-д). И достигалось это как путем непосредственной передачи навыков в ходе обучения детей их родителями конкретным трудовым операциям или нормам жизни (= права), так и косвенно — всем стилем и образом жизни общества, в котором ребенок родился и рос. Это не значит, что сказанное исключает всякую возможность контактов древнего населения, заимствования у соседей в результате обмена тех или иных предметов или навыков их изготовления. Это означает только одно — вспомогательную функцию подобных контактов, ее исключительность и даже в чем-то экстремальность, а не повседневность и обыденность. Вот почему «контактная гипотеза», активными проповедниками которой выступают М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов, не может быть «нормой генезиса археологических культур». И, напротив, эволюционная гипотеза представляется более реальной, она не требует контактов населения и корректнее объясняет «механизм развития» традиции.

Эволюционная гипотеза (Сорокин, 1989б-г; 1990; 2004, 2006в-д; Sorokin, 1999) в отличие от «контактной» (Кольцов, Жилин, 1999) позволяет не просто говорить о наличии генетической связи между рессетинской, пуллийской и «бутовской» индустриями, но и непротиворечиво объясняет механизм передачи и усвоения навыков в единой генетической среде. «Контактная модель» в том виде, как она изложена Л.В. Кольцовым (1979) и позднее, в 1990-2000-е годы, его интерпретаторами, не только не приводит к образованию новых археологических культур, но и служит классическим примером вывода, построенного на наименее надежном в источниковедческом отношении материале — подъемном.

Иных представлений придерживается по-прежнему Л.В. Кольцов, взгляды которого разделяет и М.Г. Жилин (Кольцов, Жилин, 1999). Собственно, и в этой совместной публикации как единственно возможная рассматривается гипотеза о сложении «бутовской культуры» на основе свидерской. Эта идея не выдерживает критики, и высказываться по этому поводу мне уже приходилось неоднократно (Сорокин, 2001, 2006в-д). Во всяком случае, и стоянка Саласпилс-Лаукскола в Латвии, которая отнесена М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым к непосредственным предшественникам «бутовской индустрии» (Кольцов, Жилин, 1999), тоже не имеет к ее генезису никакого отношения. Анализ со всей очевидностью показал (Сорокин, 2001, 2006г) отсутствие сходства этого памятника с «бутовскими» комплексами, как по массовым типам изделий, так и по единичным признакам. Так, например, не соответствует действительности утверждение М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, что «эту стоянку и бутовские роднит присутствие псевдомикрорезцов» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 74). Ибо единичные псевдомикрорезцы в Саласпилс-Лаукскола (по данным М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова (Кольцов, Жилин, 1999, таблица 1) там их 3 экз.), в отличие от «бутовских», имели две краевые выемки, а не одну. Впрочем, и на всех бутовских стоянках их не более двух-трех, то есть сам разговор о них беспредметен.

Естественное недоумение вызывает и утверждение соавторов, что псевдомикрорезцы использовались для изготовления черешковых наконечников стрел (Кольцов, Жилин, 1999, с. 24). Поскольку хорошо известно, что такого приема нет ни в свидерской (Shild, 1965; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Зализняк, 1991; Зализняк, 1999, 2005), ни в «бутовской» культурах, и, напротив, он характерен для аренсбургской культуры (Tautе, 1968), что не позволяет считать «чистым» свидерским и названный памятник.

Не соответствует действительности и утверждение соавторов о том, что в «бутовских» стоянках «встречаются ланцетовидные острия», которые якобы «...по устному сообще-

нию И.А. Загорской, ...есть и в некоторых скоплениях Саласпилс-Лауксколы» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 74, 75*), поскольку эти изделия в ее публикациях отсутствуют (*Zagorska, 1993, p. 97-117; 1994, p. 14-28; 1996, p. 181-190; 1999, p. 131-166*). Отмечу и некорректность отсутствия конкретных ссылок на статьи И.А. Загорской, поскольку они служат для М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова по существу единственным источником информации¹⁶. Недаром в «Апологии истории» Марк Блок воскликнул по аналогичному поводу: «...утверждение не имеет права появляться в тексте, если его нельзя проверить; и для историка, приводящего какой-либо документ, указание на то, где его можно найти, равносильно исполнению общеобязательного долга быть честным» (*Блок, 1986, с. 52*).

Не следует соавторам изобретать и микролиты с затупленным краем в свидерской культуре, в «чистых» комплексах их нет (*Зализняк, 1989; Зализняк, 1995, 1999, 2005*), а ссылка на микролиты с затупленным краем в Березно 10 (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 75*) абсурдна. Поскольку единственный такой предмет был найден в Березно 6, а не в Березно 10 (*Зализняк, 1989, с. 50-54, рис. 30, 10*). Причем, Л.Л. Зализняк в тексте прямо указывает, что микропластинка «встречена с зубом мамонта» и что она «типологически чужда свидерскому комплексу» (*Зализняк, 1989, с. 50*). Этот факт в очередной раз свидетельствует о «методике» работы М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова.

Это же касается утверждений М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова о технике первичного расщепления и массовых категорий орудий. Судя по тексту, родство «бутовских» и свидерских памятников определяется тем, что в обеих этих культурах присутствует пластинчатая техника (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 73*). Поскольку в качестве заготовок для каменных орудий во все времена использовались главным образом отщепы и пластины, выводить родство разных культур из пластинчатости индустрий — зна-

чит не сказать ничего. А вот техника получения пластин в этих культурах резко отлична. В свидерской культуре — это торцевое расщепление челновидных нуклеусов, в «бутовской» — круговое раскалывание конических и призматических ядрищ, то есть даже принцип вращения ядрищ в процессе их раскалывания разный. Необъясним и факт отсутствия в ранних «бутовских» материалах нуклеусов «двуплощадочных призматических (по их терминологии — А.С.) с одной плоскостью скалывания», или, говоря общепринятым языком, челновидных ядрищ. Что очень странно при их гипотетическом родстве.

Нет, вопреки утверждению М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова, и «повторения форм скребков и резцов свидерских и аренбургских» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 73*) в «бутовских» материалах. Они точно так же повторяют и мадленские, и граветтские, и любые другие верхнепалеолитические и мезолитические скребки и резцы, потому что не имеют никакой культурной специфики. Голословно и заявление о наличии в «бутовских» материалах свидерских и аренбургских наконечников (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 73*), ибо, как показывает проработка коллекций, этих форм нет ни в одной из них. Более того, когда они пишут: «В Тихоново встречены только очень ранние наконечники стрел — свидерские и аренбургский» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 55*), то упускают из виду, что заготовки для свидерских наконечников снимались с двуплощадочных челновидных нуклеусов. Поэтому на их спинках всегда присутствуют негативы встречного скалывания, чего нет ни на одном из наконечников стоянки Тихоново, заготовки для которых снимались с конических нуклеусов. Следовательно, эти наконечники не свидерские. Такой же натяжкой является и интерпретация двух невыразительных обломков в качестве аренбургских наконечников. Нет свидерских наконечников и в других ранних, по М.Г. Жилину и Л.В. Кольцову, так называемых бутовских памятниках.

¹⁶ Ни в тексте, ни в библиографии нет ссылок на статьи И. Загорской материалов стоянки Саласпилс-Лаукскола (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 58-62, 73-75; 131-133*), что красноречиво свидетельствует о степени «доказательности» их выводов.

Таким образом, совершенно очевидно, что никаких доказательств происхождения «бутовской культуры» от свидерской как не было, так и нет.

Следует отметить и еще одно немаловажное обстоятельство. Прямо противоречит «свидерской» гипотезе генезиса «бутовской культуры» и материал нижнего слоя стоянки Становое 4. Этот слой, по сведениям М.Г. Жилина, имеет радиоуглеродные даты, помещающие его в поздний дриас (Жилин, 2000, 2002, 2004). Разумеется, наивно придавать некую, особую роль единственному черешковому наконечнику, как и вообще всему этому очень бедному комплексу. Однако если согласиться с «бутовской атрибуцией» находок (Жилин, 2002, 2005) и признать достоверность их возраста, то, учитывая поздний облик единственного в комплексе наконечника, придется снять с повестки и вопрос о происхождении «бутовской культуры» от свидерской в результате миграции населения последней с территории Повисленья и Полесья на восток в Волго-Окское междуречье. Ибо эти культуры становятся практически синхронными, и никакого места в таком случае для трансформации свидерской индустрии в «бутовскую» просто не остается. Небезынтересно в этой связи отметить, что в своих последних работах М.Г. Жилин пришел к этой же мысли и фактически отказался от идеи свидерских истоков «бутовской культуры». Более того, он все определеннее связывает ее с нижним слоем стоянки Золоторучье 1 (Жилин, 2004, с. 106, 2007). Однако и это предположение аргументировано не более, чем первое, и ничем, кроме поспешности, не выделяется. Во всяком случае, ни в технике первичной обработки, ни в типологическом наборе сходства Золоторучья 1 и представительных «бутовских» стоянок не прослеживается. Кроме того, следует напомнить, что Д.А. Крайнов в заметках о раскопках этого памятника говорил о двух финально-палеолитических слоях (Крайнов, 1959, 1964). Тогда как М.Г. Жилин опять дает суммарные сведения для нижнего слоя (Жилин, 2007, с. 31, 32), причем никак не комментируя слов Д.А. Крайнова (Жилин, 2007).

Следует снять с повестки дня и вопрос о «бутовско»-иеневском взаимодействии. Если идея о финальноплейстоценовом возрасте иеневской культуры верна, кроме того, что она предшествует «бутовской культуре», их население было «разведено во времени» и физически не могло взаимодействовать друг с другом. Не подтверждает идею контактов их носителей и отсутствие в комплексах метисных форм (Сорокин, 2000, 2002). А вот воздействие почвенных процессов могло привести к образованию «памятников смешанной традиции». Интересно, что приращение материалов в 1990-2000-е годы ничего нового и качественного для решения этого вопроса не прибавило. Напротив, стала совершенно очевидной бесперспективность всех этих попыток без учета природного воздействия и феномена натурации.

А для решения проблемы взаимодействия иеневского и рессетинского населения пока никаких фактических данных нет. Но если они появятся оценивать их надо, прежде всего, через феномены, ставшие известными к сегодняшнему дню, а никак не с позиций прошлого века.

Количественный прирост материалов, произошедший в 1990-2000-е годы, позволяет вновь рассмотреть «бутовскую» проблематику, на иной источниковедческой основе. Действительно, было раскопано свыше двух десятков болотных стоянок. На ряде из них, в числе других были получены «бутовские» изделия. Появились стратифицированные памятники и, следовательно, возникла потенциальная возможность сопоставления не отдельных вещей друг с другом или подъемных материалов, а «колонок древностей» между собой. Особо следует отметить тот факт, что такая возможность появилась впервые. Потенциально это очень перспективно. А в практическом плане — покажет время. Во всяком случае, и на собственном опыте, и на опыте других уже не раз приходилось убеждаться, что эйфория полевых открытий гораздо чаще разбивается о прозу камеральной обработки, чем подтверждается доказанными и надежными фактами. Так, уже первая попытка работы

А.С. Смирнова с верхневолжскими коллекциями, добытыми на «болотных» стоянках М.Г. Жилиным, показала безнадежность этой затеи (Смирнов, 2004). То же самое показал и опыт А.Е. Кравцова. Не более успешными были и усилия В.М. Лозовского разобраться с материалами собственных раскопок в Замотье 2, где сама фиксация была, без сомнения, полноценной, но подвела погоня за конечными результатами. Поэтому скорость добывания вещей из слоя оказалась несопоставимой с пониманием самих слоев. Он совершенно упустил из виду характер генезиса культурных напластований, и шлейфы вслед за Ю.А. Лаврушиным, принял за суходольные отложения. Из-за этого перемешанные прослои водной аккумуляции рассматривал в качестве суходольных, поселенческих слоев. А последние, тоже под воздействием авторитетов, — в качестве достоверных и чистых, чего на самом деле нет. Вот почему эпизодическое присутствие в обоих мезолитических слоях памятника фрагментов неолитической керамики — не случайность, а закономерное тому свидетельство.

Не вызывает сомнения, однако, что новую характеристику «бутовской культуры» придется разрабатывать уже молодым исследовате-

лям, знакомым с современной методикой, не обремененным научными догмами и, что немало важно, кандидатскими сроками. Как и то, что характеристика эта должна разрабатываться не просто на нынешней источниковедческой базе, но само ее состояние тоже должно отвечать самым жестким современным требованиям.

Приращение объемов уже привело к пополнению и обновлению базы, но в практическом плане не вызвало автоматического ее улучшения. Это как раз тот распространенный случай, когда количество вообще может никогда не перейти в новое качество. Так, например, было с результатами деятельности хозяйственных экспедиций на великих стройках коммунизма. Не особо изменилась ситуация и позднее. Никаких гарантий в положительном исходе такого насущного мероприятия никто дать, включая, разумеется, автора, не может. Причем, реальность получения отрицательного результата по-прежнему весьма высока. Однако подобная работа необходима уже хотя бы для того, чтобы беспристрастно убедиться в качестве добытого и справедливости его предварительных оценок. Словом, «бутовская» проблематика ждет своего исследователя.

КУЛТИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Была выделена в 1986 г. автором (Сорокин, 1987а). Эпонимный памятник — Култино 1 — расположен в Тверской области. Представительных и надежных коллекций известно всего четыре — Култино 1 (Кольцов и др., 1978, 1979; Кольцов, Жилин, 1999, с. 17-19, 96-99), Старая Пустынь (Кольцов и др., 1991), Спас-Седчено (Кольцов, Жилин, 1999, с. 51) и Барашево 1 (Кравцов, Сорокин, 1991; Сорокин, 2003/2004). Для сравнительного анализа допустимо также использование коллекций Угольново 1 (Кольцов, Жилин, 1987; Кольцов, 1989, с. 74-75, 252) и Велетьминской 9 (Жилин, Миронос, 1983; Кольцов, Жилин, 1999, с. 46-47, 124-129).

Для култинской культуры характерна параллельно-призматическая техника расщепления

торцевых, конических и призматических ядрищ, относительно высокий микролитизм индустрии, слабое использование крутой затупливающей ретуши, отсутствие уплощающей ретуши. Типологический набор отличается бедностью и невыразительностью, он включает лишь восемь общих типов орудий, причем массовых среди них всего три — резцы на сломе заготовки, концевые скребки и вкладыши из фрагментированных пластин (Сорокин, 1987а; 1990). В качестве предметов охотничьего вооружения использовались скошенные и косые острия, первые — как колющие наконечники, вторые — в виде боковых вкладышей. Благодаря острому углу (< 60°) скошенные острия могли легко проникать в тело добычи, а скошенный асимметричный край

придавал наконечнику еще и поворотный эффект. В отличие от них косые острия не обладают выраженной культурной спецификой и встречаются как в «бутовской», иеневской, рессетинской, песочноровской, так и других финальнопалеолитических и мезолитических культурах. Своеобразие охотничьего вооружения култинской культуры подчеркивается также отсутствием постсвидерских наконечников и микролитов с затупленным ретушью краем.

По иному рассматривают стоянки култинской культуры М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов. В 1987 г. М.Г. Жилиным в Волго-Окском бассейне были выделены так называемые памятники типа Красново 1 (Жилин, 1987). Вместе с Л.В. Кольцовым он считает их «специализированными охотничьими лагерями бутовской культуры» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 78, 79). Помимо эпонимного памятника — Красново 1 — (Бодунов и др., 1983; Жилин, 1985), Угольново 1, Старой Пустыни и Култино 1, они относят сюда еще ряд пунктов, в их числе: Берендеево 3 (Нейштадт и др., 1969; Кольцов, 1989, с. 73, 252), Жихарево 1 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 16), Ивановское 3 и 7 (Крайнов, Хотинский, 1977; Крайнов, Хотинский, 1984; Кольцов, 1989, с. 74, 252; Крайнов и др., 1990; Некоторые итоги., 1998; Кольцов, Жилин, 1999, с. 74, 252; Жилин, 1998; Жилин и др., 2002), Лягалин Бор (Кольцов, Жилин, 1999, с. 46), Подольское (Кольцов, Жилин, 1999, с. 41), Саурово 1, 4 (Жилин, 1978), Силикатный завод 3 (Бадер, Кольцов, 1974; Кольцов, Жилин, 1999, с. 25), Угольново 3 (Жилин, 1987; Кольцов, Жилин, 1989, с. 48), Утрех 5 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 53, 72) и Федюково (Крайнов, 1978). Обращу внимание, что в тот же список попали Соболево 3 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 36-37, 108), Пищалкино (Бадер, Кольцов, 1974; Кольцов, Жилин, 1999, с. 25-26, 108), Сахтыш 9 (Крайнов и др., 1990) и даже Задне-Пилево 2 (Сорокин, 1990). Соболево 3, Пищалкино и Сахтыш 9 не являются специализированными памятниками, а Задне-Пилево 2 — не имеет отношения к типу Красново 1, так как отличается от них своим охотничьим вооружением.

С атрибуцией всех перечисленных пунктов в качестве охотничьих лагерей, за исключением Красново 1, нельзя согласиться потому, что все это не специализированные памятники, а сезонные стоянки. Об этом говорит их полный поселенческий типологический набор, включающий как охотничье вооружение (косые и скошенные острия, вкладыши из фрагментированных пластин), так и обрабатывающие орудия (скребки, резцы, ножи, сверла, скобели, рубящие орудия и т. д.). Но об этом ниже.

Памятники типа Красново 1, как мне уже приходилось писать, были выделены и названы по одной из наименее выразительных коллекций (Сорокин, 1987а, 1990), которая включает лишь 26 орудий (Бодунов и др., 1983) и уже по этому неприемлема для сравнительного анализа. Впрочем, и на большинстве других их количество редко когда достигает полусотни, например, в Утрехе 5 найдено всего восемь орудий, в Соболево 3 — 18, в Берендеево 3 — 20, Пищалкино — 33 и т. д. (Кольцов, Жилин, 1999). Создается впечатление, что они вообще объединялись по принципу «бедности» материала. При таких количествах, казалось бы, нет и предмета обсуждения. Тем не менее, М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов постоянно возвращаются к этой теме. Не является исключением и их совместная публикация 1999 г. (Кольцов, Жилин, 1999). Совершенно очевидно, однако, что используемые ими материалы недостоверны и бесперспективны для решения культурологических проблем. Приходится повторять, что при работе с археологическими коллекциями надо четко знать, с чем в каждом конкретном случае археолог имеет дело. Подъемный материал и материал из раскопок обладают разной источниковедческой значимостью. Ценность первого из них крайне невысока. Коллекции, добытые путем раскопок «на штык», по условным и литологическим горизонтам — это тоже подъемный материал, ибо при таких раскопках уничтожается структура памятника. Однако в отличие от сборов в ходе раскопок могут быть сделаны известные полевые наблюдения по распределению материала, поэтому их «вес» выше. Но в любом случае все эти коллекции значительно менее инфор-

мативны, чем те, которые получены с использованием методики пространственной фиксации. «Чистые» и смешанные комплексы пригодны для разных целей. Наименьшей информационной значимостью, как уже отмечалось, обладают сортированные коллекции. Им как бы навязан их состав и облик, отчего они наиболее тенденциозны.

Неразборчивость в выборе материалов для сравнительного анализа, незнание условий их происхождения и добычи не позволяют выработать адекватную характеристику любой археологической культуры, делает ее «размытой» и неконкретной. Это в равной степени относится как к «бутовским» и иеневским материалам, так и к памятникам типа Красново 1 в интерпретации М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова.

Для оперирования небольшими выборками необходимо использовать статистику малых чисел, только в этом случае анализ из гадания может превратиться в научный факт. Если статистика по тем или иным причинам недоступна, необходимо основываться на принципе «достаточности количества», который определяет необходимый для объективного анализа минимум в 100 орудий. Этот «качественный порог» не выдерживает большинство стоянок типа Красново 1.

Если рассматривать лишь статистически представительные коллекции (с числом орудий ≥ 100), то пригодных для анализа памятников из списка М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова останется не более трех — это Култино 1 (рис. 4), Старая Пустынь (рис. 31-33) и Спас-Седчено (рис. 34-38). Для сравнительного анализа допустимо, как уже отмечалось, использование также коллекций Угольново 1 (рис. 28-30) и Велетьминской 9, при этом надо четко осознавать, что наблюдаемые различия могут быть обусловлены именно количественными, а не качественными характеристиками. Наконец, к этому списку можно добавить еще и Барашево 1, которое тоже дало полноценный набор изделий (Сорокин, 2003/2004).

Статистическая обработка данных и корреляция признаков всей совокупности так называемых памятников типа Красново 1 (по М.Г. Жилину и Л.В. Кольцову) показывает, что

в них нет вообще ни одного общего типа орудий, что свидетельствует об их механическом объединении. Главная причина этого заключается в крайней малочисленности коллекций и сортированности ряда из них. Более того, основная их масса вообще не может быть атрибутирована в культурном отношении. Нет сомнения, что так называемые памятники типа Красново 1, помимо крайней бедности своего инвентаря, отличаются от «бутовских» целым рядом признаков. Среди них отсутствие в первичной обработке торцевых нуклеусов и большая микропластинчатость комплексов, во вторичной — меньшее использование крутой затупливающей ретуши, отсутствие уплощающей ретуши. Но главное различие между «бутовской культурой» и памятниками типа Красново 1 состоит в типологии. Орудийный набор этих памятников, выделенный по относительно представительным коллекциям (Култино 1, Спас-Седчено, Велетьминское 9, Старая Пустынь и Угольново 1), включает лишь восемь общих типов орудий (Сорокин, 1987а; 1990). А массовых среди них вообще всего три — резцы на сломе заготовки, концевые скребки и вкладыши из фрагментированных пластин. Все это фоновые типы. Ни один из них сам по себе не является специфическим и не определяет культурного своеобразия комплексов, в которых он представлен. Из морфологически выраженных предметов охотничьего вооружения присутствуют, и то не на всех стоянках, лишь скошенные и косые острия. Так как иные типы наконечников в перечисленных выше стоянках отсутствуют, именно их и следует считать таковыми. При этом скошенные острия могли, вероятно, использоваться в качестве колющих наконечников, а косые острия — в виде боковых вкладышей. Эффективность такого рода изделий наглядно продемонстрирована крупнейшим украинским специалистом в области охотничьего вооружения Д.Ю. Нужным (Нужный, 1992).

Обязательный состав «бутовской культуры» включает не менее 25 типов орудий (Сорокин, 1987а; 1990), причем 18 из них массовые. Да, в этот список входят и все те же типы, которые встречаются в так называемых памятниках

типа Красново 1. Тем не менее, это не свидетельствует в пользу их культурной близости, так как все восемь «красновских» типов можно найти в большинстве восточно-европейских мезолитических культур, а говорит исключительно о малой вариабельности каменной индустрии.

Главное, что следует подчеркнуть,— это отсутствие в памятниках типа Красново 1 ведущих «бутовских» типов охотничьего вооружения: наконечников стрел иволостной и черешковой формы, а также микролитов с затупленным ретушью краем и их производных. Это более чем странно при интерпретации памятников типа Красново 1 в качестве охотничьих лагерей «бутовской культуры».

Еще в конце 1980-х годов со всей очевидностью было установлено, что коэффициент связи памятников типа Красново 1 с материалами «бутовских» стоянок Борисово 1, Задне-Пилево 1, 2, Микулино, Петрушино, Соболево 5 и некоторых других памятников не выше фоновых показателей (Сорокин, 1987а, 1989б, 1989в, 1990). Все сказанное не позволяет рассматривать стоянки типа Красново 1 в качестве функционально специализированных памятников «бутовской культуры». По наблюдениям западноевропейских и американских ученых (Clark, 1973; Price, 1981; Frison, 1978; Фрайсон, 1986), различия между инвентарем охотничьих лагерей и стоянок одной культуры заключаются не в охотничьем вооружении, а в предметах, связанных с утилизацией охотничьей добычи, прежде всего,— скребках, резцах, проколах и т. д. Это же подтверждено и отечественными исследователями (Ларичева, 1976, 1986; Гвоздовер, Леонова, 1977; Васильев, 2004). Безосновательно думать, что «бутовская культура» представляет в этом отношении какое-либо исключение. Именно специфика охотничьего набора стоянок этого типа и отсутствие в них классических «бутовских» форм на фоне технологических показателей заставляет считать все так называемые памят-

ники типа Красново 1 относящимися к иной, не «бутовской» культурной традиции.

Поскольку самым представительным из так называемых памятников типа Красново 1 является стоянка Култино 1, и эта коллекция обладает статистически достоверной серией орудий, она и может служить тем эталоном, который олицетворяет собой всю эту совокупность. Причем, это именно базовая стоянка и считать ее, как это делают М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов, специализированным охотничьим лагерем нет никаких оснований. Ибо интерпретировать в качестве «kill-site» материал, который в количественном отношении превосходит любую из базовых «бутовских» стоянок, нелепо¹⁷ не только из-за количества найденных там артефактов, но и из-за их типологического состава. В материалах этой стоянки имеются все разновидности обрабатываемых орудий, включая скребки, резцы, ножи, перфораторы, скобели, ножи и рубящие орудия. Имеется там и охотничье вооружение, весьма специфическое и отнюдь не «бутовское», но очень многочисленное.

Реальность такова, что по всем показателям Култино 1 расходится со всеми выразительными «бутовскими» стоянками, как в первичной обработке, так вторичной отделке и, наконец, типологическом составе. А главное — там полностью отсутствует типичное «бутовское» охотничье вооружение. В Култино 1 нет ни так называемых постсвидерских наконечников стрел, ни микролитов с затупленным краем, ни их производных. В качестве колющих наконечников в Култино 1 использовались скошенные острия, с углом заострения < 60°. Благодаря острому углу они могли легко проникать в тело добычи, а скошенный асимметричный край придавал наконечнику поворотный эффект. Эти изделия следует отличать от косых острий, которые встречаются довольно широко как в «бутовской», так и в иеневской, рессетинской, песочноровской и других культурах. Имеются они и в Култино 1. Однако косые ост-

¹⁷ Для сравнения: по данным М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова в Култино 1 найдено 38699 каменных изделий (Кольцов, Жилин, 1999, с. 18), а в Заборовье 2, например, собрано всего 6684 предмета, в Соболево 5 — 5283, в Тихоново — 3210 и т. д.

рия, в отличие от скошенных, были лишь боковыми вкладышами в составном охотничьем метательном вооружении, тогда как скошенные, подобно симметричным иволистным и черешковым наконечникам, выполняли функции колющих наконечников. Обилие скошенных острий в Култино 1, не считая абсолютного совпадения форм обрабатывающих орудий, и позволяет отождествлять эту стоянку с материалами камской культуры. В то же время практическое отсутствие в Култино 1 «бутовского» вооружения не позволяет отождествлять эту коллекцию с «бутовской культурой». Неверно также считать памятники култинской культуры специализированными памятниками типа охотничьих лагерей, ибо это сезонные стоянки, а единственный, достоверно установленный ее охотничий лагерь, — это Красново 1.

Совершенно очевидно, что Култино 1 обладает полным типологическим поселенческим набором. Это такая же базовая стоянка, как Петрушино или Микулино, Соболево 5 или Елин Бор, а не охотничий лагерь, но друг к другу никакого отношения «бутовские» и култинские материалы не имеют. При сравнении материалов наиболее представительных «бутовских» базовых стоянок (Петрушино, Микулино, Задне-Пилево 1, Соболево 5, Елин Бор, Заборовье 2 и др.) с базовой стоянкой Култино 1 видно их резкое отличие по охотничьему вооружению и несходство в типах обрабатывающих орудий. Все эти различия не являются случайными по той простой причине, что изделий в Култино 1 больше, чем во всех вместе взятых представительных «бутовских» базовых стоянках. Да и группа охотничьего вооружения представлена более чем сотней предметов, что исключает случайность ее набора. Следовательно, и Култино 1, и другие памятники типа Красново 1, раз в них нет традиционного для «бутовской культуры» охотничьего вооружения, не имеют к ней ни малейшего отношения. Все это стоянки особой култинской культуры.

В этой связи уместно напомнить и тот факт, что первоначально стоянка Култино 1 вообще была отнесена пятью исследователями мезолита — Е.В. Бодуновым, В.М. Воробьевым, М.Г. Жилиным, А.В. Мирецким и самим Л.В. Кольцо-

вым — к иеневской культуре (*Кольцов и др., 1978, с. 64*). Вероятно, решающую роль в такой атрибуции памятника сыграл единственный топор с перехватом, но и этой формы нет в «бутовской культуре». Зато девятью годами позднее она уже стала «функционально-специализированным охотничьим лагерем бутовской культуры» (*Жилин, 1986; Кольцов, 1989*). Однако и это мнение ошибочно и не выдерживает элементарной критики.

Можно отметить интересную деталь: среди памятников, которые включены в «новую» периодизацию «бутовской культуры», нет ни одного, причисляемого М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым к типу Красново 1 (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 71, 72*). Случайность? Нет, просто их своеобразие настолько велико, что даже сами авторы идеи не решаются отнести какой-либо из этих памятников к конкретному этапу «бутовской» периодизации.

Для доказательства «бутовской» принадлежности памятников типа Красново 1 М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов прибегают к испытанному средству «улучшения источника». Они пишут: «Наконечники стрел на пластинах есть и на трех стоянках типа Красново 1: Соболево 3 — 4, Пищалкино — 2, Велетьминская 9 — 1» (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 66*). На самом деле, единственный из перечисленных памятников, который может быть отнесен к типу Красново 1, — это Велетьминское 9. В нем исследовано два изолированных скопления находок, но никаких достоверных так называемых постсвидерских наконечников в них нет. Типологические же особенности Соболево 3 и Пищалкино вызваны не типом памятника, как полагают соавторы, а сортировкой обеих коллекций. Факт сортировки доказывается элементарно: и в Соболево 3 (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 36, 37*), и в Пищалкино (*Кольцов, Жилин, 1999, с. 25*) число пластин значительно превышает все прочие, вместе взятые изделия, чего нет ни в одной полноценной волгоокской коллекции. Любая сортированная коллекция отражает лишь представление конкретного исследователя о материале, но никак не тот реальный комплекс, который был некогда оставлен. Вот почему интерпретация М.Г. Жилина и Л.В. Кольцова этих стоянок в

качестве охотничьих лагерей не выдерживает критики.

Невыразительный обломок из Велетьминской 9 (Кольцов, Жилин, 1999, с. 124, рис. 33, 50), даже если признать его фрагментом «пост-свидерского» наконечника, не может быть весомым аргументом в силу его единичности, способности наконечников летать и высокой вероятности их случайного попадания в любой комплекс. Кроме того, невозможно расчлнить материалы разных типов памятников, например охотничьего лагеря и стоянки, в случае их планиграфического совпадения, особенно если они раскопаны традиционным способом. Процесс смешения археологического материала при планиграфическом совпадении разнородных материалов объективен и происходит без вмешательства человека (Сорокин, 2000а, б; 2002). Это повышает требования к исследователю, ведь мы в ходе полевых исследований фактически формируем источник, «переводим его в язык исследования», поэтому обязаны делать это добросовестно, а не строить очередную пирамиду из недостоверного предмета.

Примером специализированной охотничьей стоянки «бутовской культуры» служит Задне-Пилево 2 (Сорокин, 1990). С этим, без ссылки на меня, соглашаются и М.Г. Жилин и Л.В. Кольцов (Кольцов, Жилин, 1999, с. 72), но никакого отношения Задне-Пилево 2 к памятникам типа Красново 1, вопреки их утверждению, не имеет. Не имеет уже хотя бы потому, что в нем содержатся иволжистые и черешковые наконечники стрел, которые составляют основу охотничьего вооружения этого памятника. Охотничьей же стоянкой Задне-Пилево 2 делает ее специфический типологический набор и малочисленность обрабатывающих орудий (Сорокин, 1990).

Как отмечалось выше, представительных стоянок Култинской культуры всего три — Култино 1, Спас-Седчено (Кольцов, Жилин, 1999) и Старая Пустынь (Кольцов, Жилин, Черников, 1991). Наибольшую близость к ним имеет Барашево 1, хотя этот памятник обладает известными чертами своеобразия (Сорокин, 2002б, 2003/2004). Что касается первичной обработки, для всех указанных стоянок характерна

параллельно-призматическая техника и микропластинчатость комплексов. Отсутствие карандашевидных нуклеусов в Барашево 1 и Спас-Седчено, возможно, вызвано величиной выборки и обилием сырья. Во вторичной обработке отмечается отсутствие уплощающей ретуши и крутой затупливающей при обработке микролитов. Крутое ретуширование использовалось при изготовлении резцов, косых и скошенных острий. Култино 1 и Старая Пустынь отличаются наибольшей пластинчатостью орудий (87,5% и 77,1% против 42,7% в Барашево 1).

Орудийный набор памятников сходен, но не идентичен. Например, в Барашево 1 отсутствуют концевые скребки на пластинах и выше доля нуклеидных резцов. Тем не менее, типологический состав и скребков, и резцов трех стоянок совпадает. Среди охотничьего вооружения на первом месте вкладыши из фрагментированных пластинок, которые не являются культуро-специфическим типом изделий. Их дополняют транкированные микролиты, косые и скошенные острия. Единственный наконечник с краевой выемкой из микропластины присутствует в Барашево 1, здесь же найдено и скошенное острие с зубчатым краем, отсутствующее в других стоянках. Низкая трапеция и микролит с выемкой имеются в Старой Пустыни. Значение этих предметов, в силу их единичности, вряд ли стоит абсолютизировать. Что касается перфораторов, скобелей, ножей, рубящих и комбинированных орудий, то вариabельность их невысока и функционально обусловлена. Несмотря на бедность орудийного состава, все четыре памятника статистически представительны и по основным типологическим показателям близки друг другу. В то же время они отличны от стоянок «бутовской», иеневской, рессетинской и пургасовской культур, в первую очередь, «простотой» и малой вариabельностью своего набора. Все сказанное позволяет объединять стоянки Култино 1, Старую Пустынь, Спас-Седчено и Барашево 1 в особую археологическую культуру. К ней же, по-видимому, следует отнести Угольново 1 и Велетьминское 9. Эту культуру по наиболее выразительному ее памятнику можно называть

култинской. В отличие от термина «памятники типа Красново 1» это название не только более кратко, но и более содержательно, так как обязано своим наименованием самому выразительному комплексу. Комплексу, с которым можно корректно сопоставлять другие представительные коллекции. Более того, прилагательное от названия Култино звучит благозвучнее, чем от слова «Красново».

В чем, пожалуй, можно согласиться с М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым, так это в том, что Красново 1 действительно является специализированным памятником — охотничьим лагерем. Однако это охотничий лагерь култинской, а никак не «бутовской культуры».

Впервые идея о култинской культуре была высказана, как отмечалось выше, еще в 1986 г. Поступившие с тех пор материалы, в том числе и Барашево 1, подтверждают правомерность этого выделения и расширяют представление о ней. Генезис култинской культуры, учитывая территориальную близость и имеющиеся аналогии, связан, вероятно, с мезолитом Камско-Вятского междуречья (Гусенцова, 1994). Мне не кажется удачным сохранение названия «камская культура» и за волго-окскими стоянками, так как любое обозначение культур по речным бассейнам, широко практикуемое и поныне (например, верхневолжская культура, деснинская, днепросожская, неманская и т. д.), чаще отражает сферу деятельности конкретного полевого исследователя. Более того, оно суживает понятие археологической культуры до размеров конкретного бассейна. А в случаях, когда территория выходит за его пределы, что случается постоянно по мере накопления новых данных, термин входит в логическое противоречие с содержанием.

Заслуживают, безусловно, внимания и параллели култинской с так называемой средневычегодской культурой, которая распространена на территории Европейского Северо-Востока. Она представлена значительным числом памятников (например, Курьядор, Ульяново, Пезмог 1, Евдино 2, Лек-Леса 1, Усть-Кяхта и др.), но материалы эти малочисленны (Археология... Коми, 1997). Не вызывает, однако, сомнения тот факт, что она относится к приуральской традиции, и имеет непосредственное отношение все к той же камской культуре (Археология... Коми, 1997, с. 106-109; Волокитин, 2007).

Целесообразно сопоставление материалов култинской культуры и с финальнопалеолитическим слоем Золоторучья 1 (Жилин, 2004, 2007). Во всяком случае, близость между ними совершенно очевидна. Осталось лишь проверить это предположение на новой качественной источниковедческой базе, для чего материалы Золоторучья 1, увы, не годятся. Не исключена взаимосвязь култинской культуры и с верхним слоем стоянки Вашана (Анисюткин, Лисицын, 2007), однако ее материал пока недостаточен для полноценного сравнения и остро нуждается в пополнении.

Хронология култинской культуры, в предварительном виде, может быть определена от бореала до начала атлантикума. Однако если удастся доказать ее связь с «золоторучьинской традицией», то это неизбежно приведет и к «удлинению хронологической цепочки». И задачу эту надо рассматривать в качестве актуальной.

И, наконец, еще об одной мезолитической культуре бассейна р. Оки — пургасовской.

ПУРГАСОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Была выделена автором в 1985 г. (Сорокин, 1987в, г; Смирнов, Сорокин, 1989). Эпонимный памятник — стоянка Пургасово 3 (рис. 5) — располагается на правом берегу р. Мокши в восточной части Рязанской области. Его индустрия характеризуется развитой пластинчатой и отщеповой техникой. Нуклеусы представле-

ны одноплощадочными коническими, карандашевидными или призматическими экземплярами, предназначенными для снятия пластинок и микропластинок.

Среди орудий доминируют резцы, а в них преобладают изделия с неподработанной площадкой скола, более трети из которых нукле-

видные. Двугранных и ретушных резцов по ровну, присутствуют комбинированные, однако в совокупности число их невелико. Весьма характерны плоские сколы. На втором месте по численности стоят вкладыши из фрагментированных пластин, на третьем — скребки. Среди скребков преобладают концевые, их дополняют двойные концевые, боковые, концевые-боковые, подокруглые, скробоачи и стрельчатые. Скобели, как правило, с дугообразными, узкими мелкими выемками. Сверла бывают с невыделенным концом или плечиковые. Разнообразны комбинированные орудия, наиболее часты сочетания резцов с ножами или скребками. Встречены пластины с регулярной приостряющей или реже притупляющей ретушью, тесла подтреугольной или подтрапециевидной формы, выполненные из отщепов или желваков в технике оббивки, двустороннего ретуширования или шлифовки. Многочисленны косые острия, а также микролиты с поперечно срезанным ретушью концом и микролиты с выемкой на конце. Последние часто имеют подтеску плоской ретушью на брюшке. Этот прием является культууроопределяющим для пургасовских памятников. В верхнем палеолите он представлен в Авдеево, в мезолите — присутствует в Веретье 1. Симметричные острия, напротив, устойчивых серий не образуют. Весьма выразительны абразивы, «выпрямители древков стрел» и каменные грузила с пазами для подвешивания или круглыми сверлинами. Сверление широко представлено в культуре Веретье (*Ошибкина, 1997, 2006*). Среди наконечников стрел, помимо традиционных так называемых постсвидерских, очень характерны изделия с выемкой на конце двух разновидностей. Первая — это массивные поперечно-лезвийные черешковые наконечники, боевой конец которых оформлен ретушью прямо или в виде выемки. Боевая часть обрабатывалась либо только крутой ретушью на спинке, либо двусторонней крутой или полой в сочетании с плоской. Вторая разновидность представлена крупными остриями с пильчатой ретушью на боевом конце и выемкой в основа-

нии. Специфику пургасовской культуры составляют: прием подтески, пильчатая ретушь и двустороннее краевое ретуширование, своеобразные предметы охотничьего вооружения, комбинированные орудия, а также каменные сверленные грузила.

Территория пургасовской культуры, учитывая нынешнее состояние источниковедческой базы, может быть очерчена в самом предварительном виде. Она охватывает Среднее и Нижнее Примокшанье (Пургасово 3, Имерка 4, Шаверки 5) в пределах Окско-Мокшинской низины, Мещерскую низменность (Шагара 4, Борисово 1), Верхне-Волжскую низменность (Дорки 4) и, вероятно, выходит на Великий водораздел (Круглое озеро). Однако аналогии пургасовским наконечникам имеются на территории Республики Коми (*Археология... Коми, 1997*), Таймыре (*Хлобыстин, 1998*) и даже Сахалине¹⁸.

Несмотря на то, что с 1985 г. существенного увеличения источниковедческой базы пургасовской культуры не произошло, мне не кажется ее выделение неоправданным. Во-первых, эпонимная стоянка настолько выразительна и своеобразна, что сама по себе может служить эталоном (*Сорокин, 2002б*). Во-вторых, понятие «археологическая культура» предпочтительней термина «памятники типа...» своею краткостью, большей определенностью и понятийной разработанностью. Наконец, помимо Пургасово 3 имеется еще один территориально удаленный, исследованный путем раскопок памятник — Шагара 4, давший не менее выразительный и представительный материал (рис. 39-61). Конечно, двух полноценно раскопанных памятников не так много, тем не менее их культурная специфика настолько очевидна, а орудийный набор так разнообразен, что пургасовская культура имеет право на существование. Естественно, что и ее характеристика, и проблемы генезиса и исторических судеб могут быть в настоящее время определены лишь в самом предварительном виде или вообще только сформулированы. Значит, вся работа по расширению источниковедческой базы еще впереди.

¹⁸ Хочу выразить свою благодарность С.В. Гусеву за любезно предоставленные сведения и возможность ознакомления с материалами его разведок.

Несколько слов о генезисе пургасовской культуры. Прием плоского ретуширования в Восточной Европе с некоторых пор связывают с наследием свидерской культуры. Насколько это справедливо, судить не берусь. Не исключая, что это положение может быть скорректировано, если появятся массовые даты для всех так называемых постсвидерских культур. Во всяком случае, генезис самой свидерской культуры и ее хронология еще недостаточно ясны, что не прибавляет ясности и вопросу о времени сложения «постсвидера». Как и тому обстоятельству, а весь ли «постсвидер» наследовал свидерские традиции? Ведь, несмотря на значительную хронологическую разницу в возрасте Пургасово 3 и верхнепалеолитической стоянки Авдеево, сходство многих изделий и технических приемов просто разительное. Логичнее, однако, проводить параллели пургасовской культуры с синхронными ей культурами. Так, не вызывают сомнения параллели с «бутовской культурой». Сходство в оформлении «бутовских» и пургасовских наконечников достаточно велико и может свидетельствовать о связи населения этих культур, возможно, даже указывает на их генетическое родство. Однако прием плоского ретуширования не является исключительно «бутовским» и считать плоскую ретушь «бутовской» лишь на том основании, что эта культура якобы лучше других в Волго-Окском бассейне исследована на настоящее время, было бы, очевидно, неправильно. Конечно, этот вариант возможный, но на нынешнем уровне знаний вряд ли его следует рассматривать как единственный или главный. Уже хотя бы потому, что аналогичные «постсвидерские» наконечники есть в кундской и донецкой культурах, культуре Веретье и ряде других, причем, значительно удаленных территориально (Слободин, 1999). Вероятно, правильней говорить, что пургасовская культура входит в круг так называемых постсвидерских, отдавая при этом себе ясный отчет в неопределенности этого термина.

С некоторых пор принято считать, что на основе свидерской и аренбургской культур складываются постсвидерская и постаренбургская общности, распространенные на территории Восточной Европы. При этом

полагают, что каменная индустрия свидерской культуры получила свое развитие в кундской, «бутовской», сухонской, парчевской и пургасовской культурах, а лингби, аренсбурга и, возможно, культуры федермессер — в иеневской, песочноровской, гренской, зимовниковской и усть-камской культурах, а также культурах фосна и комса. И если «линбийско-аренбургская общность» — понятие состоявшееся и имеющее под собой весомое основание, то постсвидерская общность — понятие прямо противоположное (Сорокин, 2006г). Ибо все так называемые постсвидерские культуры не входят в ареал свидерской культуры, а отстоят от него на значительное расстояние. Значит, этот факт требует своего логического объяснения, которого пока нет. Практически же есть то, что резкое расширение источниковедческой базы и изменение общих подходов к источникам привело к тому, многие очевидные раньше положения подверглись пересмотру. В частности, даже такой, казалось бы, очевидный вопрос о роли свидерской культуры в генезисе «постсвидерских» культур. В самом деле, ареал свидерской культуры на территории Европейской части СССР не выходит из границ Полесья (в широком значении термина). Единственным исключением являются памятники Литвы, но эта территория фактически не имеет геоморфологической границы с Полесьем, как, впрочем, и с Польской низменностью. Зато ни в Волго-Окском бассейне, ни к северу от него нет челновидных свидерских нуклеусов, а значит, нельзя говорить и о присутствии здесь свидерской индустрии как таковой, хотя формальное сходство по отдельным категориям изделий присутствует. Но сходство по скребкам вряд ли кто в настоящее время серьезно примет в расчет. В самом деле, ни Тихоново 1, ни Лотову Гору, ни Лукашенки нельзя назвать свидерскими стоянками, хотя формально в них имеются наконечники, подобные свидерским. То ли трансформация индустрии зашла чрезвычайно далеко, то ли это были не прямые потомки (или совсем не потомки) свидерского населения. Как ни пытаются некоторые исследователи доказать связь «бутовской культуры» со свидерской (Кольцов, Жилин, 1999; Косорукова, 1995), но остается непреложным факт, что

в «бутовской культуре» нет ни свидерской технологии, ни свидерского типологического набора (Сорокин, 1989б; в; 2001). В этой связи уместно вспомнить, что и сопоставление такой «традиционно постсвидерской» культуры, как кундская, со свидерской, выполненное польской исследовательницей С. Сульгостовской, ставит под сомнение наличие между этими культурами существенной связи. По ее мнению (Sulgestovska, 1999, p. 91), различия между ними столь значительны, что их родство не представляется таким очевидным, как это казалось ранее (Кольцов, 1977; Янитс К., 1991). Фактически единственный признак, который может расцениваться в качестве свидерского наследия,— это плоская ретушь на наконечниках (Sulgestovska, 1999, p. 91). Однако плоская ретушь не является атрибутом исключительно свидерской культуры, поэтому не может претендовать на весомую роль. Аналогичные мысли неоднократно высказывались и другими исследователями (Филатова, 1991, 2002, 2004; Желтова, 2000; Археология... Коми, 1997; Волокитин, 2007).

Не отрицая в принципе идею сложения так называемых постсвидерских культур на основе свидерской культуры Польской и Полесской низменностей, тем не менее, хочу подчеркнуть, что она требует своего обоснования с учетом всего накопленного к настоящему времени материала. Более того, должна стать не предметом декларации, а специального исследования и критического анализа. Во всяком случае, этот переход, если он был, не может быть объяснен только как результат адаптации свидерского населения в раннем голоцене к условиям лесной зоны. Ибо во всех исконных свидерских землях — и на территории Польши, и в Полесье, которые в мезолите также входили в лесную зону, никакого «постсвидера» нет. Напротив, здесь развиваются коморницкая и яниславицкая культуры, генетически не имеющие никакого отношения к свидерской. Правда, в некоторых стоянках этих культур присутствуют наконечники с плоской ретушью на брюшке (так называемые постсвидерские), но причины их появления в этих комплексах никем не обсуждались и не объяснялись. Прояснению ситуации не способствует и практичес-

ки полное отсутствие независимых дат. В вопросе о роли свидерской культуры в генезисе так называемых постсвидерских культур немало важно и то обстоятельство, что содержание самого этого термина достаточно неопределенно и что до сих пор никем не было произведено корректное сравнение культур, объединяемых этим понятием.

В этой связи уместно вспомнить и еще один факт: в верхнем палеолите Русской равнины наконечник с плоской ретушью на брюшке представлен в таких памятниках, как Авдеево и Костенки 1 (Ефименко, 1958; Амирханов, 1998; Аникович, 1998; Гвоздовер, 1998). Есть плоская ретушь также на наконечниках из Хотылево 2 и Гагарино (Заверняев, 1974; Тарасов, 1965; 1979; 1986). В литературе даже не исключается, что генезис самой свидерской культуры мог быть связан с какими-то из перечисленных индустрий. Поэтому нельзя исключить того, что материалы, объединяемые термином «восточный граветт», могут иметь непосредственное отношение к генезису «постсвидера». Во всяком случае, линия развития от Хотылево 2 и Гагарино к рессетинской, кундской и «бутовской» культурам представляется вполне осязаемой (Sorokin, 1999; Сорокин, 2004). Следует отметить и тот факт, что классические «постсвидерские» наконечники есть в неолитических стоянках Аравийского полуострова, синхронных по времени ранним кундским и «бутовским» памятникам (Амирханов, 1997). Но вряд ли можно всерьез говорить о какой-либо связи населения Аравийского полуострова и Европейских равнин друг с другом или каком-либо обмене между ними. Никак не объясняет свидерская гипотеза присутствие «постсвидерских наконечников и на Северо-Востоке Азиатского материка (Слободин, 1999). Таким образом, содержание понятия «постсвидер» и генезис этого явления, бесспорно, заслуживают специального исследования, но, к сожалению, гораздо шире рамок данной работы.

Для решения вопроса о соотношении «бутовской» и пургасовской культур известное значение имеют наблюдения над распределением «бутовских» и пургасовских наконечников. В наличии три памятника, исследованные

с помощью пространственной фиксации, на которых сочетаются пургасовские и традиционные «постсвидерские» наконечники — это Пургасово 3, Борисово 1 и Шагара 4¹⁹.

Анализ этих комплексов, подробно описанный в ряде работ (Сорокин, 2002, 2003/2004, 2006), показывает, что пургасовское и «бутовское» охотничье вооружение на стоянке Пургасово 3 залегает совместно, причем их глубины практически совпадают. Глубины, установленные для «бутовских» наконечников и пургасовских микролитов в жилище 1 Борисово 1, пересекаются, но не абсолютно, что не позволяет строго говорить о гомогенности или, напротив, гетерогенности комплекса. И, наконец, в жилище 1 1987 г. Шагара 4 глубины залегания пяти «бутовских» и трех пургасовских предметов свидетельствуют о возможном предшествовании пургасовских наконечников «бутовским». Это же подтверждается соотношением четырех мезолитических предметов в слое. И косвенно — четким стратиграфическим положением неолитических наконечников, тоже найденных на площади мезолитического жилища, точнее над ним, в заполнении котлована, ибо они располагались выше «бутовских». Вместе с тем, исходя, прежде всего, из малочисленности всех этих наблюдений и известной разногласности, следует признать, что источниковедческий анализ не дает однозначного ответа о соотношении «бутовской» и пургасовской индустрий. Поэтому гипотезы об их родстве и взаимосвязи, подобно вариантам независимого сложения обеих культур, возможно, на единой основе, как и механического смешения материалов, должны рассматриваться в качестве равновероятных.

Отсутствие серийных дат для Пургасово тоже не позволяет проводить корректное сравнение хронологии двух этих культур. Поскольку единственная пургасовская радиоуглеродная дата ничуть не моложе ранних «бутовских», а также потому, что и другие «постсвидерские» культуры имеют достаточно много общих черт с пургасовскими материалами,

было бы преждевременно говорить о прямой зависимости между двумя этими культурами. В частности настаивать на генезисе пургасовской индустрии на основе «бутовской». Говоря о генезисе пургасовской индустрии нельзя также исключить ее связи с индустрией культуры веретье. В Веретье 1, помимо «постсвидерских» наконечников, аналогичных пургасовским, широко распространено сверление камня. А на одном из косых острий боевой конец оформлен подобно пургасовским и присутствует пильчатая ретушь на черешке (Ошибкина, 1997, рис. 32, 18). Кроме того, на этом памятнике при обработке площадок резцов эпизодически использована плоская подтеска. Заслуживает внимание и присутствие пильчатой ретуши на охотничьем вооружении кундской культуры. Хотя здесь сходство, в отличие от культуры Веретье, гораздо более опосредованное и менее уловимое. Есть переклички пургасовской индустрии и с парчевскими материалами, причем, даже по охотничьему вооружению (Волокитин, 2007). Словом, все это предмет усилий ближайшей перспективы исследований.

В силу сказанного хронология пургасовской культуры может быть предложена лишь в самом предварительном виде. Возраст стоянки Борисово 1 (шлейф с находками в пойме) определен палинологическим методом не позднее начала бореала. Для стоянки Шагара 4 получена радиоуглеродная дата 9350 ± 200 (ГИН 5417), помещающая этот памятник в конец пребореального — начало бореального времени. Других естественнонаучных дат для пургасовских стоянок в настоящее время нет. Исходя из этих данных, а также размеров каменных изделий и известной рудиментарности микролитов пургасовского типа в Борисово 1, можно предположить, что Пургасово 3 является наиболее ранним из известных памятников. Если же допустить, что наиболее ранним является материал Шагара 4, то обратная последовательность — от Борисово 1 к Пургасово 3 — вряд ли возможна в силу психологической не-

¹⁹ Все прочие стоянки, где имеются пургасовские и постсвидерские наконечники, представлены либо подъемным материалом, либо раскопаны по условным горизонтам, поэтому непригодны для пространственного анализа.

выводимости из микролитов изделий крупных размеров. В любом случае, однако, на основе имеющихся данных вряд ли возможен единственный вариант решения вопроса. Предварительно можно предположить, что хронология пургасовской культуры охватывает пребореальный и бореальный периоды голоцена. Надеюсь, что последующие исследования внесут и в эту проблему большую ясность.

Территория Примокшанья и Мещерская низменность — это фактически единая геоморфологическая зона, не имеющая внутренних границ. Поэтому она может рассматриваться лишь как зона освоения пургасовского населения, его «кормовая территория». Возможно, это наиболее обжитая часть ареала рассматриваемой популяции. Может быть, такое впечатление складывается из-за сравнительно лучшей изученности Примокшанья и Мещеры по сравнению с территорией Великого водораздела. Если исходить из гипотетической реконструкции ХКТ населения лесной зоны пребореального и бореального времени как охотников-собирателей лесной зоны, то вероятность именно таких перемещений или миграций в пределах единого географического ареала и одного водного бассейна для населения пургасовской культуры представляется вполне естественной. Менее понятны аналогии пургасовским наконечникам в Таймырских материалах, хотя миграционная теория позволяет в известной мере определиться и с ними. Наконец, можно указать на присутствие единичных «пургасовских» наконечников на Сахалине и Чукотке. Это совсем далекие края, и подобные аналогии для своей «материализации» требуют кропотливой специальной работы. Впрочем, такие удаленные параллели всегда рискованны и практически недоказуемы.

Такова, вкратце, «культурная ситуация» в мезолите бассейна р. Оки. Здесь присутствуют и отдельные памятники, обладающие чертами своеобразия, которые нельзя соотносить в силу разных причин ни с одной из известных культур или такое отнесение является дискуссионным. Например, к памятникам такого рода следует отнести, прежде всего, стоянку Красное 1 «Вася», инвентарь которой включает около 11000 каменных предметов. Он подробно опи-

сан (Сорокин, 2002), и вряд ли целесообразно это описание повторять. Есть немало и менее значительных коллекций, культурная атрибуция которых невозможна из-за малочисленности орудий или специфики их состава. Хочется вместе с тем верить, что дальнейшие исследования помогут уточнить и дополнить изложенный выше очерк.

Подводя краткий итог всему сказанному, следует отметить, что проблема культурных различий далека от своего разрешения. Это определяется не только неполнотой данных, которыми приходится оперировать, но и тем, что большая часть имеющихся коллекций не отвечает принципам «достоверности» и «надежности». Все вышеизложенное написано по тем источникам, которые представляются сравнительно «чистыми» и достоверными. Эта картина отражает нынешний уровень знаний и, безусловно, будет уточняться и видоизменяться. Пока же мезолит бассейна Оки представлен тремя археологическими культурами: «бутовской», пургасовской и култинской. Первая из них возникла еще в начале голоцена, остальные появились, вероятно, в конце пребореала — начале бореала. Самыми яркими памятниками так называемой бутовской культуры на территории Окского бассейна пребореального времени являются стоянки Петрушино, Микулино, Задне-Пилево 1 и Черная 1. В конце пребореала и в бореале в Волго-Окском бассейне обитало население пургасовской культуры (Шагара 4, Пургасово 3). В бореальное время здесь также продолжало жить «бутовское» население (Борисово 1; Исток 1, верхний слой; Красное 3; Малая Ламна 3; Новошино) и появляются носители култинской культуры (Барашево 1, Старая Пустынь, Спас-Седчено и Угольново 1).

Финал эпохи мезолита на территории Окского бассейна остается наименее изученным отрезком. Л.В. Кольцов и М.Г. Жилин вслед за Д.А. Крайновым полагают, что раннеэолитическая верхневолжская культура складывается на основе «бутовской культуры» (Крайнов, Кольцов, 1979; 1983; Кольцов, 1989; Кольцов, Жилин, 1999). Однако достоверных и бесспорных данных для такого вывода по-прежнему нет (Кравцов, Сорокин, 1991; Сорокин, 2004).

Известные сомнения о связи «бутовского» и верхневолжского населения высказала и ранее последовательная сторонница этого тезиса Е.Л. Костылева (2003). Как нет и четких данных, что население «бутовской культуры» было единственным в это время в регионе. Не вызывает особого сомнения, например, что к финалу мезолита, судя по датам, могут относиться некоторые из стоянок култинской культуры. Вероятней всего, процесс «неолитизации» не был однонаправленным и одномоментным актом. Возможно, он постепенно затронул все группы кочующего населения, которые обитали на Великой Русской равнине. Здесь нужно иметь в виду и такие немаловажные обстоятельства, как малочисленность этих групп первобытного населения, особенности их образа жизни, характер и ареал кочевий. А также слабую пересекаемость маршрутов сезонных миграций и реальную невозможность «обороны кормовой территории» от проникновения извне. Не исключено и то, что могла происходить смена популяций.

В западной литературе общепризнанно, что мезолитическое население могло длительно сосуществовать с неолитическим, точнее с людьми, занимающимися производящим хозяйством (*Hunter — gatherer in transition, 1998; Documenta Praehistorica, 2004*). Этому способствовали разные экологические ниши, которые они занимали. Это же косвенно подтверждается и присутствием вплоть до настоящего времени обществ, живущих присваивающей экономикой и стоящих на уровне каменного века. Во всяком случае, не вызывает сомнения, что реальная картина весьма далека от тех примитивных схем, которые до сих пор встречаются в литературе (*Кольцов, 1989; Кольцов, Жилин, 1999; Жилин, 2001*). Один из вариантов ее решения будет изложен в следующей главе.

Разумеется, значительные корректировки в предложенную картину может внести ревизия естественнонаучных дат. Совершенно очевидно, что актуальность этого давно назрела. Но эта работа требует «отдельного времени и места» и должна быть проведена особо. Однако прежде чем подробнее остановиться на воп-

росах культурогенеза, следует рассмотреть проблему неолитизации, тоже, без сомнения, актуальную для изучаемой территории.

Следует, наконец, сказать и о следующем. Если «бутовские» стоянки «вышли» за пределы Волго-Окского бассейна, и их можно найти уже не только в зандровой зоне Восточной Европы (*Липницкая, 1979; Кудряшов, Липницкая, 1993; Копытин, 1995; Колосов, 2007а, б; Археология... Коми, 1997; Волокитин, 2006*), но и на Скандинавском полуострове (*Takala, 2004; Kankaanraa, Rankama, 2003; Rankama, Kankaanraa, 2004, 2005, 2007*), то территории култинской и пургасовской культур пока практически не локализованы. И сделать это еще только предстоит. Хотя с култинской культурой, по-видимому, ясности все же чуть больше.

Не вызывает сомнения и тот факт, что число культур может измениться, если произвести сквозную проверку имеющихся коллекций. Отсортировать все некачественные и малочисленные, оставив лишь достоверные и надежные. А еще лучше, попытавшись сравнить между собой колонки стратифицированных памятников для всей лесной зоны Восточной Европы. Если эта работа будет проведена, тогда можно будет дать новое название и «бутовским» древностям. Останется ли вообще эта культура, впрочем, как и все остальные, покажет время. И опережать события рано. Но актуальность проведения ревизии источниковедческой базы очевидна. Как, впрочем, и необходимость широкого зонального охвата всех имеющихся материалов. Методика известна, она неоднократно и успешно применялась. Коррекция, которая может понадобиться, возможна в ходе самих исследований. Коллективные усилия позволят изменить ситуацию. Нынешнее состояние мезолитоведения позволяет со всей определенностью сказать, что время локальных, «моноисследовательских» культур прошло. Что будет получено в «сухом остатке», покажет время. И не столь важно, какие из археологических культур останутся в итоге на карте Европейской России. В конечном счете, любая из них — понятие историографическое.

ГЛАВА 6: «НЕОЛИТИЗАЦИЯ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЕДИМЕНТАЦИИ

«Культура де лейен-вартена дожила до прихода неолитического земледельческого населения из бассейна Дуная и была им аккультурирована»¹.

Кольцов, 2000, с. 59

«...не вызывает сомнения, что корни местного неолита лежат в местном мезолите».

Гурина, 1970, с. 149

«...не верь глазам своим».

К. Прутков

Каждый, кто знаком с археологической литературой по каменному веку, знает традиционный набор тем, который присутствует в ней, и стандартные пути их изложения. Если оставить в стороне публикации материалов, которые, безусловно, составляют львиную долю всей печатной продукции, и попытаться систематизировать круг наиболее часто обсуждаемых проблем, то для палеолитоведов это будут общности, пути и линии развития, технокомплексы и индустрии. Для мезолитоведов — актуальнее характеристика конкретных археологических культур, их генезиса и развития во времени, истоков и судеб. Для исследователей неолита — проблемы возникновения и развития керамических традиций, орнаментов и форм сосудов, за которыми явно или подспудно стоят те или иные этнические общности.

Характерно, что как для специалистов по мезолиту, так и по неолиту при обсуждении границы этих эпох культурогенез чаще всего сводится к «возникновению керамики в местной среде». Даже те, кто допускает миграции населения и склоняется к мысли, что «керамическая идея» могла быть принесена извне, полагают, тем не менее, что «осваивало ее местное население». То есть развитие, в конечном итоге, происходило на «местной мезолитиче-

ской основе» (Телегин, 1985; *Археология: неолит... 1996; Долуханов, 2003*). Что же тогда говорить об автохтонистах. Это положение стало настолько азбучным, что приводить конкретные ссылки потеряло, пожалуй, вообще всякий смысл.

Вместе с тем, если попытаться анализировать, с чем мы имеем дело, рассматривая керамические комплексы любой из восточно-европейских раннеолитических культур, то выяснится, что формы сосудов достаточно развиты, состав формовочных масс довольно сложен, а орнаменты настолько разнообразны и «продвинуты», что вообще не поддаются никакому удовлетворительному описанию. Точнее, формализуются по целому сонму признаков, а никак не по одному-двум, что говорит о «развитой системе образов и представлений, характерных для первобытного населения» (Цетлин, 2002). Из всего этого создается стойкое впечатление, что керамика «изобреталась каждый раз уже в готовом виде», чего, разумеется, быть не могло. Существует, правда, мнение, что «первокерамика» была настолько плохо обожжена, хрупка и ненадежна, что не доходит в силу этого до исследователя. С этим, пожалуй, можно согласиться, хотя известное сомнение, безусловно, остается. Ибо сохраняется же в ряде мест сырцовый кирпич, хотя

¹ Авторский стиль цитаты сохранен полностью — А.С.

его совсем не обжигают. По-видимому, дело скорее в том, что керамика не изобреталась повсеместно, спорадически или перманентно, а возникала на достаточно высокой ступени общественного развития, когда для этого создавались определенные экономические предпосылки. И число таких центров было невелико. И лишь затем вместе с инфильтрацией или миграциями населения она распространялась по ойкумене по мере расширения последней. Вот почему в большинстве мест она и фиксируется уже в готовом виде.

Следует также отметить, что та керамика, которая считается, например, в Месопотамии наиболее ранней по возрасту (*Nishiaki, Le Miere, 2005; Nieuwenhuys, 2006*) и датируется достаточно глубоко (VII тыс. до н. э.), не может считаться таковой. Ибо сосуды с ручками, «ушками» и прочими приспособлениями для подвешивания, а также носиками для слива и поддонами не могут все же быть в силу их высокой технологичности «первокерамикой». Производство подобной посуды требует, без сомнения, такой технологии, которая невозможна на начальной стадии керамического производства (*Жущиховская, 2004*). Разумеется, изобрести можно все, что угодно, а не только керамику, но для претворения изобретения в жизнь и его широкого распространения в обиходе всегда необходимо одно немаловажное обстоятельство: общественная потребность. Только в этом случае изобретенное не останется гениальным прозрением, которое за ненужностью будет забыто. Так, по-видимому, не имело продолжения керамическая традиция, возникшая в граветте (*Pavlov 1..., 1997; Амиханов, 2000, с. 182; Праслов, 1991; Жущиховская, 2004*). Во всяком случае, верхний палеолит от неолита в Европе отделяет, за малым исключением², целиком бескерамический период (*Clark, 1980; Мезолит СССР, 1989*).

Керамика — это не просто первое искусственное вещество, созданное человеком, но и одно из самых массовых изобретений человечества, а, значит, случайность здесь исключена. И как любой феномен ее генезис должен

подчиняться определенным закономерностям. Не ошибусь, если скажу: керамическое производство возникает на определенной ступени общественного развития, как неотъемлемая составляющая производящей экономики. Для первобытного общества с присваивающей экономикой никакая керамика не нужна. Все мезолитическое население прекрасно обходилось без нее, коробами из бересты, туесами из лыка, плетеными корзинами, деревянными мисками и, наконец, просто руками (*Богораз, 1990; Малые народы... 1981; Попов, 1955; Руденко, 1947*). Не нужна керамическая посуда и скотоводам. Она часто бьется и непрактична для перевозки. Поэтому вполне хватает бурдюков и кожаных мешков для хранения и перевозки нехитрых запасов продовольствия. Более того, переноска и перевозка керамической посуды до определенного времени создает определенные трудности, поэтому, будучи при транспортировке помехой, она и не становится «мобильным компонентом» материальной культуры в среде охотников-собирателей и даже скотоводов (*Экология американских индейцев... 1988; Sauvign, 1994*).

В тех же случаях, когда возникает необходимость хранения продуктов земледелия, прежде всего, зерна и других сыпучих продуктов, неизбежно возникает потребность в зерновых ямах и многочисленных емкостях. Причем, и те и другие должны обладать известной плотностью, чтобы их не могли прогрызть многочисленные на любом поселении грызуны. Поэтому зерновые ямы часто обмазывались глиной и просушивались, а их устья наращивались, превращались в горловины и закрывались крышками. Точно также поступали и с корзинами. Разумеется, в жарком климате поначалу было достаточно простой сушки таких емкостей (сосудов). И лишь затем возникла потребность их «каления» (обжига). В любом случае керамика — элемент сравнительно оседлого быта, хотя ее наличие, разумеется, совершенно не исключает сезонной подвижности населения эпохи неолита в Средней полосе. Безусловно, в пределах Средней полосы

² Керамическая поделка известна, например, в материалах стоянки Култино 1 (*Кольцов, Жилин, 1999*).

керамика с определенного времени становится элементом уклада охотников — рыболовов — собирателей, вместе с тем, здесь отсутствуют экономические стимулы для ее изобретения. И это требует осмысления.

Не вызывает сомнения и то, что земледелие возникает там, где есть дикие формы съедобных растений (*Childe, 1948, 1952; Чайлд, 1952; Шнирельман, 1989; Cauvin, 1994; Nishiaki, Le Miere, 2005*). Окрестности поселений и сами они — места повышенной концентрации органики. В них и растения, и животные начинают вести себя иначе, не так, как в естественной среде. Это первотолчок (основа) всех генетических мутаций, связанных с биоценозом человеческих популяций. Территории «благоприятного полумесяца» с их плодородными лессовыми равнинами как раз то место, где собирательство дикорастущих злаков — естественная и необременительная форма существования человека. Здесь дикорастущие злаки неизбежно попадали в «зависимость от человека» и также неизбежно начинали мутировать (*Cauvin, 1994*). Сюда следует добавить еще то, что самые распространенные здесь почвы сложены лессами. Лессы — это тонкоотмученные глины. Во время дождя они легко превращаются в липкую грязь, а стоит выглянуть солнышку — быстро твердеют. Это и создает ту цепочку причинно-следственных взаимосвязей, ту основу, которая необходима в качестве предпосылки (базиса) керамического производства. Когда сырье лежит под ногами, служит естественной средой обитания, оно неизбежно становится элементом уклада. Тем, что дополняет и оттеняет его. В тех случаях, когда возникает оседлость, а это тоже продукт усложненного собирательства и зарождающегося земледелия, неизбежно возникает естественная потребность в постоянном хранении продуктов питания. Разумеется, зерно можно хранить в каменных и деревянных сосудах или иных естественных емкостях. Однако первые трудоемки в обработке и изготовлении, для вторых нужен постоянный источник сырья, которого много в лесной зоне, но никак не степной. А все прочие органические материалы, как правило, не защищают от грызунов.

Значит, неизбежно возникает необходимость замены. Должен быть изобретен тот материал, сырьевые ресурсы которого были бы неиссякаемы, но такой, который податлив и прост в обработке. Так и вызревают предпосылки открытия керамики.

Уверен: керамическое производство — это элемент производящего хозяйства. Необходимость в нем возникает в связи с появлением прибавочного продукта и необходимостью его длительного сохранения. Причем в тех местах, где глина и илы лежат под ногами, то раскисают, то, наоборот, твердеют, становятся обиходными, они неизбежно попадут в костер или очаг. А высушенная глина, даже не имеющая определенной формы, но попавшая в огонь — это, разумеется, пока не изделие, но уже его прототип. Даже дети любят из глины что-то мастерить, а взрослые — сидеть вокруг костра и готовить на них и очагах пищу. Неоднократное, даже случайное попадание глины в огонь с неизбежностью приведет к «осмыслению случайности», фиксации опыта и изобретению керамики. Когда цепочка связей продуцируется постоянно, она закрепляется и воспроизводится. Создается предпосылка (первотолчок) для открытия. Звенья замыкаются. Если есть общественная потребность, изобретение реализуется в обиходе. Становится повседневностью.

Разумеется, есть примеры появления прибавочного продукта в неземледельческих обществах, но усложненное собирательство морское и сухопутное — это не производящее хозяйство (*Экология американских индейцев., 1988*). Специальных способов хранения при этом не требуется. Достаточно тех, которые уже существуют в традиционной культуре. Никакой глиняной посуды при этом, как правило, не надо, и люди прекрасно обходятся имеющимися емкостями и приспособлениями (*Жушиховская, 2004*). Здесь не возникает цепочка причинно-следственных связей, требующих возникновения керамического производства. Совсем иное дело земледелие.

Можно возразить, что посуда есть во всех неолитических культурах лесной зоны Евразии, где никакого производящего хозяйства

нет. Это так. Но означает ли, что этого достаточно для самого факта ее появления, тем более глобального распространения керамики? Думаю, что нет, ибо любая глобализация, а гончарная керамика, безусловно, из этого феномена изобретений, требует не только определенных предпосылок возникновения, но и «подготовленной почвы» — известной общественной потребности и условий существования.

Даже если предположить, что глиняная посуда изобретается исключительно для приготовления пищи (Жущиховская, 2004), то все равно никакой целесообразной экономической мотивации для ее возникновения в присваивающих обществах придумать нельзя. Точнее, этим нельзя объяснить массовость ее распространения. Ибо человек сотни тысяч лет обходился природными эквивалентами посуды и «беспосудными» способами приготовления пищи и прекрасно себя при этом чувствовал. Нет потребности в массовом керамическом производстве и для совершения религиозно-магических обрядов. Например, сосудики, возможно, для растирания краски использовали уже в верхнем палеолите (Капова пещера), однако это так и осталось эпизодом, не имевшим продолжения. Массовость может вырасти лишь из экономической необходимости. А подобную потребность может создать лишь земледелие. Причем и в этом случае не столько для непосредственного приготовления пищи, сколько для хранения злаков. Хотя «кулинарные задачи» в этом случае значительно сложнее выделить из причинно-следственной цепочки. Точнее они вырастают как ее естественное и необходимое звено. Хорошо, однако, известно, что в лесной зоне земледелие возникает отнюдь не в неолите. Нет ли здесь противоречия? Полагаю, что нет. Ибо в ареале южных «неолитических земледельческих культур» неизбежно оказывается не только варварское окружение, но и собственное избыточное население. Оно-то и создает тот механизм распространения керамических традиций, который археологически фиксируется появлением глиняной посуды вне первоначальной территории. В тех местах, которые

не только лишены дикорастущих злаков, но, более того, до известного времени совершенно не приспособлены для земледелия. Тем не менее, экспансия земледельческого населения, которую в ряде случаев подстегивала «пульсирующая аридизация» — это и есть тот объективный двигатель, который был запущен климатической цикличностью (Квасов, 1975; Вагнер, 2006) и неолитической революцией (Cauvin, 1994; Башилов, 1985, 1988, 1998; Амиров, 2006). Кстати, «земледельческий путь» зарождения керамического производства характерен и для Центральной Америки (Кожин, 1988). Вот почему факт присутствия посуды в обществах с присваивающей экономикой можно связать в значительной мере с традицией, которая в ряде случаев сильнее логики, своеобразной рудиментарностью ее сохранения в обиходе при смене хозяйственного уклада. Об этом же, правда, по иному поводу, было сказано так: «И хотя опыт русских соседей наглядно демонстрировал саамам преимущества оседлой жизни в избах, те еще в начале XX века предпочитали жить в чумах и вежах. А во время кочевков — в палатке-куваксе, не желая ставить на месте постоянного зимовья хотя бы небольшой бревенчатый дом с русской печью. Стиль жизни всегда оказывался сильнее доводов разума» (Никитин, 1986, с. 259).

Хочу обратить внимание и на следующее. Если отсутствие керамики в присваивающих сообществах — явление рядовое, то земледельческие коллективы без глиняной посуды представить едва ли возможно. Значит, ее появление происходит не вдруг, не по озарению свыше, а из насущных экономических потребностей. А ими могут быть лишь задачи хранения и переработки продуктов питания. Отсюда неизбежен еще один вывод: керамика в лесной зоне — явление сформировавшееся, готовое и никаких предпосылок для генезиса неолита в Средней полосе не существует. Поэтому идею генезиса «неолитических» культур на «местной мезолитической основе» следует считать заблуждением и отказаться от нее.

Разумеется, изложенная здесь гипотеза высказывалась и ранее. «Ближневосточная прародина» керамического производства —

понятие хорошо известное в литературе (Чайлд, 1952; Mellaart, 1975; 1994; *Hunters in transition.*, 1986; Cauvin, 1994). Однако в отечественной литературе доминирует иная точка зрения на процесс неолитизации, который всецело связывается с наличием керамического производства (Гурина, 1970; Гурина, Крайнов, 1996; *Археология: неолит.*, 1996; Тимофеев и др., 2004; Тимофеев, Зайцева, 1996, 2004; Долуханов, 2003). Придерживаются ее и исследователи, работающие в Сибири и на Дальнем Востоке, где керамика документально засвидетельствована еще в плейстоценовых отложениях (Гарковик, Жущиховская, 1997; Гарковик, 2000; *Охотники-собиратели.*, 2003; Жущиховская, 2004; Кузьмин, 2003, 2006; Кузьмин, Орлова, 2000; Kuzmin, Vetrov, 2007), то есть задолго до наступления эпохи неолита. Однако повторяю: факт возникновения керамического производства в обществах охотников-собирателей ими констатируется, но никак мотивированно не объясняется (*Охотники-собиратели.*, 2003; Жущиховская, 2004; Kuzmin, Vetrov, 2007).

Мне как исследователю мезолита среди актуальных проблем неолитоведения всегда были небезынтересны два вопроса:

1) что происходит с мезолитическим населением на рубеже эпох?

2) Откуда появляется ранненеолитическое население?

Разумеется, одновременно возникает еще множество других, например, а что такое рубеж эпох? И где одна из них кончается, а другая начинается? Или, а что такое вообще археологическая эпоха? Могло ли быть в эпоху каменного века население какой-либо территории неоднородным? И если предположить, что население какой-либо территории не было однородным, то все ли группы воспринимали новый образ жизни или какие-то из них продолжали жить старым, дедовским укладом, а какие-то, более прогрессивные, устремлялись вперед? Наконец, чрезвычайно интересен механизм сложения новой ранненеолитической эпохи. И вообще, а что такое сложение эпохи? Таких вопросов возникает бесчисленное множество. И ответы на них будут разными (Чайлд,

1952; Clark, 1980; *Hunters in transition.*, 1986; *Археология: неолит.*, 1996; Kuzmin, Vetrov, 2007). Во-первых, это будет определяться мировоззрением конкретного исследователя, во-вторых, объемом, составом и качеством имеющихся в его распоряжении данных, в-третьих, без сомнения, квалификацией самого исследователя. У последователей русского марксизма, западных марксистов, представителей экзистенциализма или «новой археологии» по третьему, четвертому и т. д. Следовательно, любую проблему надо решать конкретно исторически. И, прежде всего, из-за того, что те принципы, которые лежали в основе выделения разных археологических эпох, тоже продукты своего времени. Более того, в археологии каменного века поначалу были выделены палеолит и неолит и только затем, как связка между ними, была осознана необходимость появления мезолита. Поэтому те категории артефактов, которые служили маркерами для палеолита и неолита на заре археологии, теперь-то и не удовлетворяют главному — четкости. Как правило, признаки настолько «размылись и перемешались», что почти не осталось ничего общепризнанного, что сохраняло бы свою весомость вплоть до настоящего времени. Так было и с эпохой неолита — «временем появления — по Д. Леббоку — шлифованных каменных орудий и керамики». Как оказалось, и то и другое зарождается и получает распространение еще в верхнем палеолите (Clark, 1980; Жущиховская, 2004).

Дополнительные сложности внес и Г. Чайлд, который к материальным признакам в виде артефактов, добавил еще производящее хозяйство, протогорода и стратификацию общества, то есть к сухим археологическим материальным признакам прибавил экономику и социальную сферу. И все, что было связано с присваивающей экономикой, оставил в мезолите, а земледелие со скотоводством, сырцовым строительством, храмами и пр. назвал «неолитической революцией» (Childe, 1948, 1952; Чайлд, 1952). В западной литературе эта идея получила очень широкое распространение. Советские исследователи, не особо оспаривая

само понятие «неолитическая революция», более того успешно применяя его к зарубежным древностям (Башилов, 1985, 1988, 1998; Гуляев, 1972, 1984), остались, между тем, в значительной мере на старых позициях. А вся «неолитизация» в лесной зоне свелась, в конечном итоге, к наличию или отсутствию керамики. По существу это тот разлом, который разделил западных и советских марксистов. И до сих пор он по фактически не преодолен, хотя марксизм уже перестал быть в нашей стране официальной идеологией, да и самого Советского Союза тоже давно уже нет. А вот «неолитизация по-советски» как ни странно была и остается (Археология: неолит., 1996; Неолит — энеолит Юга., 2003; Проблемы хронологии., 2004). Между тем весомых оснований, точнее доказательств зарождения этой эпохи каменного века в Северной Евразии, впрочем, как и ее единственного «эпохального» признака — керамики, до сих пор так и не появилось. Следовательно, необходимость смены парадигмы очевидна.

В идею взаимосвязи неолитической революции с возникновением керамического производства не совсем укладываются наблюдения, когда в таежной зоне Западной и Восточной Сибири, а также на Дальнем Востоке керамика встречается в памятниках плейстоценового возраста, где никаких признаков производящего хозяйства нет (Археология: неолит., 1996). Например, в Забайкалье памятники усть-каренгской культуры, где присутствуют глиняная посуда, датируются возрастом 10-12 тыс. л. н. Наиболее ранние и выразительные материалы получены здесь на стоянке Усть-Каренга 12, в культурном горизонте 7. Этот слой включает фрагменты керамики, сочетающиеся с каменным инвентарем, типичным для финала верхнего палеолита. Показательно то, что от выше- и нижележащих культурных слоев он отделен метровой стерильной прослойкой, что исключает, по-видимому, возможность случайного попадания в него черепков (Ветров, Кузьмин, 2005; Kuzmin, Vetrov, 2007).

Палинологические спектры, полученные для горизонта 7, и серия радиоуглеродных дат

помещают его в интервал 12,200-10,600 л. н., следовательно, эта керамика — по мнению исследователей — старейшая в Сибири (Ветров, 1995а; Ветров, Кузьмин, 2005; Ветров и др., 2006; Kuzmin, Vetrov, 2007). Согласно палинологическим анализам палеоэкологическая реконструкция культурного слоя 7 определяет его ландшафт как холодную травянистую степь (тундра) и открытый сосново-лиственничный лес, с карликовой березой, ольхой и приспособленным к холоду мхом плауном. Эти виды растительности в Восточной Сибири характерны для фазы перехода от плейстоцена к голоцену (Kuzmin, Vetrov, 2007).

Объяснений этому может быть несколько. Прежде всего, это неточности методов датирования, в результате которых возможно подобное удревнение. Однако в случае с усть-каренгской культурой это можно исключить, ибо эпонимная стоянка не просто хорошо стратифицирована, но и все ее слои имеют даты, не противоречащие друг другу. Помимо этого плейстоценовый возраст отложений подтверждается геологически, геоморфологически и палинологией, следовательно, достаточно надежен. Вместе с тем, судя по орнаментике и формам сосудов — это никак не протокерамика. И сами исследователи однозначно отмечают этот факт, причем связывает ее появление тут с миграцией населения (Ветров, Кузьмин, 2005; Ветров, 2006; Kuzmin, Vetrov, 2007). А вот аналогии орнаментам и формам, которые они приводят, достаточно «молодые» и относятся к диапазону 6-7 тыс. л. н., что лишний раз вызывает многочисленные вопросы. Не исключено поэтому, что в конкретном с усть-каренгской культурой случае это тот эпизод, который мог и не иметь продолжения, как керамические статуэтки и протокерамика некоторых европейских верхнепалеолитических стоянок.

Нельзя категорически отрицать и того, что коль скоро действительно имела место миграция населения из Приморья (Kuzmin, Vetrov, 2007), а туда — из Китая или Японии, то совершенно исключить, что в пределах этой первоначальной территории было земледелие, по-видимому, нельзя. Учитывая геоморфологи-

ческую позицию ранних памятников усть-каренгской культуры можно предположить, что их появление служит своеобразным отражением поиска «земли обетованной», а не обильной фауны. Тогда вопрос в том, соответствуют ли этому даты очагов первоначального земледелия в Приморье, Китае и, наконец, Японии? А если нет, то почему? И здесь весьма вероятен положительный ответ (*Imamura, 1996; Underhill, 1997; Лантев, 2006*).

Здесь немаловажно и то, что на территории Месопотамии и Анатолии, то есть в местах наиболее древних земледельческих очагов, зарождению производящего хозяйства предшествовал длительный (около 2000 лет) подготовительный «протонеолитический» этап. Когда собирательство дикорастущих злаков сопрягалось со сложной системой сохранения на поселениях общественного прибавочного продукта, апофеозом чего и становится зарождение земледелия и керамического производства (*Childe, 1948; Чайлд, 1952; Mellaart, 1975, 1994; Cauvin, 1994; Hunters in transition., 1986; Шнирельман, 1989; Neolithic in Turkey, 1997*).

Если с европейским неолитом все обстоит сравнительно благополучно, и здесь мы, без сомнения, наблюдаем стандартный «земледельческий путь» зарождения керамического производства, то по азиатским материалам (*Охотники-собиратели., 2003; Жущиховская, 2004; Ветров, Кузьмин, 2005; Ветров, 2006; Лантев, 2006; Kuzmin, Vetrov, 2007*) картина несколько иная. Судя по литературе, получается так, что керамика — единственный оставшийся «эпохальный» признак, возникает здесь намного раньше, чем наступает всеобщая «неолитизация». Если принять «охотничье-собирательскую гипотезу» и исходить из имеющихся дат, разрыв между зарождением керамики и началом «сплошной неолитизации» Северной Евразии по самым скромным подсчетам составляет порядка пяти тысячелетий. В таком случае уместно спросить, почему предыстория (протонеолит) в этом случае длиннее, чем вся эпоха неолита? Нерешенным остается и не менее важный вопрос: почему в Азиатской части происходит немотивирован-

ное изобретение керамики? И что служит причиной ее появления?

Разумеется, можно предположить, что неверна сама «земледельческая» гипотеза, однако и в этом случае неизменным остается одно: никакой экономической необходимости появления керамики у охотников-собирателей лесной зоны Северной Евразии, впрочем, как и скотоводов, не существует. Вот почему эту причину, если она была, тоже нужно искать. Ведь такая первопричина неизбежно, в силу глобальности самого явления, должна быть. И ее никак не объяснить ни детскими игрушками, ни необходимостью сохранения лесных ягод или орехов, ни потребностями запасов чего бы то ни было на зиму, ни необходимостью термической обработки даров леса.

Более того, для Северо-Восточного Китая и Японии, которые тоже относятся к очагам первоначального земледелия (*Вавилов, 1967; Шнирельман, 1989*), исследователи совершенно не исключают не только самого факта очень раннего появления там производящего хозяйства (около 16000-18000 лет назад), но и допускают возможность прямой связи с ним зарождения керамического производства (*Akazava, 1986; Imamura, 1996; Underhill, 1997; Barnes, 1999; Лантев, 2006*). Интересно и то, что локализация «золотого пояса» мирового гончарства (*Жущиховская, 2004, с. 70*) в точности соответствует мировому ареалу дикорастущих злаков, выделенному Н.И. Вавиловым (*Вавилов, 1967; Алексеев, 1984, с. 387-397; Шнирельман, 1989*). А подобные совпадения сами по себе, разумеется, не возникают.

Позднеплейстоценовый возраст раннекерамических комплексов усть-каренгской культуры Забайкалья (*Ветров, Кузьмин, 2005*), осиповской и бойсманской культур Приморья (*Гарковик, Кадзивара, 2003; Археология: неолит., 1996*), кондонской и вознесенской культур Нижнего Амура (*Гребенщиков, Деревянко, 2001; Жущиховская, 2004*), культур гуанси, яншао и луньшань Северо-Восточного и Восточного Китая (*Underhill, 1997; Лантев, 2006*) и культуры дзёмон Японских островов (*Akazava, 1986; Keiji, 1996; Barnes, 1999*) сомнения не вызывает. В этой связи можно лишь

повторить, что «Обнаруженные в трех соседних регионах Восточной Азии комплексы древнейшей керамики сегодня надо рассматривать не как научный курьез или *результат случайного стечения обстоятельств субъективного характера* — (курсив мой — А.С.), но как устойчивую, серийную категорию археологических источников» (Жущиховская, 2004). Значит, в основе этого феномена лежит отнюдь не случайность, а закономерность, которую требуется установить. И эта закономерность, скорее всего, связана с зарождением производящей экономики, тем более, что весомые основания для этого тоже имеются. Здесь, прежде всего, следует указать на данные, свидетельствующие о зарождении земледелия в Азии, по крайней мере, 16–18 тыс. л. н., то есть еще в позднем плейстоцене (Akazava, 1986; Imamura, 1996; Underhill, 1997; Barnes, 1999; Охотники-собиратели..., 2003).

Интересно и другое: не только для культур Китая или Японии исследователи говорят о раннем зарождении в них земледелия (*Hunters in transition...*, 1986; Akazava, 1986; Keiji, 1996; Barnes, 1999), но и напрямую связывают появление, в ряде случаев, керамики вне первичных земледельческих очагов с миграциями населения. Например, такой факт отмечен для стоянки Устиновка-3 в Приморье, где, судя по всему, зафиксирована популяция из Северо-Восточного Китая, которая была знакома с культивацией риса (Гарковик, Кадзивара, 2003, с. 123). Таким образом, и «азиатский путь развития» керамического производства тоже, по видимому, хоть и не без труда встраивается в

концепцию «агронеолита». И здесь есть, безусловно, с чем работать.

В то же время по материалам Устиновки-3 отмечены значительные изменения в каменной индустрии и на смену микропластинчатой индустрии приходит техника отщепа и бифаса. Эти изменения расцениваются как логическое развитие индустрии (Гарковик, Кадзивара, 2003, с. 122), однако этому возможно и иное объяснение, которое будет приведено ниже.

Если все же склоняться к идее зарождения керамического производства в присваивающих обществах (*Археология: неолит...*, 1996; Ветров, Кузьмин, 2005; Kuzmin, Vetrov, 2007), невольно возникает и еще один уже историографический вопрос. Если с момента изобретения керамики до начала эпохи неолита проходит несколько тысячелетий, то стоит ли первому событию придавать эпохальное значение? И не признать ли этот путь тупиковым, отказавшись от идеи «местничества»? К глубокому сожалению, подобных вопросов значительно больше, чем ответов. Но отвечать рано или поздно все же придется, если под «неолитизацией» Северной Евразии понимать исключительно возникновение и распространение керамики (*Археология: неолит...*, 1996, с. 7). Теперь, однако, целесообразнее вернуться к проблемам мезолитоведения и, исходя из всего сказанного, попробовать взглянуть на проблему «неолитизации» с другой стороны — историко-ведческой. В этой связи попробуем определиться, а позволяют ли сами источники в своей массе ее решать применительно к изучаемой территории?

МЕТАМОРФОЗЫ СЕДИМЕНТАЦИИ

Прежде чем ответить на поставленный выше вопрос, следует обратить внимание на одно, хорошо известное всем исследователям мезолита и, тем не менее, немаловажное обстоятельство. Это обстоятельство, которому, как ни странно, не придается должного значения. Это обстоятельство заключается в том, что находки на основной массе голоценовых памятников залегают практически от поверх-

ности. Да бывают некоторые исключения, однако все они, как правило, связаны либо с подвижками дюн, либо с приращением пойменного аллювия, либо с делювиальными процессами, либо с перекрытием культурных слоев торфами в условиях заболачивания. На террасах вне дюнных гряд, депрессий и склонов картина стандартная — отсутствие над культурным слоем перекрывающих отложений.

Поэтому в процессе раскопок первые находки начинают встречаться уже в дерновом горизонте. С одной стороны — это, безусловно, свидетельство разрушения культурных слоев педогенными процессами (педотурбация), с другой — реальный показатель скорости седиментации. Иначе говоря, само отсутствие перекрывающих отложений, хотим мы того или нет, — лишний довод в пользу замедленности этого процесса.

Хорошо также понятно, что при раскопках, если стоянка не «разовая», как kill-sites, всегда наблюдается некий горизонт, соответствующий максимуму распределения находок, после которого неизбежно наступает их падение и, наконец, отмечается полное исчезновение. Этот максимум чаще всего ассоциируют с древней дневной поверхностью. Так ли это?! По-видимому, и да, и нет. Прежде всего, следует отметить, что на любом первобытном памятнике дневная поверхность с учетом микрорельефа действительно то место, на котором в процессе обитания неизбежно скапливается максимум отходов жизнедеятельности и артефактов. И все отклонения от этого максимума, связанные, кроме естественных неровностей рельефа, с бытовыми ямами, котлованами, кострищами и пр., — это итог хозяйственной деятельности человека. Результат, который, как правило, трансформирует картину распределения, однако не изменяет ее целиком. Все эти отклонения лишь изменяют, но не искажают сути самого распределения. Никаких перекрывающих отложений над артефактами пока тоже нет, если они и появляются, то несколько позднее. Все приращение формирующегося культурного слоя происходит исключительно за счет выбывания из употребления тех или иных орудий, технологических сколов, отходов производства и органических остатков³. Разумеется, к артефактам уже в процессе функционирования поселения добавляется некоторое количество породы, иначе, — заполнителя. Часть его — результат бытовой переработки ландшафта, другая часть — итог природных

процессов. Мощность этого формирующегося слоя тем больше, чем активнее жизнедеятельность и седиментационные компоненты. Особенно активно эти процессы шли в тех местах, где было глинобитное строительство. И яркий пример тому — всем хорошо известные телли. Здесь итоги субъективной деятельности особенно впечатляющи (Бадер Н., 1989; Мунчаев, Мерперт, 1981; Мунчаев и др., 2004; Телль Юнаците, 2007). В средней полосе Северной Евразии в эпоху каменного века основное население сосредотачивалось в пределах зандровых низменностей. Песчаные ландшафты в корне отличались от лессовых плато. Это полностью исключало глинобитное строительство и сопутствующую ему изоцированную стратиграфию отложений. Отсюда и абсолютная минимизация культурных слоев европейских стоянок зандровой зоны. Здесь решающую роль играет не столько человеческая деятельность, сколько экология.

Уже в процессе обитания и после его прекращения активизируется деятельность фауны, и усиливаются процессы педотурбации. А утилизация органических остатков, мерзлотные, физико-химические и иные процессы вкуче с седиментацией неизбежно приводят к тому, что после оставления конкретного местобитания, культурный слой начинает подвергаться все более массивному природному воздействию, а артефакты — пространственному перераспределению. Складывается структура культурного слоя, более рыхлая и объемная, чем прежде. Движение материалов происходит во всех направлениях, но наиболее ощутимы, по-видимому, перемещения по вертикали. Они-то и создают то, что называют «горизонтами распределения материалов». Если первоначальное количество артефактов невелико, а активность перемещений напротив высока, возникает некая взвесь, «облако», лишенное максимума распределения. Если артефактов сравнительно много, перераспределение их по вертикали неизбежно продуцирует ту картину, с которой традиционно сталки-

³ Могильники, в отличие от поселений, изначально лишены культурного слоя и закономерности тафономизации там иные.

вается полевой исследователь. Максимум распределения можно уловить и зафиксировать исключительно с помощью пространственной фиксации. Эта процедура, сопряженная с картиной педотурбации слоя, и служит основой последующей реконструкции.

Помимо седиментации реальный уровень максимума распределения, фиксируемый археологически, зависит и от природных феноменов. Концентрация артефактов и их перераспределение по разным горизонтам и слоям может происходить из-за почвенных процессов — педогенеза и педотурбации, например, в результате промерзания или оттаивания, солифлюкции, аква- и аргиллотурбации. В средней полосе особая роль отводится фаунотурбации, где особая роль принадлежит обычным дождевым червям. Все это детально описано в литературе и, по-видимому, нет нужды повторяться (*Wood, Johnson, 1987*). В этом случае мнимые концентрации артефактов не будут соответствовать древним дневным поверхностям, а будут отражать исключительно доминирующие в конкретном месте процессы педотурбации. И определиться, с чем в конкретном случае мы имеем дело, — главная задача полевого исследователя, ибо от этого зависит качество самой археологической реконструкции. Поэтому и ответ на поставленный выше вопрос о максимуме распределения артефактов на памятнике археологии не может быть однозначным.

Теперь далее. В главе 4 было высказано предположение о том, что стандартная скорость седиментации песчаных отложений на Русской равнине невысока и составляет около 1 см за 500 лет. Если это предположение правильно и осадконакопление действительно идет крайне медленно, причем в пределах расчетной величины, то мы просто обязаны прийти к одному парадоксальному выводу. Незбежным следствием этого будет отсутствие самой возможности для «разведения во времени» хронологически близких артефактов. Это не очень принципиально, если место повторно заселяется той же группой населения, но в ряде случаев это может быть и инोकультурное население, и тогда это становится

уже фатальным. Фактически, при смене населения в достаточно широком диапазоне времени, а 500 лет — это достаточно внушительная цифра, их изделия окажутся на одном и том же уровне и в том же слое, что материалы ранее здесь живших людей. В силу этого в случаях совпадения мест их проживания с неизбежностью будет повторяться ситуация, когда «местный» неолит всегда будет складываться на «местной» мезолитической основе, какой бы та не была.

В самом деле, из-за медленной седиментации перекрывающие отложения либо вообще не успевают сформироваться к моменту повторного заселения какого-либо места, либо прослойка будет настолько тонка, что она неизбежно будет уничтожена в процессе вторичного обитания. Причиной этого служит как хозяйственно-бытовая деятельность населения, так в еще большей степени — педогенез и педотурбация. Отсюда понятно, что естественное смешение материалов — процесс не только закономерный, но и абсолютно стандартный. А раз так, то исключение механического смешения в качестве источника культурогенеза должно предшествовать всякой археологической реконструкции (*Сорокин, 2000, 2002*).

Если на какой-либо территории в мезолите жило население одной археологической культуры, никакой пестроты в инвентаре, разумеется, не будет. И «местный» неолит будет встречаться с одним и тем же «мезолитоидным» кремнем. Точнее, каменный инвентарь будет все тем же мезолитическим, но на практике, когда он встречается с неолитической керамикой, неизбежна подмена понятия. И термин «мезолитоидный» как раз подспудно, на уровне подсознания, и отражает это новое качество. Так было и в Волго-Окском междуречье, пока неолит был представлен исключительно материалами льяловской культуры (*Раушенбах, 1970*). Позднее, с открытием верхневолжской культуры, ситуация изменилась. Отражением этих событий служит дискуссия конца 1960 — начала 1980 гг., когда Д.А. Крайнов, выделяя верхневолжскую культуру, весь пластинчатый инвентарь увязал именно с ней (*Крайнов и др., 1973; Крайнов, Хотинский,*

1977; Крайнов, 1996). Тогда как В.М. Раушенбах, отстаивая традиционную точку зрения о ранненеолитическом возрасте льяловской культуры, все пластинчатые изделия из Суцево, Николо-Перевоза и некоторых других раскопанных ею стоянок соотносила исключительно с льяловскими древностями (Раушенбах, 1979, 1985). Как теперь со всей очевидностью удалось установить, пластинчатый инвентарь не имеет отношения ни к той, ни к другой из названных культур.

Однако если в том же регионе в мезолите проживали разные группы населения, то и подоснова раннего неолита тоже неизбежно будет неоднородной. Ибо механическое смешение происходит вне зависимости от воли и желания человека, то есть объективно. К этому выводу я впервые пришел еще в 1991 г., когда попытался вычленивать, с каким каменным инвентарем сочетается верхневолжская керамика. В тех случаях, когда рассматривались заведомо несортированные и несмешанные коллекции, а таких на тот момент оказались единицы, точнее их было всего три, их каменный инвентарь в культурном отношении различался между собой (Кравцов, Сорокин, 1991). Разумеется, это могло свидетельствовать о том, что генезис верхневолжской культуры происходил с «включением всех тех групп населения, которые имелись в регионе к моменту появления здесь ранненеолитического населения» (Кравцов, Сорокин, 1991). Однако теперь со всей очевидностью становится понятным, что этот вывод не учитывает «естественную составляющую» археологических источников, куда, прежде всего, относятся процессы седиментации отложений, формирования культурных слоев и их трансформации под воздействием почвенных процессов (Wood, Johnson, 1987). Из-за этого в силу объективности последних неизбежно и механическое смешение археологических материалов (Сорокин, 2000, 2002). Значит, вывод о генезисе верхневолжской индустрии на разной мезолитической основе преждевременен или даже ошибочен.

Как правило, вне поля зрения остается и тот момент, что поверхностный слой любого поселения во время его функционирования под-

вергается известной переработке. Это происходит как из-за ежедневных перемещений обитателей по «жилой территории», так и в результате ее замусоривания всевозможными, в первую очередь, органическими остатками. Последнее обстоятельство неизбежно приводит к активизации на площади поселения биологической и физико-химической активности, а также трансформации естественных педогенных процессов. Поверхность памятника, без преувеличения, «оживает». И мощность этой активной зоны, зависящая от типа грунта, состава и объема покоящейся на поверхности органики, деятельности землероющих животных, процессов педогенеза и педотурбации, производственно-хозяйственной активности населения и т. д., явно превышает толщину стандартного «сантиметрового эталона седиментации». Совокупность всех этих субъективных и объективных процессов неизбежно, как уже неоднократно отмечалось, вызывает механическое смешение разнородных материалов (Сорокин, 2000, 2002).

Не останавливается, а лишь видоизменяется эта ситуация, за единственным исключением, и после завершения процесса обитания в каком-либо месте. По окончании жизни на поселении исчезает главный субъективный фактор — человек. Во всех постседиментационных метаморфозах памятника принимают участие лишь природные процессы, объективные по своей сути. После оставления людьми конкретного местообитания в действие во всей мощи включается «природная составляющая», приводящая к активной переработке всех органических материалов, накопившихся за время функционирования поселения, а также трансформируются почвенные, биологические и физико-химические процессы. Так окончательно формируется культурный слой и создается его структура (Wood, Johnson, 1978).

Если через некоторое время конкретный участок археологического ландшафта вновь подвергается заселению, а тем более, если это происходит неоднократно, то процессы формирования нового культурного слоя (слоев) вновь радикально изменяют ситуацию. Подчас значительно усиливая уже затухшие процессы.

В итоге конечная структура памятника, с которой сталкивается при раскопках полевой исследователь, может диаметрально отличаться от первоначальной. Более того, эта картина будет существенно отличаться не только от «стартовой», но и любой другой, которую можно попытаться реконструировать «на шкале времени». Лишь в тех случаях, когда наступает полное «омертвление» природных феноменов, завершается и цикл метаморфоз памятника археологии. Что, впрочем, не исключает каких-либо трансформаций, связанных с экстремальными природными феноменами, например, землетрясениями (*Воробьева, Бердникова, 1998*).

Неизменным при этом остается лишь одно: при стандартной скорости седиментации и совпадении мест разновременных и разнокультурных стоянок (поселений) артефакты оказываются «запечатаны» в одни и те же отложения. И у нас просто нет никакой физической возможности для «разведения» инвентаря во времени и по его культурной принадлежности. Следовательно, мы приходим к пониманию еще одного интересного археологического феномена: прижизненный момент формирования памятника — это лишь начальное звено метаморфоз. А естественная история любого культурного слоя, тафономизации остатков и сооружений, как и реальные конечные продукты трансформации — это промежуточное и финальное звенья его жизни. И это триединство, хотим мы того или нет, и достается археологу в качестве археологического источника.

Таким образом, непосредственным и радикальным результатом медленной седиментации служит и еще один, теперь уже «исторический» феномен. Он заключается в том, что «местный» ранний неолит всегда будет складываться на «местной» мезолитической основе. Впрочем, так будет происходить не только с ранненеолитическим инвентарем, но и материалы всех других эпох, присутствующие на стоянках с тонкими культурными слоями, будут воспроизводить ту же картину. Это закономерный результат, который мы имеем «во всей красе» на так называемых многослойных поселениях. Следовательно, «примесь разных

эпох» всегда будет присутствовать на тех памятниках, которые приурочены к узловым точкам ландшафта и служат объектом повторного заселения. И примеры тому широко известны.

Хорошо понятно, что и климат, и геоморфология изменялись с течением времени. Это приводило к неизбежной трансформации рельефа, а также самих узловых мест, наиболее удобных для заселения. Многие из них «отрывались от воды», «терялись в ландшафте» и переставали быть объектами пристального внимания первобытного населения. С течением времени изменялось хозяйство и сам образ жизни людей, утрачивались вековые привязанности и зарождались новые стереотипы. Однако повсеместно оставались и такие реперные (маркерные) точки ландшафта, которые в течение тысячелетий сохраняли свое особое, доминирующее положение на местности и привлекательность. Эти последние, невзирая на хозяйственный уклад, заселялись неоднократно. Так образовывались те «слоеные пироги», которые по иронии судьбы в литературе чаще называются «многослойными памятниками» с той лишь разницей, что в них действительно имеются разнокультурные вещи и напрочь отсутствует стратиграфия. Но это феномен сугубо археологический, а никак не культурно-исторический. В этих «слоеных пирогах» можно встретить находки всех времен и народов, обитавших в пределах конкретной территории. Они-то в силу своей «замечности» чаще всего и привлекают наше внимание как объекты полевого изучения. В силу чего неизбежно становятся источниками стандартных археологических ошибок и заблуждений (*Грачева и др., 2006*).

В тех случаях, когда места поселений по каким-либо причинам менялись, преимущество в сочетаемости будет у тех из них, население которых жило в одинаковых геоморфологических условиях. Одинаковые приоритеты в выборе мест обитания определяют и частоту взаимовстречаемости. То есть если носители рессетинской и иеневской культур предпочитали берега палеозер, которые к голоцену оказывались уже спущены и удалены от «живой» воды, а «бутовское» население обитало

на низких уровнях голоценовых водоемов, там же, где верхневолжское, льяловское и другое нео-энеолитическое население, то верхневолжские, льяловские да и волосовские древности будут чаще сопровождаться «бутовским» инвентарем. Примеров того достаточно, что и нашло свое отражение в отечественной историографии и упомянутой выше дискуссии о пластинчатости раннеэнеолитического инвентаря (Раушенбах, 1964, 1970; Цветкова, 1970; Гурина, Крайнов, 1996; Крайнов и др., 1973; Крайнов, Хотинский, 1977). Теперь это не только очевидно, но и обязывает проявлять осторожность в решении проблем генезиса любой из археологических культур, в «выборе для нее конкретных предков».

Как своеобразную попытку примирения двух этих противоположных точек зрения можно рассматривать предложение А.А. Формозова. Он полагал, что обе этих культуры — верхневолжская и льяловская — синхронны и складываются на «местной» мезолитической основе (Формозов, 1977, с. 91, 92). Поскольку в тот момент еще существовала единая волго-окская мезолитическая культура, памятники которой различались между собой по степени пластинчатости, то из пластинчатой индустрии, по его мнению, зарождается — верхневолжская культура, а из отщеповой — льяловская. Чуть позднее волго-окская культура была упразднена, памятники с пластинчатым инвентарем объединены в «бутовскую культуру», а с отщеповым — в иеневскую (Крайнов, Кольцов, 1983), но смысла это не изменило. На самом деле верно здесь лишь то, что льяловская и иеневская индустрии действительно отщеповые, но никакого отношения друг к другу они, увы, не имеют. Ибо даже при традиционной интерпретации их возраста разница между ними составляет не менее 3000 лет, а если принять современную точку зрения — вообще свыше 6000 лет (Сорокин, 2006д). Что же касается утверждения о пластинчатости «бутовской» индустрии, то она наблюдается лишь на раннем этапе этой культуры, тогда как поздние памятники показывают минимум пластинчатости (Сорокин, 1990; Кравцов, Сорокин, 1991; Lozovski, 1997). Не отличается высокой пластинчатостью и верхневолжские материалы

(Лозовский, 2003). Сейчас, через 30 лет, стало понятно, что предположение А.А. Формозова не нашло своего подтверждения.

Аналогичная ситуация имела место и на Украине, с той лишь разницей, что раннеэнеолитическая днепро-донецкая культура была выделена несколько раньше культуры ямочно-гребенчатой керамики. Но обе они в итоге были связаны их исследователями с «местным» мезолитом, первая — с пластинчатой таценьки-кудлаевской культурой (Телегин, 1985), вторая — с отщеповой песочноровской (Неприна, 1976; Неприна и др., 1986; Телегин, 1985). Критика показала, что оба этих вывода были сделаны на источниковедчески ненадежных материалах (Сорокин, 2002) и основания для генезиса обеих культур на «местной мезолитической основе» тоже нет.

Возвращаясь к Волго-Окской проблематике, следует отметить, что утверждение Д.А. Крайнова о пластинчатости верхневолжской индустрии попросту не соответствует реальности (Крайнов, Хотинский, 1977). Дело в том, что когда эта культура им выделялась, то в его распоряжении были исключительно смешанные коллекции, ибо даже на стратифицированных объектах копаные по условным горизонтам в силу собственного физического ограничения этой методики не в состоянии дать «чистые» комплексы. Поэтому, определяясь с кремневыми материалами, он исходил от противного, полагая, раз для льяловской культуры характерен отщеповой инвентарь и двусторонняя обработка, то для раннеэнеолитической верхневолжской культуры, «вырастающей из мезолита», должен быть характерен пластинчатый инвентарь и преимущественно унифасиальная ретушь. Здесь уместно вспомнить, что в конце 1960-х годов никакого деления на иеневскую и «бутовскую» культуры еще не существовало и весь «местный мезолит» воспринимался как пластинчатый (Формозов, 1959; Кольцов, 1965). По прошествии времени хорошо понятно, что при такой сортировке к верхневолжской культуре Д.А. Крайновым были отнесены заведомо мезолитические изделия, и никакого отношения к раннему неолиту они, следова-

тельно, не имеют. Уместно отметить, что с этим теперь соглашается его ученица и наиболее последовательный исследователь верхневолжской проблематики Е.Л. Костылева (2003, с. 213). Однако тезис о связи «бутовской» и верхневолжской культур, как и многие догмы, оказался более стойким и живучим, чем того бы хотелось. Хотя никаких дополнительных оснований для него подтверждения или доказательства так с тех пор и не появилось (*Неолит и энеолит Юга...*, 2003).

Не с подобной ли закономерностью в «трансформации» комплексов мы сталкиваемся и в случае с радикальным изменением каменной индустрии, отмеченной исследователями в Устиновке-3 (*Гарковик, Кадзивара, 2003*), о которых говорилось выше? И о чем в конкретном случае должна идти речь — об аккультурации и реальном трансформации пластинчатой индустрии в отщеповую или всего лишь о феномене натурации? Когда вещи разных групп населения оказываются в одном слое (культурном горизонте) лишь из-за того, что не успели сформироваться рыхлые отложения или, напротив, прослой оказались стерты в результате вторичного заселения. Во всяком случае, целесообразно провести в этом направлении специальные изыскания, чтобы исключить возможность механического смешения разнокультурных материалов, и повторения стандартной ошибки в интерпретации, так хорошо знакомой по восточно-европейским материалам (*Сорокин, 2002; Грачева и др., 2006*).

Следовательно, недостоверность источников — это та реальность, которая осознанно или неосознанно влияет на любую археологическую реконструкцию. Не предваря резуль-

татов ревизии устиновских материалов, замечу: вывод из всего сказанного может быть только один. На стандартных «песчаных» стоянках Европейской России решать вопросы генезиса неолитических археологических культур на «местной мезолитической основе» невозможно. Это методологически неверно. Характер доступных нам источников не позволяет в своей массе этого делать. Для решения этой проблемы необходимо единственное, но непереносимое условие — стратиграфия. Причем не просто стратифицированные памятники, а такие, в которых определены тафономия и турбации слоев и артефактов, а сами объекты исследованы по методике пространственной фиксации и где доказана «чистота» как культурных слоев, так и материалов. К глубокому сожалению, такие стоянки интересующего нас времени сейчас отсутствуют. Имеются, правда, торфяниковые многослойные, стратифицированные стоянки, но под таким углом зрения и по методике трехмерной фиксации они только начинают изучаться. И результаты этих изысканий еще впереди. А значит, и решение вопроса о происхождении верхневолжской культуры, впрочем, как и других раннеэнеолитических культур Русской равнины,— это дело будущего. Но в любом случае без учета природных составляющих и источниковедческой критики сделать это будет невозможно. Не вызывает сомнения и то обстоятельство, что проблему «неолитизации» Северной Евразии в целом не следует считать окончательно и однозначно решенной. Ее тоже необходимо подвергнуть ревизии и рассмотреть с точки зрения современного источниковедения. Актуальность этого совершенно очевидна.

ГЛАВА 7: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

«Сухонская культура или отделилась от бутовской на поздних ступенях развития последней или находилась с ней в постоянной и прочной связи, как с родственной группой населения»¹.

Кольцов, Жилин, 1999, с. 78

«Часть коморницкого населения вступает в контакт с постсвидерским, при этом происходит процесс взаимоассимиляции, после чего появляется синкретическая таценки-кудлаевская культура».

Кольцов, 2000, с. 55

Анализ отечественной археологической литературы со всей очевидностью показывает, что исследователи занимаются не столько теоретическими изысканиями в области культурогенеза (Захарук, 1976, 1978; Каменецкий, 1970; Клейн, 1970, 1975; Клейн и др., 1970; Аникович, 1989), сколько изучением происхождения каждой из конкретных археологических культур, являющихся предметом их интереса. Число этих работ столь велико, что нет необходимости в конкретных сносках. Между тем совершенно очевиден факт, что конечный результат прямо зависит от того, с каких позиций подходить к решению данной проблемы. Сказанное со всей очевидностью определяет необходимость поиска ее теоретического решения.

Механизм культурогенеза применительно к культурам эпох финального палеолита и мезолита впервые в отечественной литературе был предложен Л.В. Кольцовым (1979). Эта модель основывается на идее перманентных контактов древнего населения и известна как «контактная». Подкупающая своей простотой эта идея явно или подспудно служит основой культурологических построений большинства отечественных исследователей. Между тем механическое заимствование и использование любой схемы еще не означает ее правоты или обоснованности. Несмотря на то, что с некото-

рых пор подобный способ генезиса археологических культур рассматривается как стандартный, есть серьезные сомнения в его объективности. В самом деле, выведенная им «закономерность образования мезолитических культур как результат сложения их комплексов», подкрепленная — по верной оценке автора гипотезы — «далеко не математической формулой» (Кольцов, 1979), сводится к обычному суммированию составляющих элементов. При таком примитивном понимании генезиса археологических культур эта «материализация» идеи является стандартным отражением механического смешения разнородных материалов, а никак не механизмом возникновения археологических культур.

Взяв наугад любую из недавних статей Л.В. Кольцова, можно прочесть следующие красочные строки: «бутовская культура... складывается в результате миграции части отсегментировавшегося постсвидерского населения на территорию Волго-Окского междуречья и метисации его с носителями аренбургских и местных палеолитических традиций с формами острий, типичными для культурных групп федермессер, происходящей в ходе миграции и после нее» (Кольцов, 2000а). А вот «...кундское воздействие было настолько сильным, что, можно сказать, сформировало в значительной степени категорию вкладышей

¹ Авторский стиль сохранен полностью — А.С.

бутовской культуры. Кроме того, в ряду ранних памятников бутовской культуры (например, в Бутове) обнаружены наконечники стрел с кундским (пуллийским) характером обработки из прибалтийского кремневого сырья. Эти факты свидетельствуют об одностороннем влиянии на бутовскую культуру со стороны кундской на ранних этапах их развития»; «Случаев поглощения или ассимиляции одной культуры другой относительно немного. Можно предположить ассимиляцию отдельных групп местного волго-окского палеолита типа Алтыново — Заозерье населением бутовской культуры... Очень вероятно такое же явление в Центральной Европе, где население культуры дуфензе ассимилирует остатки аренсбургского»; при этом «...неманская культура повлияла на яниславицкую путем вытеснения последней со своей территории»; а «Осуществляемое пришельцами влияние было столь сильным, что привело к распаду британского маглемозе и образованию на Британских островах культуры шиппи хилл с признаками тарденуаза и британского маглемозе» (Кольцов, 1998).

Не менее драматичны и эмоционально напряженны и другие сюжеты, связанные с культурогенезом и описанные Л.В. Кольцовым. Например: «Одним из таких распавшихся коллективов (культур) была культура маглемозе. В результате сегментации из нее выделилось несколько групп, образовавших новые культурные единицы»; «Четвертой культурной единицей, появившейся после распада маглемозе и полной сегментации ее населения, была культура, которую в Польше называли хойнице-пеньковской, а в Германии — группой Юндорф. Она захватывала бассейны Вислы и Одера, образовалась в результате миграции части постмаглемозского населения на юго-восток»; «Для этой культурной общности характерна модель возникновения в одном центре с последующей миграцией после сегментации в одном направлении, дальнейшей сегментацией и миграцией в другом направлении и активным взаимодействием с соседними культурными общностями на ступени позднего мезолита, с образованием синкретической культуры на границе ареала»; «Культуры постсвидерского

круга — неманская, кундская, бутовская — имеют схожие исторические судьбы. Все они просуществовали до момента появления на их базе керамических памятников» (Кольцов, 2000б). Или чего, например, стоит его утверждение, что «постсвидерская общность сформировалась в 1-й пол. VIII тыс. до н. э. после распада свидерской культуры и сегментации ее населения» (Кольцов, 2000, с. 56)? Нет нужды говорить о нормах русского языка, который, как известно, все стерпит, но нельзя не сказать о главном: полной бездоказательности всех вышеприведенных цитат. Доказательство слияния индустрий должно базироваться не на присутствии находок разных культур в одном месте, а на наличии в комплексах «метисных» изделий и технологий. Случаев совместного залегания находок в одном слое, постоянно фиксируемых археологически, недостаточно для вывода о взаимодействии людей, ибо механическое смешение артефактов под воздействием глобальных природных, в первую очередь, почвенных процессов происходит без непосредственного участия человека. Оно закономерно в силу объективности воздействия природных процессов на археологические источники и закономерно из-за того, что приоритеты выбора мест жительства в каменном веке у всех были одинаковы.

Характерно, что подъемный материал, который и послужил Л.В. Кольцову основой «закономерности сложения» археологических культур, действительно часто обладает синкретическими признаками, и эти «комплексы» повторяются в массовом порядке. Но материал ими обладает потому, что он смешанный и подъемный. Неважно, что часть его получена путем раскопок. Любой раскопочный материал, полученный без его пространственной фиксации (по условным горизонтам, литологическим слоям или вертикальными зачистками), а иначе до начала 1980 гг., когда Л.В. Кольцов формулировал свой постулат, не не копали, все равно является подъемным, так как его структура уничтожена в ходе этих раскопок.

Расчеты со всей очевидностью показывают, что скорость накопления 1 см рыхлых отложе-

ний составляет для лесса 100-200 лет и для песка — 400-500 лет. Поскольку усредненный образец для палинологического анализа имеет мощность 5 см, значит, эта пачка включает в первом случае 500-1000 лет, а во втором — 2000-2500 лет. Таким образом, со всей очевидностью можно утверждать, что «шаг в 200-300 лет», предложенный для возраста палинологических образцов (*Спиридонова, Алешинская, 1996, с. 65, 67*), существенно превышает допустимый расчетный предел точности метода, полученный по монотонным и эталонным данным. Следовательно, как это ни парадоксально звучит, культурный слой, учитывая стандартную скорость седиментации и погребения материальных остатков (тафономизации), формируется не столько в момент реального обитания, хотя количество этих остатков, безусловно, важно, сколько после того, как место поселения оставлено, и начинается его естественная постпозиционная история (*Тетенькин, 2003*).

Пыльца, учитывая особенность ее накопления в грунтах, ибо сохраняется лишь та, которая вымывается или перераспределяется в них, и медленную скорость седиментации, неизбежно омолаживает подстилающие отложения. А та пыльца, которая откладывается поверх артефактов, служащих для нее своеобразной ловушкой, искусственным «пограничным горизонтом», тоже не имеет к ним отношения, ибо относится ко времени формирования этих перекрывающих отложений. Пыльца, синхронная находкам, откладывается ниже их уровня. Следовательно, можно утверждать, что палинология фактически отражает не время обитания на памятнике, а процесс формирования перекрывающих отложений, что неизбежно приводит и к омоложению заключенных в них артефактов. Кроме того, палинологическая методика отбора образцов, как отмечалось выше не учитывает стандартного переотложения артефактов и пыльцы под воздействием педотурбаций (*Wood, Johnson, 1978*).

Аналогичные метаморфозы происходят и с образцами для радиоуглеродного датирования. Прекращение в позднем плейстоцене лесообразования не просто привело к замедле-

нию седиментации и скорости формирования культурных слоев, но и сохранности образцов, которые служат для датирования. Поэтому дата чаще отражает возраст самих образцов, а не вмещающего их слоя или время изготовления артефактов. Это обязывает использовать в качестве образцов лишь части конструкций или фрагменты артефактов, но никак не всю ту органику, которая бывает в культурных слоях. Ревизия естественнонаучных датировок показывает, что для минеральных грунтов методы палинологического и радиоуглеродного датирования требуют серьезной корректировки (*Сорокин, 2006г*). Не вызывает сомнения, что любая естественнонаучная дата должна быть не только проверена, но и непременно должна быть доказана ее принадлежность к слою, а главное, археологическому материалу. Нет дат вообще, как и непогрешимых методов исследования. Истина может быть познана лишь за счет критики источников и выработки надежной доказательной базы.

Медленная седиментация неизбежно поддерживает стандартную ситуацию, когда дневная поверхность длительное время одна и та же, и на ней длительное время «в открытом виде» накапливаются и сохраняются изделия разных эпох. За счет этого «контактируют» сами вещи, а не люди, их изготавливающие. Следовательно, закономерность в образовании археологических культур состоит не в «сложении признаков разных культур вместе при доминанте одной из них» (*Кольцов, 1979*), а в объективности механического смешения артефактов под воздействием природных процессов. Своеобразный «природный замысел», итог которого внешне сходен с плодами контактов людей, происходит без их непосредственного участия, назван натурацией (*Сорокин, 2000, 2002*). Непредвзятый анализ источников показывает, что натурация, а не аккумуляция является основной причиной «метисации» инвентаря, «поликультурности» большинства археологических культур и открытому Л.В. Кольцовым «эффекту сложения их инвентаря при самовоспроизводстве».

Совершенно очевидно, что возникновение новых признаков и, как итог,— образование

новой археологической культуры — стандартно происходит без заимствования извне, в результате внутренней эволюции. Эта «эволюционная» или «трансформационная» модель как нельзя лучше подходит к объяснению генезиса большинства восточноевропейских финально-палеолитических и мезолитических индустрий. Орудийный набор любого первобытного коллектива складывался не в результате того, что кто-то где-то у кого-то заимствовал те или иные вещи и начинал их использовать. Это итог наследования, усвоения и развития вековых традиций конкретных обществ каждым новым поколением у своих родителей и через них опосредованно — всех предков. Сказанное не исключает возможности заимствования от соседей тех или иных предметов и навыков их изготовления, но предполагает вспомогательную роль подобных контактов. Этнография, дающая примеры взаимодействий и заимствований, не является доказательством их реального существования в мезолите, так как все они относятся к обществам, хоть и «диким» с точки зрения европейской цивилизации, но на самом деле находящимся на достаточно высокой ступени общественного развития. Так, разветвленные системы обмена австралийских аборигенов (Берндт Р., Берндт К., 1981) к мезолиту не применимы потому, что плотность населения в Австралии, служившая там основой «института обмена», значительно выше той, которая была в европейском мезолите. Вот почему «контактная гипотеза» не может быть «нормой генезиса археологических культур» эпохи каменного века.

Когда говорят о заимствовании изделий, создается впечатление, что древние люди занимались своеобразным собирательством, и то там, то тут подбирали микролиты, наконечники стрел и другие предметы и включали их в собственный обиход. Это более чем странно само по себе, во-первых, и логически не объяснимо, во-вторых. Если что-то заимствовалось, то не в виде микролита, наконечника или клинка топора, рукоятки, оправы или муфты. Это только археолог имеет дело при раскопках с отдельными изделиями, а чаще — всего лишь их фрагментами. Все эти чудеса с «собираем»

возникают лишь в голове и практике археолога, который имеет дело не с «живой» материальной культурой, а с объектами, существенно трансформированными временем. Это мы, как правило, получаем в свое распоряжение и общаемся не с целыми предметами, а с их фрагментами, по которым можно лишь приблизительно догадываться о целом, некогда существовавшем артефакте и его функции. Например, к нам в руки попадает не лук и стрелы, а лишь наконечники стрел или их обломки, не скребки, резцы, топоры или тесла в оправках или с рукоятками, а лишь нетленные каменные части этих инструментов. В этой связи достаточно вспомнить всего два широко известных эпизода, первый из них связан с наконечниками костяноковского типа, которые выдающийся отечественный трасолог С.А. Семенов интерпретировал отнюдь не как наконечники стрел, а как проколки (Семенов, 1957). А второй — с 222 трапециями мезолитической стоянки Гиржево, 82,6% которых — по мнению Г.Ф. Коробковой — использовались «в домашнем производстве для разделки мяса, обработки дерева, кости и рога, первичной выделки шкур и их прокалывания, срезания дикорастущих трав и злаков» (Сапожникова, Сапожников, 1986, с. 36), а никак не в качестве поперечно-лезвийных наконечников стрел.

Из-за того, что мы имеем дело с частями реальных вещей, и создается иллюзия, будто древние жители обменивались чем-то вроде вкладышей или наконечников. На самом деле они могли заимствовать друг у друга только целые предметы в виде костяных, деревянных и роговых оправ с полным набором вставленных в них вкладышей. И если мы не находим их комплектно, то не было и заимствований. К настоящему времени раскопано достаточное число торфяниковых стоянок, чтобы говорить об этом со всей очевидностью. Реальность такова, что достоверных фактов заимствований археологический материал не дает. А дает он многочисленные примеры того, как мезолитические изделия встречаются вместе с керамикой, и исследователи упорно твердят о переживании традиций, хотя речь должна идти о простом механическом смешении разновре-

менных материалов. Но даже если заимствования были, они не могли из-за их эпизодичности привести к радикальному изменению облика культуры, тем более постоянному сложению любых новых.

Совершенно очевидно то, что территория археологической культуры — это гносеологическая категория, как и само понятие «археологическая культура» (Захарук, 1976). И воспринимать ее нужно как географическое пространство, в пределах которого популяция жила по сезонному циклу. Малочисленность населения Восточной Европы в финальном палеолите и мезолите делает вполне правдоподобной ситуацию, когда некая группа обитала на летней стоянке, зимнего стойбища не было, и наоборот. Фактически это «временная последовательность разных форм пространственной организации производственного коллектива». Границы археологических культур этого времени, следовательно, должны неизбежно совпадать с ареалами годовых циклов. Причем археологическая картина «массовых скоплений стоянок» — это не более, чем археологическая иллюзия, результат наложения друг на друга изменявшихся во времени маршрутов кочевого населения и пространственного совпадения разновременных стоянок. В тех редких случаях, когда ареалы популяций пересекались, а из-за малочисленности обитателей окраины ойкумены и необъятных пространств Восточной Европы это было крайне редко, люди, судя по всему, воевали друг с другом, а не кидались в объятия (Поршнева, 1979). Наличие документальных свидетельств «военных» столкновений, известные по материалам многочисленных могильников, подтверждает вывод о специфике реального взаимодействия людей. Вместе с тем, сама единичность таких фактов подтверждает их исключительность, а не закономерность и обыденность. Поэтому многочисленные реконструкции контактных зон и метисных памятников, базирующиеся исключительно на случаях совместного залегания находок, неверны. Эти материалы возникают чаще всего в результате массового природного механического смешения вещей. Они никак не являются «продуктом» взаимодей-

ствия этносов и реальных контактов разных групп первобытного населения, хотя абсолютной изоляции людей быть, безусловно, не могло. Поэтому и критика «контактной» гипотезы отнюдь не означает безусловного отрицания самой идеи взаимодействия древнего населения. Она лишь подчеркивает ее декларативный характер и отсутствие доказательной базы. Легкость, с которой по Л.В. Кольцову происходило взаимодействие первобытных людей, создает впечатление, что разгадка проблемы генезиса археологических культур тоже лежит на поверхности. Между тем на поверхности лежит совсем другое, то, что служит основой нынешней «контактной» гипотезы — подъемный материал. А это означает, что для доказательства взаимодействия он не годится и необходимо искать реальные признаки, подтверждающие и обосновывающие подобные факты. В качестве такого реального, а возможно, единственного показателя культурного взаимодействия в интересующее нас время могут служить находки-маркеры, отсутствующие в основной массе так называемых «метисных комплексов». Что подтверждает факт их естественного образования (Сорокин, 2000, 2002).

Насколько можно судить, в основе «территориального единства археологической культуры» лежит сезонно-подвижный образ жизни первобытного населения. Поэтому для финального палеолита — эпохи северного оленя — минимальная протяженность ареала должна была составлять приблизительно 1000 км, а средняя — около 1500 км и соответствовать амплитуде ежегодных сезонных миграций северного оленя и перемещений этнографических охотников на него. Безусловно, конкретная практика не обязательно совпадала с нормой передвижения, и определялась совокупностью обстоятельств. Важнее то, что данные показывают физическую возможность, которой обладает человек для таких перемещений. В археологическом отношении это позволяет объективно уточнить ареал археологических культур конца плейстоцена — начала голоцена, когда Европа оставалась приледниковьем и экологической нишей названного животного.

Маршруты кочевий лося значительно короче, чем у северного оленя, но с переориентацией древнего населения в мезолите на это животное практически не происходит сокращения «культурных ареалов». Тем не менее, никакого противоречия в сказанном нет. Возросшие численность и плотность населения при общем сокращении маршрутов миграций позволяли охватывать то же пространство, что и в предшествующее время. Связи теперь приобретают иное качественное содержание: сокращение маршрутов кочевий восполняется возрастанием численности групп и их количеством. Изменяется характер перемещений, но остается главное: передача традиций внутри ареала.

Таким образом, для решения вопросов культурогенеза первостепенное значение имеют не столько конкретные артефакты, сколько проблемы экономики, экологии и образа жизни популяций. Социальная организация первобытных людей, как и образ жизни, определялись экологией и теми конкретными формами хозяйственного уклада, который население в каждом конкретном случае избирало и которому следовало. Это же определяло, в конечном итоге, характер и состояние их материальной базы, а, следовательно, «облик» археологических культур, в который каждый из нас группирует ископаемые материалы.

Гипотеза генезиса археологических культур в результате «сложения их компонентов» (Кольцов, 1979), которая исходит из постулата всеобщности контактов разных групп населения, как и все постулаты, остается не доказанной. Повсеместные контакты не подкрепляются ничем, кроме случаев сочетания находок разных культур. Ибо никаких реальных доказательств взаимодействия древнего населения

не приводится, а имеются лишь случаи совместного залегания изделий разных времен и народов в пределах разных памятников. Этих рядовых случаев сочетания разнокультурных находок на одном памятнике (слое, комплексе) недостаточно для доказательства контактов населения в силу высокой вероятности их появления в результате банального механического смешения, природа которого различна. Напротив, как раз сама их многочисленность на фоне отсутствия находок-маркеров и подтверждает механическую форму их образования. Таким образом, простого суммирования материалов («сложения компонентов» — по Л.В. Кольцову) недостаточно для генезиса новой культуры. Однако данный эффект служит благодатной почвой для массовых археологических мифов о контактах населения, контактных зонах, «сегментации» населения и «характера сложения раннемезолитических культур Северной Европы».

Сторонники «контактной» гипотезы не учитывают роли глобальных природных процессов в трансформации археологических источников, что приводит их к неверной интерпретации этнокультурных процессов эпохи каменного века. Модель «сложения» археологических культур в интерпретации Л.В. Кольцова не верна по своей сути. Эволюционная модель соответствует историческим реалиям, отражает экономический базис древних обществ, а, значит, ближе к объяснению прошлой действительности. Таким образом, при теоретическом осмыслении проблемы генезиса археологических культур следует опираться не на «правило сложения культур», а исключительно на экономику древних обществ и данные надежных источников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная специфика источников по финальному палеолиту и мезолиту Европы состоит в том, что они обладают компрессионными культурными слоями, структура которых сформирована, главным образом, педогенезом и педотурбацией. Это обстоятельство в условиях медленной седиментации в пределах зандровых равнин привело в своей массе к их внешней бедности и малой привлекательности. Но по сути своей они оказались значительно сложнее, чем при стандартном восприятии. Прямолинейность в их постижении и интерпретации недопустима, она обманчива, а выводы, напрямую сделанные из наблюдаемого, — мнимы и надуманы. Воистину был прав тот, кто первым сказал: полноценные источники, как все выдающееся и экстраординарное, — уникальны, но если гениев зачинают, судя по всему, на небесах, то археологические памятники создают природа и люди, отсюда все их беды.

Разумеется, и на территории Европейских зандровых равнин имеются уникальные памятники, как, например, «болотные поселения». В сущности — это тоже геоархеологические объекты «быстрой аккумуляции» и неиссякаемый потенциальный источник экстраординарных комплексов. Впрочем, их полноценное изучение лишь начинается, что обязывает воздерживаться от поспешных выводов и прогнозов. Если же характеризовать нынешнее состояние дел, то, несмотря на длительную историю изучения и значительное число мезолитических стоянок Поочья, приходится с грустью констатировать: их изучение по-прежнему далеко от совершенства. Более того, до сих пор в наличии крайне мало полноценных коллекций, поэтому решение многих ключевых вопросов мезолитоведения напря-

мую зависит от улучшения качества самой источниковедческой базы. А это со всей очевидностью означает, что ее нужно создавать практически заново.

Анализ источников показывает их сложную природу и, несмотря на результаты ревизии (Сорокин, 2006г, д), подтверждает гипотезу культурного многообразия мезолита Окского бассейна. Он также позволяет конкретизировать составляющие этого разнообразия. К мезолиту региона в настоящее время относится не пять, как считалось вплоть до последнего времени (Сорокин, 2006г), а всего три культуры: «бутовская», култинская и пургасовская. Рессетинскую и иеневскую культуры следует считать финальнопалеолитическими. Если происхождение первой из них связано с «граветтским» населением, то происхождение второй — с западноевропейским населением культур Лингби — Арнсбург. Нет сомнения, что вычленение в материалах Оки финально-палеолитического пласта вносит и большую ясность в основы источниковедения мезолита Окского бассейна.

Что касается генезиса Волго-Окских мезолитических культур, то ясности с этим, пожалуй, еще меньше, чем с культурами финально-палеолитическими. Прежде всего, следует отметить, что один из активных сторонников «свидерских корней» «бутовской культуры» — М.Г. Жилин официально отказался от этой гипотезы и заявил, что она произошла от «золоторучьинской» традиции (Жилин, 2004, 2007). Выше уже приходилось говорить о несостоятельности этого предположения, однако знаменателен сам факт его отказа от «свидерских корней». Как ранее, так и теперь полагаю, что в основе «бутовской» индустрии лежит рессетинская (Сорокин, 1987, 1999, 2000, 2004,

2006г; Sorokin, 1999).

Происхождение култинской культуры связано с индустрией камской культуры. Точнее, образование двух этих культур надо рассматривать в едином контексте. Ибо по существу это не две разных, а единая индустрия в едином пространстве. Вместе с ними следует рассматривать и памятники Европейского Северо-Востока, относимые к «уральской традиции» (Археология... Коми, 1997; Волокитин, 2007). Необходимо изучить в этой связи и материалы финально-палеолитических слоев Золоторучья 1 (Жилин, 2004, 2007), которые предшествуют по времени култинским и камским, но удивительно на них походят и по технологии и по типологическому составу. Не вызывает, однако, сомнения то, что эта проблема требует специального изучения.

Генезис пургасовской культуры менее очевиден и здесь равновероятны несколько точек зрения, которые изложены в соответствующем разделе. Очевидно и другое обстоятельство: для решения этого вопроса требуется приток новых источников. А это — дело будущего.

Несмотря на определенные успехи в области мезолитоведения Поочья, все изложенное выше приводит к однозначному выводу: огромный массив неизученных проблем еще ждет своего решения. Совершенно очевидно, что большинство вопросов, связанных с изучением практически каждой из окских мезолитических культур, не только далеко от своего разрешения, но может быть в лучшем случае лишь сформулировано. В нынешнее время не приходится, к сожалению, рассчитывать на скорый приток новых данных и существенное увеличение источниковедческой базы. Однако необходимо работать и в этом направлении. Кроме того, необходим кропотливый анализ и пересмотр имеющихся коллекций. Он тоже может дать положительные результаты уже в ближайшее время, но особо уповать на это не следует.

Для населения эпохи финального палеолита и мезолита был характерен сезонно-подвижный образ жизни. Он определялся экологией основных объектов охоты. Утверждение М.Г. Жилина (Жилин, 2004) об оседлости го-

лословно и является результатом неверной интерпретации данных.

Маршруты кочевий животных были стабильными, и влиять на их изменения могли лишь глобальные экологические изменения. Поэтому люди, охотившиеся на северного оленя и знающие его повадки, приходили из года в год на одни и те же места, например у переправ через водные преграды, где скученность животных в определенные временные эпизоды была максимальной, и, следовательно, успех охоты при прочих равных был гарантирован. Экология лося также предполагает подвижность тех групп населения, для которых он был основной целью охоты, хотя ареал в этом случае меньше того, который характерен для охотников на северного оленя. Однако существенно меньше и поголовье лося на единицу площади, а значит, сохраняется весомый стимул к передвижениям в пределах кормовых территорий. Такие сезонные миграции с периодическим возвращением на одни и те же места и создают археологическую иллюзию значительных площадей памятников и массовости коллекций, чего реально не было и быть не могло.

Вектор передвижений человека определялся не только климатом, экологией, маршрутами кочевий животных, но и традицией, которая передавалась из поколения в поколение, фактически на генетическом уровне. В этом отношении экологический кризис рубежа плейстоцена — голоцена неизбежно должен был вызвать активизацию процессов адаптации и привести к смене маршрутов кочевий. А также к смещению и видоизменению ареалов сезонных миграций. Но природные изменения шли в положительном направлении — в сторону потепления климата — и к ним, вероятно, приспособляться было легче, чем к «холодовому» стрессу. Нет особого сомнения в том, что адаптивная способность была уже твердо выработана у человека и биологически усвоена не в эпоху мезолита (в голоцене), а еще в предшествующее ледниковое время. В то время, когда положительные колебания климата были менее длительны и резче сменялись фазами похолоданий, и в силу этого были,

по-видимому, более ощутимы. Человек как вид, выросший в суровых ледниковых условиях, был, несомненно, хорошо адаптирован к ним. Глобальное потепление возвращало его в забытое «первобытное состояние», однако и оно было таким, к которому вид исторически уже был готов.

Маршруты кочевий северного оленя были достаточно стабильными на протяжении столетий, а возможно, и тысячелетий. Изменение кочевий вызывалось не столько какими-то локальными катаклизмами, проследить которые по имеющимся материалам довольно трудно, сколько, как правило, радикальными климатическими событиями. Точно такими же стабильными должны были быть и кочевья групп первобытного населения. При этом надо учитывать и еще одно немаловажное обстоятельство: физические возможности человека для передвижения существенно меньше возможностей северного оленя, поэтому и амплитуда кочевий человека в целом была меньшей и не представляла собой кальку первых, их точную копию. Биологическая емкость ландшафта с лихвой обеспечивала и «непересекаемость» ареалов кочевий разных групп населения. Их общая малочисленность и самодостаточность традиционных мест обитания обеспечивали каждой из них средства к существованию без того, чтобы оказаться на территории соседней группы. Этнографические данные показывают, что экологическая емкость ландшафта существенно превышает потребности людей, живущих в районах Крайнего Севера, хотя, безусловно, не исключает экстремальных ситуаций и исчезновения каких-либо из этих популяций.

Смещение ландшафтных зон, расширение ойкумены неизбежно приводили к «дрейфу» ареалов кочевий и, возможно, своеобразному их наложению. Но это было своеобразное «наложение» в пространстве, а не во времени. Один этнос не теснил другой, а передвигался, вероятно, «параллельным курсом», осваивая покинутую территорию. Нет сомнения и в том, что все, кто занимал экологическую нишу Приледниковья, были хорошо адаптированы к этим суровым условиям, иначе они бы не вы-

жили в них. Не было и постоянной нужды в заимствованиях, ибо у каждой группы был свой родовой опыт, свои жесткие традиции, как выживать в суровой северной среде, и свои средства избавления от чуждого, инородного влияния. Да и почему непроверенное соседское должно приносить пользу и удачу, а не вред и порчу?

Формы адаптации, как и типы инвентаря, сознательно не выбирали, тем более, вопреки утверждению Л.В. Кольцова, «не отбрасывали» (Кольцов, 2002, с. 46). Они возникали как результат естественного отбора и передавались путем наследования новому поколению. Унаследованный опыт — это и есть нечто иное, как форма экологической адаптации вида. Наиболее распространенной формой фиксации этого процесса служат археологические культуры с их разным орудийным и технологическим набором.

Возможности каменной техники не беспредельны, они в значительной мере запрограммированы свойствами сырья, способами его расщепления и потребностями человека. Следует ли поэтому удивляться, что для всех этих культур характерны одни и те же категории каменного инвентаря? В материалах каждой из них имеются нуклеусы, сколы-заготовки и технологические отходы. А среди орудий присутствуют скребки, резцы, ножи; наконец-таки стрел или их заменители; острия, вкладыши, перфораторы, скобели и рубящие орудия. Весь этот набор определялся тем минимумом, который был необходим для выполнения стандартных производственно-бытовых операций эпохи каменного века, обработки одних и тех же видов сырья и добывания продуктов питания, которые были нужны для поддержания жизнедеятельности в определенной экологической нише. Да, форма части из них, особенно охотничьего вооружения, была разной. Но должны же хоть в чем-то проявляться попытки разных групп древних людей выжить отнюдь не в тепличных условиях Приледниковья или зоны борельных лесов, и должны же хоть в чем-то проявляться традиции конкретных групп населения, обитавших здесь?!

Прозвучавшая в работе критика «контактной» гипотезы отнюдь не означает безусловного отрицания самой идеи взаимодействия древнего населения. Она лишь подчеркивает ее декларативность и отсутствие доказательной базы. Легкость, с которой по Л.В. Кольцову и М.Г. Жилину происходило взаимодействие первобытных людей, создает впечатление, что разгадка проблемы генезиса археологических культур тоже лежит на поверхности. Между тем на поверхности лежит совсем другое, то, что служит им основой «контактной» гипотезы,— подъемный материал. А это означает, что для доказательства взаимодействия он не годится и необходимо искать реальные признаки, подтверждающие и обосновывающие подобные факты. В качестве такого реального, а возможно, единственного показателя культурного взаимодействия в каменном веке могут служить находки-маркеры, отсутствующие в основной массе так называемых метисных комплексов, что подтверждает факт их естественного образования (*Сорокин, 2000, 2002, 2006г, д*).

Анализ экосистем охотников на северного оленя и лося позволяет с полным правом утверждать, что нет локальных археологических культур, зато имеются обширные лакуны наших знаний о них. Территория конкретной археологической культуры не может локализоваться средней Вычегдой, устьем Камы, Северной Карелией, Верхним Поднепровьем и даже площадью одного какого-либо речного бассейна, как бы велик он ни был, ибо такова экология человека как биологического вида. Вместе с тем она не может охватывать территорию всей Азии и даже Европы. А должна исходить из естественных человеческих возможностей. Следовательно, при определении «территориальных рамок» археологической культуры требуется не только установить сходство каменного инвентаря, но и выполнять реконструкцию на основе моделирования окружающей среды, растительного и животного мира, этологии основных промысловых видов, образа жизни и физических возможностей самого человека.

Насколько можно судить, в основе «территориального единства археологической культуры» лежит сезонно-подвижный образ жизни первобытного населения. Поэтому для финального палеолита — эпохи северного оленя — минимальная протяженность ареала должна была составлять приблизительно 1000 км, а средняя — около 1500 км и соответствовать амплитуде ежегодных сезонных миграций северного оленя и перемещений этнографических охотников на него. Безусловно, конкретная практика не обязательно совпадала с нормой передвижения и определялась совокупностью обстоятельств, которые могли ускорять или, напротив, замедлять скорость в каждом конкретном случае. Для нас важнее то, что расчет показывает физическую реальность человека для таких перемещений. В археологическом отношении эти вычисления, как отмечалось, позволяют объективно уточнить ареал археологических культур конца плейстоцена — начала голоцена, когда Европа оставалась Приледниковьем и экологической нишей названного животного.

Маршруты кочевий лося значительно короче, но с переориентацией древнего населения в мезолите на это животное практически не происходит сокращения «культурных ареалов». Тем не менее, никакого противоречия в сказанном нет. Возросшие численность и плотность населения при общем сокращении маршрутов миграций позволяют «покрывать» то же пространство, что и в предшествующее время. Таким образом, связи теперь приобретают иное качественное содержание: сокращение маршрутов кочевий восполняется возрастанием численности и локализации групп. Изменяется характер перемещений, но остается главное: передача традиций внутри ареала. Это и объединяет рессетинскую, пуллийскую и «бутовскую индустрии», а не мифическая «экзогамная брачная связь... обширных территорий», о которой говорит М.Г. Жилин (*2000, с. 76*).

«Плейстоцен-голоценовая трансформация» привела не только к радикальным экологическим последствиям и возникновению

лесной зоны, она определила смену хозяйственно-культурного типа населения, изменение маршрутов его кочевий и самого характера связей. Одна и та же проекция на «Европейскую плоскость» финальнопалеолитических и мезолитических стоянок обманчива в своем реальном содержании. Ибо скрывает разные механизмы и процессы, характерные для каждой из этих археологических эпох.

Расчет скорости седиментации приводит к нескольким неутешительным выводам:

1. Стандартная седиментация идет чрезвычайно медленно, и культурный слой формируется в основном после времени реального обитания на памятнике.

2. Пыльца в слое накапливается каждый сезон, но в течение длительного отрезка времени, что неизбежно должно приводить к ее смешению. К этому неизбежно приводит и зоотурбация. Таким образом «чистота» палинологических образцов, как и археологического материала скорее случайна, чем закономерна. И связана она, как правило, с катастрофическим осадконакоплением, а не с монотонным отложением слоев. Наличие разновременного археологического материала на поверхности любого памятника, звучно называемого термином «подъемный», свидетельствует как о медленной седиментации, так о стандартности разрушения культурных слоев и объективности условий для естественного смешения археологических материалов и пыльцы.

3. Медленное осадконакопление неизбежно поддерживает стандартную ситуацию, когда дневная поверхность длительное время одна и та же, и на ней долгое время сохраняются «в открытом виде» изделия разных эпох. То есть стандартно поддерживается ситуация «контактов вещей», а не людей, их изготовляющих. Это повсеместно и наблюдается на практике, когда «метисные» коллекции в массе своей доминируют над «чистыми» комплексами, а неолит почти всегда складывается на «местной» мезолитической основе. Ясное осознание феномена натурации (Сорокин, 2000, 2002) позволит объективно решить проблему культурной дифференциации любого региона.

Все вместе взятое лишней раз убеждает, что основная масса источников, которыми мы оперируем, смешана как хронологически, так и культурно. В этой связи следует сказать: нынешнее состояние источниковедческой базы, как показывает проведенное исследование, попросту неудовлетворительное. С одной стороны, оно объясняется объективными причинами — свойствами геоархеологических объектов, которые имеются в нашем распоряжении, с другой — субъективными факторами — квалификацией полевых исследователей и господствующей полевой методикой. К настоящему времени выработано понимание, как минимизировать негативную роль субъективного фактора, и что следует понимать под полноценным археологическим источником. Если это удастся материализовать в ежедневной практической работе, — положительный результат не за горами. Нет никакого сомнения, что реальная картина основ мезолитоведения Окского бассейна может быть написана только на основе притока надежных данных. Опыт учит, как этой цели достичь. И естественным шагом в этом направлении служит данная монография.

Несмотря на разнообразие затронутых здесь тем, эта книга, тем не менее, не претендует ни на глобальность, ни на равное освещение всех заявленных проблем, ни на непогрешимость предлагаемых выводов. Считаю достаточным, что часть из них определена и для некоторых предложены конкретные пути реализации. Понятно также и то, что как только попытаешься проверить основания любого, даже частного, вопроса, то становится очевидной отсутствие доказательной базы. К глубокому сожалению, так было со всем, за что бы ни приходилось браться. Мне не удалось отыскать ни одного общепринятого мнения или утверждения, которое не было бы хрестоматийным и постулированным, но эфемерным, то есть никак не доказанным набором конкретных фактов, материалов или сведений. Это касалось как собственно археологических данных, так и результатов естественнонаучных изысканий. Утешало одно: «...хорошо известно, что позиция большинства еще не является гарантией правильности» (Шер, 2004; с. 122). Однако ника-

кого излишнего самомнения за этим нет, ибо источниковедческую проверку на достоверность и надежность не выдержало, к моему глубокому сожалению, ничего, включая и часть моих собственных разработок. Присутствие оптимизма вселяет уверенность, что все поправимо. И возможные способы предложены в соответствующих разделах книги.

С конца 1980-х гг. «болотные» стоянки стали массовыми, более того, почти «рядовым» видом археологических источников. И несомненная заслуга в этом принадлежит М.Г. Жилину, открывшему и раскопавшему около двух десятков памятников (*Жилин, 1998, 2000, 2001, 2004, 2005*). Однако можно в малом «увидеть бездну бытия», а можно получить прямо противоположный результат. Так, судя по всему, произошло и в конкретном случае. Об этом свидетельствует не только мой опыт, но и опыт А.Е. Кравцова, В.В. Сидорова, А.С. Смирнова и других, кто пытался работать с добытыми им материалами. К глубокому сожалению, и Ивановское 7, и Озерки 5, 17, 18, и Становое 4, и Сахтыш 14, то есть все те «опорные» — по М.Г. Жилину (*2001*) — торфяниковые памятники, которые изучались им в 1990–2000-е годы, ненадежны в источниковедческом отношении, а значит, неинформативны и недостоверны. Об этом свидетельствует уже один тот факт, что трехмерная фиксация в них была выборочной, «генерализованные» слои фиксировались лишь в профилях, а значит, никакого реального распределения в них изделий установить невозможно. Это же со всей очевидностью подтвердила попытка обращения к ним А.С. Смирнова, когда он попытался разобраться с соотношением в их слоях верхневолжской керамики. Оказалось, что в этих «чистых и стратифицированных» по М.Г. Жилину стоянках керамика в ряде случаев залегает даже ниже раннемезолитических орудий (*Смирнов, 2005*).

Между тем, все, что можно было сказать и изобрести по подъемному материалу, как показали работы Л.В. Кольцова (*1977, 2000, 2002, 2004, 2006*), уже сделано и особого внимания не заслуживает. Это же со всей очевидностью подтвердили и работы, написанные его

учениками и последователями (*Жилин, 2000, 2001, 2004, 2005; Кравцов, 1998, 2000, 2004*). Хорошо понятно и то, что в настоящее время требования существенно возросли, и требуется новое качество полевых исследований и археологических источников. Нельзя бесконечно совершать одни и те же ошибки, пора, в том числе и из собственного опыта, делать разумные выводы. Совершенно очевидно, что «болотные поселения» — это не просто новый, но и особый вид источников. Стандартные подходы к его постижению не годятся. А вот методы геоархеологии здесь могут оказаться как нельзя более кстати. И это очень перспективное направление изысканий.

Критическая оценка всего сделанного, в том числе и собственного опыта, позволяет четче представлять, в каком направлении следует двигаться дальше. Это же со всей очевидностью определяет, что легких путей к постижению истины не предвидится. Утешает только одно: ничто не стоит на месте и, если проблемы обозначены, когда-нибудь им найдутся верные решения. Понятно и другое: от застоя и «традиционности» надо уходить, причем, чем скорее, тем лучше. Тупик нынешней ситуации совершенно очевиден: стандартные решения себя окончательно исчерпали. Время требует иного качества работы, нетрадиционных подходов и решительных, но обдуманых действий. Необходимы новые источники, современная археологическая теория и новейшая полевая методика. Симбиоз этих трех составляющих может привести к желаемому результату.

Финальнопалеолитические и мезолитические источники с их безнадежно тонкими, компрессионными слоями оказались существенно сложнее, чем в археологическом мире традиционно их принято считать. Как было со всей достоверностью установлено, тот «остаток», который достается для непосредственного изучения полевому исследователю, лишь в малой степени результат «прижизненного формирования памятника», и в значительно большей мере — итог воздействия природной среды, тех постдепозиционных изменений, которым он подвергается на протяжении тысяче-

летий. Реальное функционирование того или иного местообитания, освоение человеком конкретного места на планете — это всего лишь миг по сравнению с протяженностью естественной истории того же ландшафта, а тем более артефактов, аккумулированных в его отложениях.

Неверно интерпретированные случаи полевых наблюдений совместного залегания единичных разнокультурных предметов в одних и тех же слоях становятся массовым источником стандартных археологических заблуждений о глобальном взаимодействии первобытного населения. Все наши многочисленные, но абсолютно одинаковые гипотезы о контактах древнего населения, контактных зонах, причудливой этнокультурной истории целых регионов — это всего лишь плод богатого воображения исследователей. Практика показала, что есть стандартное восприятие очевидного, но эта стандартность — неизбежный источник всех наших самых искренних заблуждений. Прямолинейное восприятие действительности надо изживать, и чем скорее, тем лучше. Да, очень сложно отказываться от стереотипов, которые мы наблюдаем в поле. Тем более что мы их сами реально наблюдаем. Но наши глаза нас чаще всего обманывают. В этой связи уместно перефразировать известное изречение: «очевидное — невероятно!».

Реальные причины «взаимодействия вещей» гораздо глубже и, в отличие от массово-

го археологического материала, они не лежат на поверхности памятников. Вместе с тем, феномен «контактов и взаимодействия» вещей, как правило, достаточно банален. Он состоит в почвенной деструкции слоев и находок, в них заключенных (*Wood, Johnson, 1978*). Оказалось, что все наши традиционные гипотезы о контактах древних популяций построены, по существу, на песке. Том самом песке, который устилает бескрайние просторы Европейских зандровых низменностей от Британии до Приуралья. Примитивность и простота археологических источников обманчива. Природа сыграла с археологами злую шутку. Вот почему не только «крайне важно использование здравого смысла в любой интерпретации хрупкого археологического материала» (*Грюн, 2001, с. 13*), но и знание закономерностей формирования и трансформации памятников археологии (*Wood, Johnson, 1978, р. 368*). Раз есть понимание первопричин и закономерностей, значит, время иллюзий должно пройти. На смену археологической мифологии с неизбежностью должна прийти строгая научная оценка наблюдений, основанная на комплексных данных. Иллюзии должны смениться постижением механизмов формирования и разрушения источников. Если это состоится, будет написана реальная этнокультурная история. Хочется верить, что эта книга станет практическим вкладом в это новое знание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абатуров А.М. Полесья Русской равнины в связи с проблемой их освоения. М.: Мысль. 1968.
- Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М.: Изд-во МГУ. 1972.
- Аверин В.А. Иеневский слой торфяникового поселения Становое 4 // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 123-126.
- Аверин В.А. О выделении мезолитического комплекса из материалов курганного могильника Боровое на реке Которосль // Молодая наука в классическом университете. Тезисы. Иваново. 2002. С. 3, 4.
- Аверин В.А. Мезолитические рубящие орудия из камня, кости и рога с многослойное торфяникового поселения Становое 4 // ТАС. Тверь. 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 209-213.
- Аверин В.А., Жилин М.Г. Каменный инвентарь мезолитических слоев поселения Становое 4 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2001. Вып. 5. С. 8-16.
- Агеева К.Е., Кравцов А.Е. Раскопки на стоянках Ладыжино 3 и 3А и разведка по р. Таруса в Тарусском районе Калужской области // АО-2005. М. 2006.
- Александрова М.В. Некоторые замечания по теории культурного слоя // КСИА. 1990. Вып. 202. С. 4-8.
- Александровский А.Л. Почвообразование и культурный слой // Актуальные проблемы методологии Западно-Сибирской археологии. Новосибирск: Наука. 1989. С. 28-30.
- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем: Археолого-почвоведческое исследование // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Вып. 1. М. 1989.
- Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Мысль. 1984.
- Алешинская А.С. Палеогеографические условия обитания древнего человека в мезолите в Волго-Окском междуречье (по палинологическим данным): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М. 2001.
- Алешинская А.С., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 1-5 июля 1997. Сергиев-Посад. 2001. С. 248-254.
- Амиров Ш.Н. Северо-восточная Сирия в IV — первой половине III тыс. до н. э. / Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М. 2006.
- Амирханов Х.А. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.: Научный мир. 1997. 264 с.
- Амирханов Х.А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт. М.: Научный мир. 1998. С. 15-34.
- Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 2000.
- Амирханов Х.А. Восточнограветтские технологические элементы в материалах поздней поры верхнего палеолита Поочья // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб. 2002. С. 83-88.
- Амирханов Х.А. Восточнограветтские элементы в культурном субстрате Волго-Окского мезолита // Проблемы каменного века Русской равнины. М. 2004. С. 5-18.
- Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического моделирования) // СЭ. № 3. 1975. С.15-25.

- Аникович М.В. Всесоюзное совещание по методике полевых исследований памятников каменного века, посвященное столетию со дня рождения П.П. Ефименко // СА. 1987. № 1. С. 285-290.
- Аникович М.В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. 1989. № 4. С. 115-126.
- Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М.: Научный мир. 1998. С. 35-66.
- Анисюткин Н.К., Лисицын С.Н. Стоянка Вашана — памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене / Отв. редактор — М.Г. Жилин. М.: Воскресенская типография. 2007. С. 134-148.
- Антропологическая выставка 1879 г.: Описание предметов выставки. Вып. 2. М. 1879.
- Анучин Д.А. Описание предметов выставки. Вып. II. Отдел доисторический. Раздел 3. Коллекции древностей из курганов и городищ различных местностей Европейской России и Сибири. М. 1879. Отд. выпуск.
- Археологическая карта России. Владимирская область. М. 1995.
- Археологическая карта России. Ивановская область. М. 1994.
- Археологическая карта России. Калужская область. М. 1992.
- Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1. М. 1994.
- Археологическая карта России. Московская область. Ч. 2. М. 1995.
- Археологическая карта России. Московская область. Ч. 3. М. 1996.
- Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4. М. 1997.
- Археологическая карта России. Орловская область. М. 1992.
- Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. Ч. 1. М. 2001.
- Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 1. М. 1993.
- Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 2. М. 1994.
- Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 3. М. 1996.
- Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 1. М. 1997.
- Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. М. 1997.
- Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 1. М. 1999.
- Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2. М. 2002.
- Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. М.-Л. 1941.
- Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 1. Воронеж. 1980.
- Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж. 1998.
- Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.: Наука. 1984.
- Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука. 1996. Отв. редактор — С.В. Ошибкина.
- Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука. 1989.
- Археология СССР. Палеолит СССР. М.: Наука. 1984.
- Археология Республики Коми. М.: ДиК. 1997.
- Археологія Беларусі. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск.: Буларусская навука. 1997.
- Асеев А.А. Палеогеография Средней и Нижней Оки в четвертичный период. М. 1959.
- Бадер О.Н. Северная палеолитическая экспедиция // АО-1970. М. 1971. С. 33, 34.
- Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука. 1989.
- Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. Вып. 126. М.-Л. 1966. С. 194-205.
- Бадер О.Н. Сунгирь: верхнепалеолитическая стоянка. М. 1978.
- Бадер О.Н., Воеводский М.В. Стоянки родового общества // ИГАИМК. Вып. 109. М. 1935.
- Бадер О.Н., Кольцов Л.В. Мезолитические стоянки близ города Калинина // СА. № 1. 1974. С. 124-130.

- Бадер О.Н., Талицкий М.В., Збруева А.В., Пасек Т.С., Елизарова Н.А., Бадер М.А. Археологические памятники в зоне Москва-Волгострой // Археологические работы Академии на новостройках в 1932-1933 гг. Известия ГАИМК. Вып. 109. М. 1935.
- Башилов В.А. Темпы исторического процесса в важнейших центрах «неолитической революции» Нового и Старого Света // Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики. М. 1985.
- Башилов В.А. Аякучо и Хунин — два микроочага производящего хозяйства в Перуанских Андах // Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики / Отв. редактор — В.А. Тишков. М.: Наука. 1988. С. 125-138.
- Башилов В.А. «Неолитическая революция» в Центральном Андах / Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М. 1998.
- Берг Л.С. Лесостепь и степь Русской равнины. М. 1956.
- Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Культурно-содержащие и культурогенетические слои в стратифицированных археологических объектах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том 7. Новосибирск. Изд-во ИАЭ СО РАН. 2001. С. 46-50.
- Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Археологические остатки в почвах Прибайкалья // Четвертая всероссийская конференция. Проблемы эволюции почв: Тезисы докладов. М.: ПОЛТЭКС, 2001. С. 36-37.
- Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Леви К.Г., Аржанникова А.В. Позднеледниковье и раннее послеледниковье Прибайкалья как природно-культурный феномен (особенности природных и культурных процессов) // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск: Изд-во РПЦ «Радян», 2005. С. 15-25.
- Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. М.-Л.: Наука. 1964.
- Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР (1958-1970 гг.). Л.: Наука. 1984.
- Бердникова Н.Е. К вопросу о культурной дифференциации финальноплейстоценовых — раннеголоценовых комплексов Прибайкалья // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск: Изд-во ИргТУ. 2003. С. 40-45.
- Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М.: Наука. 1981.
- Бессуднов А.Н. К вопросу о свидерских и аренсбургских традициях в охотничьем вооружении населения каменного века Лесостепного Подонья // Елец и его окрестности. Елец. 1991. С. 83-86.
- Бессуднов А.Н. Мезолитические памятники Лесостепного Подонья / Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Воронеж. 1997.
- Блок М. Апология истории. М.: Наука. 1986.
- Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука. 1990.
- Богоявленский С.К. Материалы к археологической карте Московского края // МИА. Вып. 7. М. 1947.
- Бодунов Е.В., Воробьев В.М., Жилин М.Г. Мезолитическая стоянка Красново 1 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин. 1983. С. 3-11.
- Бодунов Е.В., Воробьев В.М., Жилин М.Г. Мезолитическая стоянка Красново 1 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин. 1983. С. 3-11.
- Бодунов Е.В., Жилин М.Г., Воробьев В.М. Позднемезолитическая стоянка Старокопстантиновская III близ Калинина // СА. № 2. 1980. С. 220-226.
- Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М. Археология Калужской области. Калуга. 1999.
- Борисенко В.И., Бубнов В.Ю., Смирнов А.С. Программный комплекс сопровождения археологических баз данных и анализа распределения массового материала в культурном слое поселений // Компьютеры в археологии. Материалы конференции «Опыт компьютерной обработки археологических материалов». Москва, апрель 1993 года. М. 1996. С. 31-39.

- Борисковский П.И. Палеолитические и эппалеолитические местонахождения бассейна р. Оки // Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 1. М. 1937. С. 302-317.
- Брюсов А.Я. Белевская неолитическая культура // КСИИМК. Вып. XVI. 1947.
- Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М. 1952.
- Брюсов А.Я. Мезолитическая неурядица // Историко-археологический сборник, посвященный юбилею А.В. Арциховского. М.: МГУ. 1962. С. 24-30.
- Брюсов А.Я. Методы раскопок торфяниковых стоянок. М.: Восточная литература. 1963. 14 с.
- Бузин В.С., Ставицкий В.В., Константинов Д.В. Раннеолитическое поселение Имерка 7 в Примокшанье // АО-1994. М. 1995. С. 71.
- Буланкин В.М., Вячин А.А., Иванов Д.А., Челяпов В.П. Охранные разведки в Рязанской области // АО-2004. М. 2005.
- Булычев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М. 1899а.
- Булычев Н.И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М. 1899б.
- Булычев Н.И. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М. 1903.
- Булычев Н.И. Раскопки по среднему течению р. Угры. М. 1913.
- Бурых Б.Б., Колобов В.М., Скотников Ю.А., Тиханович С.С., Шаповалов Т.И. Памятные места Московской области. М. 1956.
- Бутаков Г.П., Галимова М.Ш., Мозжерин В.И. Геолого-геоморфологические условия и палеогеография палеолитических памятников правобережья Средней Волги // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань. 1999. С. 3-19.
- Бызова Е.Н., Кренке Н.А., Спиридонова Е.Н., Чернов С.З. Средневековый Радонеж: Археологический, палинологический и геоботанический подходы к изучению ландшафтов // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М. 1993.
- Вавилов Н.И. Избранные произведения. Л. 1967.
- Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера. 2006.
- Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне. 1970.
- Васильев С.А. Российская школа изучения палеолита в контексте мировой археологии // III исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Материалы Всероссийской научной конференции. Омск. 1995.
- Васильев С.А. Древнейшие культуры Северной Америки. СПб: Петербургское Востоковедение. 2004. 144 с.
- Васильев С.В., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Лисицын С.Н., Синицына Г.В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб. 2005. 108 с.
- Веклич М.Ф., Матвишина Ж.Н., Медведев В.В., Сиренко Н.А., Федоров К.Н. Методика палеопедологических исследований. Киев: Наукова думка. 1979. 272 с.
- Векслер А.Г., Станюкович А.К. и др. Исследования в Подмосковье // АО-1974. М. 1975.
- Векслер А.Г., Двуреченский О.В., Зубарев Н.В., Коваль В.Ю. Археологические исследования Мякининского селища на северо-западе Москвы // АО-1995. М. 1996.
- Векслер А.Г. Охранные археологические работы в Москве // АО-1997. М. 1998.
- Величко А.А., Грехова Л.В., Губонина З.П. Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М.: Наука. 1977.
- Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисевиичи. М.: Наука. 1997.
- Верещагин Н.К. Почему вымерли мамонты? М.: Наука. 1976.
- Ветров В.М. Проблемы сходства в технике изготовления и орнаментации сосудов ранних керамических комплексов северной Евразии // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23-28 октября 2006 г., Новосибирск) / Отв. редакторы — А.П. Де-

- ревянко, В.И. Молодин. Новосибирск. 2006. Т. 1. С. 173-176.
- Ветров В.М., Кузьмин Я.В. К истории изучения древней керамики на Верхнем Витиме // Социогенез в северной Азии. Иркутск. 2005. С. 59-63.
- Виноградов К.Я. Три этапа культуры у Ивановой горы на р. Рузе. М. 1929.
- Витов М.В. О классификации поселений // СА. № 3. 1953.
- Вихляев В.И., Ставицкий В.В. Балахнинские поселения на Средней Мокше Шаверки 2 и Шаверки 5 // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола. 1995. С. 35-49.
- Вишневский В.И. Раскопки Загорского музея-заповедника // АО-1985. М. 1987.
- Воеводский М.В. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы // Труды 2 Международной конференции АИЧПЕ. Вып. 5. М. 1934.
- Воеводский М.В. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе // СА. Вып. V. 1940.
- Воеводский М.В. Стоянка Гремячее // МИА. Вып. 2. М. 1941.
- Воеводский М.В. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950. С. 96-119.
- Воеводский М.В., Борисковский П.И. Стоянка Един Бор // СА. Вып. III. 1937.
- Воеводский М.В., Герасимов М.М., Третьяков П.Н. Долина Оки // Археологические исследования в России в 1934-1935 гг. М. 1941.
- Воеводский М.В., Формозов А.А. Стоянка Песочный Ров на реке Десне // КСИИМК. Вып. XXXV. 1950.
- Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра УрО РАН. 2006. 124 с.
- Волокитин А.В., Карманов В.Н. Мезолит и неолит Северного Приуралья: современные концепции // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции: 75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга. Ижевск, 28-30 марта. Ижевск. 2000. С. 67-69.
- Воронин К.В., Кузнецова Т.М. Новые памятники Верхнего Поочья // ВАИВП. Тезисы докладов. Боровск. 1988. С. 17-19.
- Воронцов А.М. Раскопки поселения Упа 2 // АО-1996. М. 1997.
- Воробьева Г.А., Медведев Г.И. Плейстоцен — голоценовые отложения юга средней Сибири и археологические остатки в геологических слоях. Иркутск: 1984.
- Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Археотопонимия: этапы, процессы, циклы (в порядке дискуссии) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2001. С. 53-70.
- Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Геоархеологические объекты как основа для изучения природно-культурных циклов (Байкальская Сибирь) // Циклы природы и общества: Материалы VI Международной конференции «Циклы природы и общества». Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та. 1998. Ч. 2. С. 81-83.
- Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. К тафономии культурных остатков в геоархеологических объектах // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 421-423.
- Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Почвы Прибайкалья как культуровмещающие образования // Проблемы эволюции почв. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН. 2003. С. 47-53.
- Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., Леви К.Г., Горюнова О.И., Ребриков П.Н., Кулагина Н.В., Аржанникова А.А. Позднеледниковье как переломный этап в развитии природы и культуры Байкальского региона // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ РАН. 1999. С. 15-16.
- Восточный граветт. М.: Научный мир. 1998. 329 с.
- Выборнов А.А., Третьяков В.П. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев. 1988.
- Гаврилова И.В. О методике исследования поселений со смешанным культурным слоем // Полевая археология мезолита-неолита. Л. 1990.

- Гак Е.И. Исследования памятников археологии в Московской и Тульской областях // АО-2003. М. 2004. С. 86, 87.
- Галибин В.А., Тимофеев В.И. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // Археологические вести. Вып. 2. СПб. 1993.
- Галимова М.Ш. Итоги исследования памятников позднего палеолита Верхней и Средней Волги // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький. 1990. С. 183-191.
- Галимова М.Ш. Исследования на Сюкеевском Взвозе // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск. 1991. С. 106-107.
- Галимова М.Ш. Исследования на Сюкеевском Взвозе в 1989 — 1990 гг. // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань. 1992. С. 5-16.
- Галимова М.Ш. О территории усть-камской культуры // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург. 1993. С. 34-35.
- Галимова М.Ш. О территории усть-камской культуры // Памятники древнейшей истории Волго-Камья. Казань. 1994. С. 6-16.
- Галимова М.Ш. Охранные раскопки на Сюкеевском Взвозе // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола. 1994. С. 38-39.
- Галимова М.Ш. Тетюшская 3 стоянка // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья. Казань. 1995. С. 23-77.
- Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1999.
- Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы. Москва — Казань: Янус-К. 2001. 272 с.
- Гарковик А.В. Архаичные комплексы Приморья // Вперед... в прошлое / Редакторы — Ю.В. Вострецов, Н.А. Ключев. Владивосток: Дальнаука. 2000. С. 252-271.
- Гарковик А.В., Жущиховская И.С. Древнейший керамический комплекс Приморья (по материалам памятника Устиновка 3) // Материалы и исследования по археологии севера Дальнего Востока и сопредельных территорий. Магадан: Изд-во СВКНИИ. 1997. С. 190-197.
- Гарковик А.В., Кадзивара Х. Керамический комплекс стоянки Устиновка-3 // Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена — голоцена / Отв. редакторы — А.П. Деревянко, Н.А. Кононенко. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск. 2003. С. 116-126.
- Генералов А.Г. Геоархеологический объект Стрижовая Гора (стратиграфия, хронология, типология, технология). Иркутск: Иркутский университет. 2000.
- Гвоздовер М.Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М.: Научный мир. 1998. С. 224-278.
- Гвоздовер М.Д., Леонова Н.Б. Клад каменных изделий со стоянки Каменная Балка 2 // Проблемы палеолита Восточной Европы. Л.: Наука. 1977.
- Герасимов М.М., Воеводский М.В., Третьяков П.Н. Долина р. Оки // Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. М.-Л. 1941.
- Гонозов А.В. Раскопки и разведка в Павловском районе Нижегородской области // АО-2001. М. 2002.
- Гоняный М.И. Комплексные исследования в районе Куликова поля // АО-1994. М. 1995.
- Гоняный М.И. Междисциплинарные исследования в районе Куликова поля и в Южном Подмосковье // АО-1996. М. 1997.
- Гоняный М.И. Междисциплинарные исследования в районе Куликова поля и в Южном Подмосковье // АО-1996. М. 1997. С. 95-97.
- Гоняный М.И., Станюкович А.К. Новые памятники Подмосковья // АО-1981. М. 1983.
- Гоняный М.И., Зайцев И.К., Маркина Е.Д., Фоломеев Б.А. Куликово поле и его археологические памятники // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М. 1985.
- Гоняный М.И., Мошинский А.П. Разведки и раскопки в районе Куликова поля // АО-1984. М. 1986.

- Гоняный М.И., Мошинский А.П., Недошивина Н.Г. Исследования в районе Куликова поля // АО-1986. М. 1988.
- Горелик А.Ф. Памятники Роголикско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев-Луганск. 2001.
- Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). М.: Издательство Академии наук СССР. 1948 // Труды Института геологических наук. Вып. 64, геологическая серия, № 17.
- Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. // АИЗ. № 7-8. 1898.
- Городцов В.А. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Ока // Древности. Т. XVIII. 1900.
- Городцов В.А. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки // Труды 12 Археологического съезда. Т. 1. М. 1905.
- Городцов В.А. Археология. Т. I: Каменный период. М.-Пг. 1923.
- Городцов В.А. Археологические раскопки в Советской России с 1919 по 1921 гг. // Древний мир. Вып. 1. М. 1924.
- Горожанский Н.Н. Материалы для археологии России по губерниям и уездам. Вып. 1. М. 1884.
- Государственные списки памятников истории и культуры Нижегородской области по состоянию на 01. 01. 2000. Каталог. Н-Новгород. 2001. 387 с.
- Граков Б.Н. Краткий отчет об археологическом обследовании по р. Тезе // Третий год деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения в 1926 г. Иваново-Вознесенск. 1927.
- Грачева Р.Г., Сорокин А.Н., Малясова Е.С., Успенская О.Н., Чичагова О.А., Сулержицкий Л.Д. Погребенные почвы и культурные слои в условиях заболоченных равнин: возможности и ограничения методов археологических и природных реконструкций // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. Материалы научной конференции. М.: ИГ РАН, ИА РАН, НИА — Природа. 2006. С. 186-206.
- Гребенщиков А.В., Деревянко А.П. Гончарство древних племен Приамурья. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск. 2001.
- Грехова Л.В. Памятники эпохи палеолита и мезолита // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып. 44. М. 1970.
- Грехова Л.В. Место стоянок Окского бассейна в системе палеолита Русской равнины // Древности Оки. Труды ГИМ. Вып. 85. М. 1994.
- Грехова Л.В., Полякова Г.Ф., Раушенбах В.М., Цветкова И.К. Карта памятников палеолита, мезолита и неолита в Окском бассейне // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып. 44. М. 1970.
- Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Литолого-фациальные особенности культурных слоев некоторых долговременных поселений позднего палеолита Восточной Европы // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции. М.: НИА — Природа. 2006. С. 160-177.
- Григорьев Г.П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, рыболовы, собиратели. Л. 1972. С. 11-25.
- Гричук В.П., Чеботарев Н.С. Взаимодействие лесов и степи в историческом освещении // Вопросы географии. № 23. 1960.
- Гричук В.П. Географические ландшафты Русской равнины ледникового периода // Природа. № 2. 1952.
- Грудинкин Б.В. Исследования памятников эпохи неолита в Калужской области // АО-1985. М. 1987.
- Грудинкин Б.В. Памятники эпохи камня в бассейне р. Неручь // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга. 1991.
- Грудинкин Б.В. Работы Окско-Деснинской экспедиции // АО-1993. М. 1994.

- Грудинкин Б.В. Разведки и раскопки Окско-Деснинской экспедиции // АО-1994. М. 1995.
- Грудинкин Б.В. Поселения каменного века на левых притоках верхней Десны // Деснинские древности. Брянск. 1995.
- Грудинкин Б.В. Разведки Окско-Деснинской экспедиции // АО-1995. М. 1996.
- Грудинкин Б.В. Сезонное функционирование поселения Нагорное в Кировской районе // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч. 1. Киров. 1997.
- Грудинкин Б.В. Разведки Окско-Деснинской экспедиции // АО-2000. М. 2001.
- Грудинкин Б.В. Разведки и раскопки в Калужской и Тульской областях // АО-2002. М. 2003.
- Грудинкин Б.В. Разведки и раскопки в Калужской и Тульской областях // АО-2003. М. 2004.
- Грудинкин Б.В. Разведки в Калужской и Тульской областях // АО-2004. М. 2005.
- Грудинкин Б.В. Исследования в Калужской и Тульской областях // АО-2005. М. 2006.
- Грудинкин Б.В. Разведки Окско-Деснинской экспедиции в бассейне Верхней Оки // АО-2006. М. 2007.
- Грюн О. Исследование поселений — теория и практика: структуралистический подход как связь между археологией и социальной антропологией // Материалы Международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 2001. С. 8-14.
- Гуляев В.И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М.: Наука. 1972.
- Гуляев В.И. Становление производящего хозяйства в доколумбовой Мезоамерике // Проблемы зарубежной археологии. М. 1984.
- Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск. 1993. Изд-во Удмуртского университета.
- Гурина Н.Н. Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР // Каменный век на территории СССР / МИА. Вып. 166. Л.: Наука. 1970. С. 134-156.
- Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. Вып. 47. М.-Л.: Наука. 1956.
- Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада СССР // МИА. Вып. 87. Л.: Наука. 1961.
- Гурина Н.Н. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии // МИА. Вып. 131. М.-Л.: Наука. 1965. С. 141-203.
- Гурина Н.Н. К вопросу о позднелепелитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии // МИА. Вып. 126. М.: Наука. 1966. С. 14-34.
- Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. Вып. 144. Л.: Наука. 1967.
- Гурина Н.Н. Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР // МИА. Вып. 166. Л.: Наука. 1970. С. 134-156.
- Гурина Н.Н. Мезолит Латвии и Эстонии // Археология СССР. Мезолит СССР. М. 1989. С. 55-62.
- Гурина Н.Н. Мезолит Литвы и Белоруссии // Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука. 1989. С. 46-54.
- Гурина Н.Н., Крайнов Д.А. Льяловская культура // Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука. 1996. С. 173-179.
- Дворниченко В.В., Сидоров В.В. Новая стоянка на Туголесских озерах // АО-1972. М. 1973.
- Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевский И.С. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии // РА. 1992. № 2. С. 43-49.
- Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология. Пушино. 1997. 214 с.
- Дергачев В.А. О понятии «контактная зона» // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л. 1990. С. 76-82.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука. 1994. 288 с.
- Дзенискевич Г.И. Атапаски Аляски. Л. 1987. 153 с.
- Диков Е.И. Исследования памятников Владимирской области // АО-1971. М. 1972.

- Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130000 лет. Атлас-монография / Отв. редактор А.А. Величко. М.: ГЕОС. 2002.
- Долуханов П.М. Палеогеография мезолита Северной Европы // МИА. Вып. 126. М. 1966.
- Долуханов П.М. История Балтики. М. 1969. 116 с.
- Долуханов П.М. Проблемы неолитизации и изучение материальной культуры раннего неолита // Неолит и энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб. 2003. С. 193-206.
- Дополнения к Государственным спискам памятников истории и культуры Нижегородской области (по состоянию на 01.01.2002). Каталог. Н.-Новгород. 2002. 118 с.
- Доррер Г.А. Река Тулица и другие // Археологические исследования в РСФСР в 1935-1936 гг. М.-Л. 1941.
- Древние охотники и рыболовы Подмосковья: по материалам поселений эпохи камня и бронзы — Воймежное 1. М. 1997.
- Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад. 1997.
- Екимов Ю.Г. Работы экспедиции Тульского краеведческого музея // АО-1994. М. 1995.
- Екимов Ю.Г. Исследования на территории Тульской области // АО-1996. М. 1997.
- Екимов Ю.Г. Раскопки на Сорокином городище в Тульской области // АО-1998. М. 1999.
- Есипов В.П. Археологические разведки в Жиздринском районе // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга. 1987.
- Есипов В.П., Прошкин О.Л., Телеганова Е.А. Комплексный памятник «Чертово городище» // Очерки по истории и культуре Калужского края. Калуга. 1996.
- Ефименко П.П. Летние работы 1920 г. в Рязанской губернии // Вестник рязанских краеведов. № 1. Рязань. 1923.
- Ефименко П.П. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеэнеолитического возраста // РАЖ. М. 1924. Т. 13. Вып. 3-4.
- Ефименко П.П. Первобытное общество. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1953.
- Ефименко П.П. Костенки 1. М. Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1958.
- Ефименко П.П. По поводу статьи А.А. Формозова «О времени и исторических условиях сложения племенной организации» // СА. № 1. 1957.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Яндашевская стоянка // СА. № 2. 1968.
- Ефимов А.Е. Стоянка Нагорное 1 // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга. 1993.
- Ефимов А.Е. Разведки в пригородной зоне г. Калуги // АО-1996. М. 1997. С. 112.
- Желтова М.Н. Некоторые технико-морфологические особенности свидерской индустрии // ТАС. Тверь. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 15-21.
- Жилин М.Г. Исследование мезолита на Верхней Клязьме // АО-1977. М. 1978. С. 61.
- Жилин М.Г. О работах Окуловского отряда Верхневолжской экспедиции // АО-1979. М. 1980. С. 144-145.
- Жилин М.Г. О датировке и культурной принадлежности стоянки Плещеево 1 // СА. № 3. 1982. С. 219-223.
- Жилин М.Г. Технологическо-функциональное исследование мезолитических каменных изделий Волго-Окского бассейна // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1985.
- Жилин М.Г. Про співвідношення функціонального призначення та морфології мезолітичних кам'яних знарядь лісової зони Східної Європи // Археологія. Київ. 1986. Вып. 55. С. 26-32.
- Жилин М.Г. Памятники типа Красново 1 в Волго-Окском бассейне // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга. 1987. С. 17, 18.
- Жилин М.Г. Обработка камня в бутовской культуре // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М. 1987.

- Жилин М.Г. Мезолитические памятники Нижегородского Поволжья // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький. 1990.
- Жилин М.Г. Мезолитическая стоянка Новошино на нижней Оке // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. 1991а.
- Жилин М.Г. Археологические исследования в бассейне р. Дубны в 1987-1990 гг. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. 1991б.
- Жилин М.Г. Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990-1992 гг. // ТАС. Вып. 1. Тверь. 1994а.
- Жилин М.Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново. 1994б. С. 19-31.
- Жилин М.Г. О работах Верхневолжской экспедиции // АО-1994. М. 1995а. С. 100, 101.
- Жилин М.Г. Стоянка Окаево IV на средней Дубне // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново. 1995б.
- Жилин М.Г. Раскопки Верхневолжской экспедиции // АО-1995. М. 1996а. С. 137, 138.
- Жилин М.Г. Некоторые итоги раскопок стоянки Озерки 5 в 1990-1994 гг. // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996б.
- Жилин М.Г. Многослойные торфяниковые поселения на Средней Дубне // Тезисы докладов отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991-1995 гг. М. 1996в.
- Жилин М.Г. Раскопки Верхневолжской экспедиции // АО-1995. М. 1996.
- Жилин М.Г. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин». Сергиев Посад. 1997.
- Жилин М.Г. Многослойное поселение Ивановское VII (по раскопкам 1992-1997 годов) // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998. С. 12-25.
- Жилин М.Г. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // ТАС. Тверь, 1998 Вып. 3. С. 25-31.
- Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М. 1999.
- Жилин М.Г. О работах Верхневолжской экспедиции // АО-1999. М. 2000а.
- Жилин М.Г. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // ТАС. Тверь. 2000б. Вып. 4. Т. 1. С. 72-79.
- Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС. 2001а. 328 с.
- Жилин М.Г. О работах Верхневолжской экспедиции // АО-2000. М. 2001б.
- Жилин М.Г. Работы Верхневолжской экспедиции на торфяниках в 1992-2002 годах // КСИА. 2003в. Вып. 215. С. 30-38.
- Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолитической бутовской культуры в Верхнем Поволжье // СА. № 3. 2002а. С. 5-25.
- Жилин М.Г. Охота и рыболовство в мезолите Волго-Окского междуречья (по материалам торфяниковых поселений) // Материалы Северного археологического конгресса: Тезисы докладов. Екатеринбург, Ханты-Мансийск. 2002б. С. 112-122.
- Жилин М.Г. Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002в. С. 107-116.
- Жилин М.Г. Работы Верхневолжской экспедиции на торфяниках в 1992-2002 годах // КСИА. 2003. Вып. 215. С. 30-38.
- Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М. 2004а. С. 92-139.
- Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia. 2004б. 146 с.

- Жилин М.Г. Некоторые итоги раскопок многослойного торфяникового поселения Становое 4 // КСИА. 2005. Вып. 219. С. 21-36.
- Жилин М.Г. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М. 2006.
- Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство населения бутовской культуры в финале плейстоцена (по материалам нижнего слоя Станового 4) // ТАС. Тверь. 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 116-125.
- Жилин М.Г. Многослойное мезолитическое поселение Сахтыш 14 (по раскопкам 1999-2001 гг.) // ТАС. Тверь. 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 197-202.
- Жилин М.Г. Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М.: Воскресенская типография. 2007. 142 с.
- Жилин М.Г., Аверин В.А. Работы Верхневолжской экспедиции в 2001 г. // АО-2001. М. 2002.
- Жилин М.Г., Аверин В.А. Работы Верхневолжской экспедиции ИА РАН // АО-2003. М. 2004.
- Жилин М.Г., Аверин В.А. О работах Верхневолжской экспедиции // АО-2004. М. 2005.
- Жилин М.Г., Аверин В.А., Аверина А.В., Цветкова Н.А. О работах Верхневолжской экспедиции // АО-2005. М. 2006.
- Жилин М.Г., Аверин В.А. О работе Верхневолжской экспедиции // АО-2006. М. 2007.
- Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука. 2002а. 245 с.
- Жилин М.Г., Кравцов А.Е. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. 1991. С. 3-18.
- Жилин М.Г., Кравцов А.Е. О работах Верхневолжской экспедиции // АО-1996. М. 1997.
- Жилин М.Г., Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Мезолитическая стоянка Беливо 6В // Труды ГИМ. Вып. 96. М. 2002б. С. 88-108.
- Жилин М.Г., Крайнов Д.А. Стоянка Берендеево 2а // КСИА. Вып. 169. М. 1982.
- Жилин М.Г., Левина Н.В. Разведочные работы на Озерецком торфянике // Обзор памятников истории и культуры Тверской области. Тверь. 1991. С. 25, 26
- Жилин М.Г., Миронос А.А. О работе Горьковской экспедиции // АО-1982. М. 1983.
- Жилин М.Г., Фролов А.С. О датировке и культурной принадлежности стоянки Турынинские Дворики // КСИА. Вып. 189. М. 1987.
- Жилин М.Г., Фролов А.С. Стоянка Ладыжино 3 (по материалам раскопок 1976, 1977 гг.) // СА. № 2. 1981. С. 255-260.
- Жилин М.Г., Фролов А.С., Крымов Е.Ю. Мезолитическая стоянка Прислон 1 на Верхней Волге // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 126-133.
- Жилин М.Г., Энговатова А.В. Палеоэкология и история заселения Ивановского торфяника // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998. С. 90-97.
- Жуков Б.С. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда // Труды Антропологического института МГУ: Приложение к Русскому Антропологическому журналу. Т. XIV. Вып. 1, 2. М. 1925.
- Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет. 2005. 310 с.
- Жущиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток. 2004.
- Забелин И.Е. История города Москвы. Ч. 1. М. 1902.
- Заверняев Ф.М. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА. № 4. 1974. С. 142-161.
- Загорска И.А. Ранний мезолит на территории Латвии // Известия Академии наук Латвийской ССР. № 2. Рига. 1981. С. 53-65.
- Зайдов О.Н. Раскопки и разведки в Тульской области // АО-1993. М. 1994.
- Зайдов О.Н. Исследования в с. Гремячее Новомосковского района Тульской области // АО-1994. М. 1995а.
- Зайдов О.Н. Раскопки древнерусского могильника у д. Исаковские Выселки в Тульской области // АО-1994. М. 1995б.

- Заидов О.Н. Охранные раскопки в Новомосковском и Кимовском районах Тульской области // АО-1995. М. 1996.
- Заидов О.Н. Исследования в Новомосковском и Кимовском районах Тульской области // АО-2002. М. 2003.
- Зайцева И.Е. Исследования средневекового Зарайска // АО-1996. М. 1997. С. 118, 119.
- Зализняк Л.Л. Мезолит Юго-Восточного полясья. Киев: Наукова думка. 1984.
- Зализняк Л.Л. Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья // В.И. Неприна, Л.Л. Зализняк, А.А. Кротова. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев. 1986.
- Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: Наукова думка. 1989.
- Зализняк Л.Л. Население Полесья в мезолите. Киев: Наукова думка. 1991.
- Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт України // Археологія. Вип. 1. 1995а. С. 3-21.
- Зализняк Л.Л. Ранній мезоліт України // Археологія. Вип. 3. 1995б. С. 3-16.
- Зализняк Л.Л. Пізній мезоліт України // Археологія. Вип. 4. 1995в. С. 3-16.
- Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. Київ: НАУКМА. 1999. 283 с.
- Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт и мезоліт континентальної України // Кам'янна доба України. Вип. 8. Київ: Шлях. 2005.
- Зализняк Л.Л., Гавриленко І.М. Зимівниківська мезолітична культура Лівобережної України // Археологія. № 1. 1996. С. 97-103.
- Замятнин С.Н. Карачаровская палеолитическая стоянка // Труды ГАИМК. Вып. 1. 1929.
- Зарецкая Н.Е., Сулержицкий Л.Д., Жилин М.Г. Радиоуглеродные исследования хронологии поселения Ивановское 7 // ТАС. Тверь. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 137-142.
- Зарецкая Н.Е., Успенская О.Н., Жилин М.Г. Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 117-122.
- Захарук Ю.Н. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. 1976. С. 3-10.
- Захарук Ю.Н. Парадокс археологической культуры // Проблемы советской археологии. М.: Наука. 1978. С. 49-54.
- Зеленеев Ю.А., Шитов В.Н. Работы в Кадомской Примокшанье // АО-1977. М. 1978. С. 61.
- Зеленцова О.В., Королев А.И., Ластовский А.А. Спасательные раскопки в Муромском районе Владимирской области // АО-2006. М. 2007.
- Зимица М.П. Боровичская мезолитическая стоянка // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
- Зотько М.Р. Историографический очерк изучения иеневской мезолитической и песочноровской культур в свете проблемы их культурного единства // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 108-117.
- Зотько М.Р., Нигматуллин Р.А., Смирнов А.С., Смирнова М.Е. Работы Деснинской экспедиции в 1986-1989 гг. // КСИА. Вып. 210. М. 1993. С. 63-68.
- Зубков В.И. Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950. С. 141-150.
- Иванов А.И. Музейное дело во Владимирской губернии за время революции // Материалы по изучению Владимирской губернии. Труды Владимирского Государственного областного музея. Вып. 2. Владимир. 1926.
- Иванов А.И. Краткий обзор археологических исследований во Владимирской губернии за последнее десятилетие // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М. 1927. С. 59-64.
- Изюмова С.А. Археологическая разведка в 1951 г. в Тульской области // КСИИМК. Вып. 52. 1953.
- Изюмова С.А. Исследования в Тульской области // АО-1972. М. 1973.
- Ильин М.А. Подмосковье. М. 1965.
- История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М. 1986.
- Калайдович К.Ф. Письма к А.Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Ря-

- занской губернии с рисунками, найденных там в 1822 г., древностей. М. 1823а.
- Калайдович К.Ф. Письма к А.Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками, найденных там в 1823 г., древностей. М. 1823б.
- Каменецкий И.С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. № 2. 1970. С. 18-36.
- Каменецкий И.С. Глиняные конусы Подазовского городища // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука. 1977. С. 139-148.
- Каменецкий И.С. Искусственные и естественные классификации в археологии // Проблемы археологии. М.: Наука. 1978. Вып. 2. С. 17-24.
- Каменный век Верхневолжского региона. СПб. 1997.
- Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Слог. 1994.
- Карманов В.Н. Памятники с трапециями на Европейском Северо-Востоке // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 91-98.
- Карху А.А. Остатки птиц с поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998. С. 84-86.
- Кац Н.Я., Кац С.В. Естественная и антропохорная растительность местообитания неолитического человека на болоте Берендево // Голоцен. М. 1969. С. 139-144.
- Кашкаров В.М. К вопросу о древнейшем населении Калужской губернии // Калужская старина. Т. 1. Кн. 2. Калуга. 1901.
- Кашкаров В.М. Конинский удел Тарусского княжества // Калужская старина. Т. II. Кн. 1. Калуга. 1902.
- Квартер-2005: Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода (Сыктывкар, Республика Коми, 23-26 августа 2005 г.). Сыктывкар: Геопринт. 2005.
- Квасов Д.Д. Приледниковые озера и внутренние моря Восточной Европы. Л.: Наука. 1975.
- Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л. 1975.
- Кириллова И.В. Охотничья добыча обитателей стоянки Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998. С. 63-83.
- Кириченко А.В. Итоги археологических разведок, проведенных на территории Ярославской области в 2001-2002 гг. // Археология: история и перспективы. Ярославль. 2003. С. 122-127.
- Кларк Д. Доисторическая Африка. М.: Восточная литература. 1982.
- Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. № 2. 1970. С. 37-51.
- Клейн Л.С. Проблема смены культур в современной археологии // Вестник Ленинградского университета. Вып. 8. Л. 1975. С. 95-103.
- Клейн Л.С. Археологические источники. Л.: Изд-во ЛГУ. 1978.
- Клейн Л.С. Как отличить хорошую теоретическую работу по археологии от плохой? // Stratum+. 2003/2004. # 1. С. 482-486.
- Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Т. 1. Мегаархеология. СПб.: Бельведер. 2004.
- Клейн Л.С., Миняев С.С., Пиотровский Ю.Ю., Хейфец О.И. Дискуссия о понятии «археологическая культура» в Проблемном семинаре Ленинградского Университета // СА. 1970. № 2. С. 298-302.
- Клянин Р.В. Комплексное изучение городища «Городки» Веневского района Тульской области // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны: Тезисы докл. науч. конф. Липецк. 1992.
- Клянин Р.В. Работы Веневского отряда // АО-1973. М. 1994.
- Клянин Р.В. Хозяйственный комплекс летописного города Корнике // Деснинские древности. Брянск. 1995.
- Клянин Р.В. Работы в Веневском районе Тульской области // АО-1995. М. 1996.
- Клянин Р.В. Археологические исследования в Веневском районе Тульской области // Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого. Тула. 1997.

- Клянин Р.В. Венев. Историко-археологический очерк. Тула. 2000.
- Коваль В.Ю. Археологические исследования Ростиславльского стана // Древние памятники Окского бассейна. Рязань. 1993.
- Коваль В.Ю. Итоги охранно-археологических работ на городище Ростиславля Рязанского // Историко-культурное наследие / Памятники археологии Центральной России: Охранное изучение и музеефикация. Рязань. 1994.
- Коваль В.Ю. Охранные раскопки на городище Ростиславль // АО-1996. М. 1997. С. 126-128.
- Коваль В.Ю. Раскопки на Ростиславльском городище // АО-1998. М. 1999.
- Коваль В.Ю., Осипов Д.О., Волков И.В., Тавлинцева Е.Ю., Русаков П.Е. Работы Ростиславльской экспедиции // АО-2002. М. 2003.
- Коваль В.Ю., Трусов А.В., Кожухов С.П., Осипов Д.О., Русаков П.Е., Тавлинцева Е.Ю. Работы на городище Ростиславль и Сосновском селище // АО-2003. М. 2004.
- Коваль В.Ю., Трусов А.В., Волков И.В., Лагутин А.Б., Медведь А.Н., Русаков П.Е., Тавлинцева Е.Ю. Работы Ростиславльской экспедиции // АО-2004. М. 2005.
- Коваль В.Ю., Трусов А.В., Лагутин А.Б., Медведь А.Н., Русаков П.Е., Тимошина Е.В. Исследования Ростиславльской экспедиции // АО-2005. М. 2006.
- Кожин П.М. Экологические факторы и происхождение керамического производства на Юго-Западе США // Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы идеанистики / Отв. редактор — В.А. Тишков. М.: Наука. 1988. С. 111-116.
- Колосов А.В. Памятники бутовской культуры на территории Белорусского Посожья // Романовские чтения-3. Сборник трудов Международной научной конференции. Под ред. И.А. Марзалюка. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова. 2007а. С. 154-156.
- Колосов А.В. Мезолит Белорусского Посожья (культурно-хронологическая интерпретация материалов) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск. 2007б.
- Колпаков Е.М., Назаренко В.Е. Методология археологических раскопок // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2004. С. 100-104.
- Кольцов Л.В. Стоянка Коприно на Верхней Волге // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука. 1963. С. 7-17.
- Кольцов Л.В. Бутовская мезолитическая стоянка // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 81-85.
- Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1965а.
- Кольцов Л.В. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. № 4. 1965б.
- Кольцов Л.В. Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА. Вып. 126. М.-Л. 1966. С. 178-184.
- Кольцов Л.В. Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г. // КСИА. 1969. Вып. 117. С. 61-67.
- Кольцов Л.В. Первая мезолитическая стоянка в бассейне Клязьмы // СА. № 1. 1970.
- Кольцов Л.В. Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.) // КСИА. 1971. Вып. 126. С. 87-93.
- Кольцов Л.В. Локальные группы волго-окского мезолита // КСИА. Вып. 137. М. 1973. С. 28-35.
- Кольцов Л.В. Некоторые проблемы мезолита Волго-Окского междуречья // The Mesolithic in Europe. Warszawa. 1973. P. 275-296.
- Кольцов Л.В. Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского бассейна // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. 1976. С. 21-26.
- Кольцов Л.В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука. 1977. 134 с.
- Кольцов Л.В. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА. № 4. 1979. С. 15-25.
- Кольцов Л.В. Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогео-

- графия мезолита и неолита Русской равнины. М. 1984.
- Кольцов Л.В. О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья) // СА. № 3. 1985.
- Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М. 1989. С. 68-84, 86, 247-259.
- Кольцов Л.В. Мезолит Севера Сибири и Дальнего Востока // Археология СССР. Мезолит СССР. М. 1989. С. 187-194.
- Кольцов Л.В. Бутовские мезолитические материалы стоянок Борки и Шумашь II (из фондов Рязанского областного музея) // Проблемы изучения древних культур Евразии. М. 1991.
- Кольцов Л.В. Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья в контексте Восточной Европы // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 71-74.
- Кольцов Л.В. О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы // ТАС. Вып. 3. Тверь. 1998. С. 75-79.
- Кольцов Л.В. Варианты развития культурных общностей мезолита Северной Европы // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь. 2000. С. 52-55.
- Кольцов Л.В. О формах конца существования мезолитических культур Северной Европы // ТАС. Тверь. 2000. Вып. 5. С. 58-60.
- Кольцов Л.В. О некоторых проблемах мезолита // КСИА. 2001. Вып. 211. С. 17-22.
- Кольцов Л.В. Формирование мезолитических культур Северной Европы // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 46-53.
- Кольцов Л.В. О некоторых тенденциях развития культур мезолита Северной Европы // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 57-59.
- Кольцов Л.В. О проявлениях культуры лингби в Верхнем Поволжье // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М.: Институт археологии РАН. 2006. С. 141-152.
- Кольцов Л.В., Бодунов Е.В., Воробьев В.М., Жилин М.Г., Максимов А.Д., Мирецкий А.В. Работы в Калининской области // АО-1977. М. 1978. С. 64, 65.
- Кольцов Л.В., Воробьев В.М., Жилин М.Г. О работах в Калининской области // АО-1978. М. 1979. С. 63.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолитическая стоянка Угольново 1 // СА. № 3. 1987. С. 131-135.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука. 1999. 155 с.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г., Черников В.Ф. Мезолитическая стоянка Старая Пустынь // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. 1991.
- Кольцов Л. В., Черников В. Ф., Жилин М. Г. Разведочные работы в Горьковской области // АО-1978. М. 1979. С. 181.
- Комаров К.И. Работы Славянского отряда Верхневолжской экспедиции // АО-1971. М. 1972. С. 56, 57.
- Комаров К.И. Начальный период археологического исследования Ярославской области // Археология: история и перспективы. Ярославль. 2003. С. 128-137.
- Комаров К.И. Археология Ивановской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. Ч. 1. М. 2001.
- Коняшин Г.М. Материалы к археологической карте среднего течения Москвы-реки // Труды НИИМКР. Т. 1. М. 1940.
- Копытин В.Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // КСИА. Вып. 149. 1977. С. 60-66.
- Копытин В.Ф. Поздний мезолит Посожья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука. 1983. С. 44-51.
- Копытин В.Ф. Каменный век на территории Белоруссии. Минск. 1990.
- Копытин В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев. 1992.
- Копытин В.Ф. Дедня — новый памятник мезолита в бассейне реки Проня // Рэгіянальная навуковая канферэнцыя «Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя». Тэзісы дакладаў. Магілеў. 1995. Ч. 1. С. 3-13.
- Копытин В.Ф. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium. April 1993. Lublin. 1999. Maria Curie-Sclodowska university press. P. 256-286.

- Короткопериодические и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет / Отв. редактор — А.А. Величко. М.: ИГ РАН. 1994.
- Косорукова Н.В. Мезолитическая стоянка Марьино 4 в бассейне средней Мологи // Проблемы изучения эпохи первобытности и средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 2. Иваново. 1995.
- Косорукова Н.В. Памятники типа Андозеро-М в бассейне Шексны // ТАС. Вып. 3. Тверь. 1998. С. 162-167.
- Косорукова Н.В. Мезолитические памятники в бассейне Шексны (хронология памятников и характеристика развития каменной индустрии) // ТАС. Тверь. Вып. 4. 2000. С. 91-98.
- Косорукова-Кандакова Н.В. Мезолитическая стоянка на Лотовой Горе в бассейне Шексны // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. 1991.
- Костылева Е.Л. Основные вопросы неолитизации Центра Русской равнины // Неолит и энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб. 2003. С. 213-218.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские погребения на стоянке Ивановское VII в Центральной России // Историко-археологические изыскания. Самара. 1997. Вып. 2. С. 41-54.
- Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Охранные обследования на территории Ивановской области // АО-2006. М. 2007.
- Кравцов А.Е. Работы Северо-Мещерской экспедиции // АО-1979. М. 1980.
- Кравцов А.Е. Работы на Цне // АО-1980. М. 1981.
- Кравцов А.Е. Работы Северо-Мещерского отряда Музея истории и реконструкции г. Москвы // АО-1981. М. 1983.
- Кравцов А.Е. Работы на Цне и ее притоках // АО-1982. М. 1984.
- Кравцов А.Е. Работы в юго-восточном Подмосковье // АО-1983. М. 1985.
- Кравцов А.Е. Работы в западной части Мещерской низменности // АО-1984. М. 1986.
- Кравцов А.Е. Работы в юго-восточном Подмосковье // АО-1985. М. 1987а.
- Кравцов А.Е. О хронологии мезолитических и раннеолитических памятников Мещерской низменности // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1987б.
- Кравцов А.Е. Памятники позднего мезолита и эпохи бронзы в подмосковной Мещере // СА. № 1. 1988а.
- Кравцов А.Е. Памятники эпох камня и бронзы на р. Нерская // АО-1986. М. 1988б.
- Кравцов А.Е. Стоянка Беливо 4Г // Памятники каменного века бассейна р. Оки. Вып. 1. М. 1988в. С. 15-21.
- Кравцов А.Е. Новые материалы к изучению иеневской мезолитических культур в бассейне р. Оки // Археология Рязанской Земли. Тезисы докладов. Рязань. 1988г.
- Кравцов А.Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА. № 2. 1991а. С. 21-34.
- Кравцов А.Е. О хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур в Волго-Окском междуречье (по данным радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализа) // Кравцов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М. 1991б. С. 38-60.
- Кравцов А.Е. Работы мезолитической экспедиции ГИМ во Владимирской и Тверской областях // АО-1994. М. 1995.
- Кравцов А.Е. К вопросу о генезисе иеневской культуры // ТАС. Вып. 3. Тверь. 1998.
- Кравцов А.Е. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х – 1990 гг.) // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. Вып. 103. М. 1999. С. 79-108.
- Кравцов А.Е. О подходах к изучению мезолитических стоянок с нечеткой стратиграфией (по материалам памятников иеневской культуры) // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 60-69.
- Кравцов А.Е. Об источниках для изучения Волго-Окского мезолита и некоторых принципах их анализа // Проблемы каменного

- века Русской равнины. М.: Научный мир. 2004. С. 29-48.
- Кравцов А.Е., Александров И.В., Днепровский К.А. Разведки по р. Цне // АО-1978. М. 1979.
- Кравцов А.Е., Жилин М.Г. Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо 4Г — северная // РА. № 2. 1995.
- Кравцов А.Е., Коннов С.Б. Раскопки стоянок финального палеолита — мезолита на Верхней Оке // АО-2001. М. 2002.
- Кравцов А.Е., Коннов С.Б. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Вып. 5. М. 2002. С. 127-136.
- Кравцов А.Е., Коннов С.Б., Трусов А.В. Работы на стоянках Ладыжино 3 и 3А в Калужской области // АО-2002. М. 2003.
- Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Новые исследования стоянки Дальний Остров в Подмоскowie // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. 1992. С. 3-13.
- Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Структура памятников и вопрос периодизации мезолитической иеневской культуры // Каменный век Европейских равнин. Сергиев-Посад. 2001. С. 133-142.
- Кравцов А.Е., Лозовский В.М. Мезолитическая стоянка Черная 1 в Мещере // СА. № 4. 1989.
- Кравцов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М. 1991.
- Кравцов А.Е., Спиридонова Е.А. О возрасте и природном окружении иеневской культуры в Тверском Поволжье // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 99-107.
- Кравцов А.Е., Фролов Н.В. Исследования памятников финального палеолита и мезолита в Калужской области // АО-2003. М. 2004.
- Крайнов Д.А. Дюнная стоянка Золоторучье 1 // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 63-69.
- Крайнов Д.А. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. Вып. 97. 1964. С. 4-6.
- Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой // Археология Верхнего Поволжья: Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород. 1991. С. 66-72.
- Крайнов Д.А. Верхневолжская культура // Археология: Неолит Северной Европы. М. 1996. С. 166-173.
- Крайнов Д.А., Брюсов А.Я. Проблемы северного мезолита // Материалы совещания по изучению четвертичного периода 1957 г. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1961. Т. 1. С. 479-482.
- Крайнов Д.А., Зайцева Г.И., Уткин А.В. Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское 3 // СА. № 3. 1990. С. 25-31.
- Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюзная конференция. Тезисы пленарных докладов. Л. 1979. С. 22-26.
- Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. 25 лет (1959-1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. № 4. 1983. С. 267-271.
- Крайнов Д.А., Лозовский В.М., Костылева Е.Л. Мезолитическая стоянка Сахтыш 9 // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. 1990. С. 23-31.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. № 3. 1977. С. 42-68.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Ивановские стоянки — комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений в Волго-Окском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М. 1984а. С. 92-109.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Хронология, периодизация и палеогеография первобытных племен центра Русской равнины в голоцене // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М. 1984б. С. 114-119.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., Урбан Ю.Н., Молодцова Е.М. Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник Академии наук. 1973. № 5.

- Краснов Ю.А. Следы мезолита в долине Москвы-реки // СА. №1. 1962.
- Крижевская Л.Я. Новые данные о хронологии позднелепелитических и мезолитических памятников севера ГДР и ФРГ // У истоков древних культур. МИА. Вып. 126. М.-Л. 1966. С. 47-63.
- Крис Х.И., Фоломеев Б.А., Чернай И.Л. Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО-1975. М. 1976.
- Крис Х.И., Чернай И.Л. Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО-1977. М. 1978.
- Крис Х.И., Чернай И.Л., Фоломеев Б.А., Глазко М.П. Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО-1976. М. 1977.
- Кропачев Г.В. Исследования памятников археологии Кировского района Песоченской АЭ КИМ в 1993-1995 гг. // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч. 1. Киров. 1997а.
- Кропачев Г.В. Разведки и раскопки в Кировском районе Калужской области // АО-1996. М. 1997б.
- Крупные хищники и копытные звери. М.: «Лесная промышленность». 1978. 295 с.
- Крылова Т.Б. Классификация мезолитических наконечников стрел Валдайской возвышенности // Палеолит и неолит Л. 1986. С. 142-148.
- Ксензов В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск: Наука и техника. 1988.
- Ксензов В.П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья // Автореф. дис.... докт. ист. наук. Минск. 1994.
- Ксензов В.П. Мезолитическая днепро-деснинская культура // Гістарычна археалагічны зборнік. Вып. 5. Мінск. 1994. С. 61-86.
- Ксензов В.П. Мезолит Белорусского Подвинья // РА. № 3. 1996. С. 5-22.
- Ксензов В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // РА. № 1. 1997. С. 5-20.
- Ксензов В.П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 13. Мінск: ДНУ Інстытут гісторыі НАН Беларусі. 2006.
- Ксензов В.П. Новые памятники гренокской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium. April 1993. Lublin. 1999. Maria Curie-Sclodowska university press. P. 229-239.
- Ксензов В.П. Культура кунда // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. 2001. Вып. 16. С. 20-35.
- Кудряшов В.Е., Липницкая О.Л. К вопросу о кудлаевской культуре эпохи мезолита на Могилевщине // Дняроўскі край: Паведамленні абласной краязнаўчай канферэнцыі. Магілеў. 1993. С. 27-29.
- Куликова Е.Д. Работы на Масловом Болоте // АО-1982. М. 1984.
- Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. Материалы научной конференции / Отв. редакторы — С.А. Сычева, А.А. Узянов. М.: ИГ РАН, ИА РАН, НИИ — Природа. 2006.
- Куфтин Б.А. Новая культура бронзовой эпохи в бассейне р. Оки на оз. Подборном близ Касимова Рязанской губернии // Материалы по доистории ЦПО. М. 1925.
- Куфтин Б.А. Льяловская неолитическая культура на р. Клязьме в Московском уезде в ее отношении к окскому неолиту Рязанской губернии и раннеолитическим культурам Северной Европы // Труды Общества исследователей Рязанского края. К материалам по истории Рязанского края. Вып. 5. Рязань. 1926.
- Лаптев С.Д. Предыстория и история народов вьет: археология нижнего Янцзы и Юго-Восточного Китая периода от раннего неолита до раннего железного века. Тома 1-3. М.: ИСАА МГУ. 2006.
- Ларичева И.Б. Палеоиндейские культуры Северной Америки. Проблема взаимоотношений древних культур Старого и Нового Света. Новосибирск: Наука. 1976. с. 230.
- Ларичева И.Б. Мезоиндейские культуры Северной Америки. Культура плано. Новосибирск: Наука. 1986.
- Ластовский А.А. Мезолит Среднего Поволжья и Приуралья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы. Екатеринбург. 1993.

- Левковская Г.М., Сеницына Г.В. Палинологическая характеристика отложений стоянок мезолита и раннего неолита Подол 3 и Ланино 1 (бассейн Верхней Волги) // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1994. С. 42-46.
- Леонова Е.В. К характеристике иеневской культуры в бассейне р. Оки // ВАИВП. Вып. 3. Калуга. 1989. С. 10-12.
- Леонова Е.В. Опыт планиграфического анализа иеневских мезолитических стоянок с тонким культурным слоем // ТАС. Вып. 1. Тверь. 1994. С. 30-35.
- Леонова Е.В. Раскопки мезолитической стоянки на р. Нерской // АО-1994. М. 1995.
- Леонова Е.В. Функционально-планиграфический анализ стоянки Беливо 6В // ТАС. Вып. 3. Тверь. 1996. С. 141-147.
- Леонова Е.В. Планиграфический анализ «дюнных» мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1998.
- Леонова Е.В. Работы Среднеокской мезолитической экспедиции ИА РАН // АО-2001. М. 2002.
- Леонова Е.В. Некоторые результаты планиграфического анализа Волго-Окских мезолитических стоянок на песке // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь. 2000. С. 49-51.
- Леонова Е.В. Мезолитические жилища Волго-Окского междуречья // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. редактор — Х.А. Амирханов. М.: Научный мир. 2004. С. 49-68.
- Леонова Е.В. Работы Среднеокской мезолитической экспедиции в районе г. Зарайск // АО-2003. М. 2004.
- Леонова Е.В. Работы Среднеокской экспедиции ИА РАН в Серебрянопрудском и Зарайском районах Московской области // АО-2004. М. 2005.
- Леонова Н.Б. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отображение в них специфики поселения // Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 1977.
- Леонова Н.Б. Возможности планиграфии и микропланиграфии при современных полевых исследованиях // КСИА. 1990. Вып. 202. С. 13-17.
- Леонова Н.Б. Современное палеолитоведение: методология, концепция, подходы // Автореф. дис... докт. ист. наук. М. 1994. 40 с.
- Леонова Н.Б. Каменная Балка 2 — системный анализ при исследовании структуры культурного слоя // КСИА. 2005. Вып. 219. С. 5-20.
- Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М.: Научный мир. 2006.
- Леонтьев А.Е., Михайлова Л.А. Археология Владимирской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. Ч. 1. М. 2001.
- Леонтьев А.Е., Сидоров В.В., Исланова И.В. Волго-Окская экспедиция в 1977-1983 гг. // КСИА. Вып. 188. М. 1986. С. 3-20.
- Леонтьев А.Е. Сидоров В.В. Исследования Волго-Окской экспедиции // АО-1986. М. 1988. С. 74, 75.
- Липницкая О.А. Мезолитическая стоянка Криничная // КСИА. Вып. 157. М. 1979. С. 32-36.
- Лисицын С.Н. Моделирование первичного заселения человеком бывших ледниковых областей на примере Северо-Запада // «In Situ». К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2004. С. 87-109.
- Лисицына Г.Н. Результаты микропалеоботанического исследования образцов торфа Бисерова озера // КСИИМК. Вып. 75. 1959.
- Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины: мезолит, ранний и средний неолит. Рига. 1988.
- Лозовский В.М. Рыболовные сооружения на стоянке Замостье 2 в контексте археологических и этнографических данных // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин». Сергиев-Посад, 1997. С. 52-65.
- Лозовский В.М. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье // Неолит и энеолит Юга и неолит

- Севера Восточной Европы. СПб. 2003. С. 219-240.
- Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М. 1972.
- Луньков В.Ю. Разведки в Орехово-Зуевском районе Московской области // АО-2000. М. 2001.
- Любушкина С.Г. Брянско-Жиздринское поле-сье // Вестник МГУ. Серия V. География. № 3. 1961.
- Мазуров А.Б., Высоцкий А.Л. Исследования в Старо-Голутвине монастыре г. Коломна // АО-2001. М. 2002.
- Малые народы Индонезии, Малайзии, Филиппин / Отв. редакторы — Н.Н. Чебоксаров, А.Л. Кузнецов. М.: Наука. 1981.
- Мамонова Н.Н. Новая палеоантропологическая находка на болоте Берендеево // Голоцен. М. 1969. С. 145-151.
- Мартьянов В. Н. Разведка в Горьковской области // АО-1982. М. 1984.
- Мартьянов В. Н. Новые материалы к археологической карте Окско-Сурского междуречья (бассейны рек Теша и Сатис) // Памятники истории и культуры Горьковской области. Горький. 1989.
- Массалитина Г.А. Раскопки Воротынского и разведка в пригородной зоне г. Калуги // АО-1995. М. 1996.
- Массалитина Г.А. Раскопки в г. Козельске // АО-1997. М. 1998.
- Массалитина Г.А. Работы в Калужской области // АО-1998. М. 1999.
- Массалитина Г.А., Смирнов А.С., Сорокин А.Н., Прошкин О.Л. Археология Калужской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. М. 2001. С. 142-180.
- Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука. 1976.
- Медведев Г.И., Несмеянов С.А. Типизация «культурных отложений» и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии. Новосибирск: Наука. 1988. С. 113-142.
- Медведев Г.И., Генералов А.Г., Дроздов Н.И., Лбова Л.В., Акимова Е.Б., Бердникова Н.Е., Ветров В.М., Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Заика А.Л., Ласточкин С.В., Липнина Е.А., Макулов В.И., Осадчий С.С., Ощепкова Е.Б., Савельев Н.А., Ташак Е.В. Проблемы научной экспертизы и практики изучения геологических объектов Байкальской Сибири (методология, методы, рекомендации). Красноярск — Иркутск — Улан-Удэ. 1996. 53 с.
- Медведев Г.И., Липнина Е.А., Новосельцева В.М., Шмыгун П.Е. О мезолите — в который раз?!. // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: Программы и материалы международного научного семинара. Иркутск, 22-28 апреля 2000 г. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2000. С. 69-81.
- Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск: Издательство Иркутского университета. 1971. Вып. 1.
- Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск: Издательство Иркутского университета. 1981. Вып. 2.
- Милонов Н.П. Археологические исследования по р. Цне // КСИИМК. Вып. 15. 1947.
- Милонов Н.П. К изучению археологических памятников и исторических сел и городов на территории Рязанской области. Рязань. 1949.
- Мингалев В.В. Разведочные работы на территории Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника и в его охранной зоне // АО-2000. М. 2001.
- Миньков Е.В. Методика полевых исследований на верхнепалеолитических памятниках Каменная Балка 1 и Каменная Балка 2 // КСИИМК. 1990. 202. С. 17-20.
- Миньков Е.В. Охотничье хозяйство населения Северного Причерноморья в эпоху позднего палеолита (опыт реконструкции) / Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. М. 1991.
- Миньков Е.В. Система природопользования в позднем палеолите: метод и достоверность реконструкций // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М.: Издательство Российского открытого университета. 1993. С. 19-59.
- Мирецкий А.В. Новый памятник эпохи первобытности в бассейне р. Шоши // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1994. С. 70-74.

- Мирецкий А.В. Финальнопалеолитическая стоянка Теплый Ручей на Верхней Волге // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене / Отв. редактор — М.Г. Жилин. М.: Воскресенская типография. 2007. С. 123-133.
- Мирецкий А.В., Кобозев Ю.А. Работы в Тверской и Московской областях на территории Госкомплеса «Завидово» // АО-2003. М. 2004. С. 73.
- Мирецкий А.В., Фролов А.С. Мезолитическая стоянка-мастерская Дорки 4 на Верхней Волге // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород. 1991. С. 19-29.
- Миронова В.Г. Разведка в Тульской области // АО-1977. М. 1978.
- Миронова В.Г. Разведка в Тульской области // АО-1978. М. 1979.
- Миронова В.Г. Разведки в Тульской области // АО-1979. М. 1980.
- Миронова В.Г. Разведки в Тульской области // АО-1980. М. 1981.
- Михайлова Л.А. Исследования Великоозерской 1 стоянки // АО-1979. М. 1980.
- Молодцова Е.М. Разведки в Ивановской области // АО-1969. М. 1970.
- Молодцова Е.М. Работы Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции // АО-1970. М. 1971. С. 43, 44.
- Молодцова Е.М. Работы Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции // АО-1971. М. 1972. С. 57, 58.
- Молодцова Е.М. Работы Шуйского отряда // АО-1972. М. 1973.
- Молчанов А.А. Работы в Можайском кремле // АО-1981. М. 1983.
- Монгайт А.Л. Рязанская земля. М. 1961.
- Морозова Т.Д. Ископаемые почвы эпохи мустье (Микулинское межледниковье) средней части Русской равнины // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М. 1969.
- Моуэт Ф. Люди оленьего края. М.: Иностранная литература. 1964.
- Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск. 1977. 263 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит северо-восточной Азии, внетропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки. Якутск. 2002.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука. 1981.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV-III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии. М.: Палеограф. 2004.
- Нарциссов П. По Тульскому краю. Тула. 1925.
- Наумов А.Н. Охранные работы в Тульской области // АО-1994. М. 1995.
- Наумов А.Н. Исследования на Куликовом поле, в г. Туле и области // АО-1995. М. 1996.
- Наумова Т.В. Работы археологического музея «Тульские древности» // АО-1994. М. 1995.
- Наумова Т.В. Раскопки поселения у д. Жабынь на Оке // АО-1996. М. 1997.
- Наумова Т.В., Воронцов А.М. Исследования в Ясногорском и Белевском районах Тульской области // АО-1995. М. 1996.
- Наумова Т.В. Раскопки поселения у д. Жабынь на Оке // АО-1996. М. 1997. С. 151, 152.
- Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.: Наука. 1957.
- Нейштадт М.И., Завельский Ф.С., Микляев А.М., Хотинский Н.А. Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области // Голоцен. М.: Наука. 1969. С. 129-138.
- Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998.
- Неклюдов А.Н. Археологические раскопки в Солнечногорском районе Московской области и в г. Зеленограде // АО-1993. М. 1994. С. 81.
- Неклюдов А.Н. Раскопки Зеленоградского музея в верховьях р. Клязьмы // АО-1994. М. 1995.
- Неклюдов А.Н. Раскопки поселения Льялово III и разведка в верховьях Клязьмы, Сходни и Истры // АО-1996. М. 1997. С. 152, 153.
- Некрасов А.И. Города Московской губернии. М. 1928.

- Неолит и энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы / Отв. редакторы — В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб. 2003.
- Неолит лесной полосы Восточной Европы. Антропология Сахтышских стоянок. Отв. ред. Алексеева Т.И. М.: Научный мир. 1997.
- Неприна В.И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на территории Украины. Киев: Наукова думка. 1976.
- Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев: Наукова думка. 1986.
- Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л. Археологические исследования в зонах новостроек Калужской области (1997-1998 гг.) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга. 2001.
- Никитин А.Л. Голубые дороги веков. М. 1968.
- Никитин А.Л. Беломорский лабиринт // Костры на берегах: записки археолога. М.: Молодая гвардия. 1986.
- Никитин А.Л., Хотинский Н.А. Свайное поселение на болоте Берендеево Ярославской области // Значение палинологического анализа для стратиграфии и палеофлористики. М. 1966. С. 211-219.
- Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола. 1996. Том 4.
- Никитин В.В. Мезолит левобережья Средней Волги // ТАС. Тверь. 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 224-232.
- Николаева Т.В. Новые находки на территории Загорского музея-заповедника // СА. № 3. 1957.
- Нужний Д.Ю. Розвиток мікролітичної техніки в кам «яному віці. Київ: Наукова думка. 1992. 188 с.
- Обзорные раскопки, находок и приобретений древностей музеями и разные известия // АИЗ. Т. 1. М. 1893.
- Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб. 2002.
- Отчет Императорского Российского исторического музея за 1908 г. М. 1909.
- Отчет о деятельности Калужской Ученой Архивной Комиссии за 1891 год. // ИКУАК. № 2. Калуга. 1892.
- Отчет в Императорскую Археологическую Комиссию товарища председателя Калужской Ученой Архивной Комиссии И.Д. Четыркина о произведенных им в 1894 г. археологических раскопках по нижнему течению речки Калужки // ИКУАК. № 4. Калуга. 1895.
- Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена — голоцена / Отв. редакторы — А.П. Деревянко, Н.А. Конonenko. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск. 2003
- Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука. 1983.
- Ошибкина С.В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука. 1997.
- Ошибкина С.В. Мезолит Восточного Прионежья: культура веретье. М. 2006.
- Очеретин И. А., Очеретина С. В. Археологические исследования в Шатковском районе в 1998 году // НИКА. Сборник научных и методических трудов. Нижний Новгород. 1999. С. 99.
- Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет. Атлас-монография. М.: Наука. 1982. 156 с. 14 карт.
- Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Некоторые итоги полевых исследований 1879-1979 гг. Л.: Наука. 1982.
- Палеопедология. Киев: Наукова думка. 1974.
- Паничкина М.З. Мезолитическая стоянка Борки // МИА. Вып. 2. М.-Л. 1941. С. 148-157.
- Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Т. I: Мезолит. Л. 1978.
- Патрик Г.К. Разведки в Тульской и Брянской областях // АО-1980. М. 1981.
- Патрик Г.К. Работы Плавского отряда // АО-1981. М. 1982.
- Патрик Г.К. Работы в Тульской и Смоленской областях // АО-1983. М. 1985а.
- Патрик Г.К. Результаты обследования Одоевского района Тульской области // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М. 1985б.

- Пиотровский В.В. Неолитическая стоянка на берегу оз. Круглого (Московская область) // КСИИМК. Вып. 36. 1951.
- Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь. 1903.
- Полевая археология мезолита-неолита. Л.: Наука. 1990.
- Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации. М.: ИА РАН. 2007.
- Полякова Г.Ф. Племена белевской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып. 44. М. 1970.
- Полякова Г.Ф. Неолитические племена верхнего течения Оки // МИА. Вып. 172. М. 1973.
- Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетий // Труды Музея антропологии и этнографии. Л. 1955. Вып. 16.
- Попова Т.Б. Археологические коллекции Моршанского краеведческого музея // СА. № 4. 1962. С. 210-214.
- Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука. 1979.
- Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: Мысль. 1974.
- Праслов Л.Н. Почвы СССР. М. 1940.
- Праслов Н.Д. О керамике эпохи палеолита // Древние культуры и археологические изыскания. СПб. 1991. С. 47-50.
- Преимущество и инновации в развитии древних культур. Материалы методологического семинара ЛОИА. Л. 1981.
- Пришвин М. Родники Берендея. М.-Л. 1926.
- Протокол заседания Калужской Ученой Архивной Комиссии 12 октября 1891 года // ИКУАК. № 2. Калуга. 1891.
- Протокол заседания Калужской Ученой Архивной Комиссии 6 февраля 1892 г. // ИКУАК. № 2. Калуга. 1892.
- Протоколы заседаний МАО за 1893-1896 гг. // Древности. Труды МАО. Т. XVII. М. 1900.
- Прошкин О.Л. 5 лет работы Калужской областной археологической экспедиции (1984-1988 годы) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1989.
- Прошкин О.Л. Археологическая карта Боровского района Калужской области. Калуга. 1990.
- Прошкин О.Л. Археологическая деятельность Калужской Ученой Архивной Комиссии. (К 100-летию образования) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга. 1991.
- Прошкин О.Л. Археологический комплекс у деревни Маламахово // Боровский краевед. Вып. 4. Боровск. 1992.
- Прошкин О.Л. Работы Калужской экспедиции // АО-1995. М. 1996.
- Прошкин О.Л. Исследования в Калужской области // АО-1996. М. 1997. С. 160, 161.
- Прошкин О.Л. Исследования в Калужской области. // АО-1997. М. 1999.
- Прошкин О.Л. Исследования в Калужской области // АО-1999. М. 2000.
- Прошкин О.Л. Исследования в Калужской области // АО-2000. М. 2001.
- Прошкин О.Л. Работы Калужской экспедиции // АО-2002. М. 2003.
- Прошкин О.Л. Исследования в Калужской области // АО-2004. М. 2005.
- Прошкин О.Л. Исследования в Калужской области // АО-2006. М. 2007.
- Прошкин О.Л., Нигматуллин Р.А. Археологические исследования в зонах новостроек Калужской области в 1999-2000 гг. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы IX конференции. I часть. Калуга. 2001.
- Прутков К. Сочинения Козьмы Пруткова. М.: Правда. 1983.
- Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии: поздний плейстоцен — голоцен; элементы прогноза / Отв. редактор А.А. Величко. М.: Наука. 1993.
- Разуваев Ю.Д. Разведка по р. Красивая Меча // АО-1982. М. 1984.
- Разуваев Ю.Д. Исследования в бассейне р. Красивая Меча // АО-1983. М. 1985.
- Разуваев Ю.Д. Работы в бассейне р. Красивая Меча // АО-1984. М. 1986.

- Раушенбах В.М. Неолитическая стоянка у д. Большое Буньково // КСИИМК. Вып. 32. 1950.
- Раушенбах В.М. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы // Труды ГИМ. Вып. 22. М. 1953.
- Раушенбах В.М. Древнейшая стоянка льяловской культуры // СА. № 2. 1964.
- Раушенбах В.М. Стоянка Никола-Перевоз II на р. Дубне в Московской области // Экспедиции Государственного исторического музея. М. 1969.
- Раушенбах В.М. Племена льяловской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 44. М. 1970. С. 35-78.
- Раушенбах В.М. Новое местонахождение льяловской культуры // КСИА. 1979. Вып. 157. С. 52-57.
- Раушенбах В.М. Неолитические поселения у села Заречье // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 60. М. 1985. С. 48-69.
- Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс: Зинатне. 1971.
- Роде А.А., Смирнов В.И. Почвоведение. М. Изд-во Высшая школа. 1972. 480 с.
- Розенфельдт И.Г. Неолитические стоянки на Тростенском озере // КСИА. Вып. 97. М. 1964.
- Розенфельдт И.Г. Мышецкая стоянка // КСИА. Вып. 134. М. 1973.
- Розенфельдт Р.Л. Археологические разведки в Московской области // КСИИМК. Вып. 79. 1960.
- Розенфельдт Р.Л. Археологические разведки в Московской области в 1960 г. // КСИА. Вып. 90. М. 1962.
- Розенфельдт Р.Л. Археологические разведки в Подмосковье // АО-1965. М. 1966.
- Розенфельдт Р.Л. Археологические разведки в Подмосковье // АО-1966. М. 1967а.
- Розенфельдт Р.Л. Археологические разведки в Подмосковье в 1964-1965 гг. // КСИА. Вып. 112. М. 1967б.
- Розенфельдт Р.Л. Раскопки в Подмосковье // АО-1973. М. 1974.
- Розенфельдт Р.Л. Разведки и раскопки в Московской области // АО-1975. М. 1976.
- Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А. Список археологических памятников Московской области. М. 1973.
- Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.-Л.: Наука. 1947.
- Сапожникова Г.В., Сапожников И.В. О функциях геометрических микролитов (по материалам стоянки Гиржево) // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев. 1986. С. 36-41.
- Сахаров И.П. Древности Московской и Тульской губерний // ЗОРСА. Т. I. СПб. 1851.
- Сейбутис А.А. Проблема этногенеза балтов и славян в свете палеогеографии // Природа. № 11. 1980. С. 78-85.
- Сейбутис А.А. Палеогеография, топонимика и этногенез // Известия АН СССР. Серия географическая. № 6. М. 1974. С. 40-53.
- Семенов С.А. Первобытная техника // МИА. Вып. 54. М.-Л.: Наука. 1957.
- Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. М.-Л.: Наука. 1968.
- Серебрянная Т.А. Развитие природы на территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене // О динамике лесостепной зоны в центре Русской равнины в голоцене. М. 1982.
- Сидоров В.В. Разведки неолита в Подмосковье // АО-1968. М. 1969. С. 43, 44.
- Сидоров В.В. Раскопки и разведки памятников неолита и бронзы в Подмосковье // АО-1970. М. 1971. С. 56, 57.
- Сидоров В.В. Многослойные стоянки в Подмосковье // АО-1971. М. 1972. С. 66-68.
- Сидоров В.В. Давыдковская стоянка на р. Яхроме // СА. 1973. № 2.
- Сидоров В.В. Стоянки на оз. Святом у Шатуры // СА. М. 1975. № 3.
- Сидоров В.В. Раскопки в Московской Мещере // АО-1976. М. 1977.
- Сидоров В.В. Стоянки Маслово Болота // АО-1981. М. 1983.
- Сидоров В.В. Работы Неолитического отряда Волго-Окской экспедиции // АО-1983. М. 1985.

- Сидоров В.В. Маслово Болото 7 — поселение льяловской культуры // СА. № 4. 1986.
- Сидоров В.В. Многослойные поселения Верхнего Поволжья. М. 1991.
- Сидоров В.В. Раскопки на Оке и Дубне // АО-1995. М. 1996.
- Сидоров В.В. Озерные системы бассейна р. Дубны в неолите // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 249-258.
- Сидоров В.В. Стоянки Заболоцкого озера // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин». Сергиев-Посад, 1997. С. 104-143.
- Сидоров В.В. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы // ТАС. Вып. 3. Тверь. 1998.
- Сидоров В.В. Прибрежные участки неолитических поселений // Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 1-5 июля 1997. Сергиев-Посад. 2001. С. 224-226.
- Сидоров В.В. Старшее Каширское городище и Колтеск // АО-2001. М. 2002.
- Сидоров В.В. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Археология. Вып. 1. Кашира. 2002. С. 22-45.
- Сидоров В.В. Рецензия: М.Г. Жилин. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал. УРСС. 2001. 326 с. // РА. № 3. 2002. С. 162-164.
- Сидоров В.В. Колтово 7 — стоянка-мастерская // Каширский край. Археология. Кашира: Краеведческий музей. 2006. Вып. 2. С. 107-114.
- Сидоров В.В., Балинский И.М. Тростенская экспедиция // АО-1972. М. 1973.
- Сидоров В.В., Балинский И.М. Раскопки на Тростенском озере и Маслово болоте // АО-1973. М. 1974.
- Сидоров В.В., Балинский И.М. Работы Московского отряда Окской экспедиции // АО-1975. М. 1976.
- Сидоров В.В., Жилин М.Г. Стоянка Дальний Остров в Подмоскowie // СА. № 3. 1975. С. 244-249.
- Сидоров В.В., Сорокин А.Н. Многослойное поселение Замостье 5 // Древности Залесского края. Материалы к Международной конференции «Каменный век Европейских равнин». Сергиев-Посад. 1997. С. 144-163.
- Сидоров В.В., Сорокин А.Н. Раскопки многослойного поселения Замостье 5 // ТАС. Вып. 3. Тверь. 1998. С. 226-237.
- Сидоров В.В., Сорокин А.Н. Многослойная стоянка Замостье 5 // Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 1-5 июля 1997. Сергиев-Посад. 2001. С. 142-146.
- Сидоров В.В., Трусов А.В. Луково озеро I — стоянка льяловской культуры // СА. № 2. 1980.
- Сидоров В.В., Трусов А.В. Фатьяновцы на Круглом озере // КСИА. Вып. 185. М. 1986.
- Сидоров В.В., Энговатова А.В. Волосовские погребения Маслово болота V // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. 1991. Вып. 5.
- Симашко Е., Брзозовски Е. Исследовательский проект в Милуки: междисциплинарное изучение пойменной стоянки эпохи раннего мезолита в Польше // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург. 2002. С. 274-275.
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука. 1976.
- Синицына Г.В. К вопросу о генезисе валдайской культуры // ТАС. Вып. 1. Тверь. 1994. С. 36-41.
- Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб. 1996.
- Синицына Г.В. Ланино 1 — памятник каменного века // Каменный век Верхневолжского региона. СПб. 1997. Вып. 2.
- Синицына Г.В. Финальный палеолит и ранний мезолит — этапы развития материальной

- культуры на Верхней Волге // ТАС. Вып. 4. Тверь. 2000.
- Синицына Г.В., Зарецкая Н.Е. О новой дате валдайской культуры // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 196-208.
- Синицына Г.В., Кильдюшевский В.И. Хронологические комплексы археологического памятника Подол 3 // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996.
- Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж. 1986.
- Слободин С.Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан. 1999.
- Смирнов А.С. Деснинская экспедиция в 1977-1988 гг. // КСИА. Вып. 188. М. 1986а.
- Смирнов А.С. Белевская культура: Проблемы неолита Верхней Оки // СА. № 4. 1986б.
- Смирнов А.С. Фактологическая основа археологических исследований (на примере верхневолжской ранненеолитической культуры) // РА. № 2. 2004. С. 96-114.
- Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Деснинская экспедиция в 1984-1985 гг. // КСИА. Вып. 196. 1989. С. 12-19.
- Смирнов К.А. Новые городища дьякова типа в бассейне Москвы-реки // КСИА. Вып. 102. М. 1964.
- Смолицкая Г.П. Картографирование гидронимии Поочья // Топонимика Центральной России. М. 1974.
- Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М. 1976.
- Сорокин А.Н. Мезолитическая стоянка Петрушино во Владимирской области (Мещера) // СА. № 4. 1981а.
- Сорокин А.Н. Позднемезолитическая стоянка Микулино (Мещера) // СА. № 1. 1981б.
- Сорокин А.Н. Работы мезолитического отряда Деснинской экспедиции // АО-1980. М. 1981в.
- Сорокин А.Н. Об орудиях на пластинах со стоянки Умиление // КСИА. Вып. 169. 1982.
- Сорокин А.Н. Разведки и раскопки в Рязанской и Калужской областях // АО-1982. М. 1984.
- Сорокин А.Н. Работы мезолитического отряда Деснинской экспедиции в 1983 г. // АО-1983. М. 1985. С. 84, 85.
- Сорокин А.Н. Мезолит бассейнов Десны и Оки: по материалам работ Деснинской экспедиции // КСИА. Вып. 188. 1986а.
- Сорокин А.Н. Рессетинская культура // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М. 1986б.
- Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1987а. Вып. 2. С. 9-11.
- Сорокин А.Н. О происхождении кундской культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1987б. Вып. 2. С. 11-14.
- Сорокин А.Н. Исследования на объектах мелиорации в Рязанской области // АО-1985. М. 1987в. С. 104-105.
- Сорокин А.Н. Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока // КСИА. Вып. 189. 1987г. С. 41-46.
- Сорокин А.Н. Опыт исследования мезолитических стоянок с неокрашенным культурным слоем // Задачи Советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М. 1987д. С. 238-239.
- Сорокин А.Н. Рессетинская культура // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. Сборник статей молодых ученых. М. 1987е. С. 133-140, 192, 193.
- Сорокин А.Н. Коллекция нижнего слоя стоянки Исток 1 (к вопросу о памятниках с асимметричными наконечниками в Мещере) // Памятники каменного века бассейна р. Оки. М. 1988. С. 9-14.
- Сорокин А.Н. Исследования на новостройках и сохранность археологических памятниках // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы научно-практического семинара. Суздаль. 13-17 февраля 1989. М. 1989а. С. 40, 41.
- Сорокин А.Н. К проблеме происхождения бутовской культуры // СА. № 2. 1989б. С. 24-34.
- Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура в Мещерском и Жиздринском полесье-

- ях // Автореферат дис.... канд. ист. наук. М. 1989в.
- Сорокин А.Н. Рессетинская культура (к проблеме изучения памятников рубежа плейстоцен-голоцен в центре Русской равнины) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1989г. С. 14, 15.
- Сорокин А.Н. Рессетинская культура // Археология СССР. Мезолит СССР. М. 1989д. С. 84-86, 260.
- Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М. 1990.
- Сорокин А.Н. Мезолитические памятники Рязанской области // Археологические памятники Среднего Поочья (материалы к Своду памятников). Рязань. 1992. С. 3-16.
- Сорокин А.Н. Исследование мезолитических стоянок Поочья в 1986-1989 гг. // КСИА. Вып. 210. М. 1993. С. 45-55.
- Сорокин А.Н. Еще раз о происхождении кундской культуры // Международная конференция к 100-летию В.И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб. 1994. С. 66-68.
- Сорокин А.Н. Стоянка Шабаво 5 // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 5. Рязань. 1995. С. 5-12.
- Сорокин А.Н. О связях населения бутовской и иеневской культур // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 93-98.
- Сорокин А.Н. О связях населения бассейна реки Оки в раннем мезолите // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6. Рязань. 1997. С. 10-39.
- Сорокин А.Н. Стоянка Брагино и ее палинологическая датировка // ВАИВП. Калуга. 1998. С. 9-12.
- Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М. 2000а.
- Сорокин А.Н. Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь. 2000. С. 37-48.
- Сорокин А.Н. Заболотский торфяник: что сделано, что делать? // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь. 2000в. С. 131-136.
- Сорокин А.Н. Рецензия: Л.В. Кольцов, М.Г. Жилин. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука. 1999 // РА. № 3. 2001а. С. 154-162.
- Сорокин А.Н. О мезолите Жиздринского полесья // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы IX конференции. Калуга. 2001б. С. 84-90.
- Сорокин А.Н. Проблемы источниковедения мезолита Восточной Европы // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок. М. 2001в. С. 4-30.
- Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука. 2002а.
- Сорокин А.Н. О мезолите низовьев р. Мокши // ТАС. Вып. 5. Тверь. 2002б. С. 71-82.
- Сорокин А.Н. Метаморфозы источниковедения мезолита Восточной Европы // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань. 2003а. С. 21-33.
- Сорокин А.Н. Природные процессы и их роль в «контактах» древнего населения // Контактные зоны Евразии на рубеже веков. Самара. 2003б. С. 53-57.
- Сорокин А.Н. О культурогенезе в мезолите Восточной Европы // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции 6-10 октября 2003 г. Пермь. 2003в. С. 60-62.
- Сорокин А.Н. Мезолитические стоянки низовьев р. Мокши // «Stratum plus». № 1. 2003/2004. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест. С. 359-443.
- Сорокин А.Н. Окская экспедиция в 1989-2002 гг. // 30 лет Отделу охранных раскопок. Сборник отдела охранных раскопок. Том 2. М. 2004а. С. 81-85.
- Сорокин А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы палеолита каменного века Русской равнины. М.: Научный мир. 2004б. С. 69-91.
- Сорокин А.Н. Смешение традиций или традиция смешения? (Часть 1) // РА. № 1. 2004в. С. 111-119.

- Сорокин А.Н. Смещение традиций или традиция смешения? (Часть 2) // РА. № 2. 2004г. С. 71-78.
- Сорокин А.Н. Диалог о генезисе культуры кунда // РА. № 3. 2004д. С. 79-88.
- Сорокин А.Н. Актуальный диалог о генезисе культуры кунда // Исторические исследования: сборник научных трудов. Вып. 5. Самара: НТЦ. 2004е. С. 129-143.
- Сорокин А.Н. Мезолит Оки // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова). М. 2004ж. С. 164-186.
- Сорокин А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир. 2004з. С. 69-91.
- Сорокин А.Н. Окская экспедиция в 1989-2002 гг. // 30 лет Отделу охранных раскопок. Сборник отдела охранных раскопок. Том 2. М. 2004и. С. 81-85.
- Сорокин А.Н. Еще раз о культуругенезе в мезолите Восточной Европы // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск: Изд-во РПЦ Радиан. 2005. С. 42-43.
- Сорокин А.Н. К проблеме финального палеолита Центральной России // РА. № 2. 2006а. С. 91-98.
- Сорокин А.Н. К проблеме финального палеолита Центральной России // РА. № 4. 2006б. С. 87-94.
- Сорокин А.Н. Диалог о генезисе кундской культуры // ТАС. Вып. 6. Тверь 2006в. С. 97-115.
- Сорокин А.Н. Мезолит Оки. Проблема культурных различий. Труды Отдела охранных раскопок. Вып. 5. М.: Таус. 2006г.
- Сорокин А.Н. Проблемы мезолитоведения. М.: Гриф и К. 2006д.
- Сорокин А.Н., Фролов А.С. Мезолитическая стоянка Пенешки // СА. № 4. 1987.
- Сорокин А.Н., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Исследования на Заболотском палеоозере // АО-2001. М. 2002.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // ТАС. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 65-70.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Забелинские научные чтения 1995-1996 гг. // Труды ГИМ. Вып. 103. М. 1999.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.А. Динамика природной среды Волго-Окского междуречья в I тыс. до н. э. по II тыс. н. э. // РА. № 3. 2004. С. 33-43.
- Спиридонова Е.А. Заключение по результатам палинологического анализа разреза на стоянке Куково 1 // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории города Москвы. Выпуск 10. Часть 3. М. 1999. С. 15-18.
- Спицын А.А. Обзорение некоторых областей и губерний России в археологическом отношении // ЗРАО. Новая серия Т. XI. Вып. 1. М. 1903.
- Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России). М. 2002. Коллективная монография под ред. В.И. Николаева.
- Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза. 1999.
- Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 1982.
- Станюкович А.К., Ёлкина И.И. Исследования в округе Звенигорода // АО-1998. М. 1999.
- Станюкович А.К., Ёлкина И.И., Лазукин А.В., Насырова Н.Ш. Работы в округе Звенигорода // АО-2002. М. 2003.
- Станюкович А.К., Черносвитов П.Ю. Работы Звенигородской экспедиции // АО-1997. М. 1998.
- Сулержицкий Л.Д., Зарецкая Н.Е., Жилин М.Г. Радиоуглеродная хронология поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998. С. 26-28.
- Сульгостовска С. Поселенческая модель финального палеолита, мазовецкие кремневые мастерские и обитаемые стоянки //

- Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 2001. С. 90-98.
- Сурков А.В. Неолитические памятники Средне-го Похоперья. Воронеж. 2007.
- Сыроватко А.С. Исследования Городищенского городища в г. Коломна // АО-1998. М. 1999.
- Сыроватко А.С. Археологические исследования в Коломенском районе // АО-2002. М. 2003.
- Сыроватко А.С. Раскопки на селище Щурово // АО-2003. М. 2004. С. 108.
- Сыроватко А.С. Исследования на юге и востоке Московской области // АО-2004. М. 2005.
- Сыроватко А.С. Раскопки и разведки в Коломенском и Зарайском районах // АО-2006. М. 2007.
- Сыроватко А.С., Ульянова Т.Н., Чувиляева Ю.Н. Исследования в Коломне // АО-2006. М. 2007.
- Сыроечковский Е.Е. Дикий северный олень в СССР (современное состояние и динамика популяций, экологические основы охраны и рационального использования) // Промысловая териология. М.: Наука. 1982. С. 53-71.
- Сыроечковский Е.Е. Северный олень. М.: Агропромиздат. 1986. 256 с.
- Сычевская Е.К. Остатки рыб с поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998. С. 87-89.
- Сычева С.А., Леонова Н.Б., Узянов А.А., Александровский А.Л., Пустовойтов К.Е. Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений. М. 1998. 59 с.
- Талицкий М.В. Московская область. Коломенский район, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.-Л. 1941.
- Тавлинцева Е. Ю. Раскопки на селище Заозерье в Подмосковье // АО-1994. М. 1995. С. 141.
- Тавлинцева Е. Ю. Раскопки древнерусского селища Заозерье // АО-1995. М. 1996. С. 188, 189.
- Танфильев Г.И. Болота и торфяники Полесья / Географические работы. М.: ГеграфГИЗ. 1953.
- Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л. 1979. 168 с.
- Тарасов Л.М. Новые раскопки на стоянке Гагарино // КСИА. Л. 1962. Вып. 92. С. 56-60.
- Тарасов Л.М. Палеолитическая стоянка Гагарино (по раскопкам 1962 г.) // МИА. Вып. 131. М.-Л. 1965. С. 111-140.
- Телегін Д.Я. Мезолітичні пам'ятки України. Київ. 1982.
- Телегин Д.Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. Киев. 1985.
- Телегин Д.Я. Неолит // Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка. 1985. С. 156-171.
- Телль Юнаците. Том II: эпоха бронзы. М.: Восточная литература. 2007.
- Тетькин А.В. От «хозяйственного уклада» до «геоархеологии»: реконструкция научного дискурса Иркутской школы // Известия Лаборатории древнейших технологий. Иркутск: Иркутский государственный технический университет. 2003. Вып. 1. С. 8-25.
- Тимофеев В.И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России. СПб. 1993. С. 8-34.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. Список радиоуглеродных датировок неолита // Неолит Северной Евразии / Отв. редактор — С.В. Ошибкина. М.: Наука. 1996. С. 337-348.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. К проблеме датирования начала неолита в Восточной Европе // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / Отв. редакторы — В.И.Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб. 2004. С. 38-51.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб.: Теза. 2004.
- Тойнби А.Дж. Постыжение истории. М.: Айрис Пресс. 2006. 640 с.
- Торф // Геологический словарь. М. 1978. Т. 2. С. 320.

- Третьяков В.П. К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья // МИА. Вып. 131. М.-Л. 1965.
- Третьяков В.П. Неолит междуречья Суры и Мокши // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола. 1987.
- Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.: Наука. 1990.
- Третьяков П.Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль. 1939.
- Третьяков П.Н. К вопросу об эпилеполитических памятниках Верхнего Поволжья // СА. Вып. V. 1940а. С. 101-105.
- Третьяков П.Н. Новые данные по эпилеполиту Верхнего Поволжья // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 6-7. 1940б.
- Третьяков П.Н. Эпилеполитические поселения Скнятинских дюн // МИА. Вып. 13. 1950.
- Третьяков П.Н. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья // МИА. Вып. 110. М. 1963.
- Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.-Л. 1966.
- Трусов А.В. Могильник Облачинская дюна // КСИА. № 175. М. 1983.
- Трусов А.В. Зарайская верхнепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение) // СА. № 3. 1985.
- Трусов А.В. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. // Труды ГИМ. Вып. 85. М. 1994.
- Трусов А.В. Куково 1 — новый памятник иеневской культуры на р. Осетр в Зарайском районе Московской области // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории города Москвы. Выпуск 10. Часть 3. М. 1999. С. 7-14.
- Трусов А.В. Поречье 1 — памятник иеневской мезолитической культуры на р. Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории города Москвы. Выпуск 10. Часть 3. М. 1999. С. 19-25.
- Трусов А.В. Трегубово 2 — палеолитическая мастерская по первичной обработке кремневого сырья // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир. 2004.
- Тульские губернские ведомости. Тула. 1854.
- Уваров А.С. Археология России: Каменный период. Т. I, II. М. 1881.
- Успенский С.А. Верхнеокская неолитическая стоянка Турынские Дворики // КСИИМК. Вып. 59. 1955. С. 131-134.
- Уткин А.В. Костяные изделия стоянок Берендеево IV и VIII // КСИА. Вып. 177. 1984а. С. 52-56.
- Уткин А.В. Исследования на юге Ярославской области // АО-1982. М. 1984б. С. 94.
- Уткин А.В. Исследования на юге Ярославской области // АО-1983. М. 1985а. С. 91.
- Уткин А.В. Костяные изделия стоянок Берендеево V и IX // СА. № 1. 1985б. С. 143-150.
- Уткин А.В. Мезолитическая стоянка Малая Ламна III в бассейне р. Лух // СА. № 4. 1990.
- Уткин А.В. Стоянка Щербинино I на Малой Нерли // Археология Верхнего Поволжья. Вып. 1. Н. Новгород. 1991. С. 73-84.
- Уткин А.В. Гравировка на камне с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново. 1994. С. 38-41.
- Уткин А.В. Орнаментированная кирка с Ивановского болота // Археология Севера. Петрозаводск. 1997. С. 74-78.
- Уткин А.В. Хроника археологических исследований Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998а. С. 3-11.
- Уткин А.В. Орнаментированный роговой топор с Ивановского болота // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново. 1998б. С. 58-62.
- Уткин А.В., Костылева Е.Л. К вопросу о культурной принадлежности погребений на стоянке Берендеево I // РА. № 2. 1998а. С. 160-164.
- Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб. 1824.
- Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М.: Изд-во МГУ. 1977.

- Федюнин И.В. Новые финальнопалеолитические и мезолитические памятники Лесостепного Подонья // Проблемы дослідження пам'яток археології східної України. Луганск. 2005. С. 24-26.
- Федюнин И.В. Мезолитические памятники Доно-Волжского междуречья / Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Воронеж. 2005.
- Федюнин И.В. Позднемезолитические памятники Среднего Дона (современное состояние проблемы) // ТАС. Вып. 6. Т. 1. Тверь. 2006. С. 241-247.
- Федюнин И.В. Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж. 2006.
- Фехнер М.В. Шейные гривны X-XIII вв. по археологическим данным / Труды ГИМ. Вып. 43. М. 1967.
- Физико-географическое районирование Нечерноземного Центра. М.: Высшая школа. 1963.
- Филатова В.Ф. Кремневые наконечники стрел в мезолите Карелии // СА. № 3. 1987.
- Филатова В.Ф. Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск. 1991. С. 9-64.
- Филатова В.Ф. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии // Кижский вестник. Вып. 7. Петрозаводск. 2002. С. 177-211.
- Филатова В.Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск. 2004. 274 с.
- Фоломеев Б.А. Разведки Мещерской экспедиции ГИМ в Рязанской области // АО-1969. М. 1970. С. 61.
- Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Мошинский А.П., Гоняный М.И., Гласко М.П. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы // Куликово поле: материалы и исследования / Труды ГИМ. Вып. 73. М. 1990.
- Фоломеев Б.А., Гласко М.П., Хотинский Н.А. и др. Монастырщина II — неолитическое и средневековое поселение на Куликовом поле в верховьях Дона // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М. 1984.
- Фоломеев Б.А., Стогов В.Е., Трусов А.В. и др. Окская экспедиция // АО-1977. М. 1978. С. 92.
- Фоломеев Б.А., Гоняный М.И., Гласко М.П. Работы Окско-Донской экспедиции // АО-1983 г. М. 1985.
- Формозов А.А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. Вып. XXI. 1954.
- Формозов А.А. О времени и исторических условиях сложения племенной организации // СА. № 1. 1957.
- Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: Наука. 1959.
- Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука. 1977а.
- Формозов А.А. О критике источников в археологии // СА. № 1. 1977б. С. 3-18.
- Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. Вып. 29. М.: Наука. 1952.
- Фосс М.Е. Неолитическая стоянка Бисерово озеро // КСИИМК. Вып. 75. 1959.
- Фрайсон Дж. Добыча бизонов и анализ каменных орудий на палеоиндейской стоянке Хорнер, Парк Каунти, Вайоминг, США // Исследования четвертичного периода. М. 1986. С. 176-183.
- Фролов А.С. Новые памятники на Верхней Оке // АО-1976. М. 1977.
- Фролов А.С. Работы на Верхней Оке // АО-1977. М. 1978.
- Фролов А.С. Палинологическая датировка стоянки Ладыжино 3 и ее место в Окском мезолите // Человек и природная среда в древности и средневековье. М. 1984.
- Фролов А.С. Иеневская позднемезолитическая культура в бассейне р. Оки // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М. 1985. С. 135-141.
- Фролов А.С. Исследования стоянки Заозерье на р. Москва // АО-1983. М. 1985.
- Фролов А.С. Стоянки у с. Заозерье // АО-1984. М. 1986.

- Фролов А.С. Стоянка Заозерье 1 на Москвеве-реке // КСИА. Вып. 189. М. 1987а. С. 75-83.
- Фролов А.С. Работы в Калужской области // АО-1985. М. 1987б.
- Фролов А.С. Позднемезолитическая стоянка Заозерье 2 на юге Подмосковья // СА. № 2. 1987в. С. 246-250.
- Фролов А.С. Археологические памятники в гор. Тарусе // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга. 1987г.
- Фролов А.С. Предварительные итоги работ Калужской экспедиции в 1985-1988 гг. // Материалы Боровских чтений (Археология, история, краеведение). Боровск. 1988.
- Фролов А.С. О хозяйстве иеневских племен // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1989. С. 7-8.
- Фролов А.С. Стоянка Трашковичи // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1989.
- Фролов А.С. О комплексе иеневских памятников у д. Ладыжино. // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1991. С. 20-23.
- Фролов А.С. Первобытные памятники на территории Тарусского района // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы VIII региональной научной конференции 17-19 марта 1999 г. Калуга. 2001а.
- Фролов А.С. Таруса — история тысячелетий. М. 2001б.
- Фролов А.С., Грудинкин Б.В., Прошкин О.Л., Станюкович А.К. Работы Калужской экспедиции // АО-1986. М. 1988.
- Фролов А.С., Жилин М.Г. Новый памятник мезолита на Верхней Оке // СА. № 1. 1978.
- Фролов А.С., Жилин М.Г. Мезолитическая стоянка Ладыжино 3 // СА. № 2. 1981.
- Фролов А.С., Трусов А.В., Сорокин А.Н. Разведки в Мещере // АО-1975. М. 1976.
- Фролов А.С., Сорокин А.Н., Жилин М.Г. Первые памятники мезолита в Мещере // СА. № 2. 1977. С. 142-151.
- Фролов А.С., Прошкин О.Л. Археология Калужской области. Калуга. 1989.
- Фролов А.С., Хайбулин Р.Ф. Раскопки и разведки на Верхней Оке // АО-1979. М. 1980.
- Фролов И.К. Работы в Калужской и Орловской областях // АО-1976. М. 1977.
- Фролов И.К. Работы Среднерусской экспедиции // АО-1977. М. 1978.
- Хайдн А. Поведение животных. М.: Иностранная литература. 1968.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука. 1969.
- Хлобыстин Л.П. Древнейшие памятники Западного Таймыра // КСИА. М. 1973. Вып. 137. С. 89-95.
- Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб. 1998.
- Хотинский Н.А. Трансконтинентальная корреляция этапов истории растительности и климата северной Евразии в голоцене. М. 1973.
- Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука. 1977.
- Цветкова И.К. Волосовские неолитические племена // Труды ГИМ. Вып. 22. М. 1953.
- Цветкова И.К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып. 44. М. 1970.
- Цветкова И.К. Работы Московской экспедиции Государственного Исторического музея // АО-1981. М. 1983.
- Цетлин Ю.Б. Гончарство как система // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 5. 2002. С. 245-249.
- Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М.: Восточная литература. 1952.
- Чайлд Г.Д. Доисторическая Европа. М.: Восточная литература. 1953.
- Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М. 1997. 303 с.
- Челяпов В.П., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Многослойное поселение Городок 1 на р. Ранова // АО-2002. М. 2003.
- Черепнин А.И. Местная старина // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. 9. Вып. 1. Рязань. 1894.
- Чернов Г.А. Мезолитическая стоянка Сандибейю 1 // СА. № 2. 1978.

- Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа: Происхождение и семантика // Памятники культуры: Новые открытия. 1988. М. 1989.
- Чернов С.З. Из двухсотлетнего забвения // Наука в России. М. 1993.
- Четыркин И.Д. Дневник раскопок 1898 г. в уездах Козельском, Лихвинском и Калужском // ИКУАК. Вып. 1. Калуга. 1899.
- Четыркин И.Д. Результат начальных археологических исследований по нижнему течению речки Калужки // ИКУАК. Вып. 2. Калуга. 1892.
- Чистов К.В. Взаимоотношения культур контактирующих этносов: влияния, взаимообмен, апперцепция, симбиоз, непроницаемость // Археологические изыскания. Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Вып. 11. СПб. 1993. С. 3-6.
- Чубур А.А. К вопросу о «мегатеории» и миграциях верхнепалеолитического человека в центре Русской равнины // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань. 1993.
- Чубур А.А. Распределение остатков гигантских фитофагов и возможные пути заселения Среднего Поочья в осташковское время // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 5. Рязань. 1996.
- Чувиляева Ю.Н. Новая стоянка каменного века Алферьево // АО-2005. М. 2006.
- Шеков А.В. Работы в Туле, Белеве, Одоевском и Белевском районах Тульской области // АО-1993. М. 1994.
- Шеков А.В. Охранные исследования в г. Туле и Тульской области // АО-1994. М. 1995.
- Шеков А.В. Работы в Щекинском и Дубенском районах Тульской области // АО-1995. М. 1996.
- Шеков А.В. Исследования в Тульской области // АО-1996. М. 1997.
- Щеглов И.Л. Следы доисторического человека в Меленковской уезде Владимирской губернии // Труды ВУАК. Книга 3. Владимир. 1901.
- Шер Я.А. Еще об археологических источниках и заключенной в них информации // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна / Отв. редакторы: Л.Б. Вишняцкий, А.А. Ковалев, О.А. Щеглова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2004. С. 114-123.
- Шитов В.Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Саранск. 1976. С. 24-87.
- Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства: Проблема первичных и вторичных очагов. М.: Наука. 1989.
- Шполянский С.В. Разведки и раскопки в Московской области // АО-1997. М. 1998.
- Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики / Отв. редактор — В.А. Тишков. М.: Наука. 1988.
- Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Археологические исследования в Мякининской пойме // АО-2002. М. 2003.
- Энговатова А.В., Сидоров В.В. Поселение и жилище — община и семья // Социальная дифференциация общества: поиск археологических критериев. М. 1993.
- Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Панченко К.И., Смирнов А.М., Хижняков О.И. Работы на Мякининском комплексе памятников // АО-2004. М. 2005.
- Юшко А.А. Работы в Московской области // АО-1981. М. 1983.
- Юшко А.А. О пределах Московского княжества Ивана Калиты // СА. № 5. 1985.
- Юшко А.А. Археологические памятники Московской земли IX-XIV вв. // Депонировано. М. 1987.
- Юшко А.А., Чернов С.З. Из исторической географии Московской земли // СА. № 2. 1980.
- Янитс К.Л. Кундасская культура / Автореф. дисс... канд. ист. наук. М. 1991
- Янитс Л.Ю. Новые данные по мезолиту Эстонии // МИА. М.-Л. Вып. 126. 1966. С. 114-123.
- Янитс К.Л. Происхождение и развитие кундской мезолитической культуры // Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы докладов. Сыктывкар. Т. 4. 1985. С. 125.
- Янитс К.Л. Мезолитическая стоянка в Лепакозе (центральная Эстония) // Известия Ака-

- демии наук Эстонской ССР. Таллин. № 24/1. 1975. С. 70-73.
- Akazava T. Hunter-gatherer adaptations and the transition to food production in Japan // *Hunters in transition: Mesolithic Societies of Temperate Eurasia and their Transition to Farming* / Edited by M. Zvelebil. Cambridge: Cambridge University Press. 1986.
- Balabina V.I., Mishina T.N., Aleksandrovskiy A.L. Interdisciplinary studies of soils and sediments of the tell Yunatcite, Bulgaria // *Second International Conference on Soil and Archaeology* (Pisa, 12-15 May, 2003). Pisa. 2003. P. 11-13.
- Barnes G. L. *The Rise of Civilization in East Asia: The Archaeology of China, Korea and Japan*. London: Thames & Hudson. 1999.
- Binford L.R. *Nunamiut Ethnoarchaeology*. New York: Academic Press. 1978.
- Binford L.R. *The Archaeology of Place* // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1982. # 1. P. 5-31.
- Binford L.R. *In Pursuit of the Past*. London: Thames and Hudson. 1983.
- Binford L.R. *Debating Archaeology*. San Diego: Academic Press. 1989.
- Boaz J. *Hunter-Gatherer Site Variability: Changing Patterns of Site Utilization in the interior of eastern Norway, between 8000 and 2500 B. P.* Oslo. 1998.
- Brjusov A.J. *Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archaeologie* // AA. Vol. XXV. Kobenhavn. 1954.
- Butrimas A., Ostrauskas T. *Tanged points cultures in Lithuania* // *Tanged points cultures in Europe*. Lublin. 1999. P. 267-271.
- Cauvin J. *Naissance des divinités Naissance de l'agriculture. La Revolution des symboles au Neolithique*. Paris: CNRS Editions. 1994.
- Childe V.G. *Man makes Himself*. London. 1948.
- Childe V.G. *New Light on the Most Ancient East*. London. 1952.
- Clark G.D. *The Mesolithic Settlement of Northern Europe*. Cambridge. 1936.
- Clark G.D. *Excavations at Star Carr Mesolithic Site at Seamer, near Scarborough, Yorkshire*. Cambridge. 1954.
- Clark G.D. *Seasonality and the Interpretation of lithic Assemblages* // *Estudios dedicados at Professor L. Pericot*. Barcelona. 1973.
- Clark G.D. *The Stone Age of Scandinavia*. Cambridge. 1975.
- Clark J.G.D. *Mesolithic Prelude. The Palaeolithic — Neolithic Transition in Old World Prehistory*. Edinburg: University Press. 1980.
- Cox M. *The Peat Moors Visitor Centre*. Somerset: Somerset County Center. 1993.
- Frison G.C. *Prehistoric Hunters on the High Plains*. New York, San Francisco, London. Academic Press. 1978. 457 p.
- Galinski T. *Mezolit Europy*. Szczecin. 1997.
- Galinski T. *The Mesolithic of Europe*. Szczecin. 2001.
- Gron O. *A Siberian perspective on the north European Hamburgian Culture: a study in applied hunter-gatherer ethno-archaeology* // *Before Farming*. 2005/1. P. 1-30.
- Gross H. *Die Renntierjager-Kulturen Ostpreussens* // *Praehistorische Zeitschrift*. 1939-1940. T. 30-31.
- Hunters in transition: Mesolithic Societies of Temperate Eurasia and their Transition to Farming* / Edited by M. Zvelebil. Cambridge: Cambridge University Press. 1986.
- Imamura Keiji. *Prehistoric Japan. New perspectives on insular East Asia*. London: UCL Press Limited. 1996.
- Indreko R. *Die mittlere Steinzeit in Estland*. Stockholm. 1948.
- Indreko R. *Mesolitische und fruhneolithische Kulturen in Osteuropa und Westsibiren*. Stockholm. 1964.
- Jaanits K. *Eesti mesoliitised tulekivist nooleotsikud* // *Известия Академии наук Эстонской ССР*. Таллин. 1973. № 3. С. 305-314.
- Jaanits K. *Neur ausgrabungen in Lepakose* // *Известия Академии наук Эстонской ССР*. Таллин. 1978. № 27/4. С. 323-326.
- Jaanits K. *Die mesolithischen Siedlungsplatze mit Feuersteininventar in Estland* // *Mesolithicum in Europa*. 2 International Symposium. Potsdam. April, 1978. Berlin. 1981. P. 389-399.
- Jaanits K. *Die mesolitischen Siedlungsplatze mit Feuersteininventar in Estland* // *Meso-*

- lithikum in Europa. 2 International Symposium. Potsdam. April, 1978. Berlin. 1981. P. 389-399.
- Jaaniits L., Jaaniits K. Fruhmeseolithische Siedlung im Pulli // Известия АН Эстонской ССР: Общественные науки. Таллин. 1975. № 24/1. С. 64-70.
- Jaaniits L., Jaaniits K. Ausgrabungen ger fruhmeseolithischen Siedlung von Pulli // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. 1978. № 27/1. С. 56-63.
- Kankaanpaa J., Rankama T. Early Mesolithic Pioneers in Northern Finnish Lapland // In H. Knutsson (ed.) Pioneer settlements and colonization processes in the Barents region. Vuollerim Papers on Hunter-gatherer Archaeology. Volume 1. Vuollerim. 2005. P. 109–161.
- Koltsov L.V., Zhilin M.G. Tanged points cultures in the upper Volga Basin // S. Kozłowski (ed.). Tanged Points cultures in Europe. Lublin. 1999. P. 295-310.
- Kozłowski S.K. Polnocno-wschodni krag kultur mezolitycznych // Z polskich badan nad epoka kamienia. Wroclaw. 1969.
- Kozłowski S.K. Pradzije ziem polskich od IX do V tysiaclecia p. n. e. Warszawa. 1972.
- Kozłowski S.K. Introduction to the History of Europe in Early Holocene // Mesolithic in Europe. Warsaw. 1973.
- Kozłowski S.K. Cultural Differentiation of Europe from 10th to 5th Millenium B.C. Warsaw. 1975.
- Kozłowski S.K. Mesolithic in Poland. A new approach. Warszawa. 1989.
- Kozłowski S.K. A Survey of early Holocene Cultures of the Western Part of Russian Plain // The Mesolithic in Europe. Edinburg. 1991.
- Kozłowski J.K., Kozłowski S.K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiaclecia p.n.e. Warszawa. 1975.
- Kravtsov A.E. Concerning the Dating of the Yenevo Culture // Tanged Points Cultures in Europe. Lublin. 1999. P. 272-280.
- Kuzmin Y.V., Vetrov V.M. The earliest Neolithic complex in Siberia: the Ust-Karenga 12 site and its significance for the Neolitisation process in Eurasia // Documenta Praehistorica. # XXXIV. 2007.
- Loze I., Liiva A. Radiocarbon datings of the Mesolithic of Eastern Baltic (after materials of habitation sites) // Latvijas zinatnu akademijas vestis. Riga. 1990. #10. P. 78-85.
- Lozovski V.M. Zamostje 2. Editions du Cedarc. Treignes. 1996.
- Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London. 1975.
- Mellaart J. Western Asia during the Neolithic and the Chalcolithic (about 12,000-5,000 Years Ago) / S.J. de Laet (ed.). History of Humanity. Volume 1. Prehistory and the Beginnings of Civilization. Paris & London: UNESCO & Routledge. 1994. P. 425-440.
- Mesolithikum in Europa. Potsdam. 1981.
- Neolithic in Turkey. The Cradle of Civilization. New Discoveries. Istanbul. 1997 / Ed. by M. Ozdogan & N. Basgelen.
- Newell R.R. Mesolithic Dwelling Structures: Fact and Fantasy // Mesolithicum in Europa. Berlin. P. 235-284.
- Nieuwenhuys O.P. The earliest Ceramics from Tell Sabi Abyad, Syria // Leiden Journal of Pottery Studies. 2006. # 22. P. 111-128.
- Nishiaki Y., Le Miere M. The oldest Pottery Neolithic of Upper Mesopotamia: new evidence from Tell Seker al-Aheimar, the Khabur, Notheast Syria // Paleorient. 2005. Vol. 31/2. P. 55-68.
- Ostrauskas T. Veluvasis paleolitas ir mesolitas Pietu Lietuvoje // Lietuvos archeologija. 1999. T. 16. P. 7-17.
- Ostrauskas T. Mesolithic Kunda culture. A glimbe from Lithuania // De temporibus antiqissimis ad honorem Lembit Jaaniits. Taalinn. 2000. P. 167-222.
- Ostrauskas T. Kundos kulturos tyrinejimu problematika // Lietuvos arheologija. 2002. T. 23. P. 93-106.
- Ostrauskas T. On the Genesis of Kunda Culture // Archeologia Baltica. Klaipeda. 2006. # 6. P. 198-203.
- Pavlov 1 — Northwest. The upper Palaeolithic Burial and its Settlement Context / The Dolni Vestonice Studies. Volume 4. Brno. 1997.
- Prahistoria ziem Polskich. Paleolit i mezolit. T. 1. Wroclaw. 1975.

- Prise T.D. Redactional Approaches to human Adaptation in Mesolithic of the Northern European Plain // *Mesoliticum in Europa*. Berlin. 1981. P. 217-234.
- Rankama T. Site formation processes and vertical stratigraphy in Finland // *Papers of Sartryck ur Finskt Museum*. Sartryck. 1995. P. 56-78.
- Rankama T., Kankaanpaa J. First Preboreal inland Site in north Scandinavia discovered in Finnish Lapland // *Antiquity*. September 2004. Vol. 78. # 301.
- Rankama T., Kankaanpaa J. History and prehistory of Lake Vetsijarvi // In A.E.K. Ojala (ed.) *Quaternary studies in the northern and Arctic regions of Finland*. Geological Survey of Finland, Special Paper. 2005. # 40. P. 113-121.
- Rankama T., Kankaanpaa J. The earliest postglacial inland Settlement of Lapland // *Каменный век Европейского Севера / Отв. редактор А.В. Волокитин*. Сыктывкар, 2007. С. 44-65.
- Rust A. *Das Altsteinzeitliche Rentiejager lager Meiendorf*. Neeumunster, 1937.
- Sawicki L. *Materialy do znajomosci prehistorji Rosji*. Poznan. 1928.
- Schild R. «Swiderskie» stanowiska znad gorney Wolgi i srodkowej Oki a cykl «mazowszariski» // *Archeologia Polski*. T. IX. Z. 1. 1964.
- Shild R. Nowy przemysl cyklu madlenskigo w Posce // *Archeologia Polski*. Wroclaw, Warszawa, Krakov. 1965. T. 10.
- Shild R. Pozny paleolit // *Prahistoria ziem Polskich. Paleolit i mezolit*. Wroclaw. 1975. P. 159-338.
- Schild R. The Formation of homogeneous Occupation Units («Kschemenitsas») in Open-Air Sandy Sites and Its Significance for the Interpretation of Mesolithic Flint Assemblages // *The Mesolithic in Europe*. Edinburg. 1989.
- Schild R. Radiochronology of the Early Mesolithic in Poland // Larsson L. (ed.). *The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship to neighbouring areas / Acta Archaeologica Lundensia*. 80. № 24. 1996.
- Sidorov V.V., Sorokin A.N. The discovery and investigation of a multi-layer settlement at Zamostje 5 on Russian Plain // *Anglo-Russian Archaeology Seminar: Recording System for Archaeological Projects*. Ed. by Timothy Darvill, Gennadii Afanas'ev, & Eileen Wilkes. Bournemouth and Moscow: 2000. P. 5-9.
- Sorokin A.N. On the problem of influence of Volga-Oka Mesolithic to the origine of Kunda culture // *L'Europe des derniers chasseurs: Epipaleolithique et Mesolithique*. Actes du 5-e colloque international UISPP, commission XII, Grenoble, 18-23 Septembre 1995 / Edite par Andre Trevenin, sous la direction scientifique de Pierre Bints. Paris, 1999. Editions du CTHS. P. 425-428.
- Sorokin A.N. Neighbours of the Butovo culture on the Upper Volga and Oka river // *Tanged points cultures in Europe*. Lublin. 1999. P. 311-317.
- Sorokin A.N. The Final Palaeolithic in Central Russia // *Archeologia Baltica*. Klaipeda, 2006. T. 7. P. 120-135.
- Sulgostowska S. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda culture Relations // *Tanged Points Cultures in Europe*. Read at the International archaeological symposium. April, 1993. Lublin. 1999. Maria Curie-Sclodowska univercity press. P. 85-92.
- Takala H. The Ristola Site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Lahti: Lahti City Museum. 2004. 198 p.
- Taute W. *Die Stielspitzen-Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa*. Koln. 1968.
- The Mesolithic in Europe*. The 3-d International Symposium on Mesolithic. Edinburg. 1989.
- Trusov A.V. The Final Palaeolithic Site of Rostislavl (preliminary report) // *Archeologia Baltica*. Klaipeda. 2006. # 7. P. 149-159.
- Underhill A.P. Current Issues in Chinese Neolithic Archaeology // *Jornal of World Prehistory*. 1997. # 11(2). P. 103-160.
- Vermeersch P.M. Postdepositional Processes on Epipalaeolithic and Mesolithic Site in the Sandy Area of Western Europe // *L'Europe des derniers chasseurs: Epipaleolithique*

- et Mesolithique. Actes du 5-e Colloque international UISPP, commission XII, Grenoble, 18-23 Septembre 1995 / Edite par Andre Trevenin, sous la direction scientifique de Pierre Bints. Paris, 1999. Editions du CTHS. P. 159-166.
- Weickowska H. Spolecznosci lowiecko-rybackie wczesnego holocenu // Prahistoria ziem Polskich. Paleolit i mezolit. Wroclaw. 1975. P. 339-434.
- Wood W.R., Johnson D.L. A survey of disturbance processes in archaeological site formation // Advances in Archaeological Method and Theory. New York. V. 1. 1978. P. 315-370.
- Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga. 1987. 132 p.
- Zagorska I. Das Fruhmeseolithikum in Lettland // Veruffentlichungen des Museums fur Ur — und Fruhgeschichte Potsdam. Berlin. 1981. Bd. 14/15. P. 73-82.
- Zagorska I. Akmens laikmeta harpunas Latvija (Stone Age harpoons from Latvia) // Latvijas PSR Zinatnu Akademijas Vestis, # 8. Riga. 1972. P. 80-98 (in Latvian).
- Zagorska I. The Mesolithic in Latvia // Acta Archaeologica, Vol. 63. Copenhagen. 1993. P. 97-117.
- Zagorska I. Salaspils Laukskolas akmens laikmeta apmetne (Salaspils Laukskola Stone Age settlement) // Arheologija un etnografija. XVI. Riga: Zinatne. 1994. P. 14-28. (In Latvian).
- Zagorska I. Vela paleolita krama katveida bultu gali Latvija (The Late Palaeolithic Tanged Points in Latvia) // Arheologija un etnografija. XVIII. Riga: Zinatne. 1996. P. 181-190.
- Zagorska I. The Earliest Settlement of Latvia // Pact 57. Belgium, Rixensart. 1999. P. 131-166.
- Zhilin M.G. The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic — early Mesolithic // L. Larson (ed). Earliest Settlement of Scandinavia. Acta Archaeologica Lundensia. 1995: 80. # 24. P. 273-284.
- Zhilin M.G. Technology of the Manufacture of Mesolithic Bone Arrowheads on the Upper Volga // European Journal of Archaeology. Vol. 1. 1998. № 2. P. 149-175.
- Zhilin M.G. Early Mesolithic communications networks in the East European forest zone // Mesolithic on the Move / Larsson L., Kindgren H., Knutsson K., Leffler D., Akerlund A. (eds.). Oxbow books. Oxford. 2003. P. 688-693.
- Zhilin M.G. The terminal Palaeolithic — early Mesolithic of the Upper Volga and colonization of the north-west of Eastern Europe // Pioneer Settlements and colonization processes in the Barents regions / Helena Knutsson ed. Vuollerim Papers on Hunter-gatherer Archaeology. Volume 1. Vuollerim, 2005. P. 163-180.
- Zhilin M.G., Matiskainen H. Deep in Russia, deep in the bog: Excavations of Stanovoje 4 and Sahtysh 14, Upper Volga region // Mesolithic on the Move / Larsson L., Kindgren H., Knutsson K., Leffler D., Akerlund A. (eds.). Oxbow books. Oxford. 2003. P. 694-702.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
АО — Археологические открытия.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АЭМК — Археология и этнография Марийского края.
ВАИВП — Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья.
ВУАК — Владимирская ученая архивная комиссия.
Вып. — Выпуск.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГСПИКНО — Государственные списки памятников истории и культуры Нижегородской области по состоянию на 01.01.2000. Каталог. Н-Новгород. 2001.
ДГСПИКНО — Дополнения к Государственным спискам памятников истории и культуры Нижегородской области (по состоянию на 01.01.2002). Каталог. Н-Новгород. 2002.
ЗОРСА РАО — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИКУАК — Известия Калужской ученой архивной комиссии.
КСИА — Краткие сообщения о полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАО — Московское археологическое общество.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
М.-Л. — Москва — Ленинград.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
РА — Российская археология.
РАЖ — Русский антропологический журнал.
РАО — Русское археологическое общество.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
СПб — Санкт-Петербург.
ТАС — Тверской археологический сборник.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив ИА РАН (АИА). Р-1

- Акимов Н.Н. Отчет об археологических разведках, проведенных в юго-западной части Мещерской низины в пределах Шатурского и Коломенского р-нов Московской области летом 1962 г. № 2655.
- Акимов А.Е. Отчет о разведках в Вачском районе Нижегородской области в 1993 г. № 18122.
- Алексеев С.И. Отчет об археологических исследованиях в Нижегородской области в 1990 г. № 15562.
- Аникин И.С. Отчет о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне реки Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1994 г. № 18876.
- Аникин И.С. Отчет о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне реки Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1995 г. № 19345.
- Аникин И.С. Отчет о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне реки Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1996 г. № 20495.
- Аникин И.С. Отчет о работе экспедиции Нижегородского историко-археологического центра «Регион» в бассейне реки Прорвы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1997 г. № 21396.
- Астахов С.Н. Отчет по обследованию стоянки Гремячее на реке Оке в 1958 г., Калужская область. № 1844.
- Астахов С.Н. Отчет об археологическом обследовании левого берега р. Оки между Серпуховом и Каширой в 1958 г. № 2033.
- Асташова Н.И., Абрамзон И.Я. Отчет о разведке в Можайском р-не Московской области в 1971 г. № 4618.
- Балинский И.М. Археологические работы Московского областного краеведческого музея в 1977 г. № 7406.
- Безухова Е.А. Отчет об археологической разведке 2 отряда Горьковской экспедиции 1959 г. // Отчет о полевых работах Горьковской археологической экспедиции 1959 г. № 1928.
- Белецкий С.В. Сфрагистические находки из древнерусской Дубны в 1986 г. (по результатам осмотра Ратминского поселения в Московской области и ознакомления с частными коллекциями в г. Дубне). № 12192.
- Белоцерковская И.В. Отчет о разведке в Щекинском р-не Тульской области в 1971 г. № 4714.
- Блинова М.В. Отчет о работе разведочного отряда историко-филологического факультета Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского. № 7963.
- Богачев А.Ф. Отчет о работе археологической разведочной экспедиции в бассейне р. Сережи на территории Горьковской области летом 1975 г. № 5387.
- Брюсов А.Я. Отчет о разведке в Ногинском р-не Московской области и на Бисеровом озере в 1945 г. № 26.
- Брюсов А.Я. Отчет об археологических разведках и раскопках в районе Орехово-Зуево в 1947 г. № 124.
- Брюсов А.Я. Отчет о раскопках и разведках в Ногинском р-не Московской области в 1950 г. № 499.
- Брюсов А.Я. Отчет о раскопках Льяловской неолитической стоянки в 1951 г. № 588.
- Буланкин В.М. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 1989 году № 14325.
- Буров В.А. Отчет об археологических исследованиях Тульского кремля. 1978 г. № 7479.
- Буров В.А. Отчет об археологических раскопках на территории Тульского кремля в 1982 г. № 8956.

- Варенов А.Б. Научный отчет о разведке в Ногинском р-не Московской области в 1973 г. № 5529.
- Варенов А.Б. Отчет об исследованиях Тульского кремля. 1979 г. № 7833.
- Варенов А.Б. Отчет об археологических исследованиях Тульского кремля в 1980 г. № 8748.
- Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках курганов у г. Одинцово, д. Еганово и Боровского городища в Раменском р-не Московской области в 1960 г. № 2182.
- Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках в Московской области в 1961 г. № 2342.
- Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках селища у с. Гжель Раменского р-на Московской области в 1986 г. № 11563.
- Верестова И.Н. Отчет об археологической разведке в Шацком р-не Рязанской области в 1992 г. № 17122.
- Верестова И.Н. Отчет об археологической разведке в Сапожковском р-не Рязанской области в 1993 г. № 18356.
- Верестова И.Н. Отчет об археологической разведке в Сараевском р-не Рязанской области в 1994 г. № 18944.
- Верестова И.Н. Отчет об археологической разведке в Сапожковском р-не Рязанской области в 1995 г. № 19220.
- Вишневский В.И. Отчет об археологических работах исторического отдела Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в Загорском р-не Московской области в 1983 г. № 9972.
- Вишневский В.И. Отчет об археологических работах исторического отдела Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в Загорском и Дмитровском р-нах Московской области в 1984 г. № 9432.
- Вишневский В.И. Отчет об археологических работах исторического отдела Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в Загорском и Дмитровском р-нах Московской области в 1985 г. № 10961.
- Вишневский В.И. Отчет о работе археологической экспедиции Загорского историко-художественного музея-заповедника в 1986 г. № 10979.
- Вишневский В.И. Отчет об археологических наблюдениях на территории Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в 1987 г. № 11904.
- Вишневский В.И. Отчет о раскопках Кикинского городища в Дмитровском р-не и разведках в Загорском р-не Московской области археологической экспедиции Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в 1987 г. № 11935.
- Вишневский В.И. Отчет о раскопках в Радонеже и разведках в Загорском р-не Московской области археологической экспедиции Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в 1988 г. № 13826.
- Вишневский В.И. Отчет о разведках и наблюдениях в Сергиево-Посадском р-не Московской области в 1992 г. № 17177.
- Вишневский В.И. Отчет о разведках в Сергиево-Посадском и Дмитровском р-нах Московской области археологической экспедиции Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника в 1994 г. № 18954.
- Воронин К.В. Отчет об археологических разведках в Серпуховском р-не Московской области в 1988. № 14035.
- Воронков А.Н. Отчет о разведках археологических памятников на р. Оке и ее притоках в пределах 100 км течения от г. Алексина до г. Каширы. 1959 г. № 1890.
- Воронков А.Н. Отчет об археологических разведках по р. Оке в 1962 г. № 2565.
- Воронков А.Н. Отчет об археологических разведках у с. Бехово Заокского р-на Тульской области в 1966 г. № 3231.
- Воронков А.Н. Отчет об археологических разведках на территории Серпуховского р-на Московской области 1966 г. № 3232.
- Воронцов А.М. Отчет об археологических разведочных исследованиях в Киреевском р-не Тульской области в 1995 г. № 19232.

- Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 1996 г. № 19879.
- Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1998 г. № 20707.
- Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 1999 г. № 225212-22523.
- Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 2000 г. № 24217.
- Гаврилов А.Н. Отчет об археологических разведках на территории Рязанской области (Шиловский, Путятинский районы) в 1981 г. № 8888.
- Гаврилов А.Н. Отчет об археологических разведках на территории Рязанской области (Шиловский, Путятинский, Чучковский р-ны) в 1982 г. № 10656.
- Гаврилов А.Н. Отчет об археологических разведках на территории Рязанской области (Шиловский, Путятинский, Чучковский р-ны), 1983 г. № 9716.
- Гак Е.И. Отчет об археологической разведке в Кимовском и Богородицком р-нах Тульской области в 1997 г. № 21100.
- Глазов В.П. Отчет об археологических разведках в Судогодском р-не Владимирской области в 1973. № 5129.
- Глазов В.П. Отчет об археологической разведке в Меленковском и Муромском р-нах Владимирской области в 1976 г. № 9673.
- Глазов В.П. Отчет об археологической разведке в Вязниковском и Гороховецком р-нах Владимирской области в 1977 г. № 9671.
- Глазов В.П. Отчет об археологической разведке в Киржачском и Александровском р-нах Владимирской области в 1978 г. № 7211.
- Глазов В.П. Отчет об археологических разведках в Селивановском, Петушинском и Собинском р-нах Владимирской области в 1979 г. № 7835.
- Глазов В.П. Отчет об археологических разведках в Камешковском, Суздальском и Юрьево-Польском р-нах Владимирской области в 1980 г. Ч. 1. № 8065.
- Глазов В.П. Отчет об археологических разведках в Камешковском, Суздальском и Юрьево-Польском р-нах Владимирской области в 1980 г. Ч. 2. № 8066.
- Голубева Л.А. Отчет о разведках и раскопках в г. Верее и Верейском р-не Московской области в 1946 г. № 88.
- Голубева Л.А. Отчет о раскопках в г. Верее и разведках в Верейском р-не Московской области в 1947 г. № 161.
- Голубева Л.А. Альбом к отчету о раскопках в г. Верее и разведках в Верейском р-не Московской области в 1947 г. № 162.
- Голубева Л.А. Отчет о раскопках в г. Рузе Московской области в 1948 г. № 259.
- Гоняный М.И. Отчет о результатах археологических работ в Кимовском и Куркинском р-нах Тульской области (Куликово поле). 1982 г. № 9499.
- Гоняный М.И. Отчет об археологических исследованиях в Подольском р-не Московской области. 1981 г. № 8873.
- Гоняный М.И. Отчет об археологических работах в Подольском р-не Московской области. 1982 г. № 8598.
- Гоняный М.И. Результаты археологических работ в Подольском р-не Московской области. 1990 г. № 15553.
- Гоняный М.И. Отчет об археологических разведках и раскопках в Подольском районе в 1991 г. № 16082.
- Гоняный М.И. Отчет о работе славянского отряда Окско-Донской археологической экспедиции в Кимовском р-не Тульской области (Куликово поле). 1983 г. № 9815.
- Гоняный М.И. Отчет о работе Донского отряда Окско-Донской археологической экспедиции ГИМ в Тульской области (район Куликова поля). 1984 г. № 10456.
- Гоняный М.И. Отчет о работе Донского отряда Окско-Донской археологической экспедиции ГИМ в Кимовском, Богородицком, Куркинском р-нах Тульской области 1985 г. № 11718.
- Гоняный М.И. Отчет о работе Верхнедонской археологической экспедиции ГИМ в Тульской области 1986 г. № 11710.

- Гоняный М.И. Отчет о работе Верхнедонской археологической экспедиции ГИМ в районе Куликова поля в 1987 г. № 11927.
- Гоняный М.И. Результаты археологических исследований, проведенных в Кимовском, Богородицком, Узловском, Новомосковском р-нах Тульской области 1988 г. № 13133.
- Гоняный М.И. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в районе Куликова поля в 1989 г. № 14103.
- Гоняный М.И. Результаты археологических работ 1990 года в Кимовском, Богородицком, Воловском р-нах Тульской области (район Куликова поля). № 15715.
- Гоняный М.И. Результаты археологических исследований, проведенных Верхнедонской археологической экспедицией ГИМ в Кимовском и Куркинском р-нах Тульской области, Милославском р-не Рязанской области и Данковском р-не Липецкой области в 1991 г. № 19539.
- Гоняный М.И. Результаты археологических исследований в Тульской области (район Куликова поля) в 1992 г. № 17069.
- Гоняный М.И. Результаты археологических разведок и раскопок в Тульской области в 1993 г. № 18352.
- Гоняный М.И. Отчет о результатах археологических разведок и раскопок, проводимых в Кимовском и Узловском р-нах Тульской области в 1994 г. № 18233.
- Гоняный М.И. Отчет о результатах археологических исследований, проведенных ГИМ в исторической части г. Подольска и в Подольском р-не Московской области в 1994 г. № 18404.
- Гоняный М.И. Отчет о результатах археологических исследований, проведенных ГИМ в исторической части г. Подольска на территории историко-мемориального музея-заповедника «Подолье» и в Домодедовском р-не Московской области в 1995 г. № 19111.
- Гоняный М.И. Отчет о результатах археологических исследований, проведенных ГИМ в г. Подольске, Подольском, Наро-Фоминском, Серпуховском р-нах Московской области в 1997 г. № 22047.
- Гоняный М.И. Отчет об археологических исследованиях ГИМ в Кимовском р-не Тульской области в 1997 г. № 19760.
- Грехова Л.В. Отчет об археологических разведках в Белевском р-не Тульской области в 1962 г. № 2548.
- Грибов Н.Н. Отчет о работе разведотряда Нижегородской археологической службы в бассейне реки Кудьмы в пределах Богородского района Нижегородской области в 1992 г. № 17005.
- Григорьев А.В. Отчет о раскопках на территории 3-го Городищенского завода у д. Торхово Ленинского р-на Тульской области в 1997 г. № 23152.
- Григорьев А.В. Отчет о работах на территории Дубенского и Ленинского р-нов Тульской области в 1998 г. № 21371.
- Григорьев А.В. Отчет о работах Славянского отряда на территории Дубенского, Ленинского и Щекинского р-нов Тульской области в 1999 г. № 23258.
- Гриценко В.П. Отчет об археологических исследованиях, проводившихся разведочным отрядом ТГПИ им. Л.Н. Толстого в г. Туле и Щекинском р-не Тульской области 1988 г. № 13096.
- Гриценко В.П. Отчет об археологических исследованиях г. Тулы, Ленинского и Каменского р-нов Тульской области 1989 г. № 14721.
- Гриценко В.П. Отчет об охранных археологических исследованиях на поселениях Березовка V, Мельгуново и в г. Туле в 1990 г. № 15612.
- Гриценко В.П. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 1991 г. № 16555.
- Гриценко В.П. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 1992 г. № 17116.
- Гриценко В.П. Отчет об археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 1993 г. № 18477.
- Гриценко В.П. Отчет об исследованиях Тульской археологической экспедиции в 1994 г. № 18913.
- Гриценко В.П. Отчет о работах Тульской археологической экспедиции в 1995 г. № 19208.

- Грудинкин Б.В. Отчет об археологической разведке в Калужской области в 1984 г. № 9473.
- Грудинкин Б.В. Отчет об археологической разведке в Калужской области в 1985 г. № 10939.
- Грудинкин Б.В. Отчет об археологических раскопках и разведках в Калуге и Калужской области в 1986 г. № 11807.
- Грудинкин Б.В. Отчет об археологических раскопках и разведках в Калужской области в 1987 г. № 12227.
- Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в Калужской и Тульской областях в 1988 г. № 13236.
- Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в Калужской и Тульской областях в 1989 г. № 14123.
- Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в Калужской и Тульской областях в 1990 г. № 15619.
- Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1991 г. № 16860.
- Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1992 г. № 17649.
- Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в 1993 г. № 17949.
- Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1994 г. № 19010.
- Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в 1995 г. в Калужской и Тульской областях. № 19010.
- Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в 1996 г. в Калужской и Тульской областях. № 23183.
- * Грудинкин Б.В. Отчет об археологических разведках в 1996 г. в Калужской и Тульской областях.¹
- Гущин Д.Д. Отчет о раскопках курганной группы у с. Михайловская Слобода Раменского р-на Московской области в 1967 г. № 3452.
- Гущин Д.Д. Отчет о раскопках курганной группы у с. Михайловская Слобода Раменского р-на Московской области в 1968 г. № 3644.
- Диков Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции на территории Ногинского р-на Московской области в 1959 г. № 1896.
- Диков Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции на территории Ногинского р-на Московской области в 1959 г. № 1896.
- Диков Е.И. Отчет об археологических разведках в Ногинском р-не Московской области в 1960 г. № 2141.
- Диков Е.И. Отчет о работе археологической группы в 1961 г. на основе открытого листа № 95. № 2303.
- Диков Е.И. Отчет об археологических разведках на территории Ногинского, Павлово-Посадского, Ореховского и Щелковского р-нов Московской области в 1962 г. № 2504.
- Диков Е.И. Отчет о работе археологической группы по районам: Ногинскому, Ореховскому, Щелковскому Московской области. № 2913.
- Диков Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции в бассейне р. Клязьмы в 1967 г. № 3471.
- Дресслер Н.Л. Отчет об археологической разведке на средней Оке в 1975 г. № 5683.
- Дубынин А.Ф. Отчет о работе Можайской экспедиции за 1956 г. № 1312.
- Дубынин А.Ф. Отчет о работе Московской экспедиции за 1956 г. № 1338.
- Дубынин А.Ф. Отчет о работе Московской экспедиции АН СССР в 1957 г. // Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических разведках в Рузском, Осташковском и Ново-Петровском р-нах Московской области. № 1631.
- Дубынин А.Ф. Отчет об археологических раскопках Можайской археологической экспедиции за 1957 г. № 1632.
- Дубынин А.Ф. Отчет по Можайской и Московской экспедициям за 1958 г. № 1745.
- Дубынин А.Ф. Отчет об археологических работах Можайской экспедиции в 1959 г. № 1932.
- Дубынин А.Ф. Отчет о работе Можайской археологической экспедиции в 1960 г. № 2075.

¹ Этот и нижеследующие отчеты, помеченные (*), не имеют инвентарных номеров в Архиве ИА РАН.

- Дубынин А.Ф. Отчет Московской экспедиции ИА АН СССР за 1962 г. Т. 2. Рузский отряд. № 2495.
- Екимов Ю.Г. Отчет археологической экспедиции Тульского областного краеведческого музея о работах в Щекинском и Каменском р-нах Тульской области в 1989 г. № 13999.
- Екимов Ю.Г. Отчет о работах археологической экспедиции Тульского областного краеведческого музея в Щекинском р-не Тульской области в 1991 г. № 16550.
- Екимов Ю.Г. Отчет о работах археологической экспедиции Тульского областного краеведческого музея по исследованию поселения и могильника Октябрьское 5 и поселения Упа 4 в 1992 г. № 17159.
- Екимов Ю.Г. Отчет археологической экспедиции Тульского областного краеведческого музея об исследовании поселения Мельгуново 3 в Узловском р-не Тульской области в 1992 г. № 17161.
- Екимов Ю.Г. Отчет археологической экспедиции областного краеведческого музея об исследовании поселения Мельгуново 3 в Узловском р-не Тульской области в 1993 г. № 18320.
- Екимов Ю.Г. Отчет археологической экспедиции Тульского краеведческого музея об исследовании археологических памятников Мельгуново 3 и Мельгуново 1 в Узловском р-не Тульской области в 1995 г. № 19125.
- Екимов Ю.Г. Отчет об археологических работах в Тульской области в 1996 г. № 23134.
- Еремин И.О. Отчет о разведке и раскопках на территории г. Павлово Нижегородской области в 1993 г. № 18113.
- Ефимов А.Е. Отчет о проведении охранных археологических работ по теме: «Археологические разведки в пригородной зоне г. Калуги в 1996 г.». № 20303.
- Жиганов М.Ф. Отчет о работе Мордовской Археологической экспедиции в 1974 г. Книга 1. № 5356.
- Жилин М.Г. Отчет о разведках в Павлово-Посадском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области в 1977 г. № 6618.
- Жилин М.Г. Отчет Нижнеокского отряда Верхневолжской экспедиции о работах в Навашином районе Горьковской области в 1981 г. № 8543.
- Жилин М.Г. Отчет Горьковской экспедиции ИА АН СССР за 1982 г. № 9175.
- Жилин М.Г. Отчет Горьковской экспедиции за 1983 г. № 9889.
- Жилин М.Г. Отчет Горьковской экспедиции за 1984 г. № 10532.
- Жилин М.Г. Отчет Горьковской экспедиции за 1985 г. № 11185.
- Жилин М.Г. Отчет Горьковского отряда об археологических работах в Горьковской области в 1986 г. № 11859.
- Жилин М.Г. Отчет об исследованиях в Горьковской, Калининской и Владимирской областях в 1987 г. № 12522.
- Жилин М.Г. Отчет о раскопках стоянок Спас-Сердечно 2 и Поздняково 9 в Навашином р-не Горьковской области и о разведочных работах в Горьковской области, Ржевском р-не Калининской области и в Загорском р-не Московской области, проведенных в 1988 г. № 12551.
- Жилин М.Г. Отчет Горьковского отряда за 1989 г. Разведки в Горьковской области, раскопки стоянок Окаемово 5 и разведки в Загорском и Талдомском р-нах Московской области. № 13463.
- Жилин М.Г., Левина Н.В. Отчет Дубнинско-Горьковского отряда за 1990 г. о раскопках поселений каменного века у д. Окаемово и разведках в Загорском и Талдомском р-нах Московской области, разведках на торфяниках в Тверской области. № 15472.
- Жилин М.Г. Отчет за 1991 г. Часть 3. Разведочные работы в Нижегородской области. № 15959.
- Жилин М.Г. Отчет об исследованиях в 1992 г. Ч. 1-4. Тверская, Ярославская, Владимирская и Ивановская области. № 127287.
- Жилин М.Г. Отчет о работах 1993 г. Ч. 1-2. Тверская, Ярославская, Владимирская, Ивановская и Нижегородская области. № 18523-18524.

- Жилин М.Г. Отчет о работах 1994 г. Ивановская, Тверская, Ярославская и Нижегородская области. № 18067.
- Жилин М.Г. Отчет о работах Верхневолжской экспедиции в 1995 г. № 19928.
- Жилин М.Г. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1996 г. № 20127.
- Жилин М.Г. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1998 г. № 22048.
- Жилин М.Г. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции за 1999 г. № 22049.
- Жилин М.Г. Отчет Верхневолжской экспедиции за 2000 г. № 23480.
- * Жилин М.Г. Отчет Верхневолжской экспедиции за 2002 г.
- Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях, проводившихся отрядом Новомосковского дворца пионеров по поручению Тульского музея в Новомосковском р-не Тульской области в 1987 г. № 12084.
- Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях, проводившихся разведочным отрядом Новомосковского дворца пионеров по поручению Тульского областного краеведческого музея в Новомосковском и Узловском р-нах в 1988 г. № 13398.
- Заидов О.Н. Отчет Новомосковского отряда о разведках в Новомосковском и Узловском р-нах Тульской области 1989 г. № 14774.
- Заидов О.Н. Отчет об археологических раскопках древнерусского могильника XII-XIII вв. Исаковские Выселки в Кимовском р-не Тульской области в 1990 г. № 15890.
- Заидов О.Н. Отчет об охранных археологических исследованиях в районе Куликова поля в 1991 г. № 17217.
- Заидов О.Н. Отчет об охранных археологических исследованиях в верховьях р. Пронь на участке Гремячее — Пронь Городище в 1992 г. № 17289.
- Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях грунтового могильника XII-XIII вв. в районе д. Исаковские Выселки Кимовского р-на Тульской области в 1992 г. № 17328.
- Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях грунтовых могильников у д. Торхово и д. Исаковские Выселки в Тульской области в 1993 г. № 18515.
- Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях в Чернском р-не Тульской области в 1993 г. № 18514.
- Заидов О.Н. Отчет об исследованиях в Новомосковском, Кимовском и Чернском р-нах Тульской области в 1994 г. № 18398.
- Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях в Новомосковском, Кимовском и Чернском р-нах Тульской области в 1995 г. № 19176.
- Заидов О.Н. Отчет об исследованиях в Новомосковском р-не Тульской области в 1996 г. № 20522.
- Заидов О.Н. Археологические исследования в Новомосковском и Кимовском р-нах Тульской области в 1997 г. № 21175.
- Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях в Новомосковском, Кимовском р-нах Тульской области и Михайловском р-не Рязанской области в 1998 г. № 21372.
- Зубарев Н. В. Отчет об археологических исследованиях в Каширском р-не Московской области близ с. Колтово в 1993 г. № 18543.
- Иванова Н.В. Отчет об археологической разведке на территории бывшего Дудина монастыря в Богородском районе Нижегородской области в 1996 г. № 19975.
- Ивченков В.Л. Отчет об археологических раскопках на территории Иосифо-Волоколамского монастыря в 1983 г. № 10641.
- Ивченков В.Л. Отчет об археологических работах в Волоколамском р-не Московской области в 1985 г. № 10336.
- Ивченков В.Л. Отчет об археологических раскопках на территории Волоколамского городища в 1986 г. № 11953.
- Ивченков В.Л. Отчет об археологических разведках близ Микулина городища в Лотошинском р-не Московской области в 1987 г. № 12098.
- Ивченков В.Л. Отчет об археологических раскопках на территории Волоколамского городища Московской области в 1987 г. № 12341.
- Ивченков В.Л. Отчет об археологических исследованиях на Волоколамском городище и на территории Волоколамского р-на Московской области в 1988 г. № 12531.

- Ивченков В.Л. Отчет об археологических исследованиях на территории Волоколамского р-на Московской области в 1990 г. № 15820.
- Ивченков В.Л. Отчет об обследовании археологических памятников Волоколамского и Лотошинского р-нов Московской области в 1993 г. № 18181.
- Изюмова С.А. Отчет об археологической разведке в Косогорском, Новотульском, Щекинском, Дедиловском, Тульском и Алексинском р-нах Тульской области в 1951 г. № 609.
- Изюмова С.А. Отчет о разведке в Тульской области летом 1954 г. № 1009.
- Изюмова С.А. Отчет о раскопках городища у с. Супруты Крапивенского р-на Тульской области 1955 г. № 1197.
- Изюмова С.А. Отчет о раскопках городища у с. Супруты. 1956 г. № 1357.
- Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1957 г. № 1685.
- Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1959 г. № 2011.
- Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1960 г. № 2228.
- Изюмова С.А. Отчет о раскопках курганов у с. Доброе Суворовского р-на Тульской области в 1964 г. № 3272.
- Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1967 г. № 3488.
- Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1969 г. № 4226.
- Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1972 г. № 4941.
- Каверзнева Е.Д. Отчет о разведках в Спасском и Шиловском р-нах Рязанской области в 1986 г. № 11949.
- Каверзнева Е.Д., Сорокин А.Н. Отчет о раскопках стоянки Шагара 4 в Клепиковском р-не Рязанской области в 1987 г. № 13902.
- Клянин Р.В. Отчет о разведке в Веневском р-не Тульской области 1984 г. № 9429.
- Клянин Р.В. Отчет о разведке в Веневском р-не Тульской области 1985 г. № 10475.
- Клянин Р.В. Отчет о разведке в Веневском р-не Тульской области 1986 г. № 11781.
- Клянин Р.В. Отчет о разведке в Веневском р-не Тульской области и в г. Туле. 1987 г. № 12104.
- Клянин Р.В. Отчет о разведке в Веневском р-не Тульской области 1988 г. № 13097.
- Клянин Р.В. Отчет об охранных археологических работах (у д. Городище Веневского р-на) в Тульской области в 1989 г. № 14429.
- Клянин Р.В. Отчет о работах в Веневском, Киреевском и Кимовском р-нах Тульской области 1989 г. № 14430.
- Клянин Р.В. Отчет о работах в г. Веневе Тульской области в 1990 г. № 19692.
- Клянин Р.В. Отчет о раскопках на поселении Вединец 1 Кимовского р-на Тульской области в 1990 г. № 16895.
- Клянин Р.В. Отчет об охранных работах на археологическом комплексе у д. Городище Веневского р-на Тульской области в 1990 г. № 20484.
- Клянин Р.В. Отчет о работах на поселении Вединец 1 Кимовского р-на Тульской области в 1991 г. № 16823.
- Клянин Р.В. Отчет об охранных работах на курганной группе у д. Свиридово Веневского р-на Тульской области в 1991 г. № 16843.
- Клянин Р.В. Отчет о раскопках на поселении Вединец 1 Кимовского р-на Тульской области в 1992 г. № 17382.
- Клянин Р.В. Отчет об археологических разведках в Веневском р-не Тульской области в 1992 г. № 17429.
- Клянин Р.В. Отчет об археологических работах в г. Богородицке, г. Веневе и разведках в Богородицком и Веневском р-нах Тульской области в 1993 г. № 18348.
- Клянин Р.В. Отчет об археологических работах в Веневском р-не Тульской области в 1994 г. № 18743.
- Клянин Р.В. Отчет об охранных археологических работах на археологическом комплексе у д. Городище Веневского р-на Тульской области и на поселении Упа 2 в г. Туле в 1995 г. № 20202.

- Клянин Р.В. Отчет об археологических исследованиях в Веневском р-не Тульской области в 1996 г. № 19955.
- Клянин Р.В. Отчет об археологических изысканиях в Веневском и Заокском р-нах Тульской области в 1998 г. № 21958.
- * Клянин Р.В. Отчет об археологических исследованиях на поселении Вединец 1 Кимовского р-на Тульской области в 2000 г.
- Коваль В. Ю. Отчет об археологических разведках в Озерском р-не Московской области в 1991 г. № 16084.
- Коваль В. Ю. Отчет об археологических разведках в Озерском р-не Московской области в 1992 г. № 17426.
- Коваль В. Ю. Отчет об археологических разведках в Озерском и Луховицком р-нах в 1993 г. № 17732.
- Коваль В. Ю. Отчет об охранных археологических раскопках на городище Ростиславль и об археологических разведках в Озерском и Зарайском р-нах Московской области в 1994 г. № 20459.
- Коваль В. Ю. Отчет об археологических раскопках на городище Ростиславль и об археологических разведках в Озерском р-не Московской области в 1995 г. № 19532.
- Колобов В.М. Отчет о краеведческих разведках археологических и исторических памятников на территории Московской области в 1948 г. № 241.
- Кольцов Л.В. Отчет о раскопках стоянки Елин Бор в 1959 г. № 2000.
- Кольцов Л.В. Отчет о раскопках стоянки Елин Бор в 1961 г. № 2325.
- Кольцов Л.В. Отчет Верхневолжской экспедиции о работах в 1966 г. № 3385.
- Кольцов Л.В. Отчет Верхневолжской экспедиции о работах в 1967 г. № 3567.
- Кольцов Л.В. Отчет Верхневолжской экспедиции о работах в 1968 г. № 3706.
- Кольцов Л.В. Отчет разведочного отряда Верхневолжской экспедиции о разведках в Горьковской области в 1978 г. // Отчет Верхневолжской экспедиции 1978 г. № 8301.
- Кольцов Л.В. Отчет о полевых работах первого отряда Калининской экспедиции в Ржевском районе Калининской области в 1986 г. № 11750.
- Колышницын Н.В. Отчет об археологических раскопках на территории памятника архитектуры XVI-XVII вв. бывш. Иосифо-Волоколамского монастыря (Московская область) в 1974 г. № 5480.
- Колышницын Н.В. Памятник архитектуры XVI-XVII вв. Иосифо-Волоколамский монастырь. Успенский собор XVII в. Отчет об археологических раскопках 1975 г. № 5983.
- Колышницын Н.В. Отчет о проведении археологических раскопок на территории б. Пятницкого монастыря на Подоле в г. Загорске летом 1977 г. № 6777.
- Комаров К.И. Отчет о работе Ивановского отряда в 1989 г. № 14122.
- Косинский В.В. Отчет о полевых исследованиях на территории Красногорского р-на Московской области в 1959 г. № 1935.
- * Костылева Е.Л. Отчет о раскопках стоянки Сахтыш 2а в Тейковском районе Ивановской области в 2004 г.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Северо-Мещерского отряда Окской археологической экспедиции в мае – октябре 1978 г. № 6948.
- Кравцов А.Е. Отчет о работе Северо-Мещерской экспедиции МИРМ на территории Егорьевского р-на Московской области в 1979 г. № 7578.
- Кравцов А.Е. Отчет о работе Северо-Мещерской экспедиции на территории Егорьевского р-на Московской области в 1980 г. № 7832.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Северо-Мещерского отряда археологической экспедиции МИРМ в 1981 г. № 8508.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Северо-Мещерского отряда археологической экспедиции МИРМ в Егорьевском и Шатурском р-нах Московской области в 1982 г. № 9360.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Мещерского отряда археологической экспедиции МИРМ в Егорьевском и Шатурском р-нах Московской области в 1983 г. № 9581.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковного (Мещерского) отряда археологической экс-

- педиции МИРМ в Егорьевском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области в 1984 г. № 10893.
- Кравцов А.Е. Альбом к отчету за 1984 г. о работах в Егорьевском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области. № 10893а.
- Кравцов А.Е. Отчет о работе Подмосковского отряда экспедиции МИРМ в Орехово-Зуевском и Раменском р-нах Московской области в 1985 г. № 10597.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковского отряда археологической экспедиции МИРМ в Орехово-Зуевском р-не Московской области в 1986 г. № 11382.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковского отряда археологической экспедиции МИРМ в Егорьевском, Воскресенском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области в 1987 г. № 11878.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковского отряда археологической экспедиции МИРМ в Воскресенском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области в 1988 г. № 12529.
- Кравцов А.Е. Отчет о раскопках стоянки Дальний остров в Рузском р-не Московской области, раскопках и разведках на р. Нерской в Орехово-Зуевском р-не Московской области в 1989 г. № 14300.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах на мезолитической стоянке Ладыжино-3 в Тарусском р-не Калужской области в 1992 г. № 17404.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковского отряда археологической экспедиции МИГМ в Раменском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области в 1993 г. № 17779.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Мезолитической экспедиции ГИМ во Владимирской и Тверской областях в 1994 г. № 18730.
- Кравцов А.Е. Отчет о работах Мезолитической экспедиции ГИМ в Рузском и Зарайском р-нах Московской области в 1997 г. № 22731.
- Кравцов А.Е., Тавлицева Е.Ю. Отчет о разведках объединенной археологической экспедиции ГИМ-МИГМ на территории Зарайского р-на Московской области в бассейне р. Осетр в 1998 г. № 21857.
- Кравцов А.Е. Отчет о полевых исследованиях Мезолитической экспедиции ГИМ в Тарусском р-не Калужской области в 1999 г. № 24148-24150.
- Кравцов А.Е. Отчет о полевых исследованиях Мезолитической экспедиции ГИМ в Тарусском р-не Калужской области в 2000 г. № 23670, 23671.
- Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1961 г. № 2335.
- Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1964 г. № 2918.
- Крайнов Д.А. Отчет Верхневолжской экспедиции Института Археологии АН СССР за 1969 г. № 4008.
- Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1973 г. № 5033.
- Крайнов Д.А. Отчет Верхневолжской экспедиции ИА РАН СССР за 1974 г. № 5992.
- Крайнов Д.А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1979 г. № 7548.
- Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1983 г. № 9784.
- Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1989 г. № 13981.
- Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1988 г. № 14379.
- Краснов Ю.А. Отчет об археологических работах в Звенигородском, Рузском и Истринском р-нах Московской области в 1957 г. № 1432.
- Кренке Н.А. Отчет о раскопках на территории Государственного музея-заповедника «Коломенское» и разведках в Подольском и Истринском р-нах Московской области в 1985 г. № 11073.
- Кренке Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории заповедника «Коломенское» в 1994 г. и в бассейне р. Сукромки Мытищенского р-на Московской области. В 1993 г. № 18815.
- Крис Х.И. Отчет обследования археологических памятников лесопаркового пояса г. Москвы в 1970 г. № 4260.
- Крис Х.И. Отчет о работе Второго отряда Московской экспедиции в 1971 г. № 4469.
- Крис Х.И. Отчет об обследовании археологических памятников, расположенных в лесо-

- парковом защитном поясе г. Москвы в 1972 г. № 4808.
- Кропачев Г.В. Отчет об археологических разведках в Кировском р-не Калужской области в 1994 г. № 18808.
- Кропачев Г.В. Отчет об археологических разведках в Кировском р-не Калужской области в 1998 г. № 21836.
- Кропачев Г.В. Отчет об археологических разведках в Кировском р-не Калужской области в 2000 г. № 23669.
- Кузнецова Т.М. Отчет об исследовании стоянки Митино 5 в Заокском р-не Тульской области. 1987 г. № 11902.
- Кузнецова Т.М. Отчет об исследованиях стоянки Митино 5 в Заокском р-не Тульской области в 1989 г. № 15474.
- Куликова Е.Д. Отчет о раскопках на стоянке Маслово болото II в Московской области в 1982 г. № 11228.
- Леденев Р.И. Отчет о работах Талдомского отряда археологической экспедиции МИРМ в 1982 г. № 9097.
- Леонова Е.В. Отчет о раскопках стоянки Беливо 4Г в Орехово-Зуевском р-не Московской области в 1989 г. № 14425-14426.
- Леонова Е.В. Отчет о работах Подмосковского отряда археологической экспедиции МИГМ в Орехово-Зуевском р-не Московской области в 1990 г. № 15710.
- Леонова Е.В. Отчет о работах Подмосковского отряда археологической экспедиции МИГМ в Орехово-Зуевском и Балашихинском р-нах Московской области в 1991 г. № 15979.
- Леонова Е.В. Отчет о работах Подмосковского отряда археологической экспедиции МИГМ в Орехово-Зуевском р-не Московской области в 1994 г. № 19847.
- Леонова Е.В. Отчет о работах Мезолитического отряда Зарайской археологической экспедиции ИА РАН в 1998 г. № 22771, 22772.
- Леонтьев А.Е. Отчет о полевых исследованиях Волго-Окской экспедиции ИА РАН в 1992 г. № 17535.
- Лозовский В.М. Отчет об археологических работах на стоянке Замостье 2 и археологических разведках в Загорском районе Московской области в 1991 г. № 19024.
- Лозовский В.М. Отчет о раскопках стоянки Замостье 2 в Сергиево-Посадском районе Московской области в 1998 г. Сергиев Посад. 2000 г. № 23140.
- Любин В.П. Отчет о работе Окского отряда в пределах Заокского, Белевского, Плавского и Мордвесского р-нов Тульской области 1960 г. № 2177.
- Массалитина Г.А. Раскопки и разведки в Калужской области в 1995 г. № 19684-19685.
- Массалитина Г.А. Раскопки в Перемышльском и Юхновском р-нах Калужской области в 1999 г. № 23740.
- Мартьянов В.Н. Отчет об археологической разведке в Арзамасском, Первомайском и Шатковском районах Горьковской области в 1982 г. № 10048.
- Медведев А.П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского университета по исследованию памятников раннего железного века. 1980. № 7806.
- Медведев А.П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского университета по исследованию памятников сарматского времени. 1981 г. № 8499.
- Медведев А.П. Отчет о раскопках Вязовского могильника. 1983 г. № 9839.
- Миронова В.Г. Отчет о работе Тульского отряда ИА АН СССР. 1978 г. № 6933.
- Миронова В.Г. Отчет о работе Тульского отряда ИА АН СССР. 1977 г. № 7048.
- Миронова В.Г. Отчет о разведке в Валдайском р-не Новгородской области и разведке в Тульской области 1979 г. № 7494.
- Миронова В.Г. Отчет о работе Тульского отряда ИА АН СССР. 1980 г. № 10074.
- Миронос А.А. Отчет о работе Окского отряда археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1982 г. № 13374.
- Михайлова Л.А. Отчет о раскопках Великоозерской 1 стоянки на оз. Великом в Вязниковском р-не Владимирской области в 1979 г. № 7943.
- Молодцова Е.М. Разведки на территории Ивановской области в 1969 г. № 4007.
- Молодцова Е.М. Отчет о работе Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции в 1970 г. № 4554.

- Молодцова Е.М. Отчет о работе Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции в 1971 г. № 4590.
- Молодцова Е.М. Отчет о работе Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции в 1972 г. № 4922.
- Молодцова Е.М. Отчет о работе Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции в 1973-1974 гг. № 5814.
- Молчанов А.А. Отчет об археологической разведке Городенковского городища у д. Средняя Городня Серпуховского р-на Московской области 1979 г. № 7712.
- Молчанов А.А. Отчет об археологических раскопках 1980 г. Воскресенского собора в г. Волоколамске. № 8329.
- Мошинский А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Куликова поля в 1982 г. № 9968.
- Мошинский А.П. Отчет о работе группы Донского отряда Окско-Донской археологической экспедиции ГИМ. 1985 г. № 10717.
- Мошинский А.П. Отчет о раскопках могильника Верняя Рутха Северо-Осетинской АССР и разведках в Тульской области 1986 г. № 11582.
- Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях, проводившихся разведочным отрядом Тульского областного краеведческого музея в Ясногорском р-не. 1987 г. № 11991.
- Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Тульского кремля. 1988 г. № 12864.
- Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях в Кремле г. Тулы, на древнерусском поселении Монастырщина 5 и в Ясногорском р-не. 1989 г. № 13597.
- Наумов А.Н. Отчет об исследованиях в Тульской области в 1990 г. № 15498.
- Наумов А.Н. Отчет о раскопках на поселении Монастырщина 5 Кимовского р-на в 1991 г. № 16252.
- Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях в Кремле г. Тула в 1991 г. № 17196.
- Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях в Кремле г. Тула в 1992 г. № 17178.
- Наумов А.Н. Отчет об археологических исследованиях на поселении Монастырщина 5 Кимовского р-на и в Ясногорском р-не в 1992 г. № 17643.
- Наумов А.Н. Отчет о работах в Тульской области в 1993 г. № 17968.
- Наумов А.Н. Отчет о работах в Тульской области в 1994 г. № 18595.
- Наумов А.Н. Отчет о работах в г. Туле и области в 1995 г. № 19451.
- Наумов А.Н. Отчет об исследованиях в г. Туле и на Куликовом поле в 1996 г. № 20421.
- Наумов А.Н. Отчет о работе в г. Туле и области в 1997 г. № 21053.
- Наумова Т.В. Отчет об археологических исследованиях в г. Тула и пригороде в 1993 г. № 18010.
- Наумова Т.В. Отчет о раскопках на поселении Упа 2 в г. Туле. 1994 г. № 18594.
- Наумова Т.В. Отчет об археологических исследованиях в Белевском и Ясногорском р-нах Тульской области в 1995 г. № 19364.
- Наумова Т.В. Отчет об археологических исследованиях в Белевском и Арсеньевском р-нах Тульской области в 1996 г. № 20201.
- Недошивина Н.Г. Отчет о раскопках бескурганного славянского могильника у д. Бутырки Тульской области. 1986 г. № 11252.
- Недошивина Н.Г. Отчет о раскопках славянского грунтового могильника у д. Бутырки в Узловском р-не Тульской области. 1987 г. № 11929.
- Недошивина Н.Г. Отчет о раскопках поселения и бескурганного могильника близ д. Исаковские Выселки и курганов близ д. Бельково в Тульской области в 1989 г. № 14369.
- Недошивина Н.Г. Отчет о раскопках курганной группы близ д. Бельково Веневского р-на Тульской области в 1990 г. № 15577.
- Неклюдов А.Н. Отчет об археологических разведках в Солнечногорском р-не Московской области и в Зеленоградском р-не г. Москвы в 1984 г. № 10443.
- Неклюдов А.Н. Отчет об археологических раскопках на территории Иосифо-Волоколамского монастыря в 1984 г. № 10479.
- Неклюдов А.Н. Археологический отчет о работе в Московской области и г. Зеленограде за 1985 г. № 11243.

- Неклюдов А.Н. Археологический отчет о работе в Московской области за 1986 г. № 11244.
- Неклюдов А.Н. Археологический отчет за 1987 г. Разведки в г. Зеленограде и в Солнечногорском р-не Московской области. № 11914.
- Неклюдов А.Н. Отчет об археологических исследованиях, проводимых в Солнечногорском районе Московской области в 1988 г. № 14471.
- Неклюдов А.Н. Отчет об археологических раскопках в Солнечногорском р-не Московской области за 1989 г. № 13877.
- Неклюдов А.Н. Отчет об археологических исследованиях в Солнечногорском районе Московской области в 1990 г. № 15531.
- Неклюдов А.Н. Отчет об археологических разведках, проведенных Зеленоградским историко-краеведческим музеем в Солнечногорском р-не Московской области и в г. Зеленограде в 1991 г. № 17218.
- Неклюдов А.Н. Отчет об археологических разведках, проведенных Государственным Зеленоградским историко-краеведческим музеем в Солнечногорском р-не Московской области и в г. Зеленограде в 1993 г. № 18011.
- Неклюдов А.Н. Отчет об итогах охранных археологических работ, проведенных Государственным Зеленоградским историко-краеведческим музеем на поселении каменного века «Льялово-3» в Солнечногорском р-не Московской области в 1994 г. № 18218.
- Никитин А.В. Отчет об археологических разведках Засечной черты в районе Рязань — Тула за 1947-1948 гг. № 220.
- Никитин А.В. Отчет о полевых исследованиях Засечной черты в районе Тула – Венев – Одоев – Лихвин – Перемышль в 1949 г. № 325.
- Николаев Г.А. Отчет о раскопках поселения Чашка 1 Воскресенского р-на и поселения Беливо 2 Орехово-Зуевского р-на Московской области в 1988 г. № 13964.
- Обломский А.М. Отчет о разведках, проводившихся в 1999 г. на территории Тульской области. № 23652.
- Окороков А.В. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1986 г. на территории памятника архитектуры XV-XIX вв. Иосифо-Волоколамского монастыря в с. Тереяво Волоколамского р-на Московской области. № 11312.
- Ошибкина С.В. Отчет о работе I горьковского отряда ЧАЭ в низовьях р. Оки в 1969 г. № 3981.
- Патрик Г.К. Отчет о работе Плавского отряда ИА АН СССР в 1979 г. № 7729.
- Патрик Г.К. Отчет о работе Плавского отряда в 1980 г. № 7730.
- Патрик Г.К. Отчет о работе Плавского отряда в 1981 г. № 8862.
- Патрик Г.К. Отчет о работе Воронежского и Плавского отрядов ИА АН СССР. 1982 г. № 9425.
- Патрик Г.К. Отчет о работе Плавского отряда. 1983 г. № 9816.
- Пимакин Л.И. Предварительное сообщение о продолжении исследования городища Круглица в Раменском р-не Московской области в 1957 г. № 2144.
- Пимакин Л.И. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском р-не Московской области в 1956 г. № 1396.
- Полюлях А.А. Отчет о разведках археологической экспедиции МИРМ в Раменском р-не Московской области в 1989 г. № 14691.
- Полюлях А.А. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском и Балашихинском р-нах Московской области в 1990 г. № 15805.
- Полюлях А.А. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском и Балашихинском р-нах Московской области в 1991 г. № 16993.
- Полякова Г.Ф. Отчет об археологических работах в верховьях р. Оки в 1967 г. № 4345.
- Попова Т.Б. Отчет о разведках в Верейском р-не Московской области в 1950 г. № 525.
- Попова Т.Б. Отчет о работе археологической экспедиции ГИМ в Шатурском р-не Московской области в 1961 г. № 2279.
- Попова Т.Б. Отчет о раскопках Окской археологической экспедиции ГИМ в 1962 году

- (Горьковская область, Навашинский район, д. Малое Окулово). № 2582.
- Пронин Г.Н. Отчет о работе Тульского отряда ИА АН СССР в 1975 г. № 5912.
- Прошкин О.Л. Отчет о работе Калужской областной археологической экспедиции в Боровском районе Калужской области. 1986 г. № 11558.
- Прошкин О.Л. Отчет об археологических разведках и раскопках в 1991 г. № 16331-16332.
- Прошкин О.Л. Отчет об археологических разведках и раскопках в Брянской и Калужской областях. 1992 г. № 17028.
- Прошкин О.Л. Отчет об археологических исследованиях в Калужской области в 1996 г. № 20821.
- Прошкин О.Л. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской области. 1999 г. № 23394.
- Пряхин А.Д. Отчет об археологических разведках по р. Красивая Меча в пределах Тульской и Липецкой области 1963 г. № 2672.
- Рабинович М.Г. Отчет об археологических разведках в районе г. Волоколамска в 1947 г. № 120.
- Рабинович М.Г. Отчет об археологических разведках в Московской и Владимирской области в 1949 г. № 309.
- Равдина Т.В. Отчет об археологических разведках в зоне будущего Верхнеупинского водохранилища, произведенных Тульским отрядом в 1969 г. № 4056.
- Разуваев Ю.Д. Отчет археологического отряда Ефремовского краеведческого музея о разведке по р. Красивая Меча. 1982 г. № 9913.
- Разуваев Ю.Д. Отчет археологической экспедиции Ефремовского краеведческого музея. 1983 г. № 9898.
- Разуваев Ю.Д. Отчет об исследованиях в Верхнем Подонье в 1992 г. № 17035.
- Разуваев Ю.Д. Отчет об исследованиях в Тульской и Воронежской области в 1993 г. № 17883.
- Раушенбах В.М. Отчет о раскопках у д. Большое Буньково Ногинского р-на Московской области в 1946 г. № 62.
- Раушенбах В.М. Отчет о разведке в Ногинском и Орехово-Зуевском р-нах Московской области в 1947 г. № 126.
- Раушенбах В.М. Отчет о раскопках и разведках в Московской области в 1948 г. № 208.
- Раушенбах В.М. Отчет о работе Талдомской археологической экспедиции ГИМ в 1958 г. № 1761.
- Раушенбах В.М. Отчет о работе Талдомской археологической экспедиции ГИМ в 1959 г. № 1916.
- Раушенбах В.М. Отчет о раскопках в Талдомском р-не Московской области в 1960 г. № 2147.
- Раушенбах В.М. Отчет о работе Московской археологической экспедиции ГИМ за 1961 г. № 2283.
- Раушенбах В.М. Отчет о работах Талдомской археологической экспедиции ГИМ в 1962 г. № 2545.
- Раушенбах В.М. Отчет о работе Талдомской археологической экспедиции ГИМ в 1964 г. № 3063.
- Раушенбах В.М. Отчет о работе Талдомской археологической экспедиции ГИМ в 1966 г. № 3986.
- Рикман Э.А. Отчет о разведке на территории бывшего Тверского княжества в 1947 г. № 417.
- Рогачев А.Ю. Отчет об археологических исследованиях в Горьковской области, проведенных Горьковским университетом в 1983 г. № 9351.
- Рогачев А.Ю. Отчет о разведке археологического отряда Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по правому берегу р. Оки от г. Павлова до д. Пруды Павловского района Горьковской области, проведенной в 1979 г. № 7889.
- Рогачев А.Ю. Отчет о работе II (Костинского) отряда археологической экспедиции Горьковского университета в 1985 г. № 12357.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет о работе отряда Московской археологической экспедиции в 1956 г. № 1338.

- Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании археологических памятников на территории Московской области с целью выявления сохранности их на лето 1960 г. № 2042.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников на территории Московской области в 1961 г. № 2250.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании археологических памятников на территории Московской области в 1962 г. № 2432.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических разведках Московской области в 1965 г. № 3079.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет о полевых работах в Московской области в 1967 г. № 3484.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологической разведке на территории Московской области в 1970 г. № 4321.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет о раскопках курганной группы у д. Жуково Раменского р-на Московской области в 1973 г. № 5085.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет о раскопках курганов в группах у с. Федоскино Мытищинского р-на и у д. Жуково Раменского р-на в Московской области в 1975 г. № 5475.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1974 г. № 5596.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников на территории Московской области в 1975 г. № 5876.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет Разведочного отряда Московской экспедиции ИА АН СССР о проведении обследования состояния археологических памятников на территории Московской области в 1976 г. № 6462.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области и о работе Разведочного отряда Мещерской экспедиции в 1977 г. № 6679.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических исследованиях курганной группы Шейка в Истринском р-не Московской области в 1978 г. № 7273.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1978 г. № 7358.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1979 г. № 7862.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических исследованиях курганной группы Шейка I и II в Истринском р-не Московской области в 1979 г. № 8035.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1980 г. № 8116.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических исследованиях курганной группы Шейка I и Шейка II в Истринском р-не Московской области и курганной группы у с. Никитское в Домодедовском р-не Московской области в 1980 г. № 8319.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1981 г. № 8480.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических исследованиях курганной группы Шейка I и Шейка II в Истринском р-не Московской области в 1981 г. № 10043.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1982 г. № 9834.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических разведках на территории Московской области в 1985 г. № 11829.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических разведках на территории Московской области в 1986 г. № 11831.
- Сабурова М.А. Раскопки курганной группы в Раменском р-не Московской области в 1974 г. № 5616.
- Сафонов Б.А. Предварительный отчет о проведенной в 1946 г. Дзержинским городским краеведческим музеем археологической работе в пределах Волго-Окской низины (Балахнинской) и на юг от устья р. Клязьмы. № 44.
- Сафонов Б.А. Отчет об археологической работе, проведенной Дзержинским краеведческим музеем в 1946 г. на южной Приокской половине Волго-Окской (Балахнинской)

- низине и на противоположном ей правом берегу Оки. № 67.
- Сафонов Б.А. Отчет об археологических разведках в Горьковской области в 1948 г. № 250.
- Сафонов Б.А. Отчет об археологических обследованиях южной, Приокской части Волго-Окской (Балахнинской) низины, Горьковская область 1949 г. № 318.
- Сафонов Б.А. Отчет о произведенной в 1950 году Дзержинским, Горьковской области, краеведческим музеем археологической работе археологических исследованиях. № 442.
- Сафонов Б.А. Отчет о проведенной в 1951 году Дзержинским, Горьковской области, Краеведческим музеем археологической работе. № 626.
- Сергеева З.М. Отчет об обследовании курганных групп у д. Шустино и д. Пуриха Дмитровского р-на Московской области в 1967 г. № 3486.
- Сергин В.Я. Отчет об археологической разведке в Вязниковском и Гороховецком р-нах Владимирской области в 1969 г. № 4016.
- Сергин В.Я. Отчет об археологической разведке в Петушинском и Собинском р-нах Владимирской области в 1970 г. № 4206.
- Сидоров В.В. Отчет о разведках в Московской области в 1968 г. № 3723.
- Сидоров В.В. Отчет о полевой работе археологического отряда Московского областного краеведческого музея в 1969 г. № 4003.
- Сидоров В.В. Отчет о полевой работе археологического отряда Московского областного краеведческого музея. 1970 г. № 4353.
- Сидоров В.В. Отчет о разведках и раскопках в Московской области археологического отряда Московского областного краеведческого музея в 1971 г. № 4547.
- Сидоров В.В. Отчет о полевой работе археологического отряда МОКМ и Московского областного отделения ВООПИК в 1972 г. № 4888.
- Сидоров В.В. Альбом к отчету о полевой работе археологического отряда МОКМ и Московского областного отделения ВООПИК в 1972 г. № 4888а.
- Сидоров В.В. Отчет об исследовании памятников Подмосковья Тростенской экспедицией в 1973-1974 гг. № 5431.
- Сидоров В.В. Отчет о работе Московского отряда Окской экспедиции в 1975 г. № 5709.
- Сидоров В.В. Отчет о полевой работе археологического отряда МОКМ в 1976 г. № 6780.
- Сидоров В.В. Отчет о полевой работе Московского областного краеведческого музея в 1976 г. № 6870.
- Сидоров В.В. Отчет о полевой работе Неолитического отряда Волго-Окской экспедиции в 1980 г. № 9509.
- Сидоров В.В. Отчет о раскопках Неолитического отряда Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР на стоянках Маслово болота в Ногинском р-не Московской области в 1981 г. № 8505.
- Сидоров В.В. Отчет Пирютинского отряда о раскопках стоянки Ловцы 1 в Ярославской области и разведках в Московской области в 1987 г. № 14487.
- Сидоров В.В. Отчет Подмосковной экспедиции ИА АН СССР о раскопках стоянки Ловцы I и разведках в Ярославской и Московской областях в 1988 г. № 17371.
- Сидоров В.В. Отчет Подмосковной экспедиции. Лужковско-Ловецкий отряд в сезоне 1989 г. № 15433.
- Сидоров В.В. Отчет Первого отряда Подмосковной экспедиции в 1991 г. № 15568.
- Сидоров В.В., Энговатова А.В. Отчет Подмосковной экспедиции ИА РАН за 1992 г. № 17772.
- Сидоров В.В. Отчет о раскопках в Каширском и Серпуховском р-нах в 1993 г. № 17981-17982.
- Сидоров В.В. Раскопки селища Колтово (Каширский р-н) и стоянок Заболотского озера (Сергиево-Посадский р-н) в Московской области в 1995 г. № 20525-20526.
- Смирнов А.С. Отчет об исследованиях в 1980 г. № 8297.
- Смирнов А.С. Отчет о разведках в Брянской и Калужской областях в 1981 г. № 8215.
- Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Отчет о разведке Деснинской экспедиции в зоне затопления

- Владимирского водохранилища в 1980 г. № 8789.
- Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Отчет о работах в Калужской области в 1982 г. № 9168.
- Смирнов А.С. Отчет Деснинской экспедиции за 1983 г. № 8658.
- Смирнов А.С. Отчет о раскопках поселений Ново-Хотмирово 1, Ново-Хотмирово 2, курганной группы Смолино 2 в Рогнединском р-не Брянской области и зонах проектирования в 1984 г. № 10366.
- Смирнов А.С. Работы Деснинской экспедиции в Калужской и Брянской областях в 1985 г. № 11003.
- Смирнов А.С., Нигматуллин Р.А. Отчет о работе Деснинской экспедиции в Рогнединском р-не Брянской области и Хвастовичском р-не Калужской области в 1987 г. № 11908-11910.
- Смирнов А.С., Массалитина Г.А., Нигматуллин Р.А. Отчет о работе Деснинской экспедиции в Калужской и Брянской областях в 1988 г. № 12608-12615.
- Смирнов А.С. Отчет о работе Деснинской экспедиции в 1990 г. № 15454.
- Смирнов К.А. Отчет о разведках в бассейне р. Москвы в 1959 г. № 1885.
- Смирнов К.А. Отчет о работе Загорского, Московского Областного и Кимрского отрядов Московской экспедиции за 1968 г. № 3729.
- Смирнов К.А. Разведки в Московской области в 1969 г. № 4013.
- Смирнов К.А. Отчет о разведках в Талдомском и Шатурском р-нах Московской области в 1970 г. № 4231.
- Смирнов К.А. Отчет о работе Третьего отряда Московской экспедиции в 1971 г. № 4417.
- Смирнов К.А. Отчет об археологическом обследовании дьяковского городища у с. Митино в Заокском р-не Тульской области 1958 г. № 1706.
- Смирнова М.Е. Отчет о работе Тульского отряда Донской экспедиции ИА на селище Уткино Киреевского р-на Тульской области в 1989 г. № 13613.
- Смирнова М.Е. Отчет о раскопках городища Свисталовка в 1990 г. № 15436.
- Сорокин А.Н. Отчет об археологических разведках в Шатурском р-не Московской области, Гусь-Хрустальном р-не Владимирской области и Спас-Клепиковском р-не Рязанской области в 1975 г. № 5681.
- Сорокин А.Н. Отчет о работах в Спас-Клепиковском и Рязанском р-нах Рязанской области, Собинском и Гусевском р-нах Владимирской области в 1976 г. № 6166.
- Сорокин А.Н. Отчет о работах в Гусевском р-не Владимирской области в 1977 г. № 6791.
- Сорокин А.Н. Отчет о разведках и раскопках в 1980 г. № 8823.
- Сорокин А.Н. Отчет о раскопках в Брянской и Владимирской областях в 1981 г. № 8456.
- Сорокин А.Н. Отчет о разведках и раскопках в Рязанской области в 1982 г. № 8991.
- Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в Рязанской области в 1983 г. № 9480.
- Сорокин А.Н. Отчет о раскопках в Спасо-Клепиковском р-не Рязанской области в 1984 г. № 11001.
- Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в Рязанской области в 1985 г. № 11155.
- Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в Рязанской области в 1986 г. № 14552.
- Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в Рязанской и Владимирской областях в 1987 г. № 14058.
- Сорокин А.Н., Кузнецова Т.М. Отчет о раскопках в Жуковском р-не Брянской области и разведках на объектах мелиорации в Рязанской и Владимирской областях в 1988 г. № 12710.
- Сорокин А.Н. Отчет об исследованиях в зонах строительства автодорог и раскопках стоянки Шильцева Заводь 5 в Рязанской области в 1989 г. № 13786.
- Сорокин А.Н. Отчет о разведках и раскопках в зонах проектирования автодорог Рязанской и Владимирской областей в 1991 г. № 16086.
- Сорокин А.Н. Отчет о разведках в Рязанской области в зонах проектирования автодорог и газопровода-отвода в 1992 г. № 17136.
- Сорокин А.Н. Отчет Окской экспедиции об исследованиях в 1993 г. № 18492.

- Сорокин А.Н. Отчет о раскопках стоянки Шагара 4 в Клепиковском р-не Рязанской области в 1994 г. № 18970.
- Сорокин А.Н. Отчет о работе по теме: «Памятники археологии в зоне строительства Южной системы водоснабжения г. Москвы и Московской области за счет подземных источников в 1995 г.». № 19743.
- Ставицкий В.В. Отчет об исследованиях в Земетчинском и Наровчанском р-нах Пензенской области в 1992 г. № 17241.
- Станюкович А.К. Отчет о проведенных в 1975 г. археофизических и археологических исследованиях в г. Москве, Московской и Смоленской областях. № 5796.
- Станюкович А.К. Отчет об археологических и археофизических исследованиях в Московской и Рязанской области РСФСР и Крымской области УССР в 1976 г. № 6276.
- Станюкович А.К. Отчет об археологических и археофизических исследованиях в 1977 г. № 6801.
- Станюкович А.К. Отчет о комплексных археогеофизических исследованиях на территории Ленинского р-на Московской области и Анапского р-на Краснодарского края в 1978 г. № 7298.
- Станюкович А.К. Отчет о комплексных археогеофизических исследованиях на территории Ленинского р-на Московской области, Лыскинского р-на Воронежской области и Темрюкском р-не Краснодарского края в 1979 г. № 7998.
- Станюкович А.К. Отчет о комплексных археолого-геофизических исследованиях в г. Москве, Московской и Псковской областях и Приморском крае РСФСР, проведенных в 1980 г. № 8752.
- Станюкович А.К. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории г. Москвы, Солнечногорского, Подольского, Раменского и Ленинского р-нов Московской области в 1981 г. № 8908.
- Станюкович А.К. Отчет о раскопках Никольского и Менделеевского курганных могильников и обследовании археологических памятников на территории Московской области в 1982 г. № 9083.
- Станюкович А.К. Отчет об охранных раскопках древнерусских курганных могильников на территории Солнечногорского р-на Московской области в 1983 г. № 9570.
- Станюкович А.К. Отчет об обследованиях Менделеевского курганного могильника в 1984 г. № 10275.
- Станюкович А.К. Отчет об археологических исследованиях средневековых памятников Калужской и Московской области, проведенных в 1986 г. № 12492.
- Судаков В.В. Отчет об археологических разведках на территории Рязанского и Захаровского р-нов Рязанской области в 1985 г. № 10436.
- Тавлицева Е.Ю. Отчет о работах на древнерусском селище Заозерье в Раменском р-не Московской области в 1994 г. № 18926.
- Тавлицева Е.Ю. Отчет о раскопках селища Заозерье 2 в 1995 г. № 20287.
- Травкин П.Н. Отчет Ивановского разведывательного отряда в 1985 г. № 11057.
- Трофимов Н.Г. Отчет об археологической разведке в Чернском р-не Тульской области 1970 г. № 4367.
- Трофимов Н.Г. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Снежеди Чернского р-на Тульской области 1971 г. № 4419.
- Трофимов Н.Г. Отчет о раскопках Ташлыковских курганов и разведке по р. Снежедь. 1973 г. № 10054.
- Трусов А.В. Отчет о разведке в Спасо-Клепиковском и Рязанском р-нах Рязанской области Среднеозерным отрядом Окско-Мещерской экспедиции ИА АН СССР летом 1975 г. № 6025.
- Трусов А.В. Отчет о разведке в Клепиковском и Спасском р-нах Рязанской области Отдельной группой Мещерского отряда Окской экспедиции летом 1976 г. № 6504.
- Трусов А.В. Отчет о разведке в Клепиковском, Спасском и Шиловском р-нах Рязанской области и раскопок стоянок Совка 1 и Совка 3 (г. Клепики Рязанской области), а также о раскопках стоянки Альба 1 (Дмитровский р-н Московской области) в 1977 г. № 6565, 6565а.

- Трусов А.В. Отчет о работе в Спасском р-не Рязанской области и о работах на стоянке Альба 1 в Московской области летом 1978 г. № 7021.
- Трусов А.В. Отчет о разведках и раскопках в Рязанской и Московской областях в 1979 г. № 7676.
- Трусов А.В. Отчет о работах Московской области в 1980 г. № 7677.
- Трусов А.В. Альбом к отчету о работах в Московской области в 1980 г. № 7677а.
- Трусов А.В. Отчет о разведке памятников эпохи палеолита в бассейне р. Оки. 1988 г. № 12991-12992.
- Трусов А.В. Отчет о раскопках Зарайской палеолитической стоянки и обследовании местонахождения кремневых изделий у с. Поречье. 1989 г. № 14427.
- Трусов А.В. Отчет о работе в Каширском, Ступинском и Зарайском р-нах Московской области в 1990 г. № 15908-15909.
- Трусов А.В. Отчет о разведочных работах в Зарайском районе Московской области летом 1998 г. № 22105.
- Трусов А.В. Отчет о раскопках стоянки Трегубово 2 (Московской обл., Зарайский район) и разведках в Коломенском районе Московской обл. и Шиловском районе Рязанской обл. в 1999 г. № 22485.
- Трусов А.В. Отчет о раскопках стоянки Трегубово 2 (Московская обл., Зарайский р-н) и стоянки Шатрище 2 (Рязанская обл., Спасский р-н) в 2000 г. № 24280.
- Трусов А.В. Отчет о раскопках стоянки Трегубово 2 (Московская обл., Зарайский р-н), шурфовке стоянки Иванчиково 2 (Московская обл., Зарайский р-н) и раскопках стоянки Шатрище 2 (Рязанская обл., Спасский р-н) в 2001 г. № 24984.
- Успенская А.В. Отчет о раскопках на селище Ратмино близ г. Дубны Московской области в 1963 г. № 2762.
- Успенская А.В. Отчет о Дубненской археологической экспедиции 1965 г. № 3116.
- Фехнер М.В. Отчет о полевых археологических работах в Богородском и Павловском районах Горьковской области в 1951 г. № 561.
- Фехнер М.В. Отчет о раскопках близ д. Большое Буньково Ногинского р-на Московской области в 1953 г. № 864.
- Фехнер М.В. Отчет о раскопках близ д. Большое Буньково Ногинского р-на Московской области в 1954 г. № 968.
- Фоломеев Б.А. Отчет об охранных и разведочных археологических работах в Рязанском районе и Спасо-Клепиковском районе Рязанской области в 1968 г. № 3639.
- Фоломеев Б.А. Отчет об археологических раскопках в Рязанском и Клепиковском р-нах Рязанской области в 1970 г. № 4369.
- Фоломеев Б.А. Отчет о разведках в Рязанском и Рыбновском районах Рязанской области в 1975 г. № 5872.
- Фоломеев Б.А. Отчет о разведках в Клепиковском районе Рязанской области в 1976 г. № 6500.
- Фоломеев Б.А. Отчет Окско-Донской экспедиции ГИМа. 1982 г. № 9830.
- Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окско-Донской археологической экспедиции ГИМа за 1983 г. № 9663.
- Фоломеев Б.А. Отчет Окско-Донской экспедиции ГИМа. 1984 г. № 10359.
- Фоломеев Б.А. Отчет о работах Окской археологической экспедиции ГИМа за 1986 г. № 11562.
- Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окской археологической экспедиции ГИМа за 1987 г. № 12004.
- Фоломеев Б.А. Отчет о работах Окской экспедиции ГИМа в Клепиковском и Спасском районах Рязанской области, Мичуринском р-не Тамбовской области в 1988 г. № 12557.
- Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окско-Донской археологической экспедиции ГИМа за 1991 г. № 16450.
- Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окско-Донской археологической экспедиции ГИМа за 1992 г. № 17798.
- Фомин А.М. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Теша в пределах Арзамасского р-на в 1991 г. № 16428.
- Фомин А.В. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Теша в пределах Ардатов-

- ского р-на Нижегородской области в 1993 г. № 16428.
- Фомин К. Н. Отчет о разведочных археологических исследованиях в Ленинском и Киреевском р-нах Тульской области в 1994 г. № 18721.
- Фомин К.Н. Отчет об археологических разведках в Ленинском и Щекинском р-нах Тульской области в 1995 г. № 19758.
- Фомин К.Н. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Синетулица Ленинского р-на Тульской области в 1997 г. № 20706.
- Фомин К.Н. Отчет об археологических разведочных исследованиях в Ленинском и Ясногорском р-нах Тульской области в 1998 г. № 21373.
- * Фомин К.Н. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 2000 г.
- Формозов А.А. Отчет об археологических разведках в Калужской области в 1951 г. № 536.
- Фосс М.Е. Отчет о раскопках в Ногинском р-не Московской области близ с. Бисерово в 1951 г. № 648.
- Фролов А.С. Отчет о полевых исследованиях в Спасо-Клепиковском р-не Рязанской области в 1975 г. № 5748
- Фролов А.С. Отчет о полевых исследованиях в 1976 г. № 6503.
- Фролов А.С. Отчет о полевых исследованиях в Калужской и Тульской области 1977 г. № 7219.
- Фролов А.С. Отчет о сборах подъемного материала со стоянки Заозерье в Раменском р-не Московской области в 1983 г. № 9609.
- Фролов А.С. Отчет о раскопках в 1984 г. стоянки Заозерье I в Раменском р-не Московской области. № 10424.
- Фролов А.С. Отчет о разведках в 1985 г. № 10761.
- Фролов А.С. Отчет об археологических разведках в Калужской области в 1986 г. № 11820.
- Фролов И.К. Отчет о работе Среднерусской экспедиции на территории Калужской области в 1980 г. № 8788.
- Фролов И.К. Отчет о разведках в Калужской и Орловской областях Среднерусской экспедиции в 1981 г. // № 10655.
- Цветкова И.К. Отчет о работе в Рязанской и Горьковской области за 1951 г. № 592.
- Цветкова И.К. Альбом фотографий и рисунков работ. 1951 г. Московская и Горьковская области. № 593.
- Цветкова И.К. Отчёт о работе Нижнеокской археологической экспедиции. 1956 г. № 1270.
- Цветкова И.К. Отчет о работе Московской экспедиции в Ногинском р-не Московской области в 1981 г. № 8844.
- Цветкова И.К. Отчет о работе Горьковской археологической экспедиции. 1982 г. № 9916.
- Цветкова И.К. Отчет о работе Горьковской археологической экспедиции в Горьковской области в 1983 г. № 9912.
- Челяпов В.П. О разведочных работах на территории Рязанской области, проведенных в 1976 г. № 6155.
- Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 1986 г. № 11310.
- Ченцов Ю.С. Отчет об археологических разведках в районе г. Пушино на Оке в 1968 г. № 3805.
- Чернай И.Л. Отчет об обследовании городища дьяковской культуры и селищ XIV-XVII вв., расположенных у д. Боршева. 1971 г. № 4409.
- Чернай И.Л. Отчет по археологическому обследованию памятников, расположенных у д. Боршева Раменского р-на Московской области, в 1972 г. № 4703.
- Чернай И.Л. Отчет об археологических разведках в Раменском р-не Московской области в 1973 г. № 4995.
- Чернай И.Л. Отчет об археологических разведках в Раменском районе Московской области в 1974 г. № 5513.
- Чернай И.Л. Отчет об археологических разведках в Раменском р-не Московской области в 1975 г. № 5721.
- Чернай И.Л. Отчет об археологических раскопках и разведках в Раменском р-не Московской области в 1976 г. № 6266.
- Чернай И.Л. Отчет об археологических раскопках Селецкого городища в Раменском р-не Московской области в 1977 г. № 6238.

- Чернай И.Л. Отчет об археологических раскопках Селецкого городища в Раменском р-не Московской области в 1978 г. № 8114.
- Чернай И.Л. Отчет об археологических разведках в Захаровском, Рыбновском и Пителинском районах Рязанской области в 1984 г. № 10106.
- Чернай И.Л. Отчет об археологических разведках в Щекинском р-не Тульской области. 1985 г. № 10411.
- Чернай И.Л. Отчет об археологической разведке на территории ряда р-нов Тульской, Рязанской и Липецкой областей 1987 г. № 11925.
- Чернай И.Л. Отчет об археологических разведках в Чаплинском р-не Липецкой области и Щекинском р-не Тульской области. 1988 г. № 12892.
- Чернай И.Л. Отчет о разведке в Щекинском р-не Тульской области. 1989 г. № 14810.
- Чернай И.Л. Отчет об археологической разведке в Щекинском и Одоевском р-нах Тульской области в 1990 г. № 15079.
- Черников В.Ф. Отчет о работе 3-его разведочного отряда Горьковской экспедиции за 1959 г. № 1990.
- Черников В.Ф. Отчет о разведке Первого отряда Горьковской археологической экспедиции за 1960 г. № 2219.
- Черников В.Ф. Отчет о работе Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника за 1962 г. № 2520.
- Черников В.Ф. Отчет о работе Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника за 1961 г. № 2233.
- Чернов С.З. Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский р-ны Московской области) в 1976 г. № 6409.
- Чернов С.З. Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский р-ны Московской области) в 1977 г. Ч. 1-8. № 6692-6699.
- Чернов С.З. Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский р-ны Московской области) в 1978 г. Ч. 1-6. № 6985-6990.
- Чернов С.З. Отчет об археологических раскопках в бассейне р. Вори (Загорский р-н Московской области) и изучении Кенского волака (Плесецкий р-н Архангельской области) в 1979 г. Ч. 1-2. № 7520-7521.
- Чернов С.З. Отчет об археологических разведках и раскопках в бассейне р. Вори (Загорский р-н Московской области) в 1980 г. Ч. 1-6. № 8059-8064.
- Чернов С.З. Отчет об археологических раскопках в бассейне р. Вори (Загорский р-н Московской области) в 1981 г. Ч. 1-2. № 8554-8555.
- Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский р-ны Московской области) в 1983 г. № 9728 а-г.
- Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский р-ны Московской области) на территории проектируемой трестом «Мособлстройреставрация» зоны охраны древнего города Радонежа в 1984 г. № 11171-11172.
- Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский и Пушкинский р-ны Московской области) в районе музея-усадьбы Мураново и зон охраны древнего города Радонеж в 1986 г. № 11763.
- Чернов С.З. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в Москве и Московской области в 1989 г. Раскопки на месте Шавыкина монастыря в Загорском р-не. № 14022.
- Чернов С.З. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических исследованиях в Москве и Московской области в 1990 г. Ч. 6: Отчет об археологических раскопках в с. Радонеж Загорского р-на Московской области № 15198.
- Чернов С.З. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических исследованиях в Москве и Московской области в 1990 г. Ч. 6: Альбом к отчету об археологических раскопках в с. Радонеж Загорского р-на Московской области № 15554.

- Чернов С.З. Отчет Московской археологической экспедиции о разведках в Сергиево-Посадском и Можайском р-нах Московской области в 1992 г. Ч. 1-2. № 17313-17314.
- Чернов С.З. Отчет Московской археологической экспедиции о разведках в Сергиево-Посадском р-не Московской области в 1994 г. Ч. 1-6. № 19701-19705.
- Шакулова Л.Д. Отчет о раскопках в Навашинском районе Горьковской области в 1988 г. № 13260.
- Шаталова Н.В. Отчет об археологических разведках в Рязанском р-не Рязанской области в 1992 г. № 17459.
- Шаталова Н.В. Отчет об археологических разведках в Сапожковском р-не Рязанской области в 1993 г. № 17761.
- Шахматова М.П. Маршрут по рекам Лух и Теза в 1961 г. № 2620.
- Шебанин Г.А. Отчет об археологических разведках в Богородицком р-не Тульской области в 1994 г. № 18950.
- Шебанин Г.А. Отчет об археологических разведках в Богородицком р-не Тульской области в 1995 г. № 19487.
- Шебанин Г.А. Отчет об археологических исследованиях в Богородицком и Узловском р-нах Тульской области в 1996 г. № 20315.
- Шебанин Г.А. Отчет об археологических исследованиях в Богородицком и Узловском р-нах Тульской области 1997 г. № 21179.
- Шебанин Г.А. Отчет об археологических исследованиях в Киреевском и Богородицком р-нах Тульской области в 1999 г. № 23485.
- Шебанин Г.А. Отчет об археологических исследованиях в Узловском и Киреевском р-нах Тульской области в 2000 г. № 23132.
- Шеков А.В. Отчет об археологической разведке, проводившейся Тульской археологической экспедицией в Щекинском р-не в 1991 г. № 16491.
- Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях в Дубенском и Щекинском р-нах и на поселении Слободка 2 Ленинского р-на Тульской области в 1992 г. № 17447.
- Шеков А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Туле в 1993 г. № 17748.
- Шеков А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории Тулы в 1994 г. № 18666.
- Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях в Плавском, Белевском и Дубенском р-нах Тульской области в 1994 г. № 18910.
- Шеков А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории городища и поселения 1 у с. Супруты Щекинского р-на Тульской области в 1995 г. № 20226.
- Шеков А.В. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1996 г. № 20271.
- Шеков А.В. Отчет об исследованиях на Куликовом поле в 1998 г. № 24235.
- Шитов В. Н. Отчет об археологической экспедиции в Кадомском Примокшанье. 1977 г. № 6917.
- Шполянский С. В. Отчет об археологических исследованиях в Подольском и Ленинском р-нах Московской области в 1995 г. № 19319.
- Шполянский С. В. Отчет об археологических исследованиях в Подольском и Ленинском р-нах Московской области в 1996 г. № 20256.
- Энговатова А.В. Отчет о раскопках в Орехово-Зуевском и Шатурском р-нах Московской области в 1988 г. № 14475, 14476.
- Энговатова А.В. Отчет о разведочных работах в Подмосковье в зонах проектируемого мелиоративного строительства и проектируемых рекультивационных работ в 1989 г. № 13812.
- Энговатова А.В. Отчет 2 отряда Подмосковной экспедиции за 1991 г. № 15975.
- Энговатова А.В. Отчет Второго отряда Подмосковной экспедиции за 1992 г. № 17772.
- * Энговатова А.В. Отчет о разведках в Дмитровском районе Московской области в 2005 г.
- * Энговатова А.В. Отчет об охранных раскопках стоянки Альба 8 в Дмитровском районе Московской области.
- Юшко А.А. Отчет о работе Подольского отряда Московской экспедиции в 1968 г. № 3707.

Юшко А.А. Отчет о работе Второго разведочного отряда Московской экспедиции в 1970 г. № 4215.

Юшко А.А. Отчет об археологических исследованиях берегов рек Лиховы, Незнайки, Десны и частично Пахры (Московская область) в 1971 г. № 4529.

Юшко А.А. Отчет о раскопках городища у с. Степаново Сычевского р-на Смоленской области, у д. Макаровка Тульской области и обследовании памятников в бассейне р. Пахры и ее притока Десны в Московской области в 1972 г. № 5077.

Юшко А.А. Отчет о работе Звенигородского отряда Московской экспедиции в 1976 г. № 6200.

Юшко А.А. Отчет о работе разведочного Подмосковского отряда в 1977 г. № 6249.

Юшко А.А. Отчет об археологических раскопках на территории Московской области в 1978 г. № 7991.

Юшко А.А. Отчет об археологических исследованиях в г. Москве и Московской области в 1979 г. № 8639.

Юшко А.А. Отчет о работах в Московской области в 1980 г. № 9081.

Юшко А.А. Отчет о работе разведочного Подмосковского отряда в Московской и Владимирской областях в 1981 г. № 8658.

Янишевский Б.Е. Отчет об археологических разведках в Можайском, Рузском, Одинцовском и Люберецком р-нах Московской области в 1991 г. № 17189.

Янишевский Б.Е. Отчет об археологических разведках на территории Можайского р-на Московской области в 1995 г. № 19511.

Ястржембский Л.А. Отчет о раскопках курганов у ст. Истра в 1955 г. № 1190.

Архив ИА РАН. Р-2:

Бадер О.Н. Археологическая карта бассейна р. Учи. № 941.

Янитс К.Л. Кремневый инвентарь стоянок кундасской культуры. Дис. ... канд. ист. наук. Таллин. 1989. № 2450.

Архив ИА РАН. Р-4:

Архив К.Я. Виноградова.

Архив ИИМК РАН:

Арциховский А.В. Отчет о раскопках в Московской и Владимирской губернии // Раскопки Бородинского городища. 1926.

Арциховский А.В. Отчет о раскопках в Можайском уезде Московской губернии в 1927 г. Ф. 2. Оп. 1. 1928. № 146.

Арциховский А.В. Дневник раскопок близ д. Тихоново на левом берегу р. Москвы летом 1928 г. Ф. 2. Оп. 1. 1928. № 225.

Арциховский А.В. Дневник раскопок на правом берегу Москвы-реки (Тушков городок) в 1929 г. Ф. 2. Оп. 1. 1929. № 277.

Виноградов К.Я. Раскопки в бассейне р. Истра. Ф. 2. Оп. 1. 1926. № 111.

Виноградов К.Я. Дневники, чертежи и отчет о раскопках и разведках в Воскресенском, Можайском и Волоколамском у. Московской губ. Ф. 2. Оп. 1. 1926. № 112.

Виноградов К.Я. Раскопки и разведки в Воскресенском, Можайском и Волоколамском уездах Московской губернии в 1926 г. Ф. 2. Оп. 1. 1927. № 173.

Виноградов К.Я. Дневник археологических раскопок в Звенигородском уезде Московской губернии за 1927 г. Ф. 2. Оп. 1. 1926. № 170. Ф. 2. Оп. 1. 1927. № 172.

Виноградов К.Я. Краткий отчет с фотографиями о раскопках в Московской области. Ф. 2. Оп. 1. 1931. № 801.

Байбурт Е.А. Археологическая разведка р. Маглуши, притока М. Истры. Ф. 2. Оп. 1. 1924. № 177.

Брюсов А.Я., Липеровская Е.Н., Городцов М.В. Отчет о разведках, проведенных студентами ФОН МГУ в Воскресенском и Подольском уездах в 1923 г. Ф. 2. Оп. 1. 1923. № 95.

Гендуне Ю.Г. О раскопках в Калужской, Московской и Тульской губерниях в 1901 г. Ф. 1. Оп. 1. 1901. № 39.

Городцов М.В., Смирнов А.П. Археологическая разведка верховьев р. Истры и ее притоков Ф. 2. Оп. 1. 1924. № 177.

Давидович А.В. Предварительный отчет об обследовании по р. Оке в 1939 г. Горьковского краеведческого музея. Ф. 35. 1939. № 98.

Евтюхова Л.А., Дмитриевская А.В. Археологическая карта р. Малой Истры и р. Молодильни с притоками по разведкам, произведенным летом 1924 г. Ф. 2. Оп. 1. 1924. № 177.

Мендиаров Л.Я. Отчет о работах Горьковского областного краеведческого музея в 1940 г. Ф. 35. № 5.

Жуков Б.С. Отчет о работе в центральных областях РСФСР в 1928 и 1929 гг. Ф. 2. Оп. 1. 1929. № 128.

Гендуне Ю.Г. Отчет по изучению памятников старины Клинского и Дмитровского уездов Московской губернии в 1908 г. Р. 4. № 105.

Смирнов Н.А. Отчет о раскопках в Клинском уезде Московской губернии в 1902 г. Ф. 1. 1902. № 111.

Архив Отдела археологических сводов и карт ИА:

Розенфельдт Р.Л. Материалы к археологической карте Московской области. 1988.

ОПИ ГИМ:

Фонд В.А. Городцова. Ф. 431. Ед. хр. 60.

Архив В.А. Городцова. Ф. 431. Ед. хр. 134.

Архив МОКМ:

Архив К.Я. Виноградова (без номера).

Каталог Румянцевского музея:

№ 4046. Ед. хр. 22/2.

Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки:

Милонов Н.П. 1936. Археологические исследования некоторых раннефеодальных городов. Ф. 177. Ед. хр. 43. Картон 46.

АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

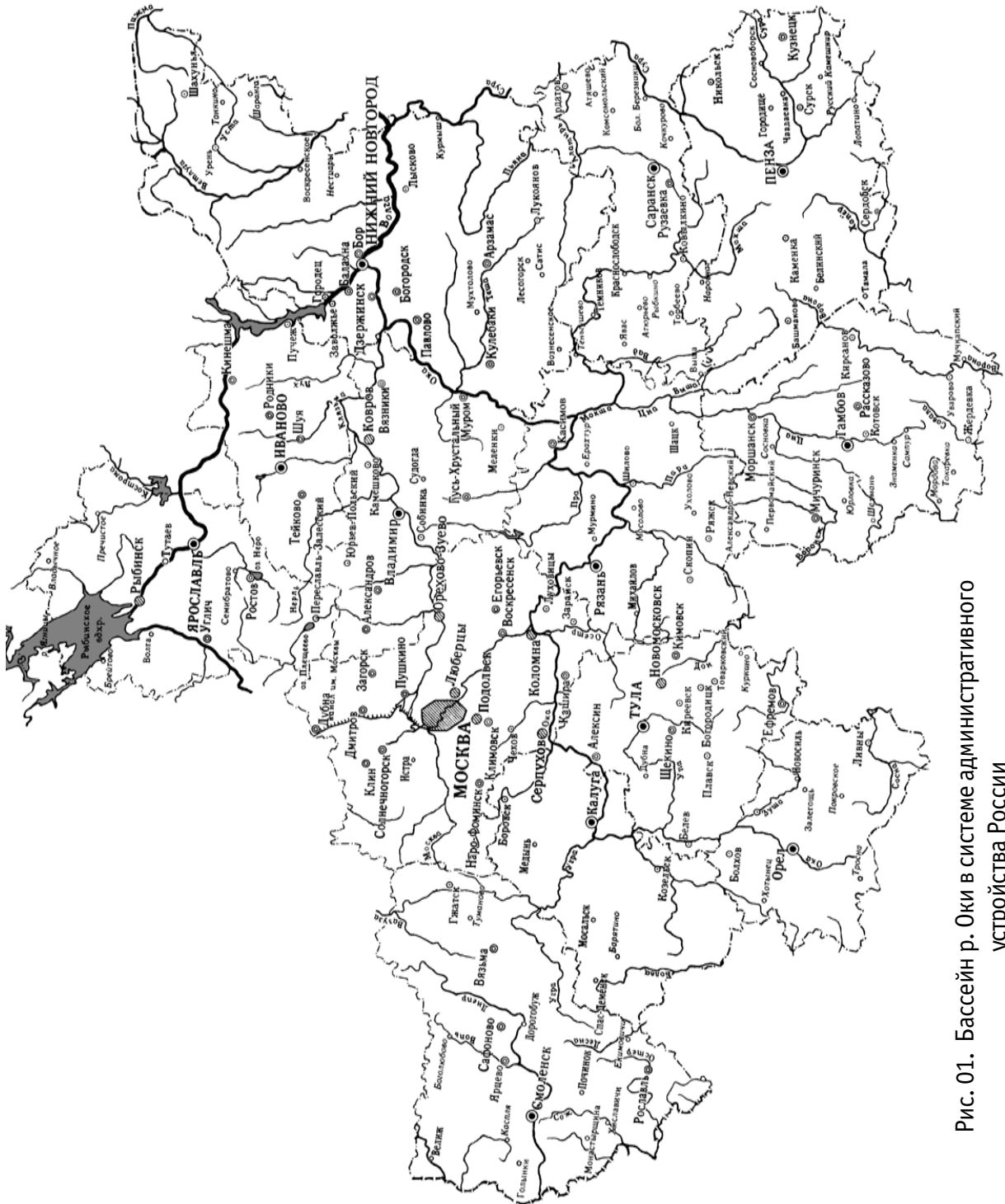

Рис. 01. Бассейн р. Оки в системе административного устройства России

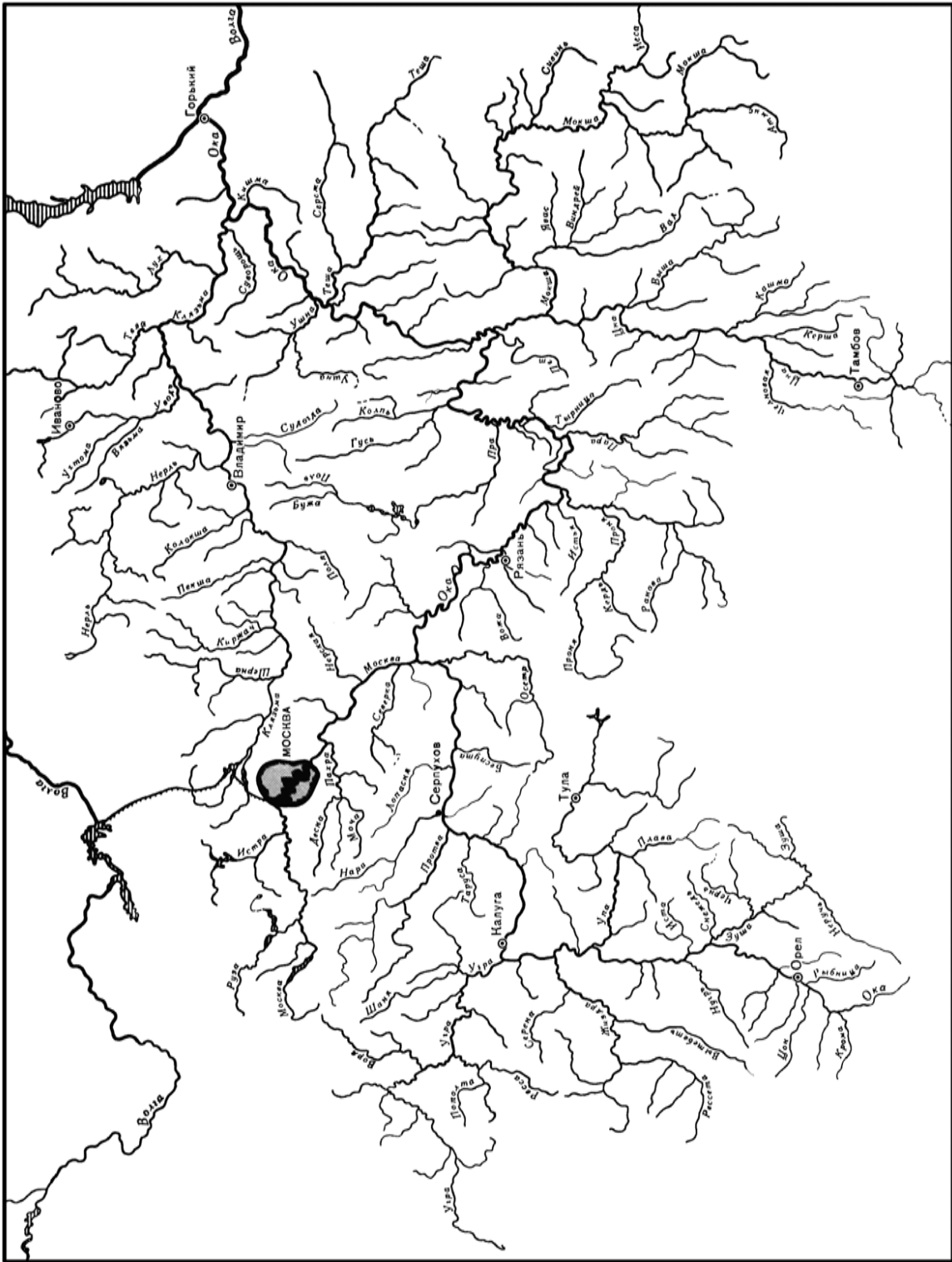

Рис. 02. Гидрография бассейна р. Оки (по Г.П. Смолицкой, 1976)

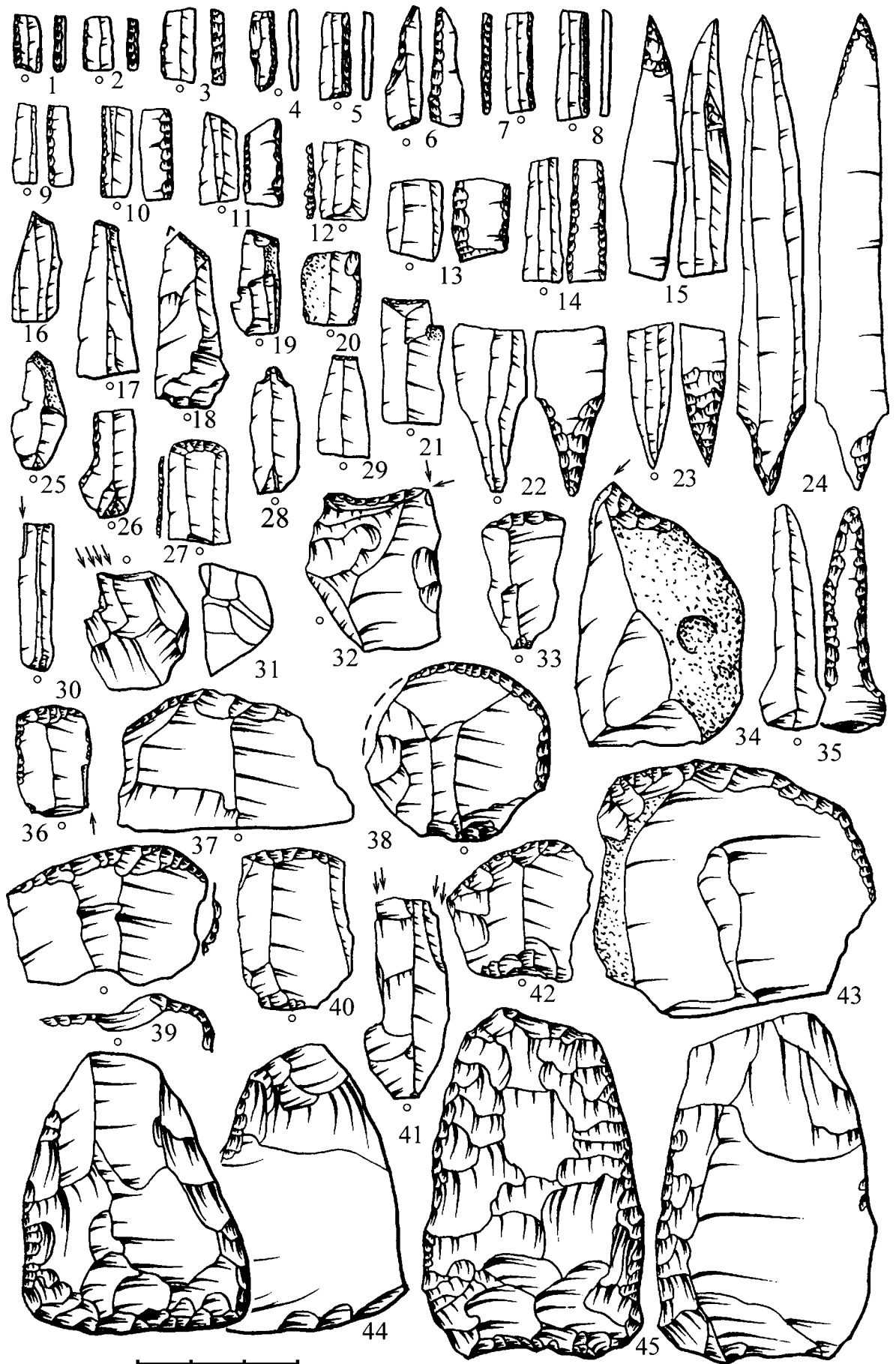

Рис. 03. Стоянка Задне-Пилево 1. Сводная таблица. Эталонный памятник «бутовской» культуры

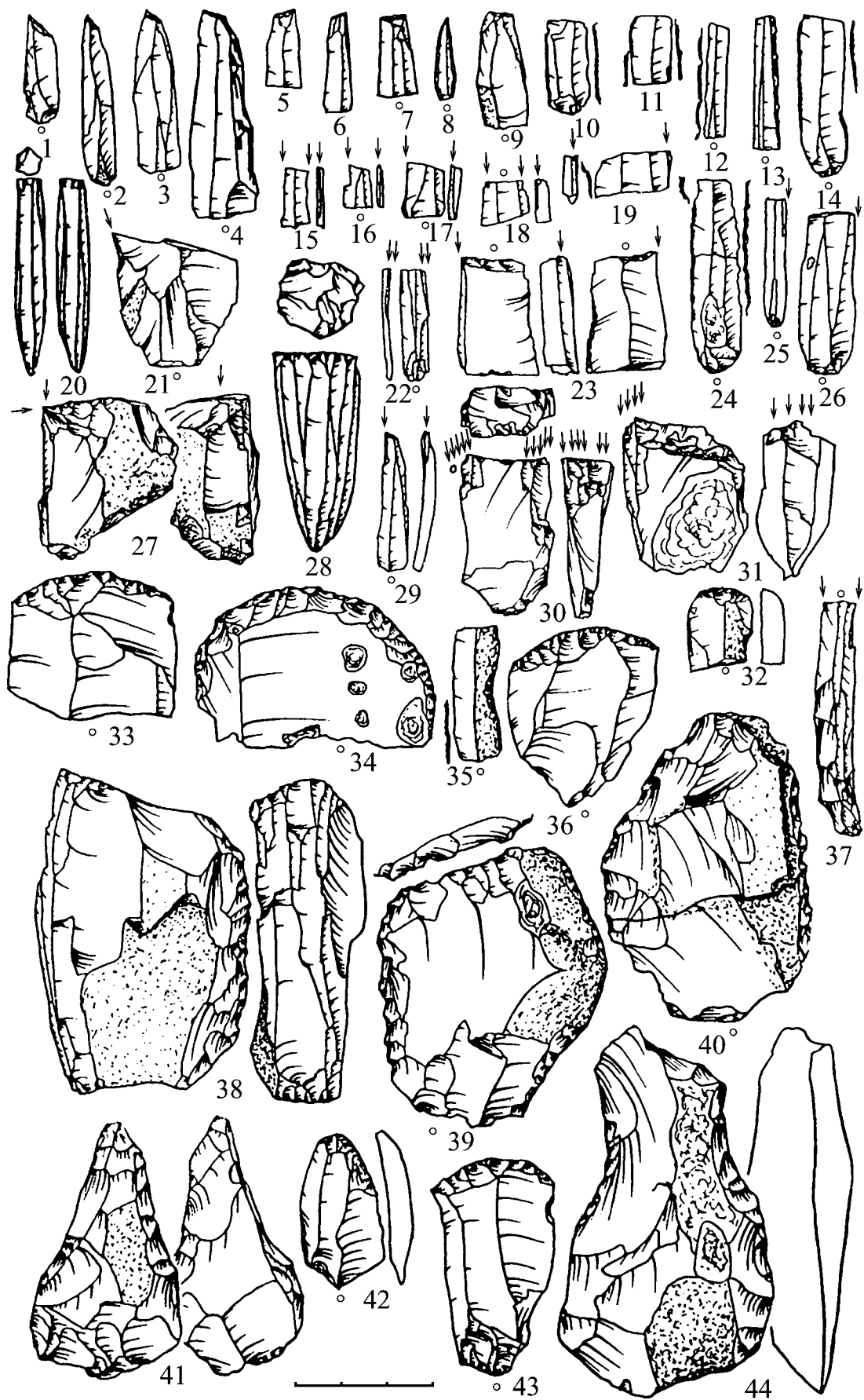

Рис. 04. Стоянка Култино 1. Сводная таблица.
Эпонимный эталонный памятник култинской культуры

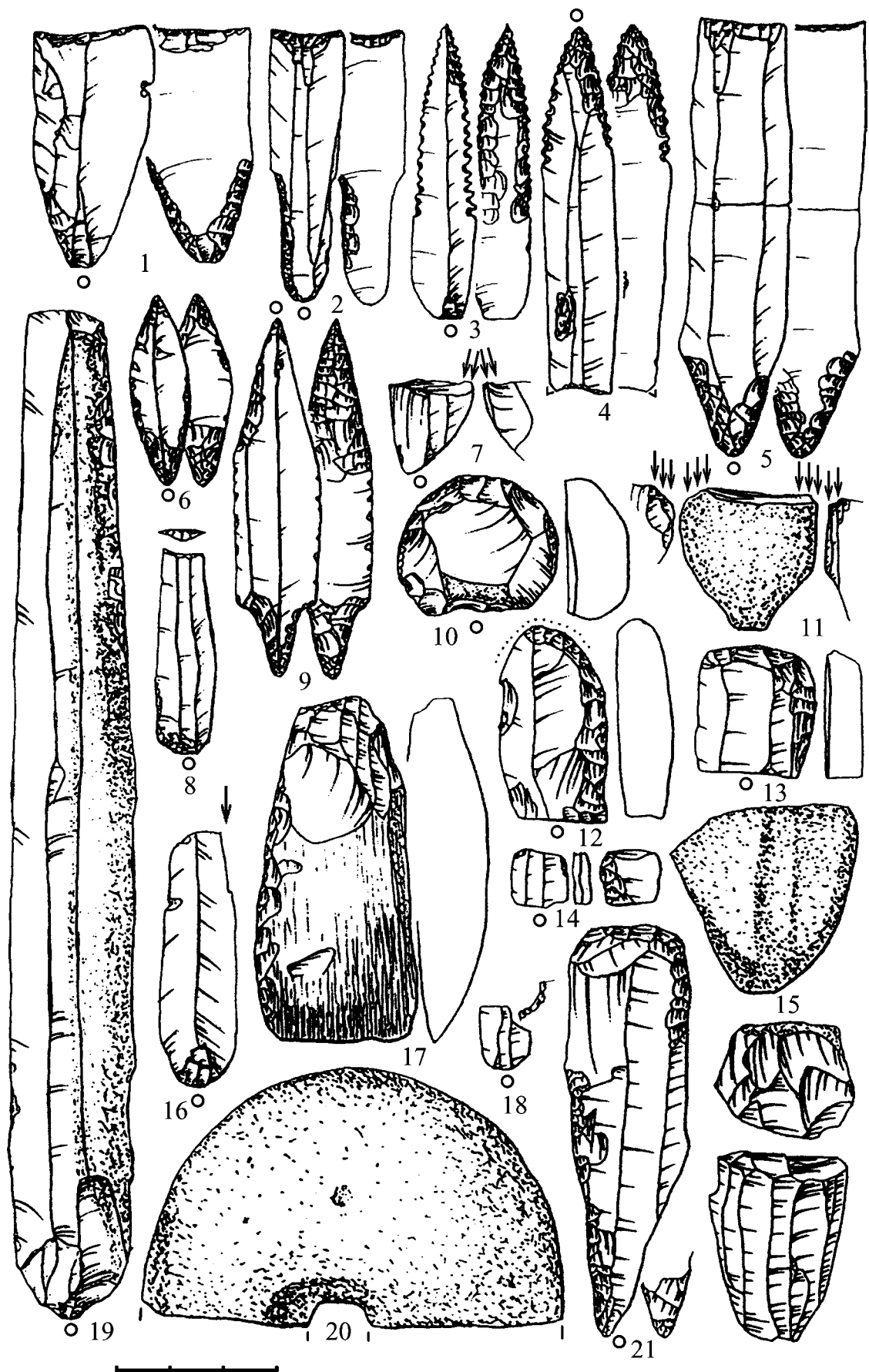

Рис. 05. Стоянка Пургасово 3. Сводная таблица.
Эпонимный эталонный памятник пургасовской культуры

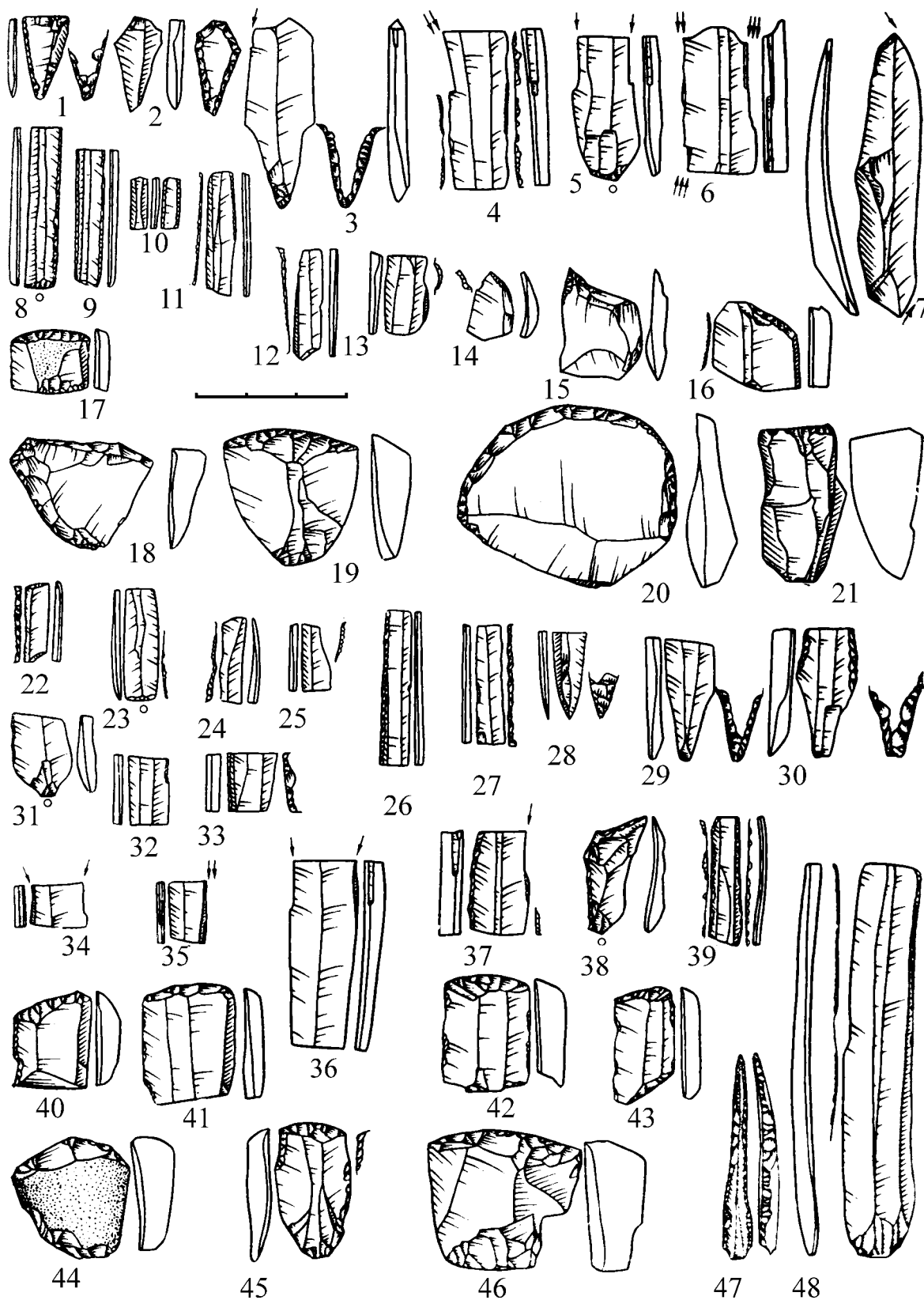

Рис. 06. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из скопления 1 (подъемный материал и находки из культурного слоя), «бутовская» культура

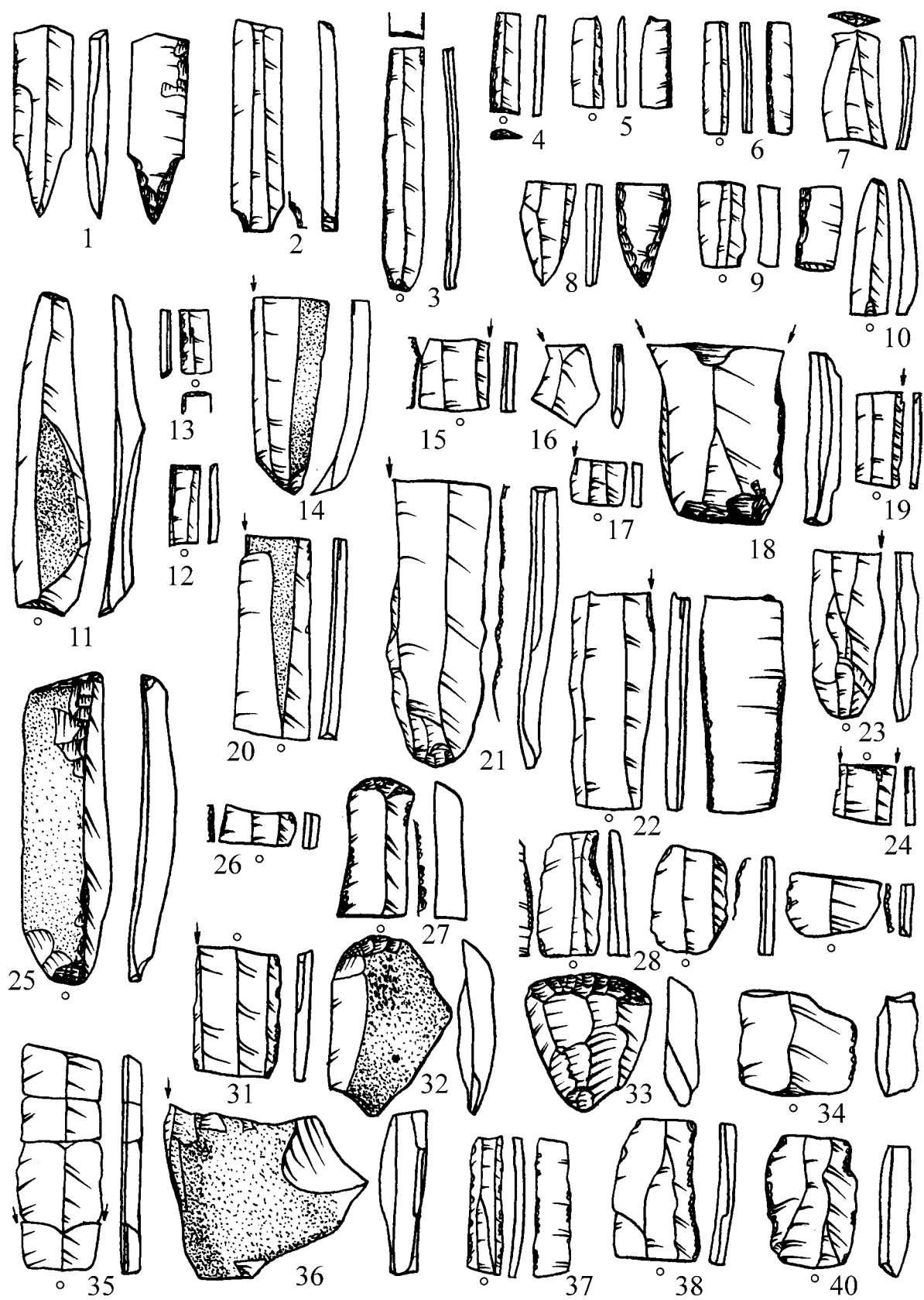

Рис. 07. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из скопления 1 (подъемный материал и находки из культурного слоя), «бутовская» культура

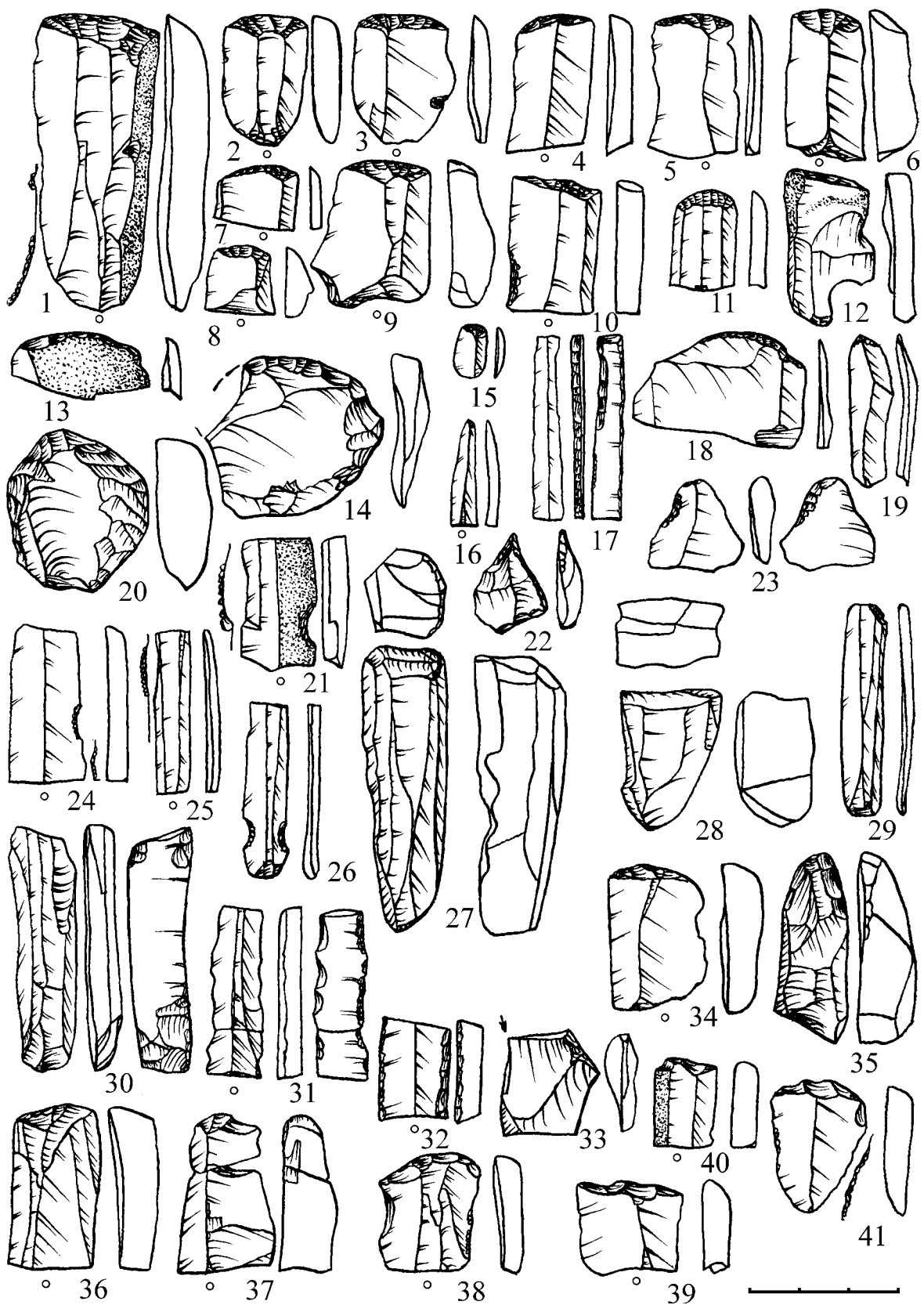

Рис. 08. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из скопления 1 (подъемный материал и находки из культурного слоя), «бутовская» культура

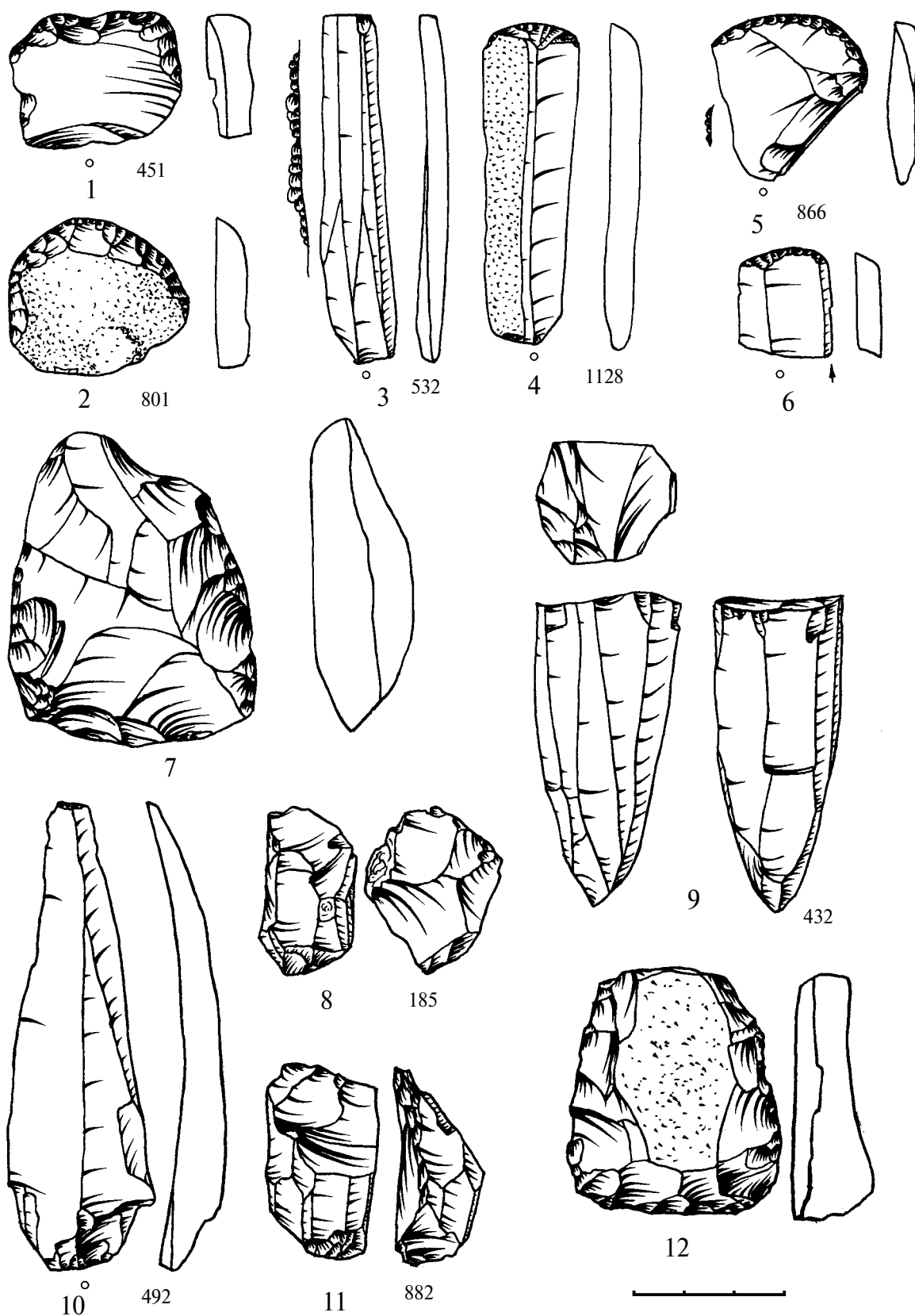

Рис. 09. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из заполнения жилища 2 и культурного слоя скопления 2, «бутовская» культура

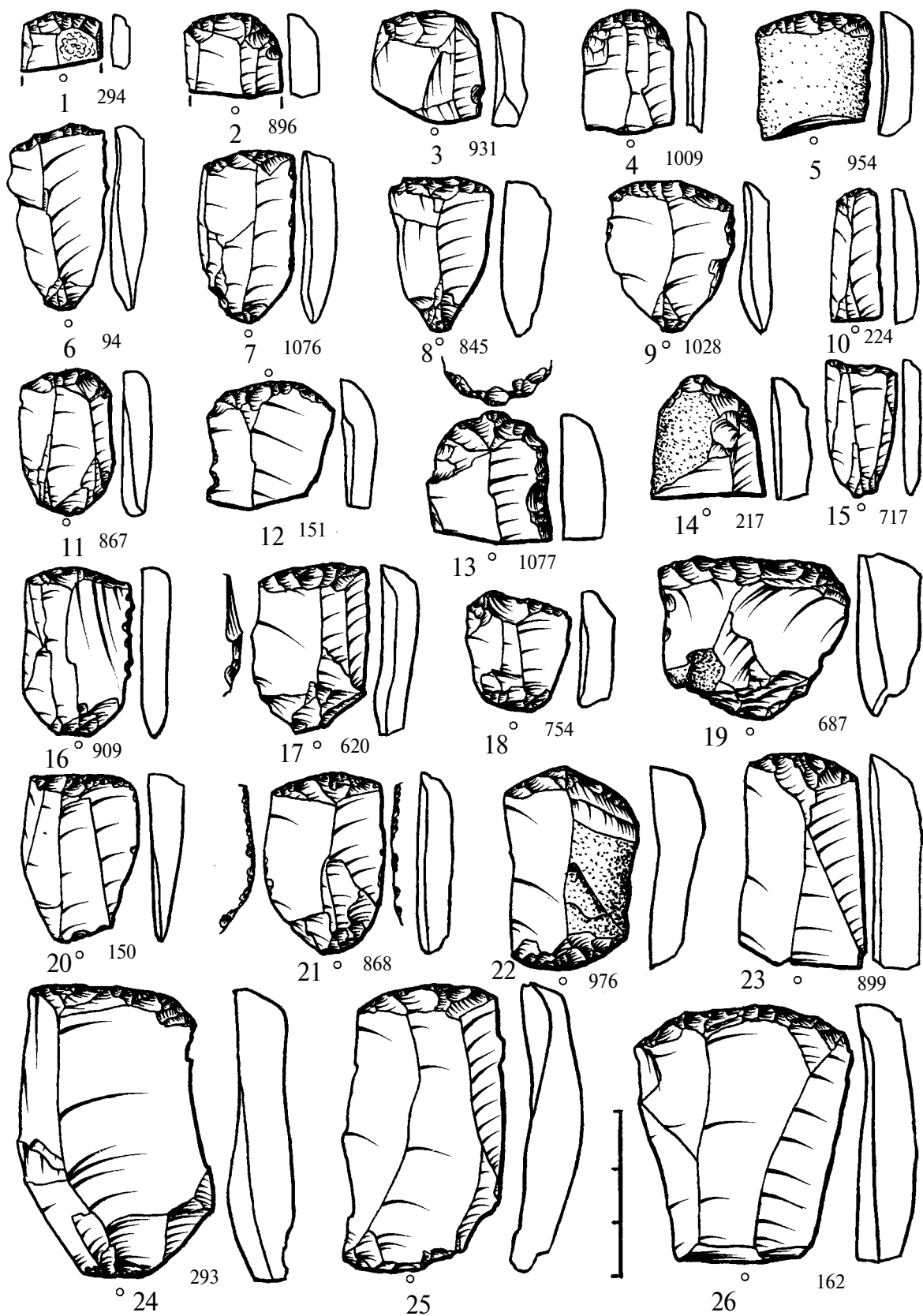

Рис. 10. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из заполнения жилища 2, «бутовская» культура

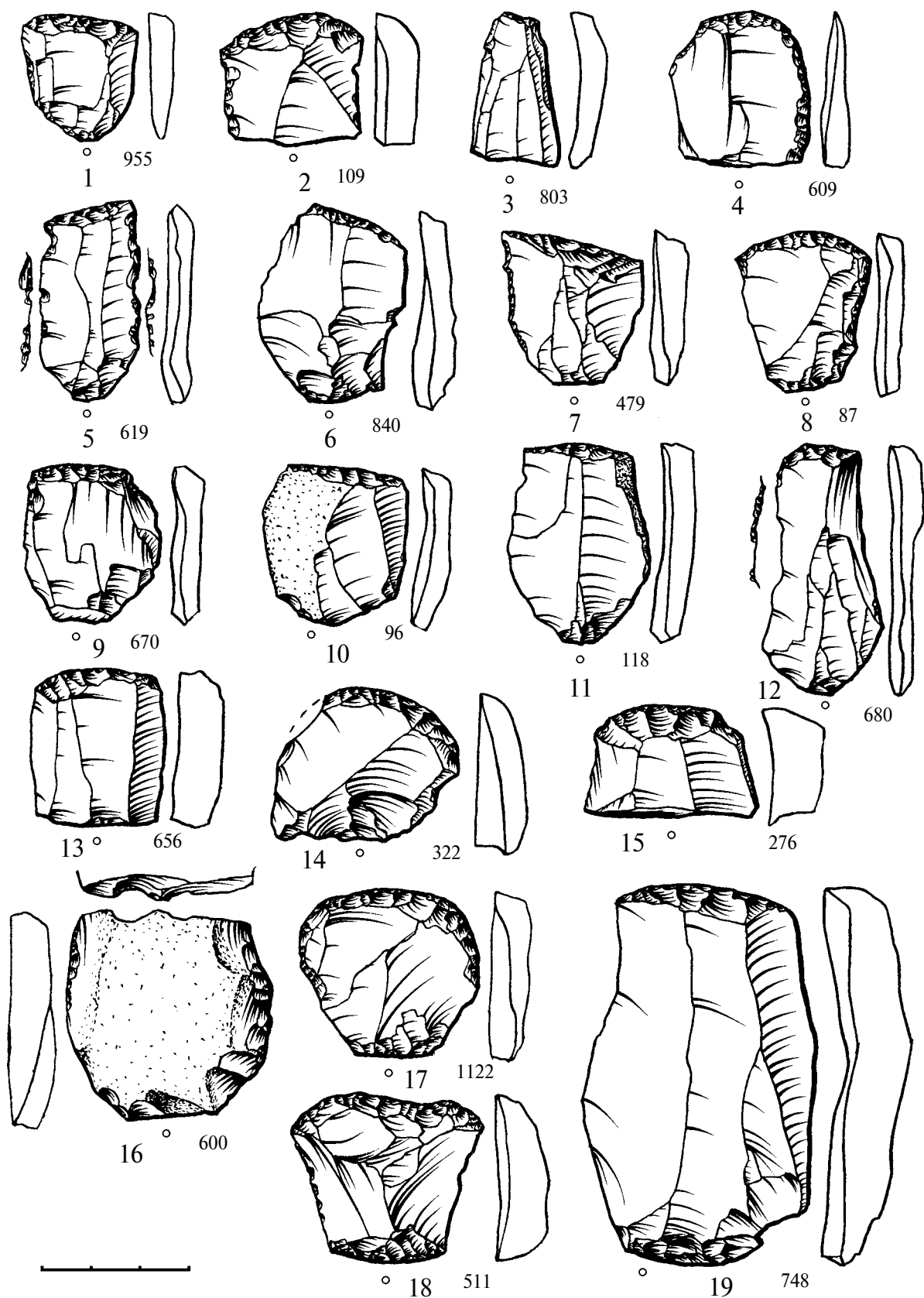

Рис. 11. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из заполнения жилища 2 и культурного слоя скопления 2, «бутовская» культура

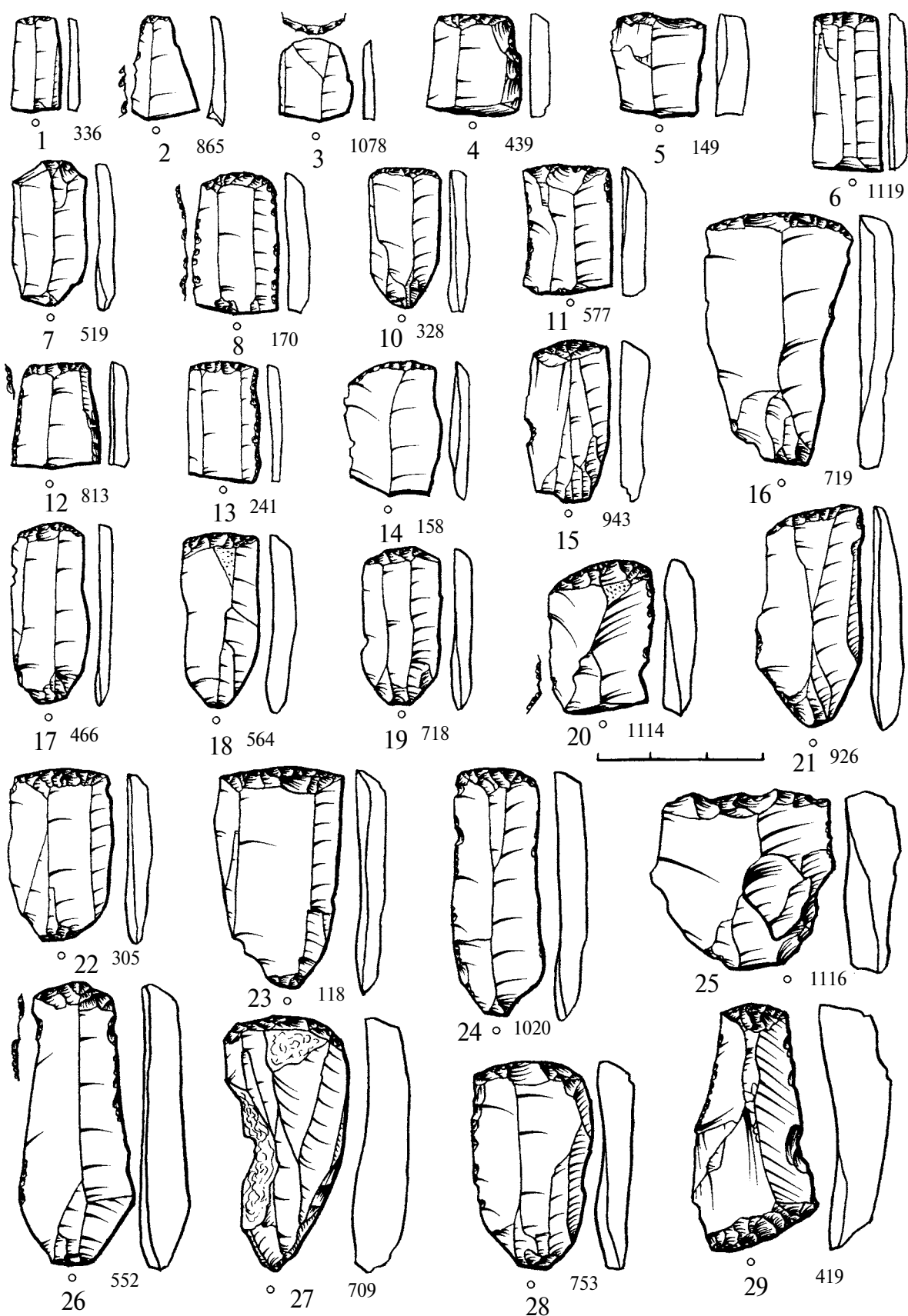

Рис. 12. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из заполнения жилища 2 и культурного слоя скопления 2, «бутовская» культура

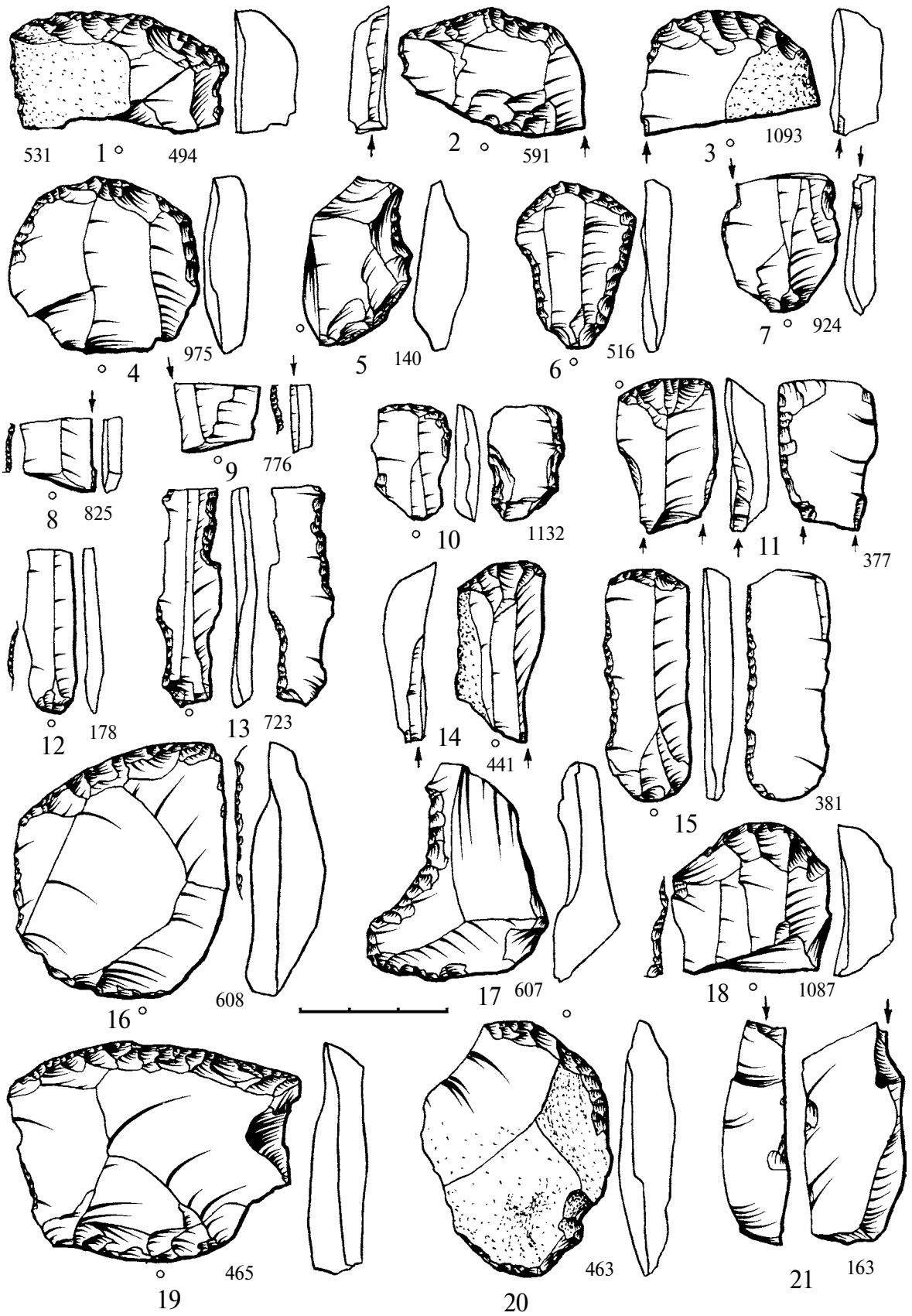

Рис. 13. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из заполнения жилища 2 и культурного слоя скопления 2, «бутовская» культура

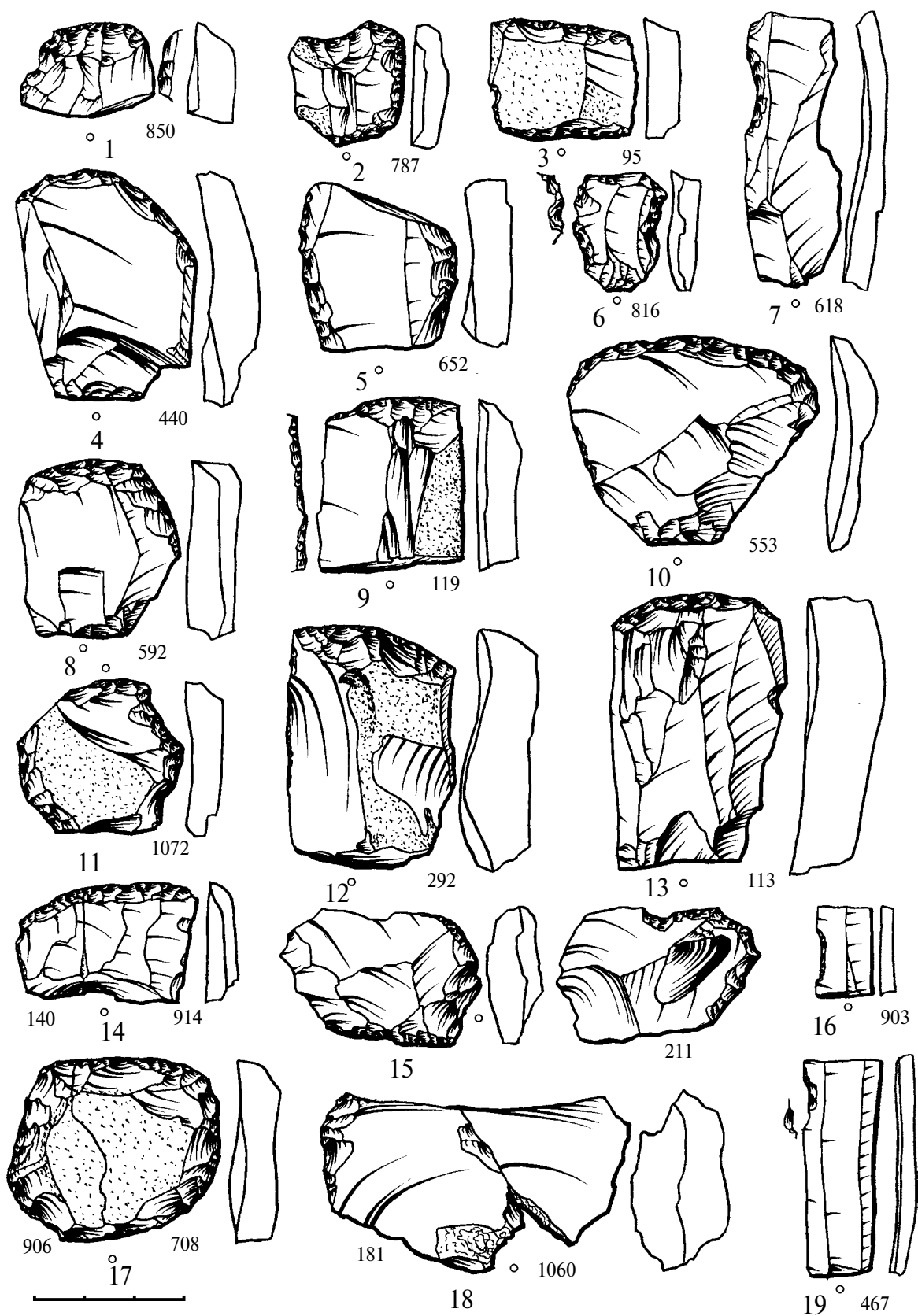

Рис. 14: Стоянка Петрушино. Каменные изделия из заполнения жилища 2 и культурного слоя скопления 2, «бутовская» культура

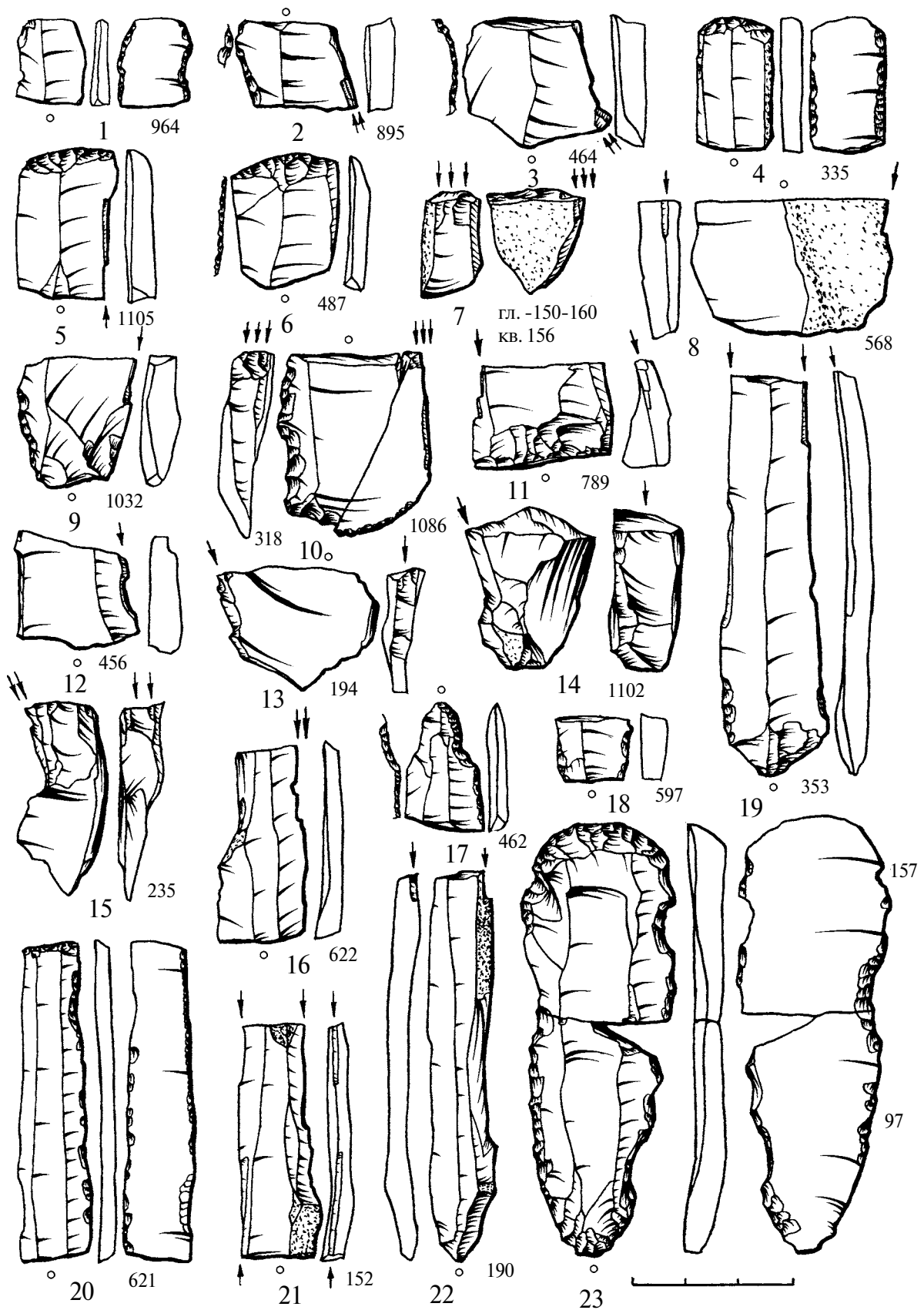

Рис. 15. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из заполнения жилища 2 и культурного слоя скопления 2, «бутовская» культура

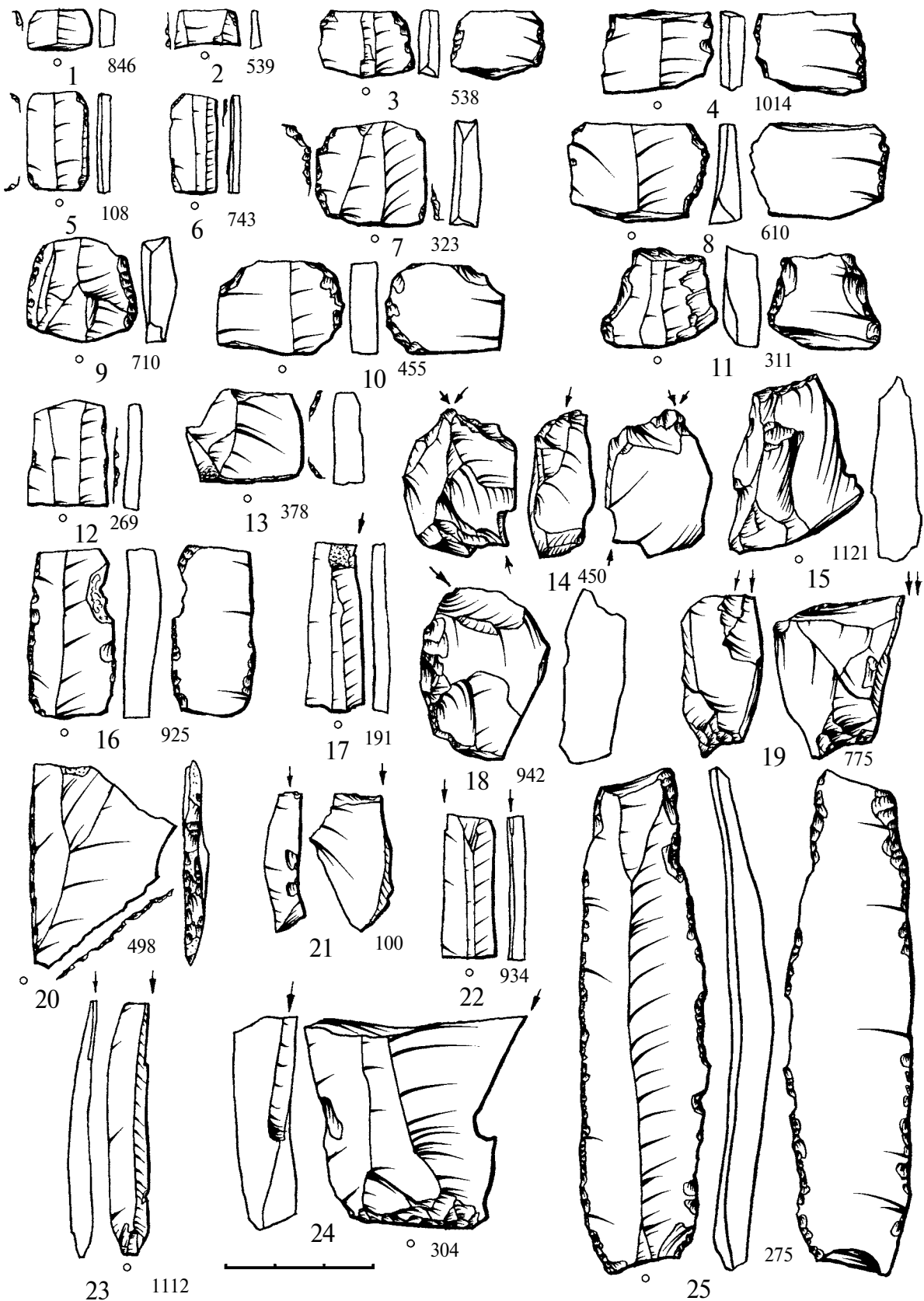

Рис. 16. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из заполнения жилища 2, «бутовская» культура

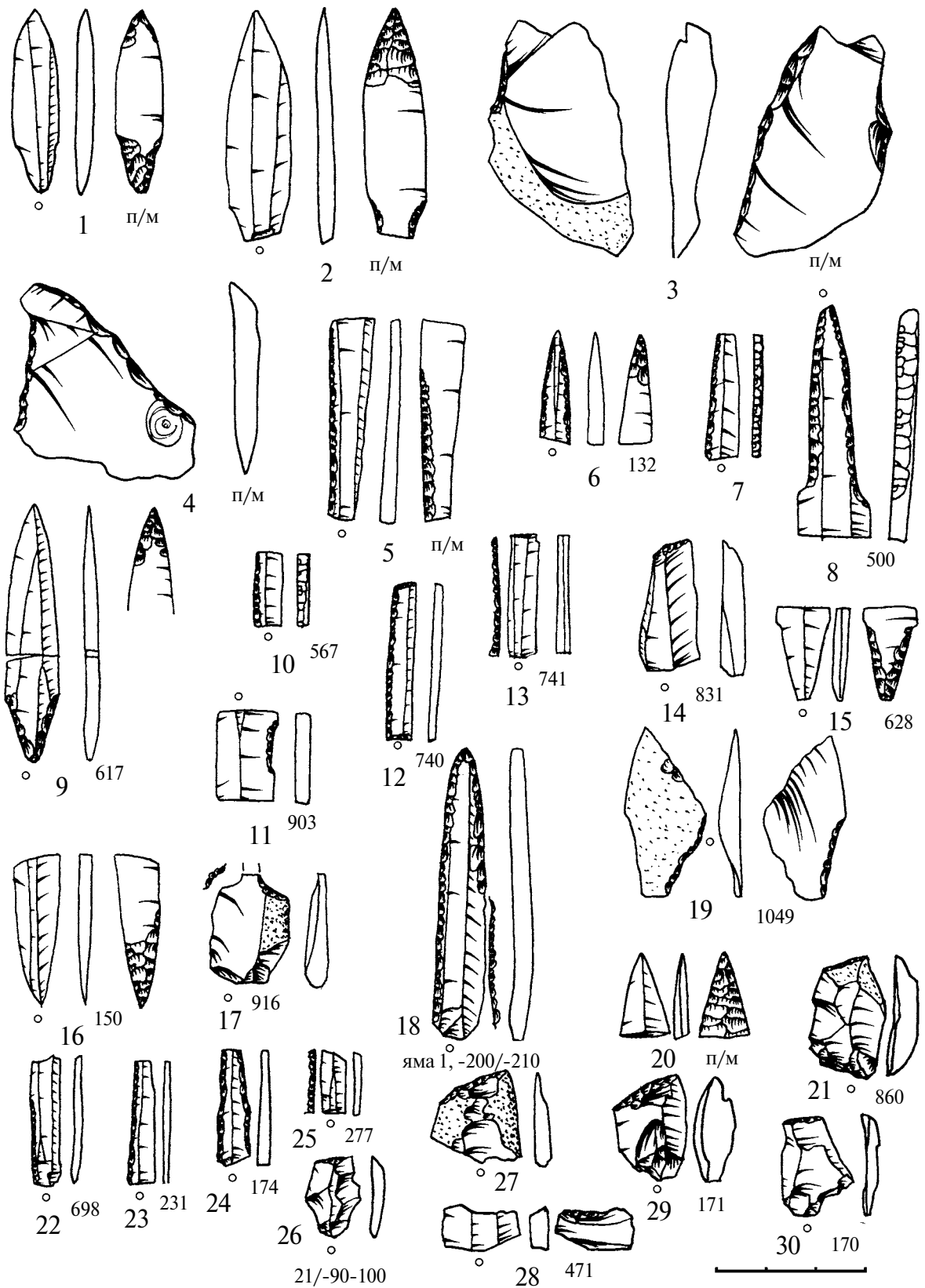

Рис. 17. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из заполнения жилища 2, «бутовская» культура

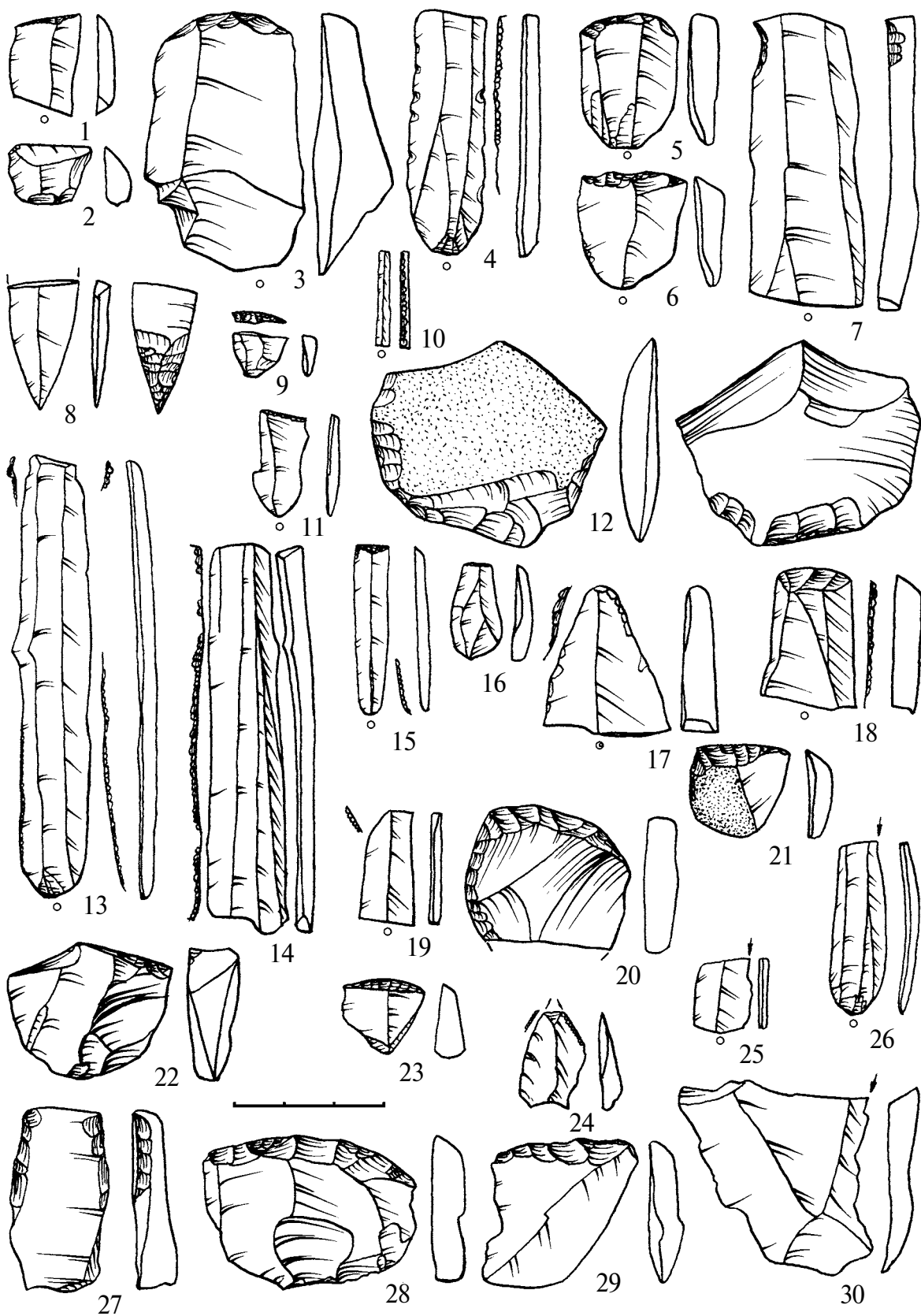

Рис. 18. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из скопления 2 (подъемный материал и культурный слой), «бутовская» культура

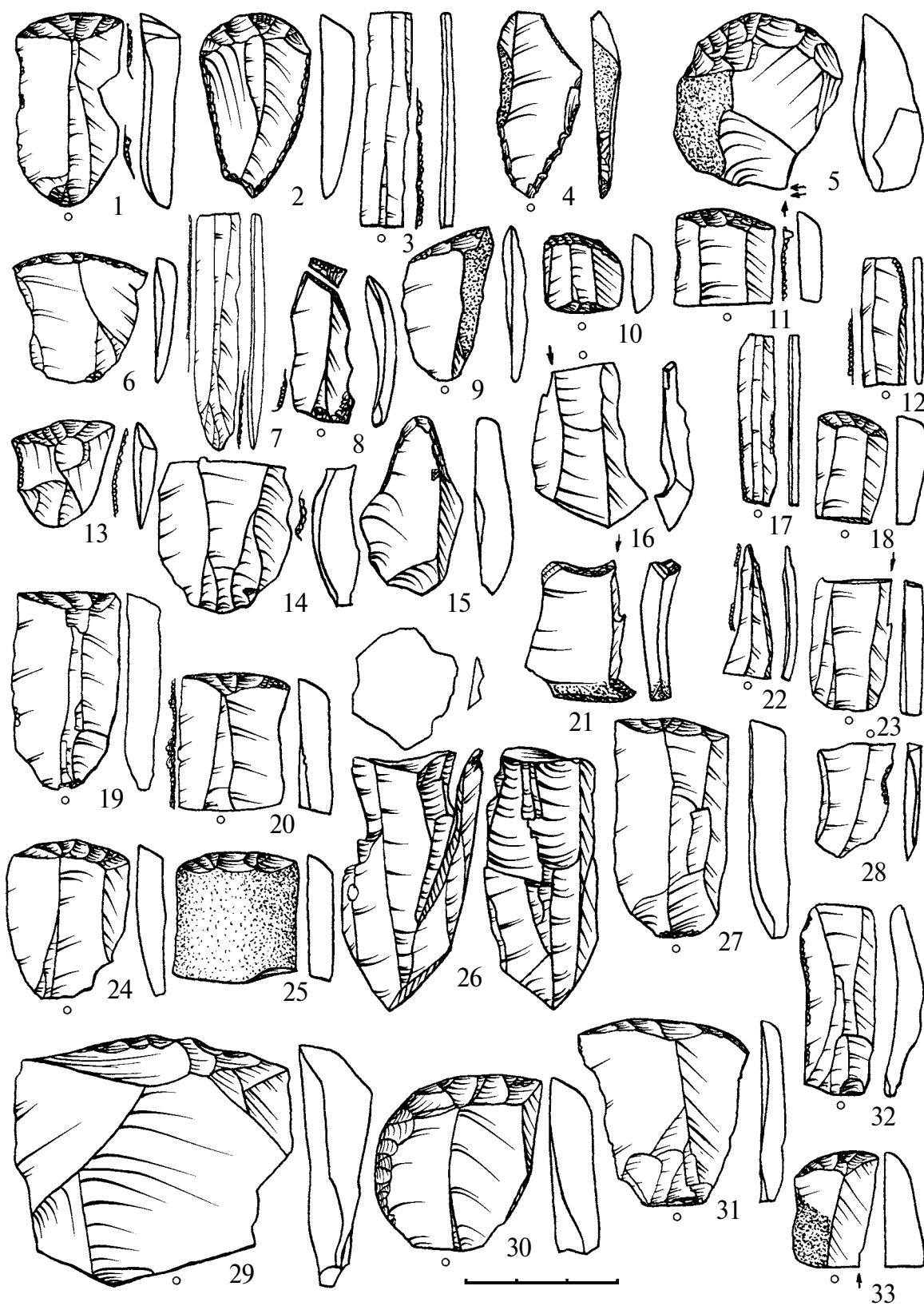

Рис. 19. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из культурного слоя скопления 2, «бутовская» культура

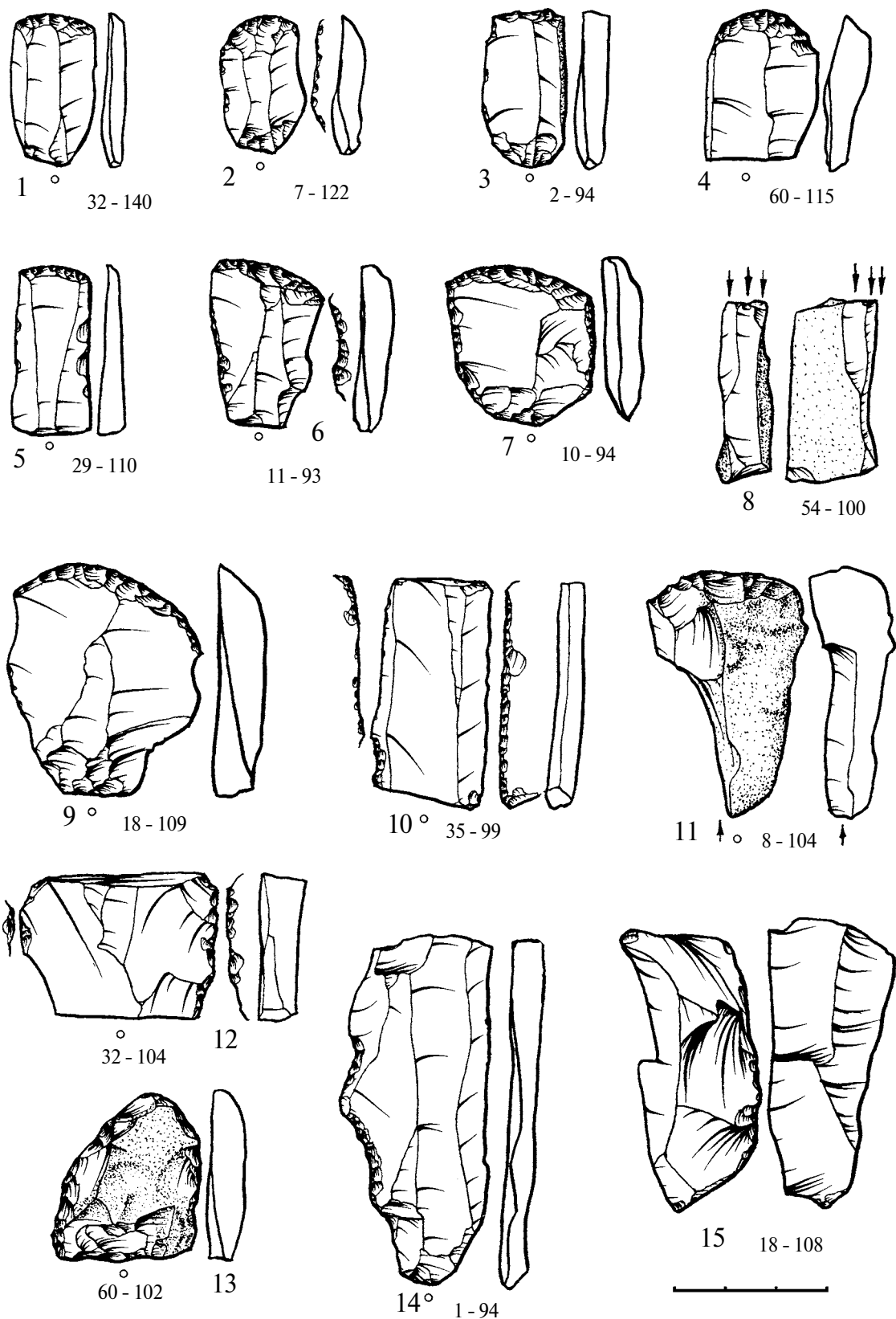

Рис. 20. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из скопления 2 (культурный слой и подъемный материал), «бутовская» культура

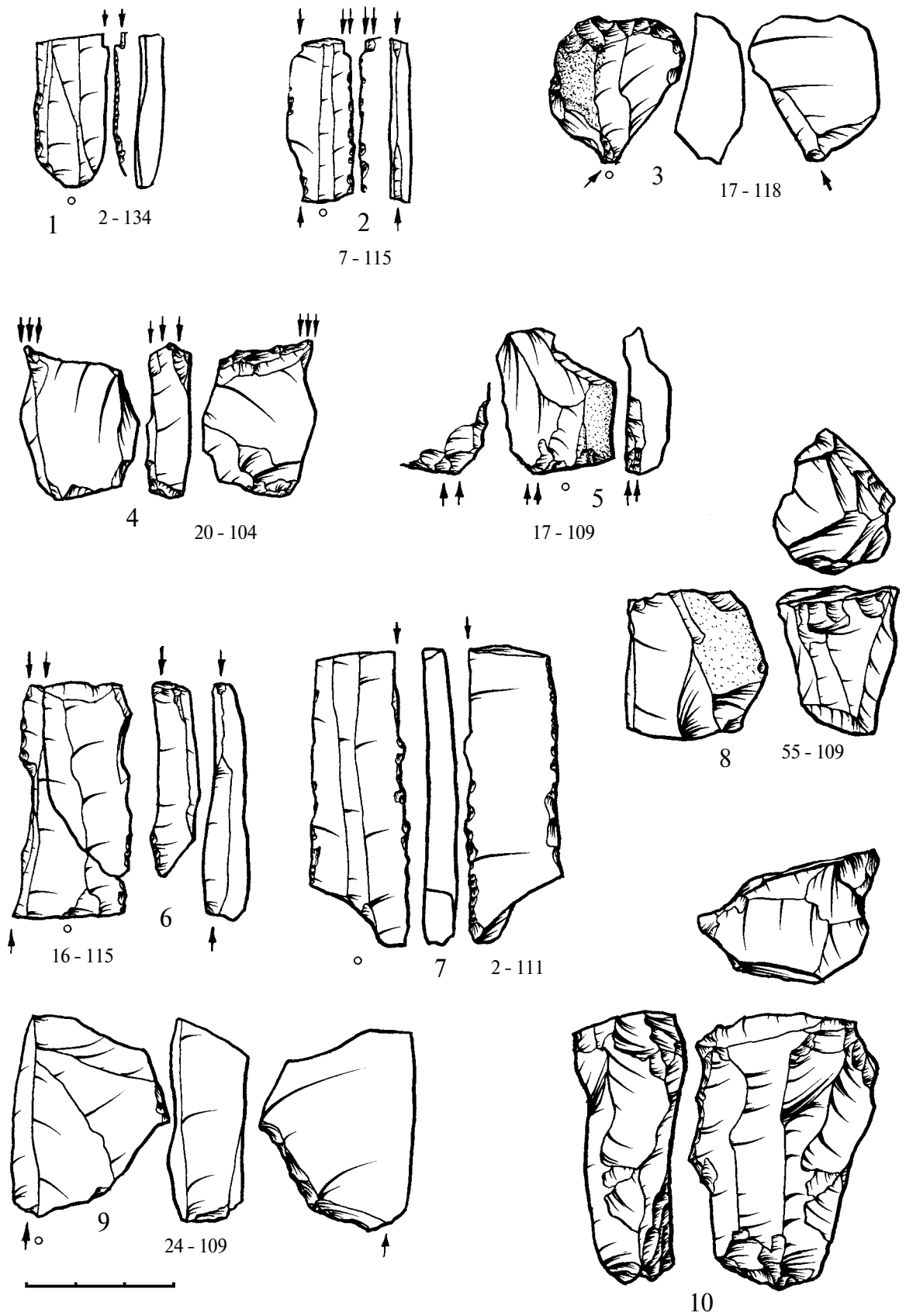

Рис. 21. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из скопления 2 (культурный слой и подъемный материал), «бутовская» культура

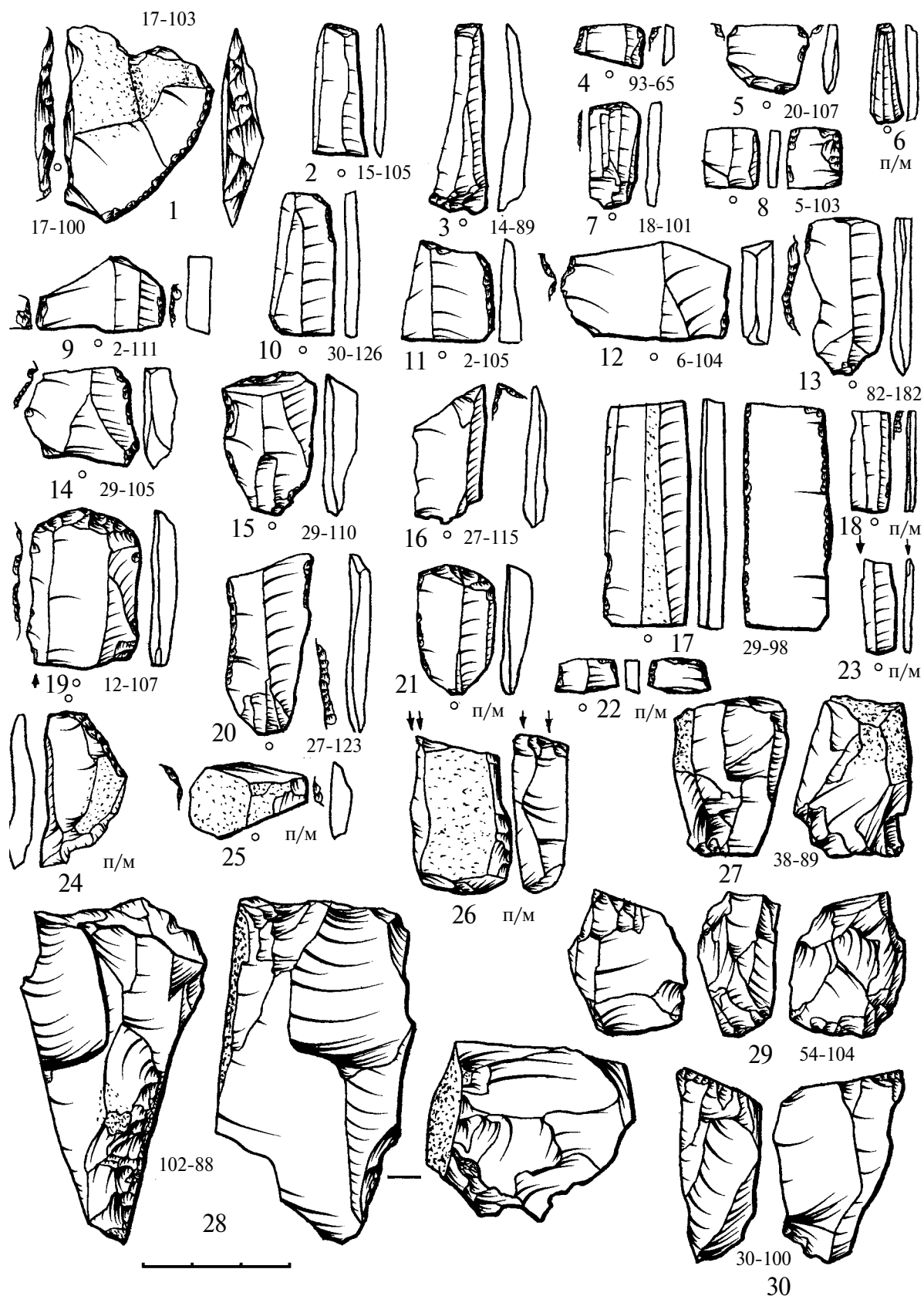

Рис. 22. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из культурного слоя скопления 2, «бутовская» культура

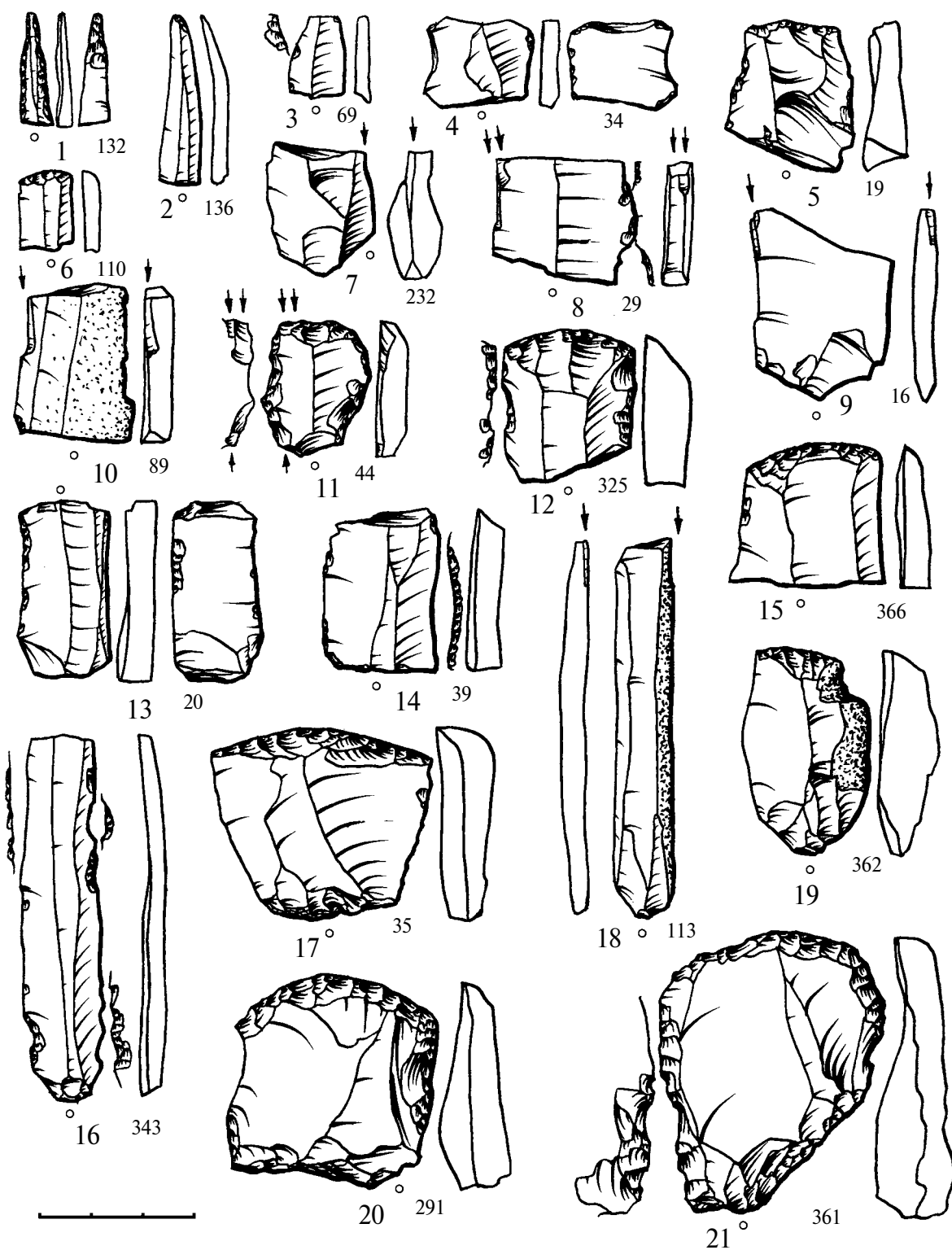

Рис. 23. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из культурного слоя скопления 2, «бутовская» культура

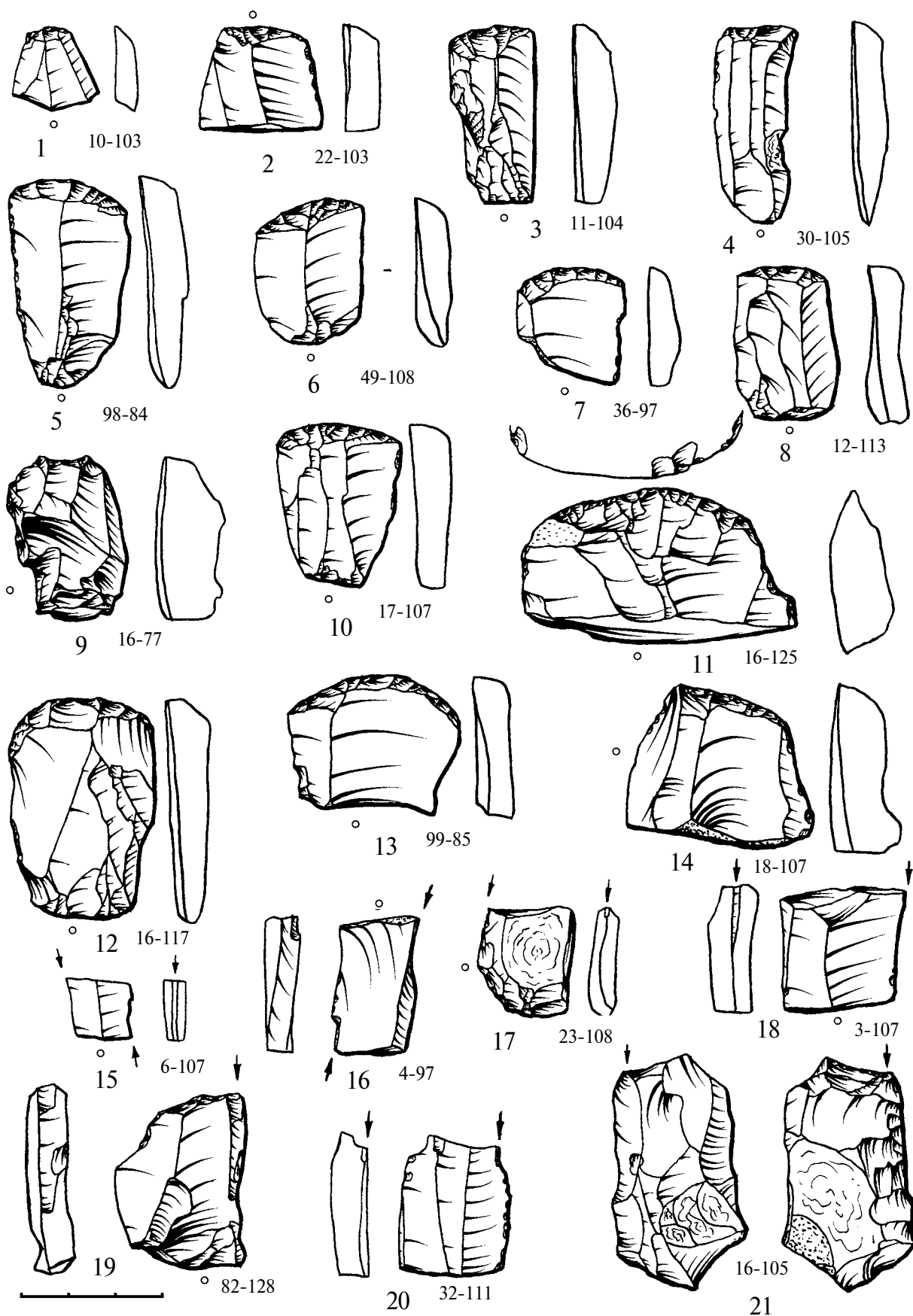

Рис. 24. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из скопления 2 (культурный слой и подъемный материал), «бутовская» культура

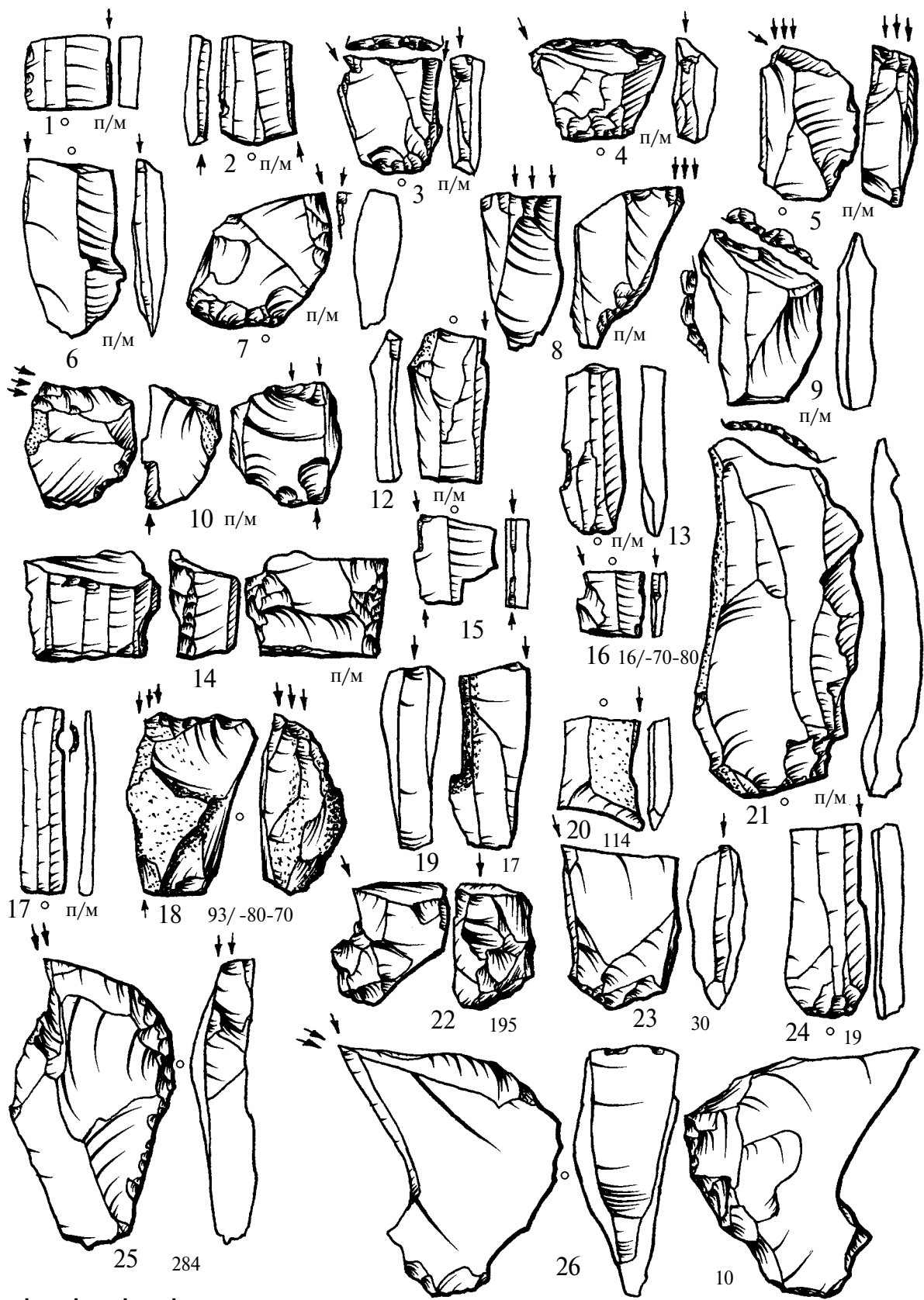

Рис. 25. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из скопления 2 (культурный слой и подъемный материал), «бутовская» культура

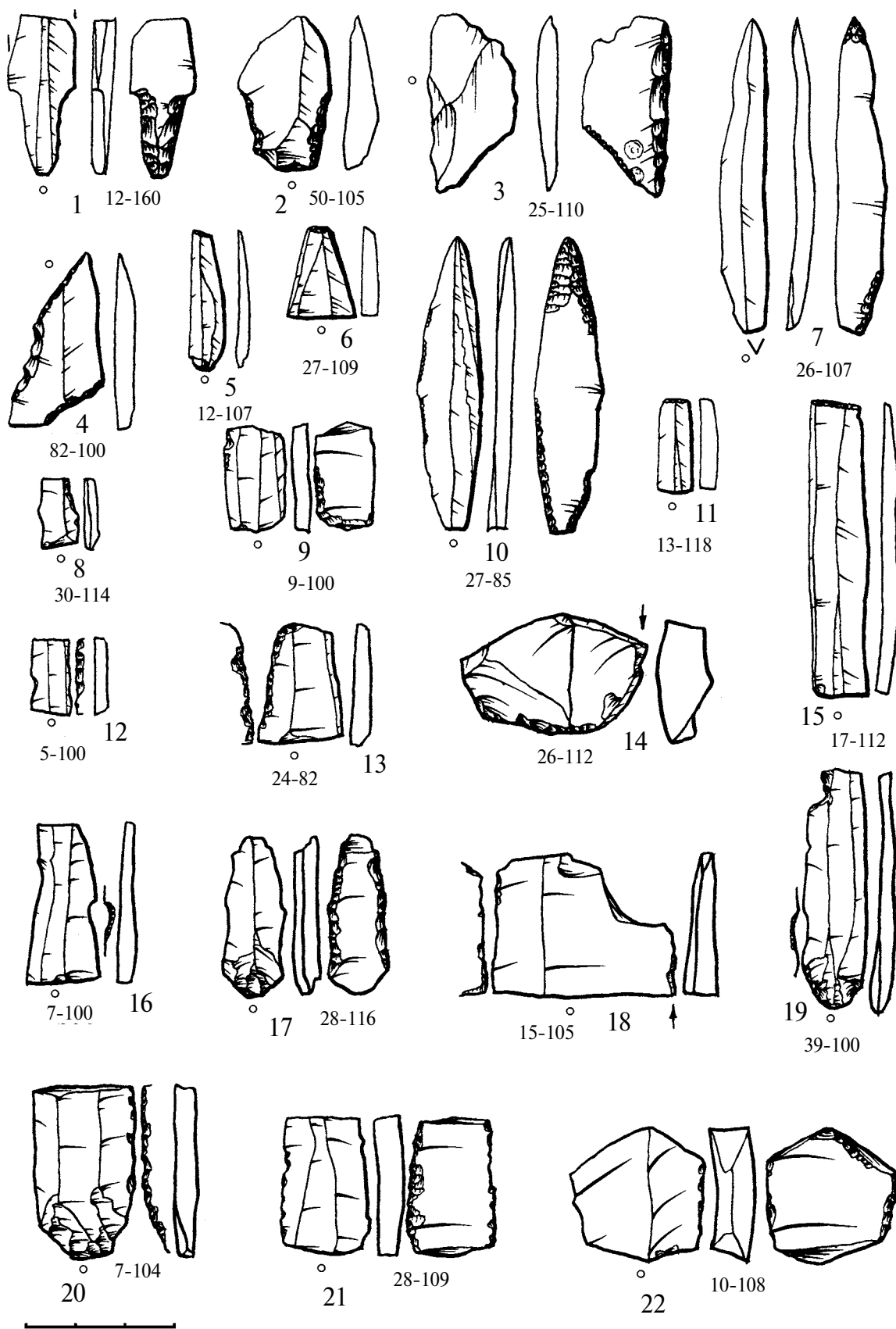

Рис. 26. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из скопления 2 (подъемный материал и культурный слой), «бутовская» культура

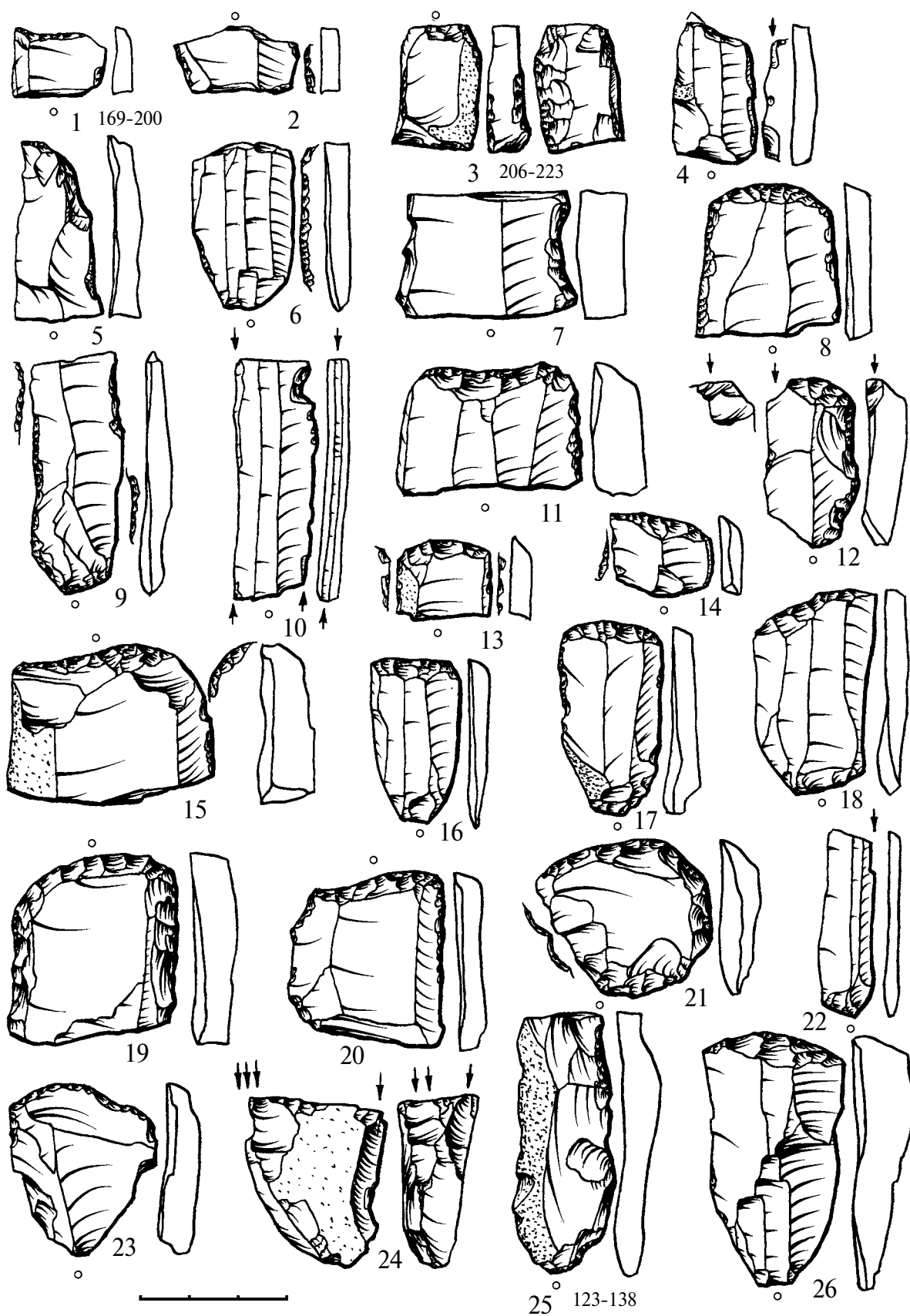

Рис. 27. Стоянка Петрушино. Каменные изделия из скопления 2 (подъемный материал), «бутовская» культура

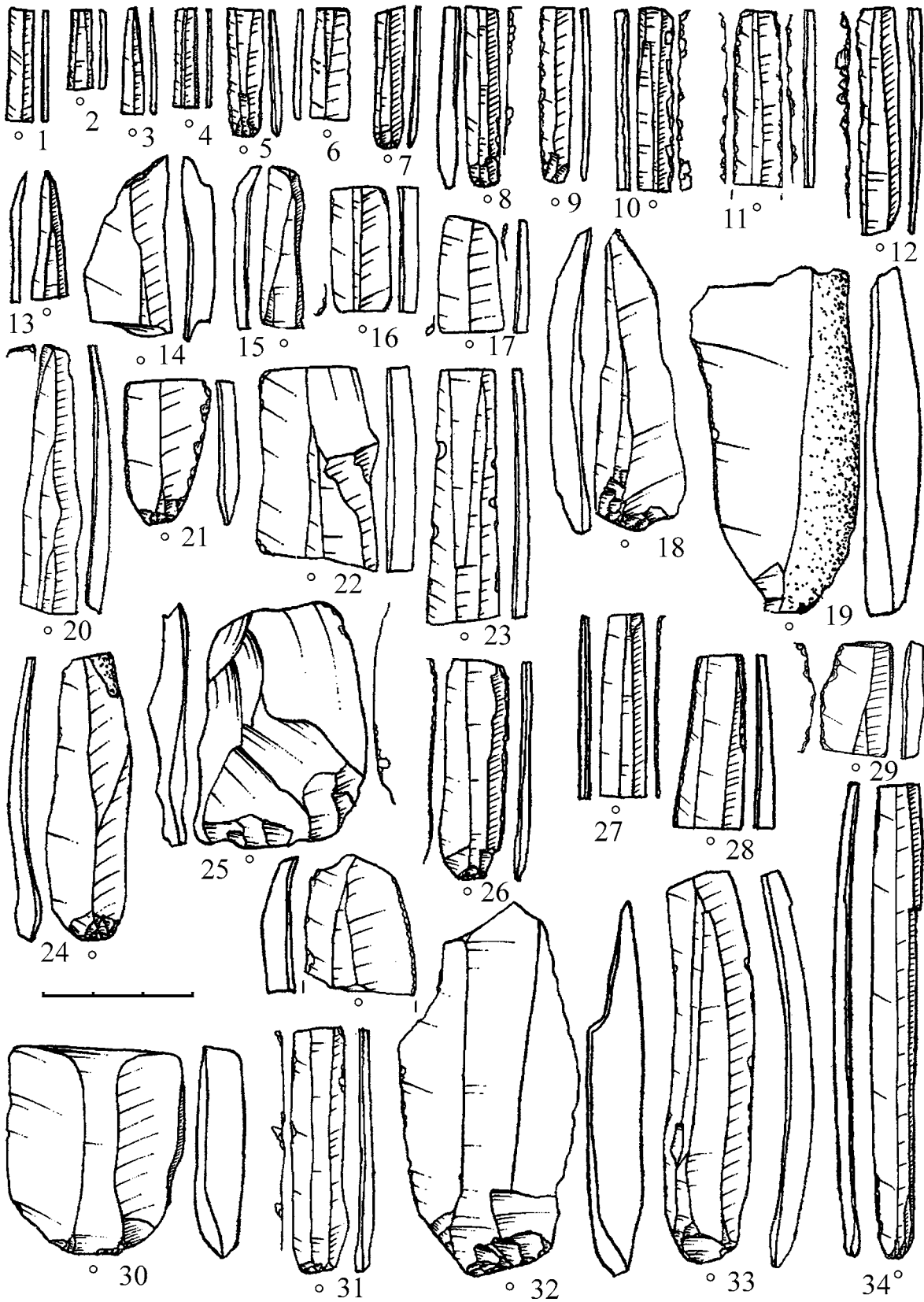

Рис. 28. Стоянка Угольное 1. Каменный инвентарь (по Кольцову, Жилину, 1987), култинская культура

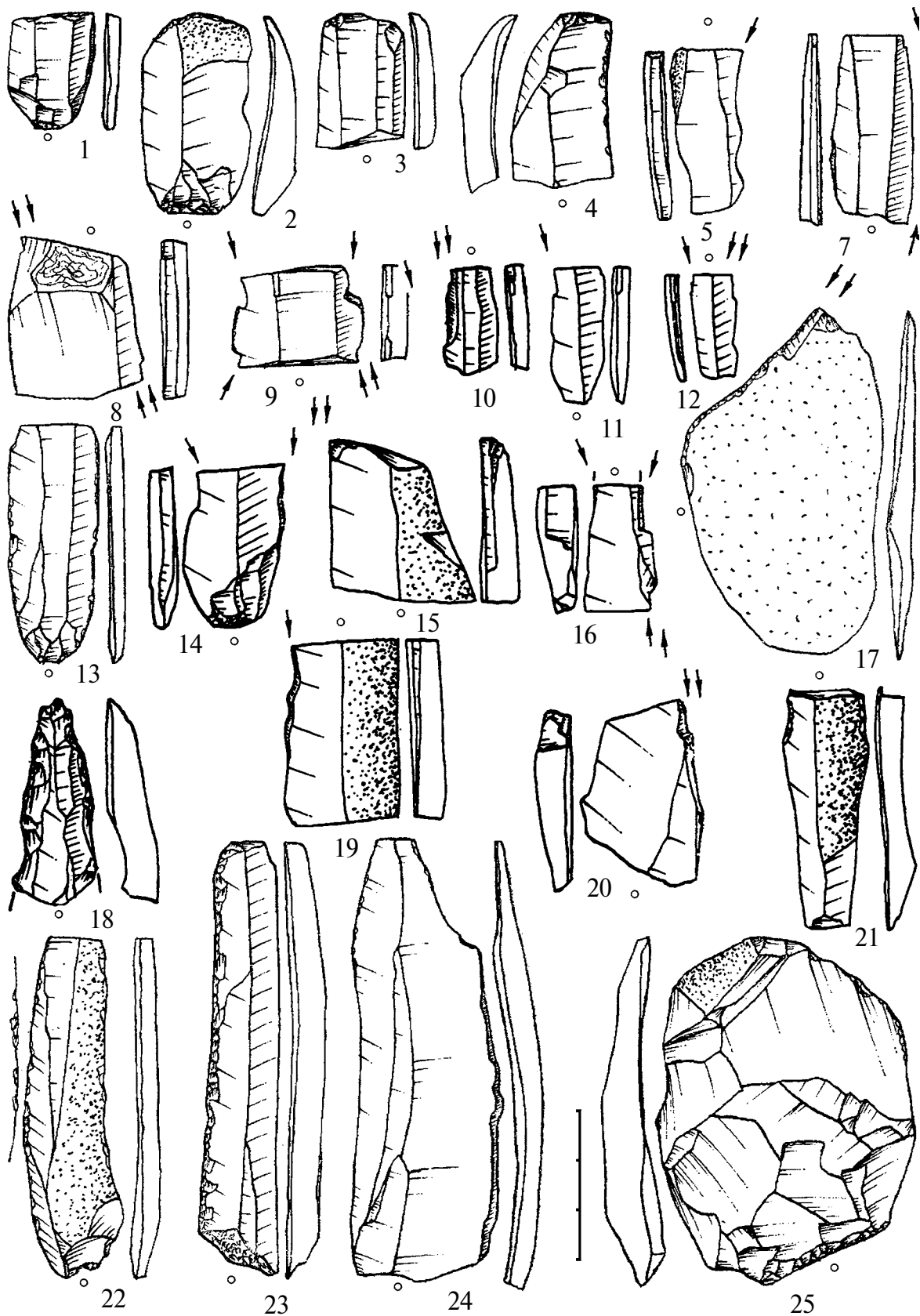

Рис. 29. Стоянка Угольново 1. Каменный инвентарь (по Кольцову, Жилину, 1987), култинская культура

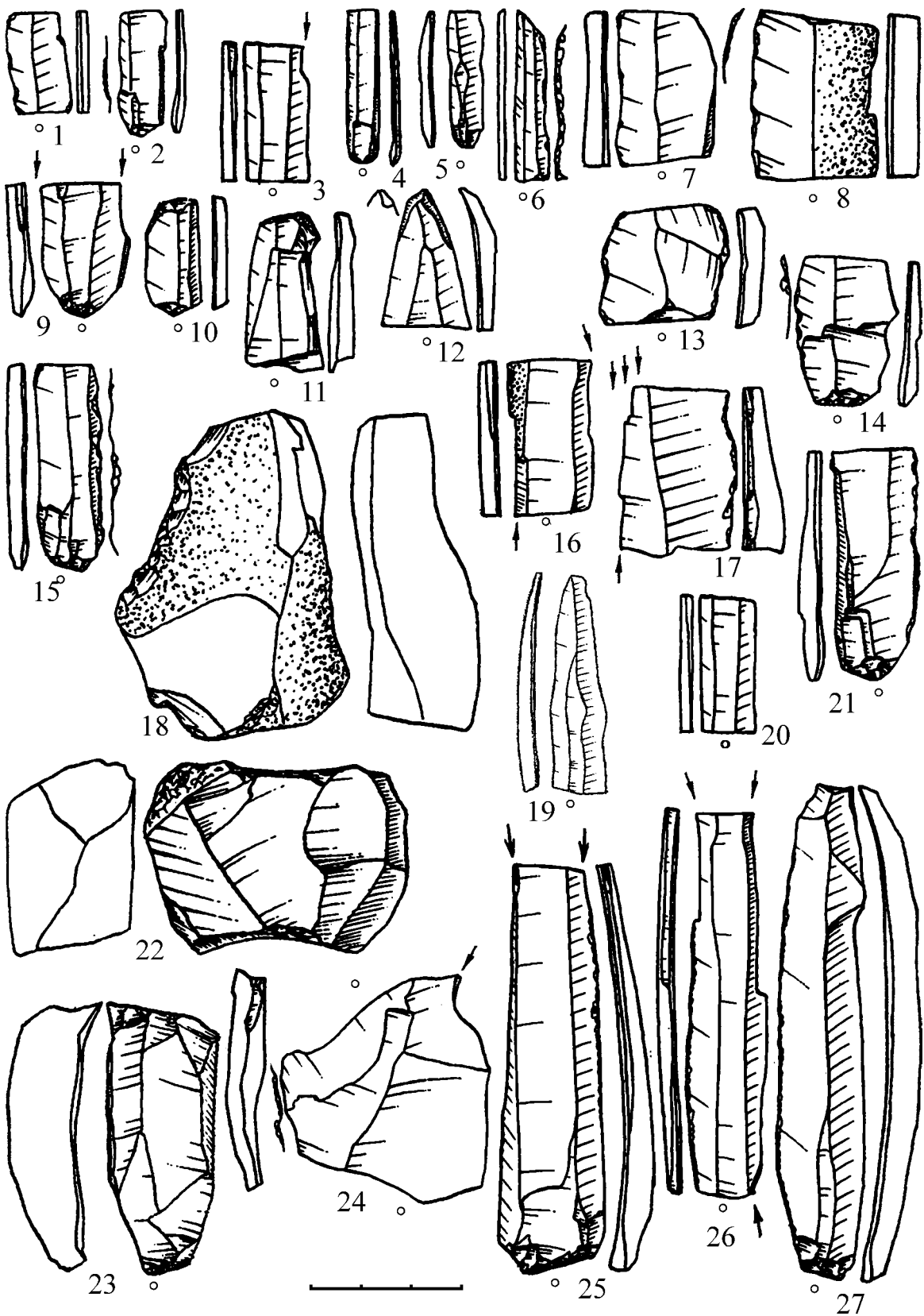

Рис. 30. Стоянка Угольное 1. Каменный инвентарь (по Кольцову, Жилину, 1987), култинская культура

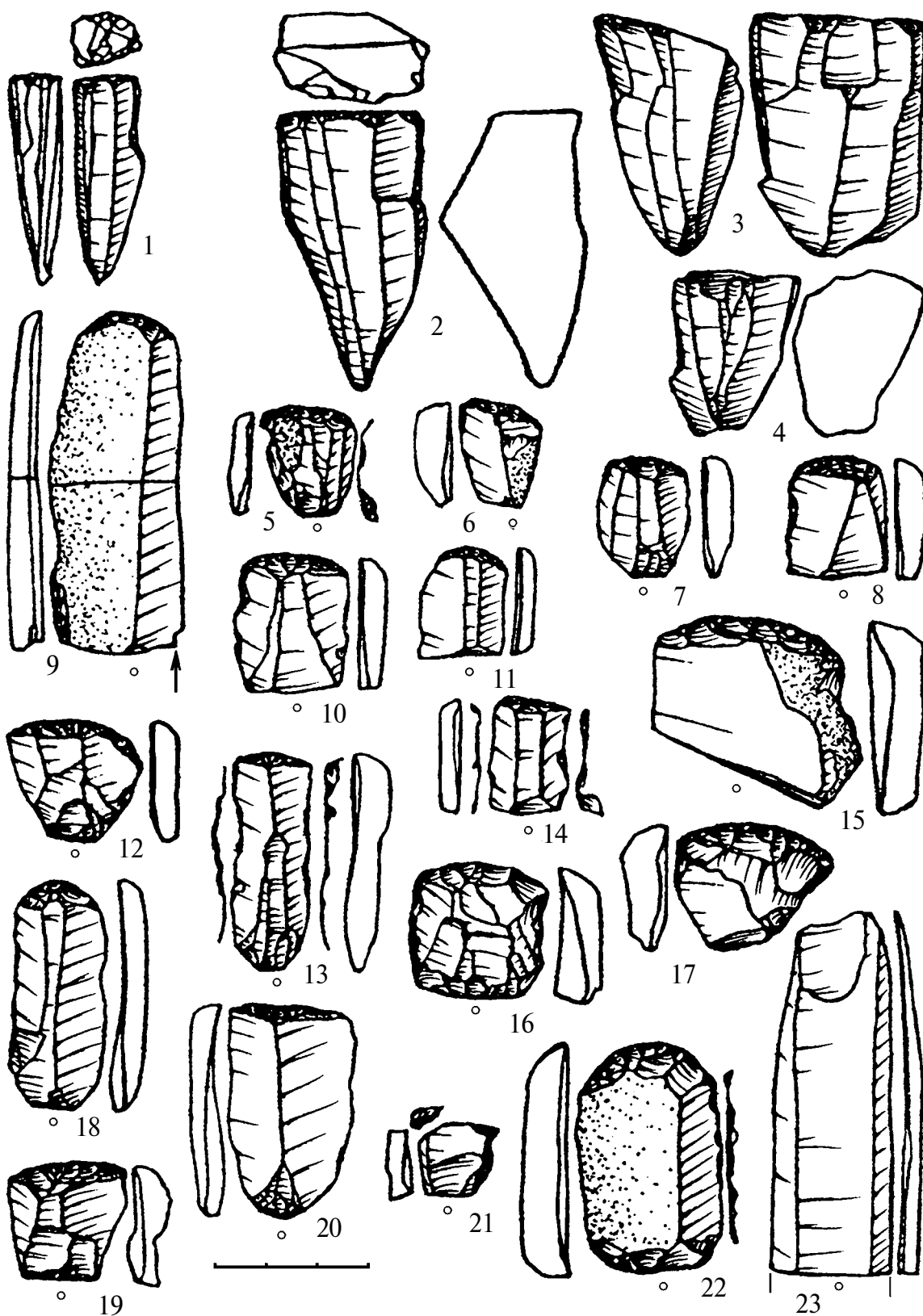

Рис. 31. Стоянка Старая Пустынь. Каменный инвентарь (по Кольцову, Жилину, Черникову, 1991), култинская культура

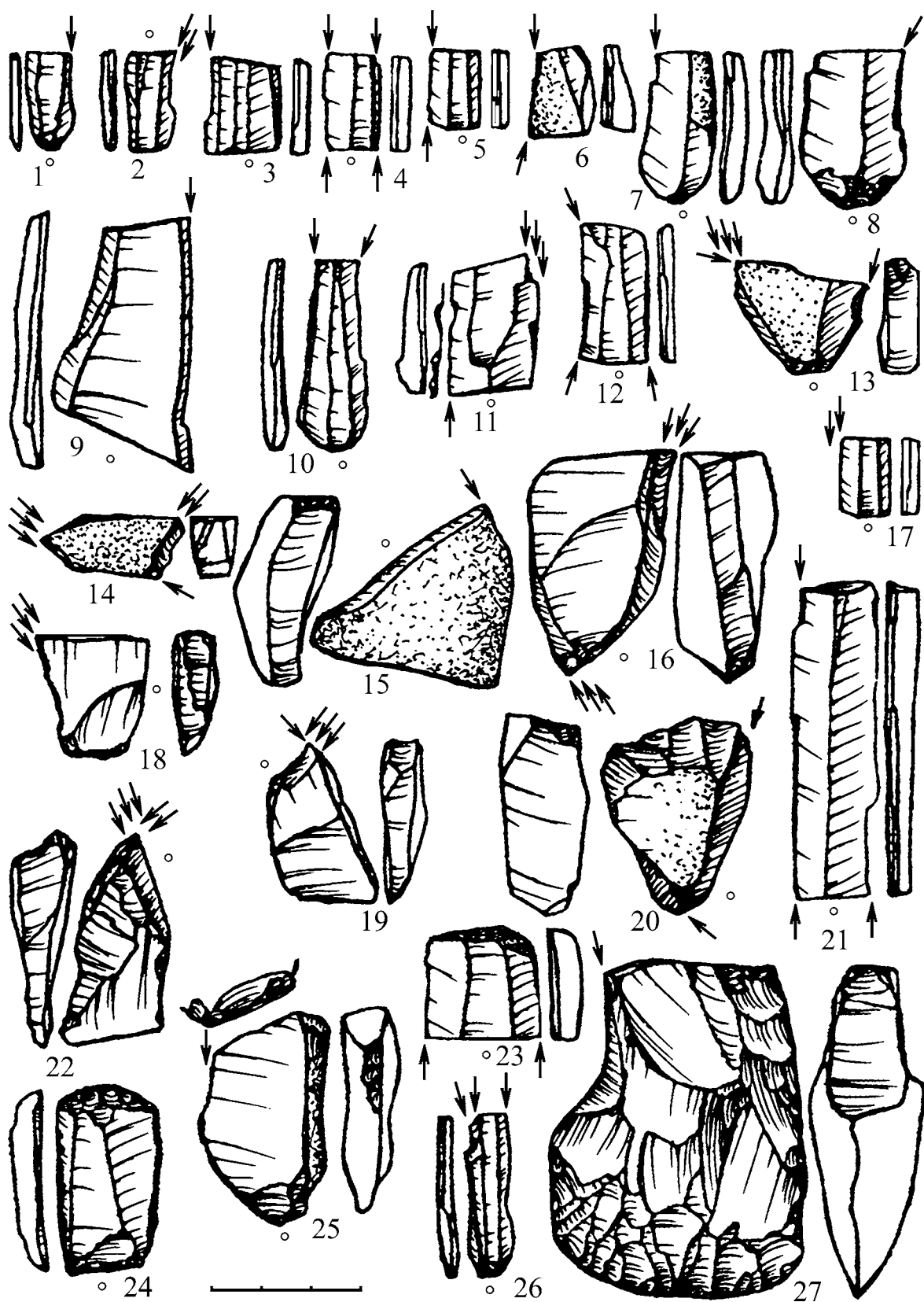

Рис. 32. Стоянка Старая Пустынь. Каменный инвентарь (по Кольцову, Жилину, Черникову, 1991), култинская культура

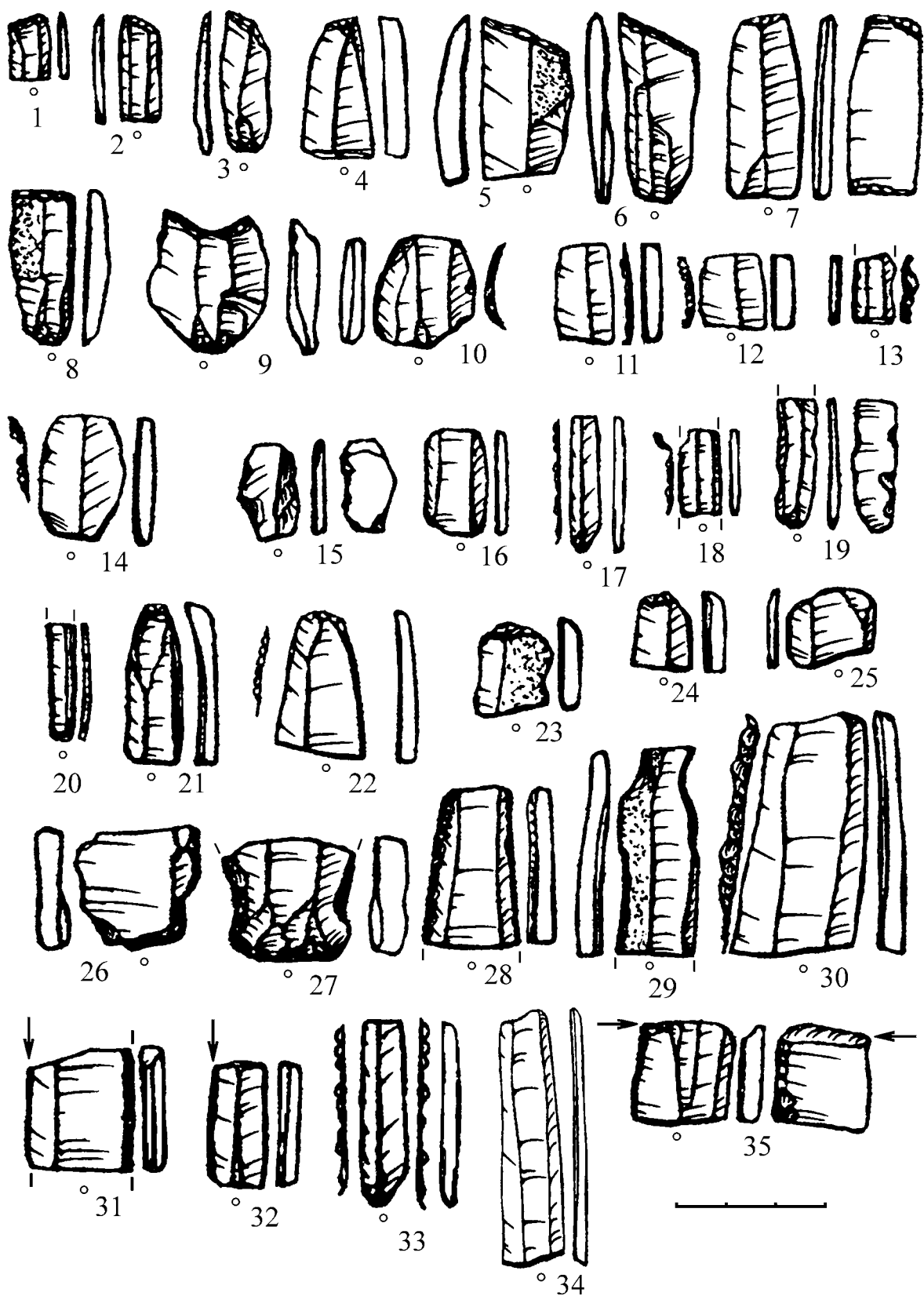

Рис. 33. Стоянка Старая Пустынь. Каменный инвентарь (по Кольцову, Жилину, Черникову, 1991), култинская культура

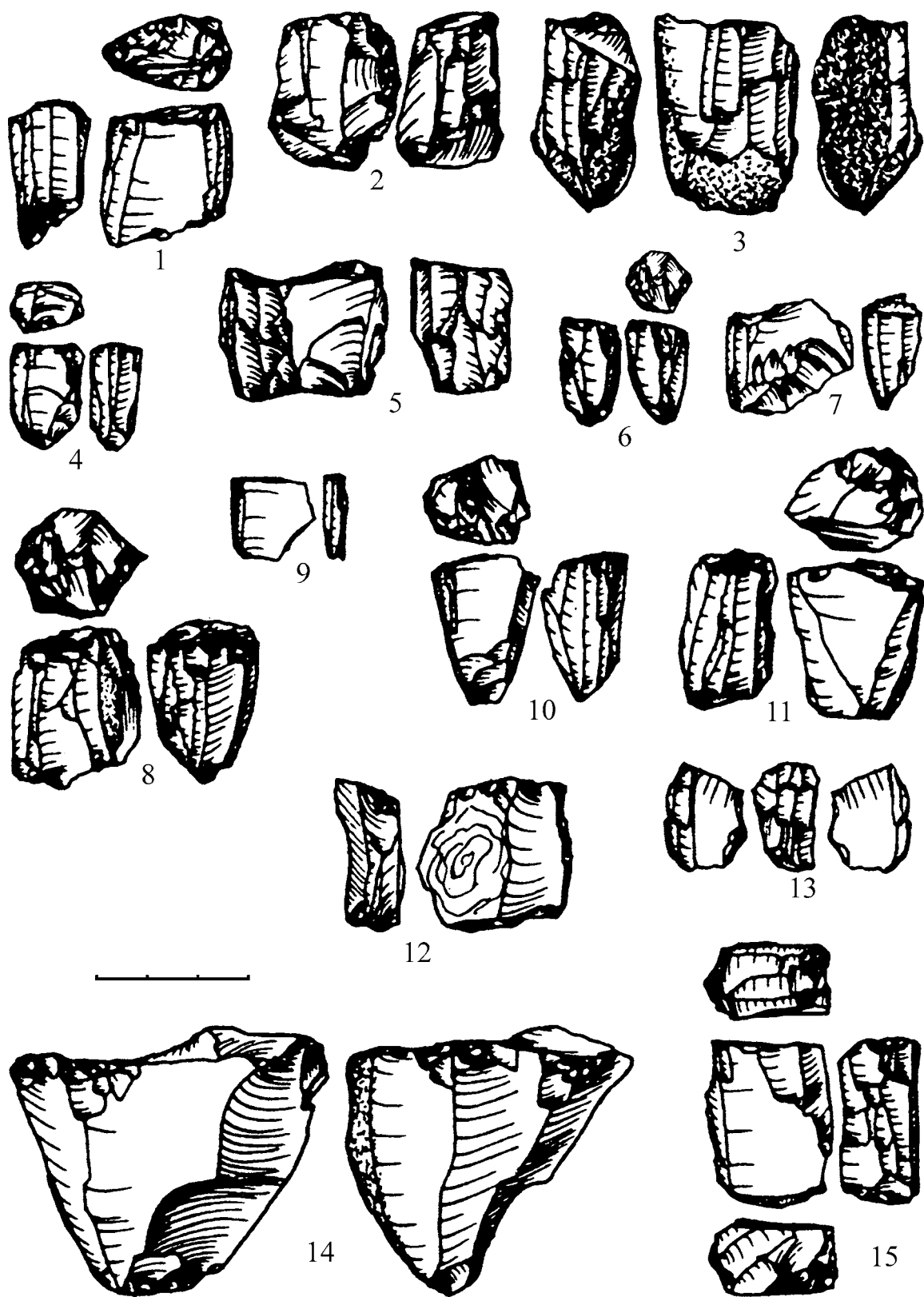

Рис. 34. Стоянка Спас-Седчено. Каменный инвентарь (по Кольцову, Жилину, 1999), култинская культура

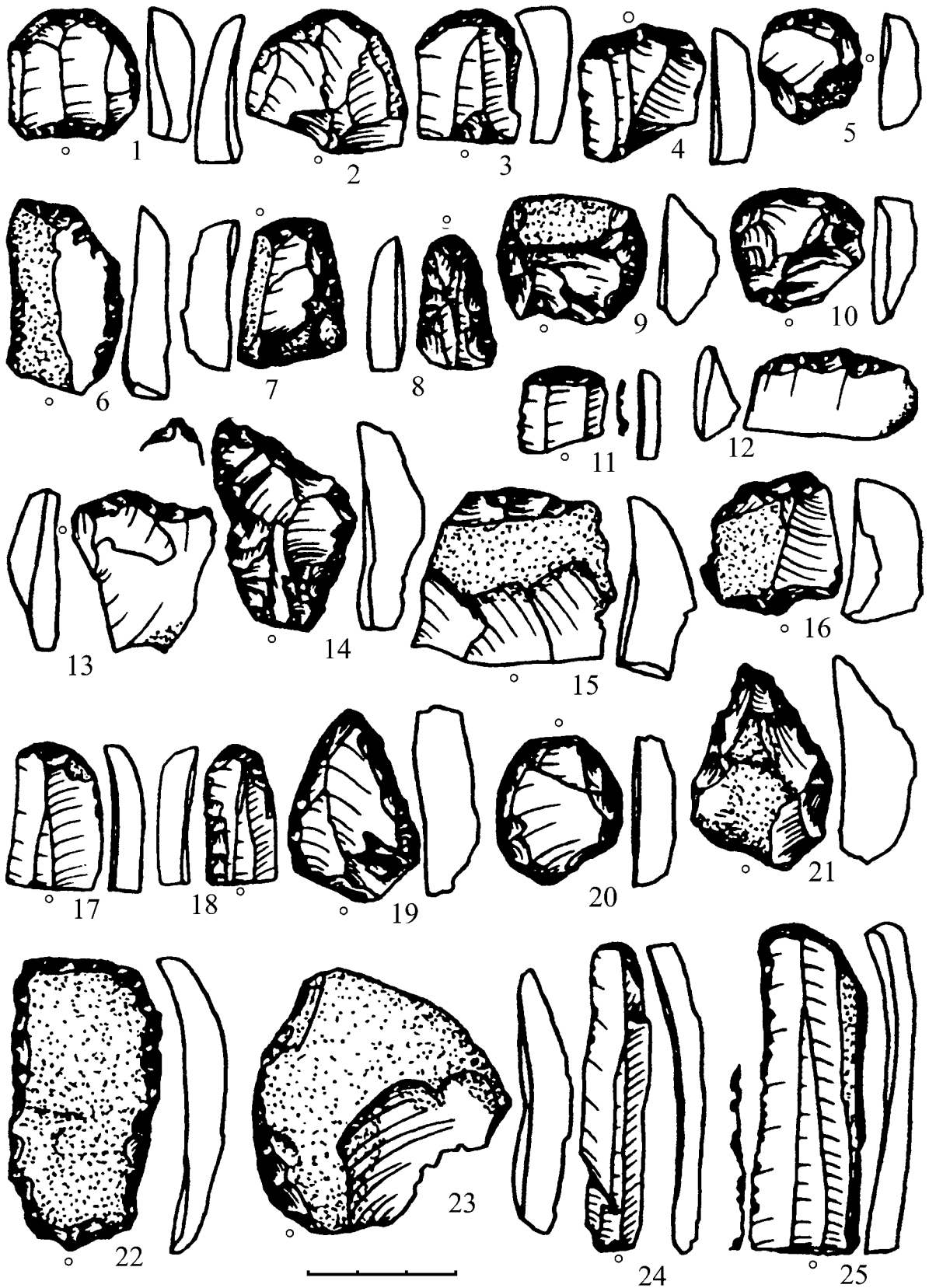

Рис. 35. Стоянка Спас-Седчено. Каменный инвентарь (по Кольцову, Жилину, 1999),
култинская культура

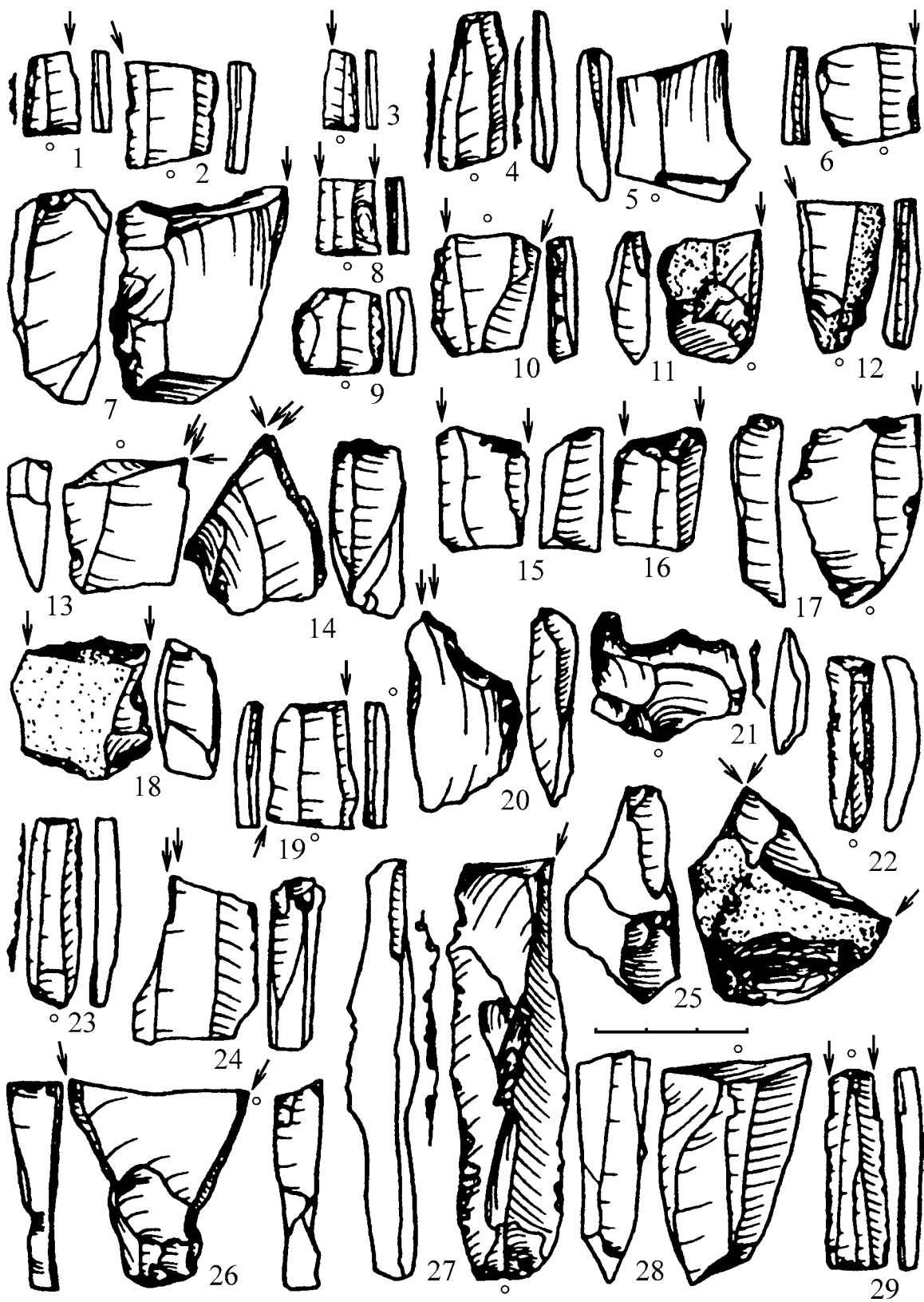

Рис. 36. Стоянка Спас-Седчено. Каменный инвентарь (по Кольцову, Жилину, 1999),
култинская культура

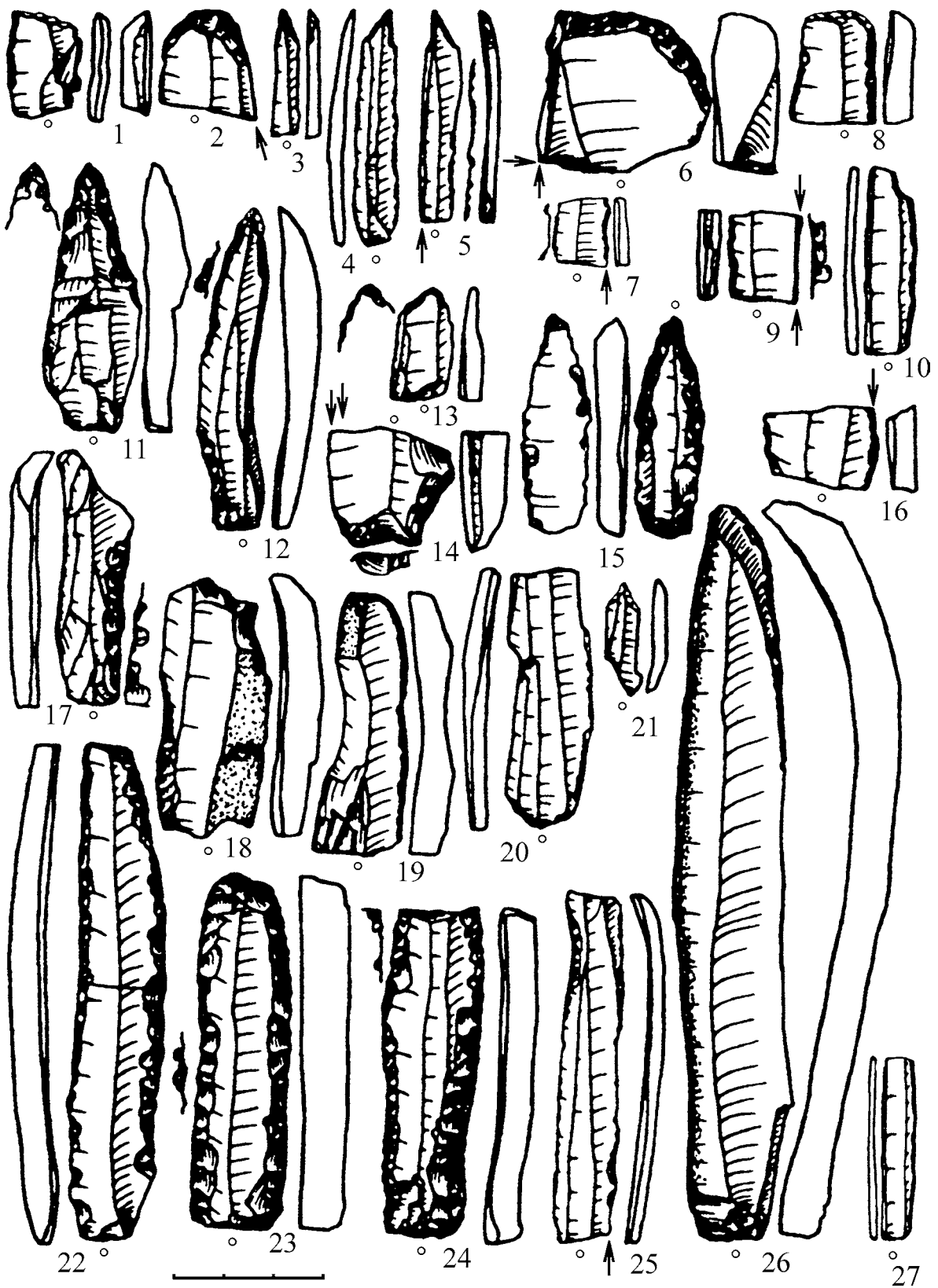

Рис. 37. Стоянка Спас-Седчено. Каменный инвентарь (по Кольцову, Жилину, 1999), култинская культура

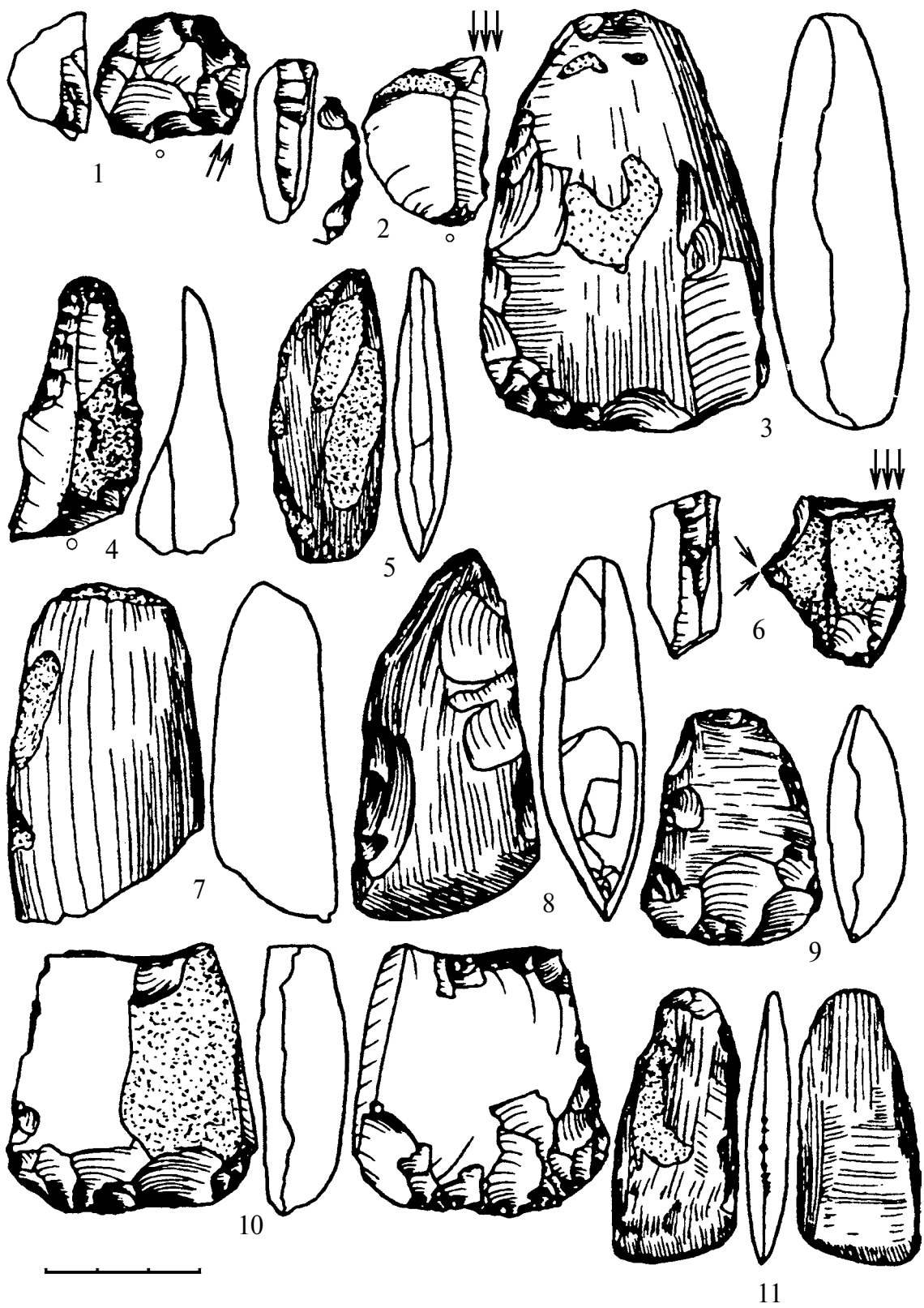

Рис. 38. Стоянка Спас-Седчено. Каменный инвентарь (по Кольцову, Жилину, 1999), култинская культура

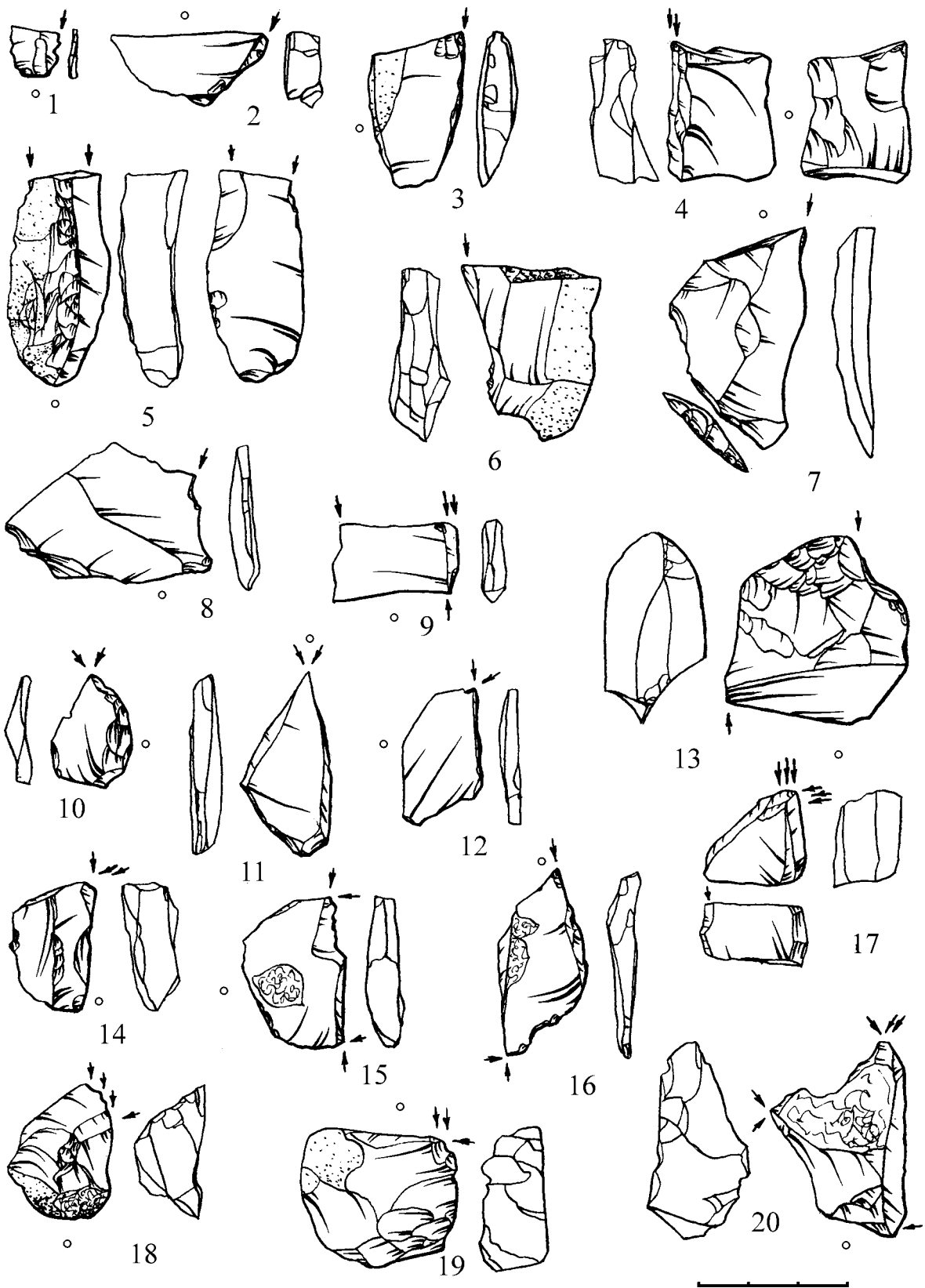

Рис. 39. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия, подъемный материал, пургасовская культура

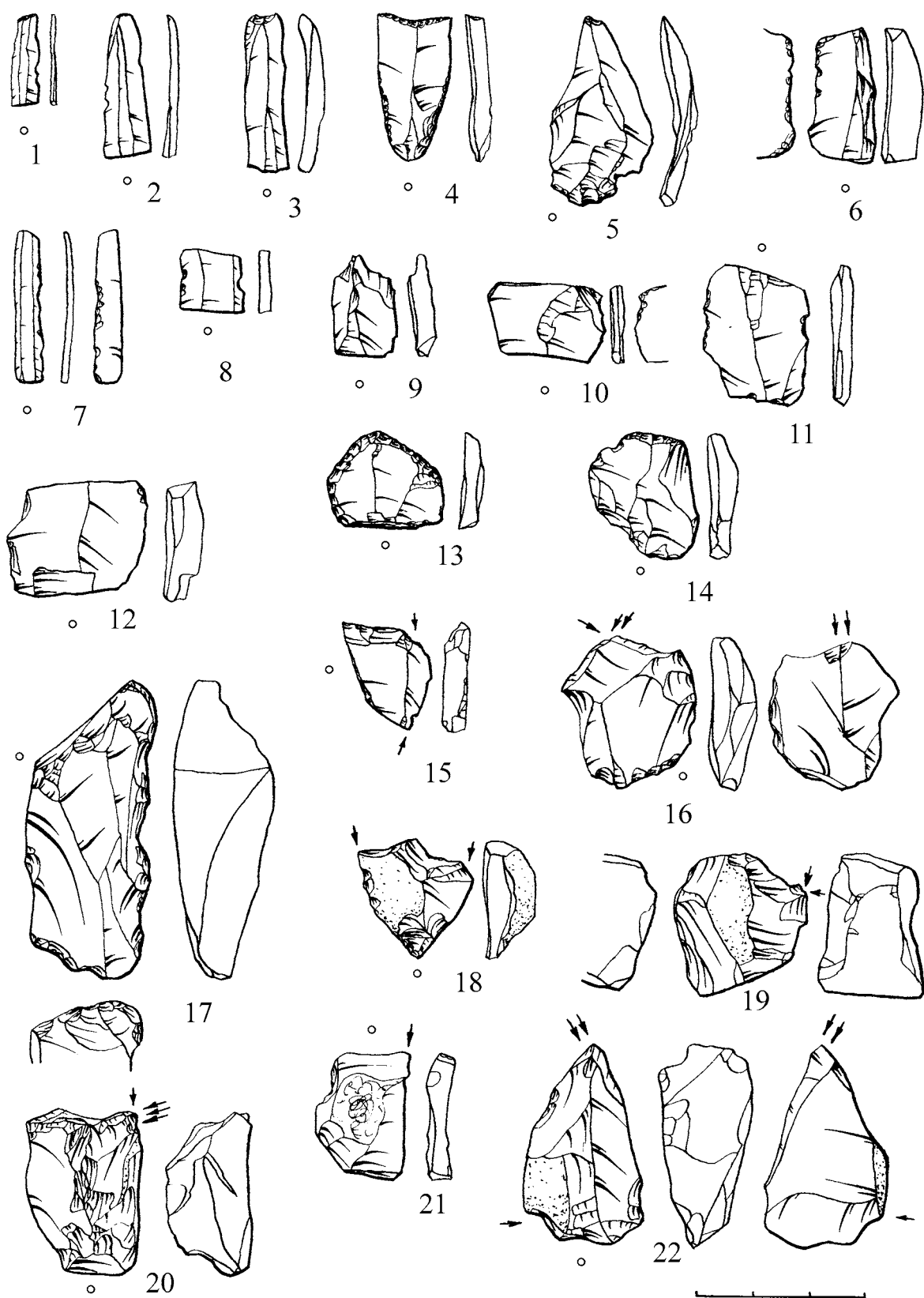

Рис. 40. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия, подъемный материал, пургасовская культура

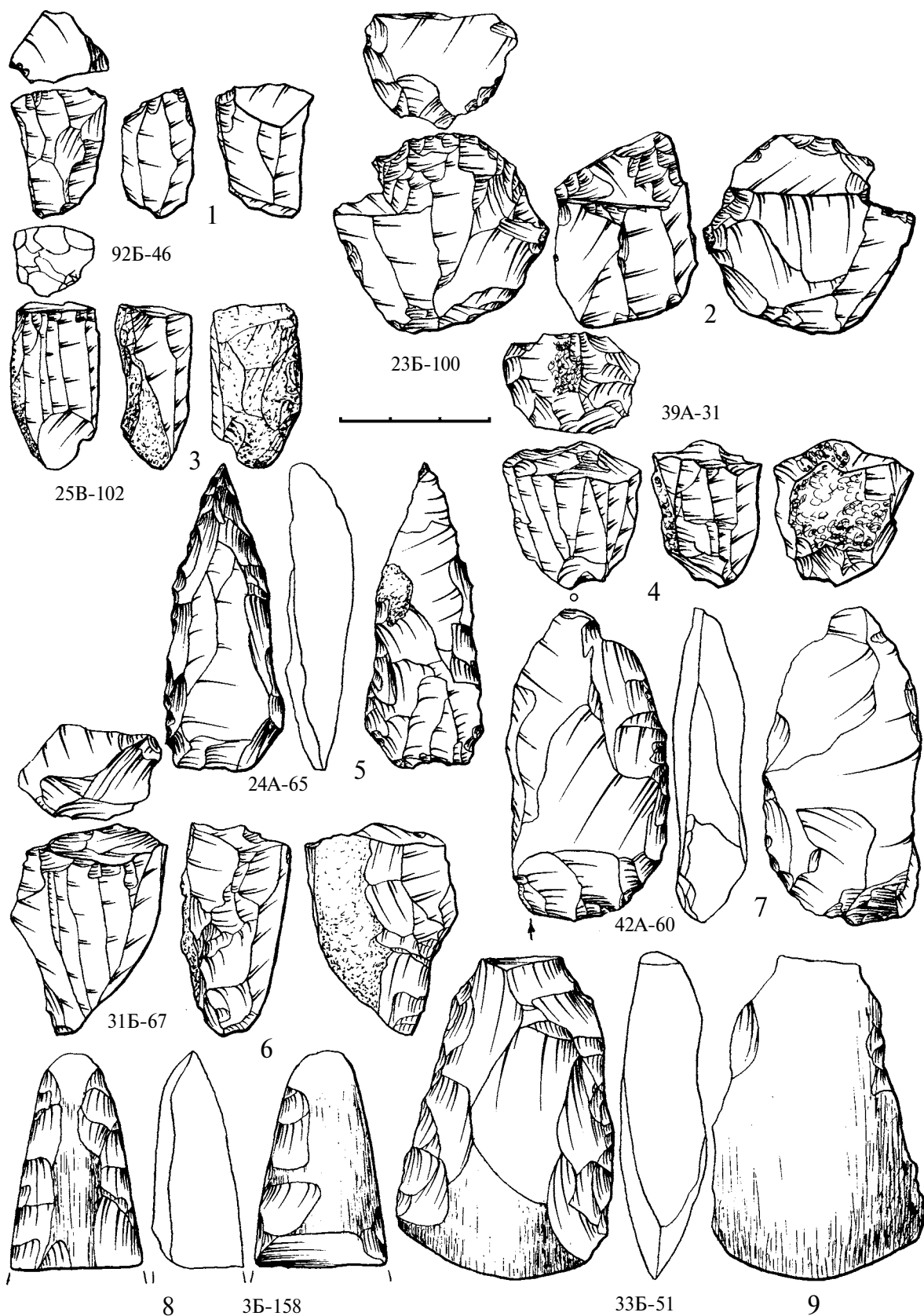

Рис. 41. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

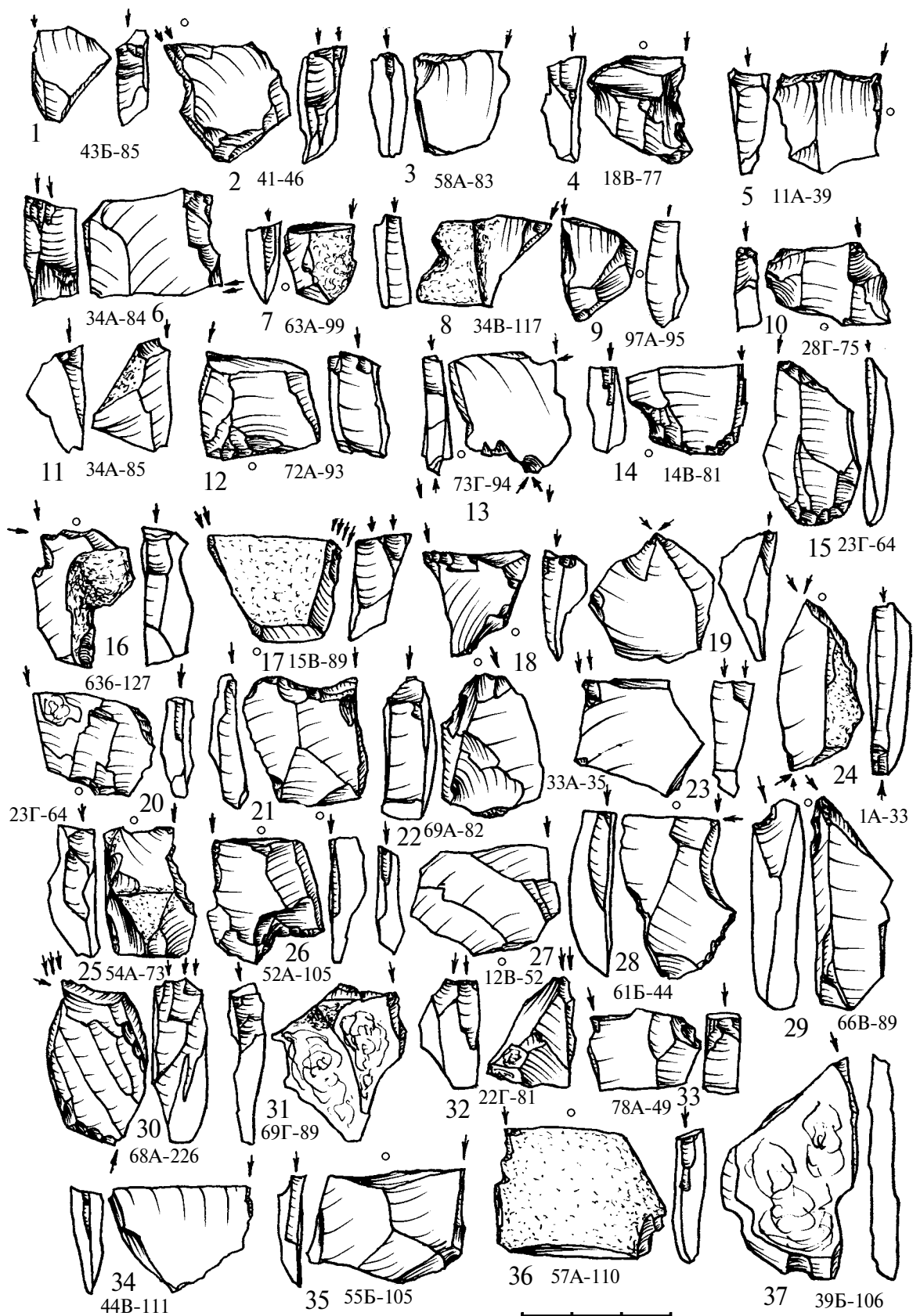

Рис. 42. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

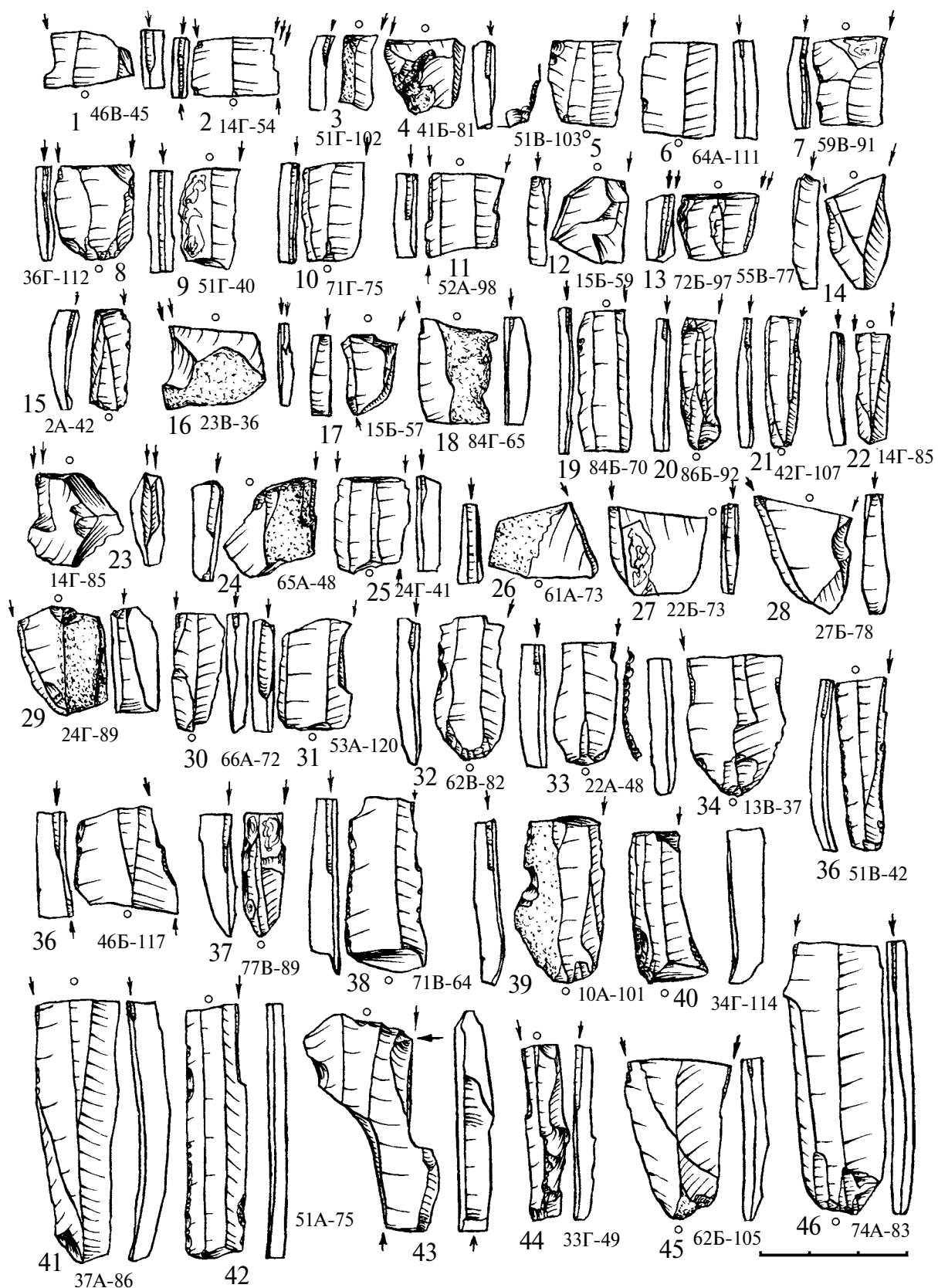

Рис. 43. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

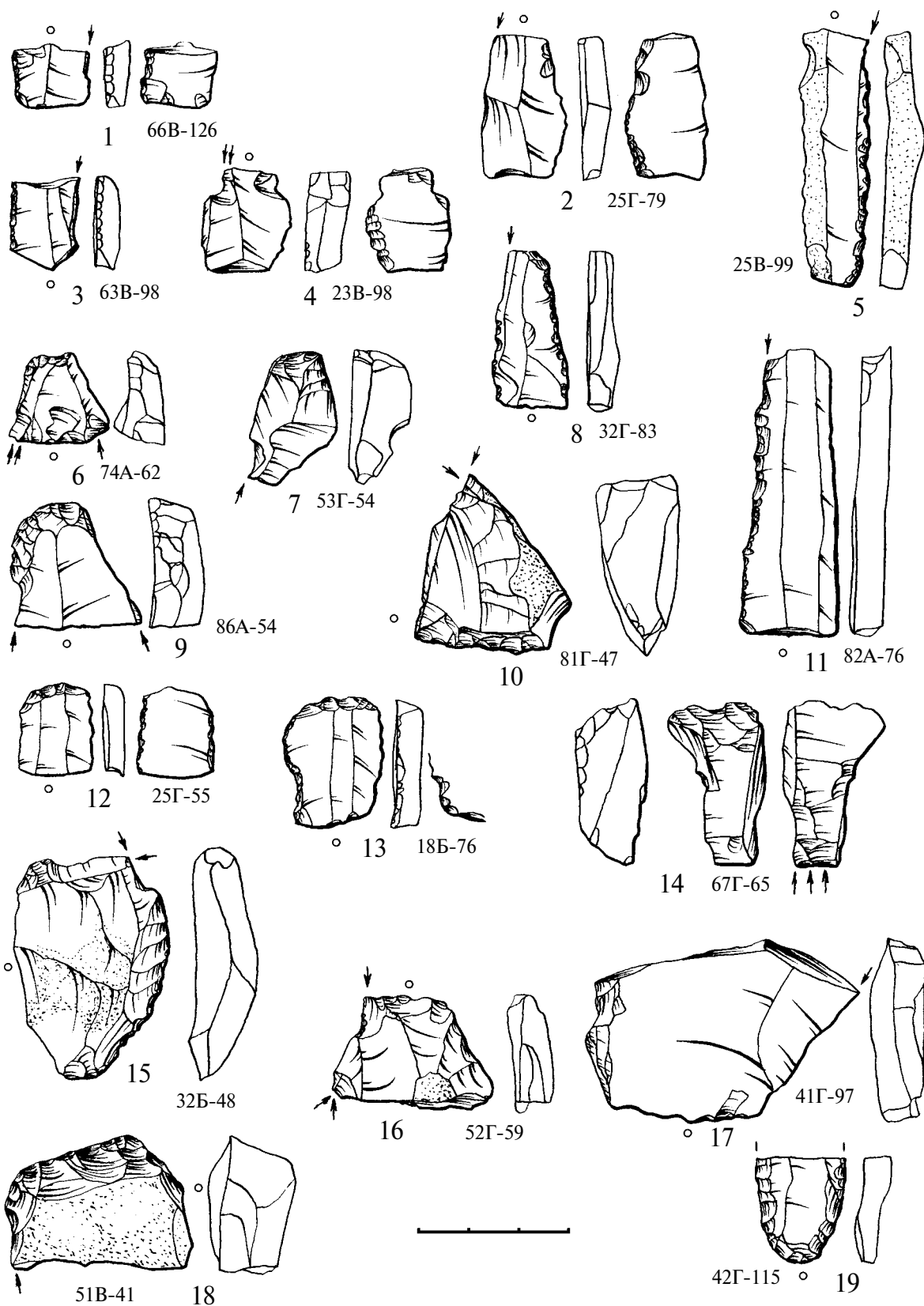

Рис. 44. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

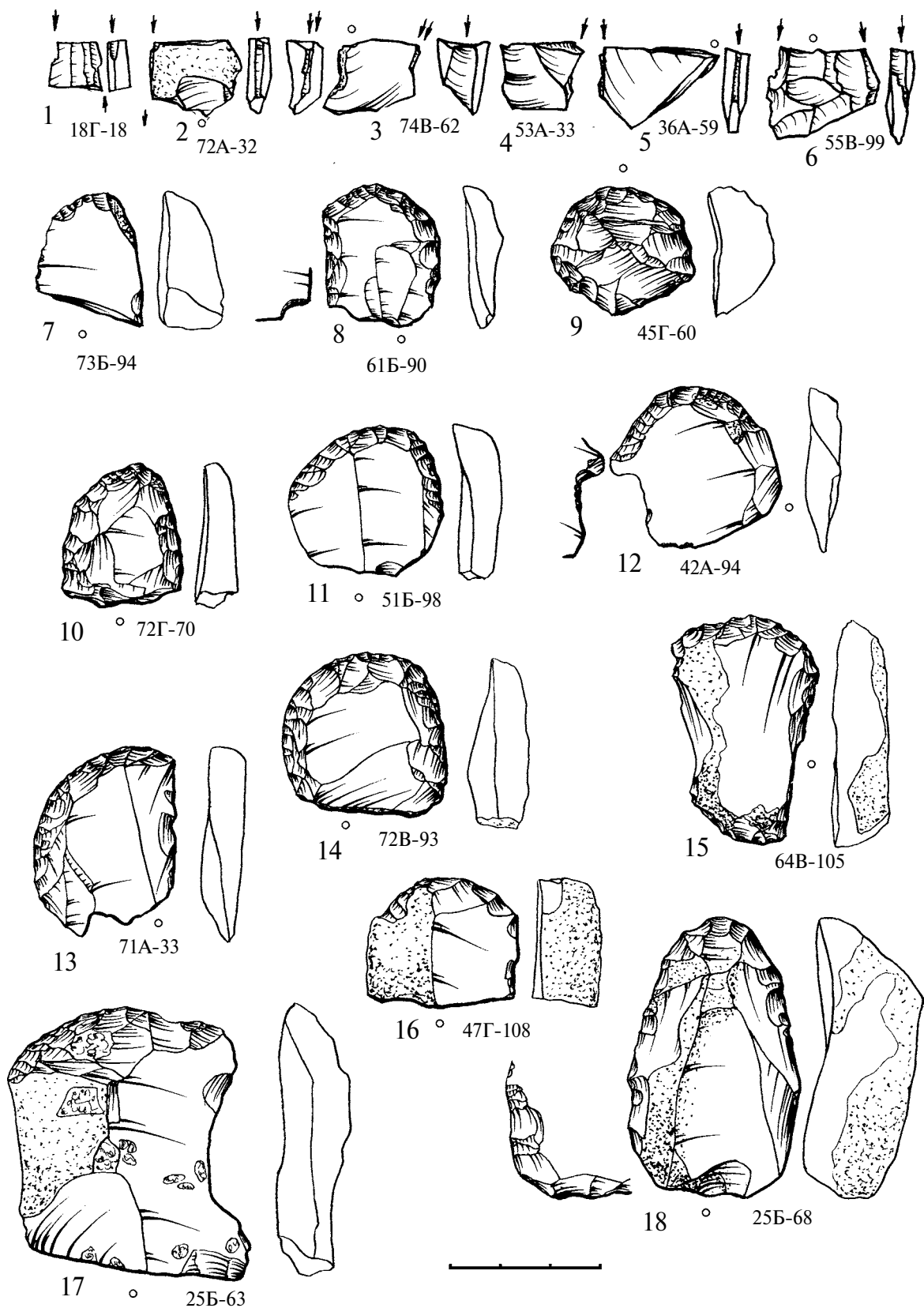

Рис. 45. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

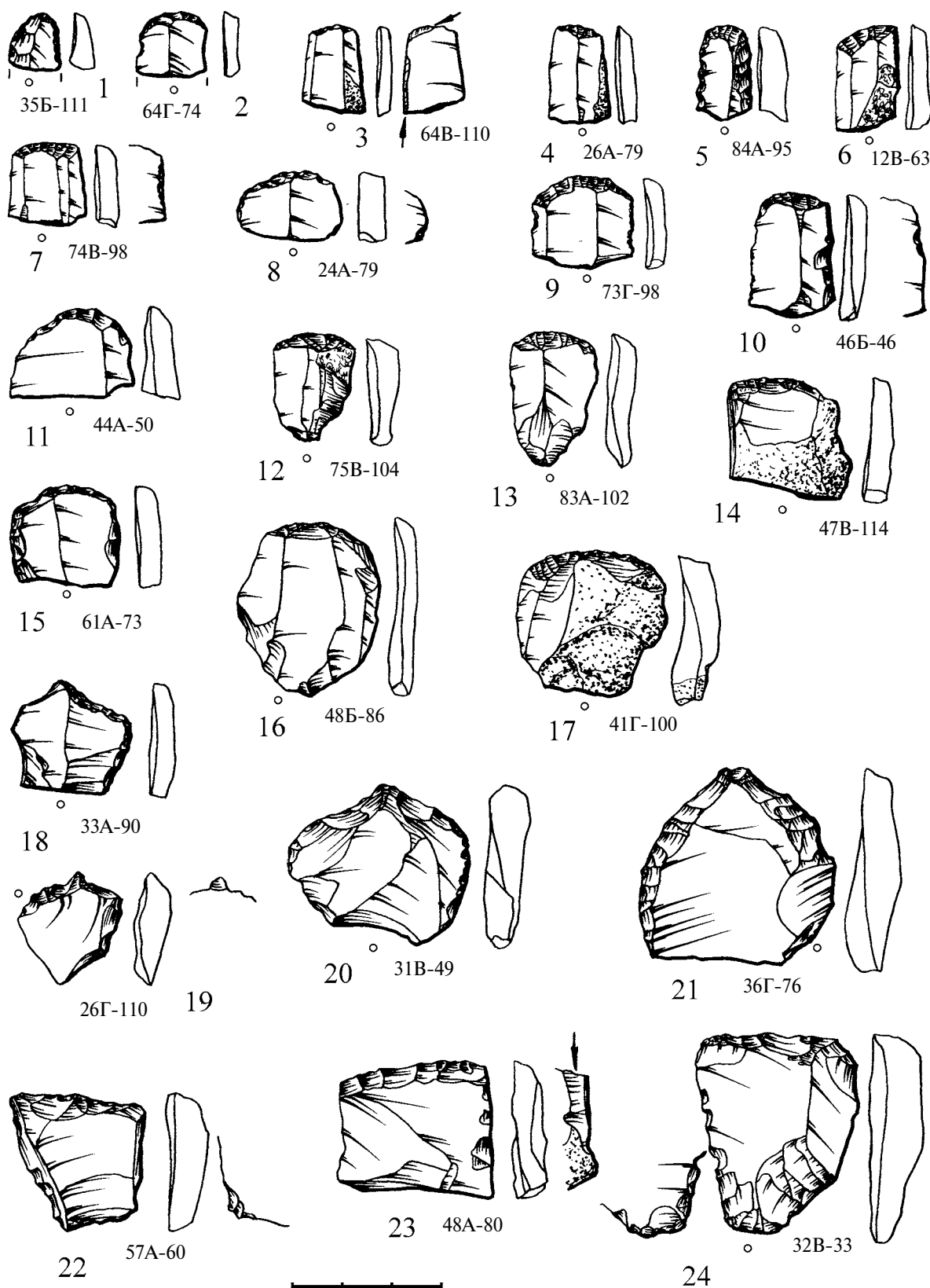

Рис. 46. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

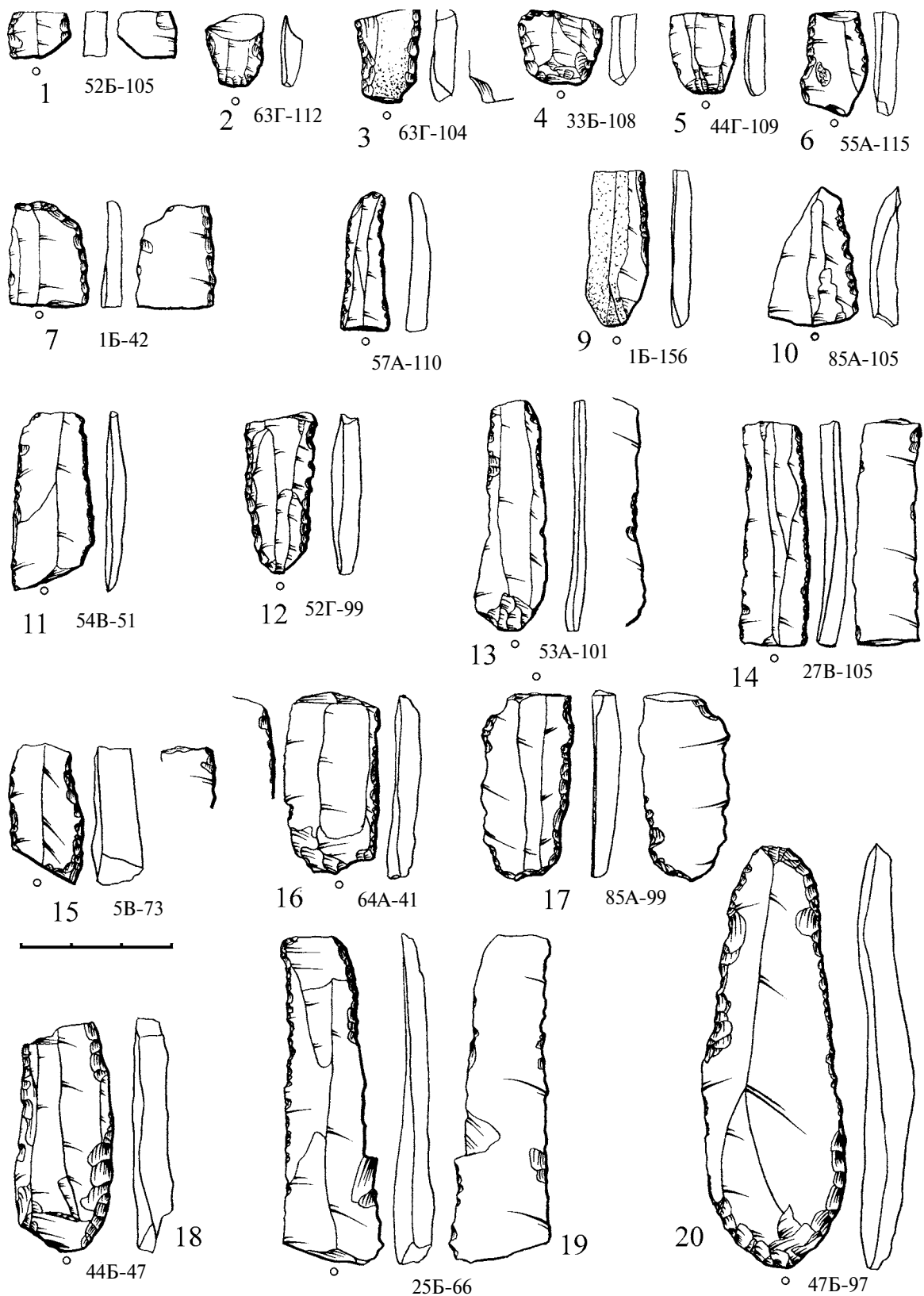

Рис. 47. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

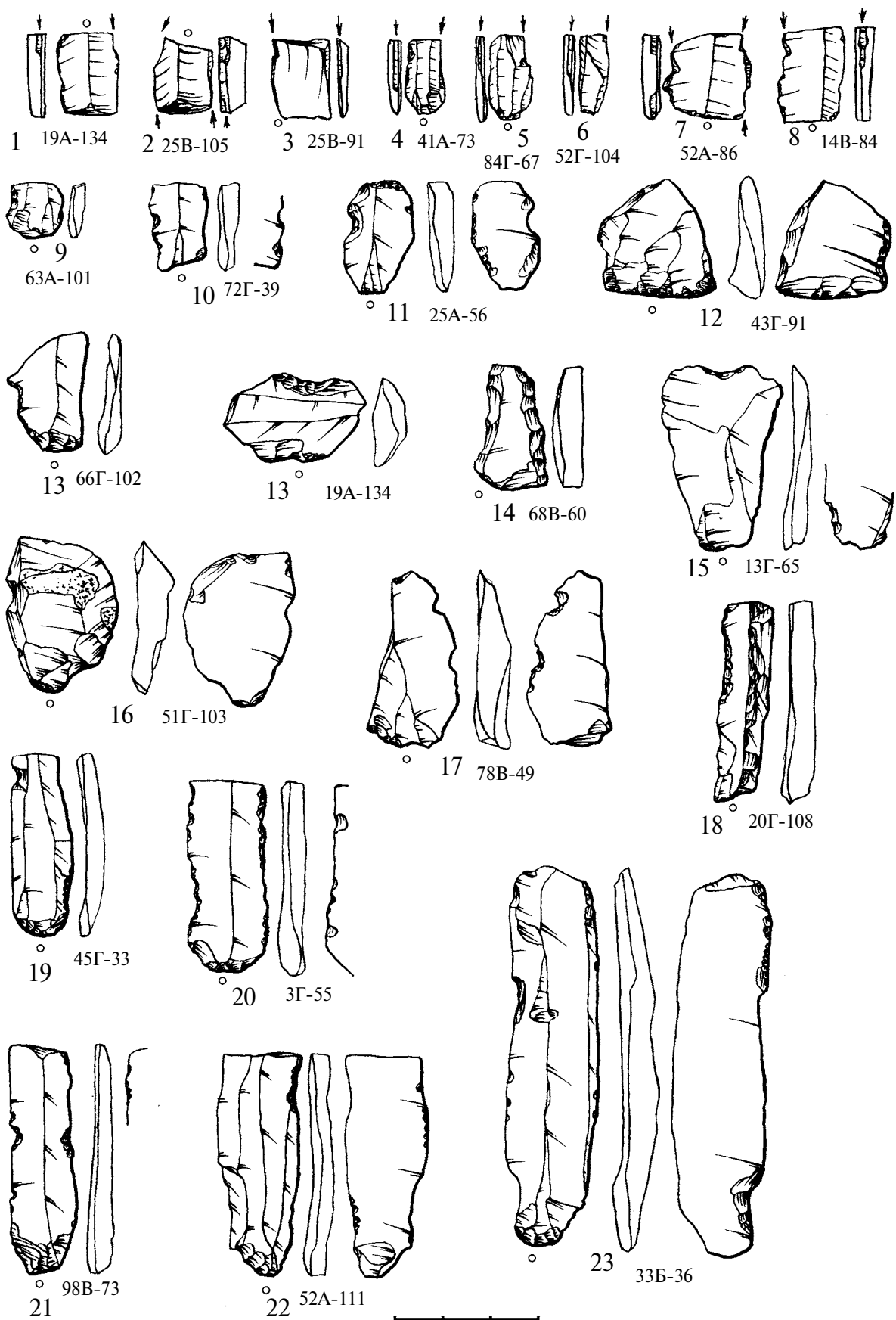

Рис. 48. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

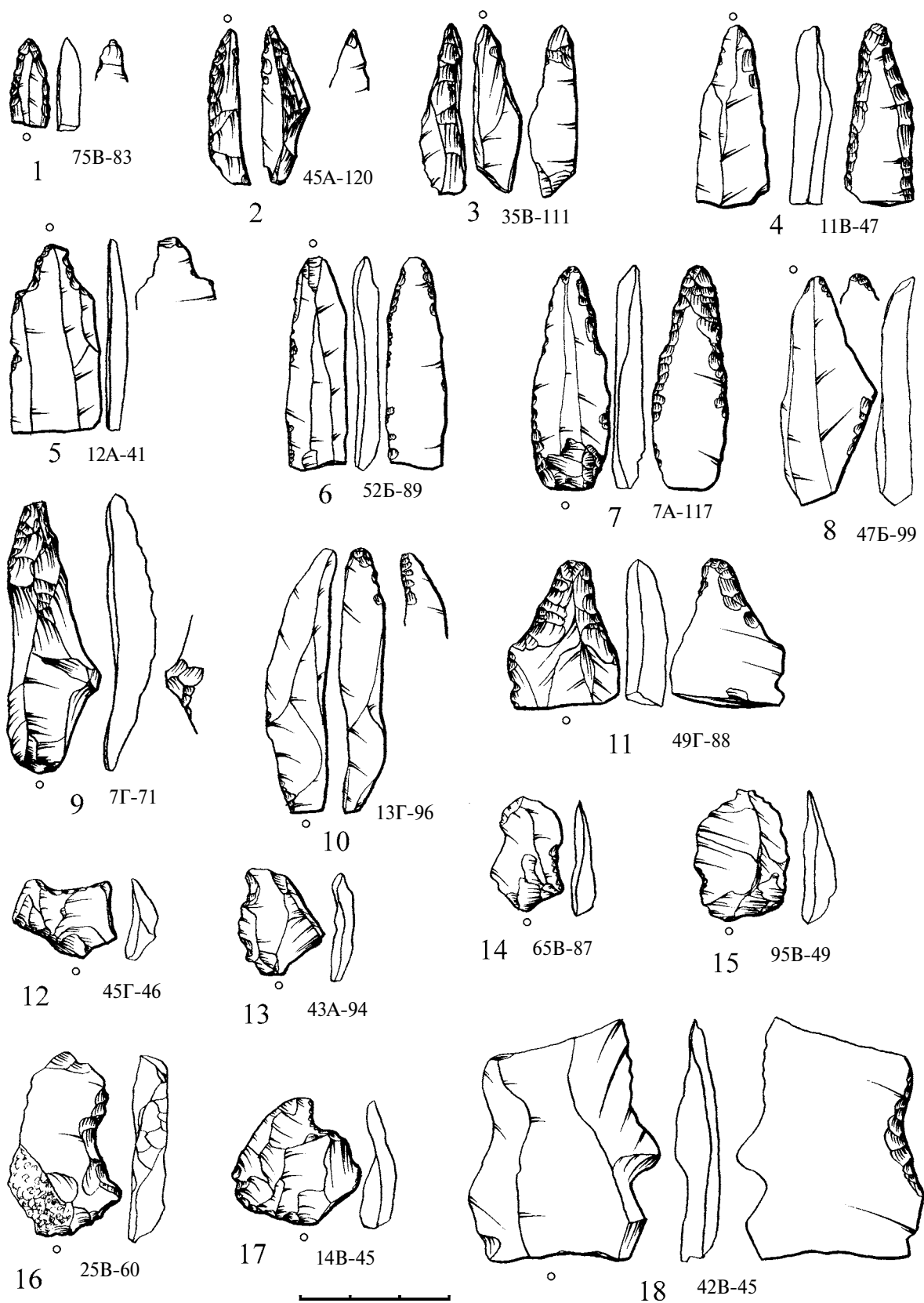

Рис. 49. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

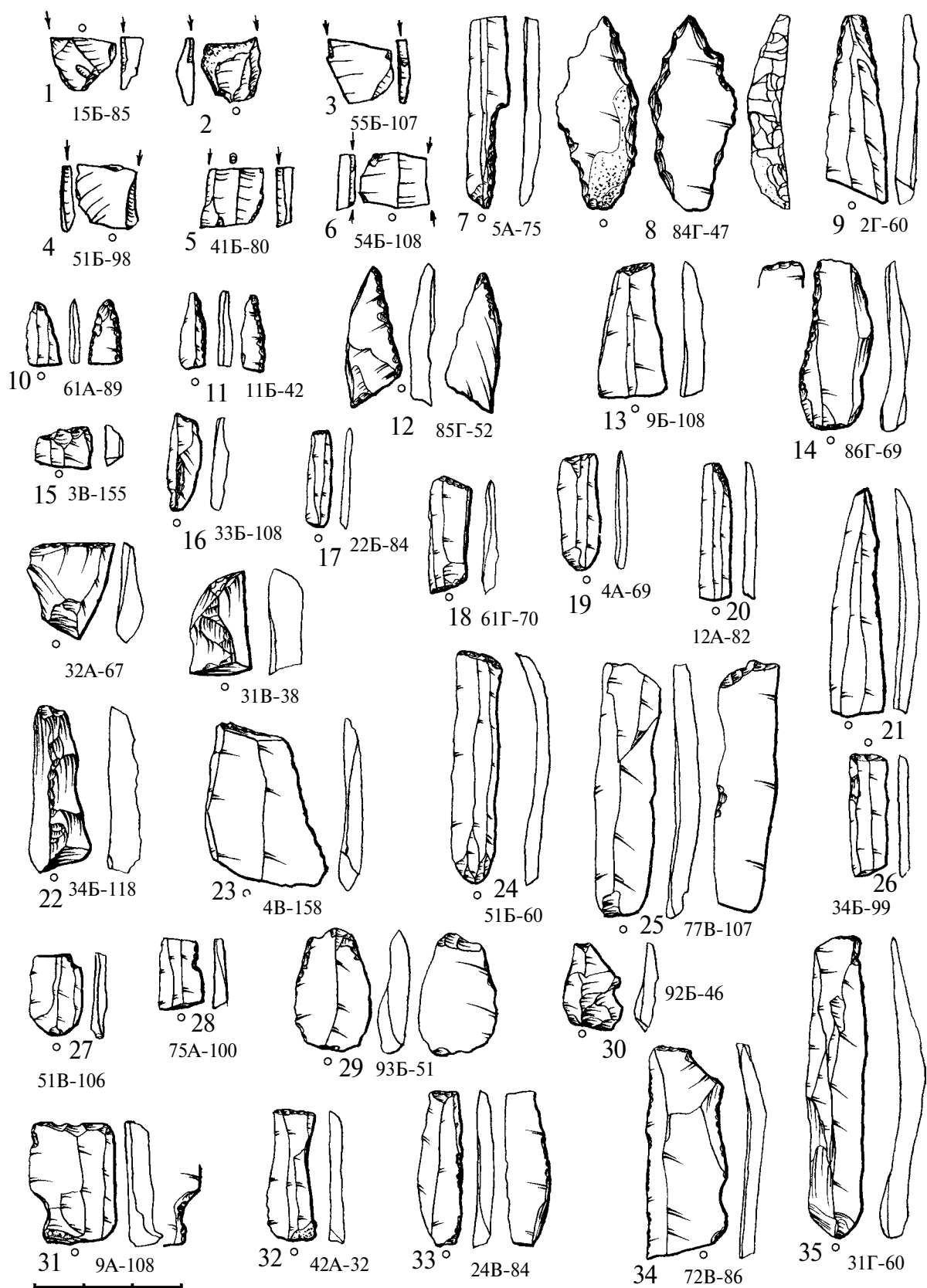

Рис. 50. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

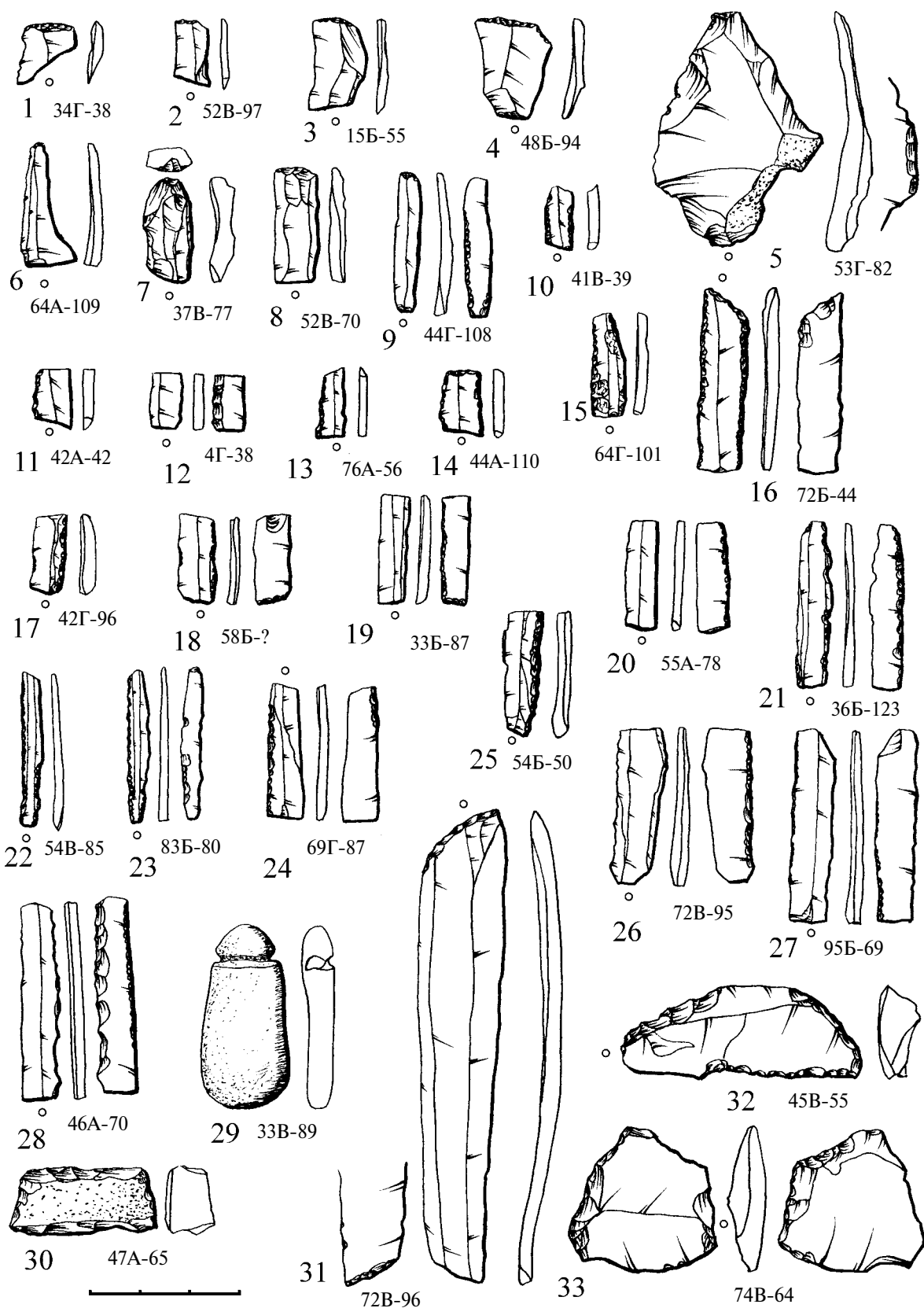

Рис. 51. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

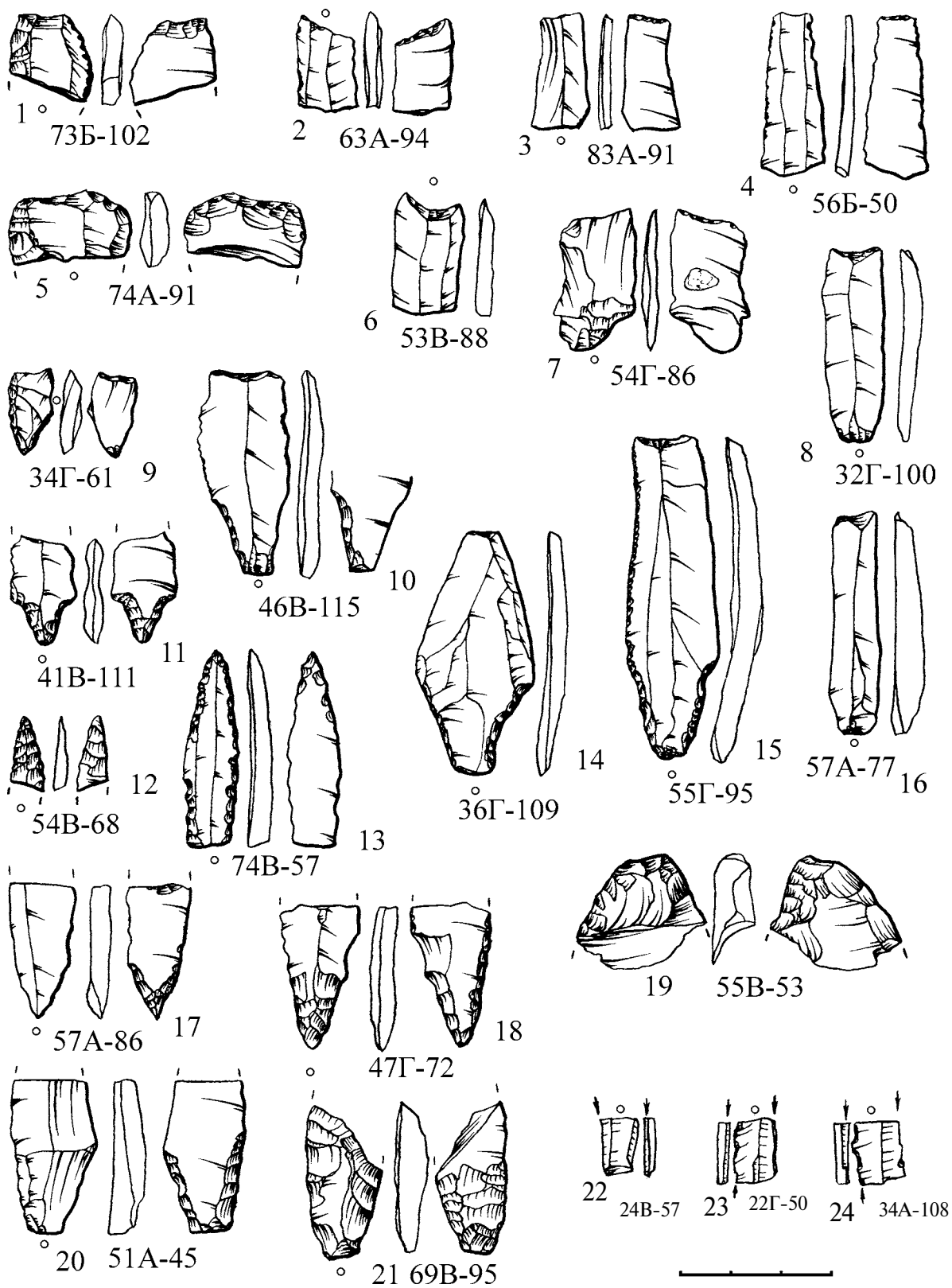

Рис. 52. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

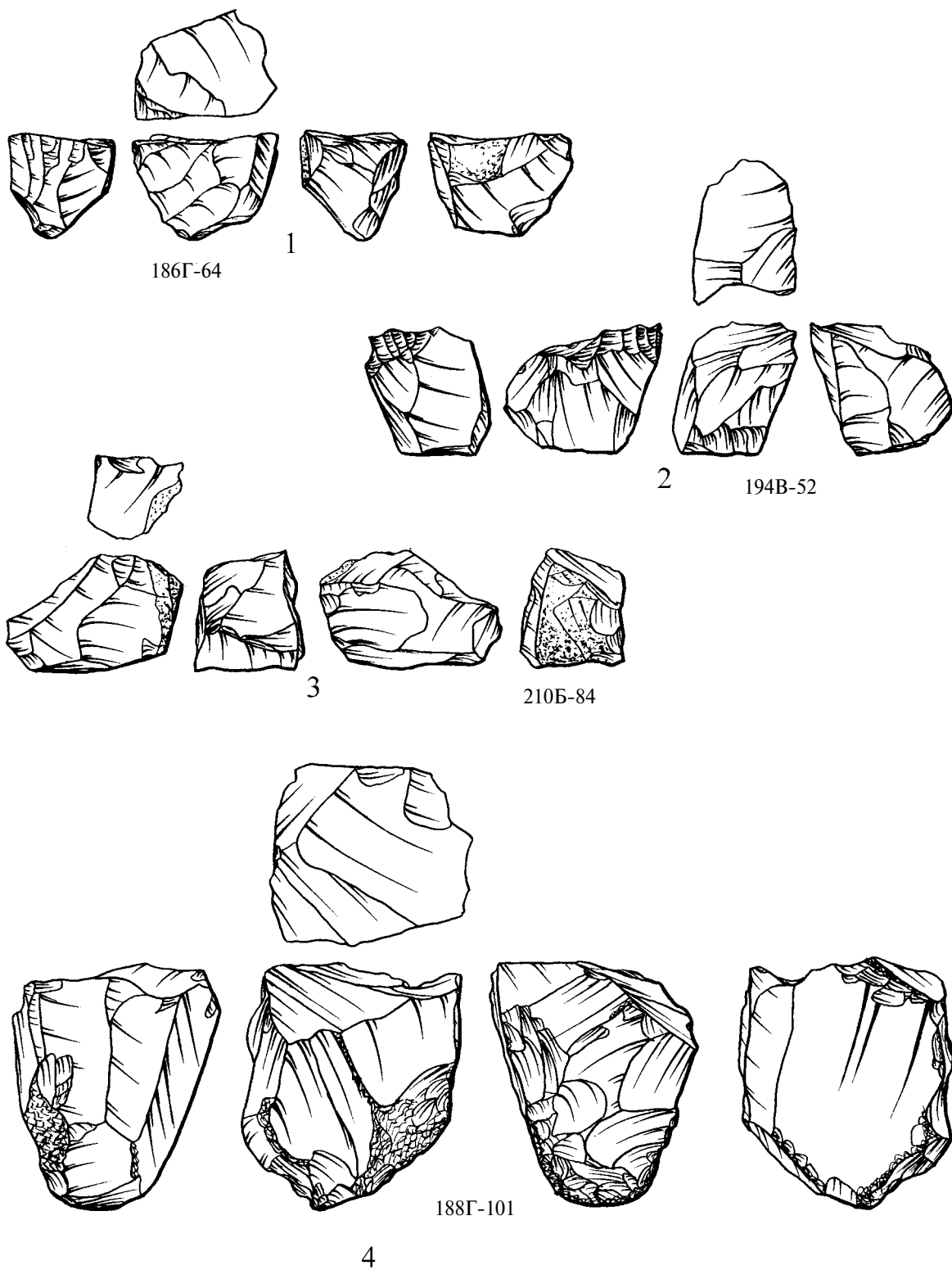

Рис. 53. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

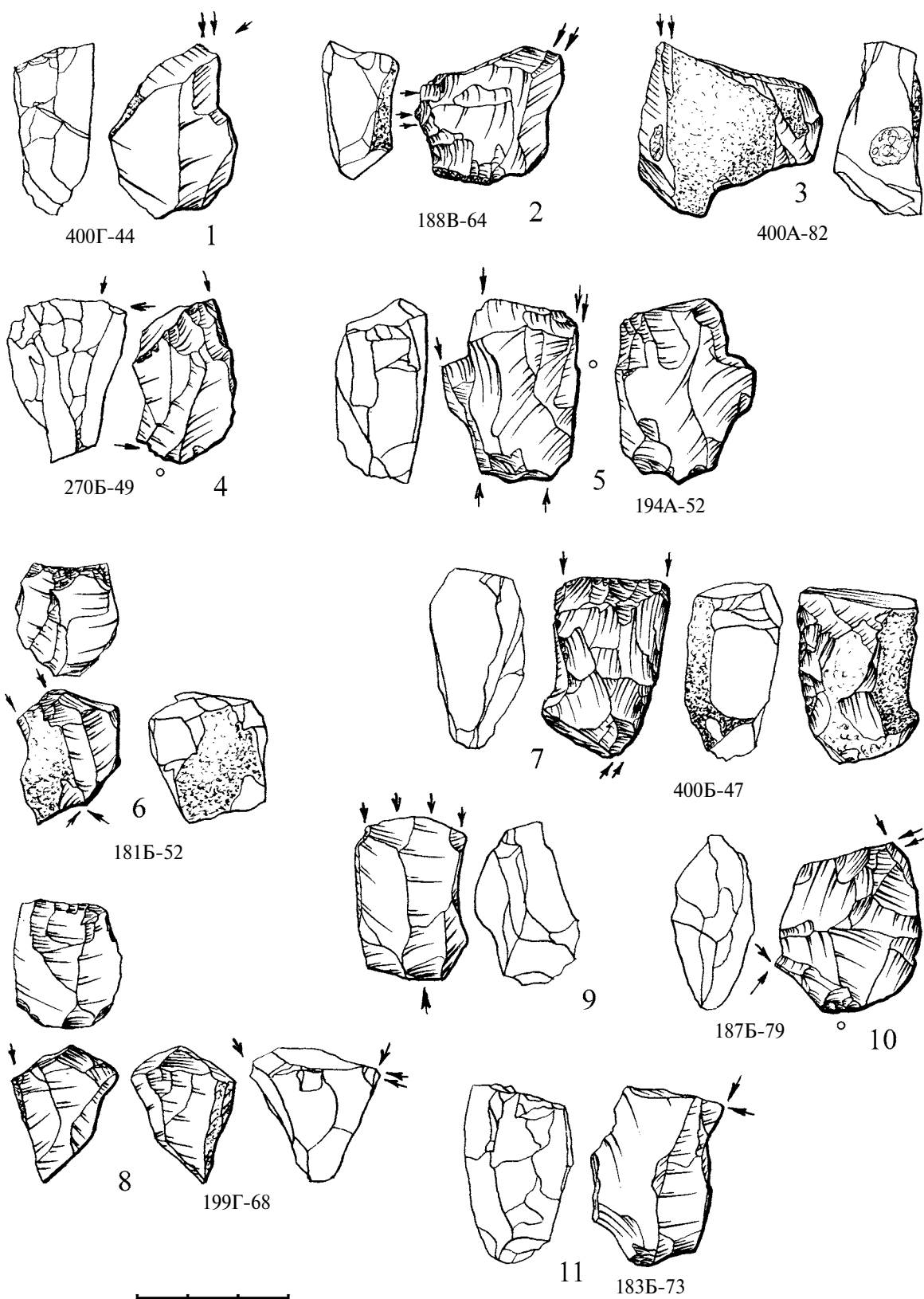

Рис. 54. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

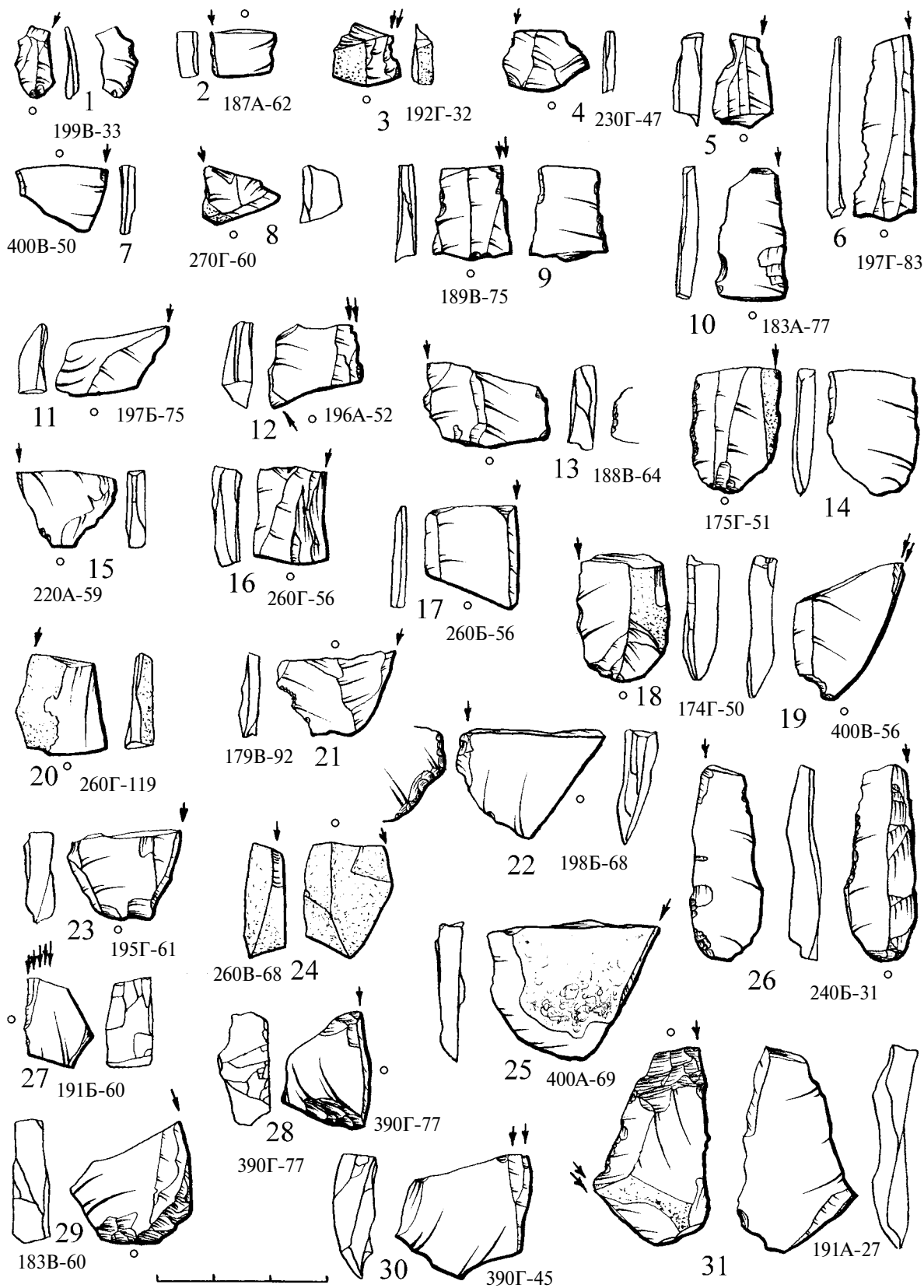

Рис. 55. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

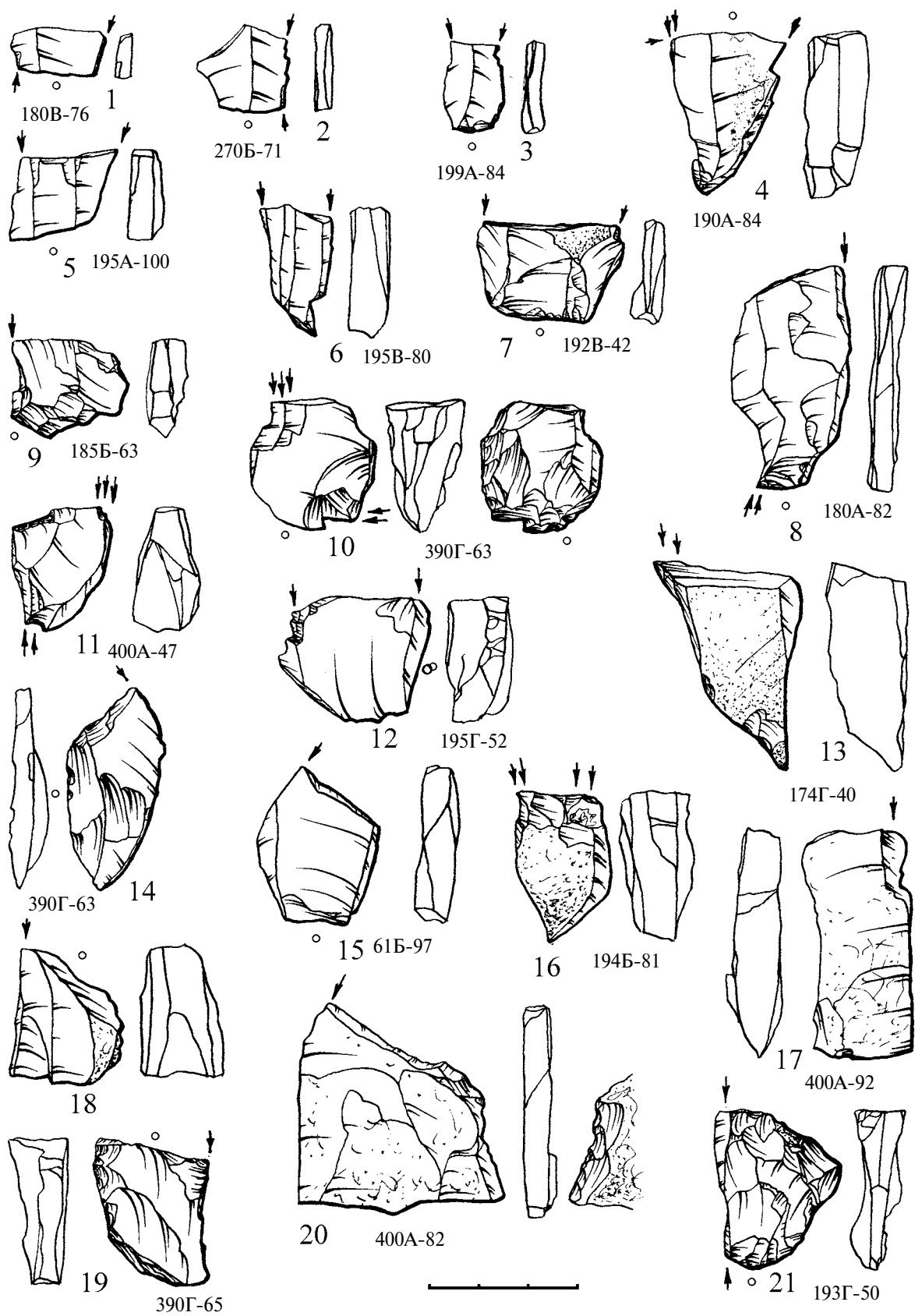

Рис. 56. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

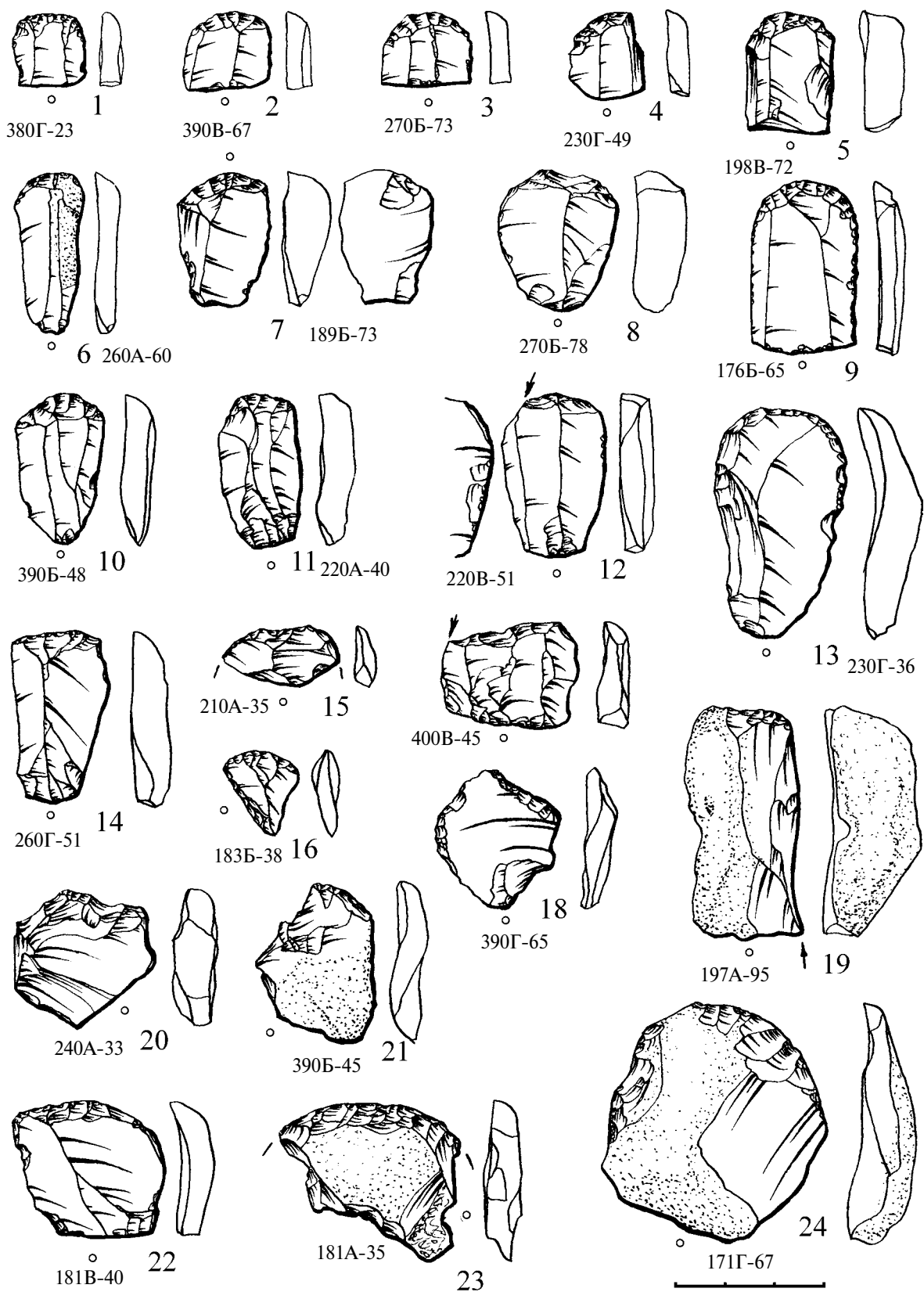

Рис. 57. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

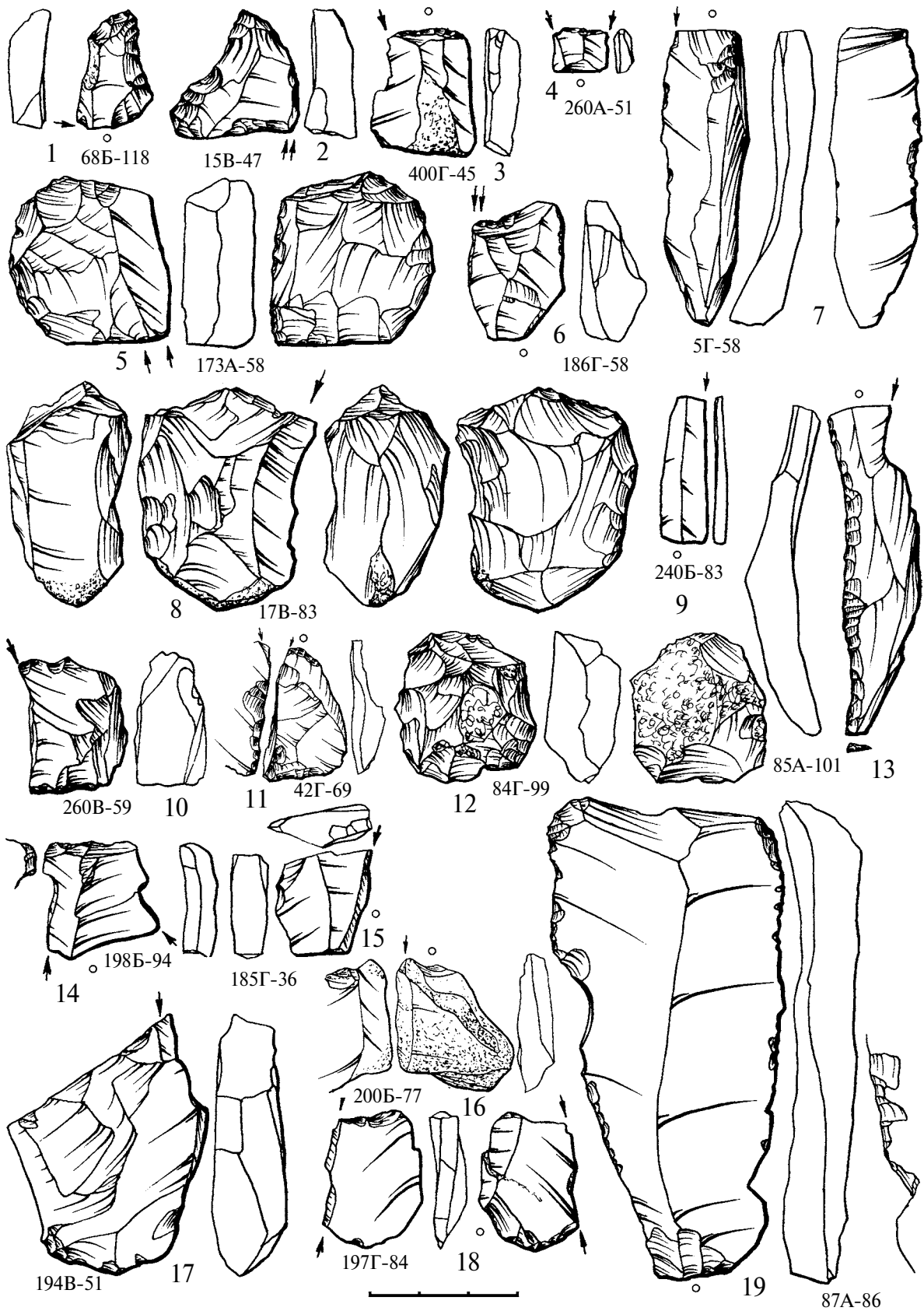

Рис. 58. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

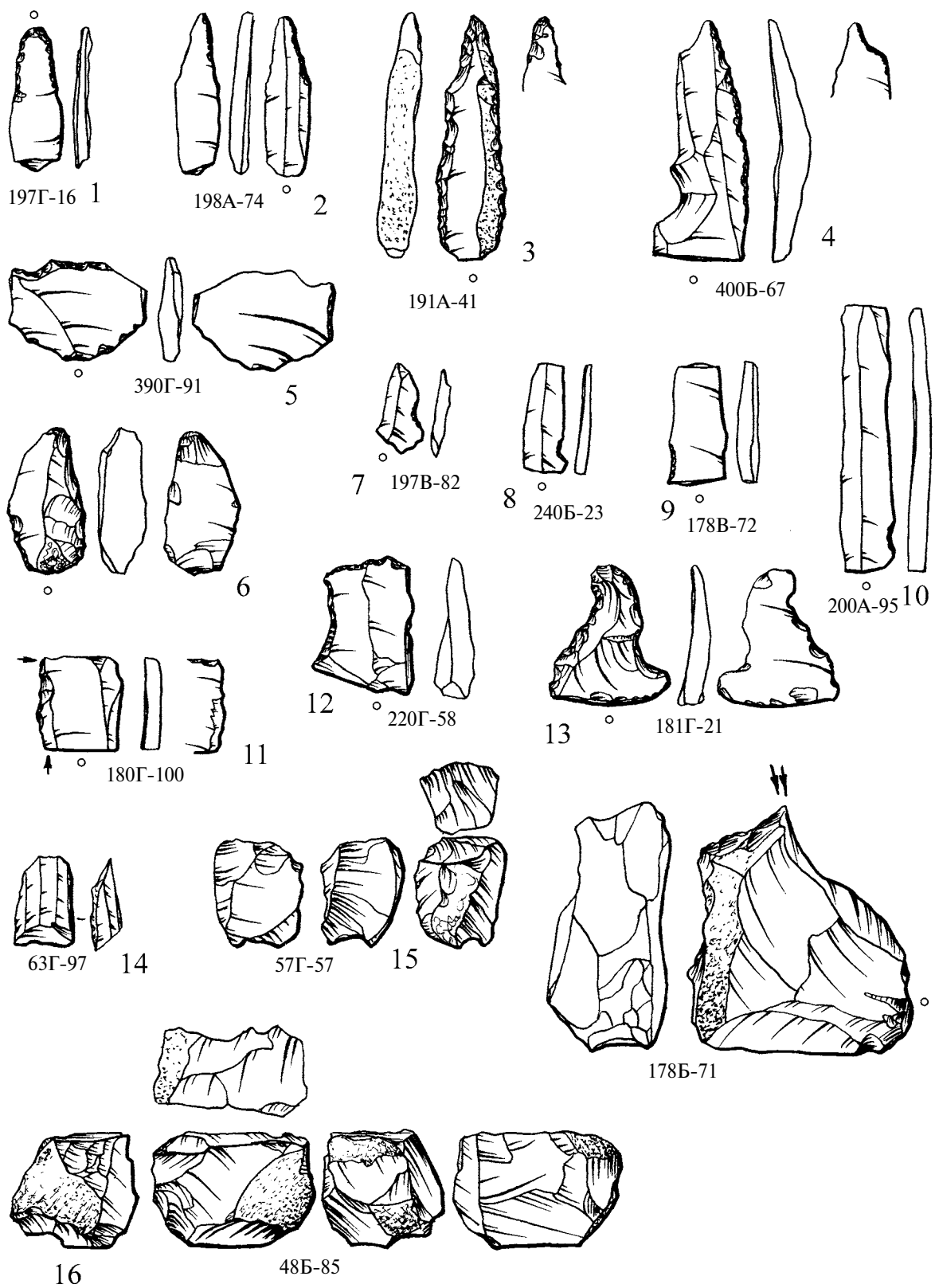

Рис. 59. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

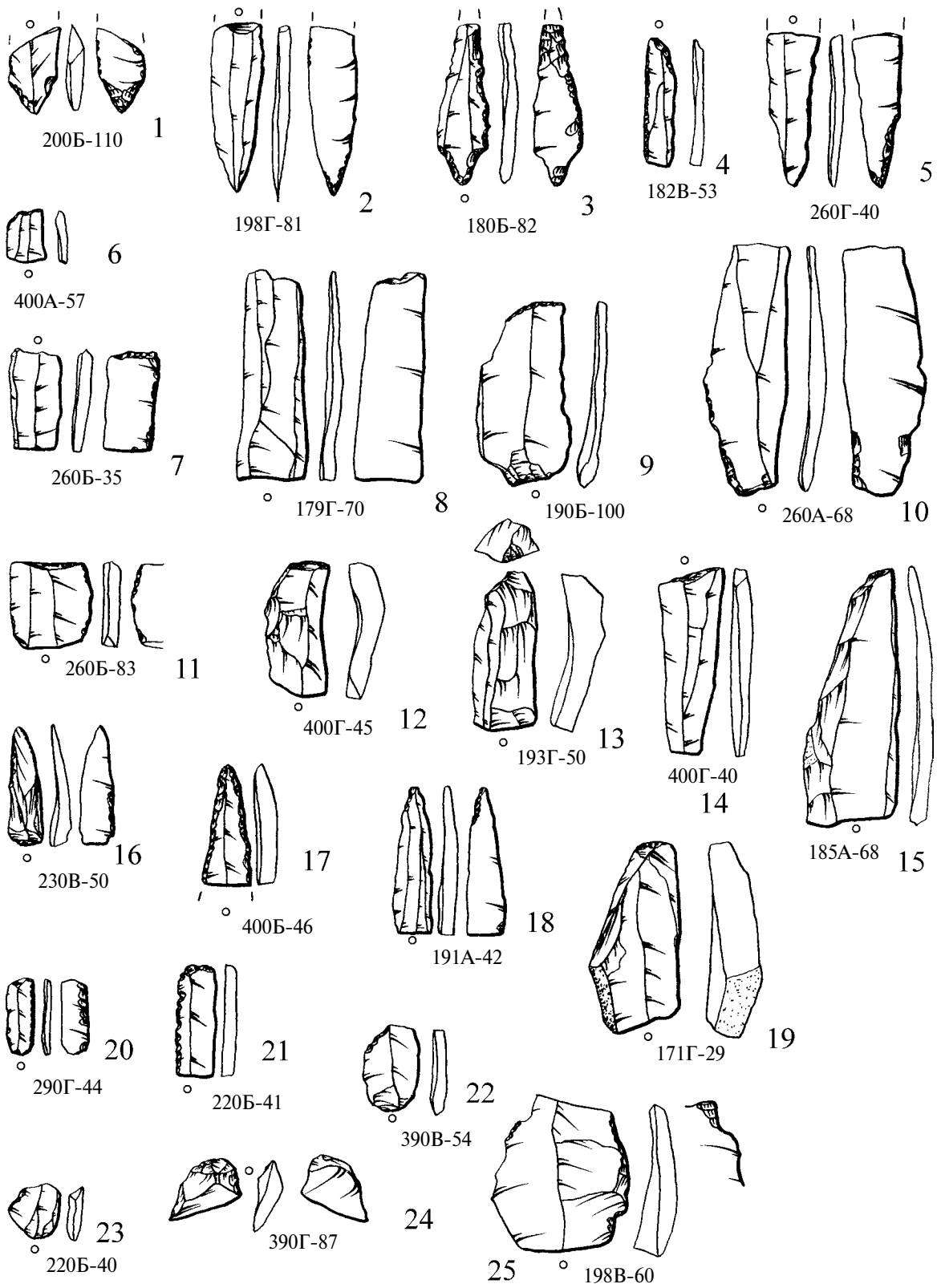

Рис. 60. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

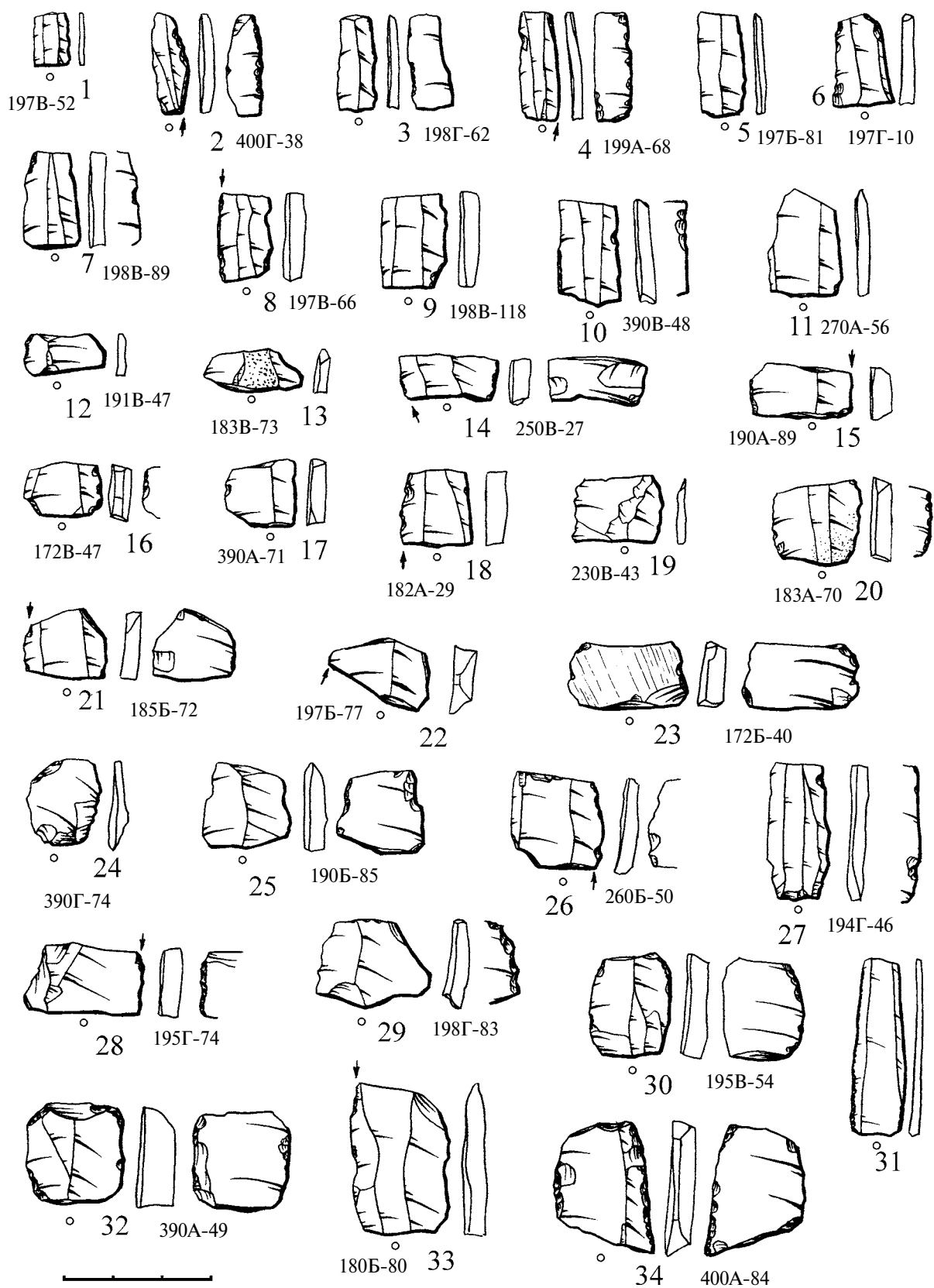

Рис. 61. Стоянка Шагара 4. Каменные изделия раскопа 1 1987 г., пургасовская культура

А.Н. СОРОКИН
Мезолитоведение Поочья

Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Печ. л. 41.
Тираж 300 экз. Заказ № 82.

ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.